СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, *С. Н. Бибиков*, *В. Д. Блаватский*, *И. С. Каменецкий*,
М. К. Каргер, *В. М. Массон*, *Р. М. Мунчаев*, *Б. Б. Пиотровский*,
С. А. Плетнева, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора),
В. С. Титов (отв. секретарь)

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-94-45

© «Советская археология», 1973

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ РАННЕСКИФСКИХ КУРГАНОВ БАССЕЙНА РЕКИ ТЯСМИН

Рассматриваемая нами группа тясминских курганов относится к сравнительно небольшому, четко ограниченному периоду VII, VI вв. до н. э. Начальный его этап ограничен концом второй ступени чернолесской культуры. Поздний рубеж смыкается с курганами младшей журовской группы, хорошо датированной находками многочисленных вещей античного импорта V в. до н. э.

Дата позднего этапа чернолесской культуры определена А. И. Тереножкиным как конец VIII — начало VII в. до н. э. на основании находок костяных и металлических вещей (главным образом предметов вооружения и конского снаряжения), известных в культуре ранних кочевников типа новочеркасского клада и фрако-киммерийских памятников Подунавья, которые, в свою очередь, находят соответствующие параллели в хронологических системах юга Центральной Европы, опирающихся на хорошо разработанную хронологическую шкалу Средиземноморья [1].

Большое значение для подтверждения правильности этих датировок имели открытия Симферопольского, Бутенковского и особенно Носачевского погребений [2]. В последнем, как известно, оказались бронзовые нагрудные украшения конской узды, знакомые нам по изображениям на дворцовых рельефах Саргона II (722—705 гг.) и Ашурбанипала (668—624 гг.).

Из памятников более позднего этапа особое значение имеет курган 491 у с. Макеевка, где оказался самосский лекиф конца VI в. до н. э., чернолаковые килик и чашечка начала V в. до н. э., а также курган 400 у с. Журовка, где найдены хиосская амфора, чернолаковая ионийская чашечка, крышечка сосуда начала V в. до н. э. и краснофигурный аттический килик 500 г. до н. э. Античные сосуды конца VI — начала V в. до н. э. происходят из курганов 418, 423, 428 у с. Журовка [3]. Все эти памятники В. Г. Петренко [4] относит к числу наиболее ранних курганов.

Несмотря на достаточно четкие хронологические рамки, уточнение датировки и относительное размещение погребений в этих пределах составляет задачу, далеко не простую. Наиболее точные датировки могут быть установлены лишь для позднейших погребений старшего журовского периода по предметам античного импорта. По мере удревнения хронологиче-

---

[1] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода, СА, 1965, 1, стр. 76 сл.

[2] А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 57; Г. Т. Ковпаненко. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. Там же, стр. 66 сл.; Г. Т. Ковпаненко. Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е. «Археологія», XX, Київ, 1966, стр. 174 сл.

[3] Определение античного материала здесь и ниже дается по работе Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. САИ, Д1—27, М., 1966.

[4] В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1—4, М., 1967.

ские ориентиры становятся менее четкими. Приходится опираться на косвенные сопоставления с учетом всего состава вещевого комплекса и соотношения в нем тех или иных типов вещей. Поскольку немаловажную группу находок обычно составляет керамика, разнообразная и изменчивая, одной из основных задач является уточнение ее хронологических признаков и использование их в качестве основания для датировок. В этом отношении существенные дополнительные данные представляют хорошо исследованные и достаточно основательно продатированные поселения на Тарасовой Горе близ Жаботина VII в. до н. э. и Трахтемировское городище VI в. до н. э.

Разработка относительной хронологии ранних тясминских курганов представляется задачей весьма важной, поскольку она дает и ключ к пониманию целого комплекса сложных процессов, протекающих в период перехода от доскифского (чернолесского) времени к развитой скифской поре, процессов, в ходе которых происходят значительные преобразования всего комплекса культуры, погребального обряда, явлений общественной жизни, идеологии, внешних связей и пр. Определение последовательных звеньев раскрывает пути, по которым проходит процесс «скифизации», протекавший в среде населения, этнический состав которого оставался в основном неизменным.

Рассмотрение комплексов курганов мы начнем от наиболее поздних, лучше датированных, постепенно углубляясь в архаику и нащупывая основания для относительных сопоставлений и абсолютных датировок. В этом направлении, как известно, работала Е. Ф. Покровская, сделавшая ряд важных наблюдений и выводов для выделения промежуточной жаботинской ступени в составе тясминских курганов и поселений и уточнения датировок ряда из них [5].

Из числа старших журовских курганов наиболее поздним следует считать **курган № 447** [6] (рис. 1, *1—11*). Здесь найдены ионийское блюдечко второй половины VI в. до н. э. и бронзовое зеркало (рис. 1, *7*, *8*) типа известного в ольвийском некрополе в погребениях второй половины VI в. до н. э. [7]. На сравнительно позднюю дату указывают также золотые дутые бусы с рубчиками (рис. 1, *2*), полусферические мелкие нашивные бляшки и мелкие бляшки в виде треугольников и «двойных полусфер». Украшения такого рода широко известны в более поздних скифских погребениях. В данном случае эти украшения следует считать одними из наиболее ранних греческих ювелирных изделий в местных комплексах. Здесь же найдены лепная гладкая биконическая лощеная корчага и высокий грушевидный черпак (рис. 1, *9*, *11*). В целом это погребение следует отнести ко второй половине VI в. до н. э. — вероятнее к его концу.

Несколько более ранним по времени можно считать **курган 38 у Гуляй-Города** [8] (рис. 1, *12—30*), где был найден прекрасный комплекс вещей скифской архаики. Погребение датируется по находке «ольвийского» зеркала, наиболее ранней датой которого может быть вторая треть VI в. до н. э. [9] (рис. 1, *13*). В составе колчанного набора оказался редкий тип большого бронзового наконечника стрелы (рис. 1, *12*). Подобный наконеч-

---

[5] Е. Ф. Покровська. Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин. «Археологія», VIII, Київ, 1953, стр. 128, сл.; ее же. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен правобережного Приднепровья (бассейн р. Тясмин) в VIII—VII вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1953.

[6] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки... в 1964 году. ИАК, 17, СПб., 1905, стр. 92—94.

[7] Н. А. Онайко. Ук. соч., стр. 60, № 134; В. М. Скуднова. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. Тр. ГЭ, VII, Л., 1962, стр. 5 сл.

[8] Смела, I, СПб., 1887, стр. 104.

[9] Б. М. Граков. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволожям і Приуралля в архаїчну і класичну епохи. «Археологія», 1, Київ, 1947, стр. 23.

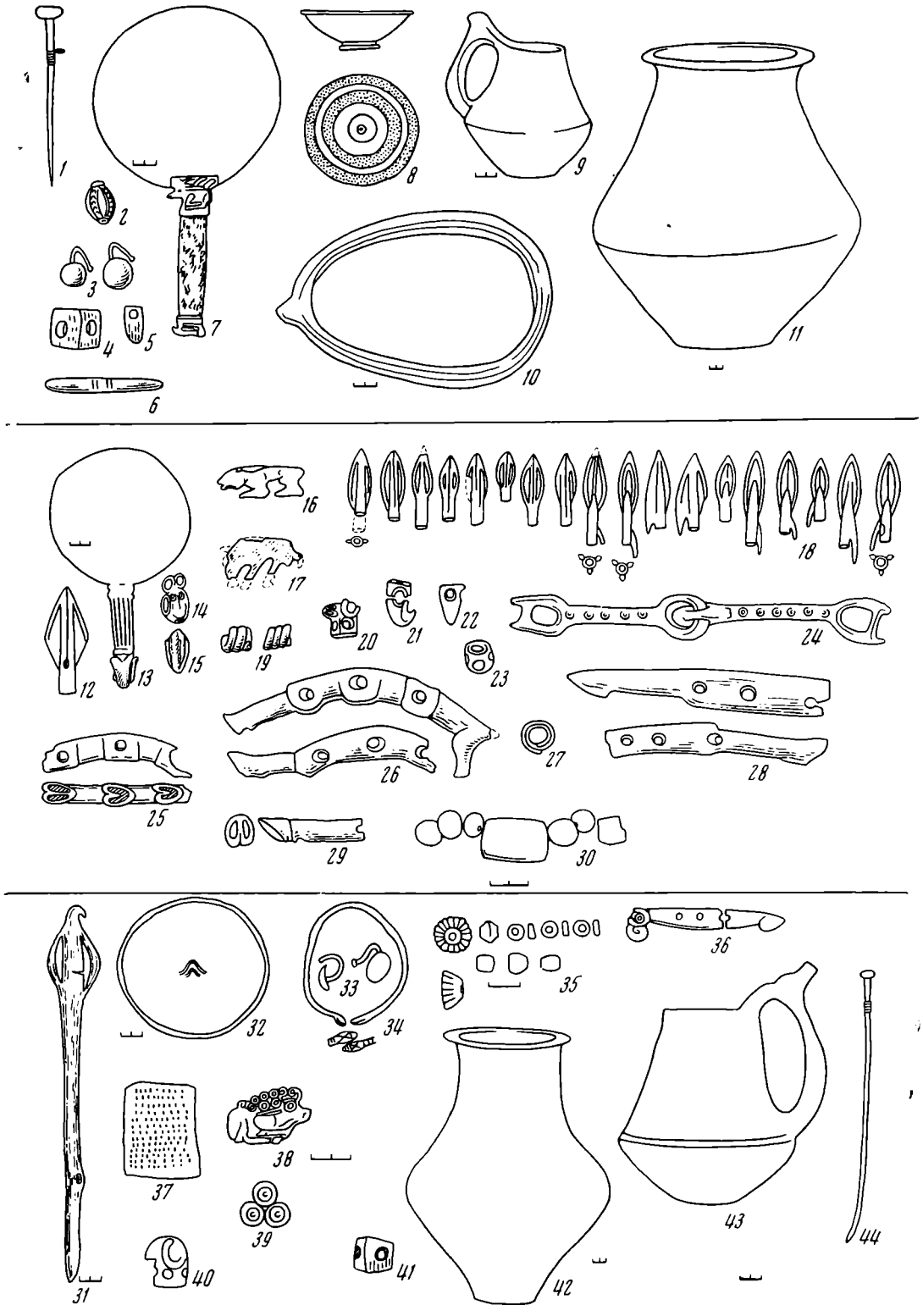


Рис. 1

1—11 — курган 447 у с. Журовка; *12—30* — курган 38 у Гуляй-города; *31—44* — курган 407 у с. Журовка. Середина — вторая половина VI в. до н. э.

ник был найден в Ольвии, в яме с амфорами середины VI в. до н. э. Эти находки позволяют датировать погребение серединой VI в. до н. э.[10]

По аналогии с инвентарем 447 кургана у с. Журовка и кургана 38 у Гуляй-Города к этому же времени (середина, вторая половина VI в. до н. э.) может быть отнесен еще ряд погребений. Среди них курган 40 у Гу-

[10] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, 50, 1956, стр. 160.

ляй-Города [11], где найдены костяные псалии с резьбой в зверином стиле, набор ожерелья из сердоликовых, янтарных халцедоновых бус, близкие к найденным в кургане 38; курган 41, 42 у Гуляй-Города [12], где оказались бронзовые и железные гвоздевидные булавки, бронзовая гвоздевидная сережка, ожерелья из пастовых бус. В кургане 49 у Гуляй-Города [13] оказался грушевидный черпак. В курганах 48 и 319 этой же группы [14] — бронзовая бляха и пряжка-пронизь, украшенные изображением конской головки в фас, мотив известный по ряду позднеархаических погребений [15]. В кургане 33 у Гуляй-Города [16] найдены каменное блюдо и набор ожерелья из сердолика и крупных необделанных янтарей.

К середине VI в. до н. э., но ко времени, несколько более раннему, чем курган 38, можно отнести **курган № 407 у с. Журовки** [17] (рис. 1. *31—44*). Архаическими признаками здесь являются ранние типы пастовых конических бус, ранние типы железных наверший (рис. 1, *31*, *35*). В составе украшений имеются золотые бляшки из строенных концентрических кружков и фигурок оленей (рис. 1, *38*, *39*), известные во многих раннескифских погребениях [18]. Однако находка здесь лощеного черпака грушевидной формы (рис. 1, *43*), подобного найденному в кургане 447, не позволяет датировать курган 407 временем ранее середины VI в. до н. э.

К несколько более раннему времени можно отнести **курган 432 у с. Журовки** [19] (рис. 2, *1—8*). К числу ранних вещей относятся костяные «гвоздики» от колчана и неизвестного назначения костяной наконечник в виде «утюжка» (рис. 2, *8*), имеющий аналогии в памятниках конца VII начала VI в. до н. э.

Все упомянутые выше комплексы можно датировать временем середины — второй половины VI в. до н. э. Средний рубеж, по-видимому составляет курган 38 и у Гуляй-Города, несколько более ранними по отношению к нему являются курганы 407 и 432 у Журовки, а более поздним — курган 447 у Журовки и ряд курганов у Гуляй-Города.

Характеризуя эту группу погребений в целом, следует отметить наличие в них многих вещей развитого скифского архаического комплекса в сочетании со специфической керамикой: корчаги типа вилановы, глубокие грушевидные черпаки.

Дальнейшее рассмотрение относительной хронологии позволяет выделить ряд погребений первой половины VI в. до н. э. составляющий промежуточное звено между памятниками упомянутыми выше и позднее жаботинской группой рубежа VII — VI вв. до н. э.

К их числу следует отнести **курган 406 у с. Журовка** [20] (рис. 2, *9—32*) — один из наиболее ранних курганов старшей журовской группы. Здесь в составе колчанного набора из 52 бронзовых наконечников 23 оказалось жаботинского типа с асимметрично-ромбическим пером (рис. 2, *14*). Такое сочетание в колчанах наконечников стрел келермесского и жаботинского типов служит несомненным признаком значительной архаичности комплекса в рамках VI в. до н. э. [21] Очень архаический облик имеют два наконечника копья с дуговидно выпуклыми сторонами пера и втулкой,

---

[11] Смела, I, стр. 106.
[12] Там же, стр. 102, 103.
[13] Смела, I, стр. 108.
[14] Смела, I, стр. 103—104; Смела, III, СПб., 1901, стр. 44.
[15] В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья, Киев, 1968, стр. 71.
[16] Смела, I, стр. 104.
[17] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, 14, СПб., 1905, стр. 32—35.
[18] В. А. Іллінска. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору. «Археология», 4, 1971, Київ, стр. 73 сл.
[19] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки... ИАК, 17, стр. 87.
[20] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде в 1903 году..., ИАК, 14, стр. 29—32.
[21] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1—4, М., 1964, стр. 9 сл.

украшенной у конца рельефными рубчиками (рис. 2, *12*, *17*). На наконечники надевались футляры с железными оковками (рис. 2, *13*, *16*). В числе прочих предметов оказался костяной наконечник в виде «утюжка» (рис. 2, *20*), с носиком и двумя отверстиями, подобный найденному в кургане 407. Аналогичный предмет был найден М. П. Абрамовой в 1970 г. при раскоп-

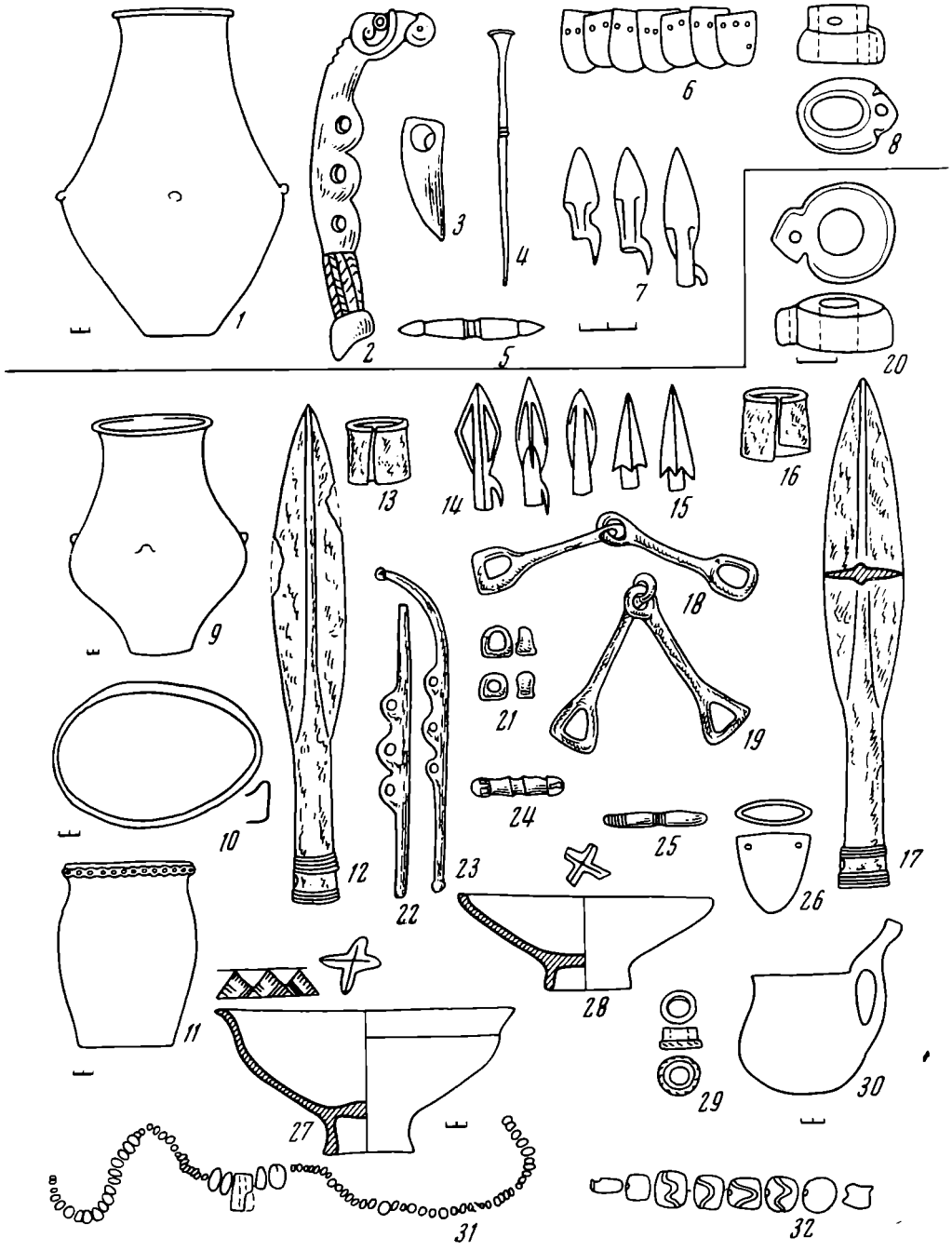


Рис. 2

1—8 — курган 432 у с. Журовка; *9—32* — курган 406 у с. Журовка. Середина — первая половина VI в. до н. э.

ках кургана 3 в окрестностях Моздока в сопровождении наконечников стрел жаботинского типа и костяной поделки, выполненной в духе очень раннего звериного стиля [22]. Остальные предметы из кургана 406: железные удила со стремявидными петлями, костяная и золотая палочка-застежка, каменное блюдо и пр.— принадлежат к набору вещей скифской архаики VI в. до н. э.

[22] Любезное сообщение М. П. Абрамовой.

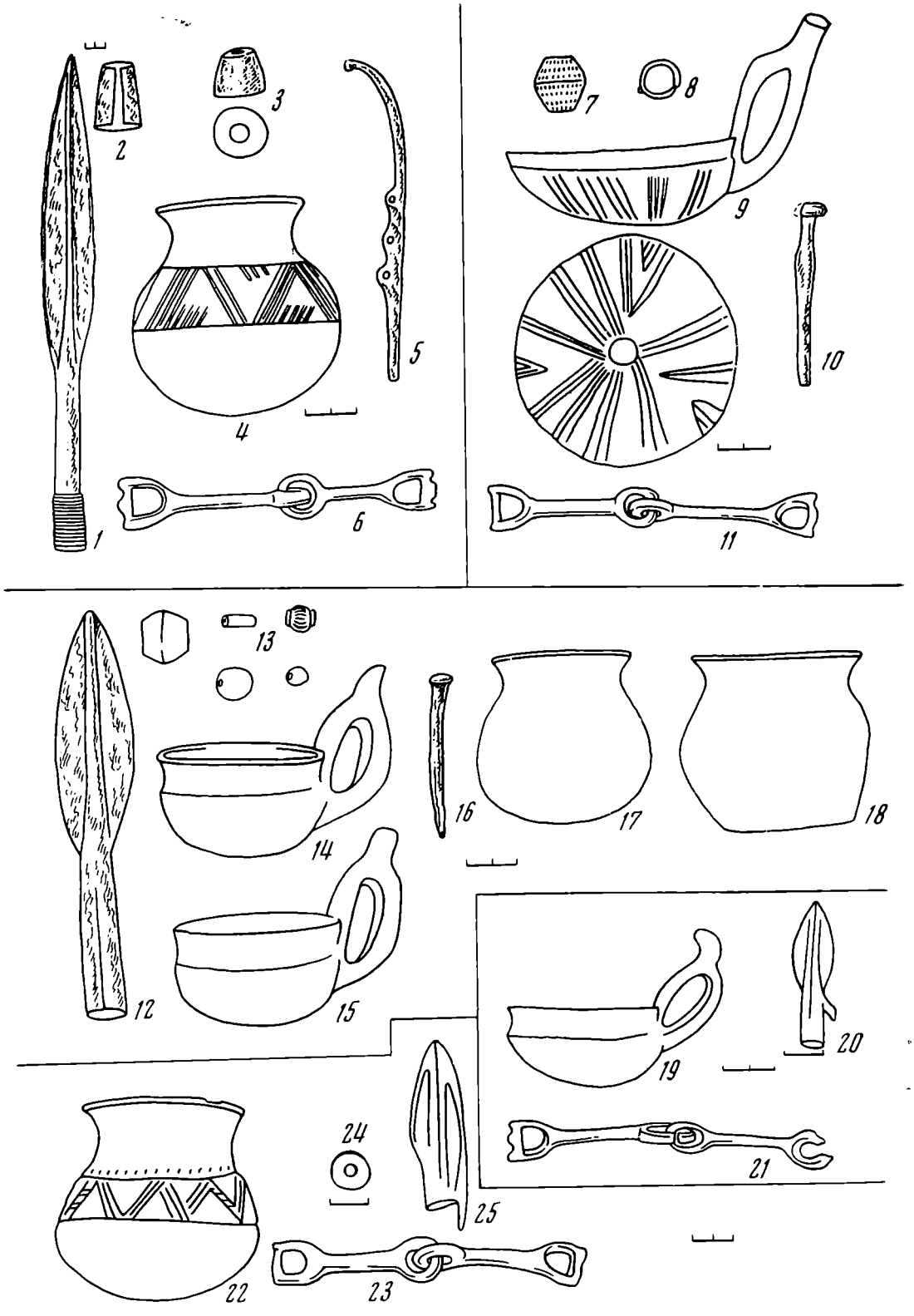


Рис. 3

1—6 — курган 453 у с. Макеевка; *7—11* — курган 460 у с. Макеевка; *12—18* — курган 454 у с. Макеевка; *19—21* — курган 471 у с. Оситняжка; *22—25* — курган 2 у с. Константиновка. Первая половина VI в. до н. э.

В составе керамики здесь оказался высокий бочонковидный горшок с гладким краем и массивным налепным валиком с защипами и проколами — форма и орнамент его характерны для погребений и поселений Правобережья VI в. до н. э. Традиционным сосудом является также чернолощеная корчага типа вилановы, имеющая на поясе четыре шишечки подобно корчаге из кургана 432 (рис. 2, *1*, *9*, *11*). Чернолощеный черпак

из этого погребения не грушевидный (рис. 2, *30*), а с круглым корпусом, приближающийся к архаическим черпакам более раннего времени. Архаический вид имеют миски на полых ножках с крестовидным знаком на дне. Одна из них с загнутым внутрь краем (рис. 2, *28*), вторая с краем, отогнутым наружу, украшенным орнаментом из зачерченных треугольников (рис. 2, *27*). В форме и орнаментации этой миски можно усматривать влияние культуры басараби[23]. Это тоже архаизирующий признак, поскольку некрополь Басараби относится ко времени не позднее первой половины VI в. до н. э.

По аналогии с курганом 406 к началу VI в. до н. э. следует отнести **курган 453 у с. Макеевка**[24] (рис. 3, *1—6*). Здесь также оказался наконечник копья с выпуклыми дугами, рубчиками на окончании втулки и с футляром с железной оковкой на пере (рис. 3, *1*, *2*). В погребении найден также чернолощенный кубок (рис. 3, *4*) с поясом резного орнамента из групп наклонных параллельных линий, образующих треугольники.

К числу погребений VI в. до н. э. относится и ряд других курганов макеевской группы. Среди них курган 460[25] (рис. 3, *7—11*), где, как в кургане 453, найдены бронзовые удила со стремявидными петлями (рис. 3, *6*, *11*), железная булавка и мелкий черпак с врезным геометрическим орнаментом, радиально расходящимся от дна сосуда (рис. 3, *9*).

В кургане 492[26] (рис. 4, *6—7*) оказались мелкий неорнаментированный черпак и бочонковидный горшок с валиком под венчиком.

Возможно, что к этой же хронологической группе относится курган **454 у с. Макеевка**[27] (рис. 3, *12—18*). Здесь найдены такая же, как в кургане 460, железная булавка (рис. 3, *10—16*), железный наконечник копья с длинной втулкой и дуговидно выпуклыми гранями (рис. 3, *12*), а из посуды — два гладких глубоких черпака, гладкий же лощенный кубок и горшочек (рис. 3, *14*, *15*, *17*, *18*).

В кургане 411 у с. Журовка[28] (рис. 4, *8—11*) аналогичны приведенным выше два горшка с валиками и проколами под венчиком (рис. 4, *7*, *8*), а также мелкий черпак с радиально расходящимся ото дна орнаментом. С этой же группой следует связать **курган 471 у с. Оситняжка**[29] (рис. 3, *19—21*), где оказались бронзовые удила со стремявидными петлями, архаический двухлопастный наконечник стрелы и чернолощеный гладкий глубокий черпак; **курган 5 у с. Рыжановка**[30] (рис. 4, *1—5*), в составе инвентаря которого найдены железный меч с бронзовым наконечником, таким же, как и в кургане 406 у с. Журовка, раннескифский колчанный набор и два гладких глубоких черпака.

Вероятно, к этой же группе следует отнести **курган 2 у с. Константиновка**[31] (рис. 3, *22—25*), в котором найдены бронзовые удила со стремечком, архаическая стрела и круглотелый кубок с поясом резного орнамента в виде косо расположенных параллельных линий, образующих треугольники (рис. 3, *22*), а также курган 8 этой же группы[32], где сохранились остатки от двух уздечек и четыре сосуда, в том числе корчага с проколами под венчиком и два черпака.

---

[23] Vl. Dumitrescu. La nécropole tumulaire du premier âge du fer de Basarabi. Dacia, 1968, XII, стр. 177, рис. 25, 26, 28.
[24] ЖР. СПб., 1908, стр. 127—129.
[25] Там же, стр. 129—130.
[26] Там же, стр. 135.
[27] Там же, стр. 127—128.
[28] Н. А. Бобринский. Отчет о раскопках... в Чигиринском уезде в 1903 году..., стр. 36.
[29] ЖР, стр. 138.
[30] А. И. Тереножкин. Погребения раннего скифского времени у с. Рыжановка. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 211—215.
[31] Смела, I, стр. 2.
[32] Там же, стр. 16.

Рис. 4

1—5 — курган 5 у с. Рыжановка; *6—7* — курган 492 у с. Макеевка; *8—11* — курган 411 у с. Журовка; *12—13* — курган 496 у с. Турии; *14—21* — курган 211 на р. Тенетинка. Первая половина VI в. до н. э.

Общими признаками памятников первой половины VI в. до н. э. можно считать сохранение скифского вещевого комплекса в оружии, узде, некоторых типах украшений, отсутствие грушевидных черпаков, наличие гладких глубоких черпаков, мелких черпаков с радиально расходящимся ото дна орнаментом, а также круглотелых кубков — гладких и с поясом орнамента. Орнамент на кубках и черпаках составляет сравнительно легкий и простой линейный узор, образующий зигзаги и треугольники. Продолжают бытовать корчаги типа вилановы. Хорошо представлены бочонковидные горшки с валиком под венчиком и проколами, часто идущими через валик.

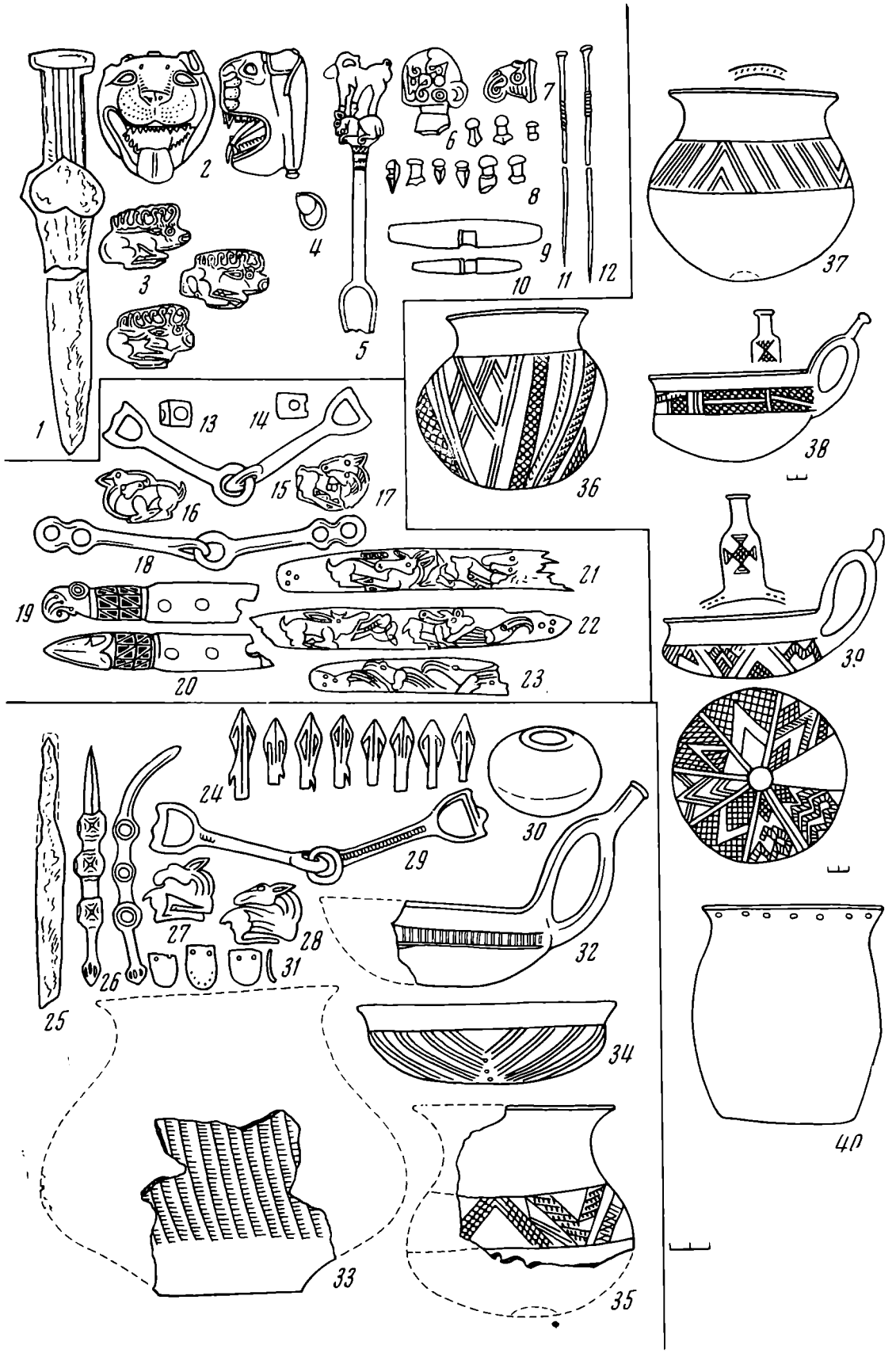


Рис. 5

1—12 — курган в урочище Дарьевка близ Шполы; *13—23* — курган 2 у с. Жаботина; *24—35* — курган 524 у с. Жаботина; 36—40 — курган 455 у с. Макеевка. Конец VII в.

Именно этот керамический комплекс преобладает на городищах и поселениях Правобережья, время которых определяется по находкам античной керамики периодом от начала VI в. до н. э., в частности на хорошо исследованном Трахтемировском городище, относящемся к VI в. до н. э. Об этом убедительно свидетельствуют находки амфорной и расписной греческой посуды, а также вещей раннескифского типа (наконечники стрел, бронзовые булавки, отдельные предметы в зверином стиле).

В составе керамики преобладают горшки бочонковидной формы с налепным валиком с защипами под краем, часто в сочетании с проколами или наколами с «жемчужинами» под краем. Встречаются также черпаки разных форм и размеров, кубки, иногда с резным орнаментом, миски и корчаги, многие из которых украшены выступами, каннелюрами и реже резными линиями [33].

Для определения комплексов раннего VI и рубежа VII—VI вв. до н. э. особое значение имеют курганы 2 и 524 у с. Жаботина.

В кургане 2 у с. Жаботина [34] (рис. 5, *13—23*) встретилось редкое сочетание бронзовых удил со стремявидными петлями с двухпетельчатыми удилами, относящимися к доскифским формам. Здесь же найдены замечательные костяные пластины с гранированными изображениями в раннескифском зверином стиле, костяные фигурки «лани с детенышем» и костяные псалии с концами в виде орлиной головки и конского копытца. Промежутки между концами и широкой средней частью украшены орнаментом в виде выемчатых треугольников. Аналогичного рода мотив в резьбе по кости встречен на костяных стержнях из Кармир-Блура [35] и на концах псалий из погребения 106 Самтаврского могильника [36]. Костяной псалий с конским копытцем и подобным орнаментом на суженной части стержня был найден на поселении Тарасова Гора близ Жаботина [37].

В кургане 524 у Жаботина [38] (рис. 5, *24—35*) наряду со скифским (нож, панцирные чешуйки, меч, украшения) были найдены более ранние докелермесские формы. Среди них колчанный набор асимметрично-ромбических наконечников стрел (рис. 5, *24*), бронзовые псалии с трубчатыми втулками и солярными знаками на их боковой стороне (рис. 5, *26*), каменная булава (рис. 5, *30*) — предмет редкий в скифских комплексах, имеющий аналогии в памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе (в Мингечауре, Кобани), в протомеотском Николаевском могильнике на Кубани [39].

Среди сохранившихся фрагментов посуды два принадлежат черпакам с открытой мелкой чашечкой. У одного из них (рис. 5, *34*) резной орнамент из групп косых линий образует фигуры вписанных друг в друга углов, радиально расходящихся от дна сосуда. Второй черпак (рис. 5, *32*) с узким горизонтальным поясом, заполненным вертикальными черточками. Обломок третьего сосуда принадлежит кубку (рис. 5, *35*), украшенному поясом

---

[33] Г. Т. Ковпаненко. Раскопки Трахтемировского городища. Археологические исследования на Украине 1965—1966, 1. Киев, 1967, стр. 103—106; ее же. Раскопки Трахтемировского городища. Археологические исследования на Украине в 1967 г., II. Киев, 1968, стр. 108.

[34] Древности Приднепровья, III. Киев, приложение, стр. 6.

[35] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, III. Ереван, 1955, стр. 17, рис. 9.

[36] Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, ВГМГ, XIX-А и XXI-В. Тбилиси, 1957, стр. 115 сл.

[37] М. И. Вязьмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, 2, стр. 165, рис. 6.

[38] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году. ИАК, 60, Пг., 1916, стр. 1 сл.

[39] С. С. Бессонова. Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове. Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, стр. 62; Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959; Н. В. Анфимов. Протомеотский могильник у с. Николаевского. Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961, 2, стр. 110—111.

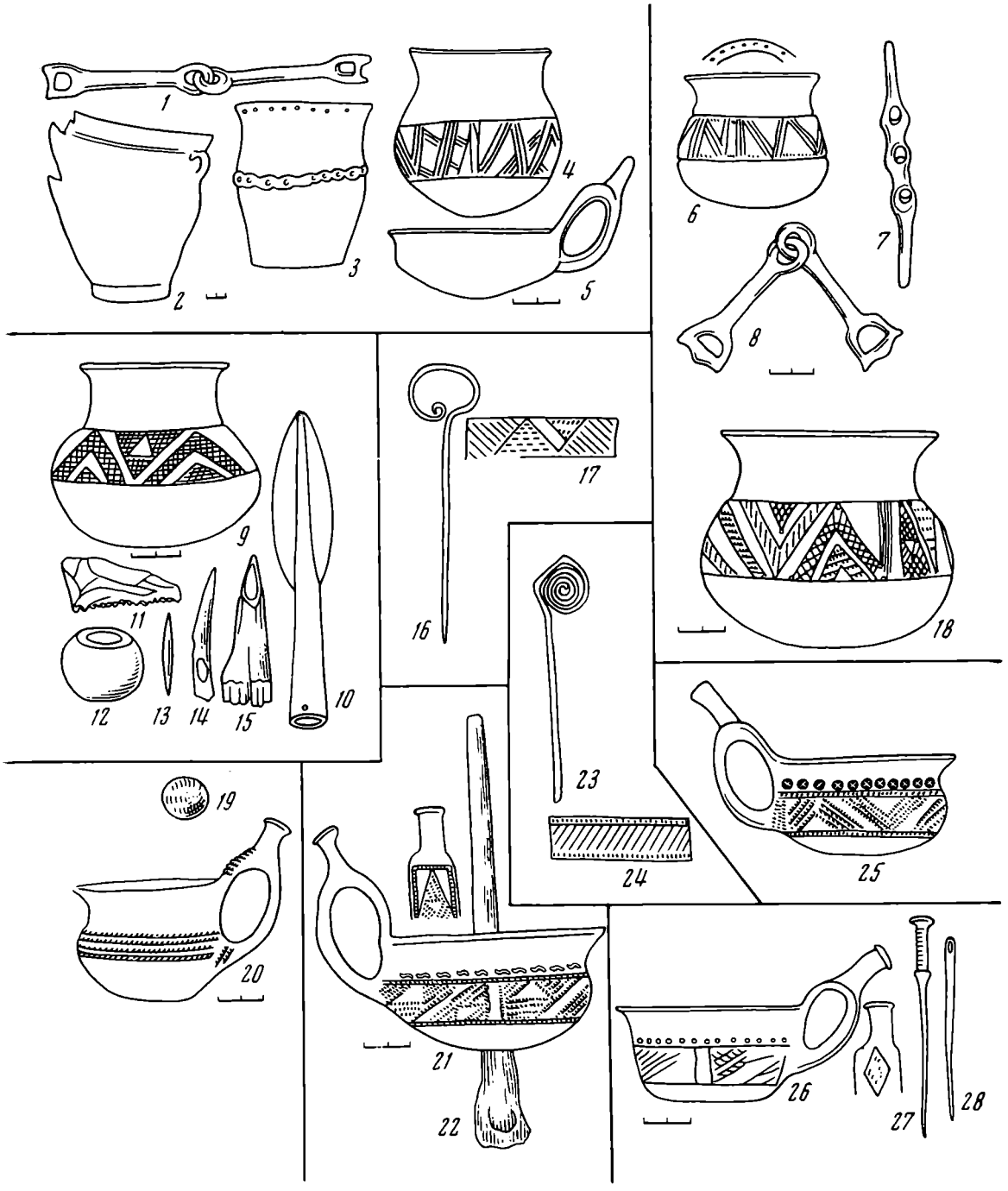


Рис. 6

1—5 — курган 15 у с. Константиновка; *6—8* — курган 183 на р. Тенетинке; *9—15* — курган 344 у с. Теклино; *16—17* — курган 107 на р. Тенетинке; *18* — курган 111; *19—20* — курган 163; *21—22* — курган 113; *23—24* — курган 136; *25* — курган 158; *26—28* — курган 139 на р. Тенетинке; *9—28* — начало — первая половина VII в. до н. э.; *1—5* — вторая половина VII в. до н. э.; *6—8* — конец VII в. до н. э.

из заштрихованных полос, образующих чередующиеся вершинами вверх и вниз треугольники. Обломок четвертого сосуда (рис. 5, *33*) принадлежит небольшой чернолощеной корчажке с косо каннелированным корпусом. Дата жаботинских погребений, вероятнее всего, может быть определена концом VII в. до н. э.

Со временем жаботинских курганов можно сопоставить погребение в **кургане 183 на р. Тенетинке**[40] (рис. 6, *6—8*), где найдены бронзовые стремечковые удила с бронзовыми же псалиями с трубчатыми отверстиями и желтолощенный кубок с широким поясом резного орнамента из групп параллельных линий, образующих треугольники.

[40] Смела, II, стр. 75.

К началу VI в. до н. э. можно отнести **курган 346 у с. Теклино**[41], где оказались такие же золотые бляшки в виде фигурок ланей, как и в кургане 524. На несколько более позднее время здесь указывает наличие наконечников стрел келермесского типа.

С концом VII в. до н. э. можно связать курган **15 у с. Константиновка**[42] (рис. 6, *1—5*), где основу датировки дает бронзовый клепаный сосуд типа известного в памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Кавказе[43]. Существенно отметить, что два подобных бронзовых сосуда были найдены на поселении Тарасова гора[44]. Кроме того, в кургане 15 оказались бронзовые удила со стремявидными петлями, чернолощеный кубок с широким поясом орнамента из групп параллельных, косо поставленных линий, образующих ромбы и треугольники, низкий гладкий черпак и тюльпановидный горшок с проколами под краем венчика и валиком с защипами по тулову. Эта форма характерна для керамики жаботинского поселения и чернолесской культуры и является более ранней по отношению к бочонковидным горшкам с валиком под венчиком, известным для памятников VI в. до н. э.

В кургане 211 на р. Тенетинке[45] (рис. 4, *14—21*) вместе с жаботинской керамикой (круглотелые кубки, из которых один с широким поясом резного орнамента) найдена костяная пряжка пронизь с вырезанной на ней головкой грифобарана и бронзовая бляха из двух полусфер.

В кургане 496 у с. Турия[46] вместе с двухлопастным архаическим наконечником стрелы жаботинского типа (рис. 4, *12*, *13*) найден круглотелый кубок, орнаментированный широким поясом в виде заштрихованных лент и полей, образующих треугольники и ромбы.

По аналогии с керамикой упомянутых выше погребений к концу VII — началу VI в. до н. э. можно отнести **курган 455 у с. Макеевка**[47] (рис. 5, *36—40*), где найдено шесть сосудов: разбитая глиняная миска (не сохранилась), горшок с проколами ниже края венчика, кубок с поясом врезного орнамента из групп параллельных линий, образующих треугольники (рис. 5, *37*); второй кубок, покрытый от шейки до дна орнаментом из врезных линий и заштрихованных лент, заполненных различными вариантами линейных узоров, чередующихся с чистыми полями (рис. 5, *36*).

Два черпака, из которых один мелкий, украшен радиально расходящейся композицией, где заштрихованные поля и ленты чередуются с разделяющим их пространством. На его ручке имеется заштрихованный мальтийский крест (рис. 5, *39*). Второй черпак более глубокий с горизонтальным поясом орнамента из густо заштрихованных полей (рис. 5, *38*).

Для определения комплексов рубежа VII — VI вв. до н. э. большой интерес представляет **курган у с. Дарьевка близ Шполы**[48]. (рис. 5, *1—12*). Здесь было найдено несколько предметов из резной кости, в том числе вырезанная из слоновой кости головка льва в фас, наконечник какого-то предмета, вероятно подлокотника кресла (рис. 5, *2*). Ближайшие аналогии ей представляют вырезанные из слоновой кости львиные головки, найденные в слое VII в. до н. э. на островах Фазос и Самос[49]. Имеются все основания считать эту головку произведением восточно-средиземноморско-

---

[41] Смела, III, стр. 20.

[42] Смела, I, стр. 34.

[43] Е. И. Крупнов. Жемталинский клад. М., 1952, стр. 18 сл.

[44] N. Makarenko. La civilisation des Scythes et Hallstatt. ESA, V, Helsinki, 1939, стр. 22 сл.

[45] Смела, II, стр. 65.

[46] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 году. ИАК, 35, СПб., 1910, стр. 75.

[47] ЖР, стр. 128.

[48] Смела, II, стр. 128 сл.

[49] G. Daux. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1958. BCH, LXXXIII — 1959, II, Paris, стр. 775; Jose Börig, Frühe Löwen. Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts Athenische Alteilung, 76, 1961, Berlin, Beilage 44, 1—2.

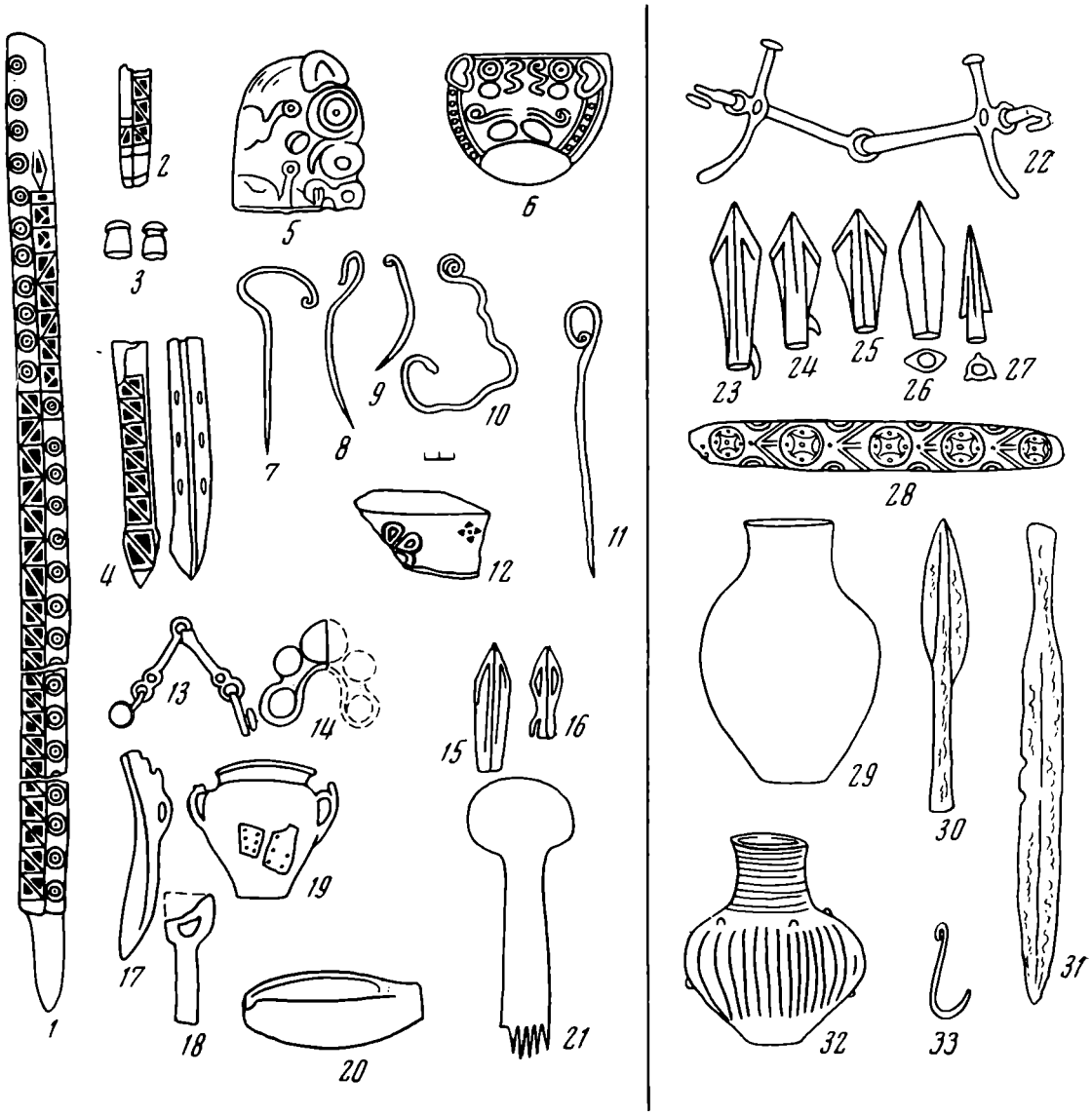


Рис. 7

1, 5 — из раскопок на Кармир-Блуре; *2—3* — погребение 106 Самтаврского могильника; *6* — из клада Зивие; *7—21* — поселение на Тарасовой горе у с. Жаботина; *22—23* — курган у с. Енджа в Болгарии

го греческого искусства [50]. Другим важным для датировки предметом является костяной наконечник от ножен, украшенный фигуркой свернувшегося зверя кошачьей породы (рис. 5, *6*). Близкое к этому изображение протом хищника имеется на золотом наконечнике из Зивие. Важную аналогию представляет находка костяного наконечника ножен с фигуркой подобного же стиля из Кармир-Блура [51] (рис. 7, *5*, *6*). Этой же дате не противоречат и другие находки: архаический акинак, костяные «гвоздики», костяная ложка, украшенная фигурками животных, наконечник псалия в виде орлиной головки и золотые украшения убора в виде фигурок оленя.

В целом погребения этого хронологического этапа (конец VII, рубеж VII — VI вв. до н. э.) отличаются следующими общими признаками: для них характерно сокращение количества вещей раннескифского типа и сведение их к некоторым немногочисленным образцам. Наряду с этим появляются отдельные вещи доскифского круга (удила, псалии, бронзовые клепаные ситулы, каменная булава, стрелы жаботинского типа). В составе керамики появляются горшки с валиком по корпусу. Более глубокими становятся черпаки. Помимо радиального орнамента на них появляется орнамент в виде горизонтального поля по поясу. Орнамент на черпаках и

[50] Н. А. Онайко. Ук. соч., № 289.

[51] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур. Л., 1970, рис. 96.

кубках обнаруживает тенденцию к «загущению» и «уплотнению». Помимо групп врезных линий все более обычными становятся геометрические композиции, составленные из заштрихованных лент, полос, полей. Вершины углов часто выделяются круглыми углублениями в виде точки. Как правило, орнамент бывает инкрустирован по черному (реже желтому) залощенному полю. На ручках черпаков появляется орнамент (заштрихованные мальтийские кресты, треугольники).

К еще более ранней поре, собственно VII в. до н. э., относятся погребения, в которых скифские элементы почти совсем отсутствуют, а редко встречающиеся металлические вещи относятся к типам, свойственным культуре ранних кочевников типа новочеркасского клада, или же относятся к тому же периоду. Многочисленная керамика, встречающаяся в этих погребениях, отличается еще более пышной и сложной орнаментацией и изменением некоторых форм.

Среди памятников этого периода особое значение имеют **курганы 375 и 376 у с. Константиновка** [52]. В первом из них (рис. 8, *1—5*) оказались двухпетельчатые удила с подвесами и бронзовые трехпетельчатые псалии доскифского типа (рис. 8, *1—2*). Ближайшую аналогию им представляют псалии из Кобанского могильника, найденные с удилами, имеющими кольцевидные петли [53]. Подобные удила встречаются в комплексах доскифского времени на Северном Кавказе [54], в том числе в Николаевском могильнике на Кубани. Датировка этих псалий временем первой половины VII в. до н. э. едва ли может вызвать сомнения.

Из 10 или 11 сосудов этого погребения оказались известны три. Один из них чернолощеный кубок с широким поясом геометрического орнамента. Основная композиция: чередующиеся вершинами вверх и вниз треугольники, разделенные медианами на четыре треугольных поля, причем среднее из них оставлено чистым, а боковые заштрихованы косыми линиями или в клетку (рис. 8, *4*).

Два гладких неорнаментированных черпака из этого погребения (рис. 8, *3*, *5*) отличаются от встреченных ранее. Они меньше по размеру, глубже и меньше в диаметре. Ручки их невысоко поднимаются над краем венчика и не имеют развитого отростка. По форме своей они напоминают черпаки, известные в памятниках чернолесской культуры [55].

Не менее интересен курган 376. Основу определения его хронологии дают бронзовые удила, наглухо соединенные с псалиями (рис. 8, *6*). Ближайшую и единственную аналогию представляют удила с псалиями из кургана у с. Енджа в Болгарии [56] (рис. 7, *22—33*). Время этого погребения определяется периодом не позднее начала VII в. до н. э. Золотая начельная лента из Енджи имеет аналогии в бронзовых начельных лентах из кургана Камышеваха и «киммерийского» погребения в кургане Высокая могила у с. Балки [57]. Железный стилет из Енджи можно сопоставить с бронзовым клинком подобного типа из кургана у Балок. Лощеный каннелированный сосуд из Енджи имеет ближайшей аналогией сосуд из Шалданешт, время которого определяется не позднее, чем начало VII в. до н. э. [58] К «доскифским» типам VII в. до н. э. относится енджинский колчан наконечников стрел.

---

[52] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уезде Киевской губернии в 1901 году. ИАК, 4. СПб., 1902, стр. 30.

[53] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 71, рис. 12, *3—5*.

[54] Там же, стр. 71.

[55] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 59, рис. 32, *4*; стр. 74, рис. 49, *3*.

[56] Р. Поповъ. Могильнитъ гробове при с. Ендже. ИБАИ, VI, 1930—1931, София, 1932, стр. 98.

[57] В. Яковенко. Кімерийські поховання Високої Могили. Тези пленарных и секційних доповідей XV Наукової конференції АН УРСР. Одеса, 1972, стр. 174—175.

[58] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1959, стр. 88.

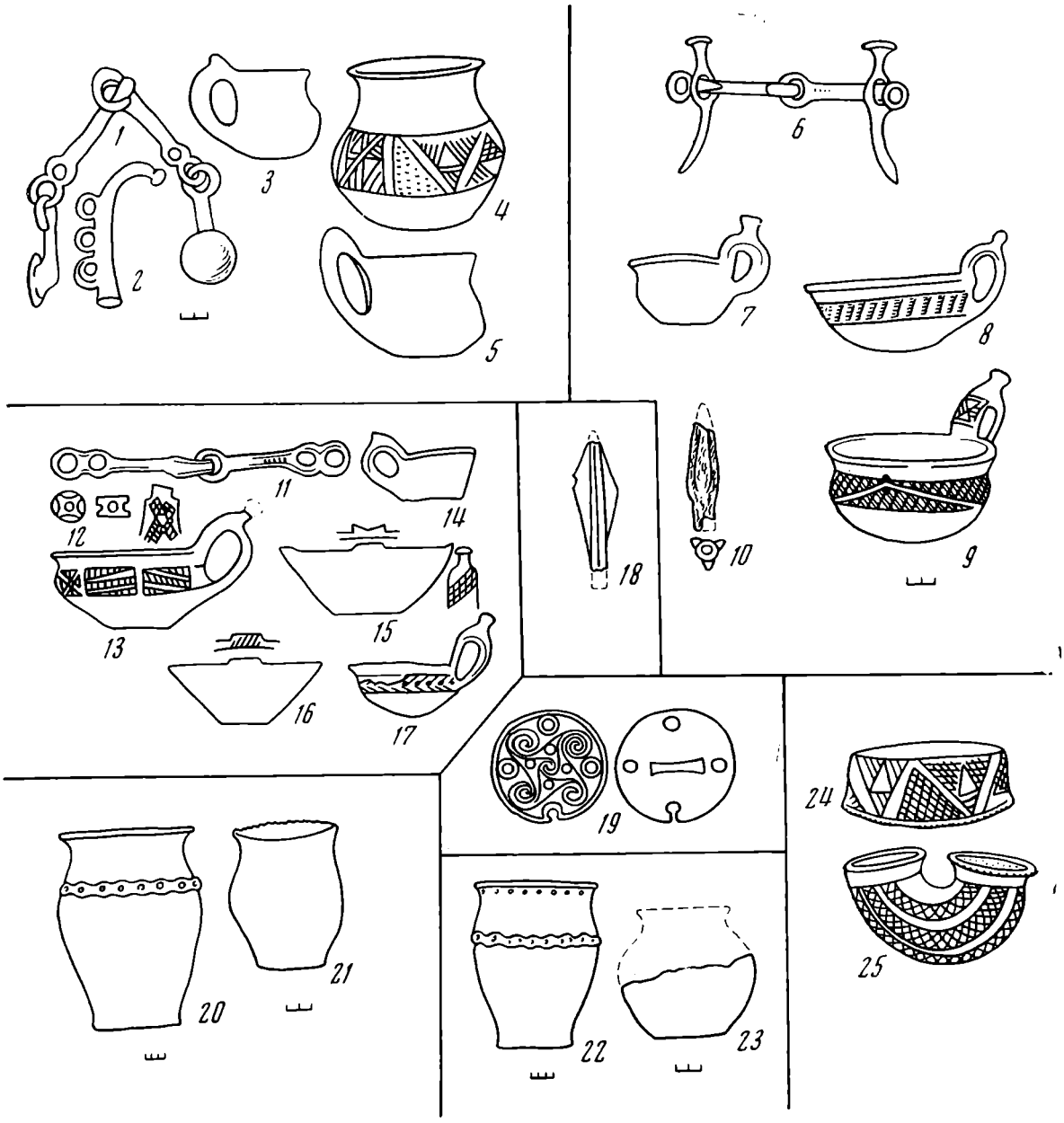


Рис. 8

1—5 — курган 375 у с. Константиновка; *6—10* — курган 376 у с. Константиновка; *11—17* — курган II у с. Рыжановка; *18* — из кургана на р. Тенетинке; *19* — из кургана 4 или 6 у с. Оситняжка; *20—21* — курган 10 у с. Оситняжка; *22—23* — курган 8 у с. Оситняжка; *24—25* — курган 378 у с. Константиновка. Первая половина VII в. до н. э.

Все эти аналогии указывают, что погребение в кургане 376 у с. Константиновки не может быть датировано временем раньше первой половины VII в. до н. э. Из керамики здесь был найден гладкий черпак, близкий к позднечернолесским (рис. 8, *7*), два больших глубоких лощеных орнаментированных черпака. У первого из них орнамент состоит из пояска заштрихованного наискосок (рис. 8, *8*) от каждой линии отходит «щеточка» черточек, заполняющих пространство между интервалами. Орнамент второго глубокого черпака (рис. 8, *9*) состоит из пояса, заполненного обращенными вершинами вверх и вниз тупоугольных треугольников, заштрихованных в косую клетку.

В кургане 378 этой же группы[59] вместе с железным наконечником копья было найдено семь сосудов, из которых известен один сосуд в виде изогнутого наподобие рога цилиндра. Одна его сторона наглухо заделана

[59] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах, стр. 35.

плоской крышкой, украшенной изображением креста (рис. 8, *45*), а вторая — открытая. Корпус покрыт орнаментом в виде параллельных продольных лент, заштрихованных накрест. Второй сосуд (рис. 8, *24*) в форме открытой пиксиды с прямыми стенками и слегка выступающей закраиной дна. Чернолощеная поверхность его орнаментирована обращенными вершинами вверх и вниз треугольниками, из которых одни заштрихованы в клетку, другие разделены на четыре поля с заштрихованными в разной манере крайними полями. В памятниках Правобережья близкие по типу сосуды были найдены на поселении в урочище Пидмет у с. Нагоряне в Западной Подолии[60]. Аналогичные по форме и мотивам орнаментации прямостенные сосуды известны в памятниках второй ступени чернолесской культуры[61] (городище Московская гора.).

К этому же времени относится **курган II у с. Рыжановка**[62] (рис. 8, *11—17*), где найдены двукольчатые доскифские удила, две пряжки-пронизи с солярными знаками и шесть сосудов, из которых известно пять: глубокий небольшой черпачок с пристроенным выступом ручки, близкий к позднечернолесским; две миски с конически расширяющимися стенками и симметрично расположенными прямоугольными выступами с орнаментом у края. Этот тип мисок несомненно принадлежит к числу весьма архаических. Они известны по находкам на жаботинском поселении. Аналогичная миска с четырьмя выступами оказалась в том же жилище поселения у с. Нагоряне, что и упомянутая выше пиксида. Эта аналогия также подтверждает хронологическое соответствие Рыжановского и Константиновского курганов.

Черпаки из этого погребения также напоминают происходящие из константиновских. Один из них, более глубокий, с поясом орнамента, расчлененного вертикальными полосами на отдельные участки. В этих участках расположены косо заштрихованные ленты, на ручке орнамент креста с заштрихованными концами. Второй, более мелкий черпак украшен горизонтальным поясом с орнаментом «в елочку», с точками в вершинах углов. Следует отметить аналогии этого комплекса с курганом 2 у с. Алчедар в Молдавии[63], где оказался гладкий глубокий черпак древнейшего типа и бронзовая бляшка с солярным знаком. Как поселение Пидмет, так и Алчедарские курганы относятся исследователями к VII в. до н. э.

В кургане 4 (или 6) у с. Оситняжка[64] найдена бронзовая бляха со спиральным орнаментом, воспроизводящим композицию кругов и спиралей, хорошо известных по чернолесским браслетам (рис. 8, *19*). К сожалению, она не сопровождалась другими находками.

В курганах 8 и 10 у с. Оситняжка[65] были найдены тюльпановидные горшки с валиком по тулову и проколами под краем гладкого венчика, раннежаботинского или позднечернолесского типов (рис. 8, *20, 22*).

К этому времени мы относим погребение в **кургане 344 на р. Ташлык**[66] (рис. 6, *9—15*) по находке в нем наряду с железным бронзового наконечника копья с лавролистным пером (рис. 6, *10*). Кроме того, здесь оказалось большое глиняное прясло, ряд костяных проколок и шильев. Лощеный кубок из этого погребения украшен широким поясом, заполненным орнаментом из обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, разделенных на четыре поля и составленных из заштрихованных полей и лент.

---

[60] І. Г. Шовкопляс. Поселения ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. «Археологія», IX. Київ, 1954, стр. 104, рис. 7.

[61] А. И. Тереножкин. Ук. соч., 70, 71.

[62] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 12, 13; А. И. Тереножкин. Погребения раннего скифского времени у села Рыжановка. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 211 сл.

[63] Р. Л. Розенфельдт. Алчедарские курганы. Изв. Молд. филиала АН СССР, 5, Кишинев, 1955, стр. 121 сл.

[64] АЛЮР, 1904, 1—2, стр. 8.

[65] АЛЮР, 1904, 1—2, стр. 9—10.

[66] Смела, III, стр. 34—35.

Очевидно, с этим же погребением связан, найденный в кургане кремневый вкладыш для серпа (рис. 6, *11*). Отметим, что кремневый вкладыш серпа был найден на поселении у с. Солончены в комплексе, несомненно относящемся к VII в. до н. э.[67]

Несомненно, что описанные погребения значительно уходят в глубь VII в. до н. э. Многие из них сопровождаются металлическими вещами, свойственными культурной группе кочевников новочеркасского типа. Время этих предметов определяется VIII — первой половиной VII в. до н. э. Коль скоро в данных случаях они оказались в сопровождении жаботинской, а не чернолесской керамики, речь может идти скорее о раннем VII в. до н. э.

И тем не менее константиновские и подобные им памятники не исчерпывают древности архаических курганов Тясминской группы. Более ранними по отношению к ним следует считать ряд захоронений Тенетинского могильника, где встречается керамика древнейших форм, для которой наиболее характерны глубокие черпаки и кубки, в орнаменте которых используются наряду с резьбой, зубчатые оттиски, сделанные штампом и изображения S-видного значка, колечка, колечка с крестом внутри, кружка и пр. Характерно расположение оттисков штампа над верхней, окаймляющей пояс полосой; расчленение орнаментального поля на отдельные зоны.

К числу таких ранних погребений можно отнести захоронение в **кургане 107 на р. Тенетинка**[68] (рис. 6, *16—17*), где при женском погребении оказалась доскифская бронзовая булавка со свернутой в крупную петлю головкой и черпак с поясом орнамента из густо и разнообразно заштрихованных треугольников.

В кургане 111 этой же группы[69] (рис. 6, *18*) найдены черпак и кубок с широким поясом из различных комбинаций треугольников, богато и разнообразно заполненных. Основания и вершины их ограничены углубленными точками.

В кургане 113[70] (рис. 6, *21—22*) найден глубокий чернолощеный черпак с широким поясом орнамента, составленного из оттисков зубчатого штампа. Основу орнаментальной композиции составляют прямоугольные, обращенные друг к другу основаниями треугольники, разделенные на четыре поля. Над верхней стороной орнаментального поля ряд из горизонтально расположенных S-образных оттисков.

В кургане 158[71] (рис. 6, *25*) найдены два гранитных терочника и прекрасный черпак со штампованным орнаментом из оттисков зубчатого штампа, образующих композицию обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, а над верхней стороной пояса отпечатки круглого штампа с крестом внутри.

В кургане 163[72] (рис. 6, *19*, *20*) найден глубокий чернолощеный черпак с орнаментальным поясом из нескольких горизонтальных полос зубчатого штампа; кроме того, здесь оказалось пряслице и гранитный терочник. Набор богато орнаментированных чернолощеных сосудов в сопровождении бронзовой булавки со свернутой в трубку головкой происходит из кургана 126 на р. Тенетинке[73], а в кургане 136[74] (рис. 6, *23*, *24*) найден орнаментированный черпак и булавка со свернутой в спиральный щиток головкой.

---

[67] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 82, рис. 27, *12*.

[68] Смела, II, стр. 92.

[69] Там же, стр. 98.

[70] Там же, стр. 94.

[71] Там же, стр. 93.

[72] Там же, стр. 97.

[73] Там же, стр. 95.

[74] Там же, стр. 96.

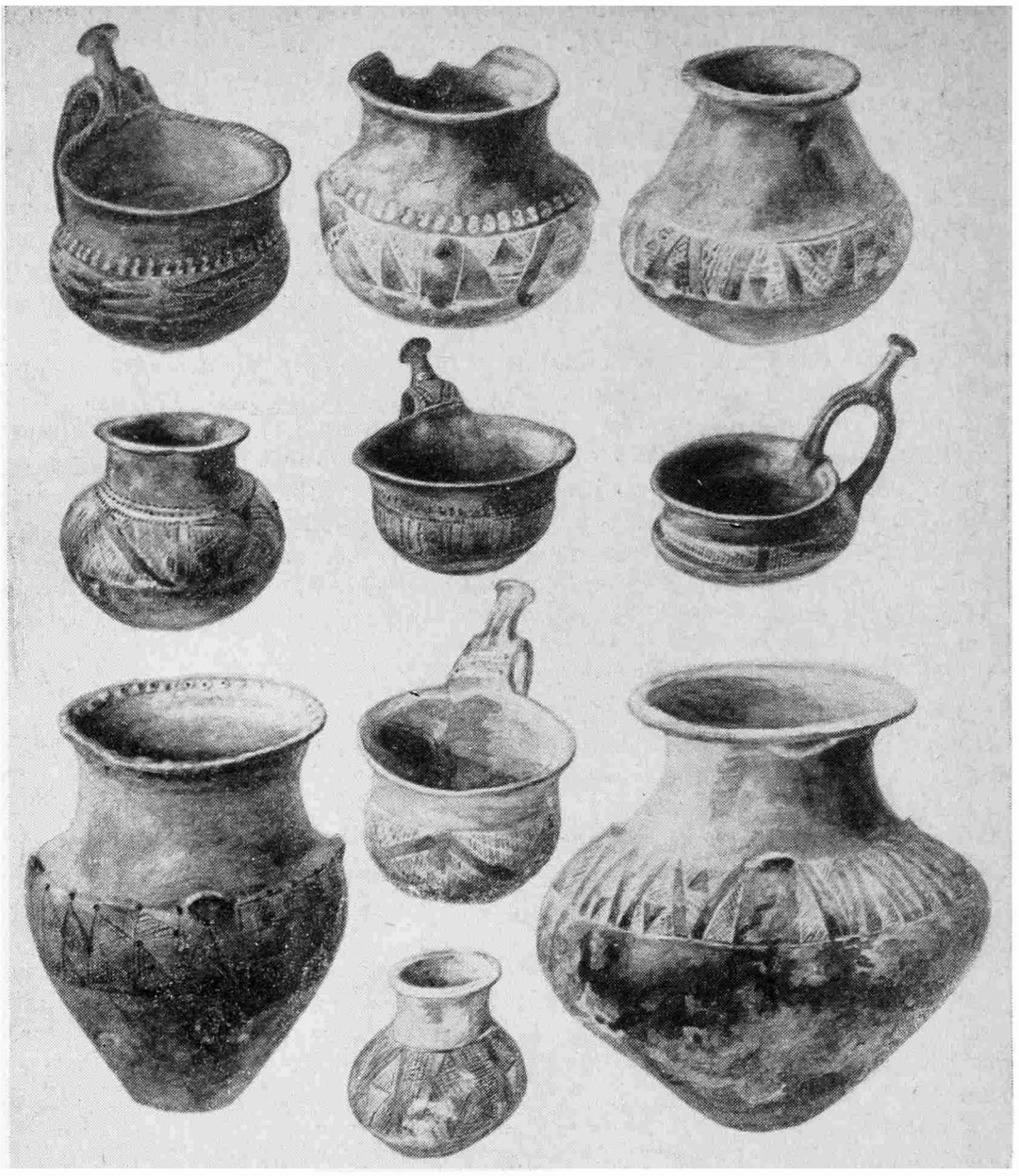


Рис. 9. Сосуды древнейшего жаботинского типа из курганов в окрестностях Черкасс и Канева. Начало — первая половина VII в. до н. э. (собрание Ф. Ф. Кундревича)

В кургане 139[75] (рис. 6, *26—27*) вместе с глубоким черпаком, у которого над поясом резного орнамента, разделенного на отдельные поля, имеется ряд отпечатков круглого штампа, найдены бронзовая игла и булавка с упором, подобная встречающимся в памятниках поздней бронзы в Южной Осетии [76].

Прекрасный набор сосудов древнейших жаботинских форм с резным и зубчатым орнаментом в виде разнообразных геометрических композиций на сосудах типа черпаков, кубков и корчаг происходит из находок в черкасских и каневских курганах из коллекции Ф. Ф. Кундеревича, хранящейся в Киевском музее (рис. 9).

Абсолютная дата комплексов с керамикой этого типа не установлена. Найденные в нескольких случаях бронзовые булавки, относящиеся к доскифским формам и связанные в одних случаях с лужицковысоцкими

[75] Там же.

[76] Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 131, рис. 41, *1*.

(курганы 127, 136), в других — с кавказскими формами (курган 139), не дают точных оснований для датировки. Однако эта группа материала является относительно наиболее древней, предшествующей захоронениям в курганах типа 375 и 376 у с. Константиновка. Следовательно, они не могут быть отнесены ко времени позднее самого начала VII, а возможно, рубежа VIII—VII вв. до н. э.

Именно в этой группе особенно отчетливо сказываются черты связи с памятниками позднего чернолесья. Древние элементы резного и штампованного орнамента хорошо представлены в памятниках позднечернолесской культуры на Тясминском и Лубенецком городищах, на городище Московская гора [77], в верхнем слое Субботовского городища.

На Лубенецком городище найдены обломки лощеных сосудов, украшенных затертым белой пастой зубчатым и веревочным орнаментом, в виде зигзагообразных лент, заштрихованных треугольников, *S*-образного штампа, штампа в виде колечек; обломок корчаги с вертикальными, расчлененными насечками налепами, подобными налепам на корчагах раннежаботинского типа. На Тясминском городище имеются обломки чернолощеных сосудов с орнаментом в виде заштрихованных треугольников; пластических каннелюр на отвороте миски, корчагоподобный сосуд с вертикальными налепами на плече и орнаментом в виде «елочки» из отрезков зубчатых оттисков. На городище в подъемном материале оказалась бронзовая стрелка раннежаботинского типа.

На городище Московская гора найдены упомянутые выше сосудики типа «пиксиды» с резным, затертым белой пастой орнаментом из обращенных вершинами вверх и вниз треугольников, расчлененных на четыре поля. Для нас важно подчеркнуть, что все эти элементы орнамента, включая разнообразные мотивы штампа, сложились и развились еще в рамках чернолесской культуры. Очевидно, моментом сближения этих культур и переходной фазой от чернолесья к жаботину следует считать конец VIII в. до н. э.

Если материалам курганов VI в. до н. э. полностью соответствует время Трахтемировского городища и его керамика, то в VII в. до н. э. параллель Жаботинским, Константиновским и Тенетинским курганам составляет поселение на Тарасовой горе близ Жаботина. К концу VII, рубежу VII—VI вв. до н. э. здесь относится костяной псалий с орнаментом в виде выемчатых треугольников [78] (рис. 7, *4*). На раскопе VII были открыты остатки большого глинобитного сооружения со столбами и стенами из плетня, обмазанного глиной. В составе находок здесь оказался обломок понийско-родосского сосуда конца VII в. до н. э. [79].

Целый ряд находок на Жаботинском поселении относится к доскифским типам, характерным для культуры предшествующего этапа. К их числу относятся двукольчатые удила с подвесами [80] (рис. 7, *13*), обломок костяного псалия, имитирующего бронзовые с тремя петлями и широкой загнутой лопастью (рис. 7, *17*), костяная лунница, подобная известным в новочеркасских комплексах (рис. 7, *14*), наконечник стрелы раннежаботинского типа, подобный найденным в кургане у Енджи (рис. 7, *15*), два клепаных сосуда со звериными ручками [81], (рис. 7, *19*), глиняная лъячка и костяные гребни для шерсти (рис. 7, *20*, *21*), подобные найденным на Субботовском и Лубенецком городищах чернолесской культуры.

Керамика из раскопов с этими находками аналогична найденной в курганах типа Жаботина и Константиновки. В составе керамического комп-

---

[77] А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 64 сл.

[78] М. И. Вязьмитина. Раннie памятники..., стр. 165.

[79] Н. А. Онайко. Ук. соч. Список предметов античного импорта (3), стр. 56.

[80] М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской области. КСИА, АН УССР, 1, 1952, стр. 60, рис. 4.

[81] С. Магура. Дві мідні посудини з Черкащини. Хроніка археології та мистецтва, 1, Київ, 1930, стр. 53.

лекса преобладают высокие кухонные горшки с гладким неорнаментированным венчиком, проколами под краем, валиком с защипами на поясе или плече; обычны обломки кубков и корчагообразных сосудов с поясом резного орнамента из различных вариантов геометрических композиций: заштрихованных треугольников, шахматных полей и др. Большое количество обломков черпаков, среди которых заметную группу составляют черпаки с мелкой чашечкой и радиально расходящимся ото дна орнаментом. Ручки нередко украшены орнаментом в виде обращенных вершинами друг к другу заштрихованных треугольников, ромбов, крестов. Вершины углов нередко ограничены углубленными точками.

Кроме того, на жаботинском поселении был вскрыт древнейший комплекс на раскопе II, 1952 г.— каркасное жилище с впущенным в грунт основанием, вещи из которого соответствуют находкам из древнейших курганов на Тенетинке [82]. Здесь найдены фрагменты не менее чем 20 больших корчаг, богато орнаментированных поясами резного или штампованного орнамента, а также пластическими налепами в виде шишек и выпуклин. Хорошо представлены здесь глубокие черпаки, кубки, миски с пластической и резной орнаментацией. В раскопе II оказались бронзовые булавки со свернутой в петлю или спираль головкой, такие же, как в аналогичных по времени курганах Тенетинки (рис. 7, *7—11*).

Основной вывод, вытекающий из всего сказанного выше, заключается в том, что жаботинский этап охватывает весь VII в. до н. э., а не конец VII — начало VI в., как его обычно датировали раньше. Жаботинские курганы 2 и 524, по которым обычно определяли время памятников данного типа, являются наиболее поздними из этой серии и относятся к заключительному этапу при переходе к развитому скифскому периоду, к курганам старшей журовской группы. Начало же жаботинского этапа в значительной части относится еще к предскифской, предкелермесской поре, соответствуя поздней фазе культуры Новочеркасского клада, и может быть датировано временем не позднее начала VII в. до н. э.

Следует признать правильной мысль Ал. Вульпе, исходящего из румынских аналогий, что время начала жаботинского этапа и соответственно конца чернолесья надо углубить минимум на 50 лет [83].

Такое изменение датировки представляется весьма существенным поскольку оно позволяет заново пересмотреть вопросы культурно-хронологических связей племен правобережной части Среднего Поднепровья с населением Днестро-Дунайского бассейна, степного юга и Северного Кавказа.

V. A. Iliinskaïa

CHRONOLOGIE RELATIVE DES ANCIENS TUMULI SCYTHES DANS LE BASSIN DE TIASMINE

Résumé

La définition de la chronologie relative d'anciens tumuli scythes (VII—VI siècles avant notre ère) dans le bassin du cours d'eau Tiasmine est d'une grande importance pour la compréhension des processus se déroulant dans le milieu de la population autochtone de la rive droite lors de la transition de la période préscythe (celle de Tchernoleska) à la période scythe développée aussi bien que pour la détermination chronologique des rapports culturels avec les tribus du bassin de Dniestr et de Danube, des steppes méridionales, du Caucase septentrional. L'examen des ensembles de tumuli se fait à

[82] М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века...; М. І. Вязмітіна и Е. Ф. Покровська. Поселения VII—VI ст. до н. е. в околицях с Жаботин. АП УРСР, Київ, 1956, стр. 38 сл.: Е. Ф. Покровська. Поселения VIII—VII ст. до н. е. на Тясмині. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 43 сл.

[83] Al. Vulpe. Zur mittleren Hallstattzeit im Rumänien (Die Basarabi — Kultur). Dacia, S, IX. Bucuresti, 1965, стр. 130.

partir des postérieurs, mieux datés, vers les antérieurs. L'auteur distingue nombre des groupes de sépultures consécutives se rapportant aux périodes différentes et qui se caractérisent par un certain nombre de signes. Ils comprennent les tumuli se rapportant au milieu et à la deuxième moitié du VI siècle avant notre ère, les tumuli de la première moitié du VI siècle avant notre ère conformes à la notion d'anciens tumuli scythes appartenant au groupe dit ancien de Jourovka. Les tumuli de la période dite de Jabotino leur sont antérieurs. On peut y signaler les ensevelissements de la fin du VII siècle, de la limite des VII—VI siècles, les ensembles qui ne sont pas postérieurs à la moitié du VII siècle et enfin les plus anciens qui se rapportent au début du VII siècle avant notre ère.

L'examen de la chronologie relative permet de conclure que la période de Jabotino n'embrasse pas que la fin du VII siècle et le début de VI siècle comme cela était admis auparavant mais tout le VII siècle avant notre ère. L'auteur partage entièrement l'opinion de A. Voulpé suivant laquelle le début de la période de Jabotino et, par conséquent, de la fin de celle de Tchernoleska doit être reculé au moins de 50 ans.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТРЕМЯН

В археологической науке не существует единого мнения ни о времени, ни о месте появления стремян — той важной части конской сбруи, которая произвела настоящий переворот в использовании человеком всех возможностей верхового коня [1]. Одни исследователи считают, что стремена возникли в начале нашей эры у сарматов [2], другие называют районы, пограничные с Китаем в эпоху Поздних Хань [3], третьи — Южную Сибирь (не позднее III в.[4] или, по другой точке зрения, до V в.[5], четвертые отдают приоритет в этом вопросе государству Когурё (не позднее IV в.) [6]. Существует также мнение о появлении первых стремян у гуннов [7]; наконец, возникновение стремян связывают с древними тюрками, относя их изобретение к VI в. [8]

Большинство исследователей полагает, что стремена возникли у степных народов, в жизни которых важную роль играло кочевое или полукочевое скотоводство, а конница издавна составляла основную часть войска. Некоторые ученые, не отрицая этого положения, все же допускают возможность изобретения стремян оседлыми народами, быстро освоившими верховую езду для борьбы со своими кочевыми соседями [9]. По другому интересному предположению, седло со стременами ранее всего появилось

---

[1] Приношу благодарность А. В. Арциховскому, в семинаре которого была выполнена настоящая работа, а также Б. И. Маршаку за оказанную помощь.

[2] RLV XIII, Berlin, 1927, S. 68; P. Ehrenberg. Betrachtungen über die Verwendung des Pferdes in der Frühzeit. «Ethnographische [und] archäologische Forschungen». Berlin, 1959, S. 26.

[3] S. W. Bushell. L'art Chinois. Paris, 1910, p. 35; M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929, p. 107; B. Laufer. Chinese Grave-Sculptures of the Han Period. London, 1911, p. 23; K. Wittfogel and Fêng Hsia-shéng. History of Chinese Society. Liao. Philadelphia, 1949, p. 505.

[4] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 516—518; Л. Р. Кызласов. Тыштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 140; его же. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 20; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 142, 166—167.

[5] A. D. H. Bivar. Stirrup and its Origin. OA, London, 1955, I, 1, p. 62.

[6] Р. Ш. Джарылгасинова. Древние когурёсцы. М., 1972, стр. 111—112.

[7] G. Clark. Horses and Battle-Axes. «Antiquity», Gloucester, 1941, 15, 57, p. 53; его же. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 307—309; J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, s. 53; А. В. Арциховский. Основы археологии, М., 1954, стр. 196.

[8] М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. В кн. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, стр. 127; С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. «Советская этнография», 1966, 3, стр. 62 и далее; С. С. Черников. В глубине веков. «Очерки истории Рудного Алтая». Усть-Каменогорск, 1970, стр. 13; А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 90.

[9] K. Wittfogel and Fêng Hsia-shéng. Op. cit., p. 505. Р. Ш. Джарылгасинова. Ук. соч., стр. 111—112.

у народов гор, так как без этого приспособления езда верхом по крутым склонам практически невозможна [10].

Собранные нами материалы, вероятно, позволят несколько иначе взглянуть на проблему происхождения стремян. Прежде всего представляется возможным удревнить дату их появления. При доказательстве тезиса об изобретении стремян тюрками в VI в. чаще всего приводят три основных довода: 1) возникновение стремян связано с появлением жестких седел в VI в.; 2) изобретение стремян приводит к появлению сабли (наиболее ранний ее экземпляр датируется началом VII в.); 3) появление стремян ранее VI в. якобы не подтверждается материалами твердо датированных памятников [11].

Рассмотрим, насколько основательны эти доводы. О времени появления жестких седел [12] не существует единого мнения. С. И. Руденко указывал, что они появились в Азии не позднее V в., так как в VI в. это уже сформировавшийся тип седел [13]. Глиняные модели жестких седел устойчивой формы известны среди находок на раннеславянских поселениях Молдавии VI — VII вв. [14] Высокое седло изображено на глиняном сосуде в форме всадника из Кореи. Сосуд относится к культуре Силла и датируется V — VI вв. [15]. Интересный материал для изучения жестких седел IV — V вв. дают росписи периода Когурё [16]. Из могильника Лян-шан-рёсан в Южной Корее происходят бронзовые накладки высоких седельных лук, датируемые IV — V вв. [17] Они имеют характерный «чешуйчатый» орнамент, столь типичный и для материальной культуры гуннов (рис. 1) [18]. Подобные же пластины, оформлявшие седельные луки, известны в Поволжье и Казахстане из комплексов IV — V вв. (Боровое, Шипово, Новогригорьевка, Покровск). Там же обнаружены и остатки твердого седельного остова. Например, в погребении № 3 у ст. Шипово «от седла сохранились довольно большие куски дерева, на двух из них, являющихся остатками луки,— по золотому листу сегментовидной со срезанным углом формы» [19]. Сходные накладки распространены в одновременных памятниках Венгрии и достигают района Страсбурга. Украшение этих накладок излюбленным гуннами узором позволяет предполагать, что гунны пользовались в IV — V вв. жесткими седлами. Данные письменных источников подтверждают это. Использование деревянных седел гуннами очевидно из описания их конского снаряжения. Иордан сообщает о сооружении гуннами костра из седел для освещения поля боя ночью на Каталаунских полях. Такой приказ Аттилы можно было выполнить, лишь имея седла из дерева [20], так как волосяная набивка мягких седел ничего не дала бы, кроме дыма и чада.

В то же время твердые седла употреблялись и в Индии. Об этом свиде-

---

[10] А. П. Рунич. О конской сбруе из района Пятигорья. СА, 1973, 1, стр. 168.

[11] С. И. Вайнштейн. Ук. соч., стр. 62, 67, 74.

[12] Под жестким седлом подразумевается седло, имеющее твердые луки и деревянную основу остова.

[13] С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.— Л., 1955, стр. 253.

[14] «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии». Кишинев, 1968, рис. 1, *16*.

[15] G. St. G. Gompertz. Korean Art. I; OA, VII, London, 1961, 1, p. 21, fig. 8, p. 19; Культурные памятники Кореи. Пхеньян, 1957, рис. 52, стр. 97.

[16] Р. Ш. Джарылгасинова. Ук. соч., стр. 112, табл. I; рис. на стр. 117 и 136.

[17] J. Werner. Op. cit., Taf. 23 (1—2), S. 52.

[18] Ср. Ю. Талько-Грынцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. VI. Труды Троицко-Кяхтинского отдела Приамурского отделения Русского географического общества, IV, 2, М., 1902, стр. 51; C. Trever. Excavations in Northen Mongolia. Leningrad, 1932, pl. 25.

[19] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ. VI, 3, Саратов, 1927, стр. 97, 98, 107, 120, 123, табл. IV, рис. 26.

[20] J. Werner. Op. cit., S. 51.

тельствуют изображения из Аджанты[21]. Распространенные в Японии в III — V вв. погребальные статуэтки «ханива» часто изображают оседланных лошадей (рис. 2). Их седла всегда имеют высокие луки[22]. Остатки жесткого седла III — IV вв. были обнаружены в могильнике на р. Кенкол в Киргизии[23]. Седло с высокой лукой изображено на корейском сосуде III в. из Приморского краевого музея[24].

Существуют свидетельства употребления седел с твердым остовом и для более раннего времени: например, скульптурка всадника, вероятно, I—III вв. с городища Потчеваш в Западной Сибири. Модель изображает жесткое седло с высокими луками[25]. Из таштыкского склепа № 1 Уйбатского чаа-таса в Хакасии происходит берестяная обкладка высокой седельной луки[26]. Памятник датируется I—II вв. Распространение таких седел подтверждают и предметы таштыкского искусства[27]. К I в. относятся деревянные луки из могильника гуннов (сюнну) в Ноин Ула[28]. Луки принадлежали седлам с продольными деревянными планками, т. е. седла гуннов имели жесткий каркас. На рельефах и статуэтках Китая того же времени также изображалось твердое седло. Примерами могут служить изображения из гробницы уезда Инань в провинции Шаньдун[29]. Интересна находка сарматского котла I в. на р. Ахтубе. Одна из его ручек — в виде фигурки верхового коня, имеющего седло с высокими жесткими луками. Распространение в это время жестких седел у римлян, галлов и греков подтверждают рельефы[30].

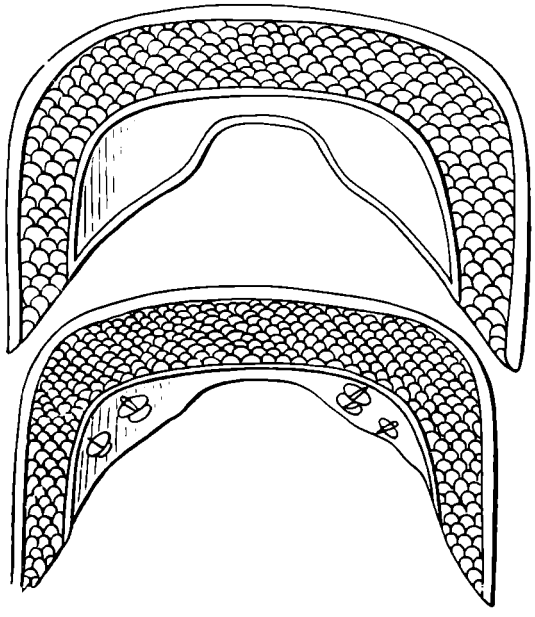


Рис. 1. Бронзовые накладки лук седла IV—V вв. из Кореи (по К. Огава)

Интересны гораздо более ранние свидетельства существования жестких седел. Например, глиняная статуэтка коня с высоким седлом известна среди находок из Базар-Калы (Хорезм, III в. до н. э.)[31]. Об использовании

---

[21] L. S. Leshnik. Some Early Indian Horse-Bits and Other Bridle Equipment. AJA., 57, 2, 1971, p. 147.

[22] Seiroku Noma. Haniwa., OA I, London., 1955, 1, p. 5, 10, fig. p. 8; K. U. Köhalmi. Two Saddle Finds from Western Mongolia. AAH., 20, Budapest, 1968, fig. 7, p. 356; OA, London, V, 1959, 2, фото на обложке; L'Art et l'Homme, II, p. 176, Paris, 1958.

[23] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 6, 18, 21, 22, табл. XXVI.

[24] Э. В. Шавкунов, Ю. В. Аргудаева. Когурёский сосуд III в. СА, 1963, 3, стр. 231, рис. 6.

[25] В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35, 1953, табл. XII, *2*, *3*, стр. 210—211, 216.

[26] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 434, табл. XXXVI, *1*; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 130.

[27] Там же, стр. 117, 136; рис. 32, *5*, 52, *2*.

[28] С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.— Л., 1962. стр. 49—50, табл. XXIV, 3.

[29] Цзэн Чжао-люй, Цзян Бао-гэн, Ли Чжун-и. Инань гу хуасян шиму фацзюэ баогао. Отчет о раскопках каменной усыпальницы с древними рельефами в уезде Инань. Шанхай, 1956, рис. 28, *7*, 48, *34* — 50, *38*, 96, 97; L. Hajek. Chinesische Kunst. Prag, 1954, Abb. 94.

[30] А. С. Скрипкин. Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области. СА, 1970, 4, стр. 207, рис. 3; Ю. М. Десятчиков. Катафрактарий на надгробии Афения. СА, 1972, 4, стр. 76; DAGR, IV, 2, p. 1181—1182.

[31] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 219, табл. 81, *9*.

жестких седел у сюнну (гуннов) в III в. до н. э. свидетельствует «Ханьшу». В 52-й главе «Истории династии Хань» описывается бой при Пинчэне. Сюнну соорудили из своих седел несколько укрепленных лагерей вокруг попавшего в засаду императора Гао-ди, «причем высота их достигала высоты (крепостной) стены» [32]. К пазырыкскому времени относится деревянная лука от седла с твердым остовом из могильника Каракол на Алтае [33]. О находках остатков деревянных седел в ряде скифских курганов IV—III вв. до н. э. упоминает Б. Н. Граков [34].

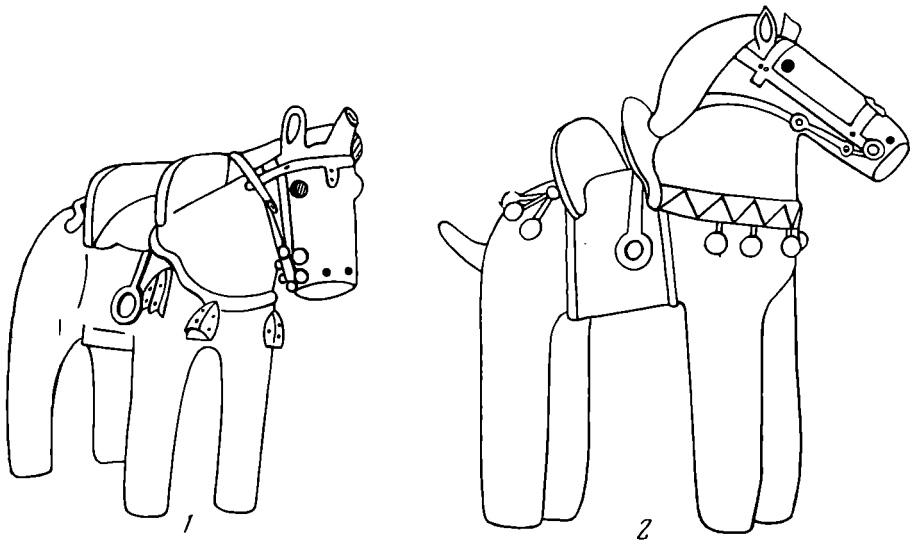


Рис. 2. «Ханива» III—V вв. из Японии (по С. Нома, К. Кёхальми), глина

Приведенные данные свидетельствуют, что седла с твердым остовом и жесткими луками появляются задолго до VI в. Не ставя задачи выяснения происхождения и развития этого типа седел, нужно подчеркнуть, что становление и распространение его происходит в период с III в. до н. э. по III в. н. э.

Обратим внимание также на безусловную связь между изобретением стремян и возникновением сабли. Однако и сабля появилась не вдруг. Имеющиеся материалы дают возможность хотя и неполно, но проследить этапы становления этого оружия. Появление сабли — результат развития рубящего кавалерийского меча [35]. Основное различие между ними в характере наносимого удара. Этот фактор определяет форму оружия. Стремена дали всаднику возможность не только рубить, но и сечь. В погребениях IV — V вв. в Европейской части СССР широко встречаются однолезвийные прямые палаши [36]. Это еще не сабли, но уже и не мечи, поскольку они отличаются от мечей характером наносимого удара. Изменить же характер удара конник смог, лишь получив упор для ног. Необходимо помнить также, что между появлением стремян и изменением формы меча должно было пройти некоторое время.

Итак, даже краткое рассмотрение материалов, демонстрирующих развитие жесткого седла и появление сабли, дает возможность предположить, что стремена изобретены ранее VI в. Легко опровергается и положение об

---

[32] В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну. М., 1968, стр. 74, 158.

[33] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 346—347, 434, табл. XXXII, *12*.

[34] Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 98: «В ряде курганов IV—III вв. до н. э. были обнаружены остатки деревянных седел. По краю к ним прибивались золотые полоски с волнистым краем».

[35] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия...; его же. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951; М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента..., стр. 127.

[36] Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 103, 109; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 160.

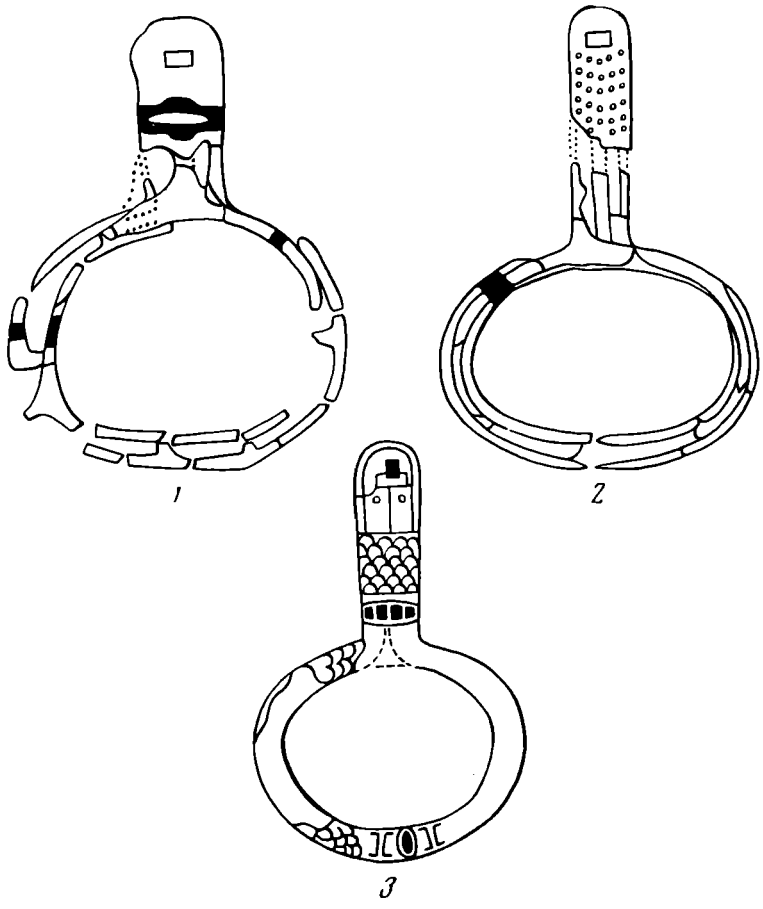


Рис. 3. Ранние стремена IV—V вв. из Кореи

1, 2 — тип I, *3* — тип II (по Акио Ито), дерево и металл

отсутствии твердо датированных памятников древнее VI в. с находками самих стремян.

Рассмотрим имеющиеся данные по мере удревнения фактического материала. Стремена хорошо известны среди находок в курганах V в. в Корее (например, «Курган сосуда хоу», «Курган золотой короны», «Курган серебряного бубенчика», курган № 14, 109 и другие в районе г. Кёнчжу) [37] и в Японии. Разработанная в последнее время Акио Ито точная хронология корейских могил позволяет относить к этому времени два типа стремян (типа I и II стадий A и B по номенклатуре этого исследователя — см. рис. 3) [38]. Корейский ученый Пак Джинук выделяет еще и особую трапециевидную форму ранних стремян [39]. Интересно отметить, что на позолоченных бронзовых обкладках одного из стремян V в. из могильника Конгю-Кейшу нанесен тот же «чешуйчатый» орнамент, использовавшийся и гуннами (рис. 3, *3*) [40]. Имеются и изображения корейских стремян V в. Их можно видеть на сосуде в форме всадника, о котором уже шла речь [41]. На фресках гробницы Тунг Ку также показаны всадники со стременами [42]. Стремена, найденные в могилах V в. в Японии, Сетсу Онояма раз-

---

[37] М. В. Воробьев. Древняя Корея. М., 1961, стр. 108—110, 114—115; рис. XXXIV, *10*; Akio Ito. Zur Chronologie der frühsillazeitlichen Gräber in Südkorea. Text und Tafelband. BAW, Philosophische-historische Klasse Abhandlungen. Neue Folge. Heft 71, München, 1971, Abb. 91, 56.

[38] Akio Ito. Op. cit., S. 82—86, 137—142.

[39] Р. Ш. Джарылгасинова. Ук. соч., стр. 112.

[40] J. Werner. Beitrage... S. 53, Taf. 67, *1*, 60, *1*.

[41] G. St. G. Gompertz. Op. cit., p. 19, 21, fig. 8; Культурные памятники Кореи, рис. 52, стр. 97.

[42] A. D. H. Bivar. Stirrup..., p. 63.

делил на два типа (рис. 4). Первый (первая половина V в.) схож с одновременными корейскими. Второй (со второй половины V в.) представляет местные формы. Им одновременны «глухие» стремена, являющиеся специфической японской формой [43].

Известны и некоторые абсолютные даты. При описании биографии китайского военачальника Лю Суна говорится о получении им в 477 г. стремени в качестве сигнала для начала военных действий [44]. Эта история, несомненно, показывает, что стремена в V в. были общеизвестны и широко применялись в Китае [45]. Изображения стремян в корейской гробнице Тунг Ку датируются, как и вся гробница, 427 г.[46] Упомянувшийся «Курган сосуда хоу», в котором найдены стремена, датируется по надписи на сосуде, давшем ему название, 415 г. [47] Важны для датировки и погребальные фигурки оседланных лошадей из Японии с изображениями стремян (см. рис. 2) [48]. Корейские стремена IV в. занимают важное место в классификации Акио Ито (I тип в стадии А) [49]. Многочисленные изображения стремян этого времени можно видеть на росписях гробницы Муёнчхон [50]. Из Кореи происходят стремена, которые, по имеющимся в литературе сведениям, датируются по надписи 315 г. [51]

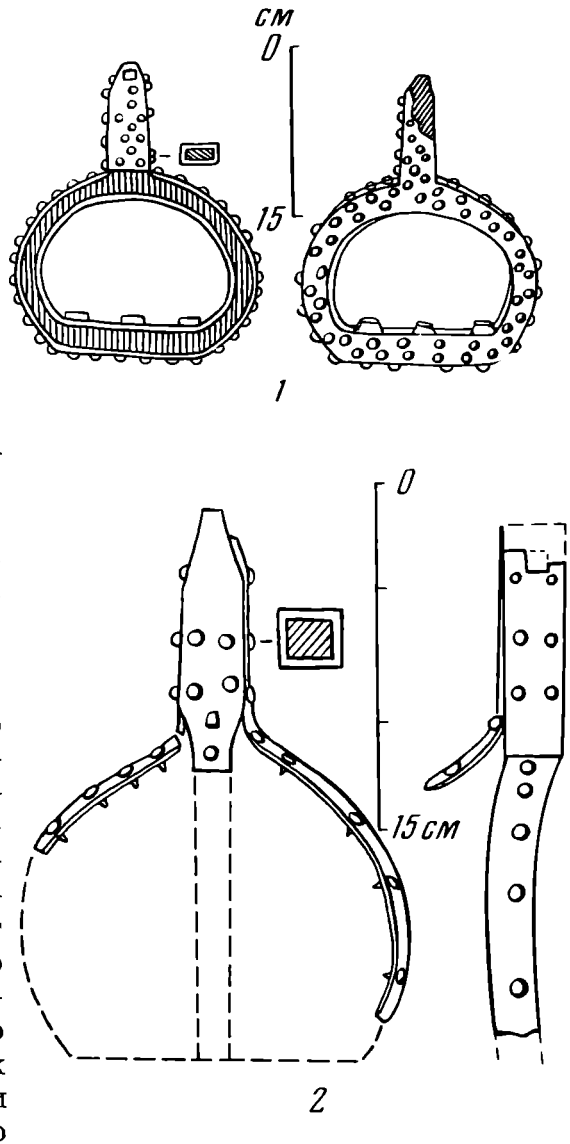


Рис. 4. Ранние стремена V в. из Отани, Япония (по Т. Хигучи, С. Онояма), дерево и металл

Материалы III в. предоставляет сибирская археология. Миниатюрные железные модели стремян из числа случайных находок широко известны на Среднем Енисее (рис. 5) [52]. Это преимущественно стремена с восьмерко-

---

[43] Setsu Onoyama. Early Horse Equipment Discovered in Japan. Kokogaku zasshi. JASN, LII, 1966, July, 1, p. 1—2; Takayasu Higuchi, Shinji Nishitani, Setsu Onoyama. Otani. Report of the Excavation of the Ancient Burial Mound. Kyoto, 1959, pl. XLVII, XLVIII.

[44] K. A. Wittfogel and Fêng Hsia-shéng. Op. cit., p. 18, 505; A. D. H. Bivar. Op. cit., p. 62.

[45] Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дзитэн. II, Токио, 1959, стр. 12175. Большой пероглифический словарь (китайско-японский); «Чжунвэнь да цыдянь», 35, Тайбэй. 1968, стр. 15125. Большой энциклопедический словарь китайского языка. Пользуюсь случаем поблагодарить за консультацию Р. В. Вяткина.

[46] A. D. H. Bivar. Op. cit., p. 63.

[47] М. В. Воробьев. Древняя Корея, стр. 108—109.

[48] Seiroku Noma. Op. cit., p. 5—10; OA, 1959, V, 2; K. U. Köhalmi. Op. cit., p. 356, fig. 7.

[49] Akio Ito. Op. cit., s. 137—142, Abb. 56, 91.

[50] Р. Ш. Джарылгасинова. Ук. соч., стр. 111—112 и рис. в тексте.

[51] K. Hamada and S. Umehara. A Royal Tomb «Kiukan-Tsuka» of the Gold Tomb at the Keishu and its Treasures. Spec. Report of the Service of Antiquites of Chosen 3, Seoul. 1924; T. Higuchi, S. Nishitani, S. Onoyama. Op. cit.

[52] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 516—518; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. стр. 140, стр. 51, *9—10*.

образным завершением, типа, широко бытовавшего впоследствии в VI — X вв. Их форма наиболее проста. Необходимо иметь в виду, что миниатюрные изображения вещей, созданные для погребений, не встречаются в Южной Сибири позднее Уйбатского этапа таштыкской культуры (III в.) [53]. Миниатюры более позднего времени представляют иные типы стремян. Таким образом, в настоящее время самые ранние стремена, известные по археологическим памятникам, относятся к III — началу IV в.

Значит ли это, что ранее стремена не были известны? Археологических фактов пока нет. Но существуют ли какие-либо иные источники, говорящие о происхождении стремян? Для решения этих вопросов необходимо выяснить, какие потребности приводят к появлению стремян и каковы основные функции последних.

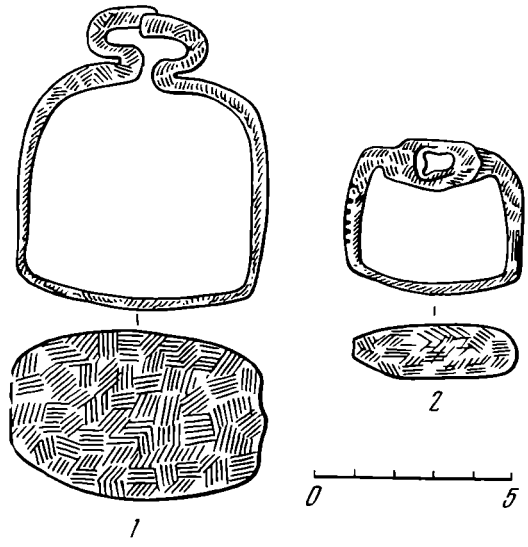


Рис. 5. Модели таштыкских стремян III в. из Хакасии (по Л. Р. Кызласову), железо

Как известно, стремена служат для облегчения посадки всадника в седло и являются упорами для ног при верховой езде. Следует отметить при этом, что стремя необходимо не для того, чтобы сидеть, а для того, чтобы **стоять или привставать** в седле, и для того, чтобы **усидеть** в седле. Потребность в стремени как **приспособлении** для посадки в седло существовала всегда со времени появления верхового коня. До массового распространения стремян и после него эта задача решалась по-разному [54]. Вторая основная функция стремян вызвана в первую очередь особенностями конного рукопашного боя и **вооружением воина-всадника.**

При использовании лука и стрел, копья и короткого меча положение всадника на конской спине не было надежным («И разве наше положение,— говорил Ксенофонт греческим пехотинцам,— не более устойчиво, чем положение всадников? Они ведь висят на конях, боясь не только нас, но и собственного падения») [55]. С началом же массового использования длинного рубящего меча и тяжелой ударной пики стремена стали совершенно необходимой деталью сбруи. Многие письменные источники подробно описывают сокрушительную силу удара пики: противник часто оказывался пробитым насквозь и, уж во всяком случае, выбитым из седла [56]. Общеизвестно, что сила действия равна силе противодействия. Поэтому и атакующий должен был после удара пикой оказаться на земле. Удержаться в седле после сильного удара катафрактарий мог лишь благодаря стременам. Тяжелая пика лишала его возможности использовать руки для упрочения своего положения верхом [57] и заставляла развернуть туловище левым плечом вперед. Из-за этого в сторону уходило правое колено. Шлюс всадника не мог быть крепким и потому, что конь часто имел броню, по которой скользили ноги наездника [58]. Таким образом, конник не удава-

---

[53] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 151.

[54] A. D. H. Bivar. Op. cit., p. 61; «Песнь о Нибелунгах», Л., 1972, стр. 69, строфа 570.

[55] Ксенофонт. «Анабасис». М., 1951, кн. III, гл. II, стр. 78.

[56] А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 49, 73—74.

[57] То же самое было и при использовании двуручного меча тяжеловооруженным всадником.

[58] В. Д. Блаватский. О боспорской коннице. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 96—99, рис. 21, 22, *1*, *2*; его же. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 114—115, 117, 119; А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 73; H. A. Potratz. Das Pferd in der Frühzeit. Rostok, 1938, S. 24.

лось использовать для твердой посадки ни руки, ни ноги, и только стремена могли помочь ему держаться в седле.

Широкое распространение тяжеловооруженных конных войск от сарматов и парфян [59] до Китая и Кореи [60] дает нам право оставить в стороне вопрос о выдающемся искусстве верховой езды как привилегии какого-либо «родившегося в седле» народа. Не следует забывать также, что с того отдаленного времени и вплоть до исчезновения конницы как особого рода войск в недавнем прошлом принципиальных, качественных изменений в холодном оружии всадника не произошло. Одинаковый комплекс вооружения всадника предполагает и одинаковое снаряжение коня.

Все сказанное дает возможность предположить широкое бытование стремян в период с IV — III вв. до н. э. (массовое распространение катафрактариев) по III в. н. э. (когда мы имеем уже археологические доказательства существования стремян). Почему же стремена того времени до сих пор не известны по археологическим данным? Прежде всего катафрактариев разных народов, за редким исключением, по существовавшим обычаям не хоронили с конем или с конской сбруей. Возможно, стремена иногда и оказывались среди погребального инвентаря, но они в то время вряд ли делались из металла [61]. Предметы же из органики в могилах более чем двухтысячелетней давности сохраняются лишь при особо благоприятных условиях. Однако доказать широкое применение в древности стремян, сделанных из органических материалов, все же возможно.

Можно полагать, что ременное стремя изображено на известной вазе из кургана Чертомлык (IV в. до н. э.) [62]. Об использовании таких стремян-петель в Индии во II в. до н. э. свидетельствует изображение на медной вазе из Кулу Вэли и на рельефе ворот из Сандши [63]. О распространении ременных стремян у гуннов, сарматов, скифов, даков, алан, готов, персов, галлов и египтян говорят письменные источники [64]. Подобные петли употреблялись и в Китае [65]. Этнографические материалы свидетельствуют об использовании веревочных стремян современными калмыками [66], якутами [67] и хакасами [68].

Важные сведения дает анализ этимологии слова «стремя» в языках разных народов. Рассмотрим этот материал подробнее.

Таблица I

Славянские языки

русский — стремя;	словенский — stréme;
древнерусский — стрьмѦ-стремѦ, стрьмьнь-стремень, стремьнь;	чешский — třmen;
	словацкий — strmén;
украинский — стремено, стремiн;	польский — strzemie.;
белорусский — стрэмя;	верхне-лужицкий — třmjeń;
сербско-хорватский — стрмен, стреме;	нижне-лужицкий — tśmeń

[59] В. Д. Блаватский. Ук. соч.; А. М. Хазанов. Ук. соч.

[60] А. М. Хазанов. Характерные черты сарматского военного искусства. СА, 1970, 2, стр. 61—62; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 214—215; M. Rostovtzeff. Op. cit., p. 60—61, 107, n. 2; A. D. H. Bivar. Op. cit., p. 63.

[61] Мы не считаем правильным обособлять здесь вопрос о времени происхождения металлических стремян. Термины «истинные», «настоящие» или «ненастоящие» стремена вряд ли заслуживают внимания. Стремя является таковым, если оно выполняет свои основные функции, независимо от материала, из которого оно изготовлено.

[62] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Ленинград — Прага, 1966, табл. 175.

[63] P. Ehrenberg. Op. cit., s. 27; L. S. Leshnik. Op. cit., p. 147; K. Wittfogel and Fêng Hsia-shéng. Opt. cit., p. 505.

[64] P. Ehrenberg. Op. cit., s. 27; A. D. H. Bivar. Op. cit., p. 61.

[65] «Хунаньский провинциальный музей. Доклад о раскопках могил времен цзиньских южных и шуйских династий в г. Чанша» (резюме на русск. яз.). «Каогу сюэбао», 1959, 3, стр. 75—105.

[66] У. Э. Эрдниев. Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970, стр. 120.

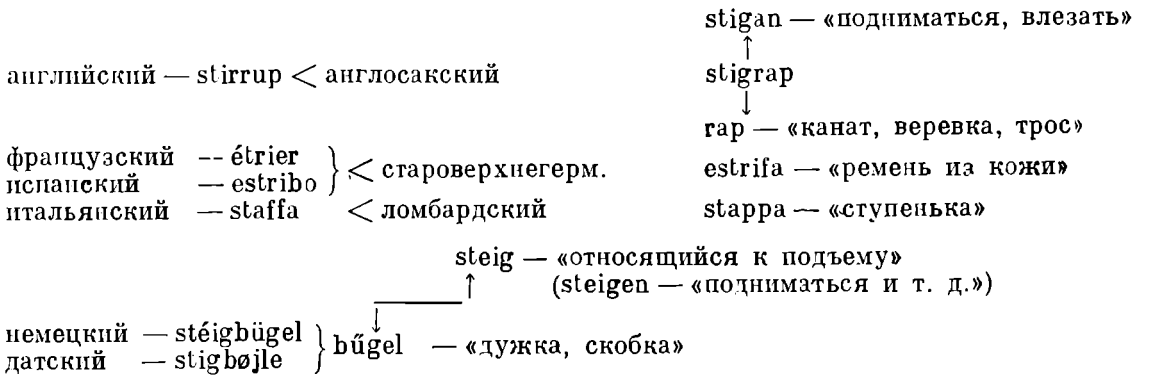
[67] Сообщено студентом Московского университета якутом В. И. Эртюковым.

[68] Использование таких стремян наблюдали летом 1972 г. сотрудники Хакасской археологической экспедиции МГУ В. И. Эртюков и О. В. Давыдов в Аскизском р-не Хакасской автономной области.

Производят от: 1) общеславянского «strьmen» — первоначально: «веревка; ремень; то, что натягивается»; 2) «strьmъ» — «крутой; тугой; то, что натягивается»; 3) древне-верхне-немецкого «stroum», «strom» — «веревка, струна; то, что натягивается»; 4) индоевропейского «ster» — первоначально: «ремень; веревка; то, что натягивается или напрягается». Табл. 1 показывает, что в славянских языках слово «стремя» произошло от общего корня. Лингвисты выбирают между четырьмя древними основами. Но нам важно отметить, что значение всех исходных корней одинаково: «веревка; ремень; то, что натягивается» [69].

Таблица II

Западноевропейские языки



В западноевропейских языках (табл. II) термин «стремя» тоже происходит от корней со значением «ремень, веревка» или имеет составной характер. В последнем случае к корню со значением «веревка, ремень» обычно добавляется основа, выражающая процесс подъема («подниматься, влезать») [70].

Корень с таким же значением («верх, наверх, подниматься») послужил основой образования слова «стремя» и во всех тюркских языках (табл. III) [71].

Рассмотренные лингвистические данные позволяют определенно говорить о том, что стремена у разных племен и народов первоначально делались из кожаного ремня или веревки и служили приспособлением для посадки в седло. Эти языковые материалы показывают и широкое распространение таких стремян.

Следующим шагом в эволюции стремян явилась петля, укрепленная вставкой-подножкой. Остатки таких стремян II в. до н. э. найдены близ

---

[69] Для составления этой таблицы использовались материалы словарей: В. Даль. Толковый словарь русского языка, IV. М., 1955, стр. 338; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1956, стр. 397; Н. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, III, М., 1959; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, III. М., 1971, стр. 775; Краткий этимологический словарь русского языка, ред. С. Г. Бархударова. М., 1971, стр. 429; Большой русско-польский словарь, III. М., 1970, стр. 1258; Русско-белорусский словарь, М., 1953, стр. 666; Русско-болгарский словарь. М., 1969, стр. 996; Русско-сербохорватский словарь. М., 1965, стр. 672; Русско-чешский словарь. М., 1968, стр. 768.

[70] Для составления таблицы материалами послужили следующие издания: A. D. H. Bivar. Op. cit., p. 65; G. Clark. Horses and Battle-Axes, 15, 57; Немецко-русский словарь. М., 1933, стр. 298, 1068; Русско-датский словарь. М., 1968, стр. 670.

[71] Для работы над этой таблицей использованы издания: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I. М., 1960, стр. 134; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I, 1, стр. 889; I, 2, стр. 1538, 1890, 1891, 1893, 1894; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. Л., 1959, стр. 101; H. Vámbery. Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878, раздел 64, стр. 56; Киргизско-русский словарь. М., 1965; Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961, стр. 259; Русско-алтайский словарь. М., 1964, стр. 738; Русско-хакасский словарь. М., 1961.

Нагпура в Индии[72]. Этот тип стремян также был широко распространен. Именно такие петли со вставными деревянными подножками обнаружены недавно в катакомбах X — XII вв. близ Пятигорска[73]. Этнографические аналоги им известны в Ставрополье, Воронежской области и других местах Центральной России[74]. Делались стремена и из других органических материалов. Например, из дерева (Корея, Япония). Лишь в VIII в. деревянные стремена арабской конницы были заменены железными[75]. Бытовали

Таблица III

Тюркские языки

башкирский	— өҙәңге	узбекский	— узанги
алтайский	— ӱзеңи	киргизский	— Үзөңгү
хакасский	— ізеңе	уйгурский	— Үзәңгү
якутский	— иҥэһэ		

Транскрипция диалектов и наречий

ӱзӓңӓ	— телеуты, шорцы
ӱзӓңгӓ	— таранчинское наречие, джагатайский книжный язык
ӱзӓні	— телеутский диалект
ӱзӓңгі	— тобольское наречие, команское наречие, турецкое
ӱзӧңӧ	— алтайское наречие
ӱзаңгӱ	— уйгурское наречие, джагатайский книжный язык
ӱзӧңӱ	— киргизское наречие
ӱзӧңгӱ	— киргизское наречие
ӓзӓңӓ	— саянское наречие
ізӓңі	— сагайский, койбальский, качинский диалекты
ізӓңгӱ	— барабинский диалект
өзөңгі	— казанский диалект

Корень от ӧс, ӧз, ӱс, ӱз > "верх, вверх", "наверх", "подниматься вверх", ос, оз, ус, уз > "расти" и т. д.
Сравни древнетюркск. ӧзӓ, ӱзӓ — "вверху, над, сверху" и ӧзlӓk ат — "верховая хорошая лошадь"

деревянные стремена и у монголов как в XI — XII вв.[76], так и в настоящее время (рис. 6). До недавнего времени деревянные стремена употреблялись тувинцами[77], башкирами, казахами[78], якутами[79] и другими народами[80] (рис. 6). На территории Тувы употреблялись также стремена из кости и рога (рис. 6, *5*)[81]. Этот же материал употребляли для изготовления стремян и хакасы[82]. Войлочные стремена известны у современных киргизов[83]. Таким образом, широкое употребление в древности стремян из органических материалов вряд ли может вызывать сомнения.

Еще один вопрос остается нерешенным. Почему к интересующему нас периоду IV — III вв. до н. э.— III в. н. э. относится так мало изображений стремян? Сомнительно, что на всех изображениях всадников этого времени нога воина скрывает ремень, а стопа — узкую подножку стремени[84]. Скорее всего, стремена не изображались. Но отсутствие стремян на изображениях не может само по себе служить доказательством того, что они не употреблялись в жизни. В самом деле, среди погребальных статуэ-

[72] L. S. Leshnik. Some Early Indian Horse-Bits, p. 147, fig. 2, *21*.
[73] А. П. Рунич. Ук. соч., стр. 165, 167, рис. 1, *19*, 2, *4*.
[74] Там же, стр. 167.
[75] K. A. Wittfogel and Fêng Hsia-shéng. Op. cit., p. 506, note 13; К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 81, сноска 3.
[76] K. U. Köhalmi. Op. cit., p. 356, fig. 5, 6/12 — ab.
[77] С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961, стр. 73, рис. 37.
[78] С. И. Руденко. Ук. соч., рис. 221, *а*, стр. 255.
[79] Такие стремена хранятся, например, в кабинете археологии ЯГУ в г. Якутске.
[80] Е. П. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск. 1900, стр. 36.
[81] Л. Р. Кызласов. Курганы тувинцев. ВМУ, история, 1964, № 5, табл. I, 54.
[82] Е. П. Яковлев. Ук. соч., стр. 36.
[83] А. Фпельструп. Исследование среди кара-киргиз. Сб. «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.». Л., 1926, стр. 52—53, фото.
[84] А. П. Рунич. Ук. соч., стр. 169.

ток Китая, относящихся ко времени танской династии (VII — X вв.) часто встречаются фигурки оседланных коней, не имеющих стремян [85]. Но именно в то время стремена в Китае были настолько широко распространены, что существовало особое правительственное предписание, регламентирующее употребление их в зависимости от занимаемого в государстве положения [86].

Еще несколько подобных примеров: на росписях Пенджикента (VII в.) тоже можно видеть изображения всадников без стремян [87]. Нет стремян

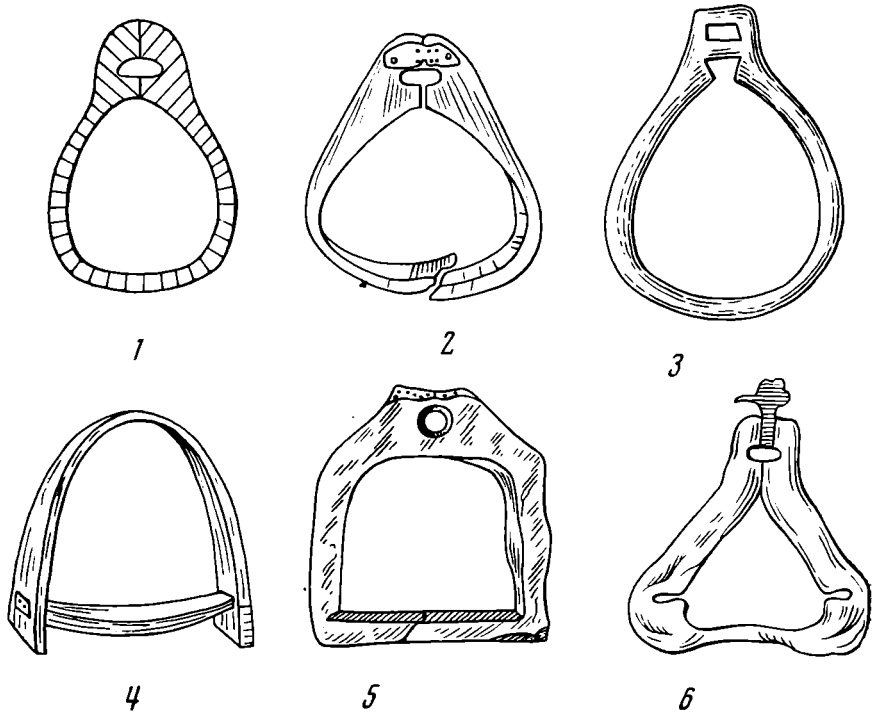


Рис. 6. Стремена из дерева и кости

1 — грот Узун хая, Хакасия (XI—XII вв.); *2* — Монголия (XI — XII вв.); *3* — казахские современные, *4* — якутские, *5* — тувинские, *6* — башкирские (*1—4, 6* — дерево; *5* — лопатка оленя?)

и у всадников, изображенных на Сулекской писанице в Хакасии и каменном блоке из Преславы (Болгария, IX — X вв.) [88]. Число примеров можно легко увеличить. Не может служить доказательством отсутствия стремян и положение ноги всадника на изображениях. Носок ступни сидящего верхом человека может свободно свисать вниз и будучи вставленным в стремя — в таком положении всадник просто не пользуется последним, не упирается в него ногой. Примеры подобных изображений представляют росписи гробницы Муёнчхон в Корее [89], расписные панели из Дандан-уилига [90], живопись «пещеры Майа» в Кызыле (Куча) [91].

То же можно сказать и об изображениях, где ступня всадника занимает прямое положение или пятка оттянута вниз. Теоретически эта поза возможна только при упоре на стремена, тем не менее она встречается повсемест-

---

[85] «Искусство народов Востока. Путеводитель-очерк». М., 1968, табл. 38; OA., London, 1, 1948; 2, p. 46; 4, 1958, 4, p. IX; OA., 5, 1959, 2, p. 40; OA., VII, 1961, 1, p. 2; 2, p. 55; 4, p. 176; «Kaogy», 1960, 1, стр. 43 и 3, стр. 36—37.

[86] K. A. Wittfogel and Fêng Hsia-shéng. Op. cit., p. 507 and notes.

[87] «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», М., 1959, табл. VII.

[88] V. Ivanova-Mavrodinova. Old Bulgarian Art. Sofia, 1967, p. 48, fig. 20; H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, Abb. 77, 79, 81, 82, 86, 93.

[89] Р. Ш. Джарылгасинова. Ук. соч., стр. 112.

[90] A. Stein. Ancient Khotan. Oxford, 1904, pl. LIX, LXII.

[91] М. М. Дьяконов. Ук. соч., рис. 25, стр. 152, табл. XXXI и XXXIII.

но на ханьских рельефах, там, где нет изображений стремян [92]. Таково же положение ступни у всадников, вычеканенных на фракийских бляхах клада из Летницы (IV — III вв. до н. э.) [93].

Отсутствие стремян на изображениях всадников понять трудно. Возможно, что они не изображались намеренно. Ведь существует мнение, что при изображении воина образ его обычно героизировался. Победоносность всадника, например, подчеркивалась намеренно неустойчивой посадкой — герой сидел на коне «по-дамски», демонстрируя свое пренебрежение к противнику [94]. Хороший пример подобного изображения — наскальный рельеф IV в., сохранившийся близ Персеполя (богатырь опрокидывает врага вместе с конем) [95]. Подтверждения подобных представлений о воинской доблести можно найти и в фольклоре казахов («Да разве батыры борются на оседланных лошадях?») [96]. Стремясь продемонстрировать смелость перед попавшим в окружение китайским императором Гао-ди, сюнну, например, совсем расседлали своих коней [97]. Известно, что укрощение необъезженного и неоседланного коня является своеобразным испытанием, демонстрацией силы и ловкости всадника у монголов, хакасов [98] и других скотоводов. Итак, трудно сказать точно, особенностями ли художественного стиля или иными соображениями вызван отказ от изображения стремян. Но несомненно, что на основании изображений такого рода нельзя говорить об отсутствии стремян в быту в ту или иную эпоху.

Рассмотренные материалы позволяют нам сделать следующие выводы: 1) стремена появляются и начинают широко использоваться уже с IV — III вв. до н. э. В то же время появляются и наиболее ранние формы жесткого седла; 2) ранние стремена изготовлялись из органических материалов; 3) развитие типов стремян можно представить себе следующей приблизительной схемой: петельные гибкие (ремень, веревка) → петельные закрепленные (с твердой вставкой-подножкой) → деревянные → деревянные, укрепленные металлическими накладками → металлические. При этом надо иметь в виду, что стремена из органических материалов всегда продолжали сосуществовать с металлическими; 4) широчайшее распространение ранних типов стремян и наличие своеобразных местных их форм у народов с различными хозяйственными укладами (деревянные круглые и трапециевидные в Корее, «глухие» в Японии, с «внутренней петлей» в Южной Сибири (рис. 5, *2*) и т. д.) позволяют отказаться от поисков народа — «изобретателя стремян». Стремена, как и множество других необходимых в быту предметов, возникли, по-видимому, в разных центрах. Своеобразные местные формы были, вероятно, вытеснены или отодвинуты на второй план с появлением металлических стремян, оказавшихся универсальными.

---

[92] E. Chavannes. Mission archeologique dans la Chine Septentrionale. Paris, 1909, Planches, pl. XXVI—XXIX; Th. Lawton. Two Han Funerary Reliefs. O A., London, 1960, 3, p. 91, fig. 1—2.

[93] «Клады болгарских земель». София, 1965. «Клад из Летницы», рис. 5, 7, 9, 10.

[94] В. Д. Блаватский. О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 44—45; М. Я. Чореф, П. Н. Шульц. Новый рельеф сарматского круга. СА, 1972, 1, стр. 137—138.

[95] A. D. H. Bivar. Op. cit., fig. 2.

[96] «Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки русского географического общества», XXXIV, СПб., 1909, стр. 214—215.

[97] В. С. Таскин. Ук. соч. «История династии Хань. Глава 52. Жизнеописание Хань Ань-го», стр. 74 и 158.

[98] Благодарю за это сообщение М. П. Грязнова, лично наблюдавшего такую борьбу с диким конем у хакасов в 1921 г.

I. L. Kyzlassov

SUR L'ORIGINE DES ÉTRIERS

Résumé

Il n'existe pas dans la science d'avis général sur le temps et le lieu de provenance des étriers. Leur invention est souvent attribuée au VI siècle mais la selle rigide et le sabre sont apparus avant le VI siècle. Les étriers sont trouvés dans les sépultures des IV—V siècles en Corée et au Japon où sont connues également leurs représentations figurées. C'est à ce temps même que les étriers sont mentionnés pour la première fois dans les sources chinoises. Des modèles d'étriers ont été connus en Sibérie méridionale en III siècle. Les étriers les plus anciens étaient fait des matériaux organiques et de ce fait ne se sont pas conservés. Les étriers de corde et de bois sont connus d'après des figurations anciennes. Les sources écrites aussi bien que l'étymologie du mot «étrier» dans de nombreuses langues témoignent de leur large utilisation. Les étriers étaient fabriqués aussi en bois, en feutre, en os, en corne et en d'autres matériaux organiques. L'armement, la monte et la tactiques des cataphractes permettent de supposer l'utilisation des étriers faits en matériaux organiques. L'absence des étriers sur les figurations des époques anciennes reflète probablement la tendance à la glorification du cavalier héroïsé.

Les étriers sont apparus, hypothétiquement, aux IV—III siècles avant notre ère. L'évolution probable des étriers est la suivante: les étriers souples en boucle de courroie, ceux en bois fixés par un marchepied intercalaire, ceux en métal fixés par de petites appliques métalliques. La grande diffusion des étriers anciens nous oblige à nous renoncer à chercher le peuple inventeur.

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ АНТРОПОМОРФНЫЕ НАДГРОБИЯ ХЕРСОНЕСА?

К какой этнической группе следует отнести антропоморфные надгробия Херсонеса — вопрос, который приходится ставить еще раз. В настоящее время проведен полный статистический подсчет памятников из Херсонеса и его округи, выяснены места их обнаружения, выявлены все надгробия, найденные in situ, многие из которых не упоминались еще ни в одной работе. Весь материал в комплексе меняет, как нам кажется, сложившееся ранее представление об антропоморфных надгробиях как о памятниках «варварской» культуры, иногда прямо приписываемых таврам. К памятникам таврского происхождения отнесла их Н. В. Пятышева, считая, что между херсонесскими антропоморфными надгробиями и скульптурой древнейших доскифских обитателей Причерноморья — киммерийцев существует генетическая связь [1].

А. Н. Щеглов ретроспективным путем устанавливает связь местной скульптуры Херсонеса римского времени с антропоморфной скульптурой эпохи эллинизма и поддерживает точку зрения о таврской их принадлежности [2]. К сожалению, никак не аргументирует свое утверждение о «туземном происхождении» антропоморфных надгробий С. Ф. Стржелецкий [3].

Мнение о том, что «эти памятники являются произведениями местной работы», было впервые высказано А. П. Ивановой в 1941 г. [4], а в 1962 г. она делает более конкретный вывод: «Своеобразная форма антропоморфных надгробий и отсутствие на них греческих надписей заставляют связать их с негреческим, скорее всего с таврским населением. Характерно, что упоминавшееся выше антропоморфное надгробие 1936 г. было найдено над могилой скорченника, так же как надгробия, найденные В. В. Борисовой [5]. Доказательством негреческого происхождения антропоморфных надгробий А. П. Иванова считает следующие признаки: 1) схематическое, суммарное изображение человеческих голов [6], 2) отсутствие греческих надписей [7], 3) связь с обрядом скорченных захоронений [8].

Прежде чем проводить разбор стилистических особенностей антропоморфных надгробий с точки зрения их этнической принадлежности, остановимся на их связи с захоронениями со скорченными костяками. А. П. Иванова ссылается на три случая такой связи: один на некрополе северного

[1] Н. В. Пятышева. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья. ВДИ, 1946, 3, стр. 175—176, 178—179.

[2] А. Н. Щеглов. Херсонеські антропоморфні стели з врізними зображеннями. «Археологія», XXI, Київ, 1968, стр. 221.

[3] С. Ф. Стрежелецкий. К вопросу об интерпретации и датировке некоторых памятников Херсонеса. «Историко-археологический сборник». М., 1948, стр. 146.

[4] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА, VII, 1941, стр. 108.

[5] А. П. Иванова. Антропоморфные надгробия. Рукопись, стр. 1, 19 (хранится в Херсонесском музее).

[6] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия..., стр. 107—108.

[7] А. П. Иванова. Антропоморфные надгробия..., стр. 15.

[8] Там же, стр. 15, 19.

района (раскопки Г. Д. Белова в 1936 г.) [9] (рис. 1, *1*) и два на юго-восточном участке некрополя в районе гончарных печей (раскопки В. В. Борисовой в 1956 г.) [10] (рис. 1, *2*, *3*). Поскольку обряд скорченных захоронений считается этническим признаком, приписываемым в Херсонесе таврам [11], мы продолжим их перечень.

В 1928 г. Н. И. Репников, исследуя участок некрополя, расположенный на западном берегу Карантинной бухты (на месте так называемого верхнего скотного двора, немного южнее башни XVII (Зенона)), открыл около 100 погребений, датируемых керамикой и монетами от IV в. до н. э. до X в. н. э. [12]. Среди них оказалось девять могил со скорченными костяками [13]. К сожалению, для восьми погребений время не установлено, так как при костяках вещей не было. И только одно из них можно датировать римским временем на основании краснолаковой чашки [14]. В насыпи, перекрывающей могилы на участке Н. И. Репникова, найдено 12 антропоморфных надгробий и девять горизонтальных плит к ним [15].

В этом же районе в 1908 г. Р. Х. Лепер открыл еще три погребения со скорченными костяками [16], а в насыпи некрополя им найдено одно антропоморфное надгробие и одна эдикула [17].

К северо-востоку от участка Н. И. Репникова и Р. Х. Лепера в 1905 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич раскопал около 450 погребений [18], среди которых только одно со скорченным костяком и без вещей [19]. В насыпи над погребениями оказалось 45 скульптурных антропоморфных надгробий, 24 плитки к ним и пять эдикул.

Мы привели примеры, когда захоронения со скорченными костяками и антропоморфные надгробия встречены на одних и тех же участках некрополя, что как будто бы подкрепляет версию о таврском происхождении последних. Однако, привлекая обрядность захоронения в качестве аргументации, ни один из исследователей не использовал данных самой элементарной статистики. Нами учтены все антропоморфные надгробия и все скорченные захоронения, найденные на территории Херсонеса и его некрополя (таблица). Получилась обратная картина: там, где больше всего антропоморфных надгробий, меньше всего скорченных захоронений. На некрополе, расположенном на западном берегу Карантинной бухты (юго-восточный некрополь Херсонеса), за 12 лет раскопок найдено 156 скульптурных антропоморфных надгробий, 151 плитка к ним, 24 эдикулы и всего 13 скорченных захоронений, а в северном районе на 33 скорченных захоронения приходится пять антропоморфных надгробий и одна эдикула. Правда, можно предположить, что некрополь в северном районе пострадал во время городской застройки, когда и были уничтожены над-

[9] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг., 1938, стр. 192, рис. 41 (инв. № 35756/234); Г. Д. Белов датирует некрополь концом V—IV вв. до н. э. (Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, 1950, стр. 285).

[10] В. В. Борисова. Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя древнего Херсонеса в 1956 г. Архив ХМ, д. 730, л. 16; альбом, рис. 64 (инв. № 36441/12); л. 15, № 3 (4) (инв. № 36579/103). В насыпи этого же некрополя найдено скульптурное антропоморфное надгробие. Архив ХМ, д. 795, № 23 (инв. № 36441/23). В. В. Борисова датирует этот участок некрополя II в. до н. э. (д. 730, л. 18).

[11] Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи, стр. 283—284; С. Ф. Стрželецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году. ХС, IV, 1948, стр. 94; В. В. Борисова. Отчет о раскопках..., л. 15.

[12] Н. И. Репников. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. ХС, II, 1927, стр. 149—186.

[13] Там же, стр. 153 сл., № 2552, 2570, 2516, 2674, 2773, 2803, 2805, 2810, 2816.

[14] Там же, стр. 182, № 2816; фотоархив ЛОИА, № 43031, табл. IV, № 4 (1576). Впервые можно отметить, ссылаясь на эту находку, что обряд скорченных захоронений живет в Херсонесе и в римское время.

[15] Н. И. Репников. Дневник раскопок..., стр. 186, рис. 57.

[16] Архив ХМ, д. 65, л. 29, 40, 60.

[17] Архив ХМ, д. 67, л. 21; д. 101, л. 45.

[18] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. ИАК, 25, СПб., 1907, стр. 67—128.

[19] Там же, стр. 75, № 1658.

Место находок			Некрополь у западного берега Карантинной бухты											Цитадель 19—20-й куртины, башня Зенона				
Годы находок			1896	1897	1901	1902	1905	1907	1908 Лепер	1908 Репников	1910	1912	1913	1914	1900	1910	1928	1960	1963
Найдены in situ	Памятники есть в наличии	△	—	—	1	—	—	—	—	2	—	1	2	—	—	—	—	3	1
		□	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		■	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
То же	Памятники не сохранились	△	—	—	—	—	1	2	—	—	2	1	9	—	—	—	2	—	—
		□	—	—	—	—	—	1	—	—	3	—	6	—	—	—	—	—	—
		■	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Найдены в насыпи некрополя и случайные находки	То же	△	35	11	15	4	44	4	1	10	10	—	—	1	1	—	—	—	—
		□	33	17	17	3	24	1	—	9	37	—	—	—	—	—	—	—	—
		■	7	—	2	—	5	—	1	—	9	—	—	—	1	—	—	—	—
Всего		△	35	11	16	4	45	6	1	12	12	2	11	1	1	—	2	3	1
		□	33	17	17	3	24	2	—	9	40	—	6	—	—	—	—	—	—
		■	7	—	2	—	5	—	1	—	9	—	—	—	1	—	—	—	—
Скорченные погребения			—	—	—	—	—	—	3	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—

△ — скульптурное антропоморфное надгробие, □ — плитка для его крепления; ■ — эдикула.

Продолжение

Место находок			Портовый район	16—17-я куртины			Некро-поль к югу от 19 куртины	Некрополь в северном районе Херсонеса						На западной границе монастырских владений	С-В район Херсонеса	
Годы находок			1906	1899	1904	1943	1956	1895	1932	1935	1936	1940	1959	1910	1908	1909
Найдены in situ	Памятники есть в наличии	△	—	—	1	—	1	—	1	—	1	—	1	—	—	—
		□	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		■	—	—		1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
То же	Памятники не сохранились	△	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
		□	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		■	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	1	2	1
Найдены в насыпи некрополя и случайные находки	То же	△	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
		□	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		■	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего		△	—	—	1	—	1	1	1	1	1	—	1	1	2	1
		□	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
		■	1	—	3	1	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—

Продолжение

Место находок			Западный некрополь								Южный некрополь				Центральная часть городища		Гераклейский п-ов	Всего	Беспаспортные памятники
Годы находок			1895	1909	1910	1911	1914	1929	1957	1963	1891	1892	1893	1894	1896	1903	1928		
Найдены in situ	Памятники есть в наличии	△	—	1	—	—	1	3	2	3	—	—	—	—	—	—	—	25	
		□	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	
		■	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	
То же	Памятники не сохранились	△	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	20	
		□	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	
		■	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	
Найдены в насыпи некрополя и случайные находки	То же	△	—	—	—	—	1	—	—	—	2	1	—	—	1	—	—	146	
		□	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	144	
		■	1	—	—	—	—	—	—	—	3	1	1	1	—	—	—	34	
Всего		△	—	1	—	—	2	4	2	3	2	1	—	—	1	—	1	191	34
		□	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—	159	2
		■	1	—	—	1	—	1	—	—	3	1	1	1	—	—	—	42	12
Скорченные погребения							1				—	—	—	—	—	—	—	50	

△ — скульптурное антропоморфное надгробие, □ — плитка для его крепления; ■ — эдикула

гробные сооружения. Но если связь между антропоморфными надгробиями и скорченными погребениями закономерна, то в районе Карантинной бухты должно быть не 13 погребений со скорченными костяками, а гораздо больше. Некоторые участки некрополя у Карантинной бухты весьма показательны (таблица). Наибольшее количество антропоморфных надгробий найдено здесь в 1905 г. при раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича, и при этом только одно захоронение со скорченным костяком.

Во время раскопок 1896 г. найдено 35 скульптурных антропоморфных надгробий, 33 плиты к ним, семь эдикул и ни одной могилы с обрядом скорченного захоронения [20].

Не известны они и на южном некрополе, откуда происходят три скульптурных антропоморфных надгробия и шесть эдикул. На 12 антропоморфных надгробий, четыре плиты и три эдикулы, найденных на западном и юго-западном некрополях, нет ни одного скорченного захоронения. Только в северо-западном районе во время раскопок Е. Г. Сурова в 1959—1961 гг. у 1-й куртины оборонительных стен под остатками городских построек оказалось одно захоронение со скорченным костяком [21], среди 50 могил с костяками, лежащими в вытянутом положении. Ни одного антропоморфного надгробия на этом участке не обнаружено.

Весьма интересен материал некрополя конца IV—II вв. до н. э. в верховье Песочной бухты (к юго-западу от 5-й куртины западных оборонительных стен). Земляные могилы с положением погребенных на спине, кремация (урны), чернолаковая посуда, монеты, терракоты и т. д.— все это имеет явно греческий характер [22]. Здесь не оказалось ни одного костяка в скорченном положении, а антропоморфные надгробия найдены [23] (рис. 1, *4*, *5*).

Итак, мы имеем только три погребения со скорченными костяками, при которых оказались антропоморфные надгробия. Эти три случая связи обряда захоронения с надгробными сооружениями не могут служить решающими аргументами при определении этнической принадлежности памятника. Кроме того, в этих трех примерах два можно принять с оговоркой. В отчете В. В. Борисовой читаем: «3 (№ 4). Часть могилы, ориентированной с северо-востока на юго-запад. В могиле часть костяка головой на северо-восток, лежащий на правом боку, видимо скорченный (рис. 62). Над костяком в 1950 г. было найдено известняковое антропоморфное надгробие. При переборке земли из могилы найден обломок трехлопастной втульчатой стрелки из бронзы» [24]. И далее: «5 (№ 9). Могила обнаружена под завалом камней и черепков. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад, в плане прямоугольная, размерами 1,10 × 0,60 *м*. В юго-западной части могила не сохранилась, обрублена ямой для дерева (рис. 64). Костяк лежал на правом боку, головой на северо-восток. Левая рука согнута в локте и кистью лежит у подбородка, правая рука вытянута вдоль туловища, ноги скорчены (рис. 65)» [25].

В первом случае сама скорченность погребения под вопросом, а местоположение надгробия, найденного за шесть лет до исследования самой могилы, никак не зафиксировано. Во втором случае надгробие могло оказаться над могилой так же случайно, как и вся груда камней и черепков [26].

---

[20] ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 173—198.

[21] Е. Г. Суров. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961, стр. 74—84, 92; его же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1961 г. Архив ХМ, д. 790, л. 3 сл.

[22] Архив ХМ, д. 848, № 1—180.

[23] Инв. № 36590/137, 36590/148, 36590/164, 36590/180 (Архив ХМ, д. 848, № 137, 148, 164, 180).

[24] В. В. Борисова. Отчет о раскопках гончарных мастерских... Архив ХМ, д. 730, л. 15, альбом 2, рис. 62. Инв. № 36579/103 (рис. 1, *3*).

[25] Там же, л. 16; альбом 2, рис. 64, 65. Инв. № 36441/12 (рис. 2, *а*).

[26] Это хорошо видно на фотографии, приложенной к отчету (Архив ХМ, д. 730. альбом 2, рис. 64).

Никаких признаков таврской культуры не прослеживается в материале из могил, при которых найдены антропоморфные надгробия. Обряд захоронений [27] и вещи, хранящиеся в фондах Херсонесского музея (рис. 2, *3*) [28] либо утерянные, но известные по отчетам [29], характерны не для таврской, а для античной культуры [30].

Попробуем подойти к разбираемому нами вопросу с точки зрения стилистических особенностей памятников. Схематизм, условность формы надгробий и отсутствие надписей А. П. Иванова выдвигает как доказательства негреческого характера памятников. Но, как выяснилось недавно, на надгробиях в свое время была роспись. Следы водяных и восковых красок красного, черного, зеленого и синего цвета сохранились на гладкой лицевой стороне скульптурных антропоморфных надгробий [31], где изображалось лицо [32], и черная краска на тыльной округлой части надгробия [33].

В коллекции Херсонесского музея есть несколько надгробий с хорошо обработанной тыльной стороной, имеющей вид человеческого затылка [34]. Аналогии можно привести из области римского искусства. В Помпеях, в семейной гробнице Истацидия, найдены три надгробия с плоской передней стороной. Наиболее интересным из них является памятник с посвящением Юноне. С лицевой стороны — ровная плоскость, а на тыльной стороне тщательно моделирована прическа с длинными косами, опускающимися на плечи [35]. Памятники, у которых вместо лица гладкая плоскость, а на тыльной моделированы разнообразные прически, найдены в Помпеях еще в нескольких семейных гробницах [36].

А как можно себе представить сочетание яркой красочной стелы IV—III вв. до н. э. с бесцветными, схематичными, на первый взгляд антропоморфными надгробиями, которые иногда крепились на одном постаменте, карниз и цоколь которого также расписывались красками разного цвета [37].

---

[27] К. К. Косцюшко-Валюжинич и М. И. Скубетов. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году. ИАК, 42, СПб., 1911, стр. 86, № 2406 (погребенный с монетой во рту).

[28] Архив ХМ, д. 89, л. 4, мог. 24; Архив ХМ, д. 72, л. 7, мог. 40; Архив ХМ, д. 88 л. 5, мог. 21; Архив ХМ, д. 72, л. 14, мог. 121; Р. Х. Лепер. Дневник раскопок херсонесского некрополя. ХС, II, 1927, стр. 239, мог. 158; Архив ХМ, д. 88, л. 8, мог. 4 (в этой могиле оказалось два антропоморфных надгробия и чернолаковая тарелка (рис. 2, *1*, *2*, *3*). Два надгробия найдены также в могиле № 24 (Архив ХМ, д. 89, л. 4). Кроме того, известны плитки с двумя углублениями для вставки антропоморфа (К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе..., в 1905 году, стр. 117; Р. Х. Лепер. Дневник раскопок..., стр. 239, мог. 158).

[29] К. К. Косцюшко-Валюжинич и М. М. Скубатов. Извлечение. стр. 18—19, № 2166; Архив ХМ, д. 89, *а*, л. 44; Р. Х. Лепер. Дневник раскопок..., стр. 232, мог. 131.

[30] Мы провели примеры связи антропоморфных надгробий с материалом из могил только в тех случаях, когда памятники использовались не вторично, как строительный материал при сооружении очередной могилы (например: Р. Х. Лепер. Дневник раскопок..., стр. 228, мог. 116 (50); там же, стр. 225, № 85 (25); ОАК за 1897г. СПб., 1900, стр. 115, № 881), а как надгробия в своем первичном значении.

[31] Инв. № 34216, 36441/23, 36579/72, 36579/79, 36579/86, 36579/88, 36579/95; надгробие из раскопок И. А. Антоновой в 1957 г. у 4-й куртины, могила № 4.

[32] В 1963 г. в куче камня у западных оборонительных стен была найдена нижняя часть антропоморфного памятника (инв. № 36583/4), на котором сохранилось рельефное изображение нижней части лица — рот, подбородок на гладкой поверхности камня. Среди антропоморфных надгробий это единственный экземпляр с обозначенными деталями лица. Здесь в рельефе повторено то, что ранее или на иных памятниках исполнялось красками.

[33] Инв. № 36579/71, 74.

[34] Инв. № 36579/69—72.

[35] J. Overbeck. Pompeji, in seine Gebäuden Alter Thümern. Leipzig, 1886, 2, стр. 32, fig. 229; R. Cagnot, V. Chapot. Manuel d'archeologue Romaine, 1, Paris, 1817, стр. 338, fig. 177, *4*, *5*.

[36] P. Gusman. Pompei. Paris, б/г р, 59; E. Brefon. Pompei et Herculanum. Paris, 1855, pl. III, p. 70—71.

[37] В. Н. Даниленко. Надгробные стелы. СХМ, V, 1969, стр. 43—44, рис. 21. Из ядра башни XVII (Зенона) извлечено пять постаментов, имеющих на верхней го-

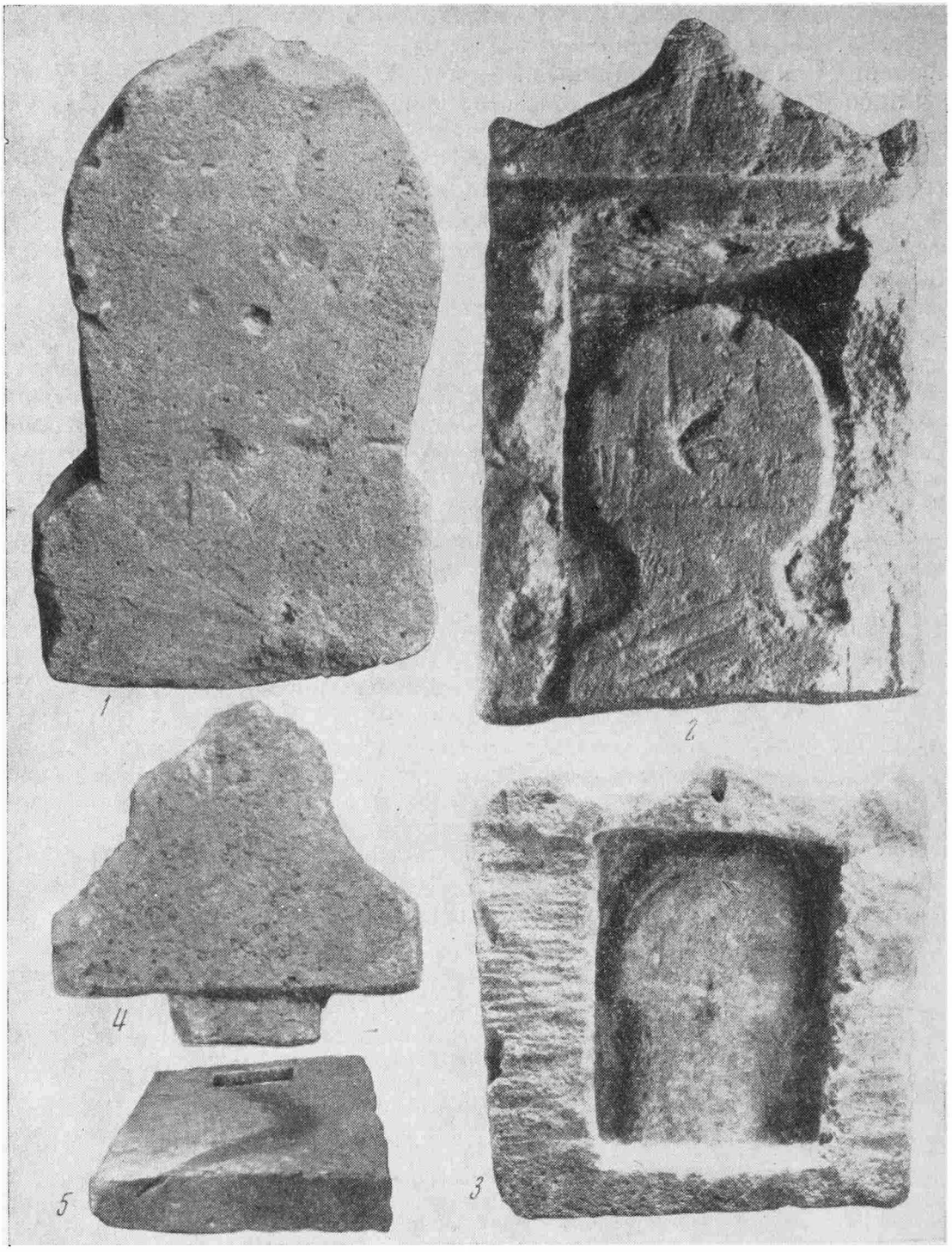


Рис. 1

1 — надгробие № 35276/234 (раскопки Г. Д. Белова в 1936 г. некрополя в северном районе Херсонеса); *2* — надгробие № 36441/12 (раскопки В. В. Борисовой в 1956 г. юго-восточного некрополя Херсонеса); *3* — надгробие № 36579/103 (находка 1950 г. на юго-восточном участке некрополя, раскопанного В. В. Борисовой в 1956 г.); *4* — надгробие № 36590/137 (раскопки Л. Г. Колесниковой и А. Н. Щеглова в 1963 г. некрополя у Песочной бухты); *5* — плитка для крепления антропоморфного надгробия № 36590/164 (раскопки Л. Г. Колесниковой и А. Н. Щеглова в 1963 г. некрополя у Песочной бухты)

Схематизм, условность — это результат утраты красочного слоя, в противном случае антропоморфное надгробие не вяжется со стелой, на которой реалистически, с подробной деталировкой изображены атрибуты умершего — оружие, лента, стригиль, посох, виноградный нож и т. д.

ризонтальной плоскости два паза — большой для крепления стелы и малый для антропоморфного изображения.

Красная и черная краски выявлены на эдикулах с антропоморфным изображением[38]. На одной из плиток для крепления скульптурного надгробия видна красная краска[39]. Не остатки ли это надписи? Во всяком случае, предположение о том, что на свободном поле горизонтальных плит могли быть надписи, теперь вполне допустимо.

Итак, роспись была, но ее полная утрата привела к тому, что надгробия дошли до нас по существу в виде заготовок. Без живописи надгробия приобрели вид голой формы с усиленной тем самым геометризацией внешних очертаний.

Обращает внимание сходство приемов обработки и конструктивных особенностей антропоморфных надгробий и стел IV—III вв. до н. э., греческое происхождение которых бесспорно. У тех и у других тщательно обработаны лицевая и боковые стороны, а тыльная сторона слегка бугристая, так как камень не заглажен. Антропоморфные надгробия имеют шип для крепления на плоском основании (рис. 1, *4*; 2, *1, 2*). Такое же крепление у греческих стел эллинистического времени. И там и здесь шип сделан совершенно одинаково. С лицевой стороны он на большей части памятников несколько заглублен, так что при переходе от нижнего края лицевой плоскости к шипу образуется ступенька. Этот прием необходим для того, чтобы основание памятника плотно ложилось на постамент и скрывало то, что не должно быть видно. С тыльной стороны шип всегда сделан в одной плоскости с памятником и только нижние углы чуть-чуть подтесаны.

Характерна форма горизонтальной плитки. Боковые ее грани сужаются к той стороне, где вырезан паз для шипа. Этим самым облегчалась утяжеленная часть памятника и достигалось равновесие и строгая пропорциональность композиции в целом. Вряд ли можно приписать такую продуманность формы таврам. Ведь то же самое характерно для греческих стел IV—III вв. до н. э. Стелы высокие (1,5—1,7 *м*) [40] и в то же время легкие, стройные, пропорциональные за счет постепенного сужения плиты от основания к венчающей части. Нетрудно себе представить, что произошло бы с формой памятника, если бы фронтон (карниз) оказался по ширине равным цоколю. О греческом происхождении антропоморфных надгробий Херсонеса свидетельствуют аналогичные памятники из самого же Херсонеса — рельефное изображение головы, повторяющее скульптурное, помещено в эдикулу — чисто греческую форму (рис. 1, *2*).

Этот вывод, нам кажется, подтверждается также исключениями из общих правил, о которых говорилось выше. Первым таким исключением являются изображения на вертикальной стенке постамента для стел IV—III вв. до н. э. На одном из них (рис. 2, *4*) вырезано углубление для вставки антропоморфного надгробия[41]. Вырез сделан грубо, с нарушением непрерывности всех профилей — карниза, цоколей и т. д. Трудно объяснить, чем было вызвано такое дополнение, но работу выполнял не грек, так как углубление повторяет контуры антропоморфного надгробия вместе с шипом. Резчик либо не понимал назначения шипа, либо не видел большого греха в том, чтобы выставить напоказ то, что по замыслу грека должно было быть скрыто.

Следующий постамент столь же интересен. На его вертикальной стороне дано рельефное изображение антропоморфного надгробия[42]. В отличие от аналогичных изображений, помещенных в эдикулы, этот имеет

---

[38] Инв. № 36441/12 (рис. 1, *2*); № 35429.

[39] Инв. № 36590/164 (рис. 1, *5*).

[40] В. Н. Даниленко. Ук. соч., стр. 29—44; Л. Г. Колесникова. Вотивные надгробия. СХМ, V, 1969, стр. 44—54.

[41] Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1898 г. южного некрополя (ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 22. Инв. № 36579/144). Аналогичный постамент был найден в 1903 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 108), утрачен.

[42] Памятник не сохранился, известен только по фотографии (фотоархив ХМ, № 584).

Рис. 2

1 — надгробие № 34029 из мог. 4 (раскопки Р. Х. Лепера в 1913 г. некрополя у Карантинной бухты); *2* — надгробие № 34028 из мог. 4 (раскопки Р. Х. Лепера в 1913 г. некрополя у Карантинной бухты); *3* — чернолаковая тарелка № 33111 из мог. 4 (раскопки Р. Х. Лепера в 1913 г. некрополя у Карантинной бухты); *4* — постамент стелы IV—III вв. до н. э. с вырезом для вставки антропоморфного надгробия № 36579/144 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича южного некрополя 1898 г.)

рельефное изображение шипа, но с любопытной особенностью — двумя треугольными вырезами шип превращен в орнаментальную деталь. Либо резчику никакого дела не было до действительного смысла этого выступа (изобретение грека), либо он выполнял работу по вкусу заказчика (не грека). И здесь рельеф сделан позже, чем сам постамент, ибо нарушены и верхние и нижние профили. В связи с этим можно высказать предположение о времени этих дополнений на постаментах. Не относятся ли они

ко II в. до н. э., так как в первичном своем виде постаменты служили стелам IV—III вв. до н. э.

Следующее исключение — эдикула II в. до н. э. из раскопок В. В. Борисовой у гончарных печей (рис. 1, *3*) и антропоморфное надгробие III—IV вв. из раскопок И. А. Антоновой на западе, у 4-й куртины. Оба памятника отступают от традиционной формы антропоморфных изображений. У них одна и та же особенность: плечи отсутствуют, грибовидная голова переходит к шее уступами, имитирующими прическу. Памятники сделаны грубо, асимметрично. Мастер, копировавший эдикулу, не понимал ее смысла. Греческую эдикулу здесь напоминают лишь антефиксы в виде треугольников, резко срезанные с тыльной стороны, в то время как рельефные антефиксы и акротерии на греческих стелах и на эдикулах правильной формы, не обрублены, а постепенно сходят за нет.

Не являются ли все эти «дефекты» проявлением закономерного процесса так называемой «варваризации» античной культуры в Херсонесе, хорошо известной в Северном Причерноморье? [43]

Несколько слов о генетической связи антропоморфных надгробий Херсонеса с памятниками древнейших обитателей Причерноморья—киммерийцев (Н. В. Пятышева) [44]. Среди херсонесских антропоморфных надгробий нет такой формы, от которой можно было бы протянуть нить не только к киммерийцам, но и к ближайшим соседям — таврам, памятники которых не имеют ничего общего с херсонесскими [45]. Херсонесские антропоморфные надгробия дошли до нас в сложившемся, законченном виде (как и стелы IV—III вв. до н. э.), форма которых почти без изменений удерживалась в течение всего эллинизма. И еще — эти надгробия найдены только на территории Херсонеса и его хоры [46], т. е. там, где обитали греки и тавры, и нет их там, где жили преимущественно тавры.

Херсонесское происхождение рассматриваемых антропоморфных надгробий не вызывает никаких сомнений. Все они, за исключением двух мраморных [47], сделаны из местного камня — известняка (мшанкового или сарматского). В этой связи интересны находки полуфабрикатов и отходов производства памятников этого типа. Отщепы и бракованные части антропоморфных надгробий найдены при раскопках западного некрополя в верховье балки Песочной бухты [48]. В 1914 г. у западных оборонительных стен Р. Х. Лепером был найден недоработанный памятник [49]. Аналогичные незаконченные надгробия происходят из раскопок К. Э. Гриневича у западных оборонительных стен в 1929 г. [50] В 1910 г. здесь же, у западных стен Р. Х. Лепером, открыта могила № 131, северный конец которой был заложен обломками тесаного камня [51]. Вероятно, в западном районе Херсонеса уже в эллинистическое время находились мастерские по изготовлению надгробных памятников.

---

[43] В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 162 сл.

[44] Н. В. Пятышева. Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья.

[45] «Раскопки в сев.-вост. Крыму по трассе Северо-Крымского канала». Выставка в областном краеведческом музее Симферополя, 1968, раздел «Древние антропоморфные стелы Крыма».

[46] А. Н. Щеглов. Раскопки на территории хоры Херсонеса. АО — 1969, М., 1970, стр. 258.

[47] Инв. № 36579/78, 3606. По отчетам известны еще четыре памятника из мрамора (Архив ХМ, д. 276, л. 7, инв. № 28731; ОАК за 1891 г. СПб., 1883, стр. 27; ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 172; К. К. Косцюшко-Валюжинич. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году. ИАК, 2, СПб., 1902, стр. 32) и одна плитка из мраморовидного известняка (К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках... в 1903 году. ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 85 — «плитка из розоватого балаклавского мрамора..., с квадратным углублением для памятника...»).

[48] Инв. № 36590/137 (Архив ХМ, д. 848/№ 137).

[49] Инв. № 32487 (Архив ХМ, д. 98, л. 8; д. 110, л. 18, № 1028).

[50] Инв. № 35428/26 (Архив ХМ, д. 298, л. 26; № 31977, д. 655, л. 33, № 26).

[51] Р. Х. Лепер. Дневник раскопок..., стр. 232.

L. G. Kolesnikova

A QUI APPARTENAIENT LES STÈLES ANTHROPOMORPHES DE CHERSONÈSE?

Résumé

Les stèles anthropomorphes constituent le groupe le plus abondant des monuments de Chersonèse de la fin lu V siècle — du IV siècle de notre ère. Le dénombrement de toutes les stèles, la détermination du lieu et des circonstances des trouvailles, la mise au jour du matériel archéologique concomitant fait modifier l'avis qui s'est formé depuis un temps et qui veut que ces monuments appartiennent à la civilisation «barbare» et parfois les attribue immédiatement aux Taures. L'opinion suivant laquelle les stèles anthropomorphes et les inhumations aux ossatures fléchies sont en relation entre elles est erronée. Le dénombrement statistique a montré l'état de choses plutôt inverse: les inhumations en position fléchie sont les moins nombreuses là où on trouve le plus de stèles anthropomorphes. Aucuns indices de la civilisation de Taure ne sont révélés dans le matériel des sépultures près desquelles sont trouvés les monuments anthropomorphes. L'attention est attirée par la similitude des procédés de la taille et des particularités constructives des stèles anthropomorphes et des dalles des IV—II siècles avant notre ère dont l'origine hellénique est incontestable. A cause de la déperdition complète de la peinture colorée les stèles anthropomorphes nous sont parvenues sous forme d'ébauches dont la géométrisation des contours extérieurs est devenue d'autant plus prononcée.

Н. А. ФРОЛОВА

МОНЕТНОЕ ДЕЛО БОСПОРА В ПРАВЛЕНИЕ КОТИСА III (227—233 гг.)

Имеющиеся у нас нумизматические данные дают возможность считать, что Тиберий Юлий Котис III управлял Боспорским государством с 227 по 233 г. н. э. Надписи, найденные на территории Танаиса [1] и Горгиппии [2], содержат полное его имя и устанавливают его родство с Рискупоридом III (221—226 гг.), являвшимся, согласно надписям, его отцом. Первые статеры Котиса III были выпущены в 524 г. б. э. = 227 г. н. э. Лицевую сторону золотых статеров занимал портрет самого царя, вокруг которого была расположена надпись: ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC. Иногда перед бюстом помещалось изображение трезубца, копья или шарика — дифферент, значение которого до сих пор не выяснено. Все это было заключено в точечный ободок. На оборотной стороне монет изображался бюст правящего императора, под ним проставлялись годы боспорской эры. Справа, сбоку от портрета — дифференты: шестиконечная звезда или шарик. Точечный ободок.

ΔΚΦ — (524 г. б. э. = 227 г. н. э.) — учтено 18 экз. монет (табл. I, 1—6). Нормальный вес статеров этого года — 7,60 *г*. Химический анализ статеров 227 г., проведенный Московской инспекцией пробирного надзора Министерства финансов СССР в 1971 г., дал следующие результаты: 1) вес = 7,61 *г*, ГИМ, 660 — 20% золота; 2) вес = 7,46 *г*, ГИМ, 661—30% золота; 3) вес = 7,54 *г*, ГИМ, 662—20% золота; 4) вес = 7,68 *г*, ГИМ, 663—20% золота. Как будет видно из сравнительного анализа результатов опробирования статеров последующих лет, статеры Котиса III 227 г. были последней эмиссией монет, содержащих в себе от 20 до 30% чистого золота. Начиная с 228 г. содержание золота в статерах Котиса III уменьшается сначала до 3—5%, а впоследствии оно и вовсе исчезает.

ΕΚΦ — (525 г. б. э. = 228 г. н. э.) — 28 экз. (табл. I, 7—20; табл. II, 1—8). Следует отметить, что из учтенных 28 экз. 10 монет чеканены из серебра (табл. II, 1—8), но при чеканке их употреблялись те же штемпеля лицевых и оборотных сторон, которыми чеканились монеты с содержанием золота. Так, два статера 228 г. (табл. III, 7, 8) содержат 11% золота. Один из них (табл. III, 8) имеет общий штемпель л. с. с монетой, содержащей всего 75% серебра без какой-либо примеси золота (табл. II, 4). Применение одних и тех же штемпелей для чеканки статеров из металла различного состава говорит о том, что несмотря на очевидное ухудшение качества металла, боспорские статеры все еще ценились больше как монеты, обращение которых санкционировалось помещением на них имен правящих царей, нежели просто как отдельные слитки драгоценного металла.

Нормальный вес статеров 228 г. — 7,60 *г*. Среди монет 228 г. выявлены штемпеля лицевых сторон, которыми чеканились монеты в первый год правления Котиса III; 1) штемпель 227 г. (табл. I, 3—4) для монет 228 г. (табл. I, 9); 2) штемпель 227 г. (табл. I, 5—6) для чеканки монет 228 г.

[1] КБН, 1283; 1284; 1246; 1288.
[2] КБН, 1230.

Таблица I. 1—18, 20 — статеры Котиса III; 19 — статер Рискунорида III

Таблица II. 1—17 — статеры Котиса III

(табл. I, 10; табл. II, 4). В этом же году были выпущены монеты с именем Рискупорида III. На лицевой стороне этих статеров помещено изображение царя, надпись: ΒΑCΙΛΕΩC ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC и буквы θЄ. На обороте портрет императора Александра Севера вправо, дифферент в виде шарика и дата — ЕКФ (табл. I, 19). Монеты известны нумизматам с начала XIX в.[3] Полагали, что выпуск этих монет можно объяснить какими-то чрезвычайными событиями, которые произошли на Боспоре в 228 г. В частности, тем, что в 226 г. Рискупорид III на короткое время[4] мог быть лишен престола. А. Л. Бертье-Делагард высказывал предположение, имеющее своей целью объяснить факт появления одновременных монет обоих правителей добровольным отречением Рискупорида III от власти, а затем захватом ее вновь, что и повлекло за собой междоусобицу на Боспоре. Принимая во внимание тот факт, что статеры Рискупорида III и Котиса III 228 г. имеют, по его мнению, заниженный вес, что могло произойти в результате вспыхнувшей войны, средства для которой находили в ухудшении качества монеты, А. Л. Бертье-Делагард приходил к выводу о разделении Боспорского царства на две части, из которых одна была у Рискупорида III, а другая у Котиса III[5]. Это предположение повлекло за собой другое — о чеканке этих статеров на разных монетных дворах. А. Л. Бертье-Делагарду удалось собрать 17 экз. монет Рискупорида III 228 г. По весу они распределяются следующим образом: 2 экз. — 7,70 *г*, 3 экз. — 7,50 *г*. 2 экз.— 7,40 *г*, остальные 6 выходят за пределы среднего веса. Но пользуясь методом весовой шкалы, мы вынуждены признать, что нормальный вес статеров 228 г. с именем Рискупорида III — 7,60 *г*[6]. Разбирая монеты по штемпелям лицевых сторон и сравнивая их со штемпелями лицевых сторон монет Рискупорида III 221—226 г. н. э. (460 экз.), приходим к выводу, что все штемпели лицевых сторон монет с именем Рискупорида III были вырезаны вновь в 228 г., так как при чеканке монет этого выпуска не были использованы штемпели предыдущих лет, в то время как во всей чеканке Рискупорида III прослеживается повторное использование штемпелей на протяжении почти каждого года. По всей видимости, это был специальный выпуск, так как штемпели, которыми были чеканены эти серебряные монеты, не имеют себе тождественных ни среди штемпелей лицевых сторон предыдущих выпусков Рискупорида III, ни среди штемпелей оборотных сторон монет Котиса III 228 г. н. э.

Монет Котиса III 525 г. б. э.= 228 г. н. э. нам известно 27 экз. Они распределяются по весу так: 1 экз.— 7,80 *г*, 6—7,70 *г*, 7 — 7,60 *г*, 8 экз.— 7,50 *г;* остальные 6 монет весят меньше 7,20 *г*. Но так как интенсивность чеканки монет Котиса III в 228 г. увеличилась почти вдвое, то вполне естественно, что и число монет с заниженным весом возросло, но в пропорции к общему числу монет этого года они не составляют подавляющего большинства. Следовательно, нельзя принимать вывод А. Л. Бертье-Делагарда о понижении веса монет Котиса III в 228 г. до 7,29 *г*[7], так как он остался прежним — 7,60 *г*, а в связи с этим отпадает и вопрос о двух монетных дворах.

Сравнительный анализ состава металла в монетах 228 г. с именем Рискупорида III и Котиса III подтверждает этот вывод: так, большая часть опробированных монет Котиса III (ГИМ, № 4821—4823, 4825) чеканена из

---

[3] T. E. Mionnet. Description de Médailles antiques Grecques et Romaines. Supplement, IV, Paris, 1829, стр. 528, № 239—240; Б. В. Кене. Описание музеума кн. В. В. Кочубея, II, СПб., 1857, стр. 308, № 23; ОКМ, стр. 280, № 283; BMC, London, 1889, табл. XVII, *2*.

[4] А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. НС, II, М., 1913, стр. 133—134, сноска 46.

[5] Там же.

[6] За нормальный вес мы принимаем вес, который показывает большая часть монет, тесно располагающихся на весовой шкале.

[7] А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 123.

металла, содержащего 3—5% золота, 90% серебра и небольшой процент примеси железа и меди, и лишь одна из опробированных монет имеет 75% серебра (ГИМ, 4824). Пробирный анализ монеты 228 г. н. э. с именем Рискупорида III с датой ЕКФ и буквами ΘЄ (ГИМ, № 4819) обнаружил такой же состав металла, что и в монетах Котиса III, т. е. 90% серебра, 3—5% золота, 7—5% примеси железа и меди. Приведенные данные с достаточной ясностью показывают идентичность состава металла монет, что в свою очередь может свидетельствовать о происхождении их из одного места. Выпуск монет с именем Рискупорида III и буквами ΘЄ имеет, по-видимому, какое-то особое значение. Х. Х. Гиль, обративший внимание на помещение этих букв перед бюстом Рискупорида, предположил, что эти монеты отчеканены не самим Рискупоридом, а преемником Рискупорида III сыном его Котисом III в подражание римским императорским монетам с надписью CONSECRATIO, отчеканенным в честь празднества погребения. Буквы ΘЄ , возможно, являются первыми буквами слова ΘЄΟС [8]. Он пришел к выводу, что статеры 524 г. б. э. с именем Котиса и статеры 525 г. б. э. с именем Рискупорида и Котиса, судя по резцу штемпеля, происходят с одного монетного двора, а потому одновременное двойное царствование вряд ли возможно [9]. Таким образом, выпуск статеров с буквами ΘЄ можно связывать с посмертным обожествлением Рискупорида III на втором году царствования сына его Котиса III и считать их выпуск принадлежащим ко времени правления Котиса III.

5КФ — (526 г. б. э. = 229 г. н. э.) — 9 экз. (табл. II, 9—15). Нормальный вес = 7,60 *г*. Монеты чеканены 4 штемпелями лицевых сторон и 6 штемпелями оборотных. 3 штемпеля лицевых сторон находились в работе ранее: 1) штемпель л. с. монет 227 г. н. э. (табл. I, 2), общий с монетами 229 г. н. э. (табл. II, 10—11); 2) штемпель л. с. 228 г. н. э. (табл. II, 1), использованный в 229 г. н. э. (табл. II, 9); 3) штемпель л. с. 228 г. н. э. (табл. II. 6) употреблялся в 229 г. (табл. II, 12—13). Интенсивность чеканки, судя по меньшему числу дошедших до нас монет, сокращается, но качество выпускаемых монет остается прежним. Анализы состава металла монет 229 г. н. э. (ГИМ, 4826—4829) дали те же результаты, что и опробирование монет 228 г. б. э. Все эти монеты содержат 90% серебра и 3—5% золота. Наряду с этими серебряными монетами все еще чеканились статеры, содержание золотого металла в которых было выше 10%. Так, анализ состава металла в монетах 526 г. б. э. = 229 г. н. э., проведенный Московской инспекцией пробирного надзора Министерства финансов СССР в 1964 г., выявил, что монета весом в 7,64 *г* (ГИМ, 664) содержит: золота — 12,50%, серебра — 54,4%, меди — 33,04%. Располагая данными анализов довольно большого числа монет Рискупорида III и Котиса III, необходимо отметить, что статеры Котиса III точно так же, как и статеры Рискупорида III, которые чеканились из металла белого цвета, следует считать серебряными, но не биллоновыми, как было принято ранее. В состав биллона, возможными компонентами которого являются серебро, никель, латунь, бронза и медь, не должно входить золото. Между тем в состав металла, из которого отчеканены изучаемые статеры, входит, как выяснилось в результате проведенных анализов, от 3 до 5% золота, от 75 до 90% серебра и небольшой процент железа и меди.

В этом же году на Боспоре были выпущены монеты с именем Савромата на аверсе и датой 5КФ — (526 г. б. э. = 229 г. н. э.) на реверсе [10]. А. Л. Бертье-Делагарду были известны веса двух монет Савромата III

---

[8] Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, СПб., 1892, стр. 358.
[9] Х. Х. Гиль. Ук. соч.
[10] M. Dumersan. Description des Médailles antiques du Cabinet de feu M. Allier de Hautereche. Paris, 1829, стр. 66, табл. X, 7; Т. Е. Mionnet. Ук. соч., стр. 533, № 256; BMC. London, 1889, стр. 73, № 1; Г. Спасский. Босфор Киммерийский. М., 1846, стр. 95, № 1; Б. В. Кене, Ук. соч., стр. 320, № 5; ОКМ, стр. 285, № 308, табл. XXXII, 296.

229 г. н. э.[11] Чеканились монеты Савромата III и в течение следующих двух лет — 230—231 гг. н. э. Таким образом, на Боспоре на протяжении 229—231 гг. выпускались монеты от имени двух правителей — Котиса III и Савромата III. Количественно статеры обоих царей распределяются по годам следующим образом. ZКФ — (527 г. б. э. = 230 г. н. э.) — монет Котиса III, выпущенных в 230 г., насчитывается 4 экз.[12] (табл. II, 13, 16). Чеканены двумя парами штемпелей. Один штемпель л. с.— (табл. II 13) был в употреблении в 228 г.— (табл. II, 6), второй — (табл. II, 16) использовался в 227 г. — (табл. I, 2) и в 228 г. — (табл. II, 10, 11). Монет Савромата III с датой ZКФ — (527 г. б. э.= 230 г. н. э.) 48 экз.[13] Нормальный вес = = 7,60 *г*.

НКФ (528 г. б. э. = 231 г. н. э.). Известны веса 26 экз. монет Котиса III[14] этого года (табл. II, 17; табл. IV, 1—7). Нормальный вес = 7,60 *г*. Среди штемпелей аверсов нет ни одного ранее употреблявшегося. Монет Савромата III с датой НКФ А. Л. Бертье-Делагарду удалось собрать 4 экз.[15] Из факта одновременной чеканки монет на Боспоре в течение трех лет Котисом III и Савроматом III делали вывод о захвате царской власти Савроматом III в 229 г. н. э.[16] Но принимая во внимание наличие статеров Котиса 230 г. н. э., полагали, что он все же продолжал еще править в какой-то части Боспорского царства[17].

Не располагая никакими другими добавочными сведениями о династических событиях, которые происходили в это время на Боспоре, следует с особой тщательностью провести сравнительный анализ статеров 229—231 гг. Котиса III и Савромата III. С точки зрения типологии, монеты обоих правителей идентичны. Много общих черт прослеживается в стиле изображений как портретов царей, так и в особом узоре концов царской повязки, складок одежды, в расположении легенды и в начертании букв. Метрологические данные дают возможность утверждать, что изучаемые статеры Котиса III и Савромата III придерживаются одной и той же системы весов. Используя метод весовой шкалы мы получаем нормальный вес для монет Котиса III (из 134 экз., включая веса всех выпусков последующих лет) и Савромата III (из 58 экз.), равный 7,60 *г*. Проведя пробирный анализ этих статеров, получаем следующие результаты. Опробированные монеты Котиса III 229 г. чеканены из металла, содержащего 90% серебра, 3—5% золота и 7—5% железа и меди. Монеты Котиса III, выпущенные в 231 г., как будет детально показано ниже, чеканились из низкопробного металла, содержащего около 50% серебра. Монеты Савромата II 229 г. не опробировались, но среди опробированных статеров Савромата III 230 г. н. э. встречаются экземпляры, содержащие до 11% золота: (ОГАМ, № 52117, 52118), а также экземпляры, в состав металла которых входило менее 50% серебра (ГИМ, № 4862, 4863). Приведенные данные позволяют считать статеры Котиса III и Савромата III 229—231 гг. чеканенными из металла одинакового состава. Таким образом, применяя при работе над этими монетами все доступные нам методы типологического, стилистического, метрологического и химического анализов, нельзя согласиться с тем, что монеты Котиса III и Савромата III 229—231 гг. были чеканены на разных монетных дворах, а следовательно, мы не можем поддержать идею о разделе Боспорского царства на две части в указанные годы. По-видимому, в течение 229—231 гг. Савромат III был соправителем Котиса III, что может быть косвенно подтверждено надписью,

---

[11] А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 124, № 298.
[12] Там же, № 293.
[13] Там же, стр. 124—125, № 299; BMC, стр. 73, № 2, табл. XVII, *8*.
[14] Там же, стр. 124, № 294.
[15] Там же, стр. 125, № 300; ОКМ, стр. 286, № 312, табл. XXXII, *300*.
[16] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, Л., 1951, стр. 208; В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 205.
[17] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 208.

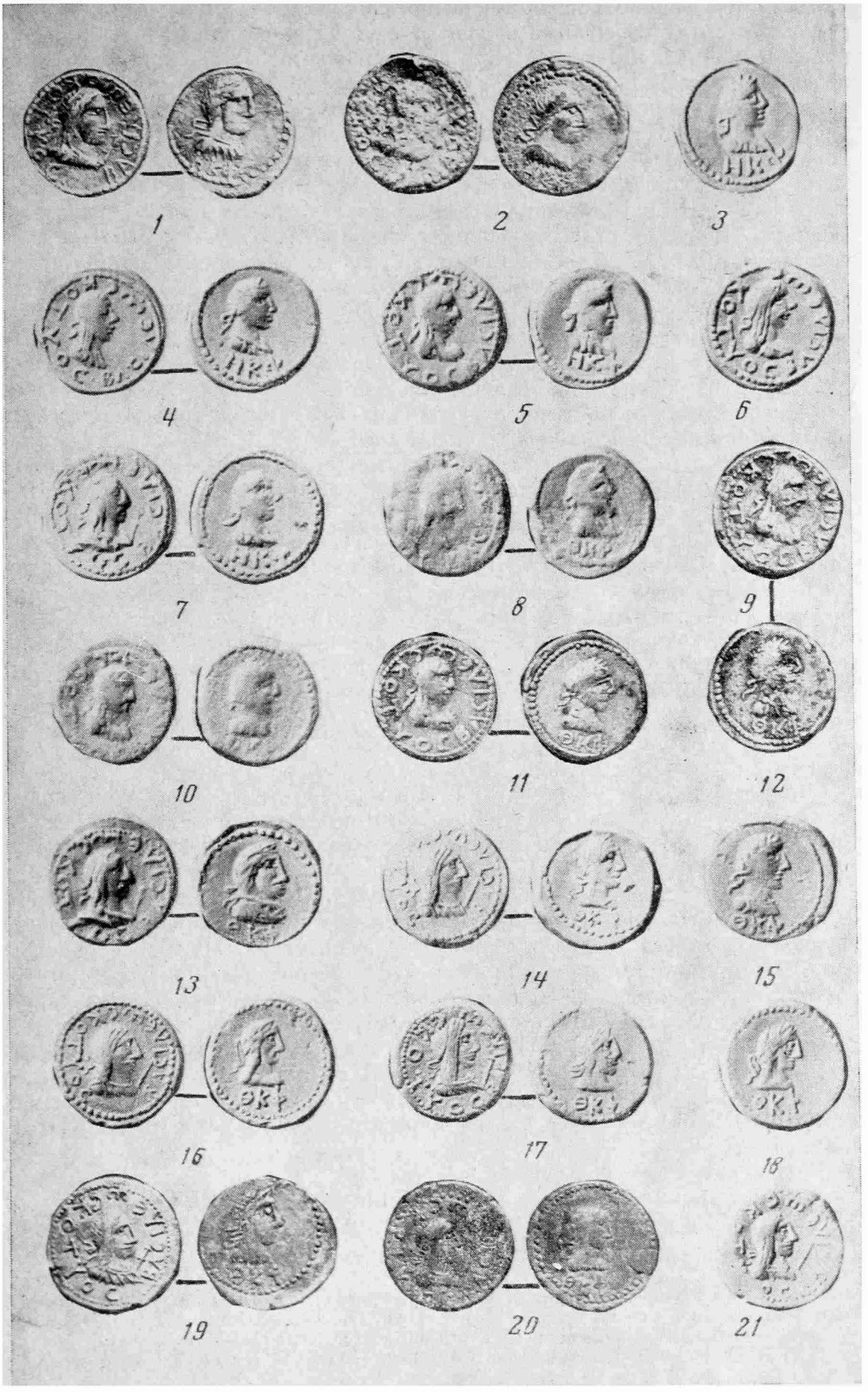


Таблица IV. 1—20 — статеры Котиса III

найденной в районе Горгиппии, в которой названы имена обоих царей[18]. В связи с этими событиями обращает на себя внимание появление на некоторых монетах Котиса III 231 г. изображения копья, как символа суверенной царской власти (табл. II, 17), в то время как на монетах предыдущих лет помещалось только изображение трезубца, указывающее на происхождение Котиса III от легендарных предков боспорских царей — Геракла и Евмолпа. Возможно, что монеты, имеющие на лицевой стороне изображение копья, были отчеканены позднее, нежели статеры, не имеющие его, т. е. в то время, когда он остался единственным правителем Боспора. Правда, в старых изданиях упоминаются монеты Савромата III с датой Θ КФ 529 г. б. э. = 232 г. н. э.[19], но до сих пор ни одной подобной монеты не найдено. ΘКФ (529 г. б. э. = 232 г. н. э.). Монет Котиса III — 16 экз. (табл. IV, 8—20). Вес монет остается все еще в пределах нормы — от 7,60 до 7,40 *г*. Чеканены 5 штемпелями л. с. и 11 оборотных. Два штемпеля л. с. (табл. IV, 11, 12) были введены в употребление еще в 231 г. н. э. (табл. IV, 5, 7). Опробирование 4 экз. монет 232 г. показало, что для их чеканки применялся низкопробный металл, содержание серебра в котором не превышало 50% (ГИМ 4833—4836).

ΛΦ (530 г. б. э. = 233 г. н. э.) — 5 экз. (табл. III, 1—5). Одна из монет 233 г. (табл. III, 2) чеканена тем же штемпелем, что и монеты 231 г. (табл. IV, 6) и 232 г. (табл. IV, 9, 11). Еще одна монета 233 г. (табл. III, 4) имеет общий штемпель с монетой 232 г. (табл. IV, 18). Веса их заметно снижены[20]. Среди статеров этого года встречаются экземпляры, отчеканенные из низкопробного серебра (около 50%) (ГИМ, 4838), а также из недрагоценных металлов (ГИМ, 4837). В этом же году приступили к чеканке монет Рискупорида IV. Так как статеров Котиса III 234 г. до настоящего времени не обнаружено[21], то следует считать 233 год последним годом правления Котиса III.

Одновременно с эмиссиями статеров Котис III выпускал и медные монеты трех типов.

Первый тип меди — денарий.

Л. ст.: ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC . Бюст царя вправо. Точечный ободок.

Об. ст.: восседающая на троне богиня с чашей в правой руке, влево. Сбоку знак денария — шестиконечная звезда — * . Точечный ободок (табл. III, 6—15) — 10 экз. Наименьший вес 7,88 *г*, наибольший — 11,37 *г*.

Монеты чеканены 5 парами штемпелей. Одна из монет (табл. III, 6) близка по стилю выполнения изображения царя воспроизведению его образа на статерах 526 г. б. э. = 229 г. н. э. (табл. II, 15). Небольшое количество дошедших до нас медных монет Котиса III и грубость выполнения штемпелей меди не дают возможности воспользоваться для датировки медных монет типа портрет царя — богиня методом стилистического анализа медных монет и датированных статеров. Поэтому решить вопрос о времени начала чеканки меди Котисом III трудно. Но если принять во внимание прослеженное портретное сходство Котиса на меди и статерах 229 г., то можно предположить, что первые медные монеты Котиса III появились в 229 г.

Второй тип меди — денарий.

Л. ст.: ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC. Бюст царя вправо. Точечный ободок. Об. ст: Царь на коне вправо. Рука поднята в жесте адорации. Под ногами

---

[18] В. В. Латышев. Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 гг. МАР, 17, СПб., 1895, стр. 65; E. H. Minns. Scythians and Greeks., Cambridge, 1913. стр. 607; КБН, стр. 721, № 1230.

[19] Т. Е. Mionnet. Ук. соч., стр. 533, прим. (В); Б. В. Кене. Ук. соч., стр. 321, № 7.

[20] А. Л. Бертье-Делагард указывал веса 9 экз. 233 г., 1 экз.— 7,69 *г*, 2— 7,50 *г*, 3 — 7,30 *г*, 4 экз.— 7,00 *г*. А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч., стр. 124, № 296.

[21] Монеты Котиса III 234 г. н. э. с датой ΛΦ указывались в старых изданиях: D. Sestini. Museo Chaudoir. 1831, № 1; Б. В. Кене. Ук. соч., стр. 318, № 11.

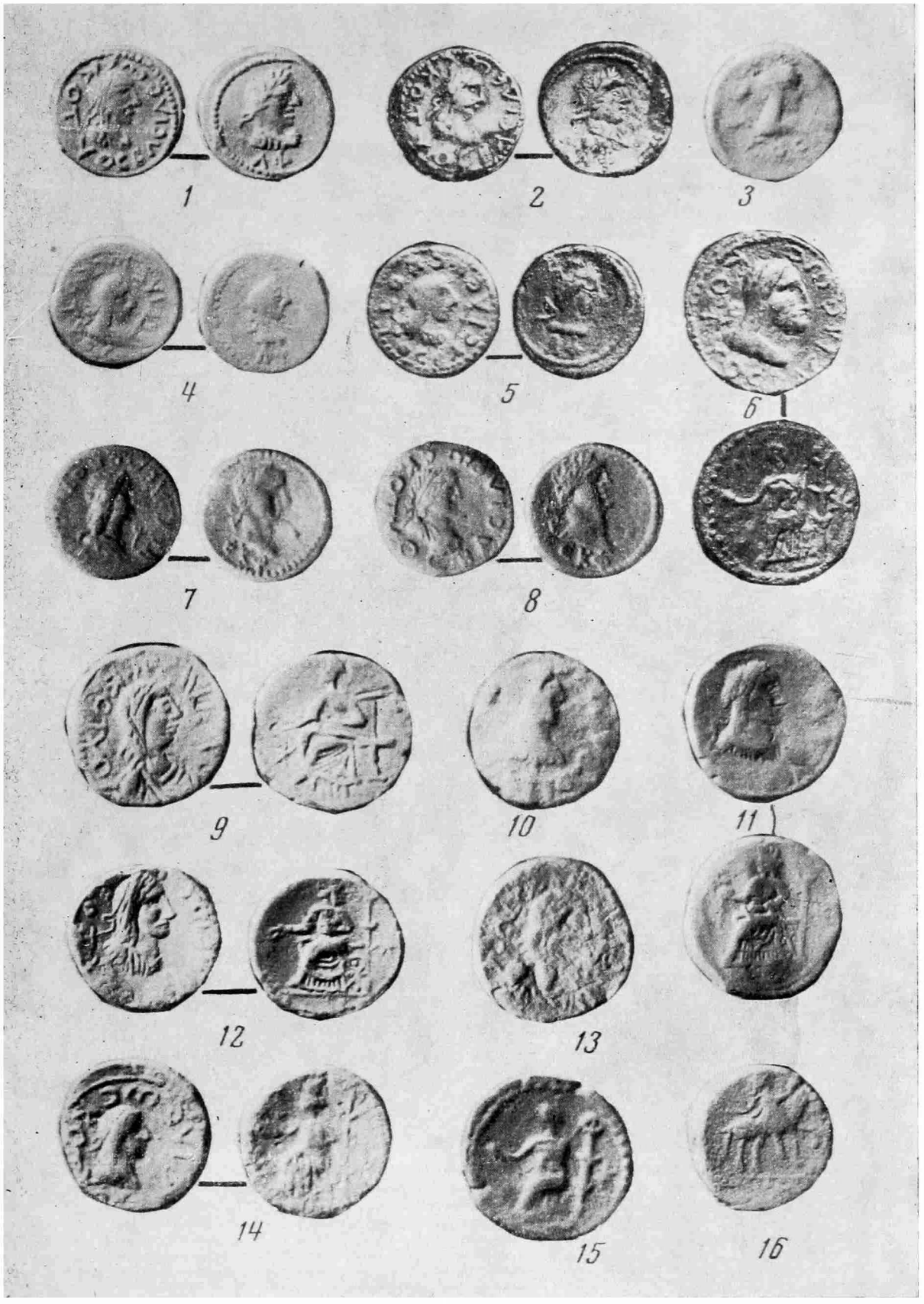


Таблица III. 1—5, 7—8 — статеры Котиса III; 6, 9—16 — денарии Котиса III

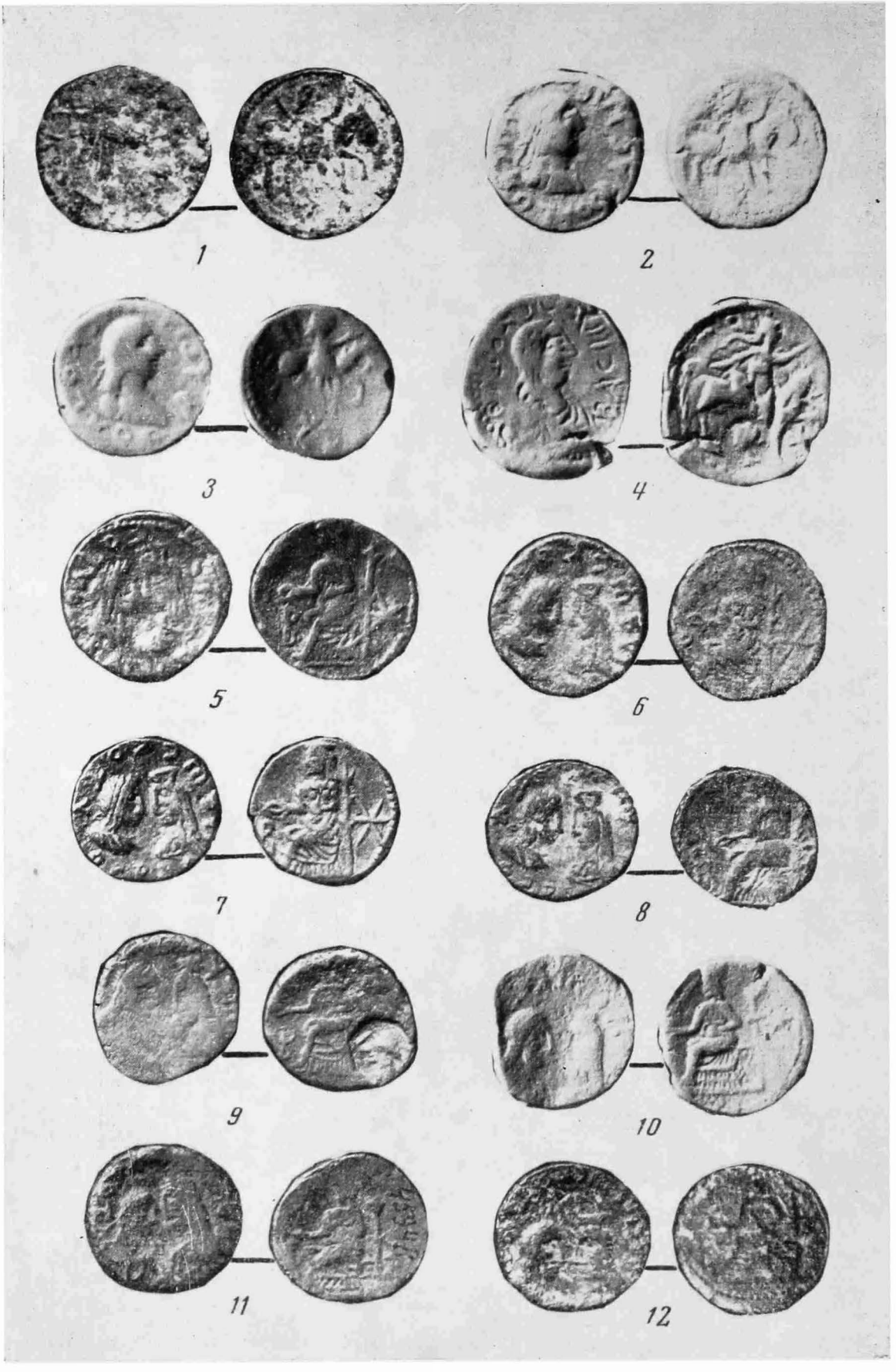


Таблица V. 1—4 — денарии Котиса III; 5—12 — двойные денарии Котиса III

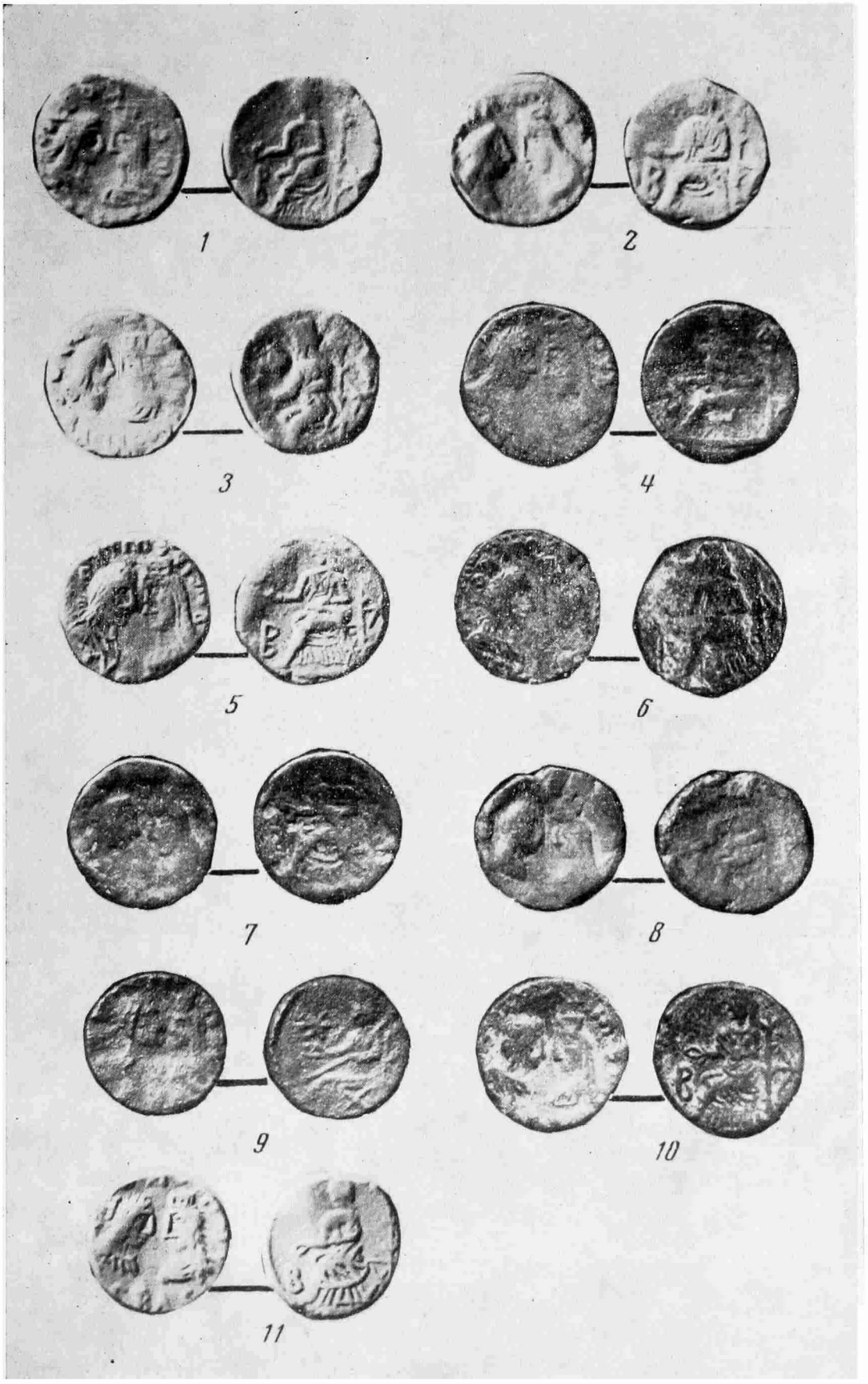


Таблица VI. 1—11 — двойные денарии Котиса III

Вклейка к статье Н. Н. Негматова (стр. 201)

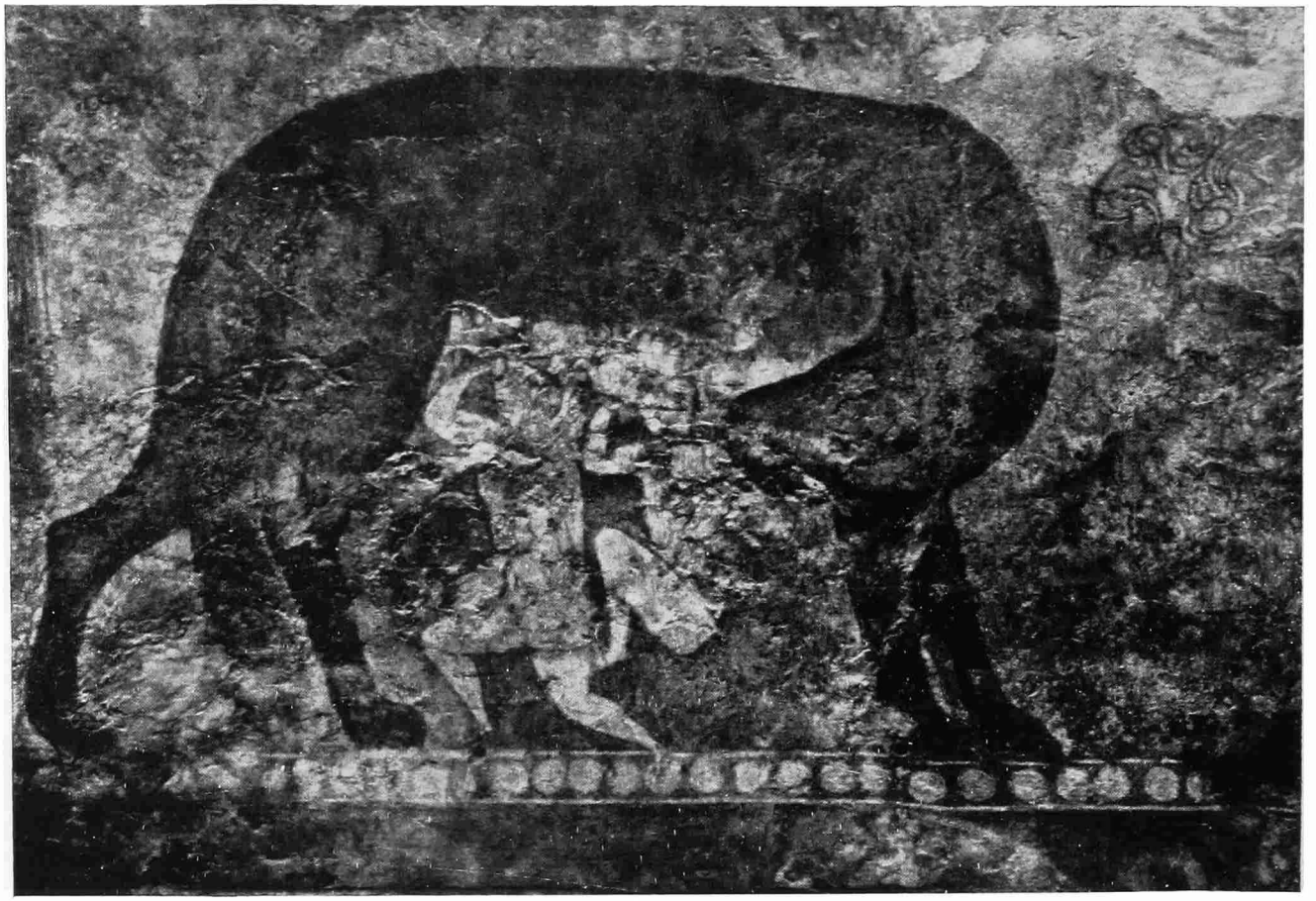


Рис. 16. Заключительная сцена композиции «Волчица, кормящая двух младенцев» (фото после реставрации)

лошади черта, под чертой знак денария — *. Точечный ободок (табл. V, 1—4) — 7 экз. Наименьший вес — 8,77 *г*, наибольший — 10,57 *г*.

Чеканены 6 парами штемпелей. Среди штемпелей лицевых сторон имеются два штемпеля — (табл. V, 2) и (табл. V, 4), которыми пользовались при чеканке монет типа портрет царя — богиня (табл. III, 10) и (табл. III, 9). Наличие общих штемпелей позволяет считать, что монеты выпущены одновременно.

Третий тип меди — двойной денарий.

Л. ст.: ΒΑCΙΛΕΩC ΚΟΤΥΟC. Бюст царя вправо, перед ним бюст богини в башенном венце. Точечный ободок.

Об. ст: Восседающая богиня на троне влево. В правой вытянутой руке чаша. Справа знак — В, слева — *. Точечный ободок (табл. V, 5—12, табл. VI, 1—11) — 28 экз. Наименьший вес — 5,72 *г*, нормальный — 9,20, наибольший — 10,47 *г*.

Чеканка двойного денария, впервые введенного на Боспоре Савроматом II (174—211 гг. н. э.) и не выпускавшегося при Рискупориде III (211—226 гг. н. э.), была вновь возобновлена Котисом III. Этот тип изображений не нов. Он появился в боспорском монетном деле при Рискупориде II, встречался на монетах Савромата I и Евпатора [22]. Метрологические данные меди Котиса III рисуют следующую картину. Денарии, представленные двумя типами, весят около 9,50 *г* (из 17 экз.). Выпущенные вслед за денариями двойные денарии весят столько же, или даже несколько меньше — 9,50—9,20 *г* (из 27 экз.). Следовательно, Котис III в один из годов своего правления вынужден был увеличить вдвое номинальную стоимость выпускаемых монет, оставив неизменным содержание металла в них. Это обстоятельство, выявляя условную стоимость медных монет, тесно связано с деградацией веса и качества статеров. Понижение содержания золота в статерах от 30—20% (монеты 227 г. н. э.) до 3—5% (в монетах 229 г. н. э.), а в последующие годы чеканка статеров из низкопробного серебра или же просто из недрагоценного металла свидетельствует о начале постепенного и неуклонного упадка государств античного мира, одним из которых было Боспорское царство.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Золотые монеты Котиса III

524 г.б.э. = 227 г.н.э.

Л. ст: ΒΑCΙΛЄΩC ΚΟΤΥΟC. Бюст царя Котиса вправо. Иногда перед бюстом трезубец. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Справа иногда дифферент — звезда или шарик. Внизу ΔΚΦ. Точечный ободок.

Г. Спасский. Босфор Киммерийский, стр. 94, табл. V, 14; Б. В. Кене. Описание..., стр. 316, № 1; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Вып. VII, Москва, 1887, стр. 111, № 723; ОКМ, табл. XXXII, 288; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 192, рис. 52, № 13.

1. А — а* 1) 7,90 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1121.
   2) 7,55 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1122 (табл. I,1)
   3) 7,30 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1123
2. Б — б 1) 7,70 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1124 (табл. I, 2)
3. В — в 1) 7,35 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1125
   2) 7,61 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 660 (табл. I, 3)
   3) 7,73 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 659
   4) 7,63 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1127
4. Г — г 1) 7,60 *г*; 21 *мм*; ГЭ, 1126
   2) 7,46 *г*; 21 *мм*; ГИМ, 661 (табл. I, 4)
   3) 7,45 *г*; 21 *мм*; частное собрание

---

[22] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 208.

* Прописной буквой алфавита обозначен штемпель лицевой стороны, строчной — штемпель оборотной.

5. Д — д 1) 7,57 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 662 (табл. I, 5)
2) 7,68 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 663 (табл. I, 6)
3) 7,62 *г*; 19 *мм*; I. Hirsch, XXI, München, 1908, № 2289
4) 7,50 *г*; A. H. Nachfolger, Fr.a.m., 1917, № 1069
5) 7,50 *г*; 20 *мм*; A. H. Nachfolger, 1926, № 304
6) 7,50 *г*; 20 *мм*; A. H. Nachfolger, 200, 1930, № 2546
7) 7,43 *г*; 20 *мм*; Naville, V, 1923, tabl. LXII, 2394

525 г.б.э. = 228 г.н.э.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC KOTYOC. Бюст царя вправо. Перед бюстом— трезубец. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Справа дифферент — шарик. Внизу ЕКФ. Точечный ободок.

Б. В. К е н е. Описание..., стр. 316, № 2, табл. XVIII, *10*;

А. В. О р е ш н и к о в. Каталог...., стр. 111, № 724, вес = 7,56 *г*; BMC, 1889, стр. 72, № 1—2, табл. XVII, *6*; ОКМ, табл. XXXII, *289*.

1. А — а 1) 7,79 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1128
2. Б — б 1) 7,75 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1129 (табл. I, 7)
3. Б — в 1) 7,45 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1131 (табл. I, 8)
4. В — г 1) 7,58 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1130 (табл. I, 9)
5. В — д 1) 7,10 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 1132
6. Г — е 1) 6,64 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1133 (табл. I, 10)
7. Г — ж 1) 7,47 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1139 (табл. I, 11)
8. Д — з 1) 7,58 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1134 (табл. I, 12)
9. Л — и 1) 7,53 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1135 (табл. I, 13)
10. Д — к 1) 6,33 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1137 (табл. I, 14)
11. Д — л 1) 6,80 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1140, (табл. I, 15)
12. Ж — в 1) 7,60 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 1136 (табл. I, 16)
13. З — м 1) 7,50 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 1138 (табл. I, 17)
14. М — к 1) 6,69 *г*; 19 *мм*; Париж, Национальная библиотека, № 295 (табл. I, 18).

Монеты, не разобранные по штемпелям:

15. 1) 7,50 *г*; 20 *мм*; Ball Nachfolger, VI, Berlin, 1931, № 313 (tabl. I, 20)
2) 7,20 *г*; 20 *мм*; там же, № 314
16. 1) 7,60 *г*; 20 *мм*; Ludwig Grabow, Rostock i Meckl, 1930
17. 1) 7,31 *г*; 20 *мм*; частн. собр.

Монеты, чеканенные из металла, содержащего от 90 до 75% серебра и 3—5% золота:

18. Д — к 1) 7,56 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4821 (табл. II, 1)
19. Б — о 1) 7,68 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4822 (табл. II, 1)
20. Б — п 1) 7,55 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4823 (табл. II, 3)
21. Г — р 1) 7,46 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4824 (табл. II, 4)
22. К — с 1) 6,62 *г*; 19 *мм*; ГИМ, 4825 (табл. II, 5)
23. Л — м 1) 7,47 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28847 (табл. II, 6)
24. М — у 1) 7,15 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28848 (табл. II, 7)
25. Н — ф 1) 7,34 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 28849 — медь (табл. II, 8)

Монеты, содержащие 11% золота:

26. О — х 1) 7,56 *г*; 18,5 *мм*; ОГАМ, 52120 (табл. III, 7)
27. П — у 1) 7,69 *г*; 19 *мм*; ОГАМ 52121 (табл. III, 8)

526 г.б.э. = 229 г.н.э.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC KOTYOC. Бюст царя вправо. Иногда перед бюстом — трезубец. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Справа дифферент — шарик. Внизу 5 КФ. Точечный ободок.

А. В. О р е ш н и к о в. Каталог ..., стр. 111, № 725; Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 316, № 3—4, табл. XVII, 101; ОКМ, табл. XXXII, *290*.

1. А — а — электр
1) 7,64 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 664 (табл. II, 9)
2) 7,60 *г*; 20 *мм*; Naville, V, табл. LXVII, 2396
2. Б — б — серебро
1) 7,53 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4826 (табл. II, 10)
2) 7,35 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28850
3. Б — в — серебро
1) 7,41 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4827 (табл. II, 11)
4. В — г — серебро
1) 7,69 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4828 (табл. II, 12)
5. В — д
1) 5,77 *г*; 20 *мм*; Париж, Национальная библиотека, № 296 (табл. II, 14)
6. Г — е — серебро
1) 6,61 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4829 (табл. II, 15)
7. Д — ж
1) 7,31 *г*; 20 *мм*; частн. собр.

527 г.б.э. = 230 г.н.э.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC KOTYOC. Бюст царя вправо. Перед бюстом — трезубец. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Справа дифферент — шарик. Внизу ZKФ. Точечный ободок.

Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 317, № 5, BMC, 1889, стр. 72, № 3.

1. А — а 1) 7,35 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28851 (табл. II, 13)
2. Б—б) 1) 7,43 *г*; 20 *мм*; Париж, Национальная библиотека, № 297 (табл. II, 16)
   2) 7,27 *г*; 20 *мм*; BMC, 1889, стр. 72, № 3

528 г.б.э. = 231 г.н.э.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC KOTYOC. Бюст царя вправо. Перед бюстом иногда помещено копье. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Внизу НКФ. Точечный ободок.

Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 317, № 6; А. В. О р е ш н и к о в. Каталог ..., стр. 111, № 727; е г о ж е. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету. М., 1891, стр. 46, № 548—552; BMC, 1889, стр. 72, № 4, табл. XVII, 7, ОКМ, табл. XXXII, *291*.

1. А — а — серебро
   1) 7,72 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4830 (табл. II, 17)
   2) 7,10 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28858
   3) 7,50 *г*; 20 *мм*; Британский музей, BMC, 1889, табл. XVII, 7.
2. А — б
   1) 7,41 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4831 (табл. IV, *1*)
   2) 7,38 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28859
3. А — в 1) 6,86 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4832 (табл. IV, 2)
4. Б — г 1) 7,63 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28852 (табл. IV, 4)
5. В — д 1) 7,58 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28853 (табл. IV, 5)
6. В — е 1) 7,20 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 28855 (табл. IV, 3)
7. Г — е 1) 7,54 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 28854 (табл. IV, 6)
8. Д — ж 1) 7,20 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28856 (табл. IV, 7)
9. Е — з 1) 8,24 *г*; 19 *мм*; Naville, V, табл. LXVII, 2395.

529 г.б.э. = 232 г.н.э.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC KOTYOC. Бюст царя вправо. Перед бюстом иногда копье. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Внизу ΘКФ. Точечный ободок.

Г. С п а с с к и й. Босфор ..., стр. 95, табл. V, *15*, Б. В. К е н е. Описание..., стр. 318, № 9, 10; BMC, 1889, стр. 72, № 5

1. А — а 1) 7,39 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 37 (табл. IV, 10)
   2) 6,59 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 36 (табл. IV, 8)
2. Б — б 1) 7,43 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4835 (табл. IV, 11)
   2) 6,86 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4836 (табл. IV, 9)
3. Б — в 1) 7,35 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 35 (табл. IV, 14)
4. В — г 1) 7,45 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 40 (табл. IV, 12)
5. Г — д 1) 7,57 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 38 (табл. IV, 13)
6. Г — е 1) 7,80 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28866 (табл. IV, 17)
7. Г — ж 1) 7,36 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28867 (табл. IV, 15)
8. Д — а 1) 7,16 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28868 (табл. IV, 16)
9. Ж — и 1) 6,93 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4883 (табл. IV, 18)
10. Ж — к 1) 7,31 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28869
    2) 6,60 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28870
11. З — л 1) 6,81 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4834 (табл. IV, 19)
    2) 7,46 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 28871 (табл. IV, 20)
12. И — м 1) 7,30 *г*: 20 *мм*; частн. собр.

530 г.б.э. = 233 г.н.э.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC. KOTYOC. Бюст Котиса вправо. Перед бюстом копье. Точечный ободок.

Об. ст.: Бюст императора вправо. Внизу ΛФ. Точечный ободок.

Б. В. К е н е. Описание..., стр. 318, № 10, табл. XVIII, *102*; ОКМ, табл. XXXII, *292*.

1. А — а — серебро
   1) 7,50 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 47 (табл. III, 1)
2. Б — б — серебро
   1) 6,79 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4838 (табл. III, 2)
3. В — в — медь
   1) 6,86 *г*; 19 *мм*; ГЭ, 49 (табл. III, 4)
4. Г — г — медь
   1) 6,10 *г*; 20 *мм*; ГЭ, 50 (табл. III, 3)
5. Д — г — медь
   1) 6,58 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4837 (табл. III, 5)

ΘКФ — 531 г.б.э. = 234 г.н.э.

Монета этого года указана в старых изданиях:

D. S e s t i n i. Descrizione d'alcune Medaglie del Museo des S. Barone de Chaudoir,

Firenze, 1831, p. 73, № 1; С. Ш о д у а р. Corrections et Additions. Paris, табл. II, *17*, Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 318, № 11.

Медные монеты Котиса III

I тип — денарий.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC ΚΟΤΥΟC. Бюст царя вправо. Точечный ободок.

Об. ст.: Богиня, восседающая на троне с чашей в руке, влево. Справа или слева — знак денария *. Точечный ободок.

Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 319, № 13; И. Т. К р у г л и к о в а. Ук. соч., рис. 52, № 14—15.

1. А — а 1) 10,41 *г*; 25 *мм*; ГИМ, 4839 (табл. III, 6)
2. Б — б 1) 9,35 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 57 (табл. III, 10)
3. В — б 1) 9,07 *г*; 26 *мм*; ГЭ, 58 (табл. III, 9)
4. Г — в 1) 7,88 *г*; 25 *мм*; ГЭ, 60 (табл. III, 11)
   2) 8,70 *г*; 25 *мм*; ГЭ, 61
5. Д — г 1) 8,33 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 62 (табл. III, 12)
   2) 9,08 *г*; 26 *мм*; ГЭ, 62а (табл. III, 13)
6. Е — д 1) 11,37 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 63 (табл. III, 14)
   2) 8,10 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 64
7. Е — а 1) 10,80 *г*; 26 *мм*; ГЭ, 65 (табл. III, 15)

II тип меди Котиса III — денарий

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC ΚΟΤΥΟC. Бюст Котиса вправо. Точечный ободок.

Об. ст.: Всадник вправо. Рука поднята в жесте адорации. Внизу под чертой знак денария — *. Точечный ободок.

Г. С п а с с к и й. Босфор ..., табл. V, № 16; Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 319, № 12, табл. XIV, *53*; ОКМ, табл. XXXII, *293*, *294*.

1. А — а 1) 10,36 *г*; 25 *мм*; ГИМ 4840 (табл. V, 1)
2. Б — б 1) 10,48 *г*; 25 *мм*; ГЭ, 28876 (табл. V, 2)
3. В — в 1) 9,50 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 52
4. Е — е 1) 11,78 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 53 (табл. III, 16)
5. Г — г 1) 9,53 *г*; 25 *мм*; ГЭ, 54 (табл. V, 3)
   2) 10,57 *г*; 25 *мм*; ГЭ, 55
6. Д — д 1) 8,77 *г*; 26 *мм*; ГЭ, 56 (табл. V, 4)

III тип меди Котиса III — двойной денарий.

Л. ст.: ΒΑCΙΛЄΩC ΚΟΤΥΟC Бюст Котиса вправо, перед ним бюст богини в башенной короне. Точечный ободок.

Об. ст.: Богиня, восседающая на троне с чашей или яблоком в правой руке. По сторонам знаки двойного денария — В —. * Точечный ободок.

Б. В. К е н е. Описание ..., стр. 319, № 14, табл. XVIII, 103;

А. В. О р е ш н и к о в. Каталог ..., стр, 111, № 728; ОКМ, табл. XXXII, *295*. А. Н. З о г р а ф. Табл. XIX, *14*

1. А — а 1) 9,33 *г*; 25 *мм*; ГИМ, 4824 (табл. V, 5)
   2) 8,54 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 82 (табл. VI, 1)
2. Б — б 1) 9,17 *г*; 24 *мм*; ГИМ, 4843 (табл. V, 6)
   2) 9,43 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 71
   3) 9,51 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 72
   4) 9,15 *г*; 22 *мм*; ГЭ, 73
   5) 8,60 *г*; 23 *мм*; ГИМ, 4847а
   6) 8,64 *г*; 22 *мм*; ГИМ, 4846 (табл. V, 7)
3. Б — в 1) 7,39 *г*; 22 *мм*; ГИМ, 4844 (табл. V, 8)
4. В — г 1) 7,82 *г*; 23 *мм*; ГИМ, 4846 (табл. V, 9)
5. В — д 1) 10,10 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 77а (табл. V, 10)
   2) 9,12 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 79
   3) 9,98 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 78
   4) 9,13 *г*; 22 *мм*; ГЭ, 76 (табл. VI, 2)
   5) 6,95 *г*; 22 *мм*; ГЭ, 77 (табл. VI, 3)
   6) 7,49 *г*; 22 *мм*; ГИМ, 4841 а
6. Г — ж 1) 9,00 *г*; 24 *мм*; ГИМ, 4848 (табл. V, 11,
   2) 9,12 *г*; 26 *мм*; ГЭ, 74
   3) 8,12 *г*; 25 *мм*; ГЭ, 75
7. Д — д 1) 10,47 *г*; 22 *мм*; ГИМ, 4849 (табл. VI, 12)
8. Д — е 1) 8,70 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 80
9. Ж — и 1) 9,13 *г*; 23 *мм*; ГИМ, 4850 (табл. VI, 4)
10. Ж — к 1) 8,52 *г*; 24 *мм*; ГЭ, 66 (табл. VI, 5)
11. Ж — л 1) 8,35 *г*; 23 *мм*; ГИМ, 4851 (табл. VI, 6)
12. З — м 1) 7,99 *г*; 23 *мм*; ГИМ, 4852 (табл. VI, 7)
13. И — н 1) 8,60 *г*; 23 *мм*; ГЭ, 4845 (табл. VI, 8)
14. К — о 1) 5,72 *г*; 20 *мм*; ГИМ, 4841 (табл. VI, 9)
15. Л — п 1) 6,95 *г*; 22 *мм*; ГИМ, 4845а.

N. A. Frolova

MONNAYAGE AU BOSPHORE SOUS KOTIS III (227—233 APRÈS J.— C).

Résumé

A en juger sur les données numismatiques Kotis III gouvernait le Bosphore à partir de 227 jusqu'à 234 après J.— C. Les années 225—228 après J.— C. ont vu les pièces de monnaie en or de Kotis III concomitantes avec les statères de Riscouporid III. Les suppositions étaient faites d'après lesquelles la parution de ces pièces de monnaie était dûe aux événements extraordinaires. Une hypotèse était proposée selon laquelle Kotis III aurait renversé Riscouporid III ce qui aurait comme suite la division de Bosphore en deux parties et le fonctionnement, dans chacune d'elles, en 228 d'un Hôtel de la Monnaie. La comparaison des timbres des monnaies de Kotis datant de 228 avec celles de Riscouporid de la même époque et de la période précédente nous amène à la conclusion que les statères de Riscouporid de 228 se présentent comme une émission spéciale. Les données métrologiques obtenues au moyen de la méthode d'échelle de poids témoignent de la provenance des monnaies de Kotis et de Riscouporid du même Hôtel de la Monnaie. L'analyse comparative de la composition de ces statères prouve cette conclusion. L'émission en 228 par Kotis des monnaies de Riscouporid III peut trouver son explication dans la déification posthume de celui — ci. Le fait de la frappe simultanée en 229—231 des statères par Kotis III et Savromate III était interprété comme résultant de l'usurpation par celui — ci en 229 du pouvoir royal. Les résultats des analyses typologique, métrologique et chimique dont nous nous servons dans l'examen des monnaies de ces gouverneurs nous amènent à croire que durant les années 229—231 après J.— C. Savromate III était le cogouverneur de Kotis III ce qui est prouvé par une inscription (КБН 1230) mentionnant les noms des deux rois. La réduction subite de la teneur en or dans les statères à partir de 30—20% jusqu'à 5—3% ainsi que la frappe des statères en métal non précieux et l'augmentation du prix de cuivre sans changement de poids sont les premiers indices de la crise monétaire à venir laquelle a bouleversé les Etats du monde antique au milieu de III s. de notre ère.

А. И. АЙБАБИН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕРЕЖЕК ПАСТЫРСКОГО ТИПА [1]

В 70-х годах XIX в. крестьяне с. Пастырского (ныне Златопольский район Черкасской обл. УССР, рис. 1, 1) при корчевке леса под пашню нашли клад серебряных и бронзовых вещей. В состав клада помимо фибул, браслетов, подвесок входили серьги, названные в дальнейшем по имени городища пастырскими. С тех пор десятки интересующих нас сережек найдены в составе еще трех кладов, а также при раскопках и земляных работах [2]. Серьги пастырского типа известны и за пределами Пастырского городища. А. С. Федоровский зарисовал несколько сережек из Зайцевского клада (Змиевский район Харьковской обл. УССР, рис. 1, 3), совершенно аналогичных пастырским, и сообщил о них А. А. Спицыну [3]. Еще пять сережек пастырского типа происходят из с. Григоровка (Черкасская обл., рис. 1, 2), с поселения Семенки (Брацлавский район Винницкой обл., рис. 1, 4), из Среднего Побужья (с. Солгутов Кировоградской обл., рис. 1, 5) [4].

В. В. Хвойко, исходя из анализа техники изготовления и орнаментации пастырских сережек, установил, что они являются продукцией местных мастеров. Дальнейшие исследования подтвердили этот вывод В. В. Хвойко [5]. Иначе обстоит дело с проблемой генезиса пастырских сережек, которая до сих пор окончательно не решена. А. А. Спицын указывал на аналогичность пастырских «антских» сережек и некоторых типов венгерских сережек [6]. Л. Ипдерле объяснял типологическую близость пастырских, среднепридунайских и сицилийских сережек со звездообразной при-

---

[1] Данная работа представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного автором на III региональной студенческой археолого-этнографической конференции вузов Северо-Запада СССР; см. тезисы конференции: А. И. Айбабин. К вопросу о взаимоотношениях среднеднепровской (пастырской) и среднедунайской культур 6—7 вв. Рига, 1971.

[2] В. В. Хвойко. Городища Среднего Приднепровья, их значение, их древность и народность. Тр. XII АС, М., 1905, стр. 93—103; В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, IV. Киев, 1901, XIII; А. А. Бобринский. Исследования в Чигиринском уезде. ИАК, 35, 1910, стр. 80, 82, рис. 35, 36; М. Ю. Брайчевский. Пастырский скарб 1949 г. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 161 сл.; Дополнение к публикации Пастырского клада 1949 г. СА, 1957, 1, стр. 246; Новые находки VII—VIII вв. н. э. на Пастырском городище. КСИА УССР, 10, Киев, 1960, стр. 107—108, рис. 1 (1, 4).

[3] А. А. Спицын. Древности Антов. Сб. в честь А. А. Соболевского. Л., 1928, стр. 493. Зарисовки сережек хранятся в Киеве в архиве ИА УССР, фонд А. С. Федоровского. О них мне любезно сообщила Г. Ф. Корзухина.

[4] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., VI, XIX (323, 324), стр. 28; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчицы в среднем течении Южного Буга, МИА, 108, 1963, стр. 336, рис. 14, 1; В. И. Бідзіля. Залі зоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південном Бузі. «Археологія», XV, Київ, 1963, стр. 123—144, IV, рис. 1.

[5] В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 103.

[6] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, н. с. XI, 1—2, 1899, стр. 264—265.

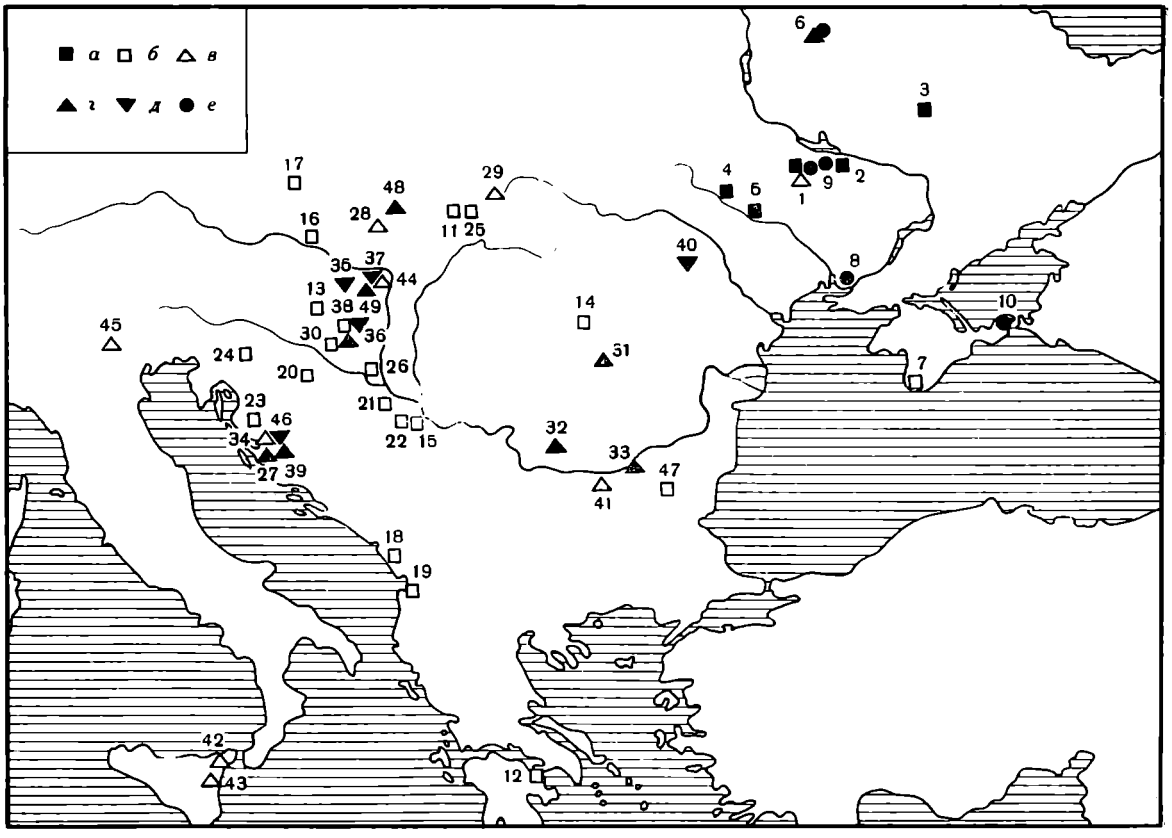


Рис. 1. Карта распространения звездообразных сережек и сережек с полой шаровидной привеской, украшенной гроздьями зерни

А — пастырские литые звездообразные серьги I типа; *Б* — византийские и придунайские литые звездообразные серьги; *В* — византийские паяные звездообразные серьги; *Г* — придунайские паяные звездообразные серьги; *Д* — византийские и придунайские тисненые звездообразные серьги и формы для тиснения звездообразных серег; *Е* — серьги с полой шаровидной привеской, украшенные гроздьями зерни

1 — Пастырское (15 сережек I типа; 5 — II типа; 7 — III типа *); 2 — Григоровка (1 — I типа, 1 — III типа); 3 — Зайцевский клад (3 — I типа); 4 — Семенки (2 — I типа); 5 — Солгутов (1 — I типа); 6 — Харьевка (8); 7 — Херсонес (1); 8 — Золотая Балка (4); 9 — Залевки (2); 10 — Керчь (2); 11 — Карча (2); 12 — Коринф (1); 13 — Кестхей (2); 14 — Мурешгымбаш (4); 15 — Винча (2); 16 — Девинска Нова Весь (4); 17 — Ребешовицы (1); 18 — Скадра (2); 19 — Круя (2); 20 — Велика Градуша (1); 21 — Новы Бановцы (1); 22 — Птуй (1); 23 — Прозор (1); 24 — Загреб (1); 25 — Краловский Хлмец (2); 26 — Далья (2); 27 — Солин (1); 28 — Земьянски Врбовок (1); 29 — Залесье (фрагменты 5 сережек); 30 — Черкут (2); 31 — Ношлак (2); 32 — Кошевены (2); 33 — Руссе (1); 34 — Голубицы (2); 35 — Веспрем (2); 36 — Чадавица (2); 37 — Диошвельд-Эстергом (2); 38 — Печ (3); 39 — Оток (1); 40 — Костешти (форма для тиснения 2 сережек); 41 — Садовицы (2); 42 — Таормина (3); 43 — Сиракузы (2); 44 — Гаск (1); 45 — Кастел-Трозино (2); 46 — Бискупия (1 серьга и форма для тиснения серьги); 47 — Мадара (1); 48 — Прша (1); 49 — Алаттьян (1)

* Учтены только опубликованные серьги.

веской их происхождением от одного византийского прототипа. Того же мнения о происхождении пастырских сережек придерживался и М. И. Артамонов [7]. И. Вернер и З. Вински пишут о возникновении производства литых звездообразных сережек у славян в Приднепровье на основе древнепонтской традиции и византийского влияния. В Придунавье, по их мнению, изготовление литых звездообразных сережек началось под влиянием пастырских ювелиров [8]. По словам Б. А. Рыбакова, на Среднем Днепре у славян звездообразные серьги появились внезапно, а в Придунавье они попали в IX в. из Приднепровья «когда угры идоша мимо Киева» [9]. Н. Феттих связывает пастырские серьги с кутригурской мартыновской культу-

[7] L. Niederle. Prispěvku k vývoji Byzantských šperkie ze IV—X, 1930, стр. 130—131; М. И. Артамонов. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. ДГО, Этнография, 15, Л., 1970, стр. 24.

[8] I. Werner. Slawische Bügelfïlben des 7 Jahrhundrts. Reinecke Festschrift. 1950, стр. 157—158; Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa u arheološkom muzeju u Zagrebu s posebnim obzirom na nosioce srebrnog nakita Cadavica. Starohrvatska prosvijeta, III—2. Zagreb, 1952, стр. 29—59; Ponovo o naušnicame zvjezdolikog tipa. Glasnik, X, 1955, стр. 233—236.

[9] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 111.

рой Он видит в пастырских серьгах элементы гунно-сарматской традиции и византийского влияния. Распространение литых звездообразных сережек в Подунавье Н. Феттих связывает с передвижением кутригуров из Среднего Поднепровья в Среднее Подунавье [10]. М. И. Артамонов объяснял сходство некоторых элементов болгарской пастырской культуры и среднедунайской аварской культуры политической зависимостью болгар в VI — первой половине VII в. от аварского каганата [11]. О влиянии придунайской культуры на пастырских ювелиров говорит и Г. Ф. Корзухина [12]. Итак, мнения о генезисе пастырских сережек резко расходятся. Мы в своей работе попытаемся разобраться в этом вопросе, сравнивая пастырские сережки с аналогичными им серьгами из Среднего и Нижнего Подунавья и Византии.

По форме, орнаментации и технике изготовления все пастырские серьги делятся на три основных типа. Серьги I и II типов изготовлены из серебра способом литья по восковой модели. Верхняя часть дужки и ее уплощенная нижняя часть сделаны первоначально из воска (орнамент тонко врезан внутрь), затем они наложены на глину и уже в глине путем вдавливания острием выполнен щиток с закраинами и ложной зернью для I типа и соколиными головками для II типа. Гроздья зерни выполнены при помощи восковых шариков [13].

Первый, наиболее многочисленный тип образуют сережки со звездообразной нижней частью (рис. 2, *1—6*). По форме, орнаментации и технике изготовления серьги I типа делятся на шесть подтипов.

Подтип 1 (рис. 2, *1*). Сережки подтипа 1, *1* входили в состав Пастырских (рис. 1,1) и Зайцевского кладов (рис. 1,3). Дужка сережек расширяется в своей нижней части. На расширенной части дужки врезаны четыре линии. В том месте, где дужка переходит в щиток, имеются два маленьких псевдошарика. Щиток представляет собой круглую пластинку с полусферическим выступом в центре. На обратной стороне щитка выступу соответствует выемка. Вершина выпуклости украшена маленьким рельефным псевдошариком. У некоторых сережек на поверхности выпуклости врезаны двойные дугообразные линии, а по краям три концентрические линии. Края щитка украшены пятью плоскими пирамидами литой псевдозерни: тремя большими, по 10 зернинок в каждой, и двумя меньшими, по 3 зернышка в каждой. Длина сережек от верхнего края дужки до нижнего края средней пирамидки псевдозерни доходит до 8,2 *см*.

Подтип 2 (рис. 2, *2*). Эти серьги найдены только на Пастырском городище. Полусферическая выпуклость на щитках сережек подтипа 2 украшена тремя отверстиями и семью псевдозернинками — по две по сторонам каждого отверстия и одна на вершине выпуклости. По краю щитка выполнено пять пирамидок псевдозерни. Две состоят из шести зернинок каждая, две — из трех зернинок каждая и одна из 10 зернинок. Длина их обычно равна 7,5 *см*.

Подтип 3 (рис. 2, *3*). Серьги подтипа 1—3 имеются в составе Пастырских и Зайцевского (рис. 1, *3*) кладов. У данных сережек на щитке почти отсутствует полусферический выступ. Сам щиток значительно толще, чем щиток у сережек предыдущих подтипов. Он украшен четырьмя отверстиями и пятью псевдозернинками — по одной между отверстиями и одна в центре щитка. Длина сережек варьирует от 8,2 до 6,5 *см*.

Подтип 4 (рис. 2, *4*). Известна лишь одна серьга подтипа 1—4, найденная на Пастырском городище. Поверхность ее утолщенного и выпук-

[10] N. Fettich. Archäologische Studien Geschichte der späthunnischen Metallkunst. AH, XXXI, 1951, S. 133.

[11] М. И. Артамонов. Етническата принадлежност и историческато значение на пастирската култура. «Археология», 3, София, 1969, стр. 4—8.

[12] Доклад Г. Ф. Корзухиной на секторе Славяно-русской археологии ЛОИА 17 декабря 1969 г. Приношу глубокую благодарность Г. Ф. Корзухиной за разрешение ознакомиться с рукописью текста доклада.

[13] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 110—111.

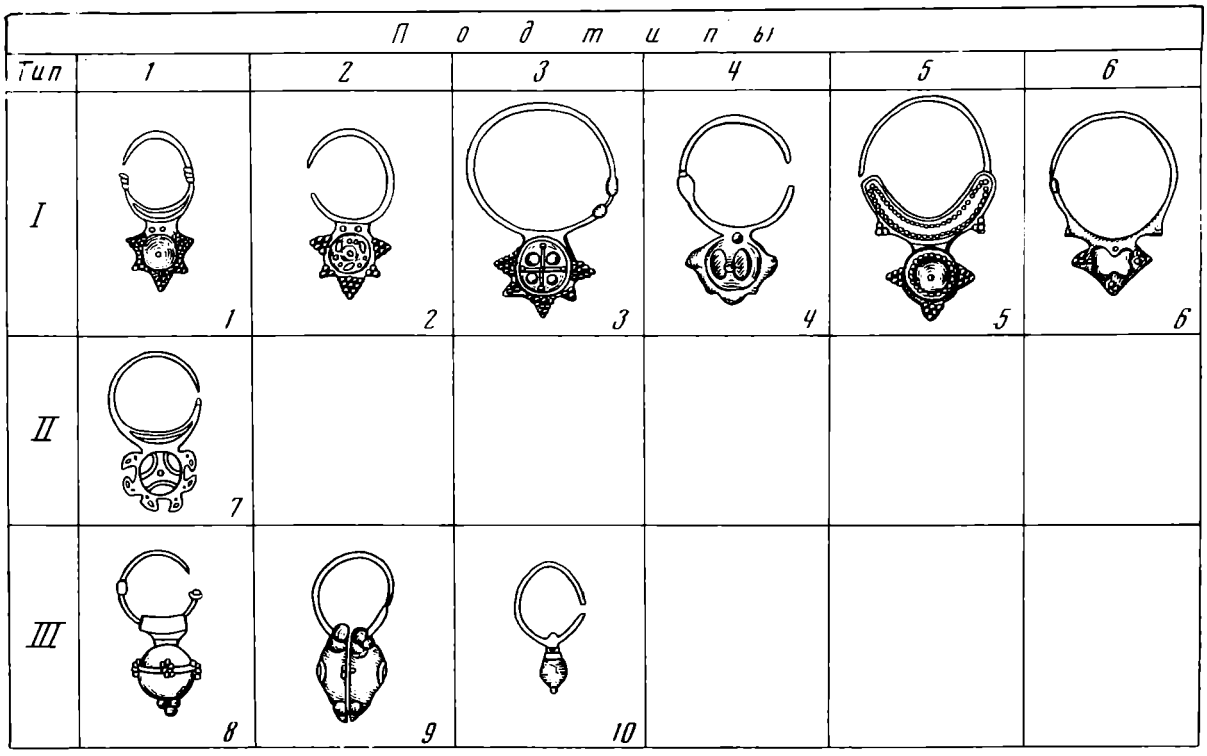


Рис. 2. Типологическая таблица пастырских сережек

лого щитка украшена двумя полукруглыми вдавлениями и псевдошариком между ними. По краям щитка выступают слегка намеченные три грозди псевдозерни. Длина сережки равна 7,2 *см*.

Подтип 5 (рис. 2, *5*). Помимо Пастырского городища серьги подтипа 1—5 найдены у с. Солгутов (рис. 1,5), в Григоровке (рис. 1,2) и на поселении Семенки (рис. 1, *4*). В отличие от сережек подтипов 1—4 нижняя часть дужки сережек данного подтипа украшена двумя пирамидками по три зернышка в каждой, а щиток украшен тремя пирамидками псевдозерни по шесть зернышек в каждой. Нижнюю расширенную часть дужки сережек украсили двумя рядами псевдозерни или прямоугольной насечкой. На щитках некоторых сережек край полусферического выступа обведен кольцом псевдозерни. Длина сережек доходит до 6,5 *см*.

Подтип 6 (рис. 2, *6*). Одна серьга подтипа 1—6 происходит с Пастырского городища. Похожие серьги, видимо, изготавляли на поселении Семенки [14]. На нижней части дужек сережек подтипа 1—6 сделаны два выступа, напоминающие пирамидки из псевдозерни в соответствующем месте у сережек подтипа 1—5. Щиток утолщенный и слегка выпуклый. Всю центральную часть щитка занимает сплошное отверстие неправильной формы. У краев отверстия помещены четыре псевдозерниики — по одной с каждой стороны. Края щитка оформлены в виде трех выступающих конусов, на поверхности которых слегка намечена псевдозернь. Длина сережек доходит до 6,5 *см*.

Как уже отмечалось выше, из Придунавья и Византии также происходит масса паяных, тисненых и литых сережек со звездообразной нижней частью, аналогичных пастырским сережкам I типа. Их исходной формой являются простые паяные серьги со звездообразной привеской, известные из византийской пограничной крепости близ современного болгарского селения Садовицы (рис. 1, 41; 3, *1*). Крепость, заселенная готами-федератами, погибла, судя по монетам Юстиниана I (527—565 гг.), Юстина II (565—578 гг.) и Маврикия (582—602 гг.), в самом начале VII в. Серьги

[14] П. И. Хавлюк. Ук. соч., МИА, 108, 1963, стр. 336, рис. 14, *3*.

можно датировать VI в.[15] Паяные серьги со звездообразной ажурной привеской из Сицилии (рис. 1, 42), входившей в то время в состав Византии[16] датируются VI — началом VII в. Тогда же в Сицилии (рис. 1, 42, 43; 3, *2, 4, 5*) появляются паяные серьги со сплошным звездообразным щитком[17], а в Северной Италии (рис. 1, 45) распространяются несколько отличные от них паяные серьги со звездообразной нижней частью[18]. Сицилийские паяные серьги со звездообразной ажурной привеской проникают в конце VI — начале VII в. на Адриатическое побережье современной Югославии (рис. 1, 34) и в Среднее Подунавье (Гаск в Венгрии, рис. 1, 44). Еще две подобные серьги, видимо, происходящие из какого-либо Среднепридунайского аварского могильника, хранятся в собрании Херкунфт в Венгерском национальном музее[19]. И. Корошец пытался передатировать серьгу из Голубиц (Югославия, рис. 1, 34; 3, *3*) IX в., тогда как З. Вински убедительно датировал ее по найденным в той же могиле византийской монете и позднеримскому или ранневизантийскому перстню концом — VI — первой половиной VII в.[20]

Паяные серьги из Сицилии, вероятно, послужили одним из прототипов для создания в Среднем Придунавье местных типов паяных сережек со звездообразной привеской. Другим прототипом для придунайских паяных звездообразных сережек были, очевидно, паяные звездообразные серьги из кладов византийских бродячих ювелиров, зарытых в VII в. в Залесье (рис. 1, 29; 3, *18*) и в Земьянской Врбовке (рис. 1, 28; 3, *7*)[21]. В Среднем Придунавье производство паяных звездообразных сережек возникло, как полагает Б. Свобода, в конце VI — начале VII в. в производственных центрах на территории Аварского каганата. По мнению Б. Свободы, организаторами подобного производства у авар могли стать ювелиры, переселенные ими из разгромленных византийских городов, а также бродячие ювелиры, в том числе и византийские[22]. Определенную роль в распространении паяных звездообразных сережек сыграло, видимо, укрепление торговых отношений между различными районами Придунавья и Балкан и частые перемещения племен в названных районах. Наибольшее число паяных сережек происходит из района, занимаемого в VI—VII вв. аварской предкестхельской и аваро-славянской кестхельской культурами. Это серьги из Прши (рис. 1, 48), Солина (рис. 1, 27), Алаттьяна (рис. 1, 49), Чадавиц (рис. 1, 36). Они датируются авторами находок не позднее конца VII в.[23] С торговцами или бродячими ювелирами паяные

[15] I. Welkow. Eine Gotenfestung bei Sadowetz. «Germania», 19, 1935, S., 149—189; Taf. 17, *2*, *6*; G. Bersu. A 6th Century German Settlement of Foederati. «Antiquity», 12, 45—48, 1938, стр. 31—43.

[16] З. В. Удальцева. Италия и Византия в VI веке. М., 1959, стр. 475—497.

[17] P. Orsi. Byzantina Sicilia III, Byz. zeitsch., 1910, стр. 464—465, фиг. I (1—3); Giojelli bizantini della Sicilia. Melanges offerts a'm G. Schlumberger. Paris, 1924, стр. 391—398. f. 67. Z. Vinski. «Glasnik», X, 1955, стр. 232—237.

[18] H. Kühn. Wirhtige Langobardische Fund in Amerikanischen Sammlungen. IPEK, 12, Berlin, 1938, стр 178—179, taf. 60; Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa..., стр. 33—34.

[19] Z. Vinski. «Glasnik», X, 1955, стр. 232—233; J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, 1, Braunchweig, 1905, S., 3, II, стр. 395—401; III, 259, *12*, 287, *2*.

[20] I. Korošec. Podela naušnica sa Zwerdolicim priveskom u slovenskim kulturama Jogoslavija. «Glasnik», IX, стр. 77, 84—89; Z. Vinski. «Glasnik», X, 1955, стр. 232—233.

[21] N. Fettich. AH, XXXI, Taf. II (1—13), стр. 32; B. Svoboda. Poklad byzantskéno kovotepce. v Zemianském Vrbovku. PA, XLIV, 1953, стр. 98—100.

[22] B. Svoboda. Poklad..., стр. 98—100.

[23] B. Svoboda. Poklad.., стр. 94—100; рис. 8, *2—4*, 4, *1*; Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa..., стр. 40; A. Točik. Pohrebisko a sidlisko z doby Avarskej riše v Prši. SLA, XI—1, 1963, рис. 40, *1*, стр. 154—155; J. Kovrig. Das awarenzeitliche Graberfeld von Alattyán. Budapest, 1963, стр. 14, 111, 112, taf. IV, *26*, Taf. LXIII, *3*. На карту не нанесены местонахождения неопубликованных сережек из того же района. Они упоминаются у J. Werner. Slavische..., стр. 157—158, прим. 11; A. Točik. SLA. XI—1, стр. 155; M. Rusu. The prefeudal Cemetry of Noslak (VI—VII Centuries). Dacia. N. S. VI, 1962, стр. 283.

Рис. 3. Аналогии сережкам I, II типов; подтипов III—1; III—2

1 — Садовицы; 2, 4, 5 — Таормина; 3 — Голубицы; 6 — Пастырское; 7 — Земляницьи Врбовок; 8 — Чадавицы; 9, 23 — Харьевка; 11 — Коринф; 12 — Краловский Хлмец; 13 — Новы Бановцы; 14 — Далья; 15 — Кестхей; 16 — Печ; 17 — Херсонес; 18 — Щиток серьги из Залесья; 22 — Залевки; 24 — Сент-Андре (Венгрия)

(*1—9, 18, 22—24* — панные; *10* — рисунок серьги с формы для тиснения сережек из Костешти; *11—15, 17* — литые; *16* — тисненая; *19* — орнамент на поясном наконечнике из Цико; *20* — деталь орлиноголовой пряжки из Керчи; *21* — деталь пастырской фибулы)

серьги со звездообразной привеской попадают в Нижнее Придунавье (Ношлак, рис. 1, 31), Кошовены (рис. 1, 32), Русе (рис. 1, 33) [24]. К концу VII в. паяные звездообразные серьги полностью исчезают в Придунавье и на Балканах. Известна лишь одна как будто бы паяная серьга из могилы IX в. близ Отока (рис. 1, 39) [25].

Почти одновременно с паяными звездообразными серьгами в Византии и в Среднем Придунавье появляются тисненые звездообразные серьги В Костешгах (Румыния, рис. 1, 40) найдена костяная форма для тиснения звездообразных сережек (рис. 3, *10*). Она входила в состав клада VI—VII вв., принадлежавшего, видимо, бродячему византийскому ювелиру и содержавшего костяные формы для тиснения византийских иконок и украшений [26]. Еще одна форма для тиснения звездообразных сережек найдена в Бискупии (рис. 1, 46), а из Веспрема (рис. 1,32), Дюшвелдь-Эстергома (рис. 1, 37), Печ (рис. 1, 38; 3, *16*) известны тисненые звездообразные серьги [27].

Следующей ступенью развития, а точнее, деградации звездообразных сережек в Византии и Придунавье можно считать появление в названных районах звездообразных сережек, изготовленных способом литья по восковой модели. К сожалению, византийские литые звездообразные серьги точно не датированы. Коринфская серьга (рис. 1, 12; 3, *11*) найдена в перемешанном слое без достоверного датирующего материала. Автор публикации для того, чтобы датировать серьгу, объединил ее в одну группу с сергами X—XII вв., не имеющими ничего общего со звездообразной серьгой [28]. Серьги из Веспрема, Краловского Хлмца (рис. 1, 25; 3, *12*), Новых Бановцев (рис. 1, 21; 3, *13*), действительно аналогичные коринфской звездообразной серьге датируются VII—X вв. [29] В пользу более ранней датировки коринфской серьги говорит также полное совпадение декора коринфской серьги, формы нижней части ее дужки с декором и формой нижней части дужки паяных сережек VII в. из Харьевки (рис. 1, 6; 3, *9*), Прши (рис. 1, 48) и из Кошовен (рис. 1, 32) [30]. Другая византийская звездообразная серьга из Херсонеса, вообще, является беспаспортной (рис. 1, 7: 3, *17*). А. Л. Якобсон даже отрицает ее византийское происхождение, ссылаясь на пастырские и придунайские аналогии [31]. Однако ни в Придунавье, ни в Поднепровье нет близких аналогий херсонесской серьге. Лишь серьга из Печ (рис. 1, 38: 3, *16*) по типу нижней звездообразной части довольно близка к Херсонесской, но не настолько, чтобы говорить о придунайском производстве херсонесской серьги [32].

В Придунавье литые звездообразные серьги бытовали с VII по XI вв. VII в. датируются серьги из Кёстхея (рис. 1, 13, 3, *13*), Черкута (рис. 1,

---

[24] J. Werner. Slawische..., прим. 11; M. Rusu. Dacia, N. S., VI, page 269—293, fig. 2, *1*, *4*; V. Dumitrescu. Muzeul national de Antichitati. Bucureşti, 1968, рис. 74, стр. 83—87.

[25] S. Dimitrievič. Četiri groba iz novootkrivene slavenske nekropole u Otoku. Opuscula Archaeologica, II, 1957, Tabl. IV, *3*.

[26] D. Teodor. Regiunale răsăritate ale Romanien în Secolele VI—VII. Memoria Antiqvitatis I, Piatra Neamt, 1969, стр. 199. Elemente Bizantine in Moldova, sec. VI—XI, SCIV, 21, 1. Bucureşti, 1970, стр. 102—106, рис. 3.

[27] A. Alföldi. Zur historischen Bestimmung der Awarenfunde. ESA, IV, 1934, стр. 300. Taf. III, *14*, *16*; Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa..., стр. 34—40.

[28] G. R. Davidson. The Minor Objects. Corinth, XII, Princeton, 1952, p. 250—253, tabl. 108, *20*, *35*.

[29] A. Točik. SLA, XI—1; рис. 40, *4*, стр. 154—155; V. Budinsky-Krička. Slovanské mohyly na Vychodnom Slovensku. SLA. VI—1. 1958, рис. 6, стр. 138—161: Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa..., рис. 1, *6*; стр. 29—30.

[30] Д. Т. Березовец. Харівський скарб. «Археологія», VI, Київ. 1952, стр. 109—119; табл. II, III; A. Tocik. Ук. соч., стр. 154—155, p. 40, *1*; V. Dumitrescu. Muzeul national de Antichitati, рис. 74, стр. 83—87.

[31] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 69, 1959, стр. 279, рис. 143, *12*.

[32] Z. Vinski. Glasnik, X, рис. 7.

30), Муреш-Гымбаш (рис. 1, 14), Печ (рис. 1, 38), Винчи (рис. 1, 15) [33]. К VIII в. относятся серьги из Девинской Новой Веси (рис. 1, 16), Ребешовец (рис. 1, 17), Краловского Хлмца (рис. 1, 25; 3, *12*), Карчи (рис. 1, 11) и несколько отличные от придунайских сережки со звездообразной нижней частью из Албании (рис. 1, 18, 19). Серьги из Мадары (рис. 1, 47), Новых Бановцев (рис. 1, 21; 3, *13*), датируются IX—X вв. Время существования сережек из Великой Градуши (рис. 1, 20), Птуя (рис. 1, 22), Прозора (рис. 1, 23), Загреба (рис. 1, 24) и Дальи (рис. 1, 26; 3, *14*) [34] определяется X—XI вв.

Паяные и литые звездообразные серьги византийского и среднепридунайского производства встречаются далеко за пределами этих районов. Например, в Среднем Поднепровье найдены паяные звездообразные серьги, вышедшие из среднепридунайских и византийских мастерских. В течение десятков лет переходили из рук в руки и не раз ремонтировались прежде, чем попали в клад, зарытый в VIII в. на славянском поселении у с. Харьевка, паяные звездообразные серьги среднепридунайского типа (рис. 3, *9*). Харьевский клад (рис. 1, 6) примечателен сходством входящих также в его состав сережек с полой шаровидной привеской (рис. 3, *23*) и антропоморфных фибул с серьгами подтипа III—1 и соответствующими фибулами с Пастырского городища [35]. М. Ю. Брайчевский и Д. Т. Березовец, исходя из аналогичности вышеназванных вещей из Харьевки и из Пастырского, предположили, что Пастырские серьги со звездообразной нижней частью являлись подражанием харьевским паяным серьгам со звездообразной привеской (рис. 3, *9*) [36]. Другим прототипом для пастырских сережек I типа, вероятно, была серьга из коллекции Б. И. Ханенко (рис. 3, *6*), найденная, по его словам, близ с. Пастырского. Она аналогична сицилийской серьге со сплошным щитком (рис. 3, *5—6*) [37]. На наличие контактов между Пастырским городищем и среднепридунайскими центрами указывает найденный в Пастырском золотой шарик от сережки, украшенный тремя зернинками. Сережки подобного рода до того не встречались на Пастырском городище. Зато большое число таких сережек известно в аварских могильниках Среднего Придунавья [38].

Как мы видим, и в Среднем Придунавье, и в Среднем Поднепровье в качестве прототипа для изготовления литых звездообразных сережек были использованы среднепридунайские и византийские паяные звездообразные сережки. Поэтому, вероятно, звездообразная нижняя часть большинства литых сережек из Византии и Придунавья аналогична звездообразной нижней части пастырских сережек подтипов I, 1, I—5 (рис. 2, *1*, *5*; 3, *11—14*) [39]. Звездообразная нижняя часть пастырских сережек подтипов 1—2—4; I—6 не имеет аналогий в Придунавье и Византии. Придунайские и византийские литые звездообразные серьги отличаются от пастырских сережек I типа более сложными формой и декором нижней части дужки

[33] A. Točik. SLA, XI—1; рис. 40, *4*, стр. 154—155; Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa..., стр. 29—50, рис. 18—20.

[34] Z. Vinski. Glasnik, X, 1955, стр. 232—237; I. Korošec. «Glasnik», IX, 1954, рис. 3, *1—2*, 4, *1—2*; J. Poulik. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, стр. 183 сл.; LXXI, 1; L. Niederle. Prispevsky..., стр. 131; V. Budinsky-Kricka, SLA, VI—1, прим. 14; Р. Поповъ. Материалы отъ разкопкитъ, презъ 1934/35. Мадара, II, София, 1936, стр. 62—63, обр. 91—А.

[35] Д. Т. Березовец. «Археологія», VI, стр. 109—119; II (3); III (2—3).

[36] М. Ю. Брайчевский, Д. Т. Березовец. К истории древнеславянского ювелирного ремесла. КСИИМК, 53, 1954, стр. 23—26. Здесь и в других работах они необоснованно отрицают аналогичность придунайских и харьевских сережек. См. М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 1957, 3, стр. 129.

[37] Древности Приднепровья, VI, табл. XX, 338. К сожалению, из-за отсутствия описания этой серьги техника ее изготовления остается не ясной. Там же публикуется дужка от аналогичной серьги.

[38] М. Ю. Брайчевский. КСИА УССР, 10; рис. 1, *4*; J. Hampel, III, Taf. 263, *1*, *4*.

[39] Z. Vinski. Naušnice zvjezdolikog tipa..., рис. 12.

(рис. 3, *11—14*; 2, *1—6*). Очевидно, производство литых звездообразных сережек, возникшее на Пастырском городище тогда же (где-то в начале VII в.) и на основе тех же прототипов, что и в придунайских и в византийских центрах, в дальнейшем развивалось самостоятельно.

Второй тип составляют пастырские серьги со щитком, украшенным стилизованными изображениями птичьих головок (рис. 2, *7*). Плоская нижняя половинка дужки сережек украшена двумя рядами насечек или тремя врезанными линиями. В месте перехода нижней части дужки в щиток сделаны два полушарика псевдозерни. Щиток имеет рельефный выступ посредине, украшенный тремя двойными дугообразными врезанными линиями и маленьким рельефным псевдошариком на вершине. По краям щиток украшен шестью стилизованными изображениями птичьих головок со стилизованными глазами, обозначенными небольшими, неправильной формы вдавлениями и лжезернинками. Длина сережек II типа от верхнего края дужки до нижнего края щитка в среднем равна 6,5 *см*.

Сережек, подобных пастырским сережкам II типа, в Придунавье нет. Это, однако, не означает, что они совсем не связаны с металлическими украшениями из упомянутого района. Техника изготовления сережек II типа, орнамент плоской нижней части дужки и выпуклости на щитке характерны для пастырских сережек подтипов I—1, I—2 (рис. 2, *1, 2*). Н. Феттих указывал на близость орнаментации щитка сережек II типа к орнаментации щитка сережек из клада в Залесье (рис. 3, *18*) и к довольно редкой орнаментации серебряной пластинки от уздечки из могильника VII в. близ Цико (Венгрия) (рис. 3, *19*) [40].

Стилизованные изображения птичьих головок, украшающие края щитков II типа, очень сходны по своим элементам со стилизованными изображениями птичьих головок на орлиноголовых пряжках (рис. 3, *20*) и на некоторых пастырских фибулах (рис. 3, *21*). Орлиноголовые пряжки широко распространены в V—VII вв. в Придунавье, в Крыму, в Италии, в Испании и связываются А. К. Амброзом с готами и гепидами [41]. Из среднего Придунавья М. И. Артамонов выводит пастырские фибулы с орлиноголовым орнаментом (рис. 3, *21*) [42].

К III типу относятся серьги с полой шаровидной и каплевидной привеской. По форме привески и технике изготовления они подразделяются на три подтипа.

Подтип III—1 (рис. 2, *8*). На Пастырском городище найдены три такие серьги. Они представляют собой полые шарики, сложенные из двух половинок и украшенные гроздями зерни. В месте соединения половинок шарика имеется пластинка с шестью треугольными выступами, к которым с обоих боков прикреплены пирамидки зерни. Каждая пирамидка состоит из четырех зернинок, сверху к шарику припаяна воронка. К воронке прикреплена дужка. Снизу к шарику припаяна пирамидка из трех более крупных зернинок. Диаметр шарика доходит до 2 *см*.

Подтип III—2 (рис. 2, *9*). Во второй подтип входят две происходящие с Пастырского городища серьги, выполненные в виде полого шарика с псевдозернью. Они сделаны из двух половинок. При штамповке или отливке верхний и нижний край шарика исполнены в форме лжезернинок. Псевдозернь выполнена и по середине шарика, на каждой из четырех сторон.

Подтип III—3 (рис. 2, *10*). К этому подтипу принадлежат две серьги с полой каплевидной «привеской», найденные на Пастырском городище и в Григоровке. Они сложены по длине из двух половинок, каждая из которых отливалась или штамповалась вместе с половинкой дужки. Нижний край каплевидной части серьги выполнен в форме маленького шарика.

---

[40] N. Fettich. AH, XXXI, tabl. X, *10*, S., 32; tabl. III, *1—13*.

[41] А. К. Амброз. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI—VII вв.). КСИА АН СССР, 113, 68, рис. 1, стр. 10—23.

[42] М. И. Артамонов. Етническата принадлежност, стр. 6—8, р. 4б.

Наиболее ранними аналогиями серьгам подтипа III—1 являются серьги из могилы I в. у Золотой Балки (рис. 1, 8), серьги из Залевкинского клада (рис. 1, 9; 3, *22*), датируемого I—II вв., и серьга из Керченской гробницы II—в. (рис. 1, 10) [43]. Одновременны пастырским сережкам подтипа III—1 серьги с шаровидной привеской из Харьевского клада (рис. 1, 6; *23*). Очевидно, таким образом, что серьги с полой шаровидной привеской, украшенной гроздьями зерни, существовали в течение многих веков и у многих народов.

Прототипом для сережек подтипа III-2, вероятно, служили шаровидные серьги из Придунавья (рис. 3, *24*), относимые И. Ковригом к VII—VIII вв. [44]

Серьги, аналогичные по форме сережкам подтипа III-3, бытовали в VIII—IX вв. в Центральной Европе, в Придунавье. В качестве примера можно указать серьги VIII—IX вв. из Чехословакии [45].

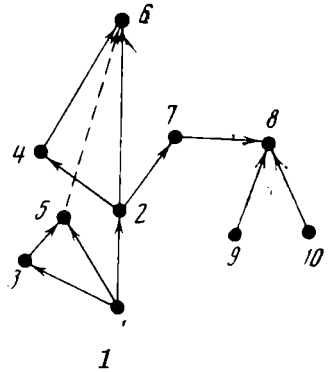


Рис. 4. Схема развития звездообразных сережек из Придунавья и Византии и Пастырских сережек I и II типов

1 — рис. 3, *1* — *7*, *18*; 2 — рис. 3, *8*, *9*; 3 — рис. 3, *16*; 4 — рис. 3, *10*; 5 — рис. 3, *11*, *17*; 6 — рис. 3, *12*—*15*; 7 — рис. 2, *1*—*6*; *8* — рис. 2, *7*; 9 — рис. 3, *19*; 10 — рис. 3, *20*, *21*

В результате проделанного нами анализа звездообразных сережек из Византии, Среднего и Нижнего Подунавья и Среднего Поднепровья получается следующая схема их развития. Паяные звездообразные серьги из Среднего и Нижнего Подунавья (рис. 4, *2*) начали свое развитие в конце VI — начале VII в. от более ранних византийских паяных сережек (рис. 4, *1*). Придунайские и византийские звездообразные серьги стали образцами для изготовления в названных районах на протяжении VII в. тисненых звездообразных сережек (рис. 4, *3*, *4*). Не просуществовав и века, придунайские паяные и тисненые звездообразные серьги сменились литыми звездообразными серьгами (рис. 4, *6*). Произошло это, пожалуй, не без влияния Византии, где также паяные звездообразные серьги сменились литыми звездообразными серьгами (рис. 4, *5*). Литые звездообразные серьги сохранились в Придунавье до XI в.

В среднем Придунавье собственное производство литых звездообразных сережек I типа (рис. 4, *7*), видимо, возникло в начале VII в. по среднепридунайским и византийским образцам. В серьгах II типа (рис. 4, *8*) пастырские ювелиры соединили форму и технику изготовления сережек I типа (рис. 4, *7*) с элементами орнаментации зооморфных фибул, орлиноголовых пряжек и других украшений из Среднего Поднепровья, Придунавья, Крыма, Византии (рис. 4, *9*, *10*).

Сравнение пастырских сережек I и II типов, подтипов III—2, III—3 с соответствующими им сережками из других районов показывает их довольно сильное различие. Серьги с Пастырского городища (рис. 1, 1), из деревни Григоровка (рис. 1, 2), с поселений Семенки (рис. 1, 4), Солгутов (рис. 1, 5), из Зайцевского клада (рис. 1, 3) свойственны только выделенной М. И. Артамоновым пастырской культуре [46] и могут считаться ее отличительным признаком. С начала VIII в., после разгрома хазарами Пастырского городища и поселения Семенки, серьги пастырского типа не встречаются в Среднем Поднепровье; Зайцевский клад (рис. 1, 3), быть может, зарыла одна из групп носителей пастырской культуры, бежавшая от хазар на север.

---

[43] А. М. Вязмитина. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 3, рис. 82; М. Б. Щукин. К истории Нижнего Поднепровья в первые века н. э. АСГЭ, 12, Л., 1970, стр. 54—67; А. А. Бобринский. Смела, I, II, табл. XXI, *7*—*8*, стр. 153; В. В. Шкорпил. Раскопки гробниц в Керчи. ИАК, 7, СПб., 1903, стр. 83, рис. 4.

[44] I. Kovrig. Alattyán, S., 14—112.

[45] J. Poulik. Staroslovanska Morava, tabl. XLIX, 1.

[46] М. И. Артамонов. Етническата принадлежност.., стр. 1—9.

Серьги подтипа III—1, прототипом которых являлись местные сармато-аланские серьги, говорят о присутствии на Пастырском городище сармато-аланского населения.

О наличии экономических контактов пастырской культуры с Придунавьем свидетельствуют находки на Пастырском городище сережек, очевидно, сделанных в Придунавье и Сицилии, а также заимствование из Среднего Придунавья и Византии прототипов для сережек I типа и подтипа III—2.

A. I. Aïbabine

A PROPOS DU PROBLÈME DE LA PROVENANCE DES BOUCLES D'OREILLE DE TYPE PASTYRSKOÏÉ

Résumé

L'article fait êtat de l'analyse des boucles d'oreille provenant de l'agglomération fortifiée Pastyrskoïé (fig. 1, I), de Grigorovka (fig. 1, 2), de Sémenki (fig. 1, 4), de Solgoutovo (fig. 1, 5) et du trésor de Zaïtsévo (fig. 1, 3). V. V. Khvoïka a établi qu'elles sont la production des artisans locaux. Les boucles d'oreille similaires se font voir à travers la Byzance et le cours moyen et inférieur de Danube. Nombre de chercheurs estime que les boucles d'oreille pastyres ont servi de prototype à ceux du cours de Danube et de Byzance, d'autres sont portés à croire que la situation est inverse. Les boucles d'oreille pastyres se divisent en trois types principaux (fig. 2) d'après leur forme, ornementation et technique de fabrication. Les boucles d'oreille des deux premiers types sont fabriquées par la fonte à partir du modèle de cire. Les boucles d'oreille du premier type se divisent en 6 sous — types: 1 (fig. 2, 1), 2 (fig. 2, 2), 3 (fig. 2, 3), 4 (fig. 2, 4), 5 (fig. 2, 5), 6 (fig. 2, 6). Dans le cours moyen de Danube la production locale des boucles d'oreille coulées astroïdales du premier type (fig. 4, 7) a débuté dès les premières années du VII siècle à partir des modèles bizantins et du cours moyen de Danube. L'auteur propose le schéma suivant de l'évolution des boucles d'orielle astroïdales.

Les boucles d'oreille astroïdales soudées provenant du cours moyen et inférieur de Danube (fig. 4, 2, 3, 8, 9) ont fait leur apparition à la fin du VI — début du VII siècles; elles ont eu pour modèle les boucles d'oreille soudées byzantines (fig. 4, 1, 3, 1—7). Elles ont été remplacées, sans durer un siècle, par les boucles d'oreille astroïdales coulées (fig. 4, 6; 3, 12—15). La méme chose a eu lieu en Byzance (fig. 4, 5; 3, 11—17). Les boucles d'oreille astroïdales coulées subsistent dans le cours de Danube jusqu'au XI siècle. La forme et la technique de la fabrication des boucles d'oreille du premier type se trouvait à l'origine de la création des boucles d'oreille du deuxième type (fig. 4, 8; 1, 2—7). Les bijoutiers pastyrs ont opéré par l'adjonction à la forme initiale des éléments décoratifs des fibules zoomorphes, des agrafes à tête d'aigle et d'autres motifs décorateurs du cours moyen de Dniepr, du cours de Danube, de la Crimée, de la Byzance (fig. 4; 9, 10; 3, 19; 3, 20, 21).

Le troisième type est constitué des boucles d'oreille à un pendant creux sphérique ou en forme de goutte (fig. 2, 8—10). Les boucles d'oreille du sous-type III, I (fig. 2, 8) ont pour modèle les boucles d'oreille d'origine locale appartenant à la civilisation des Sarmates — Alains. Elles témoignent de la présence de cette civilisation sur le territoire de l'agglomération fortifiée Pastyrskoïé. Les boucles d'oreille III—2 (fig. 2—9) avaient probablement pour modèle les boucles d'oreille sphériques du cours de Danube (fig. 3, 24). Les boucles d'oreille d'une forme analogique à celles du sous — type III, 3 existaient en VIII—IX siècles en Europe Centrale et dans le cours de Danube. Les boucles d'oreille provenant de l'agglomération fortifiée Pastyrskoïé ne sont attribuables qu'à la civilisation pastyre délimitée par M. I. Artamonov et peuvent être considérées comme un de ses signes caractéristiques. Dès le début du VIII siècle, après la destruction de l'agglomération fortifiée Pastyrskoïé et de l'agglomération rurale Sémenki par les Khazars, les boucles d'orielle de type pastyr ne se font plus voir dans le cours moyen de Dniepr.

В. В. СЕДОВ

ЕЩЕ РАЗ О ВКЛАДЕ БАЛТОВ В КУЛЬТУРУ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

(о статье Г. Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья»)

Публикация Г. Ф. Соловьевой [1] не является оригинальным исследованием роли балтского субстрата в этногенезе верхнеднепровских славян. Эта тема подробно анализировалась мною в ряде статей, а позднее в книге «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» (М., 1970). На основе ряда археологических, топонимических, антропологических, этнографических и языковых данных было показано, что верхнеднепровские балты в процессе славянского расселения не покинули мест своего обитания, а постепенно оказались ассимилированными славянами. В результате некоторые элементы культуры верхнеднепровских славян VIII—XII вв., ряд их этнографических, антропологических и языковых особенностей являются следствием взаимодействия пришлого славянского населения с местными балтами. Подход Г. Ф. Соловьевой к этой теме довольно прост: она пытается показать, что этнографические и некоторые из археологических положений в моих исследованиях являются ошибочными, и на этом делает вывод о незначительной роли балтов в истории славянских племен Верхнего Поднепровья.

Сразу же за первым упоминанием моей книги Г. Ф. Соловьева пишет: «Детальный анализ этнографических сопоставлений дан в работе М. Я. Гринблат. К происхождению белорусской народности, СЭ, 1968, 5, стр. 79 и сл. Автор не разделяет точки зрения В. В. Седова и отмечает, что подбор был произведен не совсем объективно».

Однако в статье 1968 г. М. Я. Гринблат никак не мог дать анализ этнографической аргументации, изложенной в книге 1970 г. Наоборот, в моей книге эта статья М. Я. Гринблата упомянута и сразу же за ней названа работа, в которой анализируются все возражения, изложенные в статье М. Я. Гринблата, показывается их ошибочность и полная неприемлемость.

Напомню, что в 1967—1969 гг. на страницах журнала «Советская этнография» имела место дискуссия об этногенезе белорусов. Полемику открыла моя статья «К происхождению белорусов» [2]. В дискуссии приняли участие П. Н. Третьяков, В. А. Жучкевич и М. Я. Гринблат [3]. Статья последнего и называется Г. Ф. Соловьевой. М. Я. Гринблат попытался оспорить этнографические доводы статьи «К происхождению белорусов». Однако уже в начале 1969 г. в статье, завершающей полемику, каждое из

[1] Г. Ф. Соловьева. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья. СА, 1971, 2, стр. 124—132.

[2] В. В. Седов. К происхождению белорусов. СЭ, 1967, 2, стр. 112—129.

[3] П. Н. Третьяков. Восточные славяне и балтийский субстрат. СЭ, 1967, 4, стр. 110—118; В. А. Жучкевич. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов. СЭ, 1968, 1, стр. 107—113; М. Я. Гринблат. К происхождению белорусской народности. СЭ, 1968, 5, стр. 79—92.

замечаний М. Я. Гринблата было мною проанализировано и показано, что «...ни одно из этнографических возражений М. Я. Гринблата не приемлемо, ибо они покоятся на недооценке фактических материалов или на недоразумении» [4]. Г. Ф. Соловьева умалчивает об этом и, выдавая статью М. Я. Гринблата за последнее слово, таким образом вводит читателей «Советской археологии» в заблуждение.

Почти в том же стиле рассматривается Г. Ф. Соловьевой и моя археологическая аргументация. Касаясь наличия в основаниях древнерусских курганов, расположенных в бывшем балтском ареале, ритуальных кострищ, отнесенных мною к числу явлений, вероятно, развившихся под воздействием субстрата, Г. Ф. Соловьева пишет: «В. В. Седов совершенно игнорирует тот факт, что до этого времени (XI—XIII вв.) здесь у славян в течение ряда веков повсеместно господствовал обряд трупосожжения. Переход от одного обряда к другому происходил постепенно. Нам известны курганы с неполным сожжением умершего, курганы, в которых еще долгое время существовали следы трупосожжения в виде кострищ, огненных крад или отдельных вкраплений угля в насыпи».

Эти слова Г. Ф. Соловьевой вызывают по меньшей мере удивление. В книге «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» курганы с трупосожжениями и обряд кремации как раз весьма подробно описываются при характеристике каждого из восточнославянских племен — дреговичей, кривичей, радимичей и северян, перечисляются десятки курганов с неполным сожжением, биритуальных, с пережитками кремации и обосновывается постепенный переход от трупосожжений к ингумации [5]. Таким образом, ни малейшего повода для заявления, что мною игнорируются факты распространения у восточных славян обряда кремации и постепенной смены обрядов погребения, в распоряжении Г. Ф. Соловьевой не было.

Вопрос о кострищах в основаниях курганов решается мною в совершенно ином аспекте. Выясняется, почему сложилось разнообразие в строении древнерусских курганов. Так, в Псковско-Новгородской земле получили распространение курганы с зольно-угольной прослойкой в основании, в древнем балтском ареале — курганы с кострищами под захоронениями, на территории древлян — курганы с зольной линзой в верхней части насыпи над захоронениями, у вятичей — курганы с беспорядочными зольными включениями в насыпях и т. п.

Оказывается, что курганы с зольно-угольной прослойкой в основании по своему распространению не соответствуют славянским племенным ареалам. Они известны исключительно в областях, прежде занятых прибалтийско-финским населением. Аналогичные зольные прослойки известны в памятниках эсто-ливских племен уже со II в. Зафиксированы они также в памятниках води и карелы. В этой связи и высказывается мною предположение о распространении зольно-угольных прослоек в кривичско-словенских курганах при воздействии западнофинского субстрата. В пользу этого говорят и некоторые другие материалы.

Наоборот, древнерусские курганы с кострищами под захоронениями получили широкое распространение на территории, где до прихода славян жили балты. Ареал этих курганов абсолютно не зависит от племенных территорий восточных славян. Так, в древнейшей части дреговичского ареала — на Туровщине курганы с кострищами отсутствуют. Зато в северной части территории дреговичей, где они расселились среди балтов, такие курганы многочисленны. Нет таких курганов и в других районах старой славянской территории. Следовательно, ритуал устройства кострищ под погребениями не мог быть занесен на балтскую территорию славянами. Это локальное явление, происхождение которого нужно искать исключи-

---

[4] В. В. Седов. Еще раз о происхождении белорусов. СЭ, 1969, 1, стр. 115—120.

[5] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, стр. 85, 86, 111—115, 127, 128, 136, 137.

тельно в местных условиях. Оказывается, что славянское население ареала курганов с кострищами специфично и в антропологическом отношении. Вместе с тем обнаруживается, что подобные ритуальные кострища известны также в восточнолитовских курганах. Все это и позволило мне высказать предположение о происхождении рассматриваемой детали в устройстве древнерусских курганов в какой-то зависимости от балтского ритуала.

О том, что рассматриваемые кострища, как и зольно-угольные прослойки, являются не просто остатками обряда кремации, свидетельствует то, что эти детали ритуала появляются в восточнославянских курганах задолго до перехода к обряду ингумации. Аналогичные кострища известны уже в длинных курганах и широко представлены в круглых курганах с трупосожжением опять-таки только на балтской территории. Кажется, что даже если бы в моей книге не рассматривались курганы с сожжениями и не обосновывался постепенный переход от кремации к ингумации, то и тогда невозможно было бы предъявить мне обвинение в игнорировании этих фактов.

Далее Г. Ф. Соловьева цитирует из раздела «Племена Прибалтики» «Очерков истории СССР», изданных в 50-х годах, фразу, в которой говорится, что во второй половине I тысячелетия н. э. у лето-литовцев наблюдается тенденция к смене курганов грунтовыми могильниками с трупоположениями. В этой связи Г. Ф. Соловьева предполагает, что и днепровские балты должны иметь точно такой же погребальный обряд. «Эти грунтовые могильники с трупоположениями в глубоких узких могильных ямах,— пишет она,— естественно, не могли служить прототипом для древнерусских курганов с кострищами» [6]. Но, во-первых, на основании этой цитаты нельзя утверждать, что все балты, в том числе прусы, ятвяги и днепровские балты, во второй половине I тысячелетия н. э. хоронили умерших в грунтовых могильниках по обряду трупоположения. Во-вторых, могильные древности днепровских балтов ныне уже известны! Это бескурганные могильники с захоронениями по обряду кремации.

На основании ряда фактов и наблюдений восточная ориентировка погребенных в древнерусских курганах, расположенных на древней балтской территории, мною рассматривается как наследие балтского субстрата. Г. Ф. Соловьева возражает против этого.

Одну из основных ошибок моих построений она видит в сопоставлении древнерусских курганов с восточной ориентировкой погребенных с латгальскими грунтовыми могильниками. По мнению Г. Ф. Соловьевой, сопоставляются хронологически различные памятники — курганы XI—XIII вв. и могильники VII—VIII вв. Это просто недоразумение. Нет необходимости обосновывать хронологию латгальских могильников. Она хорошо известна и общепризнана в археологической литературе; латгальские грунтовые могильники относятся к VI—XIII вв., и, таким образом, значительная часть их погребений синхронна древнерусским курганам [7]. В связи с этим совершенно безоснователен упрек Г. Ф. Соловьевой, что на моей карте «даны вместе латгальские погребения VII—VIII вв. и славянские курганы XI—XIV вв., что действительно создает видимость „единства" обряда». В действительности, на моей карте обозначены только латгальские могильники с захоронениями, синхронными древнерусским. Карту ранних латгальских могильников и карту могильников, синхронных древнерусским курганам, различить очень легко — ранние латгальские погребения известны только в западных районах Латгалии, одновременные с древнерусским — по всей Латгалии.

Далее Г. Ф. Соловьева с соответствующими сносками на литературу останавливается на общеизвестном факте, что погребения с восточной

---

[6] Г. Ф. Соловьева. Ук. соч., стр. 125.

[7] См., например, Э. Д. Шноре. Нукшинский могильник. Рига, 1957.

ориентировкой имеются в Моравии, Словакии, Польше и некоторых других местах, где балты никогда не жили. В частности, она пишет, что «...значительное количество курганов с восточной ориентировкой встречено на территории вятичей за пределами области с балтской гидронимикой, а также у полян. У последних, как отмечает И. П. Русанова, курганы с восточной ориентировкой (как мужских, так и женских) встречены в 14 курганных группах —40 погребений». В вятичском регионе вне пределов балтской гидронимики в действительности известен только один курганный могильник с восточной ориентировкой умершего (Осеево) [8]. На территории полян таких могильников четыре — Киев (погребение с восточной ориентировкой имеется в одном кургане из 94 раскопанных), Вышгород (в одном кургане из 9 исследованных), Лохвица (в одном кургане из 12 раскопанных) и Грубск (4 из 47 исследованных). Все они обозначены и на моей карте и на карте, помещенной в работе И. П. Русановой [9], на которую ссылается Г. Ф. Соловьева. В статье Г. Ф. Соловьвой один могильник почему-то превратился в значительное «количество», 4 могильника в 14, а 7 погребений — в 40! Это совершенно недопустимо в научном исследовании!

Все рассуждения о встречаемости захоронений с восточной ориентировкой вне балтского гидронимического ареала, по мнению Г. Ф. Соловьевой, опровергают приписываемый мне тезис об исключительно балтской принадлежности погребений, обращенных головой к востоку. Между тем в моих работах обосновывается балтское происхождение восточной ориентировки древнерусских трупоположений на территории, прежде заселенной балтскими племенами. Из этого вовсе не следует, что восточная ориентировка погребений в раннем средневековье была свойственна исключительно балтам. На территории Евразии археологам известны десятки примеров небалтского происхождения восточных трупоположений, и они нисколько не колеблют моих выводов. Прибегать к дальним областям нет необходимости. В разделе «Северяне» моей книги, говоря о среднеднепровских курганных трупоположениях, ориентированных к востоку, я отмечаю, что при решении этнической атрибуции последних необходимо учитывать распространенность подобной ориентации умерших в погребальных памятниках южнорусских кочевников, в частности половцев. В связи с этим среднеднепровские курганные захоронения с восточной ориентировкой могут иметь двоякое происхождение. С одной стороны, они могут принадлежать славянским переселенцам из верхнеднепровских областей, с другой — обусловлены славяно-половецкой метисацией [10]. Вполне понятно, что погребения с восточной ориентировкой в Среднем Подунавье не связаны ни с балтами, ни с южнорусскими кочевниками. Их происхождение вполне объясняется местной историей [11].

Собрав, систематизировав и картографировав все данные о курганах с теремками-домовиками, я показал, что погребальные домовины нельзя считать собственно дреговичской обрядностью, как это принято в литературе. Они неизвестны вовсе на древней территории дреговичей, т. е. на Туровщине и по Припяти, а встречаются лишь севернее, там, где славяне-дреговичи расселились среди балтов и только в IX—X вв. Следовательно, эта деталь погребальной обрядности у дреговичей принадлежит к новообразованиям и не могла быть занесена славянами. Однако оказалось, что распространение курганов с домовинами не зависимо от племенных ареалов славян (они есть не только в дреговическом, но и в радимическом и дру-

[8] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, карта, рис. 43.
[9] И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв. САИ, Е1—24, 1966, табл. 11.
[10] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 132.
[11] Г. Ф. Соловьева пишет, что восточная ориентировка встречается в среднеокских могильниках I тысячелетия н. э. Но ей, видимо, осталась неизвестной работа, в которой появление восточных трупоположений в среде финно-угров обусловливается инфильтрацией балтов на Среднюю Оку (В. В. Седов. Рязанско-окские могильники. СА, 1966, 4, стр. 86—104).

гих регионах), зато соответствует области расселения одного из древних балтских племен. В этой связи важно, что мужские захоронения в подкурганных теремках, как правило (90%), имеют восточную, т. е. балтскую ориентировку. Поэтому мною высказано предположение о появлении домовин в курганах при воздействии обрядности субстратного населения.

Г. Ф. Соловьева, оставляя без внимания эту аргументацию, заявляет, что курганы с захоронениями в теремках — одна из особенностей дреговичской обрядности. Основание одно — В. З. Завитневич видел на кладбищах XIX в. в Бобруйском уезде надмогильные деревянные сооружения, а Бобруйский уезд находится в области расселения дреговичей. Здесь же Г. Ф. Соловьева приводит далеко неполный перечень курганов с домовинами. Зачем нужно было это делать, когда уже мною опубликованы полные сведения об этих курганах с таблицей и картой их распространения, остается непонятным. Правда, к неполному перечню курганов с домовинами Г. Ф. Соловьева добавляет три пункта — могильники древлян Бука, Ягнятин и Городок. При этом сносок на соответствующую литературу не дается. Если Бука — это курганы у с. Буки на Житомирщине, то в них никаких теремков не встречено [12]. Других могильников с подобным названием в древлянском ареале нет. Есть еще Буки на территории полян, но и там нет курганов с теремками [13]. Курганов у Городка на территории древлян вообще нет. Если городок — это Городск, то это памятник полян. На полянской земле находится и Ягнятин. Но ни в том, ни в другом могильнике нет курганов с погребальными теремками [14].

В моих работах отмечалось, что в лесной полосе Восточной Европы конские захоронения в восточнославянских курганных могильниках связаны с подобным балтским ритуалом. «Кроме Киевского Поднепровья, где они также, по-видимому, не являются специфически славянской особеностью, конские захоронения встречены в тех местах, где известны трупоположения, ориентированные к востоку. Более того, в некоторых курганах конские погребения коррелируются с подобными трупоположениями» [15].

В ответ на это Г. Ф. Соловьева пишет, что обряд погребения коня не является только балтским (по ее мнению этот обряд известен только двум балтским племенам — литве и пруссам), а зафиксирован также в памятниках поволжских финнов и южнорусских кочевников и обычен для всех восточных славян. Появляется этот обряд, в том числе и у балтов, продолжает исследовательница, только в конце I тысячелетия н. э. и отражает социальное явление — выделение воинов-дружинников.

Во-первых, ритуал погребения коня вместе с умершим известен не только на территории двух балтских племен — литвы и пруссов, а значительно шире — также в памятниках ятвягов, жемайтов и куршей. Во-вторых, начало этого ритуала среди балтов относится не к концу I тысячелетия н. э., а к рубежу нашей эры, т. е. он появился задолго до выделения феодальных дружин. В-третьих, специальными изысканиями установлено, что происхождение рассматриваемого ритуала среди балтов не обусловлено социальными мотивами, а связано прежде всего с языческими представлениями, исходящими из идеологии населения, занимавшегося земледелием и скотоводством [16]. В-четвертых, перечень племенных групп, в памятниках которых встречаются конские захоронения, можно было бы значительно расширить (например, скифские курганы, славяно-аварские могильники По-

---

[12] И. П. Русанова. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области. КСИА АН СССР, 110, 1967, стр. 42—47.

[13] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, 11, 1893, стр. 25—27.

[14] Там же, стр. 30—34, 59, 60; И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв., стр. 32, 34.

[15] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 169.

[16] J. Jaskanis. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millennium of Our Era. Acta Baltico-Slavica, IV, Bialystok, 1966, p. 29—65.

дунавья, некоторые германские захоронения и т. п.), но это не имеет никакого отношения к делу. Важно другое — на древнерусской территории славянские курганы вне балтского ареала никогда не содержат конских захоронений. Их нет в курганах волынян [17], древлян [18], полян [19], северян [20], вятичей [21] и словен новгородских. Они есть зато в курганах, расположенных в регионе, принадлежащем прежде балтам.

Появление этого ритуала здесь объяснить социальными мотивами невозможно. Ведь Новгородчина или Волынь в развитии общественных отношений не только не отставали от верхнеднепровских земель, но, по-видимому, опережали последние. Кроме того, оказывается, что в курганах с трупосожжениями конские захоронения встречаются чаще, чем в курганах с трупоположениями. А это значит, что ритуал конских захоронений в Поднепровье постепенно исчезает, что невозможно объяснить социальным развитием. Очевидно, нужно признать, что конские захоронения в верхнеднепровских землях являются реликтовым явлением, оставшимся от местных балтов [22].

Далее, чтобы показать, что конские захоронения характерны для восточных славян, Г. Ф. Соловьева прибегает к ложной аргументации. Так, она утверждает, ссылаясь на летописную статью 1149 г. и былину о Потоке-богатыре, что конские захоронения у славян зафиксированы в летописном материале и в былинном эпосе. Однако в статье 1149 г. нет сведений о распространении у славян ритуала, сходного с балтским. В ней речь идет о том, что Андрей Боголюбский распорядился похоронить коня, погибшего в бою. Здесь конь — верный боевой товарищ воина приравнивается к самому воину и поэтому удостаивается погребения, как человек [23]. В былине «Поток Михайла Ивановича» также ничего не говорится о погребениях воинов с конем. Былина рассказывает совсем о другом. Когда умерла жена Михаила Ивановича, он на коне спустился к ней в могилу. Потом могилу закрыли дубовым накатом и землей, пропустив в нее веревку, другим концом привязанную к колоколу. Михаил Иванович прождал до полуночи и тогда явился большой змей. Поток убил его саблей, а головой змеи смазал тело умершей, отчего Авдотья Лиходеевна пробудилась. После этого Михаил Иванович дернул за веревку, ударил колокол, деревянный накат разобрали и из могилы вышли Поток с конем и женою [24].

Анализ и картография древнерусских курганных находок позволил мне прийти к выводу, что некоторые предметы, распространенные, главным образом, в областях, прежде занятых балтами, и находящие аналогии в юго-восточной Прибалтике, могут рассматриваться в качестве субстратных, т. е. таких, которые или были унаследованы верхнеднепровско-двинскими славянами от культуры местных балтов, влившихся в состав славян, или же получили распространение позднее, найдя соответствующую почву среди смешанного населения Верхнего Поднепровья и Подвинья. К числу

---

[17] Е. И. Тимофеев. Славянские языческие могильники Волыни X—XIII вв. Уч. зап. Хабар. ГПИ, VI, 1961, стр. 86—103.

[18] И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1, стр. 63—69.

[19] И. П. Русанова. Курганы полян X—XII вв.

[20] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 126—133.

[21] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[22] Недавно Е. А. Шмидт проанализировал материал Гнездовского могильника и пришел к выводу, что конские захоронения этого кладбища являются элементом, оставшимся от днепро-двинских балтов (Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова. СА, 1970, 3, стр. 102—108).

[23] Н. Н. Воронин. Погребение коня в срубе в 1149 г. КСИА АН СССР, 125, 1971, стр. 23—26.

[24] Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938, стр. 145—151. Сообщение же арабских источников о погребениях на Волге русов с конями лучше оставить в стороне, так как неизвестно, выходцами из каких земель были эти русы.

таких балтских субстратных элементов отнесены головные уборы, состоящие из нескольких рядов спиральных пронизок, разделенных пластинами-бляшками (типа латгальских вайнаг), украшения со змееголовыми концами, спиральные браслеты, шейные гривны с заходящими концами, завершающимися розеткообразными бляшками, звездообразные пряжки, обычай носить подковообразные застежки.

Г. Ф. Соловьева вносит путаницу в рассматриваемый вопрос. Так, после экскурса в мои работы о распространении в восточнославянских курганах головного убора типа вайнаги она пишет: «Присутствие балтских элементов у кривичей сам В. В. Седов объясняет „захоронениями в этих насыпях (т. е. в длинных курганах) части местного балтского населения, попавшего под славянское влияние". Таким образом, погребения с вайнагами в Верхнем Поднепровье, как признает сам В. В. Седов, принадлежат не славянам, попавшим под влияние балтов, а балтам, причем балтам, находящимся под влиянием славян» (стр. 129). Но кто, где и когда писал, что рассматриваемые головные уборы «принадлежат славянам, попавшим под влияние балтов»?!

Ошибочно утверждение Г. Ф. Соловьевой, что балтские элементы в длинных курганах встречаются лишь на границе с балтами. В действительности они известны на всей территории, где кривичи расселились среди балтов, в том числе в глубине кривичского ареала.

Относительно браслетов со змеиными головами в книге «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» отмечается, что они получили очень широкое распространение на территориях современной Латвии, Литвы и древней Пруссии. В восточнославянских курганах такие украшения встречаются, прежде всего, в землях смоленско-полоцких кривичей, радимичей и дреговичей, т. е. в той части Древней Руси, где до прихода славян жили балты, а также в районах колонизованных славянами — выходцами из верхнеднепровско-двинского региона. Их распространение показано в книге на рис. 36.

Г. Ф. Соловьева заявляет, что «предположение В. В. Седова о том, что они чаще всего встречаются на территории, занятой прежде балтами, не совсем соответствует действительности» (стр. 129). Далее она перечисляет местности, где встречены такие браслеты. Оказывается, что это — ареалы кривичей, радимичей и дреговичей, Ярославское и Костромское Поволжье, Волго-Окское междуречье и Юго-восточное Приладожье. Но ведь ареалы кривичей, радимичей и дреговичей являются областями, прежде занятыми балтами, а Ярославское и Костромское Поволжье и междуречье Волги и Клязьмы — областями, колонизованными славянами из Верхнего Поднепровья и Подвинья [25]. Именно такой ареал браслетов со змеиными головками и обрисован мною. На чем же покоится утверждение Г. Ф. Соловьевой о несоответствии действительности ареала, очерченного мною?

Далее, ссылаясь на статью В. П. Левашовой, Г. Ф. Соловьева приводит некоторые цифровые данные о распространении браслетов [26]. Однако в работе В. П. Левашовой змеиноголовые браслеты не выделены, а описаны в составе большой группы звериноголовых, куда входят и браслеты с изображениями на концах различных зверей, драконов и т. п., и браслеты со змеиноголовыми концами, и браслеты зубчатоконечные. Г. Ф. Соловьева оперирует данными по этой группе звериноголовых браслетов, именуя их змеиноголовыми, и утверждает будто бы они противоречат моим выводам.

---

[25] В юго-восточном Приладожье подобные браслеты найдены в неславянских курганах.

[26] В статье Г. Ф. Соловьевой, по-видимому, ошибочно названа статья В. П. Левашовой «Височные кольца». В действительности см. В. П. Левашова. Браслеты. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 215, 226, 239—241, 244.

Видимо, не желая, чтобы змеиноголовые браслеты были как-то связаны с распространенным среди древних балтов культом змеи [27], Г. Ф. Соловьева, ссылаясь на названную выше статью М. Я. Гринблата, пишет, что «наибольшего распространения поверия о змеях среди славянского населения получили на юге у украинцев» (стр. 130). Утверждая это, М. Я. Гринблат сослался на работу С. А. Токарева, который почерпнул информацию у Н. Ф. Сумцова [28]. Однако ни в книге Н. Ф. Сумцова, ни в книге С. А. Токарева нет никаких данных о распространении среди украинцев культа змеи, напоминающего балтский. В этих работах сообщается только о том, что в некоторых районах Украины бытуют рассказы о знахарях, а также о пастухах, умевших укрощать и приручать змей, сзывать их свистом. При этом Н. Ф. Сумцов полагает, что эти поверия о змеях заимствованы украинцами у цыган.

Включение в число балтских элементов спиральных браслетов, по утверждению Г. Ф. Соловьевой, «вообще неправомерно», потому что в восточнославянских курганах они немногочисленны и все бесспорно являются импортными. Действительно, в исследуемой мною области спиральных браслетов найдено немного, но это не повод для отрицания их балтской сущности. Второе утверждение Г. Ф. Соловьевой обосновывается только ссылкой на стр. 84 книги Э. С. Мугуревича [29]. Однако ни на этой странице, ни на других в работе этого исследователя ни слова не пишется о том, что спиральные браслеты из верхнеднепровских курганов являются импортными.

Относительно подковообразных застежек в моей работе сказано, что они распространены среди балтов, прибалтийско-финских племен и финских племен Поволжья и Оки. В славянских курганах они встречаются, главным образом, в лесной полосе Восточной Европы. В старых славянских областях Среднего Поднепровья и Прутско-Днестровского междуречья они почти неизвестны. Их распространение у восточных славян «обусловлено, по-видимому, балто-славянскими и славяно-финскими контактами» [30], а в Верхнем Поднепровье связано с наследием балтов. В пользу этого свидетельствует корреляция этих находок с другими балтскими элементами.

Г. Ф. Соловьева говорит о распространении подковообразных застежек в Прибалтике, Финно-Скандинавии и на северо-западе Европейской части СССР и заключает, что «широкий ареал этих фибул делает несостоятельным довод В. В. Седова о том, что они характерны для славянской территории с древней балтской гидронимикой». Но ведь они на этой территории встречаются и довольно часто!

Кроме общих рассуждений о распространении в Восточной Европе некоторых типов шейных гривен Г. Ф. Соловьева заявляет, что поскольку у латгалов и приднепровских славян гривны с заходящими концами появились почти одновременно в X — начале XI в., нельзя считать, что гривны радимичей имеют балтский прототип. Но ведь балты же жили не только в Латгалии, а на довольно обширной территории и ареал гривен с заходящими концами далеко не ограничивается Латгалией!

По поводу звездообразных пряжек в моей книге сказано следующее: «Звездообразные (лучистые) пряжки в радимичской земле найдены в двух пунктах (Влазовичи и Старая Рудня). Л. Нидерле высказал предположе-

---

[27] Суть этого культа заключается в следующем: змею (обычно ужа) держат в жилище, кормят ее, считается, что объект культового почитания является покровителем семьи и домашнего очага.

[28] Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1889—1890, стр. 40—46; С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957.

[29] Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

[30] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 124.

ние об их формальной связи с семилучевыми височными кольцами, в связи с чем рассматривал эту деталь женского убранства как типично радимичскую. Мнение Л. Нидерле было принято исследователями. Однако картография звездообразных пряжек противоречит отнесению их к собственно радимичским древностям (рис. 39). Если на территории радимичей известно только два пункта с подобными находками, то на территории Западнодвинского бассейна их свыше десятка. Гипотеза о проникновении звездообразных пряжек на территорию Латвии из радимичского Посожья ничем не оправдана и не допустима по хронологическим мотивам. В радимичских курганах звездообразные пряжки датируются XI—XII вв., а в Латвии известны однотипные находки X столетия. Вряд ли приемлемо и предположение о появлении звездообразных пряжек на днепровском левобережье в результате торговых сношений с Прибалтикой. Днепровские находки не идентичны латгальским. Треугольные лучи днепровских пряжек завершаются шарообразными головками, а концы лучеобразных выступов латгальских имеют плоские закругления. Видимо, единого центра их производства не существовало. Распространение в древнерусских курганах Верхнего Поднепровья и Подвинья звездообразных пряжек, однотипных с латгальскими, скорее всего обусловлено балтским субстратом. При наличии других балтских элементов на той же территории такое объяснение приобретает убедительность» [31].

Г. Ф. Соловьева сначала пишет, что Л. Нидерле считал родиной звездообразных пряжек землю радимичей, а затем — что, согласно Б. А. Рыбакову, «основной район их распространения — Прибалтика (Латвия), где они известны в памятниках XI—XIII вв.» [32]. «Это обстоятельство,— утверждает далее Г. Ф. Соловьева,— и дало возможность В. В. Седову сделать вывод о существовании балтского прототипа для славянских звездообразных фибул». Но ведь в моей книге об этом не было речи!

Вслед за этим Г. Ф. Соловьева отмечает, что, по мнению Э. С. Мугуревича, латгальские и верхнеднепровские звездообразные фибулы не идентичны и цитирует то место из работы этого исследователя, где он пишет о впечатлении об изготовлении некоторых латгальских фибул по образцам кривичско-радимичских. В связи с этим Г. Ф. Соловьева утверждает, что, вопреки В. В. Седову, славянские фибулы послужили прототипом балтским. Ее, по-видимому, не смущает преждевременность вывода и противоречие его хронологическим данным.

В статье Г. Ф. Соловьевой не содержится каких-либо материалов для дискуссии. Статья целиком построена на недоразумениях, многочисленных ошибках или рассуждениях, не связанных с выводами и наблюдениями, которые «критикуются». Научных выводов на этом основании безусловно делать нельзя.

---

[31] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 140 (сноски на литературу опущены).

[32] Здесь Г. Ф. Соловьева ссылается на работу: Б. А. Рыбаков «Радзімічі» Працы 3, Минск, 1932, без указания страницы. Однако в последней об этом нет речи. На стр. 95 только констатируется, что нагрудные пряжки четырех типов — подковообразные, лучистые, колесообразные и гранковые широко известны как в литовско-финских, так и в северославянских культурах. И далее утверждается, что лучистые пряжки нельзя считать типично радимичскими, поскольку у радимичей их встречено две, а вне радимичского ареала десятки раз.

V. V. Sédov

ENCORE UN PROPOS SUR L'APPORT DES BALTES DANS LA CIVILISATION DES SLAVES ORIENTAUX

Résumé

Tout un complexe des données d'archéologie, d'anthropologie, d'ethnographie, de toponymie et de linguistique témoignent de la participation des Baltes du cours supérieur de Dniepr dans l'ethnogenèse des Slaves orientaux. Les Slaves, venus habiter le cours supérieur du Dniepr et le bassin de la Dvina Occidentale, ont assimilé les Baltes locaux; par la suite la civilisation des Slaves orientaux s'est attribuée bon nombre d'éléments spécifiques baltes qui se font voir à travers l'ensemble mobilier de trouvailles et les coutumes funéraires des sépultures en tumuli. Cet état de choses est analysé en détail dans tout un nombre de travaux. G. F. Solovieva dans l'article «Le rôle du substratum balte dans l'histoire des tribus slaves dans le cours supérieur de Dniepr» (Archéologie Soviétique, 1971, N 2) a essayé de contester cette thèse. A ce propos l'auteur s'adresse de nouveau aux détails des anciens coutumes funéraires russes et au matériaux des trouvailles afin de démontrer que G. F. Solovieva ne possède pas des matériaux de fait suffisants pour faire douter de la présence du substratum balte dans la civilisation des Slaves du cours supérieur de Dniepr.

А. Х. ХАЛИКОВ

О СТОЛИЦЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ БУЛГАРИИ*

В X—XIV вв. в Поволжье и Прикамье, на северо-востоке Европы, существовало развитое в экономическом и политическом отношении государство с преимущественно тюркоязычным населением, известное под именем Волжской или Волжско-Камской Булгарии. Оно сыграло огромную роль в истории народов Поволжья и Приуралья, а ее население заложило основу формирования тюркоязычных народов края и прежде всего татарского народа [1].

Волжская Булгария образовалась как государство не позже рубежа IX—X вв. на базе консолидации тюркоязычных племен, проникавших в край неоднократными волнами в течение почти всего I тысячелетия, и местных финно-угорских племен, подвергшихся тюркизации. В этих процессах ведущее положение заняли болгарские племена, вышедшие в VII—VIII вв. из районов Приазовья и Нижнего Поволжья и ставшие во главе формирующегося государства [2]. Поэтому новое государство стало именоваться Булгарией, а население — булгарами. По-видимому, и столица страны называлась Булгаром с эпитетом «Великий город». История Волжской Булгарии подразделяется на три периода: 1 — раннебулгарский — VIII — рубеж IX—X вв.; 2 — домонгольский — рубеж IX—X вв.—1236 г; 3 — золотоордынский — 1236 г.— конец XIV в.

Наивысшим временем расцвета государства был домонгольский период. В это время сформировались и получили широкое развитие все основные элементы булгарской культуры и экономики, определились границы территории государства и завершилась консолидация общебулгарской народности.

---

* От редакции. За последние десятилетия археологами проведены большие исследования городов Волжской Болгарии, позволившие пересмотреть и уточнить некоторые точки зрения о роли отдельных городов в политической и экономической жизни страны. Новый материал раскрыл многие стороны жизни городов Волжской Болгарии, недостаточно известные по отрывочным письменным источникам и нумизматическому материалу. По ряду вопросов возникли дискуссии, в частности о местоположении столицы государства. На страницах нашего журнала А. П. Смирнов в статье «О столице государства волжских булгар» (СА, 1972, 1) привел некоторые аргументы в поддержку точки зрения о Булгаре — столице государства в X—XI, XIII—XIV вв. Им отмечалось, что в XII в. столицей временно был Биляр. Другая точка зрения на Биляр как столицу булгар в X—XIII вв. была высказана А. Х. Халиковым.

Публикуемая статья этого исследователя основана на ряде общеисторических соображений, некоторых археологических материалах и письменных источниках, а также татарских преданиях.

Журнал «Советская археология» печатает данную статью в дискуссионном порядке и надеется, что в этой дискуссии примет участие широкий круг исследователей.

[1] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951; История Татарской АССР. Казань, 1968.

[2] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

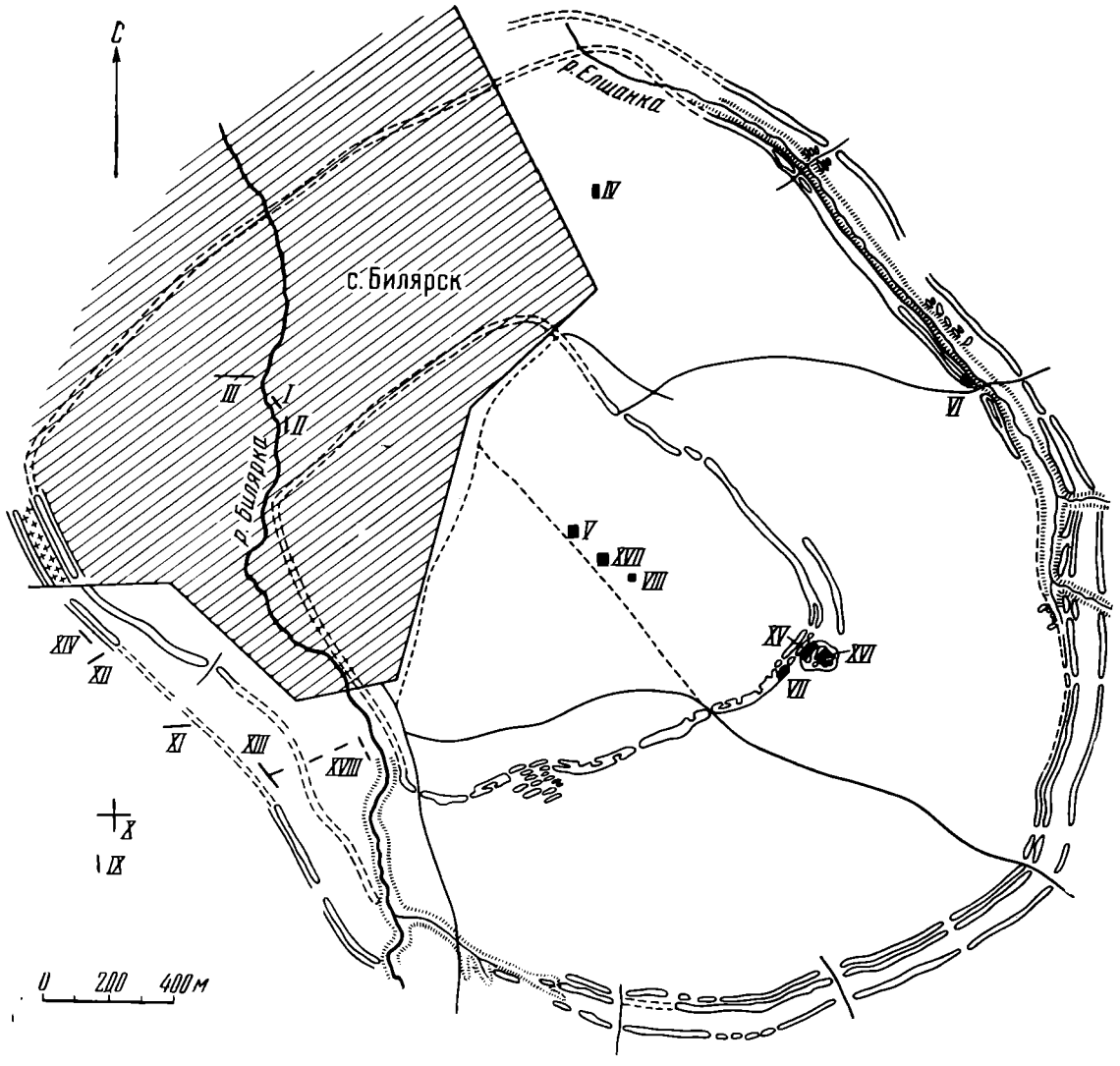


Рис. 1. План Билярского городища

В последнее время в связи с началом широких исследований на Билярском городище [3] — археологических остатках Великого города домонгольской Булгарии — наметилась дискуссия по вопросу о столице домонгольской Булгарии [4]. Так, А. П. Смирнов и поддерживающие его Т. А. Хлебникова и Р. Г. Фахрутдинов продолжают отстаивать старую точку зрения о том, что в X—XI вв. столицей Булгарии был город Булгар на Волге, а в XII — начале XIII в.— город (Булар, Буляр) на р. М. Черемшан [5].

Изучение совокупности археологических и письменных источников позволяет утверждать, что уже с X в., вероятно с 922 г., столицей Волжской Булгарии был Великий город на р. М. Черемшан, называвшийся в X—XIII вв. одновременно и городом Булгаром. Остатки этого города, известные под именем Билярского городища [6], располагаются на левом берегу р. М. Черемшан в Алексеевском районе Татарской АССР, примерно в географическом центре Волжской Булгарии. Один из первых его исследо-

---

[3] Е. П. Казаков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Биляр. АО — 1967. М., 1968, стр. 133; А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов. Исследования Биляра. АО — 1968. М., 1969, стр. 168; А. Х. Халиков, Е. А. Халикова. Раскопки в Биляре. АО — 1969. М., 1970, стр. 169.

[4] А. П. Смирнов. О столице государства волжских булгар. СА, 1972, 1, стр. 169.

[5] А. П. Смирнов. Волжские булгары.

[6] С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 126.

вателей — Н. Рычков заметил, что «Билярск с окрестностями можно почесть за средину царства Казанского и всея Татарии» [7].

Расположенное на ровном плато, слегка опускающемся к р. М. Черемшан, городище в плане имеет форму вписанных друг в друга прямоугольников (рис. 1) и состоит как бы из двух частей — внутреннего и внешнего городов. Внутренний город был окружен валом общей протяженностью около 4,5 *км*. Площадь внутреннего города 180 *га*. С юго-западной стороны внутренний город ограничивается р. Биляркой. Внешний город был обнесен более мощной системой укреплений, состоящих из двух, в некоторых местах — из трех рядов валов, внешнее кольцо которых имело протяженность около 11 *км*. Площадь внешнего города без укреплений 400 *га*. По площади и мощности укреплений Билярское городище не знает себе равных в Среднем Поволжье и Приуралье. Вокруг городища в радиусе 50 *км* выявлено более 400 булгарских городищ и селищ.

Впервые на остатки Великого города, т. е. на Билярское городище, обратил внимание В. Н. Татищев. В своей «Истории Российской» он писал: «Билиров же имя города Билярска на реке Черемшане сохраняет, где есче несколько древнего здания каменного, а особливо портал или врата великого храма и столпы видимы» и полагал, что «билиров имя собственное и обсчее всех болгар» [8]. В 1769 г. городище и его окрестности осмотрел Н. Рычков, оставивший первое описание этого памятника [9]. При нем еще сохранялись руины многих кирпичных и белокаменных зданий как на территории городища, так и на горе Балынгуз, где по преданиям было место погребения булгарских царей и знати. В первой половине и середине XIX в. Билярские памятники посещали и осматривали в основном ученые Казанского университета, открывшегося в 1804 г.,— адъюнкт П. Кондырев (1812), Н. Рыбушкин, казанский губернатор Г. Второв, А. Артемьев, К. Г. Евлентьев, А. И. Савельев, А. Ф. Лихачев, Н. Ф. Толмачев и др. В 1877 г. публикуется книга С. М. Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии», представляющая собой первую сводку сведений о Волжской Булгарии, в том числе и о Билярском городище. В эти же годы идет успленный сбор археологического материала с территории городища, который затем попадает в разные музеи. В настоящее время эти коллекции хранятся в Государственном музее Татарской АССР в Казани, в археологическом кабинете Казанского университета, в Государственном Историческом музее в Москве, в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и в Национальном музее Финляндии в Хельсинки.

В 1881 г. казанский краевед В. А. Казаринов провел на билярских памятниках широкие археологические поиски. Им был снят один из первых планов городища и его окрестностей с нанесением мест руин отдельных кирпичных сооружений [10]. Им же были проведены и первые археологические раскопки, от которых, к сожалению, не сохранилось какой-либо документации, кроме общего описания.

В 1915—1916 гг. на городище и в его окрестносях рекогносцировочные исследования провели казанские археологи П. А. Пономарев и М. Г. Худяков. Ими были частично вскрыты остатки одного кирпичного здания, раскопано несколько колодцев и отдельные курганы в окрестностях городища [11]. В 1928 г. на городище работала экспедиция под руководством А. С. Башкирова, которая сняла план городища, провела раз-

---

[7] Н. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770, стр. 10.

[8] В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М., 1962, стр. 269.

[9] Н. Рычков. Ук. соч.

[10] В. А. Казаринов. Описание Билярских и Баранского городищ. ИОАИЭ, III, Казань, 1884.

[11] М. Г. Худяков. Разведки в Билярске летом 1915 г. ИОАИЭ, XXX, 1, Казань, 1919.

ведочные зондажи через внутренний город и через линии укреплений, начала раскопки кирпичного здания за пределами внутреннего города недалеко от главного выезда [12]. Интересны наблюдения А. С. Башкирова над характером земляных укреплений городища. Установлено, что наружный вал внешних укреплений был насыпан на культурном слое, содержащем раннебулгарскую и архаичную керамику [13], т. е. по истечении некоторого времени с основания города. Средняя же линия (внутренний вал внешних укреплений), имевшая следы неоднократных перестроек, первоначально была сооружена на чистой погребенной почве без выраженных культурных остатков. В 1968 г. Р. Г. Фахрутдинов на раскопе VI также вскрыл остатки ранних укреплений, сооруженных на стерильной почве, очевидно, в начале строительства города [14]. Наконец, в 1928 г. удалось установить, что вал внутренних укреплений, также имевший следы неоднократной перестройки, был насыпан на погребенной почве без культурных остатков [15]. Но, к сожалению, все эти работы были весьма кратковременны и не были продолжены. Интерпретация результатов этих исследований, проведенная А. С. Башкировым в то время, когда еще не была создана периодизация булгарской культуры, к сожалению, впоследствии была некритически воспринята А. П. Смирновым, который вслед за А. С. Башкировым стал отмечать наличие на Билярском городище культурных отложений как домонгольского, так и золотоордынского и даже казанско-татарского периодов [16]. В течение последующих 40 лет Билярское городище не посещалось археологами.

С 1967 г. объединенная археологическая экспедиция Казанского университета и Казанского института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова начала систематические исследовния Билярского комплекса. К этим работам в последующем присоединились Болгарский историко-архитектурный заповедник и Казанские специальные научно-реставрационные мастерские. До 1970 г. работы носили ограниченный характер, в 1971 г. в связи с решением Совета Министров Татарской АССР археологические исследования были значительно расширены.

За пять лет на всей территории городища было заложено 18 раскопов, в том числе раскопы V, VIII, XVII в пределах внутреннего города; раскопы I, II, III, IV, VII, XV, XVI, XVIII в пределах внешнего города; раскопы VI, XIII на линии внешних укреплений и раскопы IX, X, XI, XII, XIV на территории одного из билярских кладбищ за пределами города (рис. 1). Наиболее обширными оказались раскопы XVI и XVII, где изучались остатки двух крупных кирпичных сооружений — зданий гражданского характера.

Раскопки показали, что почти повсеместно на территории городища, в пределах как внутреннего, так и внешнего города, стратиграфически выделяется один слой (темно-серая супесь), относящийся к домонгольскому времени. Этот слой подстилается на всей территории городища погребенной почвой (темно-коричневый суглинок), верхний горизонт которого содержит относительно немногочисленные культурные остатки и следы строительного мусора, показывающие, что здесь шел процесс образования культурного слоя. В этом горизонте или непосредственно на нем лежат строительные слои зданий, вскрытых в раскопах XVI и XVII. Стерильный

---

[12] А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, 3, Казань, 1929.

[13] Там же, стр. 28—30.

[14] А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов. Исследования Биляра.

[15] Архив КФАН, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 88, л. 45.

[16] А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 229—230; его же. О столице государства волжских булгар..., стр. 102.

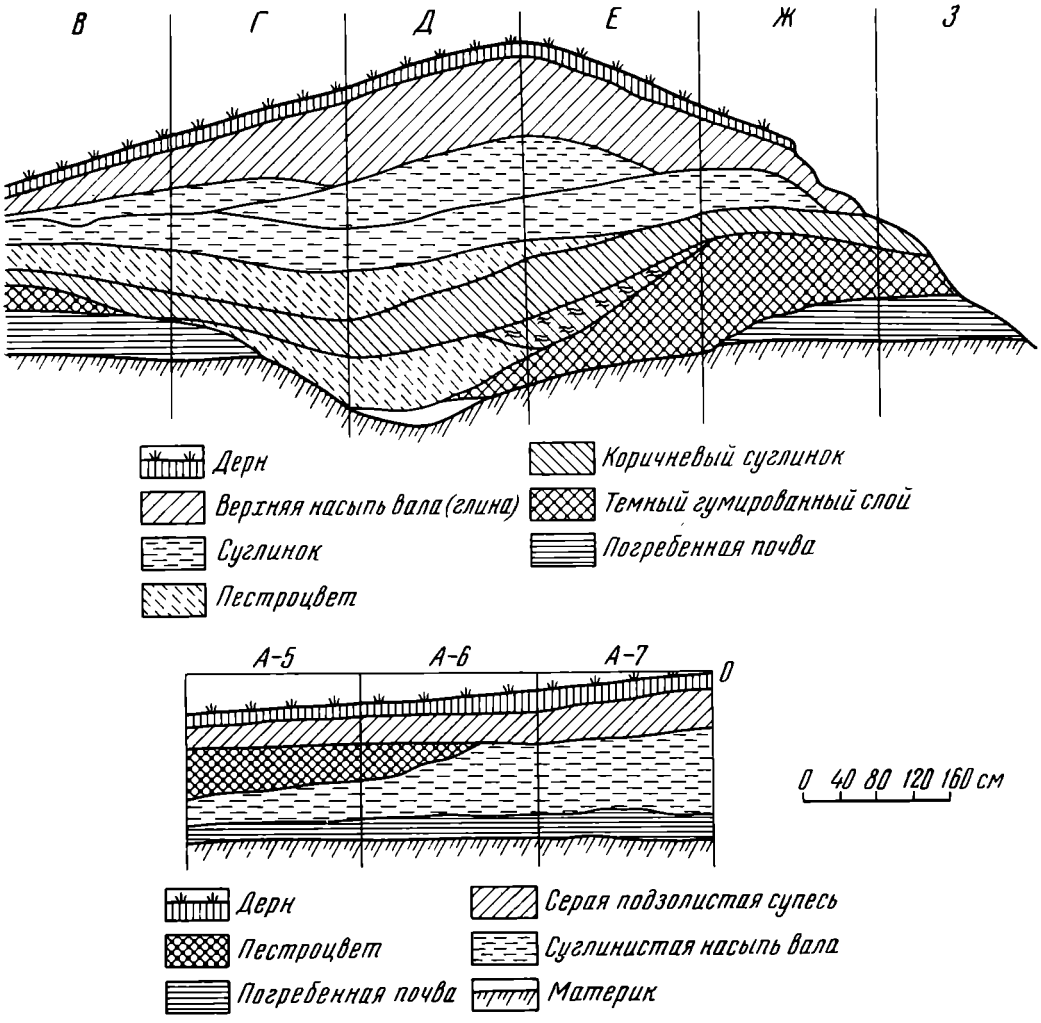


Рис. 2. Разрезы средней линии внешних укреплений и внутренней линии валов Билярского городища

коричневый суглинок подстилает и насыпи валов внутреннего и первой линии обороны внешнего города (рис. 2).

В основании культурного слоя в пределах как внутреннего, так и внешнего города выявлены керамические комплексы IX—X вв. Они включают в себя следующие группы керамики: 1) лепная округлодонная посуда с примесью толченых раковин (рис. 3, *1*); 2) лепная горшковидная посуда со слабо профилированным горлом, венчик которого орнаментирован насечками, защипами или пальчатыми вдавлениями, а тесто имеет шамотную примесь; 3) близкая к лепной горшковидная посуда с отогнутым краем горла, венчик которого украшен насечками, а тулово — многорядными горизонтальными линиями в сочетании с волной (рис. 3, *2*); преобладает керамика с мелкошамотной примесью в тесте, но есть и с примесью песка; эти сосуды нередко сопровождаются массивными лепными крышками с пестикообразными ручками (рис. 3, 2); 4) гончарная горшковидная и кувшинообразная посуда с органической примесью в тесте и линейно-волнистым орнаментом по тулову (рис. 3, *3*).

Сосуды первого типа в массовом виде появляются в материалах Танкеевского могильника [17] и затем широко бытуют в домонгольских булгарских памятниках [18]. Исследователи справедливо увязывают этот тип

[17] Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. АЭТ, 1, Казань, 1971, стр. 96.

[18] Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. МИА, 111, 1962.

посуды с керамикой ломоватовского круга памятников второй половины I тысячелетия. Для билярских сосудов характерна орнаментация их тулова двойным зигзагом из гребенчатых оттисков, что говорит об их относительно раннем бытовании — не позднее X в.

Второй тип сосудов, выявленный впервые на Мало-Пальцинском селище IX—X вв.[19], известен под именем пальцинского. Он встречается еще в комплексах Больше-Тарханского могильника[20] и позже X в., очевидно, не бытует. На Билярском городище он встречен как во внутреннем (раскопы V, XVII), так и во внешнем (раскопы IV, XV—XVI) городе, но в ограниченном числе — меньше, чем все остальные типы сосудов.

Рис. 3. Основные типы лепной и близкой к лепной керамики из Билярского городища

Третий тип включает широко распространенные в VIII — начале X в.[21] горшковидные сосуды так называемого салтово-маяцкого типа. Они известны в памятниках Приазовья и Подонья VIII—X вв.[22], дунайской Болгарии VIII—IX вв.[23] и Северного Кавказа IX—X вв.[24], т. е. в районах, где были сосредоточены болгарские племена. Для билярской керамики характерно преобладание сосудов с примесью шамота[25], что, по С. А. Плетневой, свойственно керамике северных (лесостепных) районов распространения болгарских племен, но встречается и керамика с примесью песка, характерная для южноболгарских племен.

Описанный тип посуды найден почти во всех раскопах Билярского городища, что свидетельствует о широком его распространении у первых жителей города. Почти повсеместно с этим типом встречаются изготовленные из шамотного теста крышки с пестиковидными ручками. Такие крышки, судя по материалам Мало-Пальцинского селища[26], характерны для IX—X вв.

Керамика с органической примесью, представленная более разнообразными формами — кувшины, горшки, миски, обычно изготовлена на руч-

---

[19] Т. А. Хлебникова. Пальцинские селища X — начала XIII в. МИА, 61, 1958, стр. 210; Г. А. Федоров-Давыдов справедливо датирует Мало-Пальцинское селище VIII—X вв. (Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище — святилище X—XI вв. СА, 1960, 4, стр. 137, прим. 33.)

[20] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге.

[21] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 225.

[22] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 967, стр. 110 сл.

[23] Ст. Станчев. Старобългарската култура пред VIII—X вв. Трудове на Висшая педагогически институт, 1, 3, София, 1964, стр. 36—37.

[24] В. Б. Деопик. Змейское средневековое селище. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, стр. 42.

[25] С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 112.

[26] Т. А. Хлебникова. Ук. соч., стр. 210.

ном гончарном круге. В качестве примеси, очевидно, употреблялась рубленая трава, о чем свидетельствуют узкие полосы каверн в керамике. Обычай примешивать в глиняное тесто рубленую траву, по мнению С. А. Плетневой, также было характерной особенностью салтово-маяцких (болгарских) племен в конце I тысячелетия [27]. В Среднем Поволжье в большом количестве такая керамика известна среди материалов Больше-Тарханского могильника (VIII—IX вв.) [28]. В Танкеевском могильнике (IX—X вв.) [29] она составляет 50% и постепенно исчезает в памят-

Рис. 4. Основные типы гончарной керамики из нижних горизонтов культурного слоя Билярского городища

никах X—XI вв. [30] Поэтому присутствие ее в билярских комплексах следует считать хорошим хронологическим показателем для IX—X вв. Такая керамика встречена почти во всех раскопах, но особенно много ее в раскопе XIII в слое поселения, предшествовавшего могильнику домонгольского времени. Здесь же, между прочим, найдена и керамика с линейно-волнистым ангобным узором, характерная для саркельской посуды IX—X вв. [31].

Показательно, что описанные типы керамики сопровождаются обычной булгарской гончарной керамикой, обладающей также рядом архаичных черт. В частности, среди сосудов нижних штыков почти во всех раскопах преобладают цилиндрошейные сосуды (рис. 4), что, по мнению А. П. Смирнова, является ранней чертой [32]. Имеются широкогорлые кувшины с небольшими декоративными ушками, датируемые IX—X вв. [33]; наконец, встречаются чашевидные сосуды на ножках — треножники, также

---

[27] С. А. Плетнева. Ук. соч., стр. 104.

[28] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч.

[29] Е. П. Казаков. Ук. соч., стр. 97.

[30] Т. А. Хлебникова. Алексеевское городище. АЭТ, 1, Казань, 1971, стр. 170—171.

[31] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи, стр. 214.

[32] А. П. Смирнов. Археологические исследования Ульяновского музея в 1957 году. Ульяновск, 1958, стр. 16—17.

[33] С. А. Плетнева. Керамика..., стр. 214.

Рис. 5. Металлические (бронзовые и медные) предметы IX—X вв. из Билярского городища

1—3 — ГМТР, 5427—59; *4* — ГМТР, 5427—21; *5* — ГМТР, 7733—10; *6* — ГМТР, 5427—59; *7* — ГИМ, 38092; *8* — ГМТР, Бил — 82; *9—11* — ГМТР, 5427—59, 26, 159; *12* — ГИМ, р. 21—43а; *13, 15, 16, 17* — ГМТР, 5427; *14* — ГИМ, 54746—41.

являющиеся, по А. П. Смирнову, ранними [34]. Показательно наличие в нижних горизонтах слоя керамики с белым ангобом изнутри, что свойственно для группы гончарных кувшинов Танкеевского могильника [35].

Все изложенное позволяет утверждать, что образование раннего слоя почти на всей территории Билярского городища началось не позднее первой половины X в., скорее в первой ее четверти, ибо многие керамические традиции уводят нас в IX и рубеж IX—X вв. Об этом же свидетель-

[34] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 18.
[35] Е. П. Казаков. Ук. соч., стр. 19.

ствуют и отдельные находки, обнаруженные в нижних горизонтах слоя в некоторых раскопах, а также предметы IX—X вв., сосредоточенные в старых коллекциях из Билярского городища. На ряд из них в свое время обратил внимание и А. П. Смирнов [36]. Кроме отмеченных им предметов мы можем датировать временем не позже рубежа IX—X вв. накладки и пряжки с бордюром из круглых выпуклин по краям (рис. 5, *1*, *3*), они характерны для культуры венгров «периода завоевания родины» [37], так же как и фигурные сегментовидные подвески и накладки с гравированным растительным орнаментом (рис. 5, *4*) [38]. Для венгерско-норманских древностей рубежа IX—X вв. характерны крупные подромбической формы пластинчатые накладки-амулеты с фигурным выступом посередине (рис. 5, *5*) [39]. Многочисленные вещи, имеющие параллели в прикамско-приуральских памятниках IX—X вв. и в Танкеевском могильнике, шумящие подвески с коньковыми щитками (рис. 5, *6*) [40], подвески с арочными щитками (рис. 5, *7*), ложные гребешки с коньковыми щитками (рис. 5, *9*, *11*) [41], бронзовые восьмигранные браслеты с кружковым орнаментом (рис. 5, *10*) [42], круглая ажурная подвеска с выступами по краям (рис. 5, *8*) [43] и т. п. В мордовских древностях IX в.[44] следует искать параллели подвеске с прямоугольным щитком (рис. 5, *12*). Наконец, целая группа предметов имеет аналогии в салтовских древностях IX—X вв.; колчанные крючки с подвижными одинарными (рис. 5, *13*, *16*) или неподвижными двойными крючками (рис. 5, *15*), завершенными лошадиными мордами [45]; медные кольца-бляхи с тремя отверстиями для продевания ремней (рис. 5, *17*) [46]; крупная дуговидная подвеска (рис. 5, *14*), аналогичная подвеске из кочевнического комплекса из с. Лапас Астраханской области [47], и т. п.

Рубежом IX—X вв., IX или X в. датируются также многочисленные пастовые глазчатые, стеклянные с металлической прокладкой, граненые янтарные бусы, широко представленные в билярских собраниях. Здесь же значительную группу составляют железные наконечники стрел, датированные А. Ф. Медведевым концом IX и первой половиной X в. (см. типы 15—25, 30—15, 30—38, 30—41, 30—62 и др.) [48]. Все эти предметы свидетельствуют о том, что Билярское городище возникло не позже первой половины X в. и в X—XI вв. оно уже жило полнокровной жизнью.

В это время, т. е. не позже X в., на территории городища, охватывающего огромную площадь (около 560 *га*), в пределах внутренней линии валов внешнего города, строятся кирпичные здания, возникают ремесленные посады, начинают функционировать кладбища. В 1969—1971 гг. во внутреннем (раскоп XVII) [49] и внешнем (раскоп XVI) [50] городах исследо-

[36] А. П. Смирнов. Волжские булгары..., стр. 161.
[37] N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Budapest, 1937.
[38] Там же, табл. XIV, 6, *7*.
[39] T. Azne. La Suede et l'Orient. Upsala, 1914, p. 152. A. Tocik. Altmagyarische Gräberfelde in der Südwest-slowakei. Bratislava, 1968, Taf. XV, *1*.
[40] Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, 3, стр. 92.
[41] Р. Д. Голдина. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. ВАУ, 9, Свердловск, 1970, стр. 87; Е. П. Казаков. Ук. соч., табл. XVII, *21*.
[42] Е. П. Казаков. Ук. соч., стр. 118, 137.
[43] В. Ф. Генинг. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6, Свердловск, 1964, табл. V, *34*.
[44] М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долине р. Вад и Теши. Сб. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 63.
[45] С. А. Плетнева. От кочевий к городам..., рис. 43, *14*.
[46] Там же.
[47] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 326.
[48] А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. САИ, Е1—36, М., 1966, стр. 59, 66, 67, 77.
[49] А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Р. Шарифуллин, С. М. Йовков. Исследования Биляра в 1971 г. АО—1971, М., 1972, стр. 229—230.
[50] Там же; Е. А. Халикова, А. Х. Халиков. Раскопки в Биляре караван-сарая. АО — 1970, М., 1971, стр. 144—145.

ваны остатки двух кирпичных зданий, возведенных не позже X в. В их строительстве, очевидно, принимали участие хорасанские мастера. Эти здания были сооружены из крупномерного квадратного жженого кирпича со стороной в 26—27 *см* на илисто-глинистом растворе. Кладка ровная, без какого-либо фигурного декора. В планировке и некоторых конструктивных деталях, в частности в оформлении входной стены пилястрами, наблюдаются ближайшие параллели архитектуре Багдада (см. Ухайдир и др.) [51] и Хорасана [52] VIII—X вв., а также суварскому зданию первого строительного горизонта (X в.) [53]. Это постройки досельджукской архитектуры, т. е. времени не позже X в., ибо в XI—XII вв. происходит резкое изменение и строительной техники и архитектуры построек мусульманского мира [54].

К X в. также следует, по мнению Е. А. Халиковой, отнести начало функционирования двух исследованных кладбищ во внешнем городе — у «караван-сарая» (раскоп XV) и за р. Биляркой (раскоп XVIII). В этих могильниках отмечается еще не устоявшийся мусульманский обряд захоронения с реликтами язычества, что характерно для мусульманских погребений X—XI вв. таких широко исследованных раннебулгарских могильников, как Танкеевский [55] и Тетюшский. Наконец, с территории Билярского городища происходят два клада куфических монет IX—X вв. [56] Позднейшие монеты из этих кладов были чеканены в 906 г. Оба клада, очевидно, были зарыты не позже первой четверти X в.

Итак, археологические материалы не оставляют сомнения в том, что Билярское городище возникает не позже X в. и скорее всего не позже первой четверти этого столетия. Оно возникает на обширной площади и уже в X—XI вв. становится крупнейшим городом Волжской Булгарии. Следует отметить, что его площадь в X—XI вв. (560 *га*) в 25 раз превышает площадь домонгольского Болгарского городища. Последнее в X—XII вв. занимало лишь мыс, образованный обрывом к р. Миленке и Иерусалимским оврагом, причем древние укрепления находились всего лишь на расстоянии 250—300 *м* от оконечности мыса [57]. Но даже если предполагать, что культурный слой домонгольского времени на Болгарском городище распространялся до района Черной палаты [58], то и в этом случае площадь Болгарского городища, где по предположению А. П. Смирнова [59], в X—XI вв. располагалась столица Волжской Булгарии, не превышает 25—30 *га*. Между прочим, А. П. Смирнов в последней статье заявляет, что г. Булгар в домонгольское время имел «огромное значение в экономике края» [60], тогда как в статье, опубликованной в 1970 г., он писал, что «в домонгольскую эпоху г. Болгар не играл большой роли в экономике края» [61]. Явное преувеличение также в словах А. П. Смирнова о том, что на Болгарском городище «в слоях X в. прослежено население с густо заселенными центральными кварталами, где выявлены каменные постройки» [62]. На Болгарском городище более чем за 30-летний период его исследования четко

---

[51] W. Caskel. Al-Uhaidir. Der Islam, 39, Berlin, 1964.

[52] A. Godard. L'art de l'Iran. Paris, 1962.

[53] А. П. Смирнов. Волжские булгары..., стр. 247, 253.

[54] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 346 сл.

[55] Е. А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника. АЭТ, 1, Казань, 1971.

[56] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 364.

[57] А. П. Смирнов. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография. МИА, 42, 1954, стр. 309—315.

[58] З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенский, А. П. Смирнов. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. МИА, 164, 1970, стр. 7—8.

[59] А. П. Смирнов. О столице государства..., стр. 100.

[60] Там же, стр. 100.

[61] З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенский, А. П. Смирнов. Работы на городище..., стр. 8.

[62] А. П. Смирнов. О столице государства..., стр. 99.

выявлен домонгольский слой, но почти ни в одной публикации не отмечается наличие каких-либо крупных построек, связанных с его нижним горизонтом [63]. Как правильно писал в свое время А. П. Смирнов, «первоначально город Болгар не имел большой территории и был лишь небольшим торговым пунктом» [64].

Планировка Билярского городища в первую очередь близка к планировке столичных городов Дунайской Болгарии, Средней Азии и Южной Сибири. Вспомним, что для Плиски (первая столица Дунайской Болгарии) и Великого Преслава (вторая столица Дунайской Болгарии) [65] характерно членение на внутренний и внешний города. Подобную планировку имели и такие столичные города, как город Баласагун (первая столица караханидов) и город Отрар XI—XII вв. в Южном Казахстане [66]. Учитывая, что валы внутреннего города и первой линии обороны внешнего города Билярского городища были сооружены до образования культурного слоя, есть основание утверждать, что с самого начала он строился как столичный город и поэтому имел характерное членение на внутреннюю и внешнюю части. В раскопе V, почти в центре внутреннего города Билярского городища, исследованы остатки слободы кузнецов, которая начала функционировать в X в. (судя по массовым находкам керамики салтовского типа в основании культурного слоя — не позже первой половины X в.) [67]. За южным углом внутреннего города в раскопе XVI исследованы остатки обширного двора и здания караван-сарая, также основанного не позже X в. Следовательно, Билярское городище возникает не только как политический, но и как экономический (ремесленный и торговый) центр. Обращение к письменным источникам позволяет, кажется, говорить о более точной дате постройки этого центра.

Еще Ш. Марджани [68], а затем и А. Ю. Якубовский [69] высказывали предположение о начале строительства столицы Волжской Булгарии в 922 г., т. е. в год прихода на Волгу багдадского посольства, описанного Ибн-Фадланом. Как известно, посольство багдадского халифа Муктадира было отправлено в Булгарию по приглашению булгарского царя Алмуша, который просил у Багдада содействия в «постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников», и ему «было дано согласие на то, что он просил..., были пожалованы деньги, доставлявшиеся ему для упомянутой нами постройки» [70]. Хотя денег и не удалось привезти, но с посольством прибыли, вероятно, мастера-строители. Состав посольства уже после выхода из Средней Азии, где от него отстали некоторые люди, достигал 5 тыс. человек [71].

---

[63] А. П. Смирнов. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография. МИА, 42, 1954; его же. Армянская колония города Болгара. МИА, 61, 1958; К. А. Смирнов. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар. МИА, 80, 1960; его же. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар. МИА, 111, 1962; З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенская, А. П. Смирнов. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. МИА, 164, 1970.

[64] А. П. Смирнов. Основные этапы истории города Болгара..., стр. 309.

[65] Ст. Станчев. Староболгарската култура пред VIII—X век. Трудове на Висшия педагогич. ин-т, 1, 3, София, 1964, стр. 24.

[66] Т. К. Басенов. Архитектура Казахстана VII—XII вв. Сб. Архитектура Казахстана. А — А, 1959, стр. 91.

[67] А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов. Исследования Биляра, стр. 168—169.

[68] Ш. Марджани. Мостафад-эл-ахбар дин эхвал Казан вэ Болгар. Перевод А. Хисматуллина. Рукопись в КИЯЛИ АН СССР, стр. 248.

[69] А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар. СА, 1948, X, стр. 267—268.

[70] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 121 (Ибн-Фадлан).

[71] Там же, стр. 128; наличие в составе посольства «умелых строителей для сооружения крепости» отмечает Ш. Марджани (Ш. Марджани. Мостафад-эл-ахбар..., стр. 212—213). О посылке багдадским халифом в Булгарию людей для строительства крепости при Ибн-Фадлане пишет и В. В. Бартольд (В. В. Бартольд. Соч., V, стр. 512).

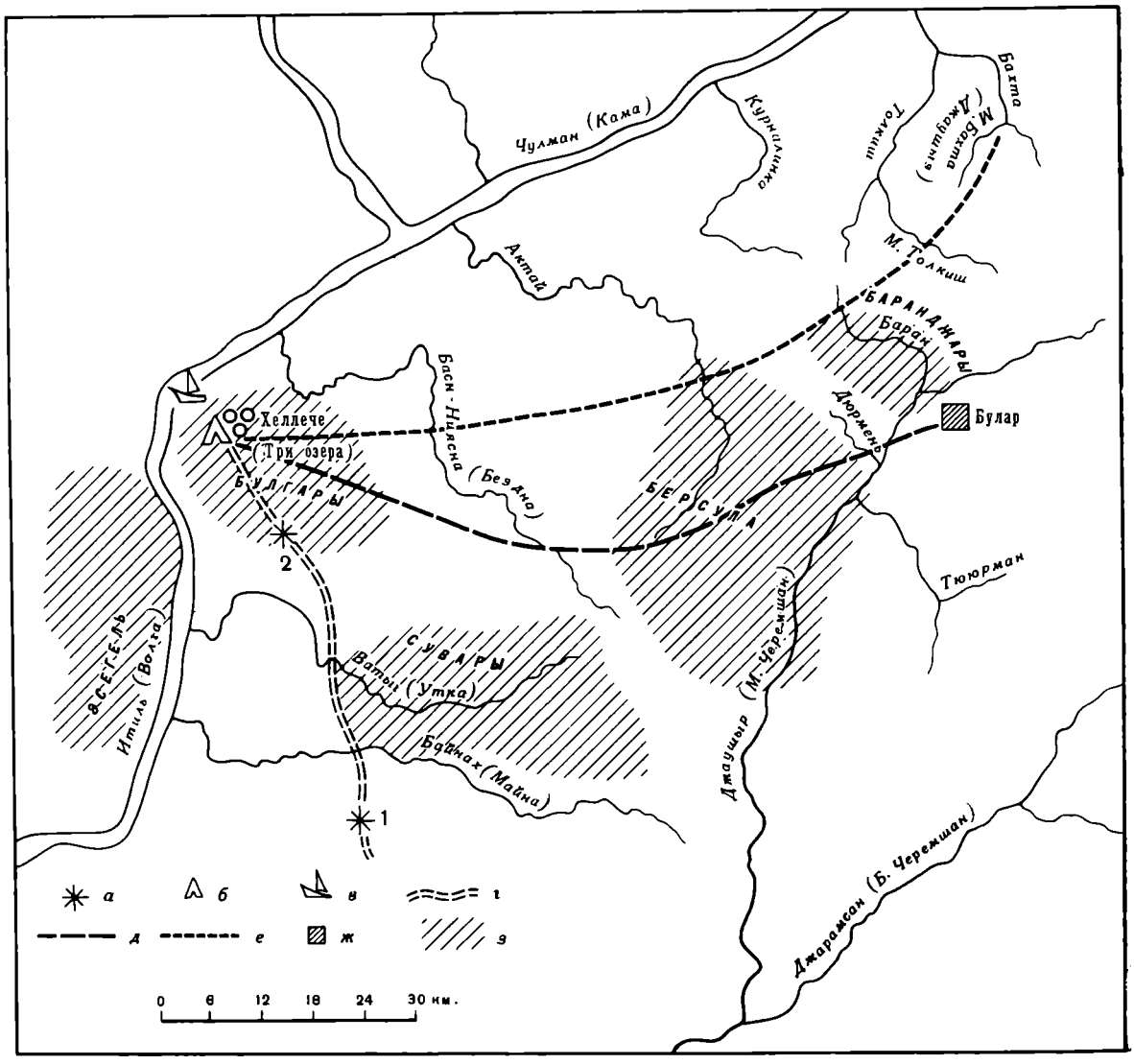


Рис. 6. Схема движения багдадского посольства в 922 г. в булгарских землях

а — место (1 и 2) встречи посольства; *б* — ставка Алмуша; *в* — торговая пристань; *г* — путь посольства до ставки; *д* — путь Алмуша с подчиненными ему племенами на р. Джавшыр; *е* — предполагаемый А. П. Ковалевским путь; *ж* — место строительства столицы; *з* — территория расселения булгарских племен

Участие этих людей в строительстве зданий на Билярском городище и в Суваре в свое время отмечал и А. П. Смирнов [72]. Ибн-Фадлан подчеркивает большую заинтересованность Алмуша в строительстве «крепости», очевидно, главного города — опоры против притязаний хазарского кагана [73]. Строительство города, очевидно, началось еще при Ибн-Фадлане, т. е. в 922 г., для чего Алмуш приказал всем подчиненным ему племенам отправиться в район р. Джаушыр (Джавшыр?) к востоку от первоначального места встречи посольства (рис. 6). На этом месте Алмуш с подчиненными ему племенами оставался два месяца [74], время более чем достаточное для начала строительства. Здесь Алмуш неоднократно упрекал Ибн-Фадлана в том, что посольство не привезло выделенные на строительство крепости деньги и, наконец, заявил о своей решимости построить эту крепость на собственные средства [75]. К сожалению, на этом диалоге обрывается рукопись Ибн-Фадлана, сообщающая о булгарах [76], и что происходило далее, мы можем пока, до открытия более полного списка, лишь догадываться. Можно предположить, однако, что строительство города началось.

[72] А. П. Смирнов. Волжские булгары..., стр. 137, 252.
[73] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 133, 141.
[74] Там же, стр. 139.
[75] Там же, стр. 141.
[76] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 195.

Но где же располагалась эта р. Джаушыр (Джавшыр)? Некоторые исследователи предполагают, что это р. Гаушырма — небольшой приток р. Бахты в Чистопольском районе Татарской АССР (рис. 6). Но для того чтобы с берегов Итила (Волги) пройти до этого места, надо перейти по крайней мере три-четыре речки — Бездну, Ахтай, Шенталу, тогда как Ибн-Фадлан отмечает лишь переход через Бездну (Ниясну) и через сам Джавшыр [77]. Во-вторых, судя по описанию Ибн-Фадлана, р. Джавшыр, хотя и не была большой («ширина ее пять локтей, вода до пупа, а местами до ключицы, а наибольшая ее глубина в рост человека» [78]), но все же несомненно превышала почти полностью пересыхающую летом р. Гаушырму. Мне думается, что под р. Джавшыр следует подразумевать р. М. Черемшан, на правом берегу которого расположено Билярское городище (рис. 6). Эта река во многих местах своего течения соответствует приведенному выше описанию. В названии «Черемшан» (по-татарски — Чирмешан), возможно, сохранилось искаженное звучание слова «чирме» — «ширма» — «чишма» (небольшая река, ручей), соответствующее второй части слова Джавшыр. Первая же часть, возможно, означает «джав» — «dəw», т. е. большой. В диалектах татарского языка сохранилось слово «джау» или «жау» для обозначения понятия величины, множественности. Поэтому р. Джавшыр может быть переведена как «большая речка».

О том, что встреча всех подчиненных Алмушу племен происходила в районе р. М. Черемшан-Джавшыр, недалеко от местоположения Билярского городища, свидетельствуют еще один факт из записок Ибн-Фадлана.

Ибн-Фадлан сообщает, что он видел группу в 5 тыс. человек, известных под именем баранджар, уже принявших ислам, для которых «построили мечеть из дерева» [79]. Вероятно, эта группа локализовалась на правом берегу р. Джавшыр-Черемшана, где до сих пор сохраняются топонимы на «баран» — р. Баранка, с. Никольский Баран, Арбузов Баран, Крещеный Баран и др. Здесь же выявлены поселения, в том числе одно городище, содержащие керамику IX—X вв. салтово-маяцкого типа. Все они расположены севернее Билярского городища. Группа «баранджар» или «барандж», по-видимому, легла в основу населения будущего города. Еще Френ в начале XIX в. сообщал перевод из татарской рукописи, где говорилось, что «народ в Бюларе назывался Барадж» [80]. Поблизости от баранджар располагались, очевидно, и барсилы — серебряные болгары, которых Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин локализовали на реках Ахтае и и М. Черемшане [81]. Как известно, Билярское городище С. М. Шпилевский отождествлял с Великим городом серебряных болгар [82]. По предположению С. А. Яниной, Алмуш именовал себя эмиром барсил-берсула [83]. Царем барсил владетелей Волжской Булгарии именовали и хазарские источники. Поэтому есть основание полагать, что другую часть населения столицы составили барсилы. Сосредоточение различных племен, в том числе и раннебулгарских, вокруг Великого города на Черемшане, показывают и археологические материалы. В частности, за последние годы в верхнем и среднем течении р. Черемшан выявлено более 50 поселений, которые наряду с булгарской гончарной керамикой содержат керамику салтово-маяцкого типа, керамику с растительными примесями и керамику с примесью в тесте толченых раковин. Любопытно, что и на территории Билярского городища, кажется, намечается локализация отдельных районов с различной ранней керамикой. Так, в XIII раскопе выявлены остатки

---

[77] Там же, стр. 131.

[78] Там же, стр. 139.

[79] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 138.

[80] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 57.

[81] Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин. Булгарское государство монгольского завоевания. Материалы по истории Татарии. I, Казань, 1948, стр. 107.

[82] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 138—139.

[83] С. А. Янина. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. МИА, 111, 1962, стр. 186—187.

поселка X в. с характерной керамикой, с растительными примесями, тогда как в других районах обычны сосуды салтово-маяцкого типа, отсутствующие в упомянутом раскопе.

Один из крупнейших арабских географов первой половины X в. Эль-Балхи (умер в 934 г.) уже отмечает наличие у булгар нескольких городов: «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город Сивар, где также находится главная мечеть» [84]. Существование в Булгарии в 30-е годы X в. двух соперничавших городов Булгара и Сувара показывают и нумизматические материалы [85]. Местоположение второго города — Сувара не вызывает сомнения. Его остатки расположены на р. Утке у с. Кузнечиха Татарской АССР [86]. Под первым городом большинство исследователей подразумевали Булгар на Волге. Но мало кто из них обратил внимание на последующее замечание Эль-Балхи: «Внешний Булгар маленький город, не занимающий большого пространства, и известен только тем, что он главнейший торговый пункт этого государства» [87]. Таким образом, Эль-Балхи, а вслед за ним и его компиляторы середины X в. Истахри (940—943 гг.) и Ибн-Хаукаль (970 г.) практически отмечают для первой половины и середины X в. в центре Булгарии три города — Сувар и два Булгара, из которых один (внутренний) был столицей, а другой, маленький (внешний) — торговой пристанью страны. Последний, по сообщению Ибн-Хаукаля в 358 (969) г., был ограблен и разрушен русами (очевидно, в 965 г. Святославом) [88] и, как полагает А. П. Смирнов, пришел в упадок [89]. Но, несмотря на это, до конца X в. в Булгарии, очевидно, сохранялись два города под названием Булгар — один из них был столицей, а другой, расположенный у Итиля — торговой пристанью. Это мы видим из сообщения Мукадесси (985 г.), который пишет, что один из Булгаров (скорее всего на р. Черемшан) «лежит на одном берегу другой реки», а другой «Булгар лежит у реки Итиля и находится ближе к морю, чем к столице» [90] (С. М. Шпилевский последнюю фразу, опираясь на перевод Н. Ф. Готвальда, читает: «ближе к морю, чем столица» [91]). Затем Мукадесси добавляет, что первый город больше обоих других городов, т. е. Булгара на Итиле и Сувара [92]. Если это так, то в X в. столица Булгарии, очевидно, носила название Булгара, но находилась в некотором удалении от Итиля. С XI в. Булгар на р. Итиле был переименован в город Ибрагима (или Бряхимов русских летописей и Казанской истории). Хотя первое упоминание о Бряхимове в русских летописях относится к 1164 г.[93], но имя ему (город Ибрагима), очевидно, было присвоено еще в начале XI в., когда в Булгарии правил эмир Ибрахим (Абу Исхак Ибрахим Ибн-Мухаммад), при котором в 1024—1025 гг., по сообщению Бейхаки, были посланы деньги на строительство соборных мечетей в городах Хорасана [94].

У восточных булгар, по-видимому, было традиционным присвоение своим главным столицам названия Булгар. Как известно, так называлась

---

[84] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 82.

[85] С. А. Янина. Новые данные..., стр. 191.

[86] А. П. Смирнов. Сувар. Тр. ГИМ, XVI, М., 1941.

[87] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 82.

[88] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 218—219.

[89] З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенский, А. П. Смирнов. Работы на городище Великие Болгары..., стр. 8.

[90] Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 84.

[91] С. М. Шпилевский. Древние города..., стр. 9.

[92] Там же, стр. 53.

[93] ПСРЛ, 1—2, стр. 353.

[94] Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, II, М., 1967, стр. 46.

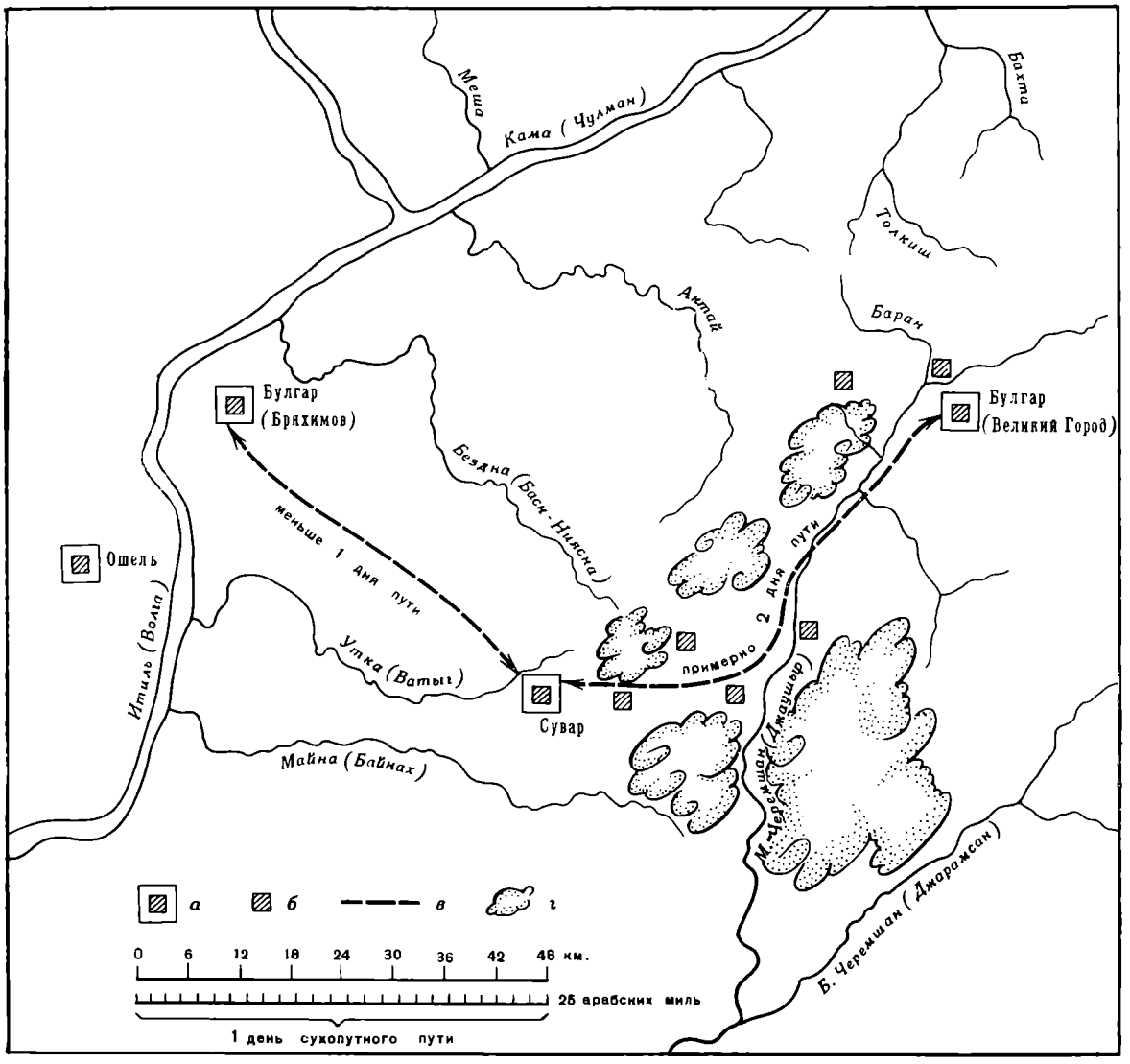


Рис. 7. Схема расположения основных городов Волжской Булгарии X—XI вв.

а — крупные города; *б* — малые городки по пути из Сувара в Булгар на Черемшане; *в* — пути движения; *г* — леса

столица северо-кавказских болгар[95] (Булгар или Б-л-кар), так называлась и домонгольская, и золотоордынская столица волжско-камских булгар. О том, что Билярское городище называлось Булгаром, свидетельствует еще ряд источников. Так, Шараф-аз-Заман ал-Марвази, писавший на основе источников X в.[96], сообщает, что «у них (булгар) два города, один из которых называется Сувар, а другой называется Булгар; между двумя городами пространство два дня пути по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов»[97]. День пути, здесь сухопутного, в лесостепной полосе при коротких переходах по арабским дорожникам равнялся 25 арабским милям, или примерно 48—50 *км*[98]. Если мы посмотрим на схему (рис. 7) расположения основных городов Булгарии X—XI вв., то увидим, что путь между Суваром и Булгаром на Волге, длившийся менее одного дня (около 42 *км*, или 20 арабских миль) и шедший по открытой местности вдали от реки, не соответствует описанию Марвази. В то же время путь между Суваром и Биляром — Булга-

[95] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 206.

[96] А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии..., стр. 368; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. I, М., 1962, стр. 71—72.

[97] Там же, стр. 37.

[98] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 41.

ром на Черемшане (75—80 *км*, или два дневных перехода, вдоль р. Утки, затем по Черемшану, через густые заросли леса, вдоль серии булгарских домонгольских городищ) в деталях полностью соответствует сведениям Марвази. Следовательно, Марвази Булгаром называл город на Черемшане. В этом городе, очевидно, чеканились монеты X в., в частности и те, на которых стоит тамга в виде буквы А [99]. Последний вид клейма наиболее характерен для керамики Билярского городища и почти не известен на Болгарском городище [100].

Булгар на Черемшане, будучи стольным городом, с самого начала воспринимает и эпитет «великий», что также было традиционным для булгар, вспомним «Великий Преслав» и дунайских булгар, «Великий Булгар» золотоордынского времени и т. п. Очевидно, в значении «великий» и «знатный» и следует понимать название «Билар» — «Балар», сохранившееся до наших дней в названии Биляра. В такой трактовке воспринимал это слово в свое время Н. И. Золотницкий [101]. Но еще раньше, в середине XI в. булгарский историк Нугман, написавший «Историю булгар» [102], отрывки из которой дошли до нас в передаче Закария Казвини и аль-Гарнати, сообщал интересную версию происхождения имени «Билара» — «Балара» — «Булгара». Начало отождествления Билара — Булгара, очевидно, относится к первой половине X в., ко времени борьбы булгар с хазарами за свою независимость и ко времени массового принятия булгарами мусульманской религии. Аль-Гарнати, ссылаясь на историю Нугмана, пишет: «А смысл слова **булгар** — ученый человек. Дело в том, что один из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился у них недуг, так что они оба стали опасаться смерти (см. сообщение Ибн-Фадлана о просьбе царя Алмуша прислать ему лекарства) [103]. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?» Оба они сказали: «Да». Он их лечил и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь хазар во главе большого войска, и сражался с ними... и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство... А ученый (по Казвини, — вышеотмеченный человек) у них называется «Балар» (по Казвини — «Биляр» или «Бюлар»), поэтому назвали эту страну (по Казвини — город) «Балар» (по Казвини — Бюлар)... и арабизировали это, и стали говорить „Булгар"» [104]. Позже Абуль-Фида повторит это — «Болар», названный арабами «Болгар».

Приведенное выше извлечение из истории булгар показывает, что город Булар — Балар — Булгар (столица государства) возникает не позже середины X в., очевидно, при царе Алмуше, о чем свидетельствует совпадение ряда сведений, сообщаемых Ибн-Фадланом и булгарским историком: болезнь царя, борьба с хазарами, всеобщее принятие ислама.

О том, что в X в. страну булгар и, очевидно, их главный город называли страной «Булар» (terra Bular), сообщает венгерский аноним, который говорит о приходе из земли Булара под начальством Билла и Боксу булгар-мусульман в Венгрию и о том, что впоследствии этих булгар называли «bileres», т. е. выходцы из земли Билара — Булара [105]. Слово

[99] С. А. Янина. Новые данные..., стр. 192.

[100] О. С. Хованская. Гончарное дело города Булгара. МИА, 42, 1954, стр. 365.

[101] Н. И. Золотницкий. Лингвистическая заметка о названиях булгар, биляр и моркваши. ИОАИЭ, III, Казань, 1884, стр. 47—48.

[102] Ш. Марджани. Мостафад аль-Ахбар..., стр. 211.

[103] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 121.

[104] О. Г. Большаков и А. Л. Монгайт. Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971, стр. 31; Аль-Гарнати по поводу приведенного выше отрывка пишет: «Это я прочитал в «Истории Булгара», переписанной булгарским кадием, который был учеником Абу-л-Масали Джувейни».

[105] Gy. Györffy. Kronikaink es a magyar östöztenet. Budapest, 1948; Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 108—109.

«билер» — «биляр» можно трактовать и как знатные, великие — «би» (знатный, вельможа, князь) «ляр» (приставка множественности). Не исключено, что и имя царя булгар — «билегвар» или «билгуар», как это читал Ш. Марджани [106], означал титул «знатнейший», «величайший». Первая часть слова «Балар» («Бал») могло быть и иранo-тюркского происхождения, так как на персидском языке слово «бала» означает «большой», «великий» [107]. Так, вероятно, образовалось название таких известных городов средневековья, как «Баласагун», (Куз-улуш, Куз-орду) [108] — «Великий сагун» (первая столица караханидов), «Баласакан» (Байлакан, Орен-Кала) — одной из столиц Кавказской Албании и Азербайджана [109], «Баланджар» (Варачан, Беленджир, Булкар) — столицы болгар на Северном Кавказе [110]. Поэтому это слово по отношению к столице Булгарии мы рассматриваем как эпитет «Великий», который в XII—XIII вв. затем был дословно переведен русскими летописцами — «Великий город». Показательно и то, что первые монеты, чеканенные в Булгарии с упоминанием места чекана, содержат название города или «Балар», «Блаар» или «Блгар» (см., например, монеты Микаила Ибн-Джафара [111]). Вероятно, в X в. в связи с существованием двух Болгар столица государства называлась то просто великим городом (Баларом — Биларом), то Булгаром. С XI в. после переименования Булгара на Волге в город Ибрагима столица уже прочно стала называться Булгаром, но сохранялся и эпитет «великий». Это и фиксируют источники.

До 1236 г. Великий город — город Булгар на Черемшане — остается столицей Волжской Булгарии. Осенью того же года он был уничтожен полчищами монгол и впоследствии вряд ли был восстановлен. Но это предмет уже другой статьи. Основан же этот город был специально как столица государства в X в., очевидно, при царе Алмуше, т. е. в 922 г., и в течение более чем трех веков был главной столицей Булгарии.

A. K. Khalikov

SUR LA CAPITALE DE LA BULGARIE PRÉMONGOLE

Résumé

Dans les années 1967—1971, sur le territoire de la République Socialiste Soviétique Autonome de Tatarie, de vastes investigations archéologiques ont eu lieu sur la place de l'antique oppidum de Bilar qui est un des plus grands monuments du bassin de Volga. Les matériaux archéologiques témoignent que cet oppidum est apparu au plus tard dans la première moitié du X siècle. Leurs confrontations avec les données écrites laisse affirmer que cet oppidum n'est rien autre que les vestiges de la capitale de la Bulgarie prémongole dont l'érection a débuté en 922 sous le roi Almouche. La ville s'appelait Boulgar dont l'épithète «Bilar» ou «Balar» signifiait «Grand». Jusqu'à sa démolition par les Mongols en 1236, elle gardait son rôle de capitale.

---

[106] Ш. Марджани. Мустафад аль-Ахбар..., стр. 212.
[107] Персидско-русский словарь. М., 1961, стр. 58.
[108] В. В. Бартольд. Соч., V, стр. 75.
[109] З. Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 150, 375.
[110] М. И. Артамонов. История хазар..., стр. 180.
[111] С. А. Янина. Новые данные..., стр. 189 сл.

Е. А. РЫБИНА

РАСКОПКИ ГОТСКОГО ДВОРА В НОВГОРОДЕ

Территория Готского раскопа находится к югу от Ярославова Дворища, в непосредственной близости от церквей Михаила Архангела и Благовещения на бывшей Михайловой улице. Археологические исследования этого участка велись в 1968—1970 гг., за три года работ вскрыто 542 *м*^{2}.

Территории, примыкающие к Дворищу, имеют большое значение в истории Новгорода. Здесь было средоточие торговой жизни города, здесь находились торговые ряды, пристани, торговые дворы иностранных купцов. Известно о существовании в средневековом Новгороде двух иноземных дворов: Готского и Немецкого. Хотя в письменных источниках местоположение их не указывается вполне определенно, однако по некоторым данным оно устанавливается достаточно точно. Оба двора, Готский и Немецкий, располагались в непосредственной близости от княжеской резиденции на Дворище (рис. 1). В латинских текстах договоров русских с немцами последние оговаривают себе право свободного прохода от Готского двора к Торгу через княжеский двор, а также требуют, чтобы пространство между Немецким двором и церковью св. Николая не застраивалось никакими зданиями [1]. Оно было необходимо для свободного сообщения между иноземными дворами. Из этого сообщения следует, что Немецкий двор находился к востоку от Ярославова Дворища и расположенного на нем княжеского двора. Подтверждают это и свидетельства о спорах Немецкого двора с жителями древней Ильиной улицы (примерно нынешняя ул. Первого Мая) [2]. Конфликты Готского двора с жителями Михайловой улицы позволяют с полным основанием помещать Готский двор с южной стороны Ярославова Дворища, вблизи Михайловой улицы и Волхова [3].

Уже в первый год раскопок стало ясно, что исследуемый участок является частью территории Готского двора. Поэтому археологи с такой настойчивостью отстаивали право на продолжение работ в этом районе. Ведь прежде не удавалось исследовать ни одного участка, связанного с торговой деятельностью Новгорода.

Обращение к письменным источникам и литературе, характеризующим состояние торговли Новгорода с Западом, и сопоставление их с результатами раскопок позволило уточнить и конкретизировать предварительный вывод о принадлежности этого участка Готскому двору.

История торговых взаимоотношений Новгорода с Западом по письменным источникам представляется следующим образом. Начало было поло-

---

[1] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. СПб., 1893, стр. 112.

[2] Обнаруженные остатки стены из красного известняка на мостовой пр. Ленина в 65 *м* к югу от ул. Первого Мая, С. Н. Орлов объясняет как остатки церкви Иоанна Крестителя, которая в летописях постоянно упоминается расположенной у Немецкого двора. С. Н. Орлов. К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода. Уч. зап. НПИ, Новгород, 1965, I, 1, стр. 68.

[3] Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.— Л., стр. 76, № 42.

жено торговыми связями Новгорода с островом Готландом, который долгое время был центром всей северо-западной торговли. Готланд находился почти на равном расстоянии от Швеции, Германии и Руси и был независим от них. Он сосредоточил в своих руках всю торговлю с ними и продолжительное время оставался посредником в торговле этих стран, пока не вынужден был уступить Ганзейскому союзу. Готланд основывал свои конторы в различных городах, важнейшей из них была Новгородская.

Первое упоминание в русских летописях о новгородско-готских отношениях датируется 1130 г.[4] Кроме того, на присутствие готландцев в Новгороде в это время указывают и некоторые косвенные данные. В Новгородской летописи имеются сообщения о том, что новгородцы обращались за церковными требами к варяжским попам[5]. На существование самой варяжской церкви указывают сообщения летописей о ее пожарах. Первое подобное свидетельство относится к 1152 г.[6] В дальнейшем упоминания о пожарах Варяжской божницы, которая в иностранных источниках известна как церковь ci Олафа, встречаются неоднократно (1181, 1217, 1272, 1311 г.)[7].

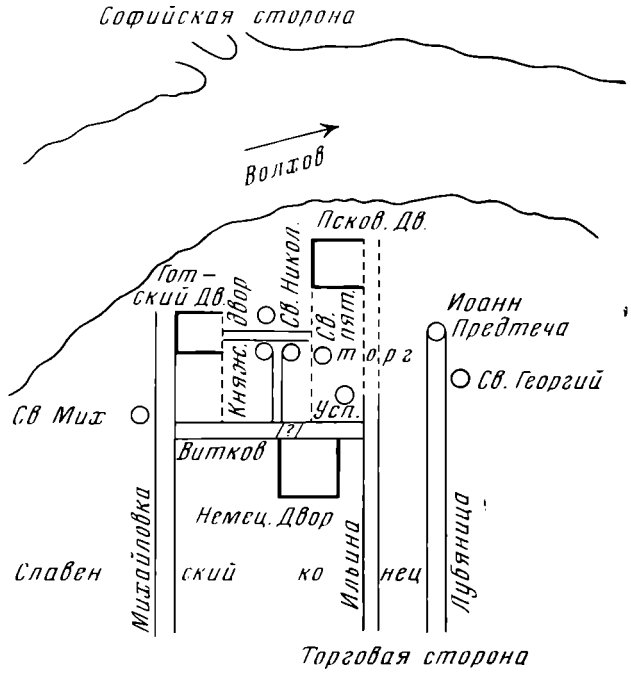


Рис. 1. Местоположение иноземных дворов в Новгороде (по А. И. Никитскому)

Таким образом, к началу XII в. мы уже застаем сложившуюся систему взаимоотношений Новгорода с Готландом, которые возникли, вероятно, еще в XI в. Остров Готланд благодаря его удобному расположению в центре северо-западных областей часто посещался купцами разных национальностей, особенно, начиная с XII в., немцами. В это время наряду с Готландом большое торговое значение приобретает город Любек. Возникший на месте древнего славянского поселения в удобной бухте, он с давних пор стал важным торговым центром, куда съезжались купцы из разных стран. С агрессией немецких рыцарей Любек не утратил своего значения, напротив, он стал быстро расти, получая все новые привилегии. Распространяя свое влияние на Балтийском море, немецкие купцы из Любека стали усердно посещать готландский рынок и даже переселялись на постоянное жительство в Висби, главный город Готланда. Со временем их количество на Готланде настолько возросло, что сделалось возможным образование отдельной колонии немецких купцов в Висби.

Упрочение мирных отношений между готами и немцами по договору 1163 г. несомненно должно было повести к установлению непосредственных сношений немцев с давними партнерами готов, русскими. Развитие торговых отношений между Новгородом, готами и немцами требовало установления и определенных правил ведения торговли — договоров между заинтересованными сторонами. Древнейшим из дошедших до нас является договор конца XII в., причем он называется подтверждением ста-

[4] НПЛ, стр. 51.

[5] «Оже носили к Варяжскому попу дети на молитву», См. А. И. Никитский. Ук. соч., стр. 54.

[6] НПЛ, стр. 29.

[7] НПЛ, стр. 37, 57, 90, 93.

рого мира[8]. Обращает на себя внимание, что из 15 статей договора по крайней мере 10 относятся к уголовному праву и только в последних 5 определяется порядок судопроизводства, о торговле же не сказано ни слова. Вероятно, предполагалось, что она будет вестись по старому обычаю, хорошо знакомому и готам и русским. Немцы же, столь любившие подробные письменные определения условий торговли, должно быть, чувствовали себя не слишком уверенно, чтобы заявить свои требования.

Появившись в Новгороде, немецкие купцы тоже, по примеру готландцев, образовали свой двор с церковью св. Петра[9]. Документы не сообщают нам о времени возникновения этого двора, но большинство исследователей склонны относить его образование к периоду не ранее конца XII в.[10]. Основателями его были, вероятно, выходцы из немецкой колонии на Готланде, и первоначально их двор был как бы отделением Готского двора. Оба двора, и Готский и Немецкий, находились под одним управлением и зависели от готско-немецкой компании в Висби. Ежегодный остаток от дворовых доходов, по древнему обычаю и по общему определению немцев всех городов, отсылался на Готланд, где хранился в церкви св. Марии[11]. Впоследствии немцы освободились от опеки готландцев и со временем, упрочив свое положение, даже потеснили их в торговле с Новгородом. Борьба между возвышающимся Любеком, стоящим во главе Ганзейского союза, и Висби за приоритет в северо-восточной торговле шла с переменным успехом, но в конце концов закончилась победой немцев, что нашло свое отражение и в положении дворов. В XIV в. Готский двор, хотя и сохранил свое название, но находился уже в подчинении у Немецкого. Позднее Готский двор называется Немецким речным, затем местом ливонских немцев[12]. Письменные источники дают нам материал и об устройстве дворов. Больше всего подобной информации содержится в уставе Немецкого двора в Новгороде, известном в семи редакциях. Поскольку оба двора, Готский и Немецкий, служили своеобразными крепостями внутри чуждого, а нередко и враждебного им города, они были огорожены высоким тыном, поддержание которого в порядке было одной из постоянных забот немецкого купечества. Внутри оград располагались церковь, помещения для жилья, различные хозяйственные постройки: амбары, пивоварня, мельница и пр.[13]

В результате археологических работ, проводившихся на территории Готского двора, были вскрыты остатки нескольких деревянных и одного каменного сооружений. К деревянным относятся два сруба № 4 (площадь около 80 *м*^{2}) и № 5 (площадь 115 *м*^{2}). Несмотря на то что стены их сохранились частично, удалось выяснить конструктивные особенности рубки этих построек. Оба сруба были сложены из мощных бревен диаметром 60—70 *см*. Бревна такой толщины впервые встречены в древних новгородских постройках. Новгородцы использовали для строительства любых помещений, будь то жилые, хозяйственные или производственные постройки, бревна диаметром не более 16—30 *см*[14]. Внутри срубов сохранился настил пола из горбылей диаметром 20—25 *см*, что также превы-

---

[8] ГВНИП, стр. 55—56, № 28.

[9] М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, стр. 61.

[10] Н. И. Костомаров. Северорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1904; Ф. Я. Фортинский. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1887; С. Строев. Первоначальное образование и распространение немецкого двора в Новгороде. ЖМНП, 1838, XVII, 3.

[11] С. Строев. Ук. соч., стр. 4.

[12] В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, стр. 5.

[13] А. И. Никитский. Ук. соч., стр. 113.

[14] П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки Великого Новгорода. МИА, 123, 1963, стр. 18.

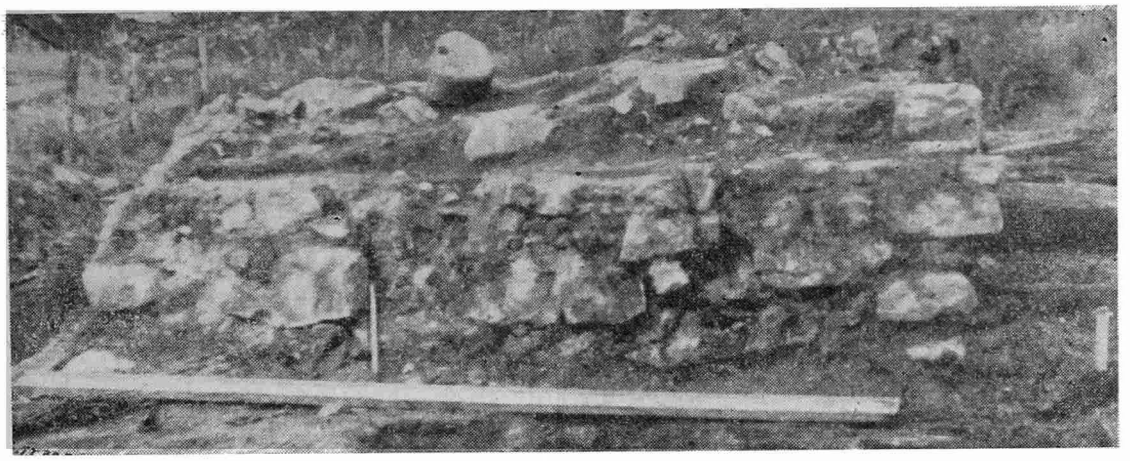


Рис. 2. Остатки каменной башни

шает обычные размеры настилов новгородских построек. Выяснен еще ряд особенностей этих построек. Торцы углов новгородских строений обрубались всегда топором очень ровно по отвесу, в рассматриваемых же срубах они опилены[15]. Новгородцы при рубке стен делали специальный паз в нижнем венце, в который вставлялось верхнее бревно. В наших срубах таких пазов не прослежено. Щели между бревнами, которые образовывались при кладке стен таким образом, строители пытались ликвидировать берестяными прокладками по внешней стороне стены. Такой прием наблюдается в восточной стене сруба № 4, сохранившейся на два венца. Отмеченные отличия лишний раз подчеркивают своеобразие строительной техники, с примерами которой мы сталкиваемся впервые.

При строительстве срубов, открытых на Готском раскопе, была применена целая система укрепления западных стен, так как они лежали на рыхлом культурном слое и своей тяжестью продавливали его. Восточные стены срубов лежали на плотной материковой глине и не требовали специальных укреплений. Под западные стены срубов были подведены мощные подкладки из горбылей диаметром 35—40 *см*, с внешней стороны эти стены были укреплены сваями-бревнами диаметром 20 *см*. В северо-западном углу раскопа обнаружены остатки частокола из мощных свай диаметром 40 *см* (обычный диаметр столбов частокола новгородских построек равняется 12—14 *см*, иногда доходит до 20—22 *см*). Мощность частокола, обнаруженного на нашем раскопе, напоминает о крепком тыне, которым обносились торговые дворы иностранных купцов.

Открытые постройки не могли быть ничем иным, как амбарами для хранения товаров. Этим объясняются и значительные размеры срубов, мощные бревна, из которых они сложены, отсутствие печной конструкции. Отсутствие каких-либо следов товаров, некогда хранившихся в этих амбарах, может быть объяснено тем, что участок подвергся сильному пожару (следы его неоднократно встречались при раскопках), в результате которого погибли все товары, находившиеся внутри, да и сами сооружения значительно пострадали.

В 1969 г. на Готском раскопе было вскрыто еще одно интересное сооружение — остатки каменной башни (рис. 2). Несмотря на то что ее фундамент сильно пострадал в результате позднейших построек, нарушивших его особенно заметно в западной и северной частях, все же удалось проследить основные принципы строительства башни.

---

[15] П. И. Засурцев отмечает, что «рубленый угол меньше поддается гниению, так как при рубке волокна дерева сжимаются, тогда как при отпиливании они, наоборот, разлохмачиваются. Но обрубка углов — это очень трудоемкая операция, требующая к тому же от плотника высокого мастерства». П. И. Засурцев. Ук. соч., стр. 19.

Фундамент ее представляет собой прямоугольник со сторонами по линии север-юг — 6 *м*, запад-восток — 4 *м*. Он сложен из валунов, скрепленных известковым раствором, стены снаружи облицованы розовым ракушечником, а внутри заполнены камнем с известью. Кладка сохранилась в высоту на 110 *см*. Так как материк на данном участке представляет плотную глину, фундамент не был заглублен, а был лишь выровнен склон берега. Фундамент башни занимал часть расположенного рядом сруба № 5, а именно его юго-западный угол, заходя внутрь на 3,5 *м*. Каменная постройка и деревянный сруб строились одновременно, на что указывает паз в восточной стене сруба, сделанный специально для соединения фундамента с бревнами сруба.

Назначение этой каменной постройки, видимо, было двояким: во-первых, она несомненно выполняла роль сторожевой башни. Выдвинутая за пределы сруба, она давала возможность просматривать все пространство, примыкающее к постройкам. Во-вторых, вместе с амбарами башня, вероятно, могла использоваться и как хранилище товаров [16].

В 1970 г. была продолжена расчистка культурного слоя, никаких сооружений в этом году обнаружено не было. Культурный слой Готского раскопа значительно потревожен постройками как во время формирования слоя, так и в более позднее время. Нарушению культурного слоя способствовали и оползни, поскольку участок расположен непосредственно на берегу реки. В нижних горизонтах слоя встречаются плывуны, что мешало исследованию предматерикового слоя. Кроме того, на некоторых участках Готский раскоп не был доведен до материка еще и потому, что не раз ставился вопрос о музеефикации открытых сооружений. В связи с этим открытые постройки оставались на месте, препятствуя дальнейшему изучению напластований.

Необходимо отметить, что работы на исследуемом участке велись с большим напряжением. Не удалось из-за развернувшегося строительства осуществить намеченные планы широкого изучения данной территории. Несмотря ни на что, строительство продолжалось: забивались очередные сваи, нарушающие структуру и без того нечеткого культурного слоя и мешающие его нормальному вскрытию. При разравнивании строительных площадок засыпался раскоп, что тормозило дальнейшее вскрытие слоя. В силу указанных причин объективного и субъективного характера нет ясной стратиграфической картины, что затрудняет датировку всего комплекса.

Дендрохронологическая датировка Готского раскопа в настоящее время невозможна. Казалось бы, что образцы, взятые с мощных бревен срубов, дадут четкие даты, но при исследовании было установлено, что кривая их годичного прироста аномальна и имеет индивидуальную вариацию годичных колец, что объясняется особыми условиями произрастания деревьев, использованных при строительстве Готского двора.

В связи с этим большое значение при датировании открытого комплекса приобретает вещевой материал, который хоть и не позволяет получить точные даты каждого яруса в отдельности, но оказывается достаточным для установления хронологических границ открытой части Готского двора. К хорошо датированным находкам следует отнести наконечник копья XIV в.[17], наконечник стрелы XIII—XIV вв.[18], три обломка ключей XIV—XV вв., шесть ключей, распространенных с середины XIV в. до середины XV в., один ключ XIII—XIV вв.[19]

---

[16] П. И. Засурцев. Каменные гражданские постройки XV в. в Новгороде. Новое в археологии. Сборник к 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972, стр. 263.

[17] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 129.

[18] Там же, стр. 168, 170.

[19] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, стр. 87.

Кроме того, среди коллекций вещей Готского раскопа имеется целая группа предметов, резко выделяющихся не только из общего числа находок данного раскопа, но из всех предметов, найденных при раскопках Новгорода. Поиски аналогий, атрибуция некоторых из этих вещей продолжаются, но многие из них уже сейчас исследованы и помогают при определении хронологии данного участка. К таким предметам в первую очередь относятся многочисленные фрагменты керамики особого типа, ранее практически в Новгороде не встречавшейся. Это серая, хорошо отмученная керамика с характерными полосами на туловище и защипами на донце (рис. 3). Подобная керамика получила широкое распространение в городах северной Германии и относится к XIV—XVI вв. [20].

Рис. 3. Фрагмент керамики

Найдены 26 клепок бондарных чашечек, встречавшихся прежде в единичных экземплярах(рис. 4). Такие чашечки часто встречаются при раскопках средневековых городов Германии и слоях XIII—XIV вв. В Любеке их найдено более 100 [21].

Обнаружена часть круглой ампулы из биллона диаметром 5 *см*, в центре ее изображен всадник с птицей в руках и каким-то зверьком у ног лошади. Композиция окаймлена орнаментом из лилий (рис. 5). Изображение на ампуле не вполне четкое, так как предмет пострадал в зна-

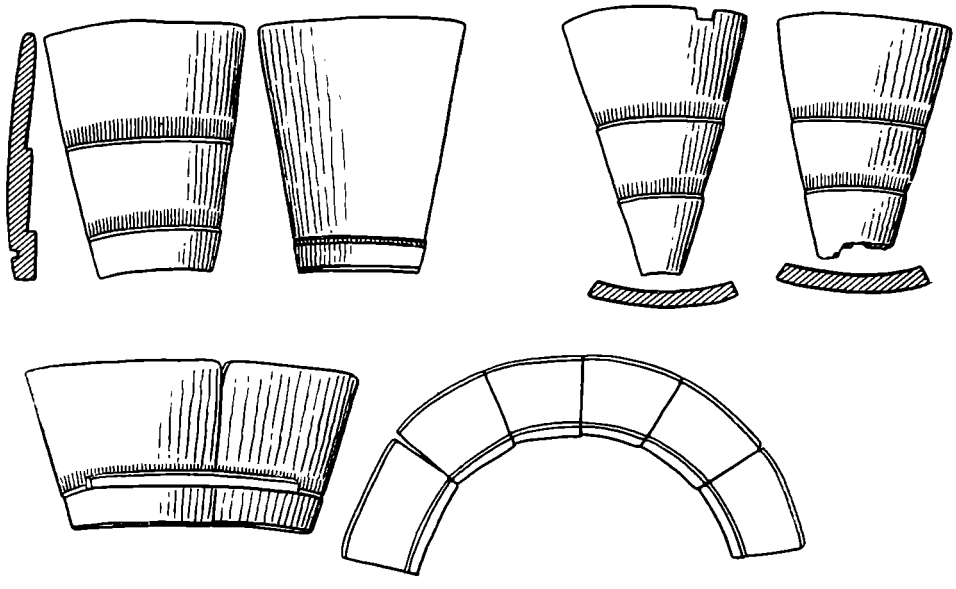


Рис. 4. Клепки деревянные

чительной мере от пожара, однако изыскания, проведенные А. В. Рындиной, убедительно показали его западно-европейский характер и позволили датировать эту находку XV в. [22]

[20] Аналогии этой керамики нам любезно указала Г. П. Смирнова. H. W. Mechelk. Mittelalterliche keramik aus dem Stadtkeern Dresden. Berlin, 1967, стр. 49. Studien zur mittelalterlichen Keramik von Konrad Strauß. Leipzig, 1923, стр. 13.

[21] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, М., 1968, стр. 28.

[22] Определение А. В. Рындиной (Ин-т истории искусств).

Представляют интерес плоские прямоугольные деревянные пластинки с различными знаками геометрического характера и подобные знаки на мисках, днищах бочек (рис. 6). Такие знаки и прежде встречались на деревянных предметах, найденных при раскопках в Новгороде, чаще всего на днищах дубовых бочек, относящихся к XIV—XV вв.[23] Б. А. Колчин, издавший их в своем выпуске свода, считает эти знаки аналогичными бортным знакам[24]. Однако, на наш взгляд, сходство между этими двумя

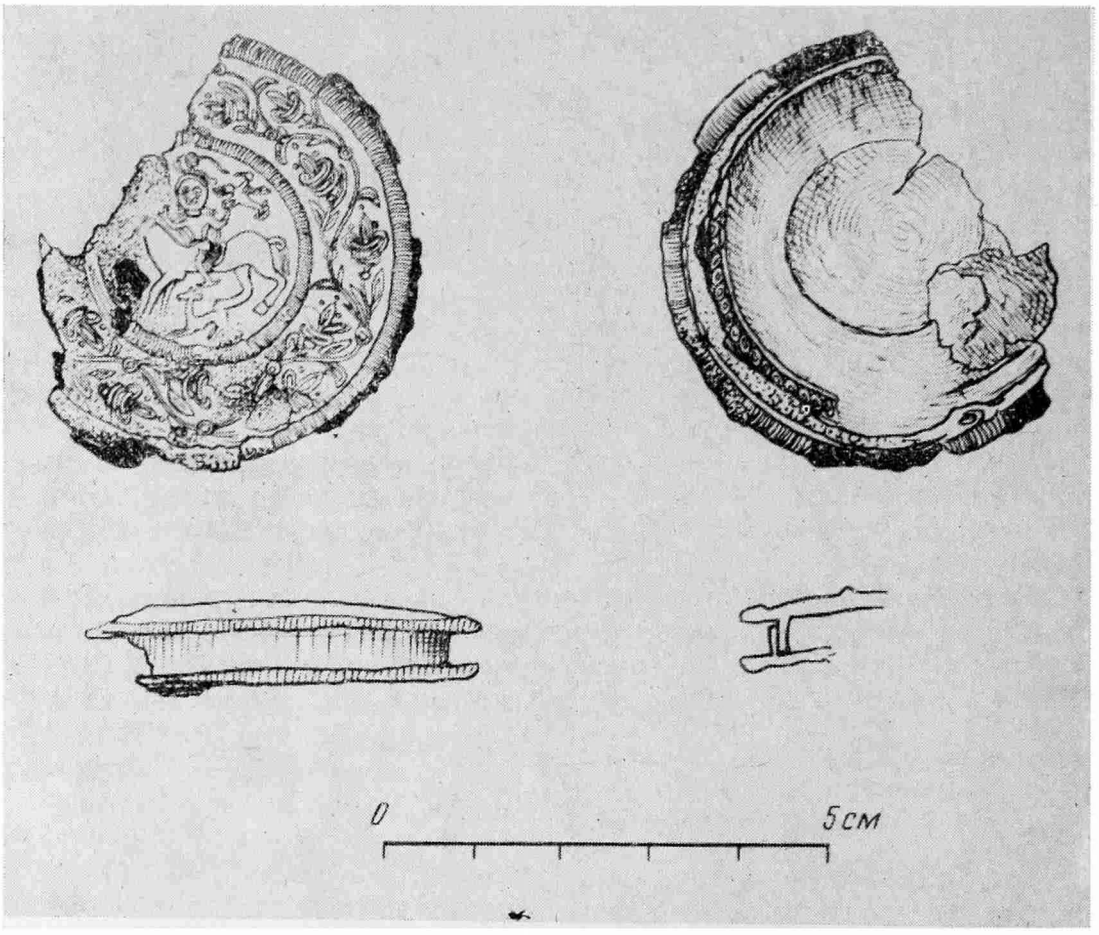


Рис. 5. «Ампула» с изображением всадника

группами знаков отсутствует. Если бортные знаки еще можно отождествить с каким-либо реальным предметом или животным, отчего они и получили свое название (соха, орик, мотовило, белка и т. д.), то наша группа знаков с Готского и других раскопов Новгорода никак не может быть увязана с какими-либо реальными предметами или существами. Аналогии знакам с Готского раскопа и прежним знакам геометрического характера были найдены среди гербов и печатей Ревельского архива[25]. Скорее всего можно предположить связь наших знаков со знаками собственности, распространенными в средневековой Германии, так как среди древнерусских знаков и клейм бытует иная система. Значительное число предметов с такими знаками на Готском раскопе вполне закономерно, а наличие находок с подобными знаками на других участках Новгорода свидетельствует о немецком импорте.

Сенсационной стала находка на Готском раскопе бересты с первым латинским текстом. Это не берестяная грамота, как таковая, а часть уже

[23] Б. А. Колчин. Новгородские древности, стр. 26, 31.

[24] Г. Н. Анпилогов. Бортные знамена как исторический источник. СА, 1964, 4, стр. 167.

[25] E. Nottbeck. Siegel aus den Revaler Rathsarchiv nebst Sammlung von Wappen der Revaler Rathsfamilien. Lübeck, 1880.

отслужившего берестяного сосуда, на котором иноземец упражнялся в письме на бересте. Надпись состоит из пяти строк, сделана уверенной рукой; хорошо видно, что писавший знаком с техникой письма на бересте. Палеографический анализ букв позволяет отнести эту находку к началу XV в.[26]

Таким образом, перечисленный материал позволяет ограничить хронологические рамки Готского раскопа XIV—XV вв. Хронологические границы вещей подтверждают и остатки каменной башни, обнаруженной в

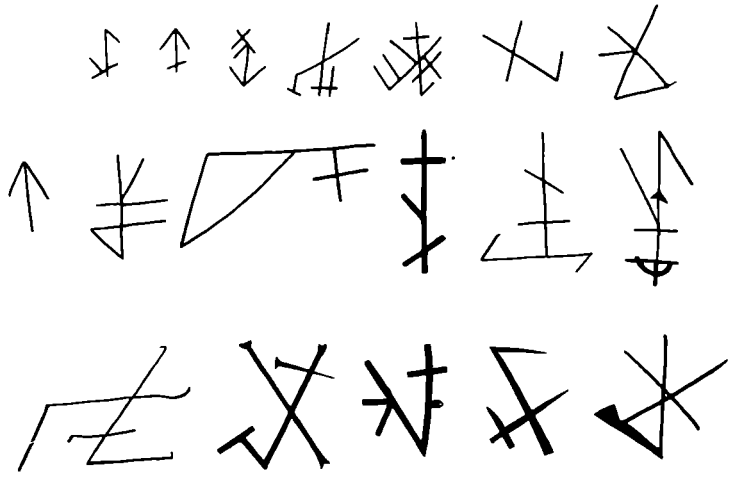


Рис. 6. Знаки на деревянных предметах

1969 г. По мнению Г. М. Штендера, кирпичи этой постройки относятся к XIV в., а точнее, ко времени не ранее 1370 г. Группа импортных предметов, тяготеющая по своему характеру к районам Прибалтики и Германии, позволяет считать данный участок освоенным Готским двором уже в период немецкого господства. Здесь не было найдено ни одного предмета, непосредственно связанного с Готландом; кроме того, весь комплекс сооружений и находок тяготеет к XIV—XV вв., т. е. ко времени, когда Готский двор переходит во владение немецких купцов.

Как уже отмечалось, построенное здание гостиницы заняло исследованную площадь, т. е. окраину двора. Есть надежда в будущем произвести раскопки и основной части впервые открытого иноземного двора.

E. A. Rybina

FOUILLES DE L'HÔTEL DE GOTTLAND À NOVGOROD

Résumé

L'article est consacré aux fouilles de l'Hôtel de Gottland à Novgorod en 1968—1970. Y sont relatées les indications écrites sur la disposition des Hôtels étrangers — l'Hôtel de Gottland et l'Hôtel Allemand — et l'histoire abrégée des relations commérciales de Novgorod avec le Gottland et Lubek. L'Hôtel de Gottland se trouvait sur une rive de Volkhov du côté sud de la Cour de Iaroslav (Iaroslavovo Dvoritché) (fig. 1). Aux cours des fouilles on a procédé aux études des cages en bois qui servaient de greniers et d'une batisse en pierre leur adjacente (fig. 2) qui servait de tour de guet en même temps que d'entrepôt des marchandises. Les fouilles ont fourni tout une collection d'objets qui se distinguent nettement des autres trouvailles provenant de Novgorod. Elle comprend de nombreux échantillons de poterie de type particulier (fig. 3) qui se trouvent les analogies en Allemagne septentrionale, des douelles pour de petites coupes de douvrier (fig. 4), certains objets métalliques (fig. 5), objets en bois aux signes géométriques (fig. 6), échecs en os, épître sur écorce de bouleau avec le texte latin. L'attribution du terrain en question aux XIV—XV siècles et tout un groupe de marchandises importées dont les particularités tiennent des régions de l'Allemagne et des Pays Baltes permettent de penser que l'implantation de l'Hôtel de Gottland a eu lieu avant que les Allemands s'y sont imposés.

[26] См. статью Д. А. Дрбоглава в этом номере журнала.

Д. А. ДРБОГЛАВ

ЛАТИНСКАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК

В августе 1970 г. Новгородской археологической экспедицией при раскопках на месте Готского двора на Торговой стороне была сделана важная находка: в перемешанных культурных слоях XIV — XV вв. вместе со многими другими предметами иноземного происхождения была обнаружена первая в Новгороде берестяная грамота на латинском языке (№ 488)[1] (рис. 1). Ее нашел сотрудник экспедиции Н. П. Пахомов в процессе тщательной проверки большого числа обрывков бересты.

Значение этой находки трудно переоценить. Как известно, А. В. Арциховский неоднократно высказывал мысль о вероятном расширении ареала находок берестяных грамот как на территории СССР, так и за рубежом[2]. Тем самым он выразил уверенность в том, что в ходе дальнейших раскопок должны быть найдены иноязычные грамоты.

В последние годы кроме Новгорода берестяные грамоты были найдены в Старой Руссе, Пскове, Смоленске, Витебске. Находка латинской бересты — новое подтверждение замечательного научного предвидения.

Для исследователей истории западного средневековья это событие является фактом первостепенной важности. Перед медиевистикой отныне открывается перспектива получения новых источников, могущих дать принципиально новое освещение многих важнейших проблем истории западного средневековья.

Об использовании бересты как материала письма в эпоху средневековья в странах латинского алфавита было известно и прежде: берестяная грамота 1570 г. на немецком языке хранилась в Таллине, шведская берестяная грамота XV в. на латинском языке сравнительно недавно найдена в Упсальской библиотеке. Обе упомянутые грамоты были выполнены чернилами[3].

Как и почти все русские берестяные грамоты[4], латинская береста № 488 имеет процарапанный текст. Известно, что лишь эта техника письма могла надежно обеспечить сохранность написанного на мягком мате-

---

[1] Грамота, включенная в общую нумерацию найденных в Новгороде берестяных грамот, является вторым образцом латинского письма, обнаруженным в этом городе: в 1951 г. из слоев XII в. была извлечена медная пластинка с надписью, выполненной в маюскульном шрифте. См. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953, стр. 47, 62. Отдаленность эпохи, которой датируется эта пластинка, и иной характер ее материала определили то, что в этих двух образцах письма нет никаких существенных черт, позволяющих проводить их сравнения.

[2] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 10.

[3] Там же, стр. 9—10. См. также: В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1965, стр. 27, 182.

[4] Чернилами были выполнены только две грамоты.

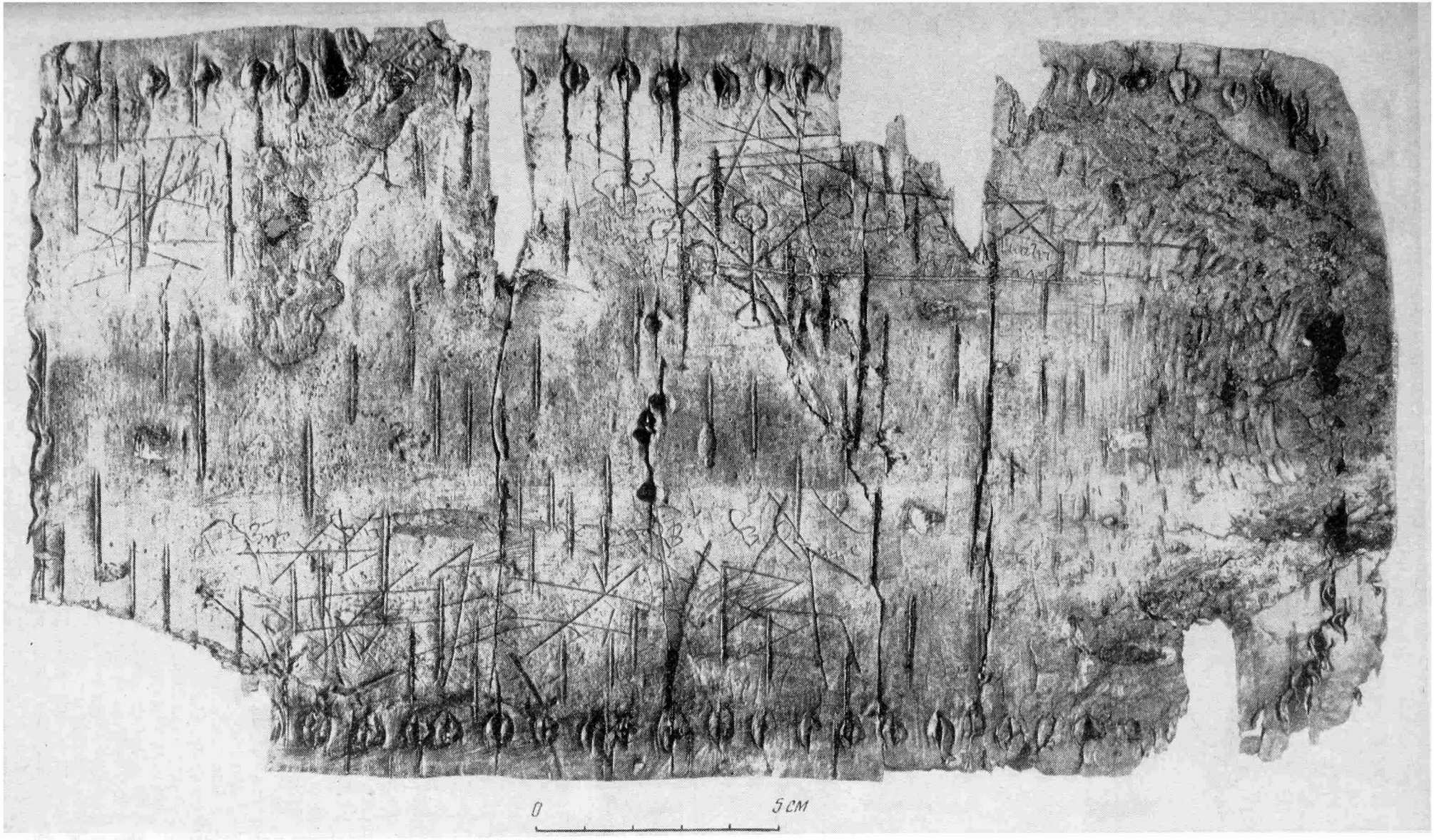


Рис. 1. Грамота № 488

риале, каковым является береста, в течение столетий [5]. Довольно большой кусок бересты, на котором нанесен текст грамоты (27×15 *см*), служил частью туеса: следы старых швов хорошо видны по всем краям бересты. Текст грамоты написан мелким готическим обиходным курсивом и занимает пять основных неровных строк. Между второй и третьей заметны еще слова. Третья строка очень короткая. Четвертая строка выполнена

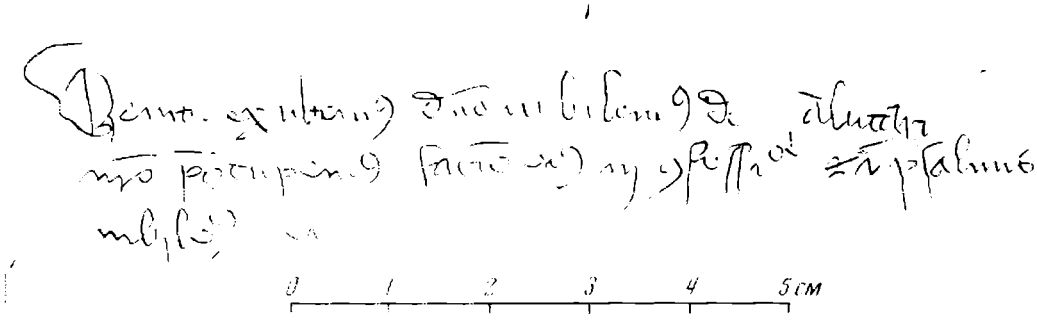


Рис. 2. Грамота № 488, прорись первых трех строк

Примечания к прориси. Прилагаемая к статье прорись (рис. 2) требует небольших примечаний, касающихся техники прочтения грамоты, поскольку в результате повреждений, испытанных берестой № 488, некоторые формы оказались искаженными, а от других остались контуры, воспринимаемые лишь приблизительно. 1-я строка: venite — остатки контура второго «е» устанавливаются через микроскоп; deo — следы контура «о» обнаруживаются лишь в подлиннике. 2-я строка: confessione — надписные «ое» в конце слова устанавливаются через микроскоп, оси у сдвоенного «s» внизу изгибаются, так как последующее проведение жирной линии под второй строкой сдвинуло в ряде мест берестяные волокна несколько вправо; psalmis — оси у «р» и «s» как бы ломаются из-за проведения той же жирной линии.

с большим интервалом по отношению к третьей, а пятая — со значительным интервалом по отношению к четвертой. Пятую строку только условно можно считать таковой по порядку, так как ее текст оказывается перевернутым. Высота основного корпуса букв, т. е. если исходить из высоты буквы без выносных, чаще около $1^1/_2$ *мл.* (рис. 2).

Употребление для письма такого предмета, как часть туеса, наводит на мысль о том, что в данном случае иноземец, как это делали и местные жители [6], брал бересту для каких-то черновых записей. Подобное соображение, правда, не исключает и другой возможности: текст был нанесен для туеса или, по крайней мере, на нем. Это отчасти подтверждается тем, что средняя часть грамоты осталась свободной не только от письма, но и от всевозможных перекрещивающихся линий, которые занимают большую часть площади верха и низа берестяной полосы [7] и были выполнены после нанесения текста [8]. Не о том ли говорит и перевернутая пятая строка? Ведь ее могли так написать, чтобы она воспринималась выполненной как бы по кругу по отношению к первым трем строкам, расположенным в верхней части берестяной полосы. Подобное выполнение пятой строки могло быть обусловлено отчасти технической необходимостью: в случае нанесения текста на туесе писавший ощущал потребность иметь

[5] Преимущества этой техники были осознаны уже в очень давние времена. Большую сохранность именно процарапанного текста несомненно и имеет в виду шведский автор XVI в. Олаус Магнус, делая замечание о том, что ни дождь, ни снег не портили берестяные письма. А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 9—10.

[6] Там же, стр. 49 сл.

[7] Заполнить среднюю часть могла помешать проходившая по ней и укреплявшая туес полоса. Однако, как показывает пример грамоты № 199 (там же, стр. 49—50), укрепительные полосы также могли использоваться для письма.

[8] Последнее заключение уже можно сделать на основании того, что в ряде мест кресты значительно повреждают текст (например, в конце второй строки). Использование бинокулярного микроскопа позволяет очень просто убедиться в правильности этого заключения: каждое последующее процарапывание отодвигает какую-то часть берестяных волокон на борозды, проведенные стилем прежде. Это же явление позволяет через микроскоп точно устанавливать в ряде случаев дукт букв, т. е. последовательность выведения составляющих их штрихов.

для руки какую-то опору, и поэтому при выписывании букв вдоль нижнего края листа ему нужно было повернуть его вверх ногами. Наконец, хороший стиль письма первых трех строк, о чем будет сказано ниже, также свидетельствует об органической его связи с тем предметом, на котором выполнена грамота. Как показывает пример грамоты № 10, желание порой украсить туес какой-нибудь надписью видно и у местных жителей [9].

Несмотря на большие повреждения листа бересты, они, к счастью, сравнительно мало затронули текст.

Чтение первых трех строк и палеографические особенности этой части текста

Первые три строки — § 1—2 94-го псалма (по другому делению — 95 псалма) из Ветхого завета. Чтение этих строк позволяет дать следующую транскрипцию:

1-я строка Venit[e], exultem (us) d(omi)no, iubilem(us) de[o s]alutari

2-я строка n(ost)ro, p(rae)ocupem(us) facie(m) ei(us) in (con)fessi-[(one)] (et) i(n) psalmis

3-я строка iubile[(mus)] ei [10].

Расхождение приведенного отрывка с текстом Библии оказывается ничтожным: форма глагола praeoccupare имеет в средневековой грамоте «с» без удвоения [11].

Ниже рассматриваются особенности письма приведенных строк. Детальное выявление различных приемов графики, изучение ее закономерностей помогут подойти как к пониманию поврежденных форм, так и к расшифровке остальных двух строк, представляющих большие трудности для прочтения. Вместе с тем выяснение палеографических особенностей подведет и к решению вопроса о времени составления грамоты.

Прежде всего проследим в алфавитном порядке буквенные формы. Учет специфики их построения и дукта [12] может особенно много дать для решения поставленных задач.

a — в основе его написания, по-видимому, лежит единый принцип, который особенно хорошо выявляется при рассмотрении этой буквы в слове faciem: большое закругление и косой штрих почти одной вышины. Кроме высоко поднимающегося правого элемента этой формы в лигатуре ta (см.: salutari) следует еще учесть плохо заметную особенность «а» в слове psalmis: косой штрих пересекает вверху линию, образующую закругление. Сравнение всех случаев употребления «а» убеждает в том, что в этой форме правый элемент выписывается после закругления.

b — очень приближается по форме к «l», но чуть более коренастое, и, что самое существенное, в нем чувствуется стремление выполнить нижнее закругление: оно оказывается почти полным в третьей строке. Волос-

---

[9] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 36—37.

[10] В круглых скобках заключены буквы, переданные знаками сокращений, в квадратных — формы, которые особенно сильно повреждены. Пунктуация — автора статьи.

[11] Чтение грамоты сверено с изданием The triglot Bible. London, 1890, I (см. псалом 95). Псалом в средневековье носил наименование psalmus invitatorius, см. Du Cange. Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Niort 1886, VI (ita appellatur, ...quod populum ad laudem Dei invitet «получил такое наименование, ...так как в нем призывают народ воздать славу богу»). Если использовать в основном текст русской псалтыри времени Петра I, то, отказавшись от ряда архаичных выражений, можно дать следующий перевод: «Придите, возрадуемся господу, воскликнем богу, спасителю нашему, предстанем лицу его во исповедании и во псалмах воскликнем ему».

[12] О значении изучения дукта как одного из технических приемов писца см. А. Д. Люблинская. Латинская палеография. М., 1969, стр. 12. О значении других технических приемов см. там же. Незначительные размеры текста, как в данном случае, настоятельно требуют расширения методики палеографического исследования. Очень важным представляется учет натуральной величины форм, а также относительного их размера, т. е. пропорциональности, и положения в строке

ная часть верхнего закругления, как видно в первой строке, может быть почти незаметной.

c — употреблено оба раза в показательной форме, позволяющей относить письмо к концу XIII—XV вв.; оно строится из сочетания нижней дуги и верхнего горизонтального или чуть прогибающегося покрытия, причем особенно в первом случае сближается с формой «t». Прослеженная последовательность лигирования элементов этой буквы убеждает в том, что сначала выводится дуга, а затем покрытие.

d — употреблено оба раза в традиционной для XIV—XV вв. форме, т. е. имеющей петлю с росчерком вправо; особенность первого «d» состоит в том, что продолжение петли служит знаком сокращения.

e — все случаи его употребления можно разделить на три варианта: 1) дуга дополняется короткой с нажимом в виде точки черточкой, как бы символизирующей глазок (второе «e» в слове exultemus, iubilemus в первой строке); в слове venite (первое «e») еще и та особенность, что черточка совсем оторвалась от дуги; 2) дуга легла на нижнюю линейку [13], а нажим в виде точки над ней — на высоте верхней линейки (deo — хотя буква повреждена, ее контур довольно отчетлив; praeocupemus; ei); 3) черточка путем волосного штриха лигирует или с правым концом дуги, как в словах faciem, eius, confessione, iubilemus в третьей строке, или со следующей буквой (первая буква в слове exultemus). Волосные штрихи, как и в других случаях, могут практически пропадать.

f — традиционная форма, резко отличается от обычного для минускула «s» горизонтальным языком.

i — как всегда, наблюдается трудность выделения этой буквы из частокола одинаковых вертикалей, в котором сливаются одновременно другие буквы, особенно «n» и «u—v». Трудность эта в данном источнике усугубляется тем, что над «i» не употребляется никакого знака [14].

По-видимому, особенности письма на бересте, в частности его техника, исключали, как правило, употребление мелких знаков [15]: их было трудно выполнять, к тому же на бересте они плохо заметны. Частокол, таким образом, получает свое раскрытие только при учете контекста. Наиболее трудные случаи: три вертикали образуют группу, которая служит для обозначения «ni» (venite), «iu» (iubilemus в третьей строке) и «m»; в слове psalmis частокол из четырех вертикалей. Более специфично «i» в слиянии с «b» (iubilemus в третьей строке), так как вертикаль спускается за нижнюю линейку; но волосной, который должен их соединять, пропадает.

l — устойчивая, снабженная петлей форма, ее отличие от «b» уже отмечено.

m — см. характеристику буквы «i».

n — обычная трудность этой формы, как и «u — v», становится понятной также из характеристики буквы «i». Очень существенной в данном источнике, однако, представляется наблюдаемая у «n» та особенность, что переход от соединительной линии ко второй вертикали осуществляется путем более или менее заметного скругления (domino, nostro, in), причем исключение дает форма в слове venite.

o — более или менее ломаная форма, может лигировать с предшествующей буквой (nostro), но может оставаться и совсем свободной (praeocupemus).

---

[13] Имеются в виду линейки, в которые мысленно можно заключить основной корпус букв минускульного письма, каковым является готический шрифт.

[14] Весь лист бересты, правда, имеет разные изъяны, и их происхождение иногда трудно определить. Так обстоит дело и с точкой, стоящей над venite: не является ли это все же единственным случаем употребления точки над «i»? На прориси она не показана, так как ее происхождение все же не совсем ясно.

[15] Их почти нет и в русском письме на бересте. Не случайно также грамота № 488 нигде не обнаруживает следов пунктуации.

p — обычная форма, закругление сжато, в слове psalmis плохо заметно.

r — обычная форма в двух близких друг к другу вариантах: 1) правое плечо как бы слегка отрывается от оси через волосной штрих (salutari), 2) два почти одинаковых плеча вместе с короткой осью составляют галку.

s — употребляется в двух совсем разных формах: 1) чаще обычная для минускула, отличающаяся от «f» отсутствием языка; 2) последняя буква второй строки — «s», которое напоминает русское курсивное «в». Это конечное «s» также оказывается важным для датировки письма концом XIII—XVвв. Дукт второй формы: сначала выводится нижнее закругление, затем отдельно — верхнее.

t — дает замечательный подбор двух форм, которые показывают путь перехода от традиционного для минускула «t» к форме нового времени, закрепившейся в основном в начале XV в., хотя она уже заметна во многих рукописях предшествующего периода: 1) вертикаль совсем не поднимается над горизонталью (salutari), причем в данном случае форма усложнена лигированием с «a»; 2) вертикаль уже заметно поднимается над горизонталью (это касается остальных двух случаев употребления этой буквы). Горизонталь выводится всегда после вертикали.

u—v — если буква умещается в пределах линеек, то она состоит из двух вертикалей и может: 1) не отличаться от «n» (ср. venite и iubilemus в третьей строке), 2) распадаться на две почти не связанные друг с другом вертикали (iubilemus в первой строке), 3) в трех случаях из пяти обнаруживается та закономерность, что второй элемент оказывается несколько меньше первого (exultemus, salutari, praeocupemus). Чуть заметное скругление при переходе от соединительного штриха ко второй вертикали заметно лишь в слове iubilemus (третья строка). Совсем другого характера эта буква, когда она в увеличенном размере и выступает как инициал к первым трем строкам: вся буква отваливается влево, левая ее часть — слегка волнистая линия, правая — несколько меньших размеров линия, которая ломается; внутренняя вертикаль образует с верхней частью правой линии этой буквы как бы капитальное «d»; обе части инициала выводятся сверху вниз.

x — один раз употреблена в первой строке, сохраняет свой традиционный вид. Оба штриха выводятся сверху вниз, причем сначала штрих от левого угла.

Ни разу в тексте первых трех строк не употреблены g, h, k, q, y, z.

Грамота № 488 изобилует сокращениями, что вообще показательно для готического письма. Они не отличаются сложностью, хотя способы их разнообразны.

В случае обрыва слов выпадают или «m» и «n» (обозначаются через прямую черту), или «us» (обозначается через специальный знак, близкий к арабской девятке, у которой закругление выше верхней линейки; в третьей строке этот знак означает сокращение «mus», если не считать, что писавший забыл поставить знак назализации над предшествующей гласной). Все остальные сокращения также элементарны. Встречается два случая простейших контракций (стяжений): 1) как nomen sacrum («священное имя») сокращено d(omi)no, 2) n(ost)ro. Кроме знака, служащего для сокращения «us», есть еще три специальных знака: 1) $\overline{\text{P}}$ = prae в слове praeocupemus, 2) напоминающий арабскую девятку, но более коренастую, чем знак для «us»,— у него закругление умещается в пределах линеек, знак служит для обозначения сочетания «con» (confessione), 3) означающий «et» в варианте, напоминающем арабскую двойку (см.: et in psalmis). Есть один случай надписных букв: confessi (one). Однако вследствие сильного повреждения окончания этого слова надписные «oe» устанавливаются через микроскоп.

Хотя текст дошел до нас в целом в удовлетворительном состоянии,

многие формы оказались сильно поврежденными от нанесения поверх основного текста перекрещивающихся линий, от времени, а также вследствие того, что при раскопках лист бересты до его обнаружения был разрезан на три части. М. Н. Кислов освободил внутренние слои бересты с текстом от внешних, а затем с большой точностью сложил все части.

Особенно были повреждены пять форм и сочетаний, и для их понимания пришлось привлекать контекст в первую очередь: 1) «e» в конце слова venite — от этой буквы осталась часть контура, причем буква примыкает к «t» так же, как в следующем слове, и имеет ту же форму; 2) «o» в слове deo — слой бересты, на котором был выполнен текст, в этом месте сорван, но остался следующий слой с еле заметной отпечаткой контура буквы; кусочек бересты, на котором отпечаталась буква, оказался немного смещенным вправо; 3) «s» в слове salutari — средняя часть изогнутой линии, образующей букву, отрублена, но ее можно почти точно восстановить путем сравнения с аналогичной формой в слове psalmis; 4) специальный знак для «us» в третьей строке (в данном случае, как выше отмечалось, по-видимому, означает «mus») — хотя от него почти ничего не осталось, но по крошечным остаткам нижнего конца и верхнего закругления слева и справа можно, учитывая устойчивость форм этого знака, понять бывшее направление его линии; 5) о повреждении сочетания надписных «oe» в конце слова confessione уже отмечалось.

Что же могут сказать нам прочитанные три строки о человеке, их написавшем? Он явно не был новичком в деле письма на бересте: буквы выводятся уверенно, четко, лигатуры осуществляются довольно полно. Не заметно, чтобы трудности выведения сложных линий на этом материале заставляли его прибегать к излишним сокращениям. Наоборот, используя дешевую бересту и не заботясь о необходимости экономить дорогостоящий пергамент или бумагу, писавший решил употреблять лишь самые элементарные сокращения, которые легко разрешаются при чтении.

Применяя их, писавший мог руководствоваться кроме традиции еще стремлением экономить свое время.

О хорошей выучке исполнителя текста говорит культура письма: все слова отделены друг от друга промежутками, даже предлог «in» (см. конец второй строки), который по традиции и позднее писали слитно со следующим словом, отделен там, где писавшему явно не хватало места. Буквы довольно последовательно связаны между собой через лигатуры или соединительные волосные штрихи, хотя материал письма явно не содействовал чрезмерному использованию тех и других. В этой связи очень показательно, что в русском письме на бересте последовательно использовались формы, чуждые курсиву, без лигатур и волосных.

Писавший был не только искусен в технике письма, о чем говорят четкие для курсива формы. Он был для своего времени очень грамотным человеком, и писать ему приходилось, вероятно, много. В трех строках им сделана лишь одна морфологическая ошибка (в глаголе praeoccupare «c» дано без удвоения), обычная для эпохи, которая предшествовала распространению гуманизма по странам Европы и основательному изучению латинского языка.

В заключение характеристики палеографических особенностей первых трех строк грамоты следует подчеркнуть, что изучение и чтение латинского письма на бересте в случае дальнейших находок его образцов может открыть как бы особую страницу в латинской палеографии. Это касается не только вероятного открытия новых особенностей в приемах графики, но и технической организации чтения текста. Если при изучении письма на других видах мягкого материала не всегда требуется большое увеличение при чтении, то в данном случае увеличение с помощью бинокулярного микроскопа и макросъемки представляется, как убедился на опыте автор данной статьи, необходимым. Использование этой более совершенной техники требует необходимость не только более точного по-

нимания испорченных мест исторического документа, но и правильного выделения из хаоса случайных штрихов, которыми буквально покрыт лист бересты, волосных линий и знаков сокращений. Кроме того, свойства бересты, позволяющие через микроскоп легко определить текст, который был выполнен сверху первоначального, дают возможность столь же просто устанавливать дукт палеографических форм [16]. Таким образом, они дают в руки важный ключ к пониманию загадок графики. Однако в тех случаях, когда от палеографических форм остаются едва различимые остатки контуров, при использовании любого увеличения эти контуры, как видно на примере буквы «о» в слове deo, как бы рассеиваются, и в этом случае употребление техники может привести к обратным результатам. Итак, одним из залогов успешного чтения письма на бересте является применение комбинированного метода, т. е. использование подлинной грамоты наряду с различными видами ее увеличения.

Вопрос о датировке грамоты

Предпринимая попытку установить примерные хронологические рамки, в которые могла быть составлена грамота, необходимо отдавать себе отчет, что рамки эти заведомо не могут быть узкими. На пути решения этого вопроса исследователя всегда ожидают значительные трудности. Как известно, развитие графики происходило в разных по уровню культуры областях с различной быстротой. Выбор стиля письма зависел порой от воли того или иного писца [17]. Отсутствие данных относительно области или страны, с которыми был связан писавший (а именно так отчасти обстоит дело с нашим документом [18]), еще более затрудняет задачу, ибо оказывается невозможным использовать сведения об уровне развития графики в соответствующих регионах Европы. Нельзя забывать и о том, что изучение готического курсива времени его расцвета (XIV—XV вв.) и соответственно обиходного письма в науке едва начато [19]. И все же, хотя обиходные почерки этой эпохи отличаются большой индивидуальностью, то обстоятельство, что в их основе лежит более единая графика книжного и канцелярского письма [20], позволяет подойти к решению вопроса о датировке грамоты. Естественно, чем больше будет привлечено данных графики, тем убедительнее станет заключение о времени составления изучаемого документа, причем в качестве аргументов может быть использовано не только наличие каких-либо палеографических признаков, но и их отсутствие.

Решать поставленную задачу начнем, исходя прежде всего из тех наблюдений, которые можно сделать, оценивая общий характер письма. Уже беглое ознакомление с манерой выполнения форм убеждает в том, что перед нами образец письма с довольно развитым использованием всевозможных петель и закруглений; они употреблены почти везде, где их только использовали в века классического применения петель в готическом письме, т. е. в XIV—XV вв. Это касается прежде всего букв b, d, l, конечного s, начального u—v. Но та же тенденция заметна в f, а также в обычном s (см. confessione), хотя в последних формах петли не получили законченного вида. Представление о письме как о шрифте, изобилующем петлями, усиливается вследствие того, что ряд сокращений также выполнен в этой манере и их закругления гармонируют с петлями букв

[16] Таким путем был установлен дукт «s» в виде русского курсивного «в», «t», «х», а также инициала «u—v».

[17] О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. М.—Л., 1936, стр. 149—150.

[18] То, что писавший был, по-видимому, связан с Готским двором, еще не позволяет делать безусловный вывод о его немецком происхождении, хотя это представляется наиболее вероятным.

[19] А. Д. Люблинская. Ук. соч., стр. 131.

[20] Там же, стр. 132.

(см. сокращения «us», «con» и «et»). Такое последовательное использование петель, важного приема курсивизации готики, не позволяет датировать грамоту ранее, чем XIV в., и скорее убеждает в том, что с ее письмом мы должны далеко уйти от начала классического времени петель.

Другую группу палеографических признаков, важных для установления хронологии, дает анализ основного принципа построения букв. Выше было сказано о наличии двух форм, дающих хронологические рамки между концом XIII и XV в.: «c», приближающееся к «t», и конечное «s», напоминающее русское курсивное «в» [21]. Кроме того, в изучаемом письме есть уже признак, который более решительно ведет нас в XV в.: буква «t» принимает конфигурацию, близко приближающуюся к принципу построения новой курсивной формы, в которой ось заметно возвышается над горизонталью. Буква эта почти достигла поворота в своем развитии, в основном относимого к кануну изобретения книгопечатания в середине XV в. С другой стороны, над буквой «i» еще не заметно последовательного использования точки, в то время как ее наличие также могло бы более убедительно свидетельствовать о XV в. как о более вероятной эпохе написания грамоты [22].

Подведем итоги: 1) большая степень развития в письме петель скорее уводит далеко от начала классического периода петель, который приходится на XIV—XV вв.; 2) систематическое уже использование таких надежных для приблизительной датировки форм, как формы «c» и конечного «s» (конец XIII—XV вв.), также говорит о том, что с этим образцом письма мы далеко ушли от времени зарождения этих форм; 3) присутствие такого важного признака готики XV в., как новая форма «t», казалось, может далеко увести в этот век; 4) использование наряду с новой формой «t» его архаического варианта, а также отсутствие, по крайней мере, сколько-нибудь последовательного использования точки над «i» не позволяют давать слишком позднюю датировку. Итак, конец XIV — начало XV в. представляется наиболее вероятным временем составления грамоты № 488 [23].

Автор приносит глубокую благодарность руководителям и сотрудникам Новгородской археологической экспедиции, которые давали ему ценные советы и указания по вопросам, связанным с изложенной темой.

Поскольку исследование текста четвертой и пятой строк грамоты еще не окончено, можно считать преждевременным высказывать какие-либо соображения о чтении и палеографических особенностях остальной части текста.

D. A. Drboglav

ÉPÎTRE LATINE SUR ÉCORCE DE BOULEAU PROVENANT DES FOUILLES DE NOVGOROD

Résumé

La première épître latine sur écorce de bouleau trouvée en 1970 par la mission archéologique de Novgorod ouvre au médiévisme les perspectives de l'acquisition des sources historiques importantes. Dans le présent article sont examinées les trois premières lignes (des 5 principales) représentant § 1—2 du 94eme psaume de David. Le texte est

[21] См. о важности этих форм для датировки рукописей: О. А. Добиаш-Рождественская. Ук. соч., стр. 150—153, 155.

[22] Там же, стр. 151, 155.

[23] Не следует, возможно, считать случайностью и специфику сокращения «et» в виде двойки, специфику, которая характерна для XIII—XIV вв. В XV в. этот вариант сокращения «et» приобретает несколько иной вид: см. A. Cappelli. Lexicon abbreviaturarum. Milano, 1961, p. 408.

exécuté en cursive mineure gothique usuelle par la technique de gravure. L'étude approfondie du graphisme aide la compréhension des passages abîmés et sert de support pour le déchiffrement du reste de texte. La lecture de l'épître a exigé l'organisation particulière de la technique de ce travail: l'utilisation de microscope binoculaire et de macrophotographie. Ces procédés ont permis de révéler le graphisme exécuté en superposition sur la graphie initiale et de percevoir l'ordre de tracement des traits constituant une lettre d'un nombre de formes paléographiques. Pourtant les résultats les plus efficaces sont dûs à la méthode combinée: l'utilisation de l'épître authentique en même temps que des agrandissements de toute sorte. La question de la datation de l'épître est, pour l'auteur, en relation directe avec l'étude du graphisme. L'abondance de boucles dans les lettres et les abréviations, les particularités de la construction de nombre de lettres («c», «t», «i» et «s») permettent de rapporter le temps de la rédaction de l'épître à la fin du XIV — début du XV siècles.

С. Е. МИХАЛЬЧЕНКО

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ МАССОВОЙ НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Предметом нашего исследования является неполивная керамика центральных районов Золотой Орды. Для этой керамики характерен кирпично-красный цвет черепка в изломе. Среди золотоордынских гончарных изделий в незначительном количестве встречаются также серые, чернолощенные, коричневые с полосчатым лощением, штампованные и поливные. Вопросы, связанные с этими видами керамики, в статье не рассматриваются.

В археологической литературе массовая неполивная золотоордынская керамика практически не изучена. О происхождении бытовой керамики центральных областей Золотой Орды было высказано два предположения. А. Ю. Якубовский считал, что неполивная керамика золотоордынских городов была распространена в Поволжье еще до прихода монголов и сходна с керамикой Нижнего Дона и Северного Кавказа [1]. Систематические раскопки и разведки Ахтубинского отряда Поволжской археологической экспедиции на основных золотоордынских городищах опровергли часть гипотезы А. Ю. Якубовского: неполивная керамика появляется в Поволжье только в золотоордынский период. Второе предположение было выдвинуто А. П. Смирновым и Г. А. Федоровым-Давыдовым. Эти авторы считали, что по происхождению бытовую золотоордынскую керамику можно связывать с керамикой болгар или алан [2].

Однако оба приведенных предположения были высказаны без какой-либо систематизации существующих форм керамики. Такая работа является первым необходимым этапом на пути к разрешению проблемы происхождения неполивной золотоордынской керамики. Мы ставим перед собой задачу упорядочить огромный керамический материал, накопленный в результате многолетних раскопок и разведок, дать представление об облике неполивной золотоордынской керамики, о распространении той или иной группы сосудов на территории Золотой Орды или за ее пределами, о возможных культурных влияниях, сказавшихся на особенностях исследуемой керамики.

Неполивная керамика кирпично-красного цвета является наиболее многочисленной группой во всей золотоордынской керамике. На Водянском городище она составляет 92,7% всей керамики, На Селитренном городище — 86,4 и на Царевском — 81,2% [3].

---

[1] А. Ю. Якубовский. Хорезм в керамике Сарая. ИГАИМК, 8, 2—3, 1931, стр. 48.

[2] А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. Задачи археологического изучения Золотой Орды. СА, 1959, 4, стр. 131.

[3] В работе привлечены раскопочные материалы с Водянского, Маджарского, Селитренного, Царевского, Увекского городищ, хранящиеся в различных музеях страны. Цифровые данные взяты из научных отчетов и полевых дневников Ахтубинской экспедиции, которая ведет систематические раскопки на Царевском, Водянском и Селитренном городищах. Керамика с Маджарского и Увекского городищ представлена

Микроскопический анализ, которому были подвергнуты 20 типичных фрагментов неполивной золотоордынской керамики, выявил ряд технологических особенностей [4]. Из общего числа рассмотренных фрагментов керамики 11 включают в качестве естественных примесей небольшое количество мелкого песка и известняка, в трех фрагментах зафиксировано значительное количество песка. Два фрагмента керамики содержат шамот и песок. В одном из фрагментов керамики в качестве примесей встречается шамот, песок и бурый известняк.

Черепки сосудов специального назначения имеют свои особенности. Фрагменты сфероконусов содержат кроме примеси песка, иногда шамота, обильные включения известняка, который в данном случае служил плавнем. Этим достигалось спекание черепка сфероконуса, что повышало его прочность. В черепке хума кроме естественных вкраплений известняка обнаружена значительная растительная примесь, которая придает сосуду пористость. Пористость у хумов функционально оправданна, поскольку они предназначались для хранения пищевых запасов. В 12 случаях при подготовке глиняного теста применялась смесь двух глин; одна из глин была высушенной и служила в качестве добавки. Сухая глина естественных примесей не включала.

Все сосуды изготовлены на гончарном круге с использованием спирального налепа и последующего вытягивания. Формовка нескольких сосудов начиналась не с донной части, а с корпуса. Образованная заготовка в этом случае была обращена будущим днищем кверху и имела шаровидное или колпаковидное очертание со скрученной верхней частью. Днища большинства сосудов имеют следы подсыпки золы, песка, шамота, и лишь незначительная часть сосудов хранит следы среза с круга нитью — концентрические круги. Так, на Водянском городище 97% днищ со следами подсыпки, на Селитренном — 82,2 и на Царевском — 88,5%; на остальных днищах сохранились концентрические круги. Поверхность большинства гончарных изделий обтачивалась металлическим ножом, некоторые сосуды обрабатывались тканью или мягкой кожей.

Итак, в процессе формовки сосудов золотоордынские мастера использовали разнообразные приемы, отражающие их навыки. При изготовлении теста ими применялись разные примеси, часто в тесто добавляли сухую глину; отмечено два приема формовки сосудов — с донной части и с корпуса. Подсыпкой при изготовлении сосудов служили зола, песок и шамот. По-разному обрабатывались и поверхность гончарных изделий. Интересно, что у этнически родственных групп, как показали этнографические наблюдения [5], длительное время существует определенная стабильность навыков в системе формовки сосудов. Учитывая, что исследуемая керамика собрана с однородных памятников, относящихся к хронологически узкому отрезку времени (конец XIV — начало XV в), можно сделать вывод, что отмеченная выше пестрота технических навыков свидетельствует о разноэтническом составе золотоордынских гончаров.

Изучаемая керамика имеет высокое качество обжига и обожжена в окислительном пламени, о чем свидетельствует ее кирпично-красный цвет. Широкое распространение золотоордынской керамики по Нижнему и Среднему Поволжью и Северному Кавказу объясняется большим рыночным спросом на производимые гончарные изделия. Одним из последствий рыночного спроса на керамическую продукцию можно считать резкое сокращение количества используемых орнаментальных мотивов, а также от-

---

в музеях в виде подъемного материала, который не отражает ее действительного процентного соотношения.

[4] Анализ сделан А. А. Бобринским в лаборатории ИА АН СССР. Пользуюсь случаем принести благодарность А. А. Бобринскому за оказанную помощь и ценные замечания.

[5] А. А. Бобринский. Проблемы изучения черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 20.

сутствие орнамента на значительной части гончарных изделий. Орнамент, как правило, располагается зонами в верхней части сосуда. В керамике Селитренного городища 84% неорнаментированных стенок и венчиков, на Водянском городище — 40,5%. Эти данные подтверждают мысль о влиянии рыночного спроса на орнаментику изготовляемых сосудов. Более крупный город Сарай Бату (Селитренное городище) производит значительно меньше орнаментированной керамики, чем провинциальный городок Бельджамен (?) (Водянское городище).

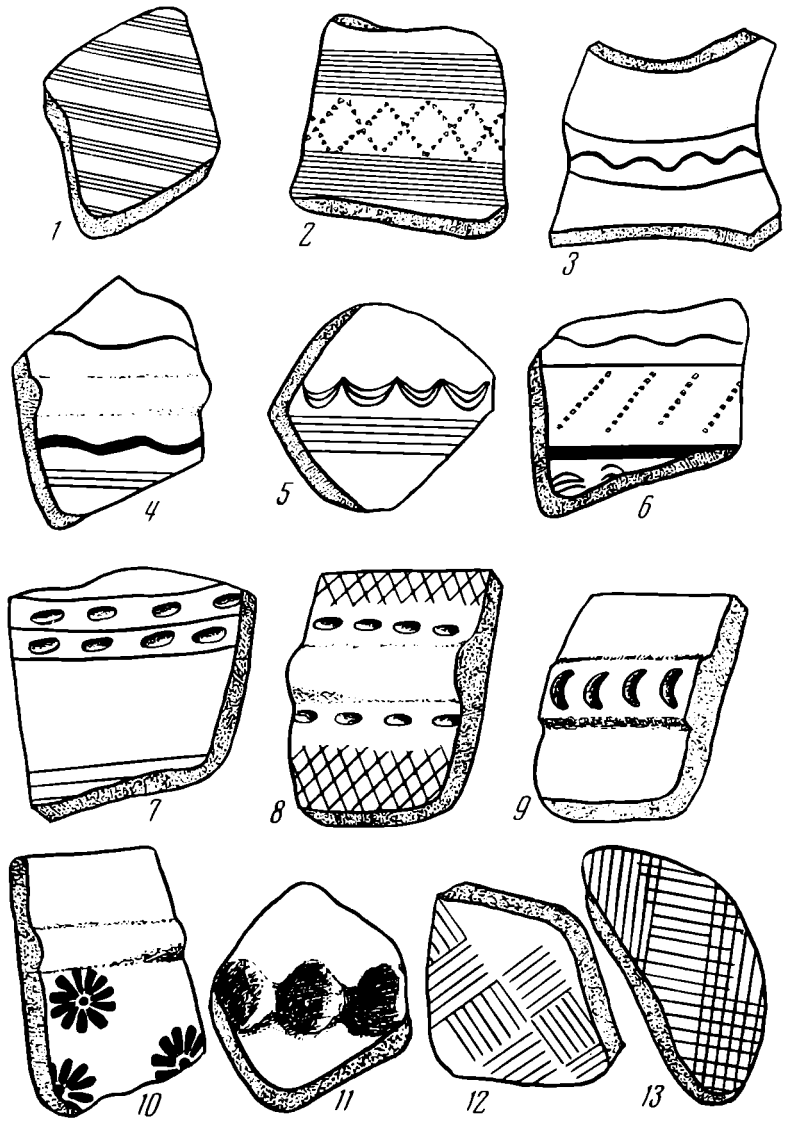


Рис. 1. Виды орнамента

На сосудах золотоордынских городов Поволжья встречается несколько орнаментальных мотивов, основные из них линейный, волнистый, зубчатый, налепной валик и палочковые вдавления. Чаще всего эти виды орнамента сочетаются в различных комбинациях (рис. 1). В единичных случаях встречается орнамент, представляющий собой ряды прямых прочерченных линий, горизонтальных и вертикальных, образующих квадраты, расположенные по отношению друг к другу в шахматном порядке (рис. 1, *12*, *13*). Подобный орнамент встречается на керамике болгарского городища Сувар[6]; орнамент в виде налепного валика, украшенного пальцевыми вдавлениями (рис. 1, *11*), встречается среди гончарных изделий Хо-

[6] А. П. Смирнов, Сувар. Итоги раскопок 1933—1937 гг. М., 1941, стр. 161.

резма в XII—XIV вв. Особенно часто им украшались хумы и хумчи [7]. В золотоордынской керамике этот орнамент встречается на фрагментах толстостенных сосудов. Иногда налепной валик украшался ногтевыми вдавлениями (рис. 1, *9*). На Водянском городище несколько раз встречался валик в сочетании с солнцеобразными розетками (рис. 1, *10*). Однако наибольшее распространение имеет линейный орнамент в различных комбинациях: 50,6% на Водянском городище и 11,2% на Селитренном. При этом превалирует орнамент из параллельных рядов прочерченных горизонтальных линий (рис. 1, *1*) (40,1% на Водянском городище и 8,6% на Селитренном). Этот орнамент наносился широким и узким резцом в несколько параллельных рядов. Такой способ орнаментации часто встречается на керамике домонгольского времени в Болгарах [8]. Меньшее распространение имеет линейно-волнистый орнамент (рис. 1, *5*, *6*) (6,1% на Водянском городище и 2,7% на Селитренном). Встречается орнамент в виде налепного валика, заключенного между двумя волнистыми линиями (рис. 1, *4*); (0,1% на Водянском городище и 1,4% на Селитренном). Этот мотив весьма характерен для керамики средневековых алан [9]. В материалах северокавказского золотоордынского города Маджара такой валик встречается часто, что свидетельствует об аланском происхождении этого орнаментального мотива. Зубчатый орнамент, встречаемость которого ниже 1%, обычно располагается по венчику сосуда и непосредственно под ним в виде ряда косых параллельных линий или ряда пересекающихся линий (рис. 1, *2*, *6*). Этот мотив был распространен у средневековых алан и у болгар [10]. Очевидно, в керамике Золотой Орды он появился под влиянием двух названных культур. Орнамент в виде овальных ямок встречается редко (рис. 1, *7*, *8*) — 0,4% на Селитренном городище и 0,1 на Водянском. Здесь также чувствуется влияние алан и болгар [11].

Некоторые сосуды украшались ангобом и лощением. На золотоордынских городищах применялись светлый и красный ангобы, но количество ангобированных сосудов незначительно. На Водянском городище 2% ангобированной посуды, на Селитренном — 0,1 и на Царевском — 4,7%. Светлый ангоб употреблялся без лощения, а красный иногда с лощением. Красного ангоба на Водянском городище 1,8%, причем 0,6% с лощением, на Селитренном всего 0,1% краснoангобированной керамики и 0, 09% с лощением, на Царевском — 1,9%, в том числе с лощением 0,5%. Т. А. Хлебникова отмечает наличие в небольшом количестве на болгарской посуде вишневокрасного ангоба в X—XIII вв. [12] Наименьшее количество красноангобированной керамики на наиболее удаленном от Болгар золотоордынском городище — Селитренном указывает на возможное заимствование красного ангоба именно из Болгар.

Полосчатое лощение на керамике золотоордынских городищ Поволжья и Северного Кавказа распределяется довольно неравномерно. Керамика из Маджар и Увека почти вся покрыта полосчатым лощением, на Водянском городище 2,4% лощеной керамики, на Царевском — 1,8, на Селитренном — 0,4%. Известно, что полосчатое лощение присуще керамическому производству алан и болгар, к ним оно перешло от сармат, причем и самый характер лощения остался таким же [13]. Лощение в керамике Золотой Орды появилось под влиянием позднеаланского и болгарского кера-

---

[7] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма. АЭЭ, IV, М., 1959, стр. 326.

[8] А. П. Смирнов. Великие Булгары. М., 1951, стр. 134.

[9] Отчет о работах СКАЭ. 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2320, стр. 200.

[10] Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII в. МИА, 111, М., 1962, рис. 7, *6*; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, рис. 34, *8*.

[11] Там же, рис. 34, *3—6*; Т. А. Хлебникова. Ук. соч., рис. 11, *19—20*.

[12] Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар..., стр. 149.

[13] А. П. Смирнов. Волжские Булгары, стр. 20.

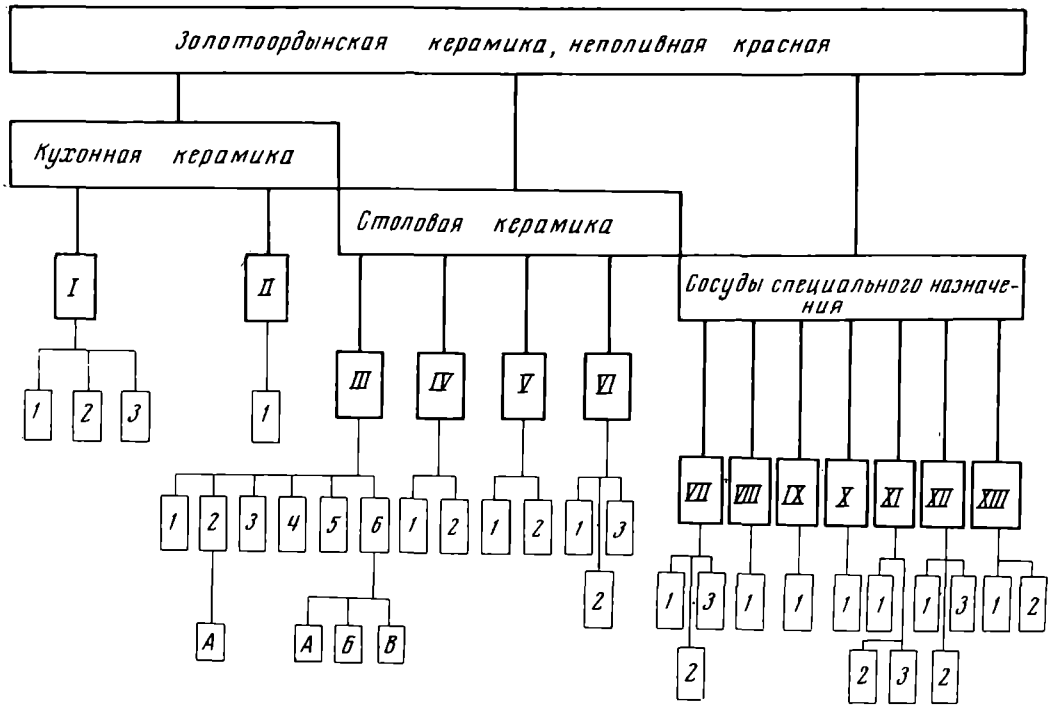


Рис. 2

мического производства, на окраинах (Маджары, Увек) это влияние чувствуется особенно сильно.

Такова общая характеристика массовой неполивной керамики золотоордынских городов. Эта керамика в свою очередь оказала непосредственное воздействие на керамическое ремесло средневекового Хорезма. В Хорезме к XIV в. появляются линейный, зубчатый орнамент и полосчатое лощение [14]. Это свидетельствует о некотором влиянии гончарного дела Золотой Орды на керамическое производство средневекового Хорезма.

Систематизация форм исследуемой керамики произведена по функциональному признаку (рис. 2): кухонная керамика включает в себя две категории — горшкообразных и котлообразных сосудов; столовая керамика четыре категории: кувшины, чаши, тарелки и т. д.; сосуды хозяйственного и специального назначения — семь категорий: хумовидные сосуды, дигирные горшки, светильники, крышки, копилки и т. д. Внутри категорий сосуды подразделены на группы по особенностям форм; некоторые отклонения от групповых признаков (увеличение размеров тулова, сужение или расширение горла увеличение или уменьшение ручек и т. д.) позволили выделить подгруппы внутри групп.

Кухонная керамика

Горшкообразные сосуды (категория I). В этой категории сосуды разбиты на 3 группы по особенностям формы тулова, венчика и по наличию деталей, меняющих облик сосуда: одна или две ручки, появление четырех конических налепов, один из которых является носиком, и т. д.

Группа 1 (рис. 3, *1*). Найдены четыре целые формы. Одноручные сосуды с плавно отогнутым, треугольным в сечении венчиком. Высота тулова немного больше его диаметра. Диаметр дна равен диаметру сосуда по венчику. Дно плоское. Высота сосудов этой группы колеблется от 8 до 17 *см*. В материалах из Верхнего Джулата встречаются горшкообразные сосуды, сходные по размерам и форме [15]. Такие сосуды найдены на золото-

[14] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 326, 327.

[15] Альбом к отчету СКАЭ 1958 г., Архив ИА АН СССР, инв. № Р-1/1818а, стр. 19, рис. 105.

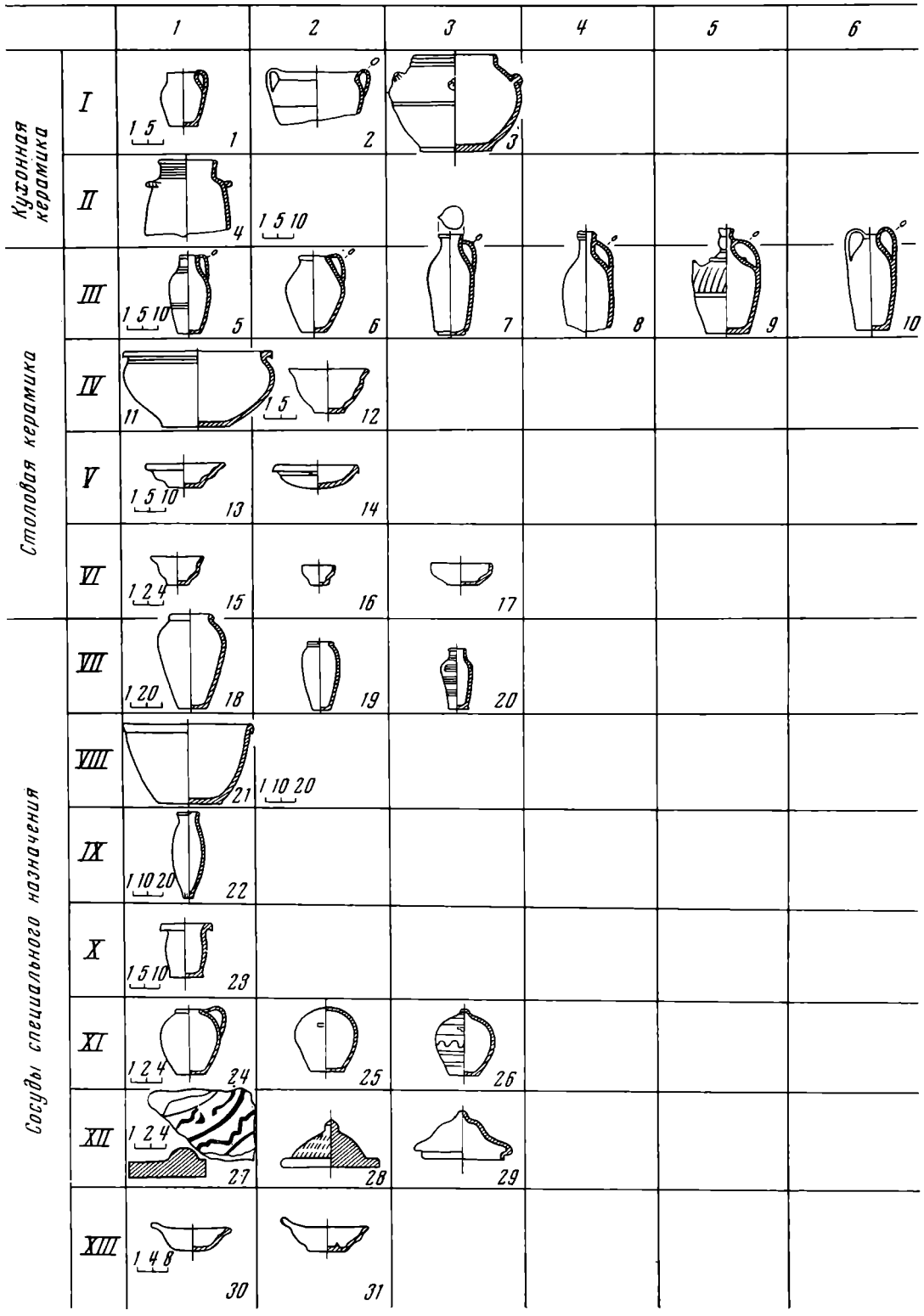


Рис. 3. Систематизация сосудов по группам

ордынских поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье. Л. Л. Полевой справедливо отмечает, что они сходны с горшками, бытовавшими в Подонье в VIII—X вв. [16]

Группа 2 (рис. 3, *2*), найдено шесть крупных фрагментов. Широкогорлые двуручные сосуды с простым, отогнутым под углом около 50° вен-

[16] Л. Л. Полевой. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. Пруто-Днестеровского междуречья. МИИАЭ МолдССР, Фил. АН СССР, Кишинев, 1964, стр. 184.

чиком. Небольшие по высоте ручки верхними концами прикреплены к венчику, нижние упираются в плечики. Тулово раздуто в верхней части. Целых форм нет, поэтому судить о высоте этих сосудов нельзя. Фрагменты, найденные на Царевском и Водянском городищах, не орнаментированы.

Группа 3 (рис. 3, *3*). Найдена одна целая форма неполивная, два поливных сосуда, три конических налепа от неполивных сосудов этой группы. Сосуд имеет прямой, закругленный в плане венчик. Его горло декорировано тремя широкими врезными горизонтальными линиями, которые как бы имитируют три прилегающих друг к другу валика. Высота тулова сосуда меньше его наибольшего диаметра. Сосуд имеет четко профилируемое ребро. Диаметр дна меньше диаметра сосуда по венчику на 5 *см*. Наибольший диаметр тулова расположен выше середины изделия. Верхняя часть тулова украшена четырьмя симметрично расположенными коническими налепами с продольными насечками, один из них является носиком. Конические налепы с продольными насечками известны на керамике Северного Кавказа еще в бронзовом веке, в скифскую эпоху число их сократилось до четырех, затем сосуды с четырьмя коническими налепами появляются в болгарской керамике [17]. Подобные горшковидные сосуды с коническими налепами имели распространение и в аланских древностях [18]. Очевидно, в Золотой Орде эти сосуды появились под влиянием болгарского и аланского керамического ремесла; воздействие гончарного дела золотоордынских мастеров послужило причиной появления аналогичных сосудов в поливной керамике Хорезма, где они датируются XIV в. [19]

Котлообразные сосуды (категория II, рис. 3, *4*). Найдено всего пять фрагментов. Эта группа сосудов характеризуется вертикальными стенками, слегка расширяющимися книзу, широким горлом с прямоугольным в сечении венчиком, невысокой прямой шейкой с горизонтальным рифлением. В верхней части тулова расположены две горизонтально поставленные четырехпалые ручки. Котлообразные сосуды с подобными ручками часто встречаются в домонгольской болгарской керамике [20]. В нижней части сосуда проходит слегка выступающее ребро. Дно не сохранилось. Аналогичные котлы в средневековой керамике Хорезма (XII—XIII вв.) имеют утолщенно округлое дно [21]. Эта группа сосудов появилась в Золотой Орде скорее всего под влиянием болгарского керамического ремесла, особенно важно учесть наличие четырехпалых ручек; хорезмийские котлы таких ручек не имеют.

Столовая керамика

Кувшинообразные сосуды (категория III). В этой категории сосуды разделяются на группы по следующим признакам: а) по форме тулова, т. е. учитываются отношения общей высоты сосуда (Н) к диаметру тулова, диаметру венчика, диаметру дна и высоте горла; б) наличие деталей, меняющих облик сосуда: появление носика, слива, раструба, двух ручек и т. д. Внутри групп сосуды разделены на подгруппы в случае изменения одного или двух параметров сосуда при неизменных остальных (например, увеличение или уменьшение диаметра тулова, высоты ручек, или диаметра днища). Неизменными в подгруппе остаются детали, имеющие функциональное назначение: носик, слив, две ручки.

---

[17] А. П. Смирнов. Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар. КСИИМК, X, 1951, стр. 25.

[18] В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 15; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, 8. М., 1900, табл. XXX, 7, *8*.

[19] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 4, *29*.

[20] А. П. Смирнов. Отчет. Раскопки городища Великие Болгары. 1948. Архив ИА АН СССР, инв. № Р-1$_1$/219, стр. 22.

[21] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 44, *29*.

Группа 1 (рис. 3, *5*; рис. 4, *1*), найдено шесть целых форм. Кувшины этой группы имеют стройное яйцевидное тулово, невысокое прямое горло, слегка утолщенный венчик. Одним концом ручка прикреплена или к середине горла, или к венчику, другим — к тулову на уровне его наибольшего диаметра. Диаметр сосуда по венчику меньше диаметра дна. Высота сосудов этой группы колеблется от 35 до 50 *см*. Подобные кувшины встречаются в материалах из Орен-Кала, где они датированы XII—началом XIII в.[22] Возможно, в Золотой Орде эта группа кувшинов появилась под влиянием орен-калинского керамического производства.

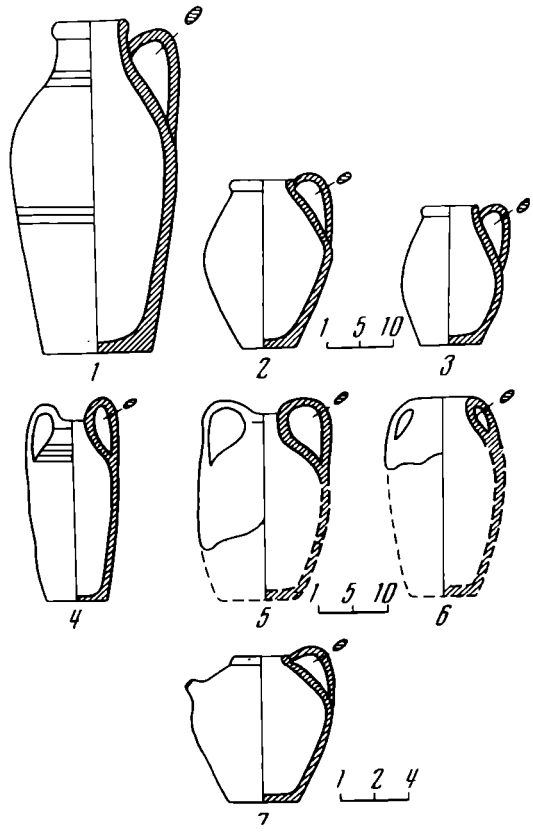


Рис. 4

Группа 2 (рис. 3, *6*; 4, *2*), найдены четыре целые формы. У сосудов 2-й группы более раздутое тулово, низкое горло, причем наибольший диаметр тулова приходится на середину изделия, в то время как у сосудов 1-й группы наибольший диаметр проходит выше середины кувшина. Диаметр дна кувшина меньше диаметра венчика. Верхний конец ручки прикреплен к венчику, нижний находится на уровне наибольшего диаметра тулова.

Подгруппа А (рис. 4, *3*), найдена одна целая форма. В отличие от основной группы у описываемых кувшинов диаметр тулова меньше, но увеличился диаметр дна. Аналогии кувшинам этой подгруппы встречаются в аланской керамике X—XII вв.[23]

Группа 3 (рис. 3, *7*), известно 11 целых форм и крупных фрагментов. У кувшинов со сливом прямой, плавно отогнутый наружу венчик. Закраина венчика закруглена. Довольно высокое горло в средней части постепенно переходит в слабо выраженные плечики стройного яйцевидного корпуса с плоским дном. Диаметр дна чуть меньше диаметра горла. Один конец ручки прикреплен к середине горла, другой — на уровне наибольшего диаметра тулова. Декор кувшинов этой группы довольно беден. Обычно две-три широкие врезные линии проходят посредине горла. Часть фрагментов кувшинов из V века и Бельджамена (?) покрыта полосчатым лощением. Высота сосудов колеблется от 20 до 35 *см*. Сходные по форме, но значительно большие по размерам кувшины (60 *см*) часто встречаются на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье[24]. Кувшины со сливом были широко распространены в Болгарах[25], у средневековых алан[26], в салтово-маяцкой культуре[27]. Однако в керамике этих культур слив у кувшинов выражен ярко, он сильно поднят над венчиком. В золотоордынское время слив, очевидно, трансформируется. Он уже не возвышается над остальной частью горла, становится мало приметным.

[22] А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955 гг. МИА, 67, 1959, стр. 116, рис. 76.
[23] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 6, *1*.
[24] Л. Л. Полевой. Об одной из групп керамики, стр. 186, рис. 7, *3*.
[25] О. С. Ховайская. Гончарное дело города Болгара. МИА, 42, 1954, рис. 15, *5*.
[26] В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 15.
[27] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 29.

Группа 4 (рис. 3, *8*), найдено девять крупных фрагментов. Кувшины с высоким и узким горлом, венчик слегка отогнут наружу, края его закруглены. Верхняя часть горла орнаментирована рядом широких врезных линий. Ручка прикреплена к середине горла и на уровне наибольшего диаметра тулова. Иногда подобные кувшины имеют более низкое горло. Корпус стройный, яйцевидный. Дна не сохранилось. Горло этих кувшинов сходно по форме с горлом белоглиняных штампованных кувшинов, встречающихся на золотоордынских городищах, но корпус у штампованных кувшинов шаровидный. Аналогии этой группе кувшинов известны в керамическом комплексе средневекового Хорезма, где они датируются IX—XI вв.[28]

Группа 5 (рис. 3, *9*), найдено пять целых форм и шесть фрагментов. Кувшины с носиком назывались в Средней Азии афтоба[29]. Особенный интерес представляет афтоба, найденный на Царевском городище в 1963 г. Сосуд высокогорлый, с ярко выраженным раструбом. Венчик в сечении треугольный. Середина горла имеет значительное расширение, к которому прикреплена ручка. Горло украшено бортиком, высотой в 1 *см*. Чуть ниже бортика к тулову прикреплен конусовидный носик, орнаментированный по краю врезной линией. Середина тулова сосуда украшена широкой врезной линией. От бортика до этой линии афтоба покрыт полосчатым лощением. Ко дну шаровидное тулово резко сужается. Дно плоское, не широкое. Высота имеющихся целых форм 26, 37 *см*. Такие сосуды широко распространены на всем Переднем Востоке, Кавказе и в Средней Азии[30]. Во всех названных районах, за исключением Золотой Орды и Хорезма, эти кувшины имеют в верхней части ручки налеп, не несущий никакого функционального назначения. Скорее всего эти налепы — рудименты особого устройства, с помощью которого открывались крышки металлических кувшинов с носиками. Исчезновение налепа, очевидно, связано со стандартизацией керамического производства Золотой Орды. Эта стандартизация, обусловленная интенсивной работой на рынок, повлекла за собой строго утилитарный подход к любому керамическому изделию. Все, что выходило за рамки практичности, неукоснительно отбрасывалось гончарами. В средневековой керамике Хорезма кувшины с носиками появляются лишь в XIV в. и не имеют налепов[31]. В золотоордынскую эпоху подобные сосуды встречаются в Сарайчике[32], Болгарах[33] и на Пруто-Днестровских поселениях[34].

Группа 6 (рис. 3, *10*; рис. 4, *4—6*), амфоровидные кувшины. Кувшины этой группы имеют яйцевидное тулово, низкое неширокое горло, простой, слегка утолщенный венчик и две ручки, прикрепленные к венчику. Диаметр донца больше диаметра горла. Амфоровидные кувшины подразделяются на три подгруппы.

Подгруппа А (рис. 4, *5*), найдено два фрагмента. У сосудов этой подгруппы низкое горло и широкий желобчатый корпус. Две ручки, прикрепленные к венчику, довольно высоко подняты над ним. Дно не сохранилось. В средневековом Херсонесе в XII—XIII вв. был широко распространен подобный тип амфор, правда, большинство из них имеет круглое дно, но встречаются амфоры с плоским дном[35]. Все золотоордынские амфоровид-

[28] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 44, *11*.

[29] Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 7.

[30] А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-Кала. МИА, 67, стр. 134, рис. 104; Г. А. Пугаченкова. Мастер керамист Мухамед Али из Мерва. СА, 1959, 2, стр. 80, рис. 4.

[31] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 327.

[32] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 137, табл. I.

[33] О. С. Хованская. Ук. соч., рис. 15, *2*.

[34] Л. Л. Полевой. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев, 1969, стр. 150.

[35] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, 17, 1950, стр. 55.

ные кувшины, очевидно, имеют плоское дно; в пользу этого предположения свидетельствует факт полного отсутствия круглых днищ в керамических комплексах золотоордынских городов Поволжья. Эта подгруппа амфоровидных кувшинов служит доказательством непосредственного воздействия высокой культуры керамического ремесла средневекового Херсонеса на гончарное дело золотоордынских мастеров.

Подгруппа Б (рис. 4, *4*), найдено семь целых форм и шесть крупных фрагментов. Кувшины этой группы на золотоордынских городищах Поволжья встречаются чаще. От предыдущей подгруппы А они отличаются меньшим диаметром тулова и дна. А. Л. Якобсон рассматривает подобные амфоры как синтез амфор с высоко поднятыми ручками и кувшинов, имеющих стройное яйцевидное тулово, которые бытовали в средневековом Херсонесе в IX—X вв.[36] М. И. Артамонов указывает на наличие таких амфоровидных кувшинов на поселениях Нижнего Дона, датируя их IX—XII вв. Он пишет, что такие кувшины в литературе позже получили название татарских амфор[37]. В Золотую Орду описываемые кувшины, очевидно, перекочевали с Нижнего Дона.

Подгруппа В (рис. 4, *6*), найдено пять крупных фрагментов. Кувшины подгруппы В отличаются от предыдущих ручками, которые не возвышаются над венчиком. Второе отличие — увеличение диаметра горла. Дна не сохранилось. Скорее всего эта подгруппа амфоровидных кувшинов изготовлялась мастерами, не имеющими в прошлом навыков по изготовлению амфоровидных кувшинов. По форме амфоровидные кувшины подгруппы В приближаются к одноручным кувшинам 1 группы, отличаясь от них более широким горлом и наличием второй ручки. Очевидно, гончары, изготовлявшие кувшины 1 группы, стараясь расширить ассортимент выпускаемой продукции, стали производить довольно распространенные в Золотой Орде амфоровидные кувшины, но давление прежних навыков формовки сосудов сказалось на облике новых для них изделий.

Чаши (категория IV). Эта категория сосудов разделена на две группы по особенностям форм тулова и венчиков.

Группа 1 (рис, 3, *11*), найдено девять целых форм и крупных фрагментов. Чаши имеют полусферическое тулово, которое несколько расширяется в средней части и сужается ко дну. Высота чаши в два раза меньше диаметра тулова. Диаметр чаши по венчику в четыре раза больше диаметра дна. Дно плоское. Венчик в сечении прямоугольный, с небольшой закраиной в нижней части. По небольшому прогибу под венчиком проходит широкая линия. Такие чаши распространены в керамике Каракорума, но каракорумские чаши имеют сложный венчик и большие размеры[38].

Группа 2 (рис. 3, *12*), найдена одна целая форма. Чаши описываемой группы отличаются от предыдущих туловом, которое имеет почти строго сферическую форму. Простой венчик плавно отогнут под углом примерно 50°. Нижняя часть тулова плавно переходит к плоскому дну. Аналогии этой группе чаш встречаются в болгарской керамике, но домонгольские болгарские блюда и чаши изготовлялись по хорезмийским средневековым образцам[39].

Тарелки (категория V). Эта категория сосудов разбивается на две группы по особенностям форм тулова и венчиков.

Группа 1 (рис. 3, *13*), найдена одна целая форма и два фрагмента. Невысокие, но широкие тарелки имеют простой, слегка утолщенный венчик, отогнутый под углом 45°. Высота тарелки почти в три раза меньше диамет-

---

[36] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 343.

[37] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северокавказской экспедиции). Л., 1935, стр. 77—78.

[38] Л. А. Евтюхова. Керамика Каракорума. Древнемонгольские города. М., 1965, рис. 135, *14*, стр. 266.

[39] Т. А. Хлебникова. Ук. соч., рис. 25, IV, стр. 141.

ра ее тулова. Сужаясь к плоскому дну, тулово образует сильный изгиб. Венчик в нижней части орнаментирован неширокой врезной линией. Такие тарелки встречаются в средневековой керамике Хорезма среди поливных изделий IX—XI вв.[40].

Группа 2 (рис. 3, *14*), найдена одна целая форма. Эти тарелки более низкие и широкие. Треугольный в сечении венчик отогнут наружу. Тулово без изгибов плавно переходит в плоскоовальное дно. Под венчиком расположена широкая врезная линия.

Солонки (категория VI, рис. 3, *15—17*), найдено четыре формы. По особенностям форм тулова и расположению венчиков солонки можно подразделить на три группы.

Группа 1 (рис. 3, *15*). Солонки по форме очень близки к чашам 2-й группы, отличаясь от них только миниатюрными размерами.

Группа 2 (рис. 3, *16*). Эта группа солонок отличается от предшествующей меньшими размерами. Тулово ко дну сужается, образуя изгиб. Венчик простой, не имеющий отгиба наружу. Дно плоское.

Группа 3 (рис. 3, *17*). Солонки более широкие. Венчик прямой, тулово резко, но без изгиба снижается к дну. Солонки, сходные по форме и размерам со всеми тремя группами, встречены на городище Орен-Кала[41].

Керамика хозяйственного и специального назначения

Хумовидные сосуды (категория VII). Подразделяются на 3 группы. **Хумы** (рис. 3, *18*) — **группа 1.** Найдено три целых формы и десятки фрагментов. Золотоордынские хумы имеют разнообразные по форме массивные венчики. Шейка почти не прослеживается. Диаметр горла сравнительно невелик. У хумов высокое грушевидное, сильно раздутое в верхней части тулово. Дно плоское и неширокое. Высота их от 100 до 120 *см*. Особый интерес представляет хум из Увека. Этот хум имеет под венчиком штемпель с арабской вязью, читаемой: «Да не скажут, что ты горд»[42]. Эта надпись свидетельствует о распространении ислама у татар Золотой Орды. По форме и размерам золотоордынские хумы сходны с хорезмскими, но в отличие от последних не имеют орнамента и поливы[43].

Хумчи (рис. 3, *19*) — **группа 2,** найдено две целых формы и 12 фрагментов. Это те же хумы, но меньших размеров. Высота их колеблется от 70 до 80 *см*. Их тулово в отличие от тулова хумов менее раздуто. Они также не имеют ни орнаментации, ни поливы.

Хумчи с ручками (рис. 3, *20*) — **группа 3,** найдено три целых формы и четыре фрагмента. Высота этих сосудов соответствует высоте золотоордынских хумчей без ручек. Они также имеют стройное яйцевидное тулово, но в верхней части тулова у них две наиболее вертикально расположенные, овальные в сечении ручки. Эта группа хумчей всегда покрыта многозонным линейным орнаментом, который в верхней части корпуса завершался арочным.

Ямы (категория VIII, рис. 3, *21*), найдена одна целая форма и два фрагмента. Огромные открытые чаши с несколько вытянутыми стенками и налепным овальным в сечении венчиком. Дно широкое и плоское. По форме и размерам эти ямы сходны с хорезмскими, но в отличие от последних не орнаментированы[44].

---

[40] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 18, *67*, рис. 44, *37*.

[41] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки гончарных печей на городище Орен-Кала. МИА, 67, рис. 7, *17*.

[42] Б. В. Зайковский. Штемпель на золотоордынском сосуде, хранящемся в Историческом музее Саратовской ученой архивной комиссии. Тр. СУАК, 26, Саратов. 1910, стр. 98.

[43] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., стр. 326.

[44] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 44, *53*.

Дигирные горшки (категория IX, рис. 3, *22*), найдено четыре целых формы и пять фрагментов. Эти сосуды связаны с искусственным орошением. Подобные горшки привязывались к дигирному колесу за основание — амфоровидную ножку. Дигирная система существовала в Индии, Египте, Иране, Средней Азии; в XIII—XIV вв. эта система орошения появляется и в Золотой Орде [45]. Высота золотоордынских дигирных горшков колеблется от 30 до 50 *см*. Они имеют широкое горло, слегка утолщенное по краю. Тулово немного расширяется по сравнению с горлом сосуда. Дно — короткая амфоровидная ножка. На некоторых золотоордынских горшках видны на ножке следы среза ножом. Хорезмийские дигирные горшки в IX—XI вв. не имеют заостренной ножки [46], в XV в. здесь появляются дигирные горшки, имеющие заостренное дно со следами среза ножом [47]. Дигирные горшки чаще встречаются на золотоордынских поселениях в дельте Волги (Шаренный Бугор, Красный Яр, и другие), а также на Селитренном городище. Очевидно, в этом районе дигирная система имела большое значение.

Туваки (категория X, рис. 3, *23*), найдено семь целых форм. Стакановидные горшки имеют отогнутый почти под прямым углом широкий, но тонкий венчик. Дно неширокое, плоское. Формы и размеры этих сосудов идентичны. Они не орнаментированы, но часть их внутри покрыта бирюзовой или зеленой поливой. Прародина этих своеобразных сосудов, вероятно, Центральная Азия, а далее вплоть до южнорусских степей они распространялись кочевниками и имели весьма широкий ареал [48].

Кувшинчики (рис. 3, *24*) — категория XI, найдено18 целых форм. Небольшие сосуды (высота 10 *см*) всегда строго идентичны по форме и размерам. Грушевидное тулово переходит в неширокое низкое горло. Венчик прямой, слегка утолщенный. Плоскоовальная в сечении ручка слегка возвышается над ним. Дно плоское, на нем всегда видны следы среза сосуда нитью. В одном случае был найден кувшинчик с носиком (рис. 4, 7). Кувшинчики встречаются везде: на Царевском, Водянском, Селитренном городищах, в Маджарах, Азаке, Увеке, а также на золотоордынских поселениях Пруто-Днестровья. Л. Л. Полевой высказывает предположение, что эти сосуды были игрушечными горшочками, или служили для каких-либо специальных нужд [49]. Нам кажется, что кувшинчики имели какое-то специальное назначение. В пользу этого предположения свидетельствует факт их частой встречаемости и строгой идентичности по форме и размерам.

Копилки. Подразделены на две группы по особенностям формы тулова. Группа 1 (рис. 3, *25*) — найдено пять целых форм. Копилки представляют собой закрытый грушевидный сосуд с плоским дном. В верхней части тулова расположена узкая прямоугольная прорезь. По форме и размерам эти копилки повторяют описанные выше кувшинчики. Разница заключается лишь в том, что верхняя часть сферического корпуса копилки у кувшинчиков раскрыта в виде устья. Л. Л. Полевой справедливо предположил, что копилки изготовлялись теми же мастерами, которые занимались серийным производством кувшинчиков [50]. Такие копилки встречаются не только на центральных золотоордынских городищах, но и в Болгарах и Пруто-Днестровском междуречье [51], однако здесь они имеют репчатую форму. Л. Л. По-

[45] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 256, рис. 28, *10—11*.

[46] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 44, *28*.

[47] Там же, стр. 334.

[48] С. Б. Лунина. Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV вв. СА, 1968, № 2, рис. 315; С. А. Плетнева. Керамика Саркела. МИА, 67, рис. 25; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, рис. 30, *3*; Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки на городской стене Орен-Кала-Белой Вежи, МИА, 75, 1959, рис. 11, *3*; Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 44, *135*; Л. Л. Полевой. Городское гончарство, стр. 183, табл. XIII.

[49] Л. Л. Полевой. Городское гончарство..., стр. 122.

[50] Там же.

[51] О. С. Хованская. Ук. соч. стр. 359—360; Л. Л. Полевой. Городское гончарство..., стр. 132.

левой достаточно убедительно объясняет широкое распространение копилок на золотоордынских поселениях и городищах массовым обращением мелкой монеты [52].

Группа 2 (рис. 3, *26*) — найдено две целых формы. Копилки имеют репчатую форму и в центральных районах Золотой Орды встречаются гораздо реже копилок 1-й группы. Особенно интересна по внешнему оформлению копилка из Маджар (рис. 3, *26*). Она вся покрыта белым ангобом, по которому красным нанесена роспись в виде линейно-волнистого орнамента. Такая же роспись по белому ангобу красным встречается на фрагментах керамики, найденной на золотоордынских памятниках Воронежской области [53].

Крышки — категория XII. Разделены на большие и малые.

Большие крышки (рис. 3, *27*) — **группа 1**, найден один фрагмент. Массивная плоская крышка толщиной 2 *см* имеет ручки в виде конусовидного налепа. Верхняя часть крышки орнаментирована двумя концентрическими кругами, между ними расположен орнамент, выполненный арабской вязью. Эти крышки по форме и размерам приближаются к средневековым хорезмийским крышкам для хумов и хумчей [54].

Малые крышки: группа 2 (рис. 3, *28*) — найдено две целых формы. Крышки представляют собой низкий конус с шишечкой по середине. К нижней части крышки прикреплен диск. Верхняя часть крышки орнаментирована рядом косых насечек. Эти крышки, очевидно, предназначались для средних и малых кувшинов. Подобные крышки встречаются в средневековом Хорезме в IX—XI вв. [55]

Группа 3 (рис. 3, *29*) — найдено 10 целых форм. Крышки 3-й группы в отличие от предыдущих полые внутри, имеют вид конуса с шишечкой посредине; края конуса нависают над цилиндрическим бортиком, расположенным в нижней части крышки. Подобные крышки встречаются в керамике Саркела-Белой Вежи и принадлежат к русской керамике, изготовленной на гончарном круге [56]. В сероглиняной керамике из Любеча, которая датируется XI—XII вв., встречаются аналогичные крышки [57].

Светильники — категория 13. Найдено восемь целых форм.

Группа 1 (рис. 3, *30*). Эти светильники представляют собой низкие чашечки с плоским дном. Один край чашечек имеет сливообразный носик, предназначенный для фитилька. С противоположной стороны приделана небольшая, обточенная с четырех сторон ручка, слегка возвышающаяся над корпусом.

Группа 2 (рис. 3, *31*). Часть светильников имеет в центре чашечки — подставку в виде подсвечника. Орнамента светильники не имеют, некоторые покрыты бирюзовой поливой.

Подобные плошкообразные светильники в большом количестве встречаются в керамике Саркела-Белой Вежи на рубеже хазарского и русского периодов [58]. В керамике Золотой Орды такие светильники, возможно, появились под воздействием саркельской керамики.

Систематизация неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья позволила впервые наглядно представить своеобразие исследуемой керамики, проследить распространение некоторых групп сосудов в городах Поволжья и других районах (рис. 5). Изучение огромного керамического материала дает возможность по-новому подойти к пробле-

---

[52] Л. Л. Полевой. Городское гончарство..., стр. 132.

[53] В. П. Левашова. Золотоордынские памятники в Воронежской области. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 183.

[54] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 19, *3, 4*.

[55] Н. Н. Вактурская. Ук. соч., рис. 44, *29*.

[56] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, стр. 269, рис. 52.

[57] Т. И. Макарова. Поливная посуда (Из истории керамического импорта и производства Древней Руси). САИ, Е1—38, М., 1967, табл. XXXV (XXI).

[58] С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи, стр. 269, рис. 52.

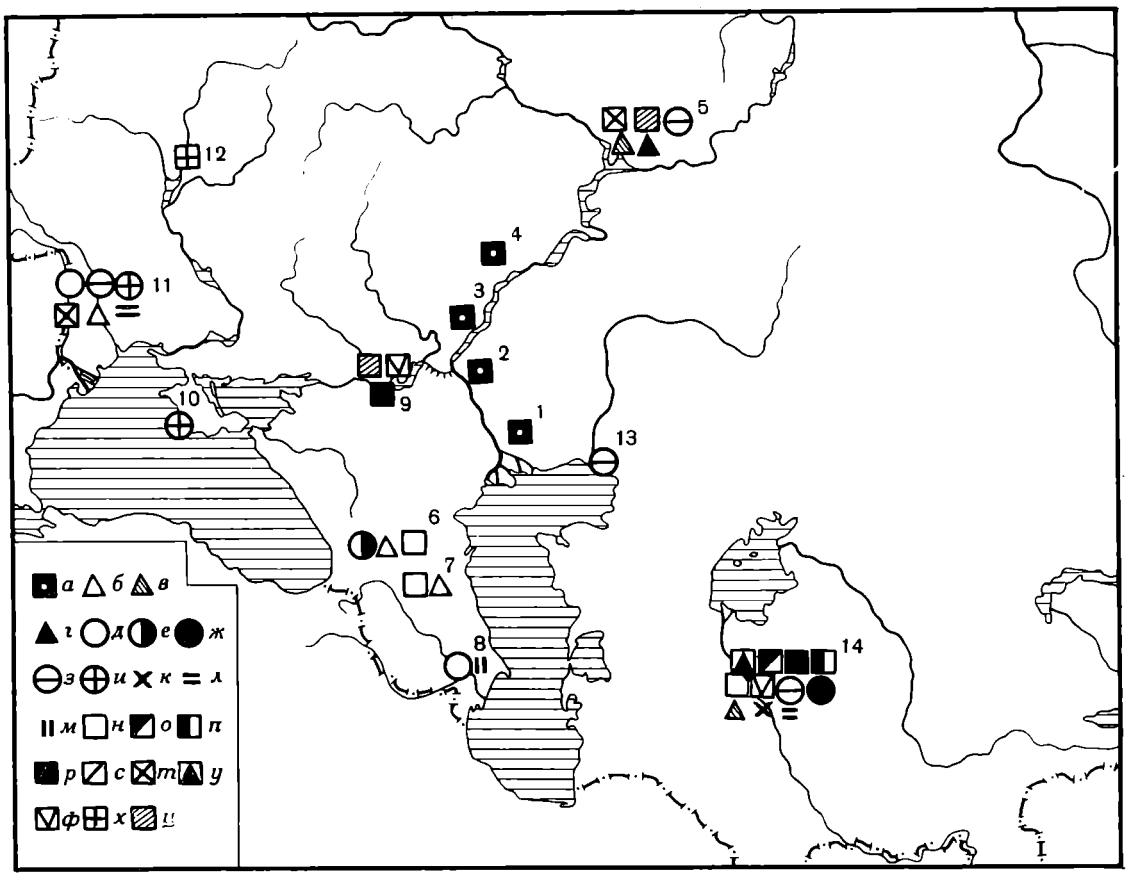


Рис. 5. Карта-схема:

1 — Сарай-Бату (Селитренное); *2* — Сарай-Берке (Царевское городище); *3* — Бельджамен (?) (Водянское городище); *4* — Увек; *5* — Булгар; *6* — Маджары; *7* — Верхний Джулат; *8* — Орен-Кала; *9* — Саркел — Белая Вежа; *10* — Херсонес; *11* — Старый Орхей Костешты; *12* — Любеч; *13* — Сарайчик; *14* — Хорезм.

а — основные золотоордынские формы; *б* — горшковидные сосуды 1 группы; *в* — горшковидные сосуды 3 группы; *г* — котловидные сосуды; *д* — кувшиновидные сосуды 1 группы; *е* — 3 группы; *ж* — 4 группы; *з* — 5 группы; *и* — 6 группы; *к* — чаши 2 группы; *л* — тарелки 1 группы; *м* — солонки; *н* — хумовидные сосуды; *о* — ямы; *п* — дигирные горшки; *р* — туваки; *с* — копилки 1 группы; *т* — копилки 2 группы; *у* — большие крышки; *ф* — малые крышки 1 группы; *х* — малые крышки 2 группы; *ц* — светильники

ме происхождения неполивной золотоордынской керамики. На наш взгляд, исследуемая керамика синкретична, поэтому по происхождению ее нельзя связывать с какой-либо одной или двумя близкими культурами.

Прежде всего об этом свидетельствует установленная пестрота технических навыков, примененных при формовке золотоордынских сосудов, Наблюдения над формами сосудов и их декором позволяют с достаточным основанием говорить о следующих влияниях: прежде всего об алано-болгарском, затем средневекового Херсонеса, гончарного производства Саркела-Белой Вежи, Любеча; Орен-Калы, Средней Азии, главным образом Хорезма, и даже Монголии (каракорумские чаши).

Достаточно очевидно, что в Золотой Орде трудились бок о бок гончары разных народностей; здесь они создавали не только свои традиционные формы, но и учились друг у друга. В результате появились совершенно новые, отличающиеся от предшествующих форм сосуды; таким образом, создавался неповторимый облик бытовой золотоордынской керамики. Высокая культура синкретического гончарного ремесла городов золотоордынского Поволжья в свою очередь оказала влияние на гончарное дело позднесредневекового Северного Кавказа, Болгар, Хорезма, Казахстана (Сарайчика), поселений XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье. В названных районах именно в золотоордынскую эпоху появляются новые формы сосудов, весьма сходные с рассмотренными в статье, появляются новые орнаментальные мотивы, распространенные в Золотой Орде.

S. E. Mikhalchtenko

SYSTÉMATISATION DE LA POTERIE NON GLAÇURÉE PROVENANT DES VILLES DE HORDE D'OR DU BASSIN DE VOLGA

Résumé

Dans le présent article l'auteur fait état de la systématisation, réalisée pour la première fois, de la poterie de masse non glaçurée des villes du bassin de Volga de l'époque de Horde d'Or. La systématisation est effectuée suivant le principe fonctionnel (fig. 2): ustensiles de cuisine (catégories des récipients à forme de pot), poterie de table (catégories des récipients à forme d'aiguière, coupes, assiettes etc.), récipients à destination ménagère et spéciale (pour puisser de l'eau, contenir des provisions etc.). A l'intérieur des catégories les récipients sont divisés en groupe suivant les particularités de leurs formes (fig. 3); certaines déviations des indices de groupe ont permis de distinguer des sous — groupes à l'intérieur des groupes (fig. 2).

Le travail effectué a permis de différencier l'influence de tout un nombre de cultures sur l'industrie potière de la Horde d'Or (sf. la carte) et de tirer les conclusions sur le syncrétisme de la poterie en question.

Публикации

О. Н. БАДЕР

ВТОРАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ МОГИЛА НА СУНГИРЕ

(Верхнее погребение)

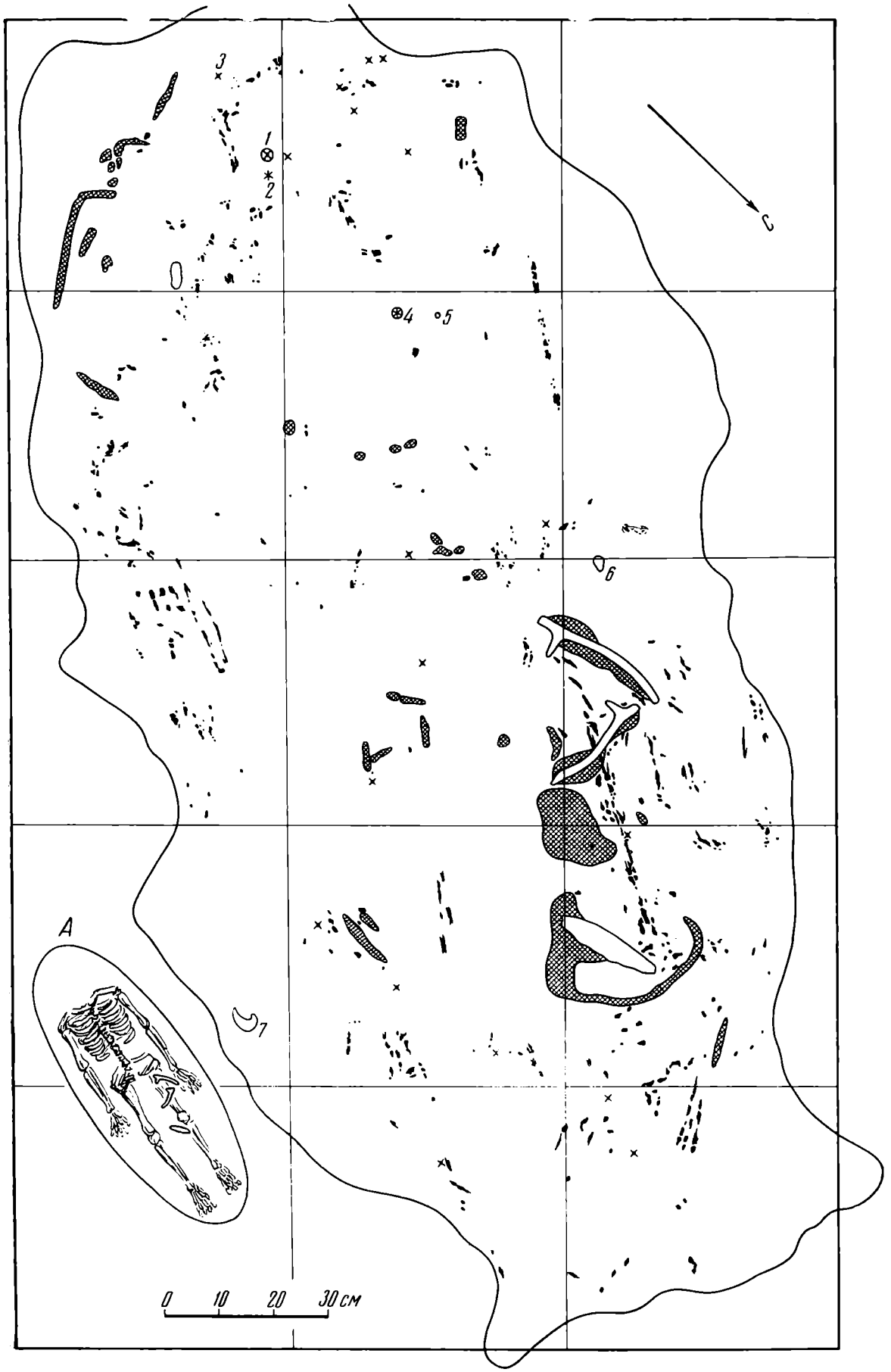
После открытия первой палеолитической могилы в 1964 г.[1] и раскопок периферийных площадей Сунгирской стоянки в 1966 и 1967 гг. мы приступили в 1969 г. к вскрытию площади в 60 *м*^{2}, примыкавшей к первой могиле с юго-запада, с более высокой стороны склона.

Уже на втором условном горизонте, т. е. с глубины около 30 *см* от начала находок (этот уровень принят за нулевую линию), в культурном слое появились многочисленные вкрапления кусочков, мазков и даже пятнышек красной охры и мелких угольков, превратившиеся на глубине 37 *см* в длинное темное пятно неправильной формы размерами 4,82 × × 1,10 *м*, вытянутое с юго-запада на северо-восток, т. е. вниз по склону. С этого уровня мы перешли к работе исключительно ножами и к фиксации деталей через каждые 5 *см*, а иногда и меньше.

Темное пятно по мере углубления меняло очертания и приобретало все более интенсивные примеси охры уже не только в виде вкраплений, но и крупных пятен и ярко-красных лент различной формы. С глубины 42 *см* от начала находок в пределах указанных пятен стали попадаться сверленые бусы из бивня мамонта и клыки песцов со сверлинами на концах, причем число этих находок все увеличивалось. Исходя из опыта открытия первой могилы в 1964 г., мы уже знали, что находимся на пороге открытия нового погребения и что как охра, так и мелкие украшения были подняты с более низкого уровня в процессе солифлюкции, движений морозно-талого слоя в последующие за погребением времена. На глубине 78 *см* от нулевой линии и 3,95 *м* от современной поверхности мы достигли засыпанной охрой древней поверхности, на которой было уложено верхнее погребение могилы 2. На этом уровне почвенно-культурный слой был уже почти полностью пройден, и очертания могильной ямы более или менее четко выделились темным, пестрым пятном с примесью охры на несколько более светлом фоне желтоватой, еще не совсем стерильной супеси, подстилающей почвенно-культурный слой стоянки. Могильное пятно имело форму неправильного овала длиной 2,60 *м* и максимальной шириной 1,17 *м* (рис. 1). Могила находилась на квадратах $\frac{\text{К-М}}{157,158}$, на расстоянии 3,14 *м* к юго-западу от могилы 1.

На уровне погребения при тщательной горизонтальной зачистке обозначилось множество ярко-белых или светло-серых полосок, представ-

[1] О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь, СА, 1967, 3; O. N. Bahder. Eine ungewöhnliche paläolithische Bestattung in Mittelrussland. «Quartär», 18, Erlangen, 1967, и др.


3
1
2
С
4
5
6
А
7
0 10 20 30 см

ляющих собой почти полностью разложившиеся, кальцинированные кости, подобные таким же кальцинированным, разложившимся костям мамонта и других животных, обнаруженным во многих пунктах в культурном слое стоянки. Изучение и тщательная фиксация этих остатков на месте позволили с уверенностью утверждать, что они являлись фрагментами скелета взрослого человека, лежавшего в вытянутом положении на спине, головой на юг-юго-запад.

Почти полное разложение костей скелета следует объяснить тем, что погребение было совершено близко к поверхности и, кроме того, уровень его совпал с нижним уровнем деятельного слоя вечной мерзлоты, вследствие чего погребение, хотя и не было полностью смещено, оказалось частично нарушенным. Особенно сильному действию солифлюкции подверглась средняя часть дна могилы; в результате были несколько смещены, раздвинуты кости скелета (рис. 1). Некоторые кости ног сдвинуты также к северному концу могилы, вниз по склону. Еще ниже по склону, за пределами могилы, был зафиксирован длинный и глубокий солифлюкционный поток, состоявший из сильно перемешанной земли.

Детальное рассмотрение следов скелета по его частям дало следующую картину. Череп не сохранился. На его месте, в центре квадрата К-157, находятся следы старого небольшого провала в гнездо землеройного животного, когда-то поселившегося в рыхлой засыпи могилы и испортившего ее своими ходами. На месте черепа остались лишь единичные крошки белого кальцита, которые, объективно говоря, могут принадлежать и другим костям. В нескольких сантиметрах к северу были видны остатки позвонков и далее — всего скелета. Ориентировка скелета устанавливается вполне определенно: головой на юг-юго-запад, ногами на север-северо-восток. В 1964 г. на поверхности могилы 1 был найден женский череп плохой сохранности (без нижней челюсти и зубов). Однако связать этот череп с описываемым погребением не представляется возможным. Мало вероятно, чтобы череп был подхвачен солифлюкционным потоком и остановился у камня на могиле 1. Почти невероятно, чтобы смещенный череп из второй могилы продвинулся в земле на расстояние более 6 *м* и лег точно в центре поверхности могилы 1, притом непосредственно на ее непотревоженную охристую площадку. При этом внешние воздействия должны были повлиять на сохранность черепа более разрушительно, чем на оставшиеся в могиле кости скелета, в действительности же череп на поверхности могилы 1 отличается несравненно лучшей сохранностью.

Отсутствие остатков черепа и даже зубов в верхнем погребении могилы 2 остается загадкой. Можно допустить, что он провалился в полость, вырытую под ним крупными грызунами, и был разрушен ими. Но не исключена и другая версия: голова была отделена от трупа, хранилась довольно долго где-то в другом месте и затем, при погребении мужчины в могиле 1, была положена на его могилу, но уже без нижней челюсти и зубов.

Скелет обозначен очень слабыми остатками костей. Прослеживалась линия позвоночника, идущая к тазу, но лишь единичными белыми крошками. Однако немного глубже линия позвонков выступила достаточно ясно, будучи вытянута вдоль длинной оси могилы в сторону таза. Таз был виден довольно хорошо и представлял собой заметное, но бес-

---

Рис. 1. Очертания могильного пятна верхнего погребения могилы 2. Остатки кальцинированных костей скелета (обозначены черным), пятна и ленты охры (заштрихованы сеткой), обрезки сброшенных рогов северного оленя, орудие из бивня мамонта, 17 просверленных и непросверленных бус из бивня мамонта (×), просверленный клык песца (*1*), рядом кремневый скребок (*2*), кремневый отщеп (*3*), костяное острие (*4*), рядом костяное колечко (*5*), отщеп кварца (*6*), ископаемая раковина-чашка (*7*). Внизу дана ориентировочная схема расположения скелета в могиле (А)

форменное пятно. В пределах последнего по горизонтальному срезу угадывается крестец. Расстояние между крестцом и верхними позвонками 75 *см* по прямой.

Правая рука. Справа и наискось от того места, где должен быть череп, шли, видимо, следы правой ключицы; ниже и правее — относительно крупный фрагмент плечевой кости, вытянутой вдоль стенки могилы; немного правее — разбросанные фрагменты локтевых костей; еще ниже, т. е. ближе к ногам, очень хорошо были видны разбросанные кости от кисти правой руки, лежавшей ладонью вниз; особенно хорошо были видны фаланги четырех пальцев. Эти четыре сустава, вытянутые почти по прямой линии, сохранили анатомический порядок; расстояние между ними 5,5—6,0 *см*.

Правая нога. Прослежена по слабо заметным остаткам костей, вытянутых вниз по склону в полосе относительно темной земли. В конце были видны слабые полоски тонких косточек — фаланг правой стопы. На 4 *см* глубже, в грунте, осевшем в сурчину, и несколько левее ясно обозначалась кость, видимо, этой ноги, вытянутая также вдоль могилы.

Левая рука. Прослеживалось левое плечо и следы ключицы; хорошо обозначалась верхняя часть плечевой кости. Ниже она не видна, но белые полоски на левой стороне таза, судя по их направлению, могли остаться от локтевых костей согнутой в локте руки. Следовательно, кисть ее могла лежать на лобке, как в основном погребении могилы 1.

Левая нога. Бедреная кость, по всей вероятности, была смещена влево и вниз (рис. 1, см. под рогами оленя). Отчасти параллельно ей, но в целом ниже, шли в виде почти прямой линии кости голени.

Фаланги стопы, прослеживаемые двумя параллельными линиями костного тлена, оказались смещенными дальше вниз по склону, к северному концу могилы, часть костей стопы перемещена вправо.

На уровне остатков скелета, в пределах очертаний могилы, сделаны следующие находки: около норы на месте головы две сверленые бусины обычного для сунгирских погребений типа и просверленный клык песца; бусы и клыки песца на трех сохранившихся сунгирских черепах служили украшениями головных уборов. Здесь же найден небольшой кремневый скребок и крупный отщеп. Тут же около плечей два миниатюрных кремневых отщепа, очевидно, попавших сюда при засыпке могилы. На генеральной зачистке мы отметили находки 17 бус из бивня (рис. 1), но если считать смежные уровни, то всего в пределах могилы их было несколько десятков. У правого локтя найдена заготовка бусины, у правого колена — другая. В области груди находились небольшое костяное острие и перстень, выточенный из сплошного куска бивня. В средней части могилы, с левой стороны, лежали отщеп кварца, два обрубленных, сброшенных рога северного оленя и мотыгообразное орудие из бивня мамонта. В правой части могилы на уровне ног целая ископаемая раковина-чаша. Между ногами, в углублении, расслоившийся обломок крупного бивня в наклонном положении, уходящий одним концом вглубь, в засыпь могилы; на его поверхности видны следы тонкой геометрической гравировки.

Если считать, что пятна охры и бусы, лежавшие над погребением в смешанной, пятнистой земле, подняты солифлюкцией с уровня погребения, то высота этого поднятия может быть определена до 43 *см*. Никаких конкретных указаний на другое, лежавшее выше погребение у нас нет; следовательно, все предметы на площади могилы и несколько шире, рядом с нею, в особенности вниз по склону, типичные для погребального инвентаря, можно связывать только с этим погребением, не исключая, конечно, принадлежность единичных из них к культурному слою стоянки.

На дне могилы, в особенности в ее средней части, наблюдалось несколько горизонтально расположенных пятен охры, иногда интенсивно

красных; сплошная охристая засыпка на уровне погребения в момент раскопок отсутствовала. Но на уровне погребения местами сохранились ограниченные по площади, тонкие пласты охры — под костями левой ноги, под рогами оленя, под концом бивня мамонта (рис. 1) и т. д. Этот факт свидетельствует, что и здесь погребенный был положен на засыпанную охрой поверхность, но она была позднее существенно нарушена и поднята вверх солифлюкционными процессами. Нередко пятнам охры на уровне погребения сопутствовали единичные угольки, как это наблюдалось и в могиле 1. Скопления угольков наблюдались у левой и правой ног, преимущественно в области стоп.

Уровень поверхности стоянки в момент совершения верхнего погребения не может быть определен с уверенностью, следовательно, остается открытым и вопрос о глубине захоронения верхнего погребения. Обилие охристых пятен и лент, поднятых вверх солифлюкцией, позволяет все же предполагать, что погребение было произведено в неглубокой могиле, засыпанной землей с включениями охры.

Если края могилы 2 на уровне верхнего погребения хорошо обрисовывались на окружающем фоне светло-желтой супеси, то по снятии остатков костей оказалось, что они лежали не на этой супеси, а на смешанном грунте, уходившем вглубь в очертаниях того же, но постепенно сужавшегося пятна могилы, на дне которой лежало основное погребение двух подростков.

Очень важно наблюдаемое в могиле 2 повторение одной ритуальной детали, установленной пятью годами раньше при исследовании могилы 1. Имеется в виду дважды попадавшееся захоронение людей над основными погребениями могилы, на поверхности засыпанной могильной ямы или у самой ее поверхности.

Ритуальный комплекс, состоявший из женского черепа и четырехугольного камня и лежавший на густом слое чистой охры над могилой 1, был, без сомнения, связан с нею. То же необходимо сказать о верхнем погребении могилы 2: оно было сделано в верхнем горизонте могилы с захоронением подростков. Неясным остается вопрос, на какой глубине от тогдашней поверхности поселения было совершено верхнее погребение 2-й могилы. В 1-й могиле горизонт залегания женского черепа следует считать близким тогдашней поверхности поселения. Интенсивное пятно чистой охры, на которое были положены женский череп и камень в могиле 1, полностью вписывается в контуры могилы и нигде не выходит за их пределы[2]. Если бы охрой была посыпана поверхность могилы, то эта засыпка скорее всего заняла бы более широкую площадь, чем очертания могилы, которые после засыпки могилы уже и не были бы видны. Следовательно, наиболее правдоподобно рассматривать помещение черепа и камня на густой подсыпке охры как заключительный акт засыпки могилы 1 с основным погребением; другими словами, последний слой охры, не разрушенный солифлюкцией, так же как череп и камень, был помещен в верхнюю часть еще не вполне засыпанной могилы, но совсем близко от ее верхнего края. То же, но еще более уверенно можно сказать и о верхнем погребении могилы 2, так как, если в могиле 1 верхний ритуальный комплекс находился на высоте 10—15 *см* над подстилающим суглинком, еще в пределах темного почвенно-культурного слоя, то верхнее погребение 2-й могилы лежало на 3—5 *см* ниже почвенно-культурного слоя.

Но все же где был уровень поверхности поселения, на котором находились края могил? Заметим, что если между погребениями существовала разница даже в несколько лет, этот уровень практически был одним и тем же.

---

[2] О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь, рис. 3.

Для решения поставленного вопроса мы не располагаем достаточными фактами, тем более что первоначальная картина залегания культурного слоя стоянки и его соотношения с ископаемой почвой была искажена и нарушена солифлюкцией. Но при подходе к решению поставленного вопроса нужно принять во внимание следующее.

1. Охристая площадка под черепом и камнем в могиле 1 не была разрушена солифлюкцией.

2. Следовательно, пятнышки охры, отмеченные в более высоких горизонтах, должны были иметь своим источником какую-то другую площадку, посыпанную охрой, скорее всего связанную с поверхностью могилы и позднее попавшую в зону солифлюкции.

3. Одна из пяти небольших ям, видимо, ритуального значения, расположенных около могил, находилась всего в 2,72 *м* на восток-юго-восток от могилы 1 и располагалась на высоте 15 *см* над подстилающей супесью, т. е. на 5 *см* выше охристой площадки с черепом. В то же время она не была нарушена солифлюкцией и полностью сохранила свои очертания. Следовательно, в этом месте, и скорее всего и над соседней могилой, указанный уровень еще не входил в зону деятельного слоя мерзлоты.

4. Однако деятельный слой мерзлоты должен был начинаться непосредственно над этим уровнем, т. е. на высоте не более чем 20 *см* над подстилающей супесью, так как выше на горизонтальных зачистках дна раскопа были хорошо заметны типичные солифлюкционные потеки смешанного грунта.

5. Исходя из приведенных соображений уровень поверхности стоянки в момент устройства могилы 1, наиболее вероятно, находился в слое ископаемой почвы на высоте около 20 *см* над подстилающей супесью, в связи с чем глубина могилы 1 определяется скорее всего в 68—70 *см*. Уровень поверхности стоянки с предполагаемой охристой площадкой был разрушен солифлюкцией. Глубина же верхних захоронений в могилах от той же поверхности в 1-й могиле равнялась всего 5—10 *см*, во 2-й могиле — 23—25 *см*.

6. Равным образом многочисленные ленты и пятна охры над могилой 2 нельзя рассматривать только как результат частично нарушенной охристой подсыпки под скелетом верхнего погребения. Эта подсыпка на уровне погребения во многих местах еще сохранилась, так же как сохранили свой первоначальный уровень и остатки костей скелета. И здесь, над верхним погребением могилы 2, также можно реконструировать поверхность могилы на той же высоте над подстилающей супесью и вокруг нее посыпанную охрой площадку, впоследствии разорванную солифлюкцией; клочки ее были подняты вверх почти на всю мощность почвенно-культурного слоя.

Инвентарь, который можно связывать с верхним погребением могилы 2, по сравнению с инвентарем нижних, основных погребений обеих могил сравнительно небогат, но крайне интересен. Кроме вещей, находившихся на уровне погребения внутри контуров могилы, к инвентарю погребения по указанным выше обстоятельствам можно отнести также вещи, поднятые и смещенные солифлюкцией. При этом единичные бусы и клыки песцов, так же как, скажем, кремневый миндалевидный наконечник или костяное острие, относятся к инвентарю погребения с известной долей условности, так как не исключено, что они попали в могилу из культурного слоя стоянки. С этой оговоркой к инвентарю верхнего погребения можно относить: 13 клыков песца с просверленными концами, до 130 сверленых и частью несверленых бус из бивня мамонта, крупную костяную подвеску, трубчатые костяные подвески, костяное острие, костяной перстень, еще одну костяную поделку-стержень, два сброшенных и обрубленных рога северного оленя, обрубленный конец бивня мамонта, три каменные сверленые подвески, кремневый наконечник

с двусторонней обработкой, кремневый скребок, кварцевый и кремневый отщепы и крупную ископаемую раковину чашевидной формы.

При описании вещей, принадлежащих к инвентарю верхнего погребения могилы 2, остановимся вначале на предметах, найденных в пределах могильного пятна на уровне залегания остатков кальцинированных костей скелета.

Бусы из бивня мамонта принадлежат к типам, хорошо известным как из культурного слоя стоянки, так и из основного погребения могилы 1 (рис. 2, *1—6*). Из стандартных форм выпадает только одна заготовка миниатюрной (диаметром 6 *мм*), почти круглой костяной бусины с едва намеченной тонкой сверлиной (рис. 2, *7*).

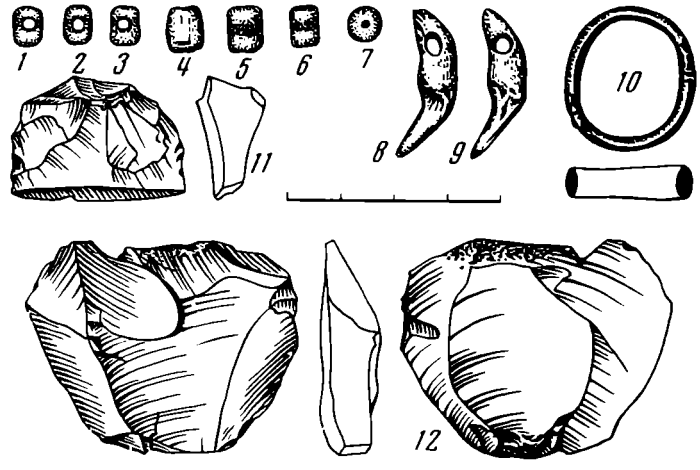


Рис. 2. Предметы из кости (*1—10*) и кремня (*11*, *12*), найденные при верхнем погребении могилы 2 в пределах могильного пятна на уровне кальцинированных костей скелета

Наряду с просверленными бусами на уровне погребения найдено несколько заготовок точно таких же бус, отличающихся от основной массы готовых бус отсутствием сверлины (рис. 2, *4—6*). Значительный процент их и здесь, и в особенности над могилой, при, следовательно, несомненной связи их с погребением заставляет считать, что это не просто заготовки, а принадлежность костюма. Прикреплялись они, по-видимому, тонким сухожилием, охватывающим среднюю суженную часть бусины. Нашивка на костюм непросверленных бус наряду с просверленными встречена только в данном погребении. Как указывалось, на уровне скелета наибольшее количество бус найдено близ головы и в верхней части груди, хотя они встречались во всех частях могилы.

Просверленные на конце корня клыки песцов ничем не отличаются от найденных в других погребениях и в культурном слое (рис. 2, *8*, *9*).

Уникальным оказался лежавший в грудной области перстень из бивня мамонта (?), выточенный из целого куска кости (рис. 2, *10*). Он был настолько хрупким, что распался на много частей, но потом был полностью склеен. При этом форма его оказалась не вполне круглой, слегка овальной. Наружные диаметры 25×23 *мм*, внутренние 22×20 *мм*, толщина около 1 *мм*, ширина от 4 до 6 *мм*, сечение приближается к узкой чечевице с неострыми концами. Судя по внутреннему диаметру, перстень мог носиться на женской руке или на малых пальцах (мизинце, безымянном) некрупной мужской руки. Подобных перстней, вырезанных целиком из кости, в палеолите до сих пор не было известно.

Лежавшее неподалеку небольшое костяное острие сохранилось неполностью и очень невыразительно.

Найденный у головы скребок сделан на коротком, сломанном, довольно плоском отщепе серовато-коричневого кремня; он имеет округлый, крутой рабочий конец, неравномерно обработанный некрупной ретушью, заходящей также на смежную, плоскую часть одного из краев, где ретушь превращается из крутой в заостряющую (рис. 2, *11*). Особенностью скребка является подтеска рабочего конца со стороны брюшка двумя широкими и очень плоскими сколами; возможно, это было сделано с целью обновления затупившегося рабочего конца. Крайне короткие пропорции скребка могут объясняться тем, что он был сломан у самого черенка.

Лежавший неподалеку кремневый отщеп голубоватого цвета с коричневым слоем у ударной площадки широк, имеет несколько сколов со стороны спинки и один вторичный, плоский скол на брюшке, сделанный с той же ударной площадки; вторичной ретуши по краям он не имеет (рис. 2, *12*). Не имеет ее и грубый кварцевый отщеп, найденный на уровне погребения.

Крупная и глубокая ископаемая окаменевшая раковина из верхнего погребения была превращена обитателями стоянки в чашку или черпак. Она принадлежит ископаемым палеогеновым устрицам рода gryphea. Края ее тщательно и очень ровно оббиты, образуя овал, лежащий почти в одной плоскости. Вместимость этого импровизированного черпака около 60 *г* жидкости (рис. 3, *4*).

Два рога северного оленя не случайно оказались в могиле. Они лежали рядом, на самом ее дне, непосредственно на подсыпке из красной охры (рис. 3). Их особенность составляет прежде всего то, что они являются сброшенными рогами оленя, на стоянке до сих пор не известными (по определению В. И. Громова). Один из них длиной 21 *см* несет единичные зарубки или надрезы на отростке и на внутренней стороне основного ствола. Ствол на конце сильно разрушен, так же как и конец отростка (рис. 3, *3*). Второй рог длиной 25 *см* также имеет слабые следы древних надрубов близ отростка и хорошо заметные следы их у конца основного ствола, который и был сломан по этим кольцевым надрубам (рис. 3, *1*). Концы отростков обоих рогов слегка сбиты.

Находки нижних отрезков рогов северного оленя на Сунгире не новы [3], но значение парной находки на уровне погребения остается неясным.

Конец бивня мамонта был покрыт толстой известняковой коркой. По удалении ее оказалось, что он плохо сохранился, растрескался и распался, после чего был склеен в лаборатории. Выяснилось, что это тщательно обструганное изделие, круглое в сечении, с двумя заостренными концами, в форме слегка уплощенного челнока (рис. 3, *2*), размерами 18 × 3 *см*. Вероятнее всего, это орудие служило в качестве наконечника мотыги или палки-копалки, а может быть, и как ударное орудие наподобие клевца. У обоих концов, особенно у более массивного, следы поперечных зарубок. Оба конца орудия слегка сбиты.

Перехожу к характеристике инвентаря, найденного не на уровне верхнего скелета, а над ним, не выше 37—38 *см*, в зоне залегания бус и просверленных клыков песца, поднятых солифлюкцией.

Что касается подвесок из клыков песцов со сверлинами на концах и более чем сотни бус, то они также ничем не отличаются от таких же предметов из культурного слоя и погребений Сунгиря (рис. 4, *1—7*).

Одна подвеска, наиболее крупная (27 × 21 × 8 *мм*), подтреугольной формы, изготовлена из плотной кости, имеет на узком конце, видимо, двустороннюю сверлину диаметром 2 *мм* и заполированную до блеска поверхность (рис. 4, *8*). Точные аналогии ей имеются в основном погребении могилы [4]. Судя по их положению на скелете мужчины из 1-й могилы, такие подвески прикреплялись, скорее всего, к кистям у перевязей под коленями. Описанная подвеска найдена в верхнем погребении могилы 2 над самым уровнем с остатками скелета.

К украшениям, носившимся на костюме, следует отнести две пронизки из тонких, скорее всего, птичьих косточек. Одна из них, сломанная на три части, имела общую длину 25 *мм*, другая, также сломанная,— 15 *мм*; диаметр косточек от 3 до 5 *мм* (рис. 4, *9*). На пронизках сохранились ровно обрезанные и, может быть, пришлифованные кончики. Подоб-

---

[3] В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. Тр. Геологического института АН СССР, 162. М., 1966, табл. II.

[4] О. Н. Бадер. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь, рис. 5, *4*.

ные костяные пронизки, как и клыки песца с просверленными концами, принадлежат к числу наиболее простых украшений, поэтому естественно ожидать их широкого распространения на палеолитических поселениях. Действительно, мы встречаем их и в соседнем Костенковско-Боршевском районе на Среднем Дону (например, в Боршевской II стоянке [5]), и далеко

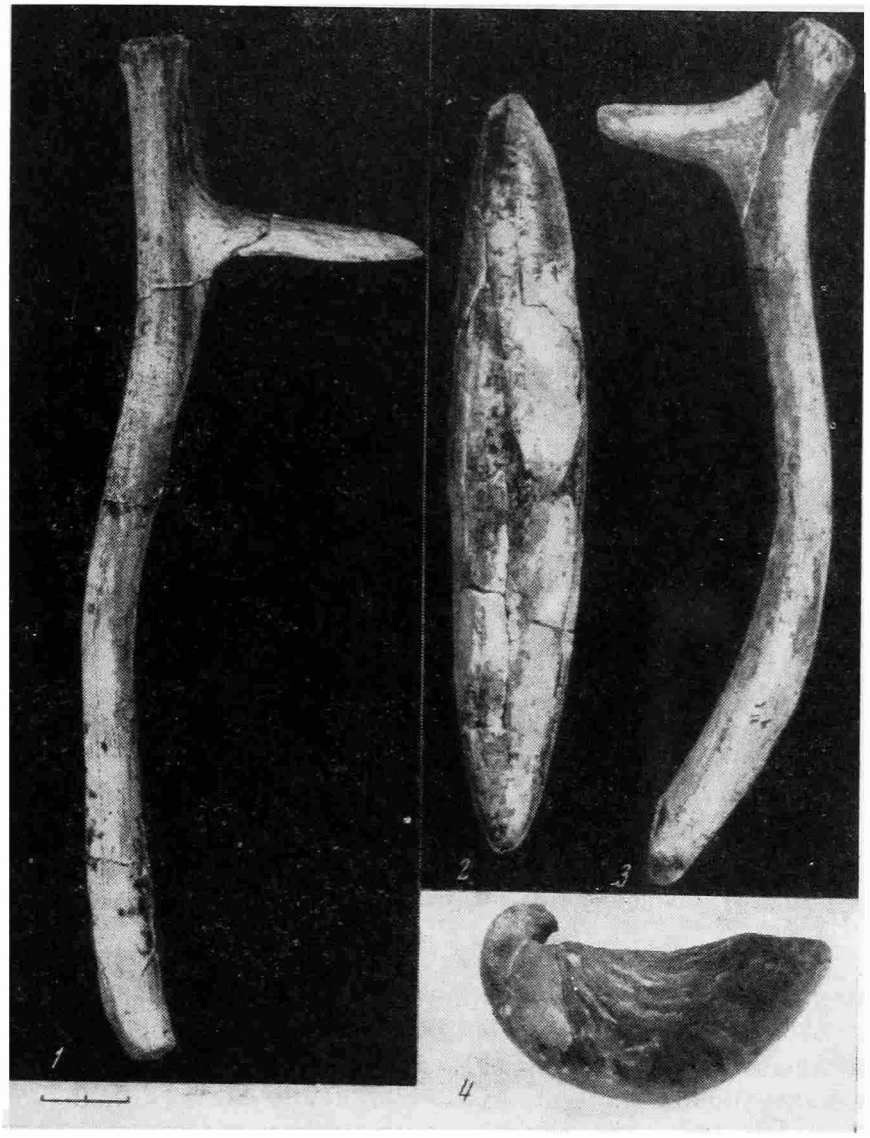


Рис. 3. Сброшенные и обрезанные рога северного оленя, мотыгообразное орудие из бивня мамонта и чашевидная раковина (*4*) с уровня остатков скелета из могильного пятна верхнего погребения могилы 2

на востоке (например, в Мальтинской стоянке в Восточной Сибири [6]), и далеко на западе (например, в стоянке Долни Вестонице в Чехословакии [7]).

Костяная проколка или заколка длиной 74 *мм*, с чрезвычайно остро заточенным концом (рис. 4, *10*) имеет близкие аналогии в более ранних находках в культурном слое стоянки Сунгирь [8].

---

[5] З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, А4—3, М.— Л., 1962, табл. XXIV, *23—29*.

[6] Там же, табл. LV, *24—30*.

[7] B. Klíma. Dolní Věstonice. «Monumenta Archaeologica», XI. Praha, 1963, таблицы, фиг. 934 и 994—1005.

[8] В. Н. Сукачев, В. П. Громов, О. Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь, рис. 20, *19, 20*.

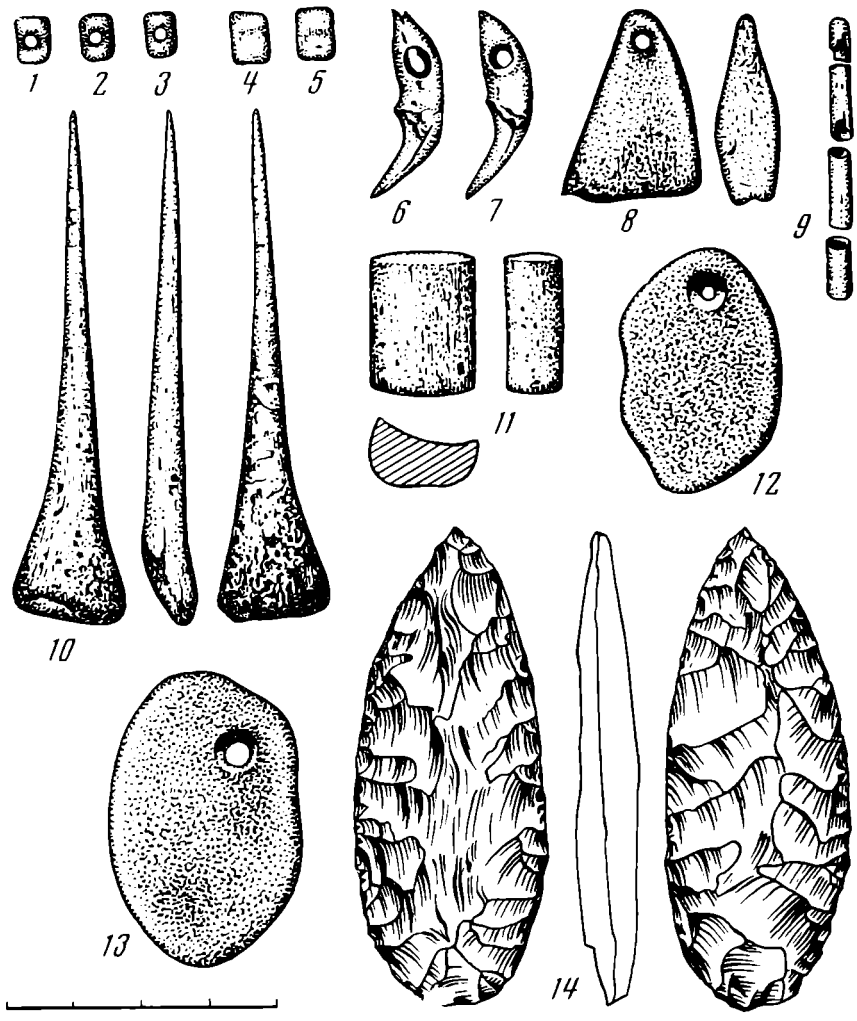


Рис. 4. Предметы из кости (*1—11*), камня (*12*, *13*) и кремня (*14*), найденные над верхним погребением могилы 2

Оригинальным предметом является короткий, массивный отрезок кости $20 \times 14 \times 9$ *мм*, в свое время, видимо, овального сечения, но затем расколовшийся вдоль (рис. 4, *11*). Плоскость откола вогнута и была заполнена известковой коркой, что на Сунгире бывает только на бивнях мамонта и на поделках из них: по обоим этим признакам рассматриваемый предмет сделан из того же материала. Оба его конца тщательнейшим образом обрезаны и сглажены; хорошо обструганы и сглажены и боковые поверхности. На боковой стороне тонкие царапины, не везде нанесенные уверенной рукой, образуют подобие орнамента в виде остроугольного зигзага. На тех же боковых поверхностях слабо заметны следы пяти поперечных темных полосок с очень узкими промежутками между ними. Не остатки ли это искусственного раскрашивания предмета? Изготовлен ли предмет из какого-то длинного орудия или сделан из специально приготовленного куска бивня, остается неясным.

Три каменные подвески из плоских галек серого сланца со сверлинами на концах, так же как просверленные клыки песцов и бусы, ничем не отличаются от ранее найденных на Сунгире аналогичных предметов (рис. 4, *12*, *13*).

Наконец, остановимся на кремневом наконечнике, также находившемся над верхним погребением, в зоне залегания бус, на расстоянии менее 1 *м* от очертаний могилы, но довольно высоко, на горизонте 3А, т. е. на 37—38 *см* над уровнем скелета, что для этого более тяжелого предмета несколько уменьшает степень вероятности связи с погребением;

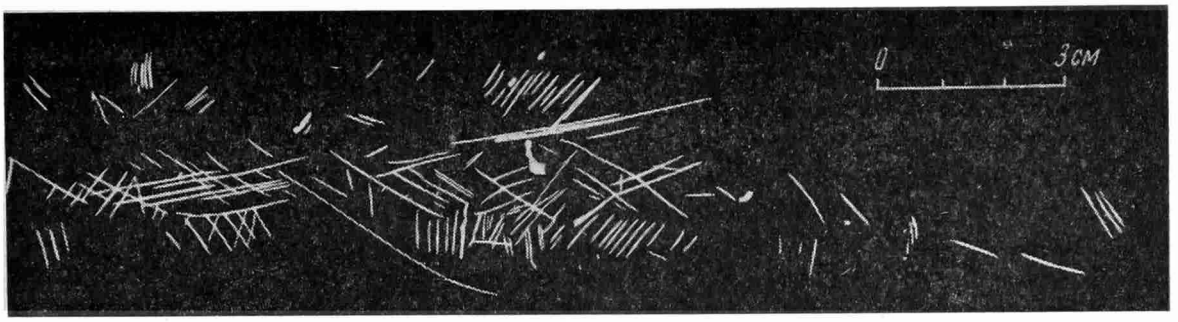


Рис. 5. Гравировка на куске бивня мамонта, лежавшего в засыпке могилы 2

к тому же на горизонте залегания наконечника были найдены всего одна бусина и один просверленный клык; с другой стороны, надо принять во внимание, что наконечник лежал всего в 55 *см* от края темного пятна; кроме того, он найден в пределах упомянутого солифлюкционного потока, обозначившегося немного ниже очень явственно и двигавшегося от могилы вниз по склону. Наконечник довольно велик (69 × 28 × 10 *мм*), сделан из качественного коричневого кремня и отличается от типично сунгирских, треугольных наконечников миндалевидной формой, которая сближает его с наконечниками позднеселетской культуры Закарпатья (напомним, что на Сунгире был найден только один такой наконечник). Форма наконечника не вполне симметрична (рис. 4, *14*), тыльный конец его несколько более массивен, конец очень острый. Орудие обработано с двух сторон плоской, местами широкой ретушью высокого качества, образующей очень ровные, прямые боковые лезвия.

Особое место занимает обломок крупного бивня мамонта с гравировкой. Он был найден между ногами верхнего погребения, в засыпке могилы, лежал в наклонном положении и, скорее всего, попал в могилу при засыпке ее землей. Но к погребальному инвентарю нижних погребений он явно не относится. Поскольку он лежал одним концом у самой поверхности, на которой располагались остатки верхнего погребения, рассмотрим его здесь.

Обломок крупного бивня мамонта длиной 31 *см*, с внутренней стороны дуги изгиба искрошившийся, с наружной — хорошо сохранившийся, с очень гладкой, блестящей поверхностью; возможно, она была в свое время намеренно отполирована. На этой слабо выгнутой поверхности сохранилась очень тонкая гравировка, состоящая из многочисленных прочерченных линий, сочетание которых отнюдь не случайно.

Гравировка представляет собой несколько групп коротких параллельных линий. При этом направление прочерченных линий в сложных группах не одно и то же. В двух случаях группы параллельных линий пересекаются другой группой параллельных линий и образуют решетку (рис. 5). Вся композиция объединяется несколькими более или менее продольными длинными линиями.

Гравировка сделана очень тонким, надо думать, кремневым лезвием, вернее, углом тонкого лезвия; линии прорезаны очень неглубоко.

Вряд ли можно предложить сколько-нибудь достоверную версию расшифровки описанного рисунка.

Оценивая инвентарь верхнего погребения и сравнивая его с инвентарем других погребений на Сунгире, необходимо прежде всего выделить большую группу предметов, которые являются общими для всех сунгирских погребений: это бусы из бивней мамонта с отверстиями, просверленные клыки песцов, просверленные подвески из плоских сланцевых галек, крупная подвеска из кости, т. е. принадлежности костюма, а также кремневые отщеп и скребок, подобные найденным в 1-й могиле, и костяной перстень, подобный найденным в нижних погребениях 2-й могилы.

Но оленьи рога, клевец из бивня, черпак из раковины, тонкие трубочки-пронизки, костяная проколка и, может быть, кремневый наконечник, отличают верхнее погребение от других погребений.

Рассматривая инвентарь верхнего погребения в целом, нельзя найти в нем элементов, которые говорили бы с определенностью о половой принадлежности взрослого человека, захороненного здесь.

В заключение выскажем несколько соображений относительно соотношения всех известных на Сунгире захоронений.

Представляется достаточно ясным, что между моментом погребения подростков на дне могилы 2 и взрослого у ее поверхности прошло не менее 1—2 лет, необходимых на оседание, уплотнение засыпки могилы, а может быть, и больший срок; основанием для этого является расположение остатков верхнего погребения на нисколько не прогнутой плоскости прямо над основной могилой. Наоборот, женский череп над могилой 1 лежал на корытообразно прогнутой охристой поверхности; следовательно его помещение на могилу пожилого мужчины было совершено вскоре после погребения последнего, а может быть, даже одновременно.

Говорить о соотношении во времени могил 1 и 2 можно только при допущении принадлежности черепа женщины из могилы 1 верхнему погребению из могилы 2. Если предположить, что тело женщины было погребено у поверхности могилы 2, а ее голова соответственно у поверхности могилы 2, то захоронение подростков будет явлением первичным, захоронение мужчины в могиле 1 — явлением вторичным (с промежутком не менее 1—2 лет) и расчлененное захоронение женщины у поверхности обеих могил — явлением третичным, почти одновременным захоронению мужчины [9].

Но если даже придерживаться мысли о принадлежности верхнего погребения в могиле 2 и черепа у поверхности могилы 1 одному человеку, погребение трупа и черепа могли отделяться по времени несколькими годами, когда последний мог где-то сохраняться.

Впрочем, принадлежность безголового (?) трупа в могиле 2 и женского черепа в могиле 1 одному человеку не доказана.

O. N. Bader

DEUXIÈME TOMBE PALÉOLITHIQUE DE SOUNGUIR (SÉPULTURE SUPÉRIEURE)

Résumé

La deuxième tombe était située à la distance de 3,14 m de la première dans la partie supérieure sud — ouest du campement paléolithique de Sounguir près de la ville de Vladimir. Son niveau supérieur soupoudré de ocre se trouvait à la profondeur de 3,95 m environ de la surface actuelle et de 0.78 m des premières trouvailles dans la couche de civilisation, immédiatement au — dessous d'elle. La tache tombale d'une forme ovale irrégulière avait 2,60 m de longueur.

Des os du squelette n'ont demeuré que des rayures fragmentaires calcinées de couleur blanche qui permettent de conclure qu'il s'agit d'une sépulture d'un homme adulte allongé sur le dos, la tête au Sud — Sud — Est; les restes de la crâne n'étaient pas décélés (fig. 1).

Au niveau de l'ossature, la fosse tombale contenait des perles perforées en ivoire de mammouth et des canines perforées de renard blanc, une raclette et un éclat de silex, un instrument en os et une bague faite d'une seule pièce d'ivoire de mammouth (fig. 2).

[9] О. Н. Бадер. Верхнее погребение 2-й палеолитической могилы на Сунгире. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР». Археол. секции (дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971, стр. 5.

une paire de bois de caribou, un outil en forme de pioche en ivoire de mammouth également et une grande coquille fossile paléogène de genre gryphaes aux bords légérement égalés par la retouche dont la capacité est de 60 gr environ et qui servait probablement de coupe ou de cuillère (fig. 3). Ici — même, dans un creux gisait un fragment de défense de mammouth à décor géometrique gravé (fig. 5).

De nombreux objets de petite talle tels que les perles et les canines de renard perforées aussi bien que l'ocre étaient enlevés de la sépulture et déplacés vers le bas de la pente par solifluxion dans les conditions de la congélation perpétuelle qui s'est instaurée. L'éventail de dispersion qu'on a su établir est de 2,5—3 m en aval et de 40 cm en amont du niveau de la sépulture. II est possible que les objets de petite taille trouvés dans cette zone faisaient partie du mobilier de la sépulture. Une armature de flèche de type szélétien (fig. 4) est surtout intéressante. La sépulture supérieure en recouvrait, au fond de la fosse tombale, une autre, richissime celle-ci, de deux enfants.

В. И. БИДЗИЛЯ, Э. В. ЯКОВЕНКО

РАЛО ИЗ ПОЗДНЕЯМНОГО ПОГРЕБЕНИЯ КОНЦА III — НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Важнейшим достижением в развитии земледелия явилось изобретение упряжных пахотных орудий труда. Их широкое применение позволило значительно расширить посевные площади, увеличило урожайность и повлекло за собой техническую реконструкцию всего земледельческого цикла.

С развитием пашенного земледелия связано появление таких более производительных орудий уборки урожая, его транспортировки и переработки, как серпов, колесных повозок и молотильных досок [1].

В Европе первые упряжные земледельческие орудия представлены простейшими ралами нескольких типов. Среди них одним из древнейших признано однорукояточное прямогрядильное рало, известное по наскальным изображениям и рисункам Средней, Северной и Восточной Европы [2]. Рала этого типа, по мнению Ю. А. Краснова, появляются прежде всего в Восточной Европе, где известны их изображения на Симферопольской стеле, относимой к рубежу III — II тысячелетий до н. э. [3]

До недавнего времени древние пахотные орудия Восточной Европы были представлены деревянными кривогрядильными полозными ралами, найденными, как правило, вне комплексов. Предположительно их относят к раннежелезному веку [4]. Только одно из них — рало из с. Полесье на Черниговщине — Б. А. Шрамко на основании радиокарбонного анализа датировал серединой II тысячелетия до н. э. и связал со среднеднепровской культурой [5].

Однако многочисленные косвенные свидетельства позволили предполагать существование пашенного земледелия у народов Северного Причерноморья в более раннее время. Так, некоторые исследователи считают, что пашенное земледелие являлось основой экономики трипольских племен на среднем этапе развития этой культуры — вторая половина IV — начало III тысячелетия до н. э. [6]

Первым прямым подтверждением гипотезы о пашенном земледелии у энеолитических племен Северного Причерноморья явилась находка деревянного рала на территории степного Поднепровья в 1971 г. при раскопках большого кургана у с. Балки Васильевского района Запорожской области.

Уникальность находки требует детального изложения всей стратиграфической ситуации. Курган, известный среди местного населения под наз-

[1] Ю. А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной зоне Восточной Европы. МИА, 174, 1971, стр. 41.

[2] Там же, стр. 39—41.

[3] Ю. А. Краснов. Рала Симферопольской стелы. СА, 1971, 2.

[4] Ю. А. Краснов. Раннее земледелие..., стр. 47, 48.

[5] Б. А. Шрамко. Розгадуються таємниці скіфів. «Під прапором ленінізму», 15, Харків, 1971, стр. 53.

[6] С. Н. Бибиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья, СА, 1965, 1.

ванием Высокая Могила, занимал господствующее положение в большом курганном могильнике эпохи бронзы к западу от села. Высота его конической насыпи с уплощенной вершиной к моменту раскопок равнялась 10 *м*, диаметр по оси запад — восток достигал 90 *м*.

Поперечный разрез Высокой Могилы показал, что она состояла из пяти разновременных насыпей, среди которых нижняя — первая являлась основной, а остальные четыре — досыпками.

Всего в кургане найдено 25 погребений, среди которых 14 принадлежат ямной культуре, 3 — катакомбной, 2 — киммерийской; принадлежность 6 погребений не определена. Стратиграфический анализ насыпи позволил определить, что время ее сооружения не выходит за пределы эпохи энеолита.

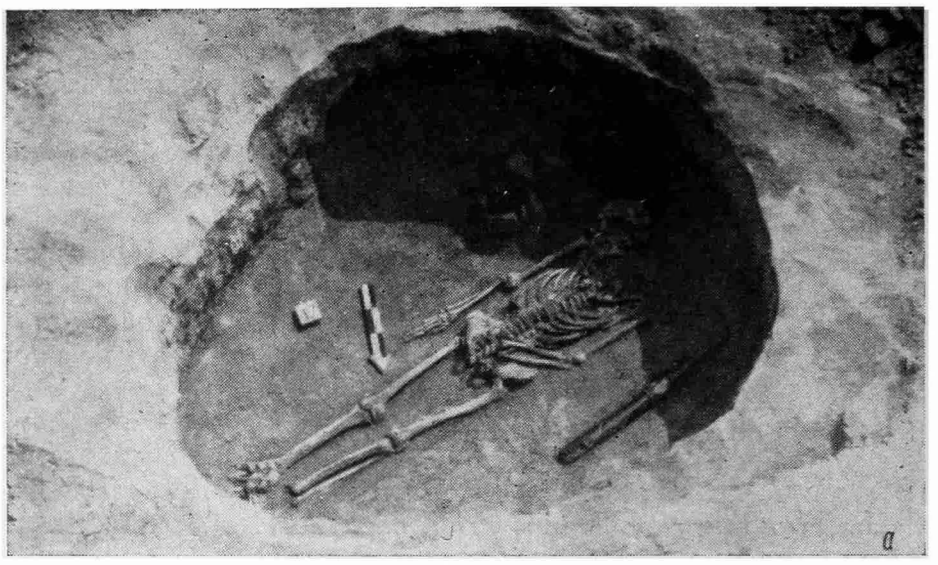
Деревянное рало происходит из погребения 17, которое обнаружилось на расстоянии 24 *м* и юго-востоку от центра на уровне древнего горизонта (9,4 *м* от вершины насыпи). Могильная яма в плане имела форму неправильного овала, слегка сужающегося к северо-востоку; книзу яма значительно расширяется. Длина ее по верхнему краю 1,4, ширина 0,9, длина ямы по дну 2, ширина 1,5 *м*. На дне ямы, на глубине 0,6 *м* от ее края, лежал погребенный, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Правая рука его вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, кисть ее на тазовых костях. Слева от погребенного вдоль стенки ямы лежал длинный деревянный предмет, который при близком рассмотрении оказался ралом. Справа стоял деревянный сосуд, рядом с ним лежали каменный терочник, обломок шлифованного топора и набор кремневых орудий. Кости скелета и дно ямы были интенсивно окрашены охрой (рис. 1).

Описание погребального инвентаря

1. Деревянное рало имеет вид массивного круглого бруса, дуговидно изогнутого в профиль. Слегка уплощенное клиновидное острие рабочей части отделяется от рукояти муфтоподобным утолщением; в нем имеется круглое отверстие, перпендикулярное продольной оси рала; верхняя часть рукояти обломана в древности. Общая длина рала в момент находки 82, длина рабочей части 49, диаметр рукояти 6, диаметр муфтоподобного утолщения 7, длина его 9, диаметр отверстия 2,5 *см* (рис. 2). 2. Деревянный сосуд баночной формы. Высота 13, диаметр венчика 17 *см* (рис. 3). 3. Каменный овальный терочник длиной 11, шириной 7,5, толщиной 3,5 *см*. 4. Обломок обушной части шлифованного топора со сверленным отверстием, края излома затерты в результате вторичного использования, длина 7, ширина 6,5, сечение 5 *см*. 5. Пять кремневых ножевидных пластин с мелкой боковой ретушью и один кремневый скол с желвачной коркой. У всех пластин один конец скребковый; одна пластина имеет клювовидный конец. Длина пластин от 5,3 до 2,7 *см*.

Десять погребений Высокой Могилы (в их числе и погр. 17), обнаружены на уровне древнего горизонта. Это дает основание предполагать, что здесь существовало несколько небольших курганов, которые были одновременны, либо предшествовали основной насыпи Высокой Могилы. С основной насыпью связано погребение 7, которое по ряду элементов обряда — овальная яма, скорченное трупоположение на правом боку, северная ориентация, интенсивная окраска охрой — отнесено к ямной культуре. Последующие досыпки над основной насыпью перекрыли ближайшие небольшие курганчики. Это предположение подтверждается и графической реконструкцией первичного вида кургана после последней досыпки: если взять за основу диаметр насыпи № 5—42 *м*, то почти все упомянутые выше погребения оказываются либо у самого края подошвы кургана, либо вне его. Последние вошли в состав насыпи после многовековой эррозии грунта и расползания склонов кургана, особенно в южном направлении[7].

[7] Все десять погребений найдены под южной полой кургана.



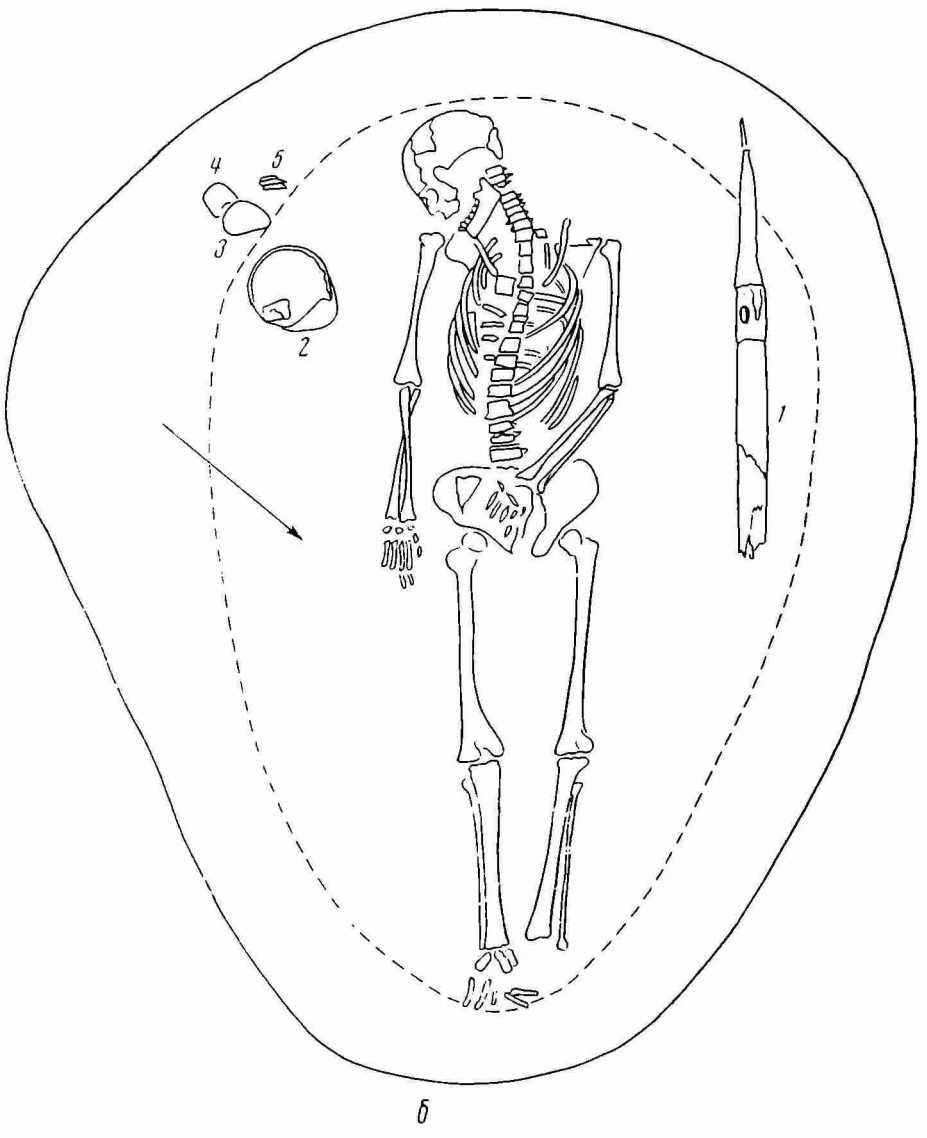


Рис. 1. *а* — погребение 17; *б* — план погребения 17:
1 — рало, *2* — сосуд, *3* — терочник, *4* — топор, *5* — кремневые орудия

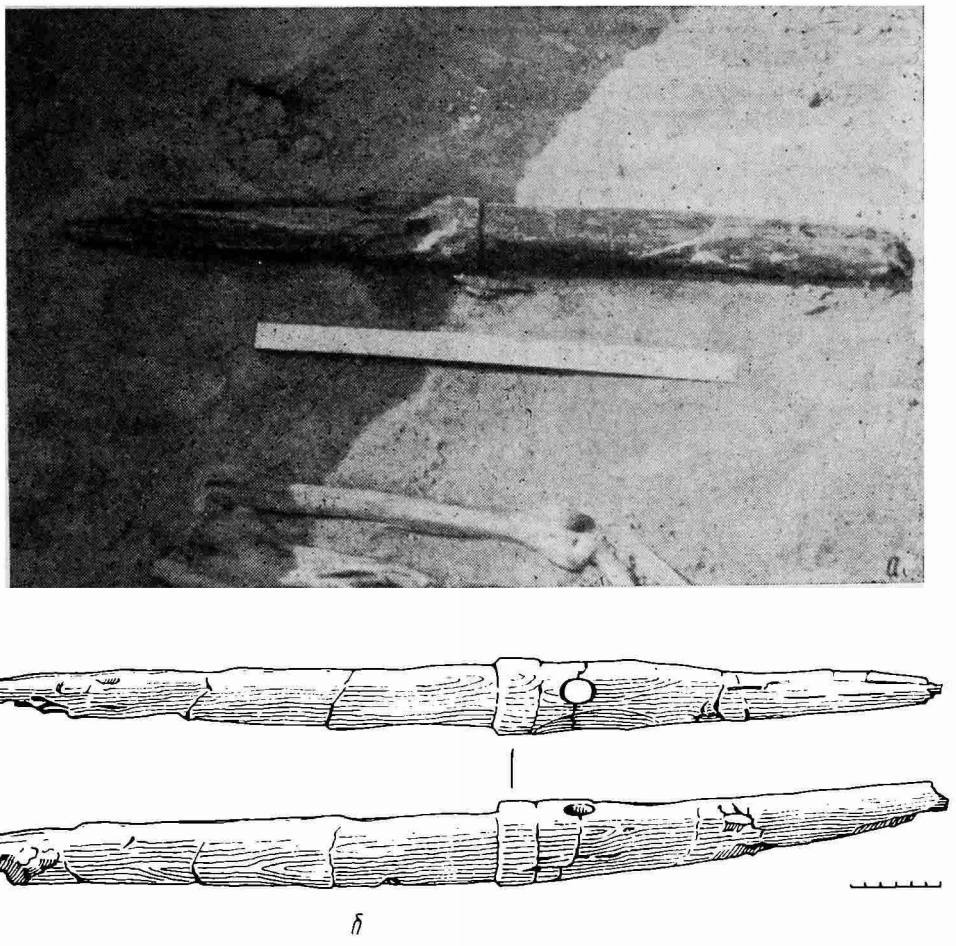


Рис. 2. *а* — деталь погребения 17 — рало in situ; *б* — рало после реставрации

Более определенна верхняя дата погребения 17. Самые поздние могилы, которым это погребение могло быть синхронно, принадлежат к позднеямному времени. Это впускные могилы с сильно скорченными костяками, ориентированными на северо-восток; скелеты и дно могильных ям интенсивно окрашены охрой. Одна из могил (№ 3) имела овальную форму, другая (№ 19) — четырехугольная с заплечиками; обе были перекрыты деревом.

Позднеямному времени не противоречит и вещественный материал погребения 17, прежде всего шлифованный топор. Несколько архаичными выглядят кремневые орудия, которые вообще не характерны для ямной культуры степного Поднепровья. Подобная кремневая индустрия свойственна одновременным комплексам Кеми-Обинской культуры Крыма[3]. Несколько необычны для позднеямного времени и отдельные элементы погребального обряда: яма в виде неправильного овала, вытянутое трупоположение и юго-западная ориентировка погребенного.

Скорее всего эти явления объясняются влиянием катакомбной культуры, непосредственная взаимосвязь которой с позднеямной прослежена на Юге Северного Причерноморья[9]. Среди степных катакомбных погребений сейчас известно довольно много могил овальной формы, особенно на Дону,

---

[8] Археологія УРСР, І, Київ, 1971, стр. 261.

[9] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошнікова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 190; А. М. Лесков. Раскопки курганов на Юге Херсонщины и некоторые вопросы истории бронзового века Северного Причерноморья. Сб.: «Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР, Киев», 1967, стр. 9—15.

в которых значителен процент погребенных с южной ориентировкой при небольших отклонениях к востоку и западу [10].

Таким образом, балкинское рало можно датировать концом III — началом II тысячелетия до н. э. Это самое древнее пахотное орудие, известное сейчас на территории Восточной Европы. Дата полностью соответствует датировке Симферопольской стелы и подтверждает гипотезу тех исследователей, которые, анализируя изображенные на стеле рала, предполагали существование пашенного земледелия на Юге Северного Причерноморья уже в эпоху энеолита [11].

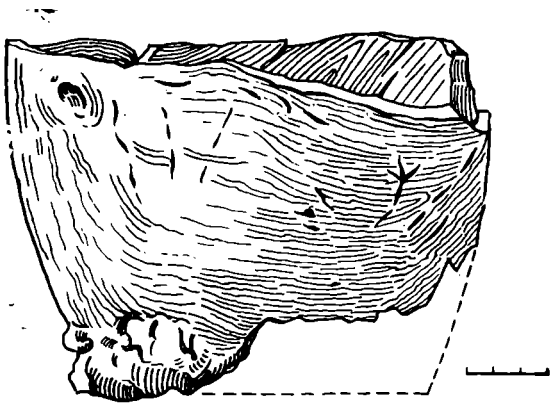


Рис. 3. Деревянный сосуд из погребения 17

Несмотря на хорошую сохранность рала и первичную его консервацию (водный раствор поливенилацетатной эмульсии), еще в полевых условиях под влиянием воздуха, света и температурных изменений оно начало разрушаться. Процесс разрушения происходил настолько интенсивно, что вскоре после находки значительно изменилась форма рала, особенно рабочий край: его наиболее тонкая часть (длиной 14,5 *см*) совершенно истлела, вся поверхность рала покрылась глубокими трещинами.

Мы обратились за помощью в Минский политехнический институт и передали свою уникальную находку вместе с деревянным сосудом из этого же погребения в Проблемную лабораторию древесины. Сотрудники этой лаборатории, канд. техн. наук Ю. В. Вихров и мл. научн. сотр. С. Ю. Казанская, провели цикл реставрационных и консервирующих работ. По их определению, в момент поступления в Лабораторию целлюлоза сохранилась только на внешней поверхности рала; после пропитки его фенолоспиртами с последующим переводом их в твердое состояние рало стало плотным, приобрело водоотталкивающие свойства и стало пригодным для экспонирования. Ю. В. Вихров и С. Ю. Казанская применили разработанную под руководством профессора В. Е. Вихрова методику консервации деревянных изделий из археологических раскопок. Несомненно, что балкинское рало, которому угрожало полное уничтожение, было спасено только благодаря вышеуказанному методу консервации, успешно апробированному на археологических объектах Новгорода, Бреста, Давид-Городка [12].

В Минском политехническом институте произведены и анализы пород дерева, из которого изготовлены рало и сосуд. С. П. Синюков, исследовавший анатомическое строение древесины, пришел к заключению, что для рала использован ясень Fraxinus, а для сосуда — каштан Castanea [13].

Особо интересным нам представляется последнее определение. Каштан, из которого изготовлен баночный сосуд в погребении 17 и еще один сильно фрагментированный сосуд из катакомбной могилы 23, в энеолитическое время не произрастал на территории Северного Причерноморья. Он

---

[10] О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної, АП УССР, VIII, Київ, стр. 5; Археологія УРСР, 1, стр. 320—322.

[11] Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, 4, стр. 96—99; Ю. А. Краснов. Рала Симферопольской стелы.

[12] В. Е. Вихров, Ю. В. Вихров, С. Ю. Казанская, В. А. Борисов. Консервация деградированной древесины из археологических раскопок. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность всем, кто принимал участие в консервации балкинского рала.

[13] Приносим сердечную благодарность С. П. Синюкову за проведенные анализы и разрешение опубликовать результаты его исследований.

известен для этого времени только на территории Закавказья [14]. Следовательно, это еще раз подтверждает наличие определенных контактов местного населения с энеолитическими племенами Кавказа. Интересно, что в некоторых других комплексах Высокой Могилы есть находки кавказского облика: молоточковидные орнаментированные булавки, амфоровидных сосуд, покрытый сплошь шнуровым орнаментом, и т. д. Эти наблюдения в известной степени дополняют наши сведения об этнокультурных взаимосвязях энеолитических племен Северного Причерноморья и Кавказа, прослеженных ранее на таких известных памятниках, как Михайловское поселение [15].

К сожалению, балкинское рало было обломано еще в древности со стороны рукояти. Это несколько затрудняет его реконструкцию. Сохранившаяся часть дает основание предполагать, что балкинское рало, как и рала Симферопольской стелы, принадлежит к однорукояточным прямогрядильным ралам. Однако оно представляет другую разновидность орудий этого типа — у него отсутствует полоз. В рабочем положении такое рало должно было находиться под углом к почве. Об этом же свидетельствует слегка изогнутая форма его рукояти.

Трудно сказать что-либо о конце рукояти, вероятно, там был держак, близкий к одному из держаков симферопольских рал: либо перпендикулярный рукояти — для двух рук, либо крюковидный — для одной руки.

Рало скорее всего соединялось с грядилем при помощи круглого отверстия, расположенного в муфтообразном утолщении. Правда, небольшой диаметр этого отверстия — 2,5 *см* — вызывает сомнения некоторых специалистов в том, что грядиль мог в этом месте непосредственно крепиться к ралу [16]. Однако муфтообразное утолщение красноречиво свидетельствует о какой-то специально предусмотренной особой нагрузке именно в этой части орудия. И хотя мы пока не знаем ни этнографических параллелей, ни археологических подтверждений, остается предположить, что грядиль крепился к ралу при помощи отверстия и каких-то дополнительных приспособлений — может быть, привязыванием либо вертикальным колышком, продетым с тыльной стороны. Верность этого предположения можно будет проверить в дальнейшем в связи с новыми аналогичными находками.

На основании исследований последних лет можно предполагать, что очагом возникновения однорукояточных прямогрядильных рал с полозом были древние земледельческие районы долины Инда. Оттуда путь развития этих орудий шел в северо-западном направлении, через Среднюю Азию, Восточную Европу и Центральноевропейские районы [17]. Ю. А. Краснов отмечает, что в Средней Азии и Индии однорукояточные прямогрядильные рала с полозом — древнейший и единственный тип пахотных орудий. Следовательно, прямогрядильные рала без полоза — новая разновидность, которая не могла появиться в Северном Причерноморье с востока.

Среди многочисленных наскальных изображений прямогрядильных рал с полозом, известных в Северной Италии и Южной Швеции, встречаются также рала без полоза, направленные под углом к почве (Вал Фонтанальба, Вал делла Меровигле, Вал Камоники, Богуслен). Шведские изображения отличаются от итальянских только наличием стойки между ральником и грядилем. Однако ряд европейских и советских исследователей считают наличие стойки относительно поздним признаком [18].

---

[14] Е. В. Вульф. Историческая география растений. М.— Л., 1944, стр. 191—210; Деревья и кустарники СССР, II, М.— Л., 1949, стр. 233—241.

[15] Археологія УРСР, I, стр. 280, 281.

[16] Любезная устная консультация Ю. А. Краснова.

[17] Ю. А. Краснов. Рала Симферопольской стелы, стр. 61—63.

[18] Там же, стр. 56.

Итальянские изображения рал датируются в пределах 1500—800 гг. до н. э., а Богусленские (Швеция) — 800—500 гг. до н. э.[19] Это позволяет нам предположить, что бесполозные прямогрядильные рала появились в Северном Причерноморье на 1000—500 лет раньше, чем в Центральной и Северной Европе.

Учитывая, что в Восточную Европу из Азии проникает только одна разновидность прямогрядильного рала — полозная, остается допустить, что вторая разновидность этого орудия — бесполозная, является продуктом местного развития. Вполне возможно, что прямогрядильное рало без полоза возникло в Северном Причерноморье в результате трансформации полозного рала под влиянием местных природных условий. Аналогичную причину появления прямогрядильных бесполозных рал в Северной Италии предполагает Ю. А. Краснов[20]. Это тем более вероятно, что в ближайшем окружении восточноевропейских энеолитических племен — в Средиземноморье и на Кавказе — в археологическом материале не известны рала такого типа[21].

Таким образом, находка балкинского рала подтверждает гипотезу о наличии пашенного земледелия у энеолитических племен Восточной Европы и свидетельствует о том, что им были известны две разновидности однорукояточных прямогрядильных рал — с полозом и без него.

V. I. Bidzilia, E. V. Iakovenko

ARAIRE PROVENANT D'UNE SÉPULTURE DE LA CIVILISATION DES FOSSES EN PLEINE TERRE (FIN DU III — DÉBUT DU II MILLÉNAIRE AVANT NOTRE ÈRE)

Résumé

Lors des fouilles du tumulus «Vyssokaïa Moguila» situé près du village Balka dans la région de Zaporojié on a découvert, dans une des sépultures, un araire en bois. L'analyse stratigraphique du tumulus associée à celle du mobilier funéraire permettent de dater l'araire par la fin du III — le début du II millénaire avant notre ère. Cette trouvaille confirme l'hypothèse des chercheurs qui, en se basant sur les figurations représentées sur une dalle tombale de Simphéropol, supposaient l'existence de la culture de sol labourable chez les tribus énéolithiques du littoral nord de la mer Noire. A part cela elle démontre que ces tribus connaissaient deux variétés d'araire à une manche: avec ou sans patin. L'araire de Balka est le plus ancien outil de labourage connu actuellement sur le territoire de l'Europe de l'Est.

---

[19] P. V. Glob. Plovbilder i Val Camonica, Kulm, 1954, стр. 16; его же. Ard og plov i Nordens Oltid. Aarus, 1951, стр. 118, 126.

[20] Ю. А. Краснов. Рала Симферопольской стелы, стр. 55, 56.

[21] Там же, стр. 61.

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ, Б. В. ТЕХОВ

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА (X — VI ВВ. ДО Н. Э.)

Одним из древнейших очагов металлургии железа в Старом Свете считается Закавказье. Несомненно, что благоприятные природные условия и непосредственное влияние переднеазиатской культуры привели к очень раннему появлению здесь металлургического производства.

Тем не менее существуют весьма разноречивые мнения о начале железной металлургии на Кавказе: возникла ли она на базе местной высокоразвитой металлургии бронзы или же ее становление связано с импортом железа и железных изделий из стран древнего Востока и в частности из Урартского государства.

Тема становления железной индустрии вообще, и на Кавказе особенно, сложна и многообразна. Она требует всестороннего рассмотрения всех существующих источников, некоторые шаги в разрешении этой проблемы, по крайней мере для Закавказья, уже сделаны [1].

В данной работе речь будет идти об исследовании железных предметов из раскопок Тлийского могильника, одного из памятников всемирно известной кобанской культуры. Переходный период от эпохи поздней бронзы к раннему железу дает чрезвычайно важный и интересный материал для исследователей истории техники и особенно проблемы становления и развития металлургии железа. Богатые железными изделиями и остатками металлургического производства археологические памятники Кавказа и Закавказья этого времени позволяют исследователю поставить и решать целый ряд существеннейших вопросов для истории металлургии и металлообработки. Это — проблема окончательного овладения новым металлом (железом и сталью), профессионализма и специализации в доклассовом обществе вообще и в среде самих ремесленников, их производственной организации, наследования традиций предшествующих поколений, взаимоотношений с соседними народами в области производственной практики и т. п.

Металлографическое и технологическое исследование кузнечных изделий из Тлийского могильника выясняет не только технику и технологию кузнечного производства, но и вносит свой вклад в разрешение вышеперечисленных вопросов.

Тлийский могильник расположен на южном склоне центральной части Главного Кавказского хребта, на высоте 1500 *м* над уровнем моря. Он занимает площадь в центре современного горного села Тли. Большая часть этого памятника была раскопана за последние годы. По местоположению могильник очень близок к некоторым синхронным памятникам Закавказья, население которого всегда общалось с такими древними племенами, как

[1] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1962; И. А. Гзелишвили. Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964.

ассирийцы, урарты, халибы, тубалы, рано освоившими железо. Такое общение способствовало раннему появлению железа у племен Закавказья.

Первые железные предметы появляются здесь к концу XII в. до н. э.[2], причем горные районы в этом отношении отстают.

Б. А. Куфтин и Е. И. Крупнов отмечают, что в горных районах Кавказа, в том числе Северного, железо появляется никак не ранее рубежа II и I тысячелетий до н. э.[3] Такое отставание в быстром освоении нового сырья было связано с определенными обстоятельствами и главным образом с тем, что отдельные районы Кавказа в эпоху раннего железа ни в политическом, ни в культурном отношении не представляли одного целого[4], находились на разной стадии культурного развития.

Со второй половины X в. до н. э. племена горных районов осваивают железоделательное ремесло, в их хозяйстве появляются железные предметы, по форме близкие бронзовым.

К VIII—VII вв. до н. э. наблюдается решительное наступление железа на бронзу. Эта картина весьма ярко прослеживается по материалам многих памятников Кавказа и Закавказья. Это хорошо видно на примере Тлийского могильника.

Ряд железных предметов (28 шт.) из этого могильника были отобраны для технологического исследования.

Комплексы, из которых они взяты, датируются второй половиной X — концом VI в. до н. э. Самым ранним можно считать комплекс из погребения 87, который содержит богато орнаментированный бронзовый топор с двусторонне изогнутым в противоположные стороны корпусом, дугообразную фибулу с изображением животного на тыльной стороне приемной части, высокую поясную пряжку, миску из листовой бронзы, шаровидные бусы, покрытые штампованной золотой фольгой, и единственный железный кинжальный клинок, воспроизводящий форму бронзовых пламевидных клинков с продольным ребром посредине. Железные кинжалы подобной формы в Самтаврском могильнике встречаются в комплексах XI—X вв. до н. э.[5] Тлийский же комплекс из погребения 87 следует отнести к концу X — первой половине IX в. до н. э. Именно с этого времени появляются дугообразные фибулы с изображением на приемной части животного или фантастического существа. Этим же временем датируется комплекс из погребения 30, который состоит в основном из бронзовых изделий (топор, фибула, пряжка, пинцет, миска), но в нем присутствует также железный кинжальный клинок. Интересно отметить, что железные кинжальные клинки из этих двух комплексов при анализе дали совершенно одинаковую технологию изготовления.

Весьма интересен комплекс из погребения 85. Он тоже состоит из бронзовых предметов (топор, гривна, высокая пряжка, пояс из листовой бронзы с граненой наружной поверхностью, дугообразная фибула с елочным узором, сосуд типа ведерка и т. д.), но вместе с тем в нем имеются железный подкинжальный нож с утолщенной спинкой и важный для датировки комплекса акинак с железным лезвием и бронзовой рукоятью, разделенной на три части так, что по краям образуются рельефные бортики. Акинак имеет бабочковидное перекрестие, ручка акинака кончается брусковидным навершием.

Рукоятки с боковыми валиками широко распространены среди ранних скифских акинаков с брусковидным навершием в Северном Причерно-

[2] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 132.

[3] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I. Тбилиси, 1941, стр. 72; Е. И. Крупнов. Раннежелезный век Северного Кавказа. Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР, XIV, Махачкала, 1965, стр. 334.

[4] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа...

[5] Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ВГМГ, XIX-А и XXI-В, 1957, табл. 1, *149, 151.*

морье и на Кавказе [6]. Сочетание бронзовой рукояти и железного клинка характерно для предскифской эпохи Кавказа [7] и Приднепровья [8].

Рассматриваемый комплекс относится во времени не позже второй половины VIII в. до н. э. Для этого периода характерны и бронзовые сосуды типа маленьких ведерочек, которые раньше второй половины VIII в. до н. э. нигде не зафиксированы. Верхняя хронологическая дата этих сосудов доходит до конца VI в. до н. э.

Вслед за комплексом 85 следуют погребения 68 и 16, которые датируются VII в до н. э. Первое из них (т. е. погр. 68) помимо железного акинака и наконечника копья, подвергнутых структурному изучению, содержит также бронзовые топор, булавку, сосуд типа ведерка, но уже с витой проволочной ручкой, и т. д. Самыми интересными в этом комплексе являются бронзовые удила со стремяновидными концами и орнаментированные роговые трехдырчатые псалии, один конец которых изображает переднее копыто коня. Они обнаружены у лошадиного черепа [9]. Удила из комплекса 68 повторяют форму удил из курганов близ Келермесской станицы, жаботинских и куланурховских удил, относящихся к третьему типу по классификации А. А. Иессена. Они известны на Северном Кавказе, Подонье и Украине [10], а также далеко на востоке, в Приалтайском районе и Средней Сибири (Минусинский район) [11]. Комплексы последующего периода состоят уже из железных предметов при наличии отдельных предметов украшения из бронзы. В этой связи интересно отметить комплекс из погребения 164, который содержит железный топор, акинак, подкинжальный нож, бронзовую пряжку и оселок с бронзовой цепью. Ножны акинака были украшены бронзовым наконечником с изображением свернувшейся в кольцо пантеры, которое выполнено в стиле, характерном для скифской архаики. Судя по нему, данный комплекс датируется временем не позже, чем первая половина, а может быть, даже начало VI в. до н. э.

VII — VI вв. до н. э. датируются и комплексы 15, 85, 93, 103, 106, 158, 164, 197, 205, 206, 212, 215, 216 и т. д.

Итак, микроструктурному изучению подвергнуты железные изделия из комплексов начиная с X и кончая VI в. до н. э. (рис. 1). Они представлены десятью топорами различных типов (погр. 15, 16, 93, 103, 106, 108, 158, 164, 197, 205), пятью кинжалами-акинаками (погр. 68, 85, 93, 106, 164); пятью кинжальными клинками разных типов (погр. 16, 30, 87, 108, 215), тремя большими ножами с овальным навершием на рукояти (погр. 103, 197, 212), тремя наконечниками копий (погр. 68, 93, 216), двумя ножами (погр. 30, 85). Пробы для микроскопического исследования были взяты с поперечных или продольных сечений рабочей части изделий.

К сожалению, все изделия покрыты значительной поверхностной коррозией, что лишает возможности провести внимательное макроисследование предмета при определении его конструкции.

Микроструктурное изучение проб вместе с измерением микротвердости металла привело к следующим результатам.

---

[6] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, стр. 11.

[7] П. С. Уварова. МАК, VIII, М., 1900, табл. XCV, *3*, *4*; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 11; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XII, *1*; М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 30.

[8] А. И. Тереножкин. Культура Предскифского времени в среднем Поднепровье (Чернолесский этап). ВССА, М., 1954, стр. 104.

[9] Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, 1, стр. 170, рис. 6.

[10] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 52; его же. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, стр. 127—129; В. А. Іллінська. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. Археологія, V, Київ, 1951, стр. 196; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 79.

[11] А. А. Иессен. Некоторые памятники..., стр. 129.

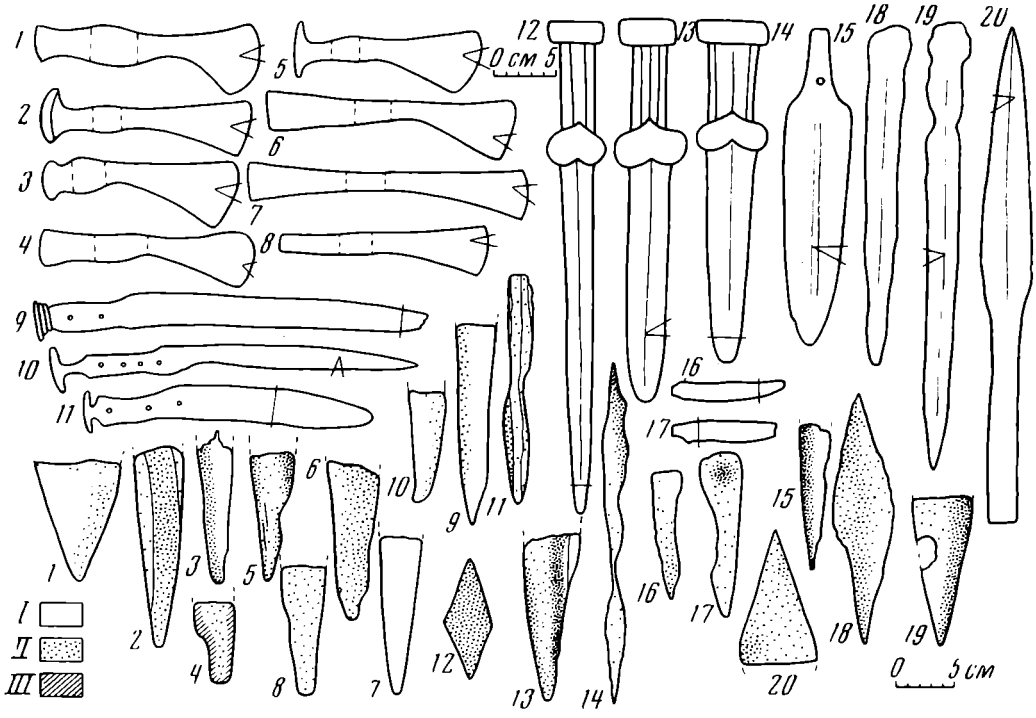


Рис. 1. Технологические схемы кузнечных изделий из Тлийского могильника

1 — топор с высоким обухом (погр. 16); *2* — топор с молоткообразным обухом (погр. 197); *3* — топор-молот (погр. 103); *4* — топор с клиновидным обухом (погр. 158); *5* — топор с плоским квадратным обухом (погр. 15); *6* — топор-секира (погр. 164); *7* — то же (погр. 205); *8* — то же (погр. 106); *9* — кинжал (погр. 197); *10* — нож с овальным навершием на рукояти (погр. 103); *11* — то же (погр. 212); *12* — кинжал-акинак (погр. 93); *13* — то же (погр. 164); *14* — то же (погр. 106); *15* — кинжальный клинок (погр. 108); *16* — нож (бритва?) (погр. 85); *17* — нож (погр. 30); *18* — кинжальный клинок (погр. 87); *19* — то же (погр. 215); *20* — наконечник копья (погр. 216). Условные обозначения: *I* — железо, *II* — сталь, *III* — термически обработанная сталь

Некоторые экземпляры топоров (погр. 15, 103, 158, 197) демонстрируют сложную технологию изготовления с применением цементации лезвия.

Топор с широким квадратным обухом из погребения 15 изготовлен с применением поверхностной цементации лезвия. Цементировались обе поверхности лезвия. Содержание углерода в цементированном слое достигает более 1%, микротвердость 350 *кг/мм*^{2} (рис. 2, *в*).

Топор из погребения 103 имеет правильное и целесообразное расположение науглероженной зоны на лезвии, что при отсутствии следов сварки металла разного состава приводит к мысли о цементации лезвия топора. Науглероживание происходило таким образом, что только одна поверхность клинообразного в сечении лезвия соприкасалась с углеродосодержащий средой. Другая поверхность была предохранена от науглероживания (либо обмазана глиной, либо топор был положен на глиняную (?) подставку и углеродсодержащая смесь насыпана только сверху на одну поверхность). Цементация проведена при правильном соблюдении температурного режима, так как поковка имеет мелкозернистое строение металла.

Лезвие топора с молоточным обухом из погребения 197 отковано из «пакетной» заготовки металла: в центре — полоса стали феррито-перлитной структуры с содержанием углерода 0,3—0,6% (рис. 2, *2*), по бокам ее — полосы чистого феррита.

Лезвие топора с клиновидным обухом из погребения 158 было подвергнуто цементации с обеих сторон. После науглероживания произведена закалка лезвия в холодной воде (цементированный слой имеет мартенсито-трооститную структуру) (рис. 2, *6*).

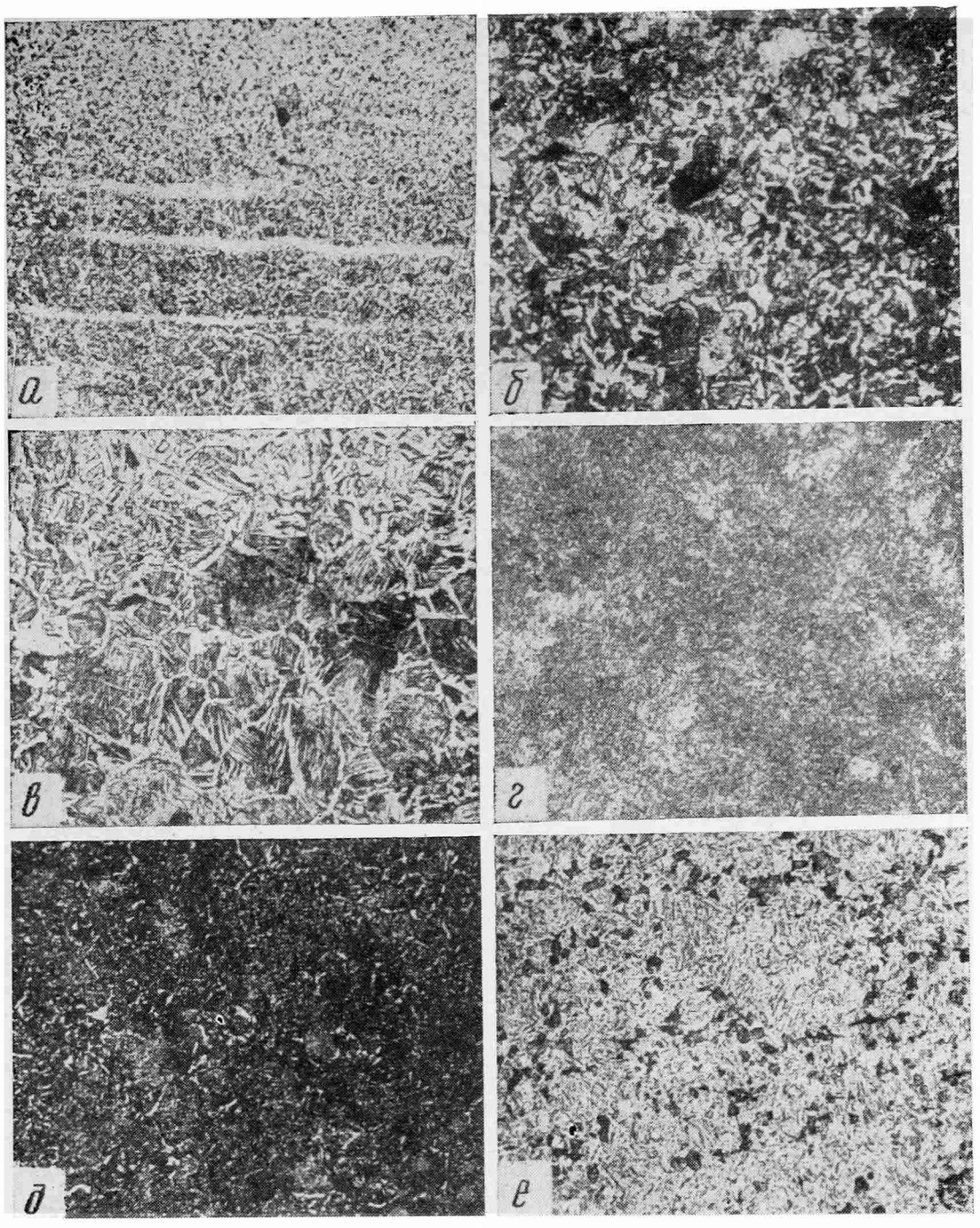


Рис. 2. Микроструктуры

а — кинжал (погр. 106), феррит и перлит, сварочные швы, увел. 70; *б* — топор (погр. 197), феррит и перлит, увел. 200; *в* — топор (погр. 15); феррит и перлит, увел. 70; *г* — кинжал-акинак (погр. 93); перлит сорбитообразный, увел. 70; *д* — нож (погр. 30), сорбит и феррит, увел. 200; *е* — топор (погр. 158), мартенсит и троостит, увел. 200

Топор с высоким обухом из погребения 16 откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали (содержание углерода в феррито-перлитной структуре колеблется от 0,1 до 0,5%).

Топоры-секиры (погр. 93, 106, 108, 164, 205) изготовлены более просто: все технологические операции ограничивались приемами свободной ковки металла при помощи кузнечного молота. Откованы топоры целиком из кричного железа или сырцовой стали, с неравномерным содержанием и распределением углерода. Никаких дополнительных приемов, которые могли улучшить рабочие качества лезвия, не обнаружено.

Кинжалы-акинаки представляют две технологические схемы изготовления. Большинство имеет простейшую технологию: откованы целиком из

мягкой стали (погр. 68) или высокоуглеродистой стали (погр. 85, 93). Акинак из погребения 106 имеет сильно корродированное лезвие, из-за чего трудно восстановить технологию изготовления клинка. Судя по тому, что на острие одного лезвия сохранилась зона феррито-перлитной структуры, можно предположить поверхностную цементацию железного клинка. Акинак из погребения 164 имеет цементированный клинок. Содержание углерода в поверхностном цементированном слое достигает 0,7—0,8%. По всей видимости, цементировалось не готовое изделие, а заготовка для него: об этом может свидетельствовать приваренная узкая полоска феррита на одной поверхности клинка. Железная полоска была приварена для достижения необходимой толщины клинка.

Кинжальные клинки, как и кинжалы-акинаки, изготавливались двумя способами: ковались целиком из сырцовой стали с неравномерным содержанием и распределением углерода без применения каких-либо технологических приемов, улучшающих рабочие качества клинков (погр. 16, 30, 87), либо ковались из железа и мягкой стали с использованием поверхностной цементации клинка с целью его упрочнения (погр. 108, 215). Содержание углерода в цементированном слое достигает 0,6—0,8%. Цементация кинжальных клинков в обоих случаях производилась таким образом, что науглероживалась только одна поверхность клинка. Другая его сторона была предохранена от науглероживания (рис. 3).

Три экземпляра ножей с овальным навершием на рукоятке, исследованные микроструктурно, имеют различную технологию изготовления. Нож из погребения 103 откован из железа. Преднамеренного улучшения рабочих качеств лезвия не отмечено. У ножа из погребения 197 одна поверхность клинка имеет следы науглероженности (до 0,3%). Возможно, что при изготовлении ножа использована операция односторонней поверхностной цементации клинка. Нож из погребения 212 откован из так называемого пакетного металла. На поперечном сечении клинка под микроскопом наблюдается пять слоев металла: чистого железа и мягкой стали, разделенных тонкими сварочными швами.

Исследованные два наконечника копья повторяют уже встретившиеся нам на других предметах технологические схемы: ковка изделий целиком из стали (погр. 216) или использование односторонней поверхностной цементации пера копья после завершения ковки (погр. 93).

Два небольших по размерам хозяйственных ножа (погр. 30 и 85) откованы целиком из сырцовой стали с неравномерным содержанием и распределением углерода. Дополнительных технологических приемов, которые могли улучшить рабочие качества лезвий, не отмечено.

Проведя металлографическое изучение кузнечных изделий Тлийского могильника, мы установили, какой металл использовался кузнецами, каково качество его кузнечной обработки; определили, какие технологические приемы применяли кузнецы в производстве орудий труда и оружия.

Местные ремесленники имели в своем распоряжении кричное железо и неравномерно науглероженную сталь, полученную непосредственно в ходе металлургического процесса. Вероятно, кузнецы использовали также и специально полученную цементированную сталь, отличающуюся повышенным содержанием и равномерным распределением углерода. По всей видимости, именно из стальной заготовки, процементированной насквозь, откованы кинжал из погребения 93 и топор из погребения 164 (оба комплекса датируются VII — VI вв. до н. э.).

Использовался так называемый пакетный металл, имеющий слоистую внутреннюю структуру. Он получался путем многократного складывания и тщательной проковки одной полосы железа или в результате кузнечной сварки нескольких полос металла, часто содержащих различное количество углерода, в один брусок. Примером может служить «пакетный» металл, из которого откован нож с овальным навершием на рукояти из погребения 212, топор из погребения 197.

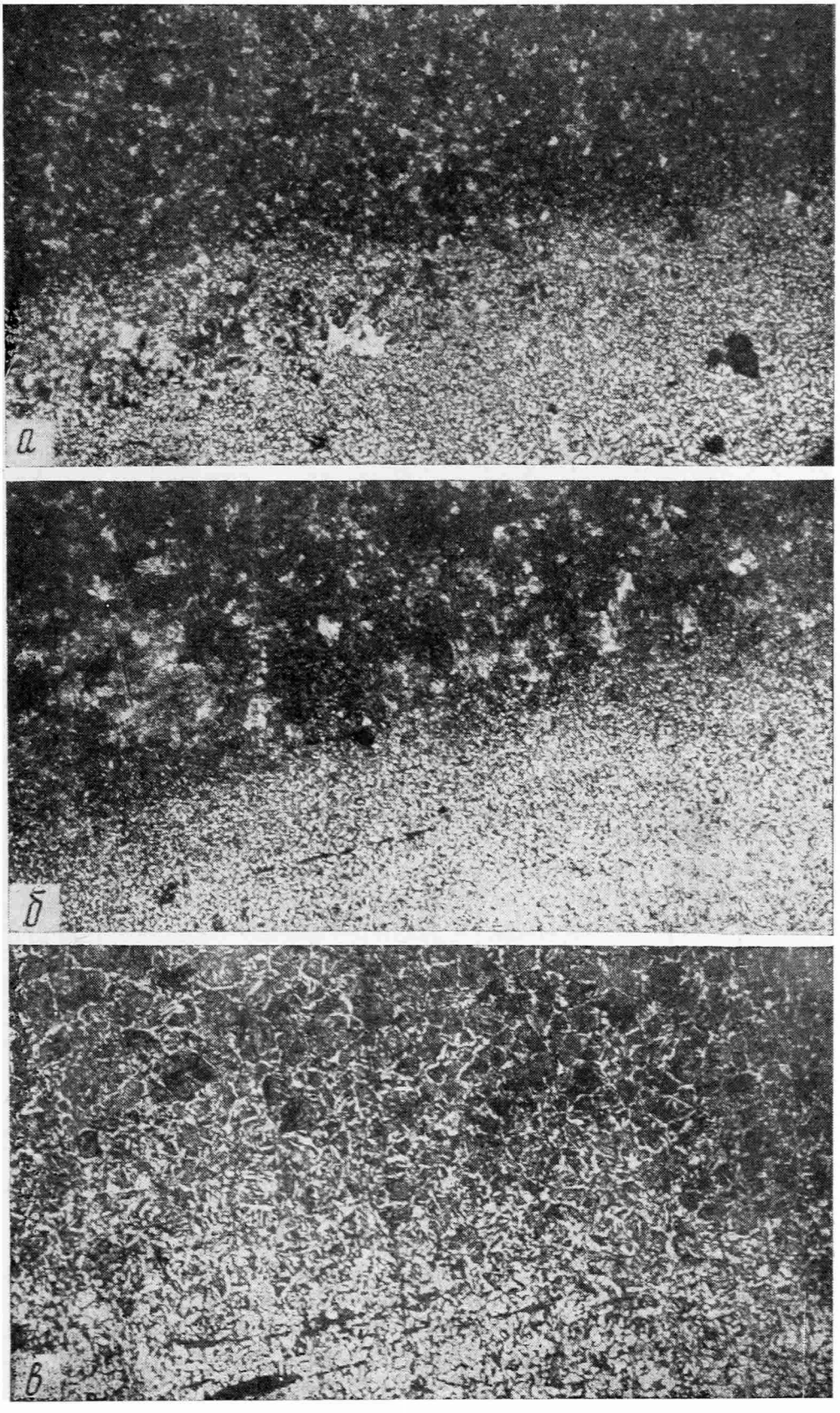


Рис. 3. Микроструктуры

а — кинжальный клинок (погр. 108), увел. 70, цементация; *б* — то же, погр. 215; увел. 70, цементация; *в* — кинжал (погр. 197), увел. 70, цементация

Большинство изученных кузнечных изделий из Тлийского могильника отличается высоким качеством кузнечной обработки металла. К категории металла, обладающего высоким качеством кузнечной обработки и соответственно имеющего повышенные механические свойства, мы относим железо и сталь с незначительным содержанием мелких шлаковых включений, с однородным строением, с равномерным и мелким зерном, с отсутствием следов перегрева при пластической обработке. Всего несколько предметов: топоры-секиры (погр. 93, 205) и нож с овальным навершием на рукояти (погр. 197) можно отнести к поковкам с низким качеством кузнечной обработки, что может свидетельствовать о низкой квалификации кузнеца. Железо, из которого эти предметы откованы, содержит повышенное количество крупных шлаковых включений, величина зерна феррита превышает среднюю.

Что касается технологических особенностей местного кузнечного производства, можно отметить следующие наблюдения. Кузнецы в совершенстве владели всеми операциями свободной ковки металла, придавая изделиям любую требуемую форму. При ковке сложных фигурных изделий или их деталей должны были применяться специальные инструменты типа обжимок.

Производство целого ряда предметов сложной конфигурации (акинаков, наконечников копий, топоров) требует применения кузнечной сварки металла. Как правило, кузнечная сварка производилась с металлом одинакового состава. Активного применения сварки железа и стали в одном предмете как основы технологической схемы и конструкции изделия пока не обнаружено.

Для улучшения рабочих качеств орудий труда и оружия широко используется цементация (науглероживание) готовых изделий или заготовок металла с целью создания на поверхности рабочей части железного предмета твердого стального слоя. Сочетание твердой стальной рабочей части предмета с мягкой и упругой железной основой дает инструменту отличные рабочие качества. Интересно, что кузнечные изделия Тлийского могильника, при производстве которых использовалась операция поверхностной цементации, имеют одну характерную особенность: применялась почти всегда о д н о с т о р о н н я я цементация рабочих частей орудий труда и оружия. В этом случае предмет или железная заготовка с одной стороны была предохранена от науглероживания, например обмазана глиной. Может быть, дело обстояло проще: углеродосодержащую смесь могли насыпать только на одну поверхность предмета, помещенного в герметически закрытый огнеупорный муфель (в древности для этой цели могли употребляться глиняные сосуды различной формы).

Примечательно, что цементированные изделия пока встречены только в тех погребальных комплексах, которые датируются VII—VI вв. до н. э., в более раннее время этот технологический прием в кузнечном деле использовался, видимо, очень редко.

Термическая обработка, в данном случае закалка, известна по материалам Тлийского могильника. Но употреблялась она редко: всего один случай из 28 анализов — топор из погребения 158 — имеет закаленное лезвие. Стоит отметить, что большинство стальных изделий имеет сорбитообразную форму перлита. Такой вид структуры мог получиться при неоднократных нагревах поковки в кузнечном горне и охлаждении ее на воздухе. Подобный режим охлаждения поковки имеет свои преимущества и в современном кузнечном деле носит название нормализации.

По всей видимости даже к VII—VI вв. до н. э. термическая обработка поковок не стала еще обычным технологическим приемом в кузнечном производстве. Но ремесленники уже хорошо представляли разницу и преимущества стали перед железом, судя по значительному количеству цельностальных и цементированных изделий среди рассмотренных нами предметов. Редкое использование термообработки можно объяснить

в некоторой степени исходя из того, что в эпоху освоения древними кузнецами нового материала — стали — долго еще продолжали жить некоторые традиции в технике обработки металла, которые сложились в предшествующую эпоху обработки медных сплавов и чистого железа.

Известно, что приобретение при закалке дополнительной твердости (вместе с повышением хрупкости) есть особенность именно стали. Поэтому, естественно, потребовался довольно длительный промежуток времени, чтобы на эмпирической основе не только выяснить способность нового металла к закалке, но и разработать дифференцированные режимы термической обработки, которые мы застаем в кузнечном ремесле Европы только в эпоху раннего средневековья.

Изучение техники и технологии кузнечного ремесла эпохи раннего железа на примере Тлийского могильника имеет большое значение и большие перспективы. Проведенное даже в столь небольшом объеме исследование позволило зафиксировать почти все основные приемы и технологические операции, известные кузнечному ремеслу древности. Высокое качество исполнения кузнечных работ свидетельствует о профессионализме ремесленников, имеющих большой производственный опыт.

На исследованном материале удалось установить наличие в кузнечном производстве поздней кобанской культуры VII—VI вв. до н. э. цементации и термической обработки — важных технологических операций, связанных с улучшением рабочих качеств железных предметов. Это наблюдение позволяет предварительно наметить для территории Центрального Кавказа время широкого освоения стали как основного материала для изготовления орудий труда и оружия.

Как отмечалось выше, на археологическом материале четко прослеживается решительное вытеснение железом бронзы, которое произошло в VIII—VII вв. до н. э. Именно к этому времени (по данным металлографических исследований) мы относим овладение сталью кузнецами горных кавказских племен. Поэтому справедливо было бы говорить об окончательном вытеснении бронзовых изделий именно стальными, а не железными. Только сталь дала орудиям труда и оружию такие преимущества, что бронзовые изделия уже не смогли составить им конкуренции.

Поскольку речь идет об эпохе раннего железа, возникает вопрос о путях возникновения и распространения того объема знаний и тех навыков в обработке черного металла, которыми владели местные кузнецы.

Известно, что Закавказье наряду с Передней Азией является одним из наиболее ранних очагов возникновения металлургии железа и стали. В древней Грузии в период широкого освоения железа (XII—VI вв. до н. э.) используются в кузнечном ремесле все операции свободной ковки, кузнечная сварка, цементация и термическая обработка [12]. Поэтому естественно предположить, что высокое развитие техники обработки железа у населения, оставившего Тлийский могильник, обусловлено теснымп контактами с племенами Закавказья, имевшими глубокие и древние традиции в области металлургии железа. Несомненно, корни высокоразвитого кузнечного ремесла лежали еще в блестящих культурах кавказской бронзы, когда накопленная сумма сведений об обработке медных сплавов явилась той основой, на которой оказался возможен быстрый взлет техники обработки черного металла.

В то же время не может не заинтересовать то обстоятельство, что многие кузнечные изделия Тлийского могильника не только имеют скифские формы, но и технологические их характеристики имеют много общего с техникой обработки железа в древней Скифии [13].

---

[12] Ф. Н. Тавадзе. Изучение технологии производства железа в древней Грузии. Сб. «Методы естественных и технических наук в археологии». М., 1963, стр. 34.

[13] Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, 4; Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомін,

Постепенное накопление фактов, среди которых аналитическим исследованиям принадлежит существенная роль, позволит дать позитивное решение проблемы возникновения и распространения техники обработки черного металла на территории Восточной Европы.

G. A. Voznessenskaïa, B. V. Tekhov

TECHNIQUE DE LA FABRICATION DES PRODUITS DE FORGE PROVENANT DE LA NÉCROPOLE DE TLI
(X — VI siècles avant Notre ère)

Résumé

L'article est consacré au problème de l'implantation de la métallurgie de fer au Caucase. Les études métallographiques des produits de fer provenant de la nécropole de Tli, un des sites de la civilisation cobanéenne mondialement connue, mettent en lumière les particularités techniques de l'industrie de forge chez les tribus du Caucase Central au premier âge de Fer. Il est établi que presque tous les procédés manuels de la technique de forge prennent leur origines dans les lieux mêmes où a débuté la métallurgie de fer. L'époque du grand maniement du fer qui doit être en rapport direct avec la maîtrise pratique de l'acier, pour les tribus montagnardes du Caucase Central, peut être rapportée avec certitude aux VII—VI siècles avant notre ère.

Л. А. Солнцев. Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза и сталі. Археологія, XXIII, Київ, 1970.

А. И. МАРТЫНОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ТАГАРСКО-ТАШТЫКСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ И ЖИЛИЩАХ

В 1971 г. на территории обнаруженного и обследованного нами укрепленного поселения у с. Шестаково Кемеровской области были открыты остатки тагарского наземного жилища. Несмотря на то, что исследования поселения только что начались, факт этот имеет определенное научное значение, если учесть, что тагарских поселений известно совсем немного. По этому поводу С. В. Киселев с сожалением писал: «Несчастной особенностью минусинской археологии является разрушенность культурных слоев на приречных дюнах. Огромное количество остатков тагарских поселков погибло. На дюнах можно встретить лишь груды черепков тагарской посуды и отдельные бронзовые вещи — ножи, стрелы, украшения, реже кинжалы и кельты»[1]. Однако несколько поселений все же зафиксировано С. В. Киселевым. Известно, например, Усть-Ербинское поселение с валом и рвом до 2 *м* глубины; близкое по форме к Усть-Ербинскому тагарское поселение было обследовано Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым у с. Тесь. Кроме того, имеются упоминания о тагарских поселениях у с. Абаканское, Кривая и Качулька[2]. В 1959 г. Л. Р. Кызласовым были обнаружены два кольцевых городища с земляными валами и рвами у дер. Троицкой на р. Тесь. План и назначение этих городищ аналогичны изученному С. В. Киселевым Усть-Ербинскому городищу[3]. Заложенные Л. Р. Кызласовым раскопы выявили культурные слои с многочисленными обломками костей домашних животных, фрагментов керамики, угольков и золы. Городища, судя по фрагментам сосудов, относятся к II—I вв. до н. э.[4] Однако ни на одном из этих поселений не обнаружено признаков землянок или других сооружений.

Около Красноярска несколько поселений, содержащих в культурном слое предметы тагарской культуры, были описаны В. Г. Карцовым[5]. Известно, что на раскопанной им Есаульской стоянке был обнаружен большой очаг в виде ямы диаметром около 2 *м*, что дало возможность предположить наличие здесь наземного жилища, «может быть юрты», как пишет В. Г. Карцов[6]. Однако одновременно с нею, как подметил С. В. Киселев, существовал и другой вид жилья. В 1932 г. на острове около монастыря (к югу от Красноярска) открылись остатки деревянного рубленого дома размером 4 × 4 *м* с фрагментами типично «курганной» (тагарской) керамики[7].

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 251.

[2] Там же, стр. 251—252.

[3] Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г. Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, IX, Абакан, 1963, стр. 159, 163.

[4] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 163.

[5] В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, стр. 6—8.

[6] В. Г. Карцов. Ук. соч., стр. 41; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 287.

[7] Там же.

Все эти данные, представляющие большую научную ценность, не носят массового характера и не смогли послужить веским основанием для выводов об устройстве жилищ и в целом поселений тагарской культуры и тагарско-таштыкской переходной эпохи [8]. Очевидно, поэтому особое место как источник по жилищам занимают замечательные изображения древних поселков на Боярских писаницах, исследованных и опубликованных в разное время А. В. Адриановым [9], М. П. Грязновым [10], Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым [11], М. А. Дэвлет [12].

Как на Малой, так и на Большой Боярских писаницах изображены поселки древних жителей Среднего Енисея, «их жилища, скот, домашняя утварь, оружие, а также и сами творцы наскальных изображений» [13]. В центре среднего яруса Большой Боярской писаницы «помещена главная группа жилищ: большие рубленые избы с покатыми крышами и конические постройки, напоминающие юрты» [14]. М. П. Грязнов и С. В. Киселев справедливо подчеркнули особое значение этого памятника для социальной истории древнего населения Южной Сибири [15]. С. В. Киселев и М. А. Дэвлет на основании сопоставлений изображений скифских котлов, фигурок баранов и техники исполнения рисунков относят изображения Боярских писаниц к «третьей стадии тагарской культуры» [16]. М. А. Дэвлет при этом справедливо отметила, что с рисунками котлов на Большой Боярской писанице наибольшее сходство имеет керамический котловидный сосуд из Большого Тесинского кургана, раскопанного И. Р. Аспелиным в 1889 г. и датированного II — первой половиной I в. до н. э., т. е. переходным тагаро-таштыкским временем [17]. Очевидно, эта дата и является временем создания Боярских писаниц. К этому же времени, насколько удалось нам установить на основании предварительных материалов, относится и Шестаковское поселение [18].

В результате разведки установлено, что район с. Шестаково представляет собой целый комплекс археологических памятников конца тагарской культуры и переходного тагарско-таштыкского времени.

Село расположено в низине, которая часто заливается водой, а в древности несомненно была поймой. С восточной стороны ее огибает довольно высокая надпойменная терраса, идущая в виде сглаженных холмов, разрезанных оврагами. На вершине одного такого холма распо-

---

[8] В этой статье не учтены данные о тагарских поселениях, открытых Красноярской археологической экспедицией.

[9] А. В. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. Изв. Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, 1904, 4, стр. 30; его же. Писаница Боярская. Изв. Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии..., 1906, 6, стр. 55—56.

[10] М. П. Грязнов. Боярская писаница. ПИМК, 1933, 7—8, стр. 41.

[11] Эстампаж Малой писаницы на хребте Бояры был в 1931 г. снят Л. А. Евтюховой и С. В. Киселевым. Ими же была описана еще одна, ранее неизвестная писаница. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 184, табл. XIX, 1, стр. 254.

[12] М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница. СА, 1965, 3, стр. 124—142.

[13] М. А. Дэвлет. Ук. соч., стр. 127—128.

[14] Там же, стр. 128.

[15] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 45; С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, 65, Л., 1933; его же. Древняя история Южной Сибири, стр. 254.

[16] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 254; М. А. Дэвлет. Ук. соч., стр. 132—133.

[17] М. А. Дэвлет. Ук. соч., стр. 132—133; ее же. К вопросу о тагарско-таштыкских взаимоотношениях. СА, 1961, 4, стр. 79.

[18] Поселение было открыто во время разведки в 1971 г. на окраине с. Шестаково в Кемеровской области на правом берегу Кии, левого притока Чулыма. Около этого же села расположен Шестаковский могильник II—I вв. до н. э., раскопанный археологической экспедицией Кемеровского пединститута в 1968 г.

В обследовании поселения вместе с автором принимали участие канд. истор. наук Г. С. Мартынова, аспирант А. М. Кулемзин, лаборант Э. И. Биглер, фотограф Р. Я. Цеттель и студенты исторического факультета Кемеровского пединститута.

ложен курганный могильник. Открытое нами поселение располагалось у подножия соседнего холма на юго-восточной окраине села. С севера и юга холм был отделен от окружающего пространства оврагами, по дну которых протекают ручьи. Сам холм ступенчатый. Над пойменной террасой возвышается небольшая (высотой 4—6 *м*) обширная площадка, защищенная с восточной стороны большим холмом. На этой площадке и расположено Шестаковское поселение (рис. 1). Оно занимает почти

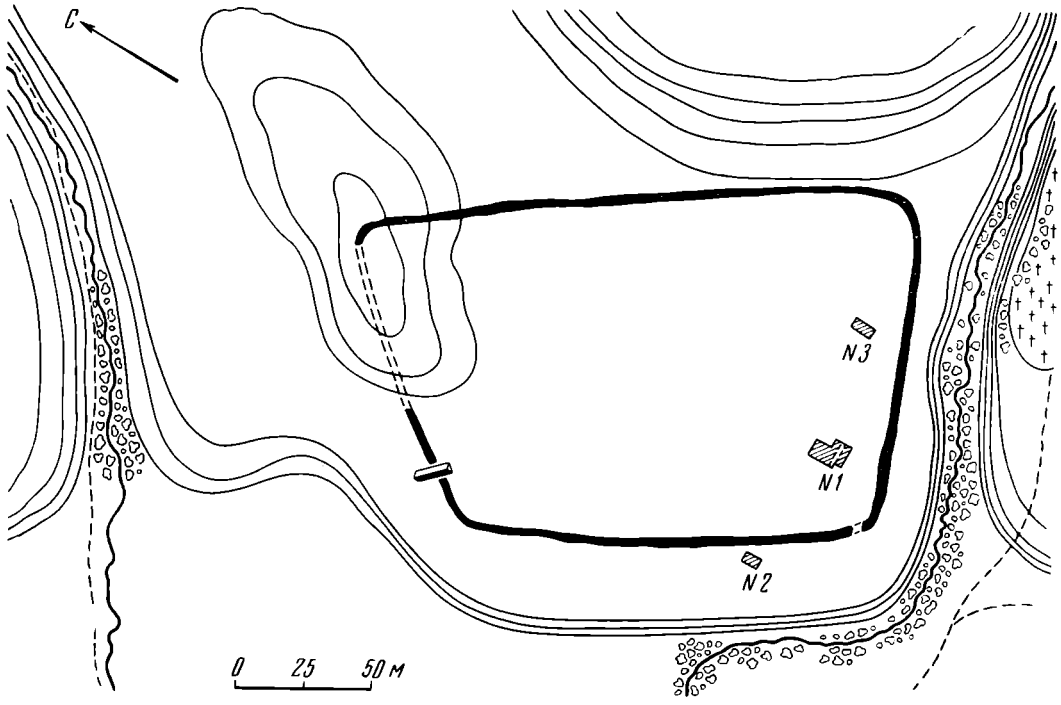


Рис. 1. План Шестаковского укрепленного поселения (черной линией показан вал)

всю террасу и ограничено валом, который идет с четырех сторон по краю террасы. Длина вала по западному краю 160 *м*, по восточному, вдоль горы, 190 *м*; с южной окраины длина вала 125 *м*. С севера вал прослеживается нечетко, у западного угла он доходит до возвышенности, расположенной с этой стороны городища. У юго-западного угла вал прерывается на 3—4 *м*. Очевидно, в том месте, где терраса понижается, был проход через укрепление.

В современном состоянии вал имеет высоту 40—60 *см* и ширину в среднем 5—6 *м*. Вал расплылся, сгладился. Каких-либо заметных признаков рва не обнаружено.

Для изучения устройства вала был сделан разрез в его западной части шириной 1 *м* и длиной 6 *м*. Раскопом были перерезаны слои насыпи до поверхности материковой глины и обнажена его структура. Сверху вал покрыт задернованным черноземом. Ниже залегал ровный слой чернозема, который и составлял основную толщу его насыпи. В слое материковой глины великолепно были заметны темные четкие пятна от вертикально врытых столбов. Столбы были вкопаны по краям вала и по центру вдоль насыпи. По центру шли большие столбы. Ямка от такого столба глубиной 90 *см* и диаметром 40 *см* обнаружена в центре вала. Столбы по краям были значительно меньших размеров: диаметр ямок от них 10 *см* и глубина от поверхности земли 70 *см*. Фактически это были колья, вбитые по краям вала. Насыпь вала однообразная по цвету, структуре и очень плотная. Вероятно, насыпь была сделана из дерна. Только в этом случае могла образоваться такая однообразная черноземная толща вала. С краев такую стенку из дерна, как мы предполагаем, придерживали колья, которые,

вероятно, были переплетены прутьями. Если учесть расстояние между внешними и внутренними кольями — 3,8 *м*, можно предположить, что такой, вероятно, была и ширина возведенного укрепления. Верхнюю же его часть образовывала стена частокола из вертикальных бревен (рис. 2). Следы такого столба сохранились в основании сооружения.

На площади поселения и за его пределами были заложены четыре небольшие раскопа. Раскопы 1 и 3 были на южной окраине поселения. Раскоп 2 находился на террасе, за пределами городища, и еще один — на горе, расположенной с восточной стороны поселения.

В раскопах, расположенных на площади поселения, был хорошо прослежен культурный слой и открыты остатки четырехугольного наземного

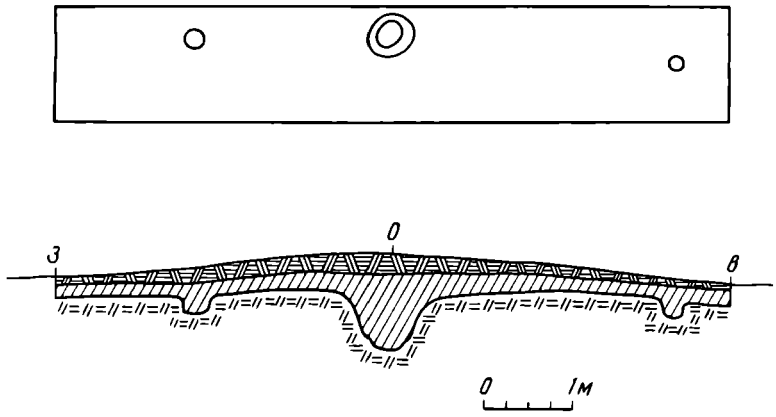


Рис. 2. План и профиль вала

жилища. Раскоп 1, в котором обнаружены остатки жилища, находился в юго-западной части поселения. Площадь его сначала была 60 $м^2$, потом, когда было обнаружено пятно от жилища, раскоп был увеличен еще в южном направлении на 4 *м* и на восток на 3 *м*.

В ходе раскопок хорошо прослежен культурный слой, который залегал на глубине 0,1—0,3 *м* от поверхности в виде темно-коричневого плотного слоя земли. Однако на большей части площади раскопа культурный слой был нарушен вспашкой. В культурном слое вплоть до материковой глины встречалось большое количество археологических предметов в виде обломков керамики, раздробленных костей домашних животных, разбитых и частично обожженных камней и разбитых зернотерок (рис. 3).

На границе культурного слоя и поверхности материковой глины четко прослежены темно-коричневые и совсем черные пятна от когда-то стоявших на этой площади столбов. Всего было обнаружено 70 ям различного диаметра и глубины. Самые маленькие из них — это ямки диаметром 8—15 *см*, оставшиеся от кольев, вбитых около входа в жилище. Большинство же ям было размеров 0,15—0,4 *м* и содержали мелкие остатки древесной трухи. А в некоторых, как показано на чертеже, сохранились незначительные остатки гнилого дерева.

На площади раскопа после зачистки поверхности материка было четко заметно черное пятно от прямоугольного жилища с входом на северо-запад (рис. 4). Жилище было наземным, от него сохранилось только небольшое углубление, которое, как мы полагаем, довольно точно соответствует форме и размерам строения. При расчистке этого пятна установлено, что под жилищем был совсем небольшой котлован глубиной 20—30 *см*. Строение стояло на склоне, поэтому в западном его углу понижения котлована почти нет. Очевидно, так было сделано специально, чтобы выровнять пол помещения.

Углами строение было ориентировано по сторонам света и представляло собой почти квадратное сооружение. Стенки его, судя по размерам пятна, были следующие: северо-восточная — 3,7 *м*, юго-восточная 3,5 *м*,

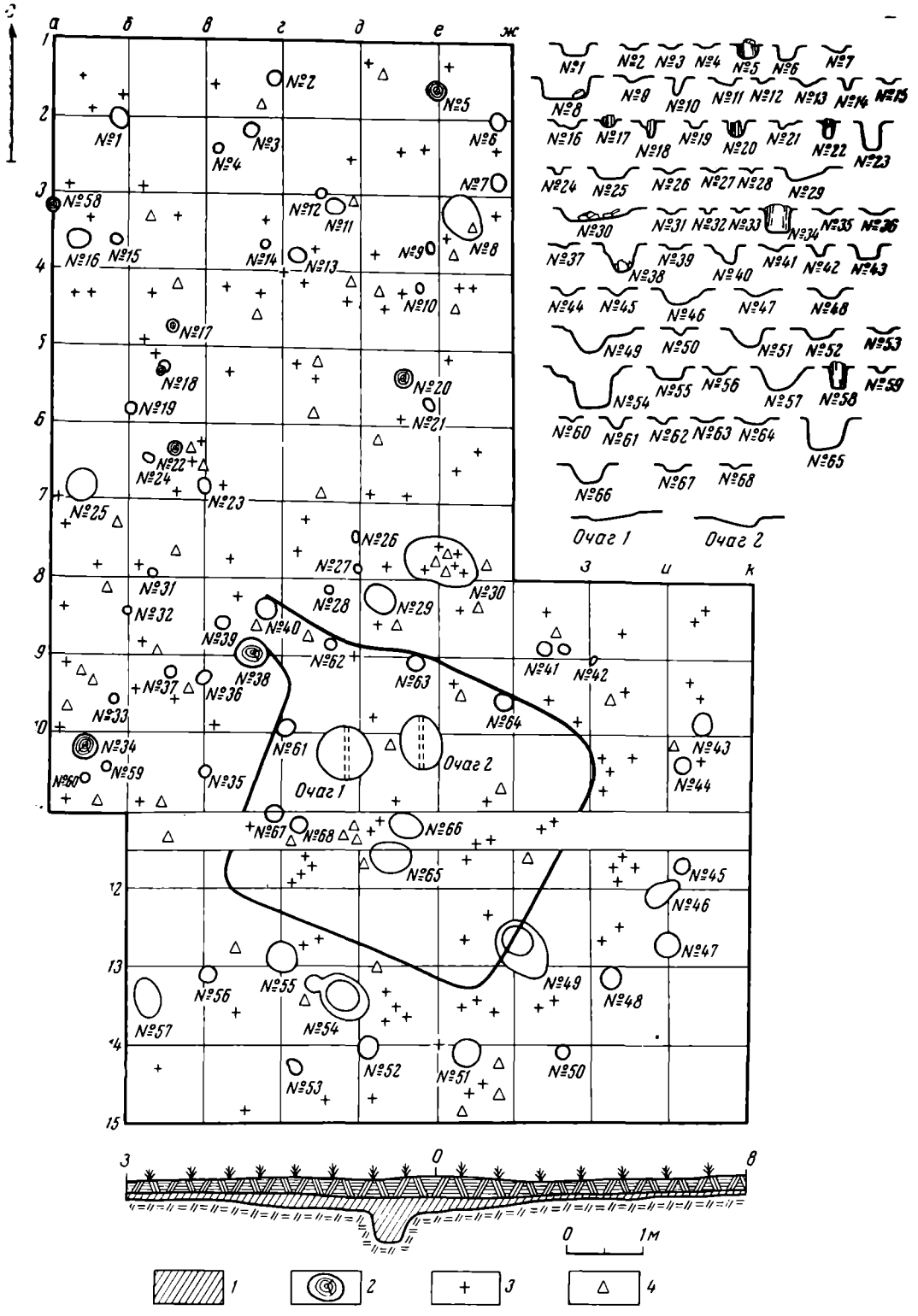


Рис. 3. План и профиль раскопа с обозначением ям от столбов, контура жилища и находок

1 — культурный слой; *2* — ямы с остатками дерева; *3* — керамика; *4* — кость

юго-западная — 3,5 *м* и северо-западная — 3,8 *м*. Конечно, размеры сторон жилища реконструировать по пятну можно только приблизительно. К тому же углубление под постройкой не всегда могло соответствовать размерам стенок. В данном случае, учитывая, что следы от юго-западной и северо-западной стенок сооружены были одинаковыми, длиной по 3,5 *м*, а остальные — близкие к ним по размерам, можно смело утверждать, что жилище было квадратным, а стенки его равнялись приблизительно 3,5—3,6 *м*. Следовательно, площадь помещения была приблизительно 12—13 $м^2$.

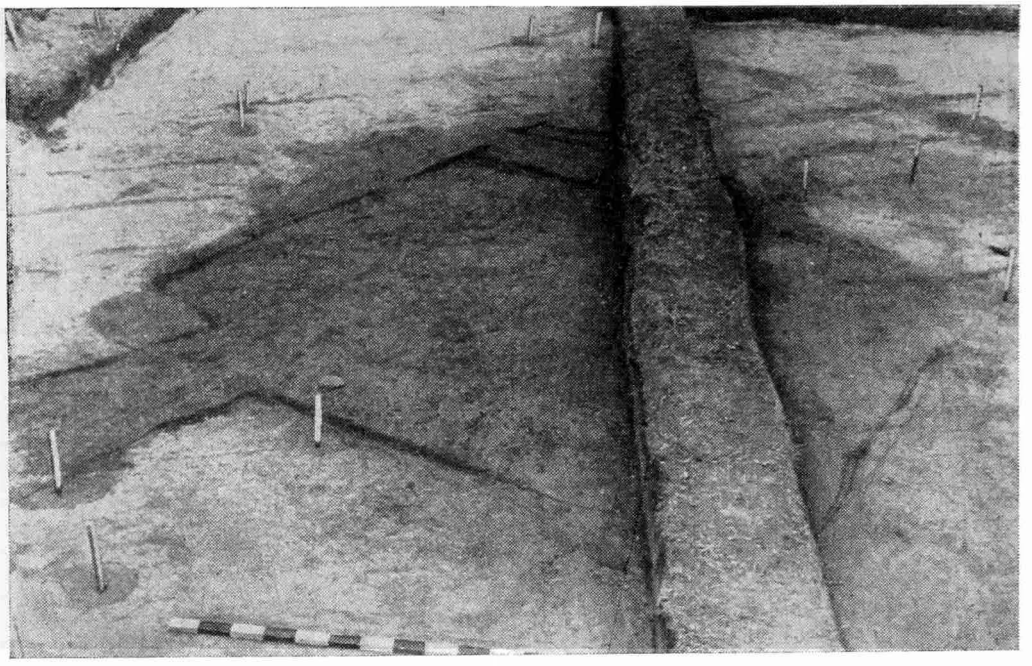


Рис. 4. Пятно на месте жилища

В северо-западном углу был вход, от которого осталось совсем небольшое (в среднем 4—6 *см*) углубление, заполненное черноземом культурного слоя. По направлению к котловану жилища пол входа немного понижался. У основания входа стояли два столба. От них сохранились ямы диаметром в среднем по 0,35 *м* и глубиной одна — 0,45 *м*, другая — 0,30 *м*. В яме с южной стороны входа на дне в глине сохранился довольно значительный кусок гнилого дерева. Расстояние между столбами, т. е. ширина прохода, было примерно 0,50—0,60 *м*. Вероятно, вход в помещение был устроен в виде коридора или навеса длиной около 1 *м*. Вход хотя и был устроен в северо-западном углу, однако его северная стенка не является продолжением стены жилища. При зачистке в этом месте был заметен небольшой уступ между стеной жилища и стеной выхода, который заметен на фотоснимке. С севера у основания входа с внешней стороны, вероятно, был вертикальный столб, от которого осталось пятно. Однако его расчистка показала, что столб был врыт совсем неглубоко и оставшаяся от него яма сливалась с котлованом постройки. Вход, вероятно, был устроен следующим образом. В северо-западной стене, ближе к северному углу, было сделано дверное отверстие шириной 50—60 *см*. С северной стороны разрез стены был укреплен дополнительно вертикальным бревном.

Внутри помещения, на дне, были обнаружены черепки от неорнаментированных сосудов, обломки костей домашних животных и небольшое количество обожженных камней. Отмеченные нами предметы находились в основном вокруг двух очагов, расположенных в северной части жилища и в восточном углу. Кроме того, у юго-восточной стенки находилось погребение ребенка. На расстоянии 0,35 *м* от стенки в небольшом углублении кучкой лежали кости черепа, несколько ребер и обломков трубчатых костей.

На дне помещения, в его южной части, обнаружены еще четыре ямы от столбов, не связанные, однако, с устройством стен. Располагались они попарно. Два небольших столба, стоящих на расстоянии 0,15 *м*, находились около южного угла (67 и 68) на расстоянии 1,2 *м* от угла. Пара других ям находилась на расстоянии 1 *м* к востоку от описанных. Ямы здесь были больше, диаметром 0,50—0,40 *м*, глубиной 0,40 и 0,25 *м*.

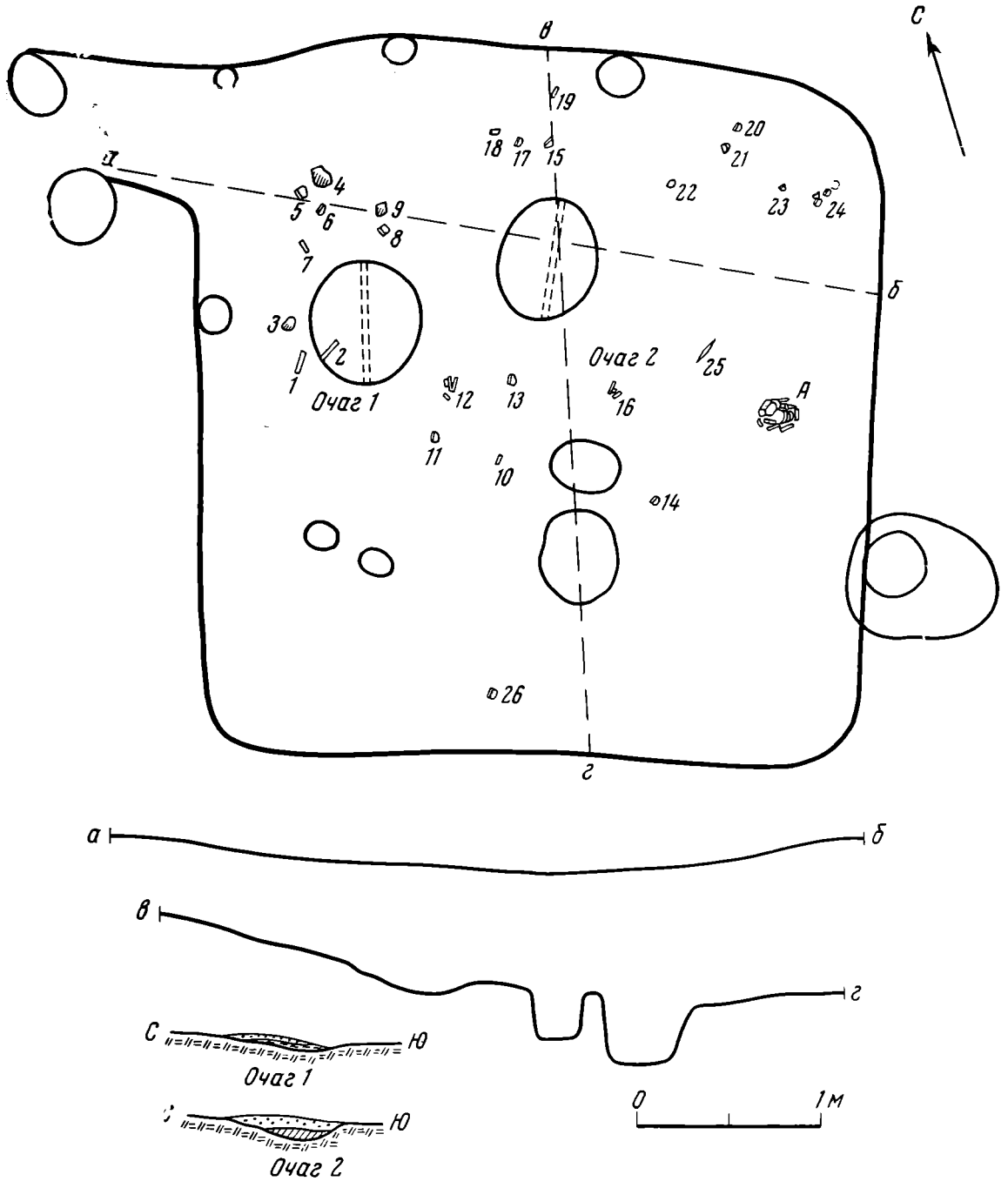


Рис. 5. План жилища и профиль углубления под ним

1, 2, 7, 12, 16, 19 — раздробленные кости, 3—6, 8 — камни, 25 — костяной наконечник стрелы, остальное керамика, А — погребение ребенка

Очевидно, внутри помещения было еще какое-то сооружение, вероятно настил или нары, которые поддерживали эти столбы.

Внутри помещения, ближе к выходу, в северной половине жилища, располагались два очага. На поверхности дна они выглядели как большие овальные пятна черной земли, перемешанной с мелкими углями, золой и прокаленной докрасна глины (рис. 5). Очаги были устроены в совсем неглубоких очажных ямах.

Естественно, интерес вызывают некоторые наблюдения, касающиеся устройства стенок. Целый ряд данных свидетельствует о том, что строение было деревянным, срубным. Прежде всего нет обычных для столбового крепления стенок в забирку вертикально врытых столбов. Вдоль стенок было обнаружено пять ям от столбов (49, 61—64). Однако ни один из них не был связан с устройством стенок. Столбы, два из них находились у входа, два у северо-восточной и один у юго-восточной стены,

очевидно, были врыты в результате ремонта. Видимо, жилище ремонтировалось несколько раз. Столб 49, подпиравший с внешней стороны юго-восточную его стенку, меняли, например, несколько раз. Об этом свидетельствует огромная яма в несколько уступов, образовавшаяся на месте этого столба. Очевидно, несколько раз переставляли и столбы у входа в помещение. Немаловажной является и такая деталь: ямы от столбов размещены либо на плечиках котлована жилища, внутри его, либо с внешней стороны, за пределами углубления от жилища, что тоже свидетельствует об их вспомогательном назначении при ремонте стенок.

Установить конструкцию сооружения помогает и еще одно наблюдение. Во всех четырех углах на поверхности материка хорошо были заметны расплывшиеся пятна чернозема неопределенных очертаний. Особенно мощным было пятно в южном и западном углах, где было понижение поверхности. Пятна эти выходили за пределы контура строения. Такие пятна в углах не случайны, они могли образоваться в результате гниения углов заброшенного строения, причем углов, сделанных в лапу или в шип. Только при таком креплении стенок в углах концентрировалась значительная масса дерева в виде выходивших за пределы стенок концов бревен, которые при гниении и оставили след в виде значительных черных пятен.

Таким образом, на этом месте стояло квадратное наземное жилище, сооруженное в виде сруба с выходом на северо-запад, двумя очагами и остатками хозяйственной деятельности внутри.

Исследованное нами жилище делилось на две части: хозяйственную и «красный угол». Такое деление хорошо заметно по остаткам предметов и расположению очагов, находившихся в северной части помещения, напротив входа. Здесь же концентрировались и все находки предметов хозяйственной деятельности. В южной же части помещения, значительно большей по размерам, почти совсем не было находок, здесь были только четыре ямы от внутреннего сооружения.

Раскопки показали, что вокруг жилища был большой хозяйственный двор. Здесь находилась яма для отбросов, расположенная в 1,5 *м* от северной стенки помещения, большое количество керамики, костей, отдельные камни и масса ямок от столбов и кольев, поддерживающих ограду. Расположение оград со временем менялось, поэтому ямы расположены на первый взгляд беспорядочно. Более определенно передают очертания ограды ямы, которые шли непосредственно вокруг жилища. Они свидетельствуют о том, что вокруг помещения примерно на расстоянии 1,5—2,5 *м* был возведен забор или плетень. Можно также предположить, что ямки от столбов, расположенные к северу, перед жилищем свидетельствуют о том, что здесь был загон для скота.

Основной раскоп дал большое количество археологического материала, залегавшего в дерновом слое, немного ниже его, и встречавшегося прямо на поверхности поселения. Культурный слой здесь не выделяется четко. Верхняя его часть задернована, слилась с дерном, а нижняя прослеживается в виде черно-коричневого плотного слоя земли, содержащего археологические предметы. Материалы, залегавшие в толще культурного слоя, не однородны: в нижней его части содержится исключительно позднетагарская — толстостенная, плотная, темно-коричневая неорнаментированная керамика с расширенным и овальным венчиком (рис. 6). Керамика этого типа покрывала и дно жилища. Стало быть, с ней связано существование этого жилого помещения и возникновение всего поселения.

Но также очевидно и другое: жилище относится к переходному тагарско-таштыкскому времени, потому что в верхней части этого же культурного слоя вместе с тагарской керамикой залегает керамика, типичная для переходного тагарско-таштыкского времени и таштыкской культуры в лесостепной части Южной Сибири. Керамика эта хорошо известна среди материалов расположенного рядом Шестаковского могиль-

ника. Основную массу ее составляет более плотная керамика пепельно-серого и желтого цвета с заостренными, срезанными внутрь и фигурными венчиками. Значительная часть черепков украшена комбинациями тычкового орнамента (рис. 7). Керамика имеет много общего с изыхской и характеризует переходный период в Ачинско-Мариинском лесостепном районе [19]. С комплексом этой керамики связаны два железных таштыкских ножа с черешковыми ручками. Один нож так долго был в употреблении, что лезвие его почти совсем стерлось от неоднократной заточки. Ножи такого типа достаточно хорошо известны среди таштыкских материалов [20].

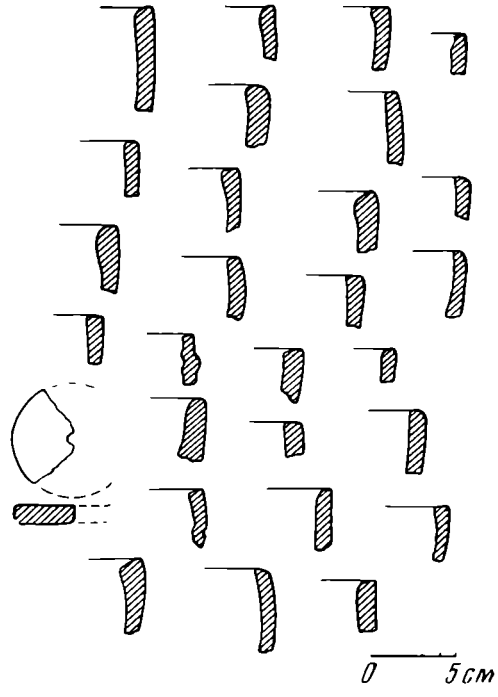


Рис. 6. Тагарская керамика, встретившая внутри жилища

Нельзя не остановиться и на другом материале: на поселении найдены четыре каменные плиты со следами значительной затертости и одно ядрище яйцевидной формы. Три плиты — явные зернотерки. Одна из них представляет собой обломанный с краев продолговатый плоский камень длиной 30 *см*, шириной в среднем 22 *см*, толщиной 4 *см*. Плита сделана из светло-коричневого крупнозернистого плотного песчаника. По продольной ее части идет желобчатая неглубокая выработка по всей ширине. Неровные края плиты затерты, заовалены. Свежий скол виден только с одного высокого края.

Из такого же камня сделано ядрище длиной 12 *см* и в поперечнике в среднем 8 *см*. Ядрище окатано со всех сторон и имеет яйцевидную форму. На его широком конце сбоку хорошо заметна плоская затертость.

Другая зернотерка имела глубокую выработку на поверхности, она была сделана из коричнево-красного мелкозернистого песчаника. Ширина ее 20 *см*, длина оставшейся части 23 *см*. Плита треснула посредине в самом тонком месте (3 *см*). Толщина всей плиты 8 *см*. Зернотерка была вытянутая, с заоваленными узкими краями. На расстоянии 10 *см* от края начинается глубокая выработка. Зернотерка была разбита в древности, но и после того, как ее разбили, ею пользовались: на поверхности плиты, между выработкой и краем, заметно еще небольшое овальное углубление шириной 9 и длиной 13 *см*, а древний ее скол заглажен.

Среди подъемного материала была еще одна маленькая плита длиной 15 *см*, шириной 11 *см* и толщиной 5 *см*. Плита разбита пополам. На ее поверхности глубокая, в виде резкого уступа косая выработка. Она узкая и вряд ли могла служить для растирания зерна. Очевидно, она применялась в каких-то других целях.

Определенный интерес представляет большая прямоугольная плита, вырубленная из серого песчаника, длиной 55 *см*, шириной 31 *см* и толщиной 7 *см*, один конец ее заовален. На ровной поверхности заметно большое количество мелких и средних выбоин и царапин, а около овального конца — заполированность: здесь что-то терли, вероятно кость. Плита служила подставкой мастеру.

---

[19] Ср. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 40—65, рис. 11, 16—18.

[20] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 85, рис. 30, табл. 4.

Сопоставление материалов Шестаковского поселения с материалами расположенных рядом курганов показало, что поселение существовало одновременно с курганами. Хронология Шестаковских курганов благодаря обилию материалов сейчас хорошо разработана. Курганы относятся к концу III—I вв. до н. э.[21] К этому же времени, как показывают материалы, относится и открытое нами поселение. С этим временем надо связать и открытое нами жилище. Напомним, что этим же временем,

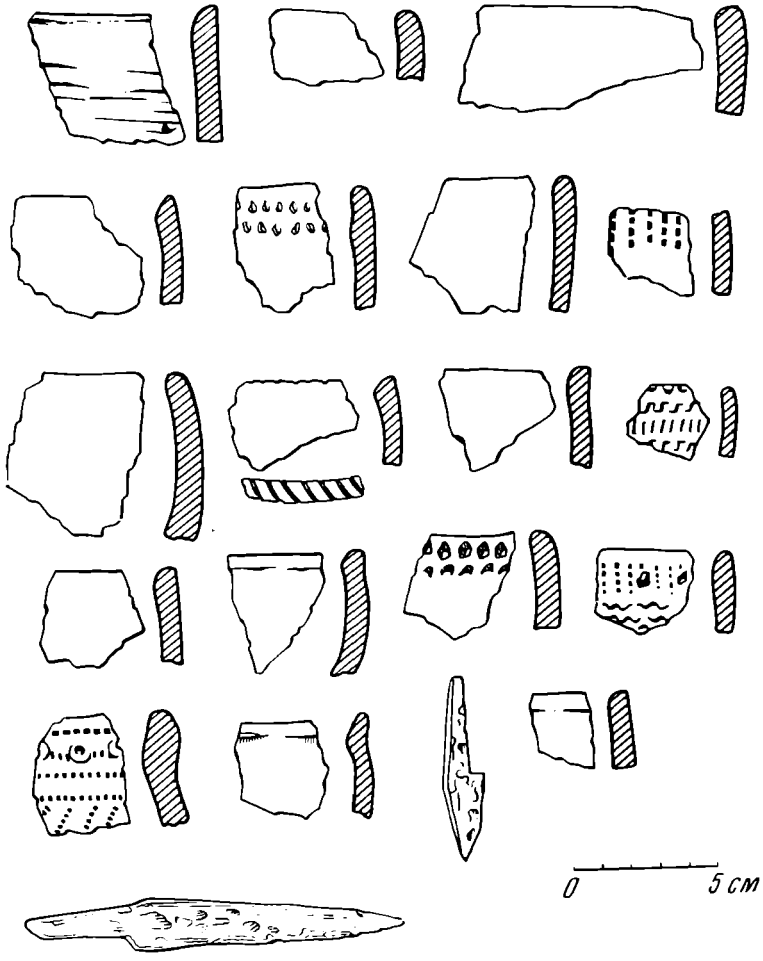


Рис. 7. Керамика и железные ножи из верхнего слоя и с поверхности поселения

т. е. II в.— первой половиной I в. до н. э., датируются и изображения на Боярской писанице[22].

Таким образом, мы имеем сейчас два разнохарактерных, но удивительно дополняющих друг друга источника по тагарско-таштыкским постройкам. Перед нами остатки такого или во всяком случае близкого изображенному на Боярской писанице жилища. Отсюда вполне правомерно сравнение этих двух источников для получения более полной картины об устройстве наземной части постройки. Открытое нами жилище имеет также некоторые черты сходства с тагарскими погребальными камерами. Обращает на себя внимание совпадение размеров стенок и квадратная планировка: длина стенок 3,5—3,7 *м* типична для погребальных склепов так же, как квадратная планировка и направление углами по сторонам света.

Строительная техника у племен тагарской культуры достигла высокого уровня развития. В основе ее лежало деревянное первобытное

[21] Г. С. Мартынова. Памятники Ачинско-Мариинской лесостепи в гунно-сарматское время (III в. до н. э.— V в. н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1971, стр. 18—21.

[22] М. А. Дэвлет. Большая Боярская писаница, стр. 133—134.

зодчество. А основной формой конструкции в деревянном строительстве был сруб, сложенный из горизонтальных венцов бревен, связанных в углах определенными строительными приемами — «в обло» и «в лапу». Эти строительные приемы зафиксированы на раскопанном нами жилище. Очевидно, горизонтальные бороздки на домах Боярской писаницы, как это неоднократно отмечалось в литературе, означают бревна срубов, сложенных в 8—10 венцов [23]. Это дает основание предполагать, что высота наземной части жилища от земли до краев крыши была около 2 *м*.

Исследователи писаницы справедливо указывали на связь изображенных жилищ с современными жилищами тубаларов на северном Алтае [24]; коническими корьевыми покрытиями хакасских жилищ [25]. Интересно в связи с этим отметить, что древняя конструкция стенок продолжает развиваться как в местном сибирском деревянном зодчестве, так и шире у других народов нашей страны [26].

Итак, открытое в 1971 г. Шестаковское поселение с остатками наземных четырехугольных построек является, на наш взгляд, тем реальным в нашей археологии поселком, который в обобщенной форме изображен на Боярской писанице, служившей до сих пор наиболее полным источником о тагарско-таштыкских жилищах.

A. I. Martynov

NOUVELLES DONNÉES SUR LES HAMEAUX ET LES HABITATS DE TAGAR — TACHTYK

Résumé

En 1971, un hameau entouré d'un petit rempart mesurant 190 × 125 × 160 × 125 m était découvert en Sibérie près du village de Chestakovo sur une rive du cours d'eau Kya. Les fouilles ont livré les vestiges d'un habitat quadrilatéral à charpente. La place de l'habitat est marquée par une tache de terreau bien visible sur la surface du sol vierge glaiseux. Au dessous de l'habitat il y avait une petite cavité. La batisse dont les dimensions étaient 3,7 × 3,5 m approximativement était orientée par ses angles vers les pays du monde. L'entrée avait 0,6 m de largeur, près d'un mètre de longueur et se trouvait dans l'angle nord — ouest. A l'intérieur du local en face de l'entrée sont décélés deux foyers sous forme de petites fosses d'une faible profondeur. L'habitat avait autour d'elle une cour d'appoint dont sont demeurées les fossettes laissées par les poteaux de clôture et les fosses à provisions. Les observations effectuées ont permis de venir à la conclusion qu'à cette place sur la surface du sol s'élevait un habitat à charpente de bois. Les poteries décélées sur le sol de l'habitat se rapportent à la période de Tagar tardive et à la période transitoire de Tagar — Tachtyk des III—I siècles avant notre ère. L'habitat découvert à Chestakovo se rapproche des batisses figurant sur les dessins rupèstres de Boïary.

---

[23] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 45; М. А. Дэвлет. Ук. соч., стр. 137.

[24] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 43.

[25] В. Г. Карцов. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай. Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, VIII, стр. 178.

[26] Е. Э. Бломквит. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. ТрИЭ, нов. серия, XXXI, М., 1956; А. А. Попов. Жилище. Историко-этнографический атлас Сибири. М.— Л., 1961; Е. А. Ащенков. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953; С. Я. Забело, В. И. Иванов, П. Н. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942; Ю. А. Шибаев. Из истории хакасского жилища. КСИЭ, X, 1950.

М. М. КОБЫЛИНА

ПАН НА НАДГРОБНОЙ ПЛИТЕ ИЗ ФАНАГОРИИ

Летом 1969 г. на распаханном поле на территории курганного некрополя у восточного склона горы Блеваки была найдена большая (высота 1,24 *м*) надгробная плита с рельефными изображениями на одной стороне. Материал плиты — известняк-ракушечник ярко-белого цвета, очень мягкий. Поверхность плиты сильно выветрилась: очевидно, она долго стояла на открытом воздухе. При распашке плита была разбита на две части, имеются большие сбои по правому краю плиты и на ее нижней части. Следов надписи не сохранилось (рис. 1).

Кверху плита немного суживается: ширина внизу 0,54 *м*, вверху 0,51 *м*. Толщина плиты 0,16 *м*. В углубленном поле (высота 0,58, ширина 0,44 *м*) внутри архитектурного обрамления в высоком рельефе изваяно изображение умершего. Края плиты оформлены как анты, на которых покоятся перекрытие и фронтон, выполненные в барельефе. Фронтон низкий, растянутый, с рельефным диском в центре и с акротериями по углам. Акротерии плоские, схематично очерченные. Центральный акротерий исполнен в схеме развернутой пальметты, боковые — в схеме полупальметт. Боковые акротерии сравнительно с центральным огромные.

В таком построении фронтона и акротериев, как и в заполнении свободного пространства между фронтоном и акротериями большими розеттами, видны декоративные тенденции мастера. Детали этого архитектурного декора были дополнены росписью (лепестки розетт, капители и базы пилястр, завершавших анты и пр.), теперь не сохранившейся.

Углубленное поле (глубина 0,028 *м*) с изображениями несколько вытянуто и кверху немного сужается соответственно форме стелы. В центральной части углубленного поля представлен юноша в позе печали; он стоит облокотившись левой рукой на столбик, подперев голову. Фигура замкнута и неподвижна. Юноша одет в костюм боспорца I в.; на нем узкие штаны, куртка с длинными рукавами и плащ, застегнутый на правом плече и спускающийся на грудь, образуя складки. Край плаща, спадающего назад, виден вдоль правой руки и правого бедра.

Поверхность головы настолько повреждена, что мы можем говорить только о пышных волосах, спускающихся на шею, об округлости и массивности безбородого лица, которое в общей форме повторяет боспорский тип, наблюдающийся на всех боспорских надгробиях.

Столб, на который опирается юноша, в данном случае, очевидно, является изображением надгробной стелы, об этом свидетельствует его массивная двухступенчатая высокая база (рис. 1). Можно привести ряд аналогий. В Керченском музее есть надгробная статуя юноши III в. до н. э. местной грубой работы. Он стоит, опираясь на надгробную стелу, украшенную двумя розеттами[1]. На нем греческая одежда — гиматий, перекинутый через плечо (рис. 2).

[1] E. Pfuhl. Das Beiwerk auf den Ostgriechischen Stelen. IDI, XX, 1905, p. 67 сл.; М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, 19, 1951, рис. 7; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура АГСП, I, М.—Л., 1955, рис. 27.

Слева от фигуры юноши изображен горит — другого оружия нет. Поэтому можно сказать, что изображен легко вооруженный воин-стрелок.

Хорошую аналогию находим в росписи на внутренней поверхности саркофага I в., найденного в 1900 г. в Керчи на Глинище, хранящемся в Гос. Эрмитаже [2]. В одном из интерколюмниев этой росписи представлен юноша в позе печали, голова склонена на левую руку, локтем он опирается на колонну, ноги скрещены, облегченная левая нога за правой (рис. 3). Он одет в обычный боспорский костюм, облегающие штаны, мягкие башмаки, куртку с рукавами и плащ, застегнутый на правом плече, образующий складки на груди и спадающий спереди, закрывая всю середину фигуры. Направо от юноши повешен горит с луком и стрелами.

В этой росписи изображен юноша — боспорец, владевший конем, вооруженный луком и нагайкой.

На погребальных стелах полные аналогии нашему изображению очень редки. На стеле датированной надписью первой половиной II в.— надгробии, поставленном Хрисеротом, сыном Филэрота, своим внукам [3],— изображены фигуры двух воинов: слева хорошо сохранившаяся фигура юноши, опирающегося локтем левой руки на столб, в такой же одежде, как и на нашей стеле; справа от него и также на уровне плеча и шеи в низком рельефе изображен горит. Рядом другой воин с большим щитом и копьем (рис. 4).

Рис. 1. Надгробная плита из Фанагории первой половины I в. Известняк.

ГМИИ им. А. С. Пушкина

Мы видим здесь более позднее повторение того же типа легко вооруженного юноши, но ваятель не сумел передать перекрещивающихся ног, наклона головы к руке, поворота верхней части тела, фигура неуклюже стоит впрямь, жестко очерчены плоские детали одежды, ноги неподвижны, как палки.

Чаще рядом с юношей изображается на фоне плиты большой щит, за ним поднимаются острия копий. Например, на надгробии Мастуса I в. около фигуры стоящего юноши, опирающегося на столбик, изображен

---

[2] М. И. Ростовцев. Декоративная живопись на юге России. Пг., 1914, табл. XCIII, стр. 376 сл.

[3] А. И. Болтунова. Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей. ВДИ, 1965, 2, рис. 4.

Рис. 2. Статуя юноши, надгробие III в. до н. э. Известняк.

Керченский историко-археологический музей им. А. С. Пушкина

большой щит, за ним видны три копья (рис. 5) [4].

На нашей плите есть одна деталь, аналогию которой не удалось найти на других надгробиях. Это миниатюрная фигурка, исполненная в низком рельефе в правом верхнем углу на уровне груди юноши (рис. 6). Миниатюрные изображения на фоне плиты, изваянные в более низком рельефе, чем фигура умершего, на надгробных стелах нередки. Например, на стеле из Фанагории с изображением сидящей женщины вверху изображена миниатюрная фигурка женщины в хитоне и покрывале, стоящей на постаменте,— вероятно, героизированная умершая [5].

Две миниатюрные фигурки, мужская и женская, на постаменте, изображающие, очевидно, умерших родственников (рис. 7), видим на стеле Гокона [6].

На стеле Керченского музея конца I в. до н. э. около сидящей женщины изображены на постаменте мальчик (очевидно, героизированных умерший) и Гермес [7], хтоническое значение Гермеса известно.

На нашей стеле миниатюрная фигурка показана сидящей, скрестив ноги, на алтаре. Алтарь имеет двухступенчатую базу и завершение в виде четырехугольной плиты [8]. Плохо сохранившаяся поверхность затрудняет определение фигурки, сидящей на алтаре, однако ясно, что это существо имеет большую голову с пышными волосами, бороду, обнаженное тело с пухлыми формами, ноги сильно утончающиеся книзу, в руках держит большой предмет, который сильно утолщается у правого плеча, приобретая округлую форму, к концу же сильно суживается.

Аналогии позволяют определить это изображение как Пана.

В статуе в Афинах Пан представлен обнаженным, со шкурой за плечами, сидящим на скале, его козлиные ноги скрещены [9].

Но лучшей аналогией является статуэтка Пана из Калатиса (рис. 8) [10] в Археологическом музее Констанцы. Пан сидит на скале, ноги скрещены, на спину накинута шкура, лапами завязанная на шее, у него пышные волосы, борода, обнаженное тело с толстыми мышцами груди и толстым

[4] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Südrussische grabreliefs. Berlin, 1909, Taf. XIV, fig. *232*.

[5] А. К. Коровина. Группа надгробных стел Таманского полуострова. Сообщения ГМИИ, IV. М., 1968, стр. 107, рис. 13.

[6] Б. А. Шляев. Стела Гокона. ВДИ, 1953, 2, стр. 175, рис. 1—2.

[7] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Op. cit., Taf. XVIIII, *263*.

[8] Обычный тип алтаря первых веков новой эры; R. Cagnat et V. Chapot. Manuel d'Archeologie romaine, I. Paris, 1916, p. 138—140.

[9] S. Reinach. Repertoire de la Statuaire grecque et romaine, I. Paris, 1897, p. 69, fig. *3*.

[10] В. Канараке. Танагрские маски и статуэтки из мастерских Калатиса. Констанцский археологический музей, 1969, стр. 72, № 57.

Рис. 3. Деталь росписи саркофага I в.
Гос. Эрмитаж

животом, в правой руке его сиринга, в левой рог изобилия с круглым завершением.

На нашей стеле Пан сидит не на возвышении скалы, а на горизонтальной поверхности алтаря, козлиные ноги его скрещены, соприкасаясь копытцами, рог огромный.

Наша фигурка напоминает также образ кельтского бога Сернунтоса [11]: О его значении как бога стад свидетельствует рельефное изображение козы и коровы на стенке алтаря.

С Паном связаны различные сказания, у него множество атрибутов: посох пастуха и собака, сиринга, амфора, кубок, рог для питья, корзина с фруктами, рог изобилия, пантера, тирс, гроздья винограда, тимпан, флейта и др.[12]

Пан входил в фиос Диониса. Как и вся свита Диониса, он имел хтоническое значение.

О хтоническом значении Пана свидетельствуют терракотовые и гипсовые маски Пана, которые наряду с масками Диониса, масками силенов и менад украшали саркофаги. Известно изображение Пана в склепе в Эльтегене.

---

[11] R. Bianco Badinelli Rom. La fin de la Monde antique. Paris, 1970, fig. 148.
[12] M. P. Nillson. Greek popular Religion. N. Y., 1940, p. 10.

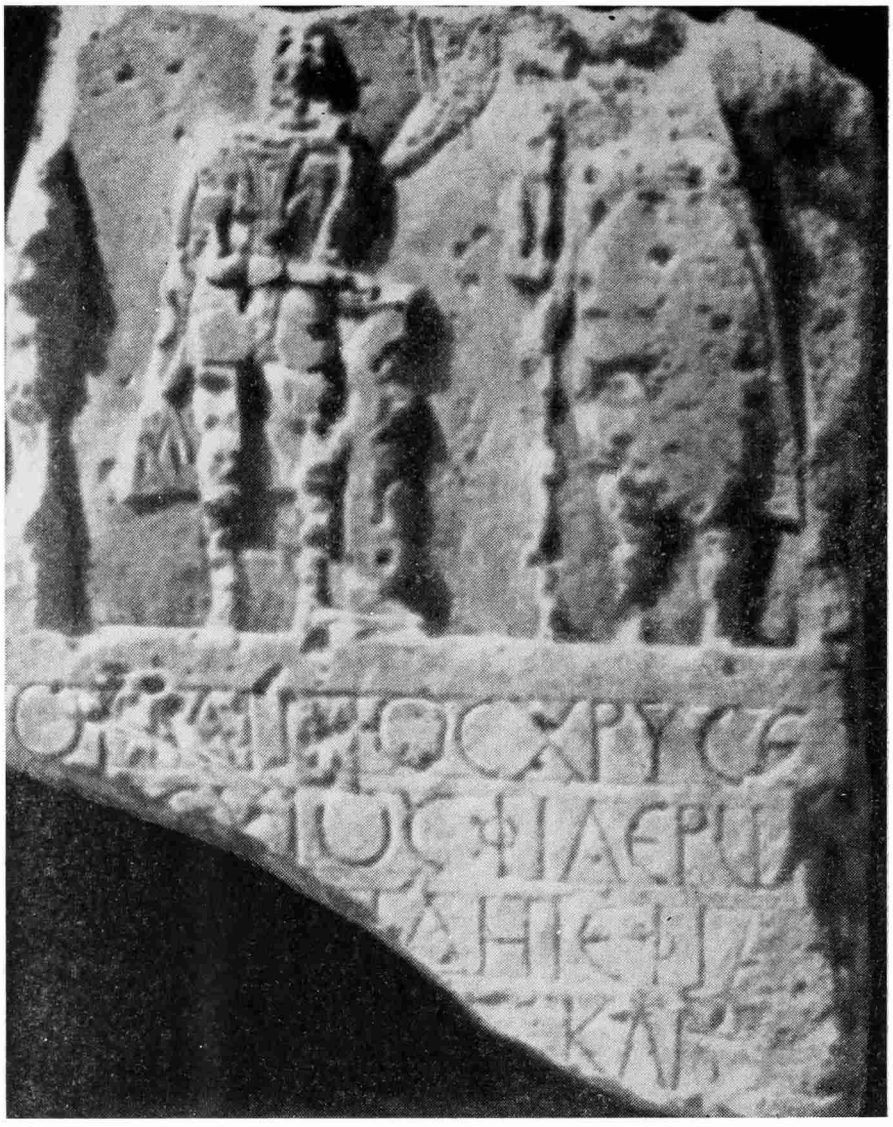


Рис. 4. Надгробие первой половины II в. Известняк.
Керченский историко-археологический музей им. А. С. Пушкина

Пан — жизнерадостное божество сельской природы. Но временами он превращается в страшную фигуру, с волосами, поднимающимися торчком, с расширенными глазами, чрезмерно громким голосом или громкими звуками свирели, которые вызывали панический страх [13].

Павсаний рассказывает о помощи Пана афинянам в их борьбе с персами (1, 28, 4): когда Филиппид был послан в Лакедемон в качестве вестника о том, что мидийцы высадились на берег у Марафона, лакедемоняне заявили ему, что они откладывают свое выступление до тех пор, пока не наступит полнолуние, согласно их закону о войне. Филиппид рассказал, что около горы Парфения с ним встретился Пан и сказал, что он благосклонно относится к афинянам и что он придет к ним на Марафон, чтобы помочь им.

После победоносной битвы с персами афиняне говорили, чтот этот бог навел на врагов ужас. Гора и грот Пана находились близ места битвы; там была и группа скал, казавшихся похожими на коз и потому называвшихся козами Пана.

В благодарность за то, что Пан устрашил персов, афиняне посвятили ему грот в скале под акрополем, постановили ежегодно совершать

[13] R. Cagnat et V. Chapot. Op. cit., p. 413—414.

Рис. 5. Надгробие Мастуса I в. Известняк
ГИМ

жертвоприношения и устраивать в честь его бег с факелами. Мильтиад поставил в гроте его статую с надписью: «Меня козлоногого Пана, врага мидян, друга афинян поставил Мильтиад» [14].

Таким образом, культ Пана имел в ряде городов политическое и государственное значение. Об алтарях, воздвигнутых Пану в греческих городах, неоднократно упоминает Павсаний.

Культ Пана был распространен и в Северном Причерноморье, на берегах Боспора Киммерийского [15].

Изображение Пана на нашей стеле сидящим на массивном алтаре рядом с фигурой юноши, вероятно, свидетельствует о его особом значении в жизни умершего. Ж. Пуйю [16], в своем исследовании культов Фасоса указывает две фасосские надписи, являющиеся посвящениями Пану от

---

[14] Г. Вебер. Всеобщая история. М., 2, 1886, стр. 462.
[15] В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, 2. СПб., 1899, стр. 167.
[16] J. Pouilloux. Recherches sur l'Histoire et les cultes de Phasos I. Paris, 1954, p. 411—412, pl. XLIV, 5.

Рис. 6. Надгробная плита из Фанагории. Деталь

Рис. 7. Стела Гокона. Деталь. I в. Известняк.
Темрюкский краеведческий музей

граждан, которые несли охрану города, так называемые φρούροι. Одна из них III в. до н. э., другая I в. до н. э. Можно предположить, что изображенный на стеле легко вооруженный юноша принадлежал к отряду городской охраны, в котором культ Пана как защитника от смятения и паники имел особое значение.

Немного остановимся на дате стелы. Ее принадлежность 1 в. несомненна.

Мы уже указывали, как изменилось исполнение изображения юноши, опирающегося на столб, во IIв.

Самой ранней аналогией изображению юноши является фигура Коллиона, задумчиво стоящего скрестив ноги, слегка склоняясь головой на левую руку. Здесь роль столбика играет щит: юноша стоит, облокотившись левой рукой на верхний край щита. У юноши греческая одежда, движение ног передано правдиво, пропорции фигуры правильны. Рельеф датируется надписью концом I в. до н. э. [17]

Рис. 8. Статуэтка Пана из Калатиса в музее Констанцы. Терракота

По сравнению с этим еще эллинистическим изображением на нашей стеле видим другой образ — местного жителя в местном костюме, в репрезентативной позе.

Ближе изображение юноши на стеле Теагена, найденной в Керчи, датирующейся надписью начала I в. Плита имеет такой же плоский фронтон с розеттой в тимпане, большие плоские акротерии и две розетты над наклонными очертаниями фронтона. В углубленном поле стоит юноша с вьющимися волосами, в подпоясанной куртке с рукавами, в плаще, скрепленном на правом плече. Локтем левой руки он опирается на столб, голову слегка склонил на руку, правая рука покоится на плите столба, с левой стороны свешивается длинный меч, справа изображен большой овальный щит, за ним видны три копья [18]. Но работа более грубая, чем на рассматриваемой фанагорийской стеле. На нашей стеле в трактовке юноши еще свежи эллинистические черты. Верхняя часть тела немного повернута вправо, а нижняя немного влево. Создается впечатление объемности фигуры и движения в пространстве, местами сохранились гибкие складки одежды.

Фигура юноши имеет характерные для позднего эллинизма и некоторых фигур I в. удлиненные пропорции.

Можно датировать стелу началом или первой половиной I в.

Известная тонкость исполнения, необычность деталей свидетельствуют о том, что стела была изваяна специально для определенного лица.

---

[17] А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. 1961, Киев, табл. 60, стела Каллисфении, жены Баста и ее брата Коллиона, в Керченском археологическом музее. G. Kieseritzky, C. Watzinger. Opt. cit., Taf. XVII, *249*.

[18] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Opt. cit., Taf. XXXII, *453*.

M. M. Kobylina

FIGURATION DE PAN SUR UNE DALLE TOMBALE PROVENANT DE PHANAGORIA

Résumé

Parmi les trouvailles procurées par les fouilles de la nécropole de Phanagoria en 1969 il y avait une dallé tombale (calcaire, hauteur 1,24 m) à la figuration relièfe d'un jeune homme debout vètu comme un habitant du pays dont la pose exprime la tristesse; de son bras gauche il est accoudé à la stèle, à sa gauche est figuré son carquois.

La figuration d'un guerrier bosphorien légèrement armé trouve son analogie complète dans la peinture d'un sarcophage du I siècle de notre ère qui se trouve dans le musée d'Ermitage aussi bien que sur les dalles tombales à relief bosphoriennes du I siècle de notre ère. Mais c'est pour la première fois que nous voyons près du défunt, sur la stèle la figurine d'une divinité à pied de chèvre assise sur l'autel. Nous y reconnaissons Pan. Elle est identique à la figurine de Pan provenant de Kallatis. La figuration de Pan assis sur l'autel à côté du jeune homme permet la supposition que le défunt faisait partie du détachement de la garde de ville pour laquelle l'adoration de Pan, protecteur du desarroi et de la panique, avait une signification particulière comme en témoignent les épitaphes de l'île de Phasos.

Н. Н. НЕГМАТОВ

О ЖИВОПИСИ ДВОРЦА АФШИНОВ УСТРУШАНЫ

(Предварительное сообщение)

В 1965—1972 гг. Северо-Таджикистанским археологическим отрядом Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР при участии сотрудников Мастерской реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа проводились раскопки дворца афшинов (царей) Уструшаны. Его развалины расположены на арке городища Калаи Кахкаха I, отождествляемом с шахристаном столицы Уструшаны — города Бунджиката [1].

Арк находится в восточной части городища, занимает естественное полукруглое в плане возвышение на левом берегу р. Шахристансай к западу от поселка Шахристан Ура-Тюбинского района. Как показали раскопки, основное здание было возведено на искусственном высоком глинобитном стилобате, к которому с юга, востока и севера примыкали небольшие дворовые участки, обведенные оборонительными стенами. Единственные входные ворота находились в северном конце западной стены и вели с территории городища в северный двор арка.

Дворец этот (рис. 1, 2) громаден по своим размерам, величествен по архитектуре и великолепен по внутреннему убранству помещений. Он имеет огромный, площадью 230 $м^2$, трехъярусный зал с тронной лоджией, малый зал приемов в 95 $м^2$, помещение храма, спальни и жилые покои, дворцовый арсенал, целую сеть связывающих их коридоров, а также помещения кухни и пекарни. Интерьер всех парадных помещений и коридоров был отделан богатейшей настенной многокрасочной живописью светского, батального, мифологического и культового содержания, деревянными балками, панно и фризами с мастерски выполненной разнообразной резьбой растительного, геометрического, растительно-геометрического орнамента и горельефными изображениями людей, животных, птиц и, наконец, круглой скульптурой людей и птиц. Фасадные стены центрального донжона были украшены уникальной серией жженых фигурных облицовочных кирпичей.

В залах, комнатах и коридорах дворца вдоль стен тянутся глинобитные суфы для сидения и сна, входы в спальные и жилые помещения были снабжены тамбурами с деревянными стенками-ширмами, напротив входного коридора и напротив входа в малый зал приемов выделяются специальные суфы-эстрады.

Дворец служил одновременно и местом хранения запасов продуктов питания. Вдоль обеих продольных стен входного коридора, длинной суфы центрального коридора и суф тронного зала, глубоко врыты под полом и замазаны глиной целые ряды крупных хумов. Их к 1970 г. обнаружено

---

[1] Н. Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье. ТИИАиЗ АН ТаджССР, LV, Сталинабад, 1957; Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.

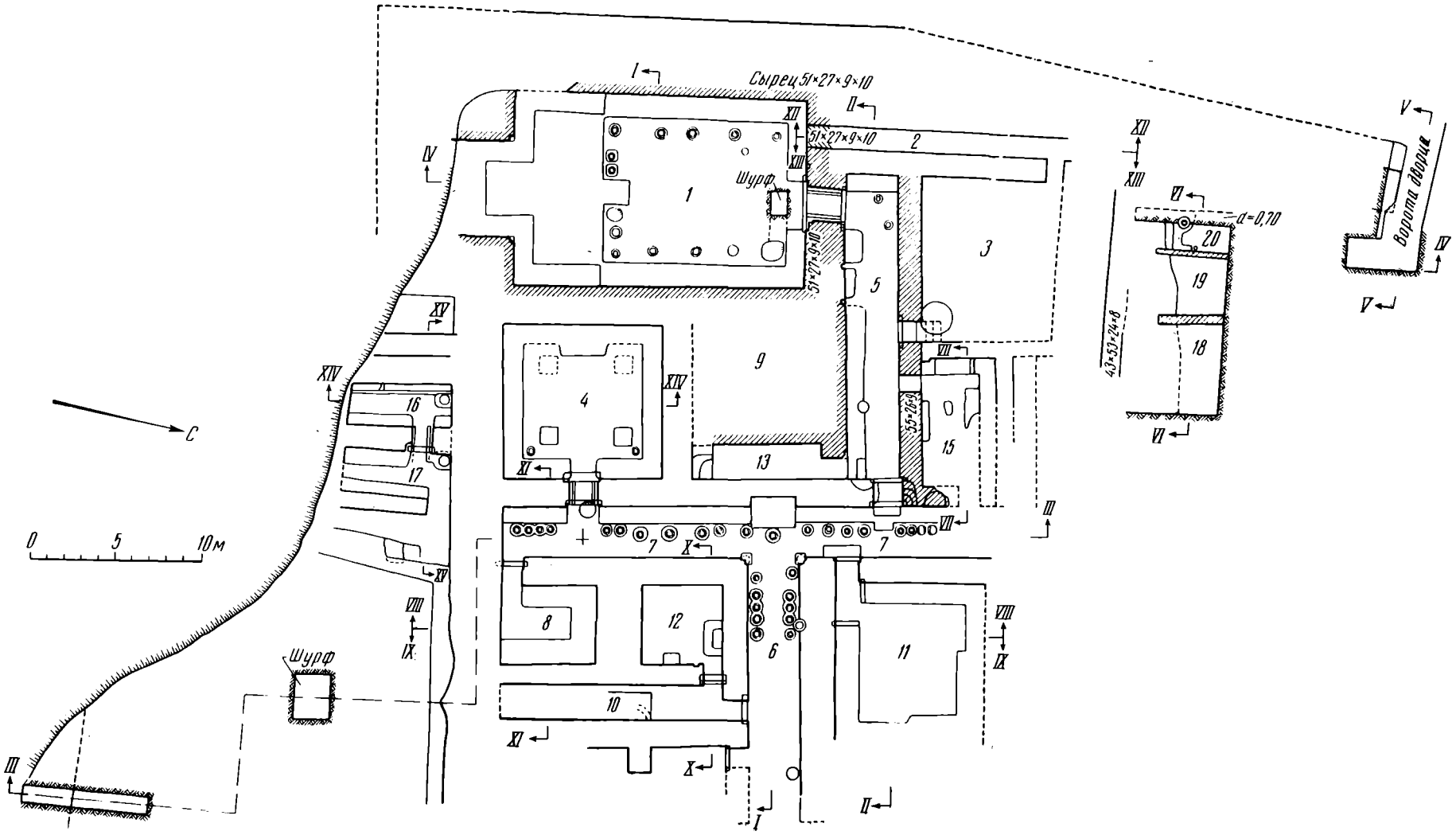


Рис. 1. Дворец афшинов Уструшаны на городище Калаи Кахкаха I. План

43 шт. Объем каждого хума от 158 до 295 *л*. Во дворце одновременно могло содержаться запасов пищи более 9 *т*.

В специальном помещении № 12 («арсенале») обнаружено более 5000 шт. камней от четверти пуда до 2—3 пудов каждый и огромное количество каменных ядрищ для камнеметных пращей величиной с кулак.

Дворец был разрушен и сгорел, повсюду толстые слои горелого дерева и обожженой глины, стены прокалены докрасна, сгорела штукатурка стен с саманом и живописным красочным слоем. Обгоревшее дерево не сгнило и сохранило прекрасные образцы резьбы, но живопись стен пострадала больше. Перед разрушением дворец был основательно разграблен: находок мало, мало даже обычно массовой кухонной и столовой керамики. Лишь в глиняной замазке пола одного из помещений найден небольшой клад раннеуструшанских бронзовых монет с изображениями мужской головы в крылатом венце на аверсе и родового знака, титула и имени правителя на реверсе. Прочитаны нумизматом О. И. Смирновой ранее не известные правители Чирдмиш, Сатачари и Раханч. Есть другие единичные находки согдийских и арабских монет [2].

Дворец построен, судя по находкам золотого брактеата, раннеуструшанских монет и по другим археолого-архитектурным наблюдениям, не позже VII в., а разрушен где-то в пределах конца IX в., скорее всего в 893 г. при захвате Уструшаны Исмаилом Самани (892—907 г.) и ликвидации афшинской династии [3].

Дворец оказался выдающимся памятником архитектуры и искусства. Из завалов помещений дворца вынуто около 200 фрагментов обугленного резного дерева, в том числе несколько десятков подлинных шедевров. Среди последних отметим несколько круглых скульптур людей и птиц, фризы и панно с сюжетными композициями, в которых участвуют люди, животные, птицы, сирены, фризы с изображениями человеческих голов под аркадами и уникальный тимпан входного проема тронного зала с изображением сюжета древнеиранского героического эпоса о борьбе сил добра с силами зла [4].

В завалах помещений и коридоров дворца обнаружено несколько тысяч фрагментов штукатурки стен с росписями, а на стенах много десятков квадратных метров остатков живописных сцен. Из них удается более или менее выделить около 70 деталей с сюжетными композициями, в том числе такие, как уже известная по предварительным публикациям шестиметровая композиция с «волчицей, кормящей двух младенцев» [5].

Многие сотни квадратных метров стенной живописи беспощадно уничтожены пожаром. Остатки ее обнаружены в пристенных завалах большого тронного зала, помещений № 5 и 11, коридора № 6, несколько больше на стенах центрального коридора № 7 и в большом количестве на всех стенах и в завале малого зала. Мы остановимся лишь на отдельных фрагментах живописи из малого зала и центрального коридора.

В малом зале были расписаны все четыре стены, сохранились лишь их нижние части, верхние же оказались в завале на суфах зала. Скрупулезная полевая обработка их группой реставраторов под руководством В. М. Соколовского дала замечательные результаты. Из множества мелких кусков штукатурки с живописью собраны и состыкованы десятки фрагментов росписи, предварительно составлены общие их композиции

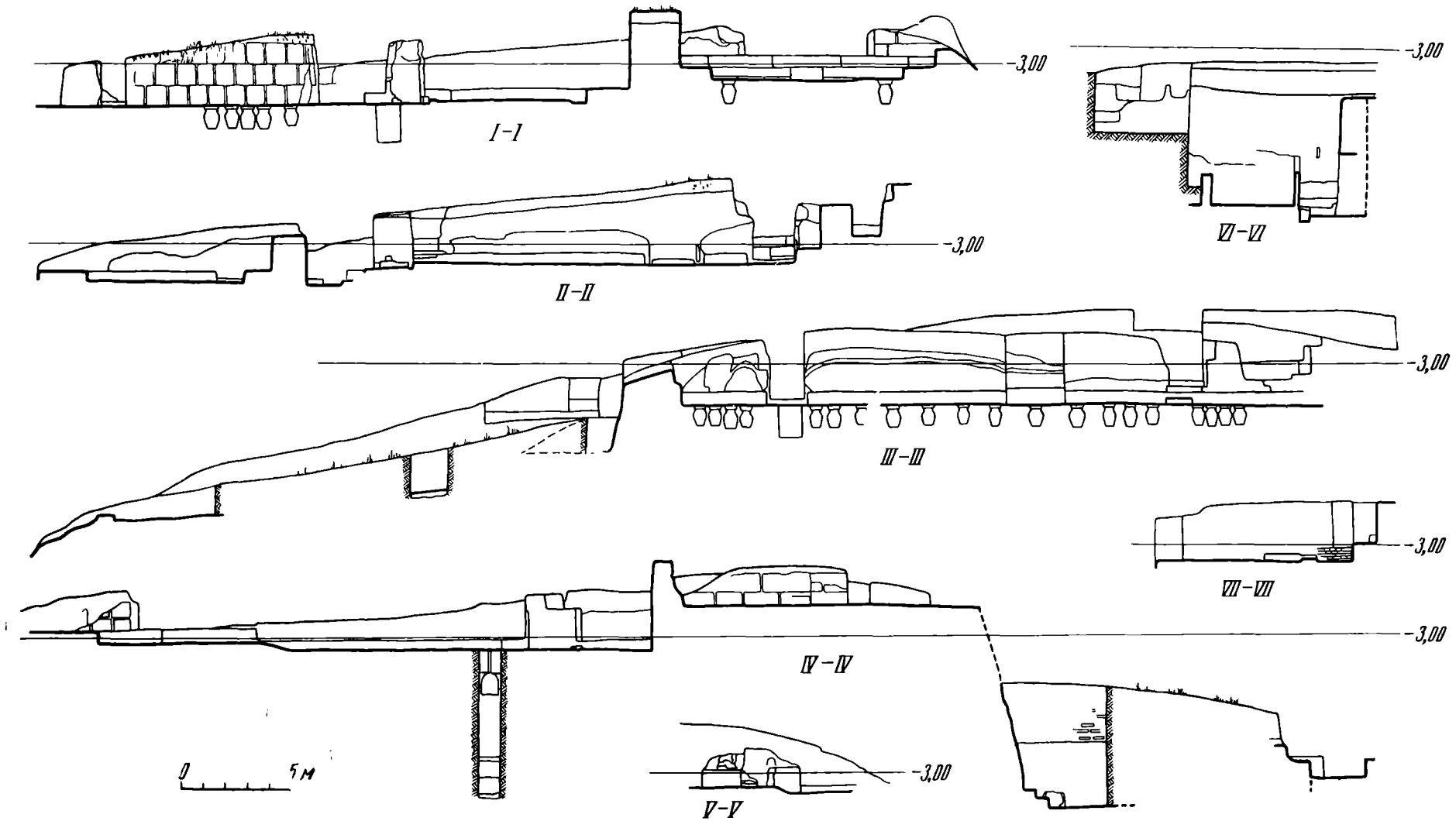
---

[2] О. И. Смирнова. Первые монеты из Уструшаны. ЭВ, XX, Л., 1971, стр. 59—64.

[3] Н. Н. Негматов. Уструшана в древности и раннем средневековье, стр. 150—151.

[4] Н. Н. Негматов. Поэма в дереве. «Наука и жизнь», 1970, 4, стр. 54—55.

[5] Н. Н. Негматов. «Капитолийская волчица» в Таджикистане. «Наука и жизнь», 1968, 1, стр. 33—34; его же. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. Изв. ООН АН ТаджССР, Душанбе, 1968, 2 (52), стр. 21—32.


-3,00
I-I
-3,00
II-II
-3,00
VI-VI
-3,00
III-III
-3,00
VII-VII
-3,00
IV-IV
-3,00
V-V
0
5 м

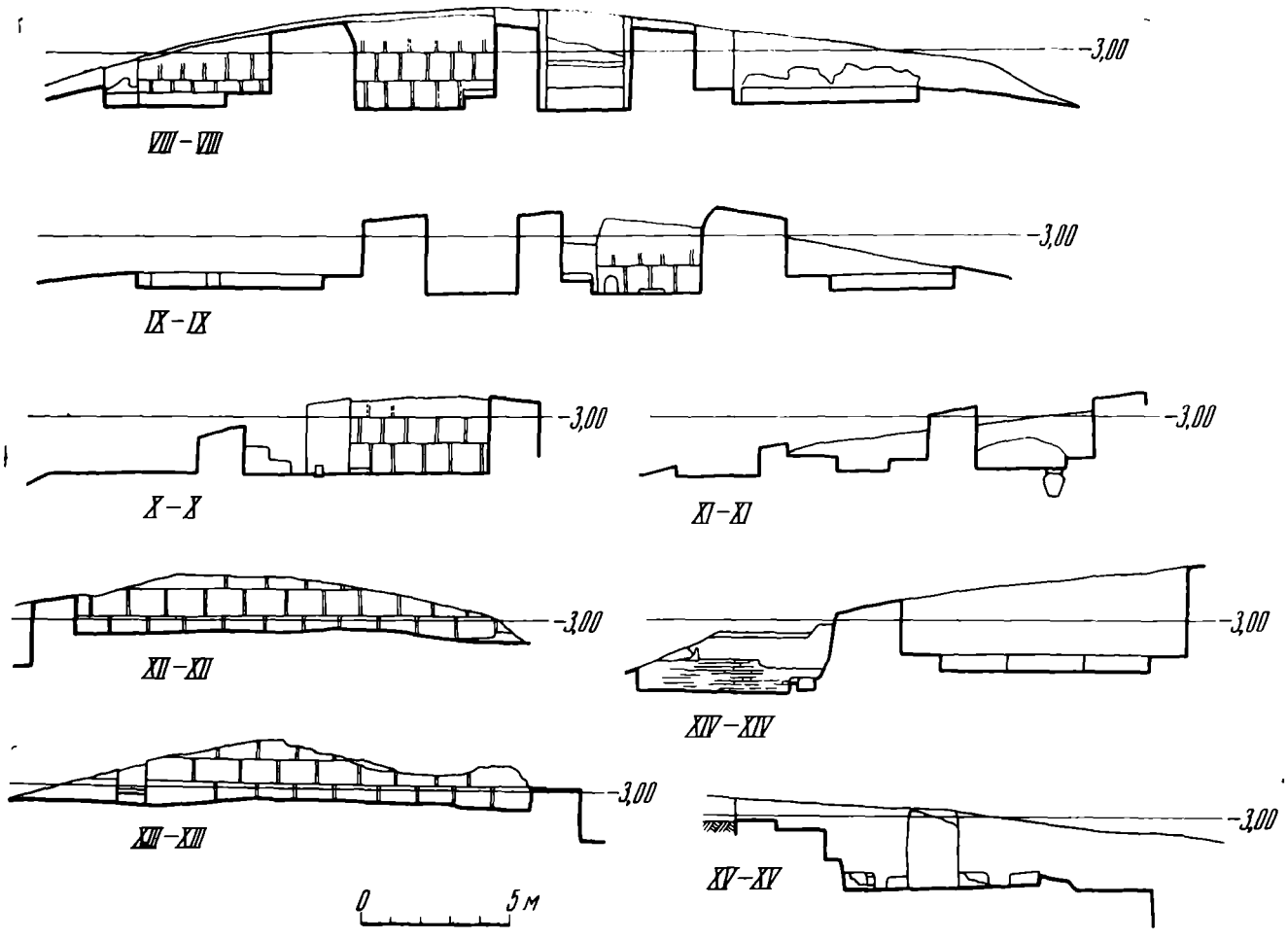


Рис. 2. Дворец афшинов Уструшаны на городище Калаи Кахкаха I. Разрезы

на стенах, хорошо демонстрирующие возможности реставрации по восстановлению целых участков стенных росписей, что позволит получить представление о характере стенописи всего зала, о ее композиции, колорите, иконографии.

Росписи выполнены на двухслойной лессовой штукатурке: первый слой толщиной до 2 *см* грубый с большой примесью соломы, верхний — тонкотертый, толщиной до 5 *мм*, поверхность заглажена до лоска. Подготовленная под живопись поверхность стен была покрыта плотным грунтом из ганча с примесью мела, поверх которой красной охрой наносился предварительный рисунок. Далее, техника живописи становится разнообразной — от почти прозрачных лессировочных прокрасок больших плоскостей до корпусного широкого мазка, подчеркивающего объемность изображений. Затем окончательная отделка росписи завершалась контурной прорисовкой темно-красной охрой.

Живопись была полихромной, широко использовались ультрамарин различных оттенков, охра, киноварь, зеленая краска из хорошо растертого малахита. В полевых условиях и в мастерской Эрмитажа были произведены научно-экспериментальные исследования по улучшению существующих методов реставрации монументальной живописи, а также технологическое изучение росписей еще до применения закрепляющих средств. Выработаны методика и приемы закрепления и снятия с места обгоревшей в результате пожара живописи. Благодаря применению нового фиксирующего материала «фторлон» впервые получена возможность сохранения фактуры и интенсивности красочного слоя.

Из композиции восточной стены малого зала ныне собраны следующие фрагменты. На первом из них изображены три скачущих всадника (рис. 3) на богато украшенных вороном, сером и белом конях. Всадники одеты в боевые одежды и шлемы, в правых руках держат длинные пики со знаменами на концах, на поясе передней фигуры висит в ножнах меч. Передняя фигура в очень экспрессивной позе, с открытым ртом и с оскаленными зубами. Под ногами коней часть распятой фигуры лежащего воина. Роспись в целом чрезвычайно выразительна, красочна, мастерски выполнена.

На втором фрагменте росписи трехголовое и четырехрукое «божество» (рис. 4), изображенное в момент сражения или поединка: в одной руке он держит лук, другой натягивает тетиву, готовясь выпустить стрелу, двумя другими руками держит наперевес копье. На головах «божества» — одинаковые сложные короны с полумесяцем. Одета фигура в доспехи, у пояса кинжал, ниже колчан со стрелами. В одно из его левых предплечий воткнута стрела. Божество восседает на коне, двигающемся справа налево, его нога вставлена в богато орнаментированное стремя.

Третий фрагмент, обнаруженный в 1970 г., изображает «богиню» в богато орнаментированной золотой короне с полумесяцем в центре (рис. 5). От короны к плечам легкими складками опускается голубая прозрачная вуаль, в ушах массивные серьги с драгоценными камнями. Одета «богиня» в светло-голубое платье, отделанное у шеи орнаментированной золотой каймой. На плечи накинут пурпурный плащ. На груди — золотые бляшки, на одной руке браслет. Все вместе создает необычайно красивую гамму красок на глубоком темно-синем фоне всей росписи. В одной руке «богиня» держит скипетр с завершением в виде крылатого льва. Слева находится «штандарт» с навершием в виде золотой птицы, в другой руке сжимает поводья, в третьей находится какой-то предмет в виде грифона, пальцы четвертой руки сложены в символическом жесте: указательный и безымянный подняты вверх, остальные сомкнуты под ними вместе. «Богиня» была изображена в полный рост, восседающей на взнузданном льве и окруженной огненным ореолом. Лик «богини» в светло-сером нимбе с вьющимися язычками бледно-желтого пламени, сосредоточенный, спокойный, с раскосыми, широко расставленными глазами, плоским носом, малень-

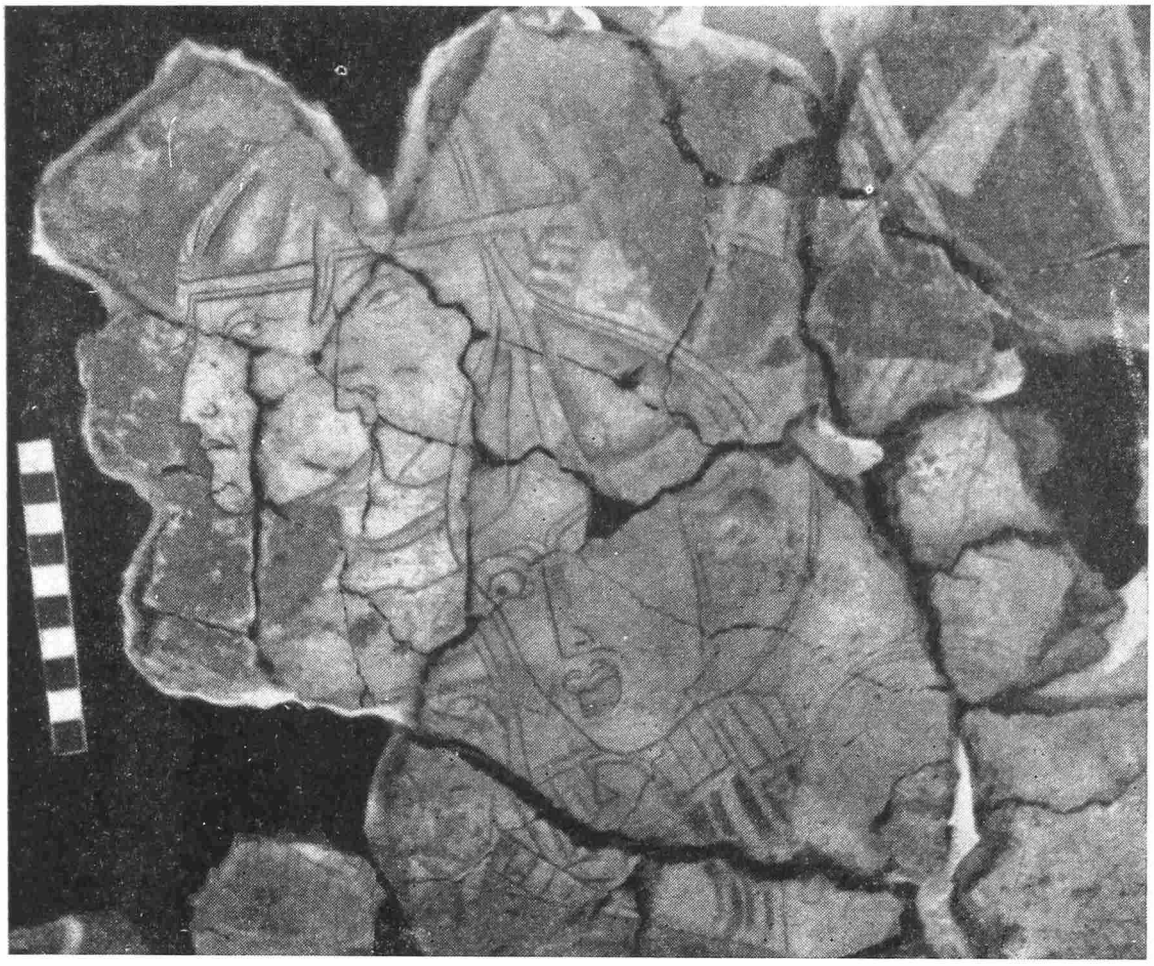


Рис. 3. Три скачущих всадника (фото до реставрации)

Рис. 4. Трехголовое и четырехрукое «Божество» (фото при расчистке стены)

Рис. 5. «Богиня». Фрагмент найден в 1970 г. (фото после реставрации)

ким в полуулыбке ртом и широким овалом лица. Слева от нее находится символ луны в виде голубого диска с антропоморфным изображением, окаймленным полумесяцем. Справа подобное изображение солнца. В среднеазиатской монументальной живописи раннего средневековья это первый случай изображения человеческого лица в «фас».

На четвертом фрагменте изображение «трехглазого демона» (рис. 6), расположенного справа от описанной «богини». Огненно-рыжая густая грива как бы обрамляет хищное, злобное, оскаленное, полное экспрессии лицо «демона». Живопись выразительна, выполнена уверенным, точным движением кисти. Цвет лица светло-серый, нос с горбинкой, глаза выпучены, третий «глаз» помещен на лбу. Надо лбом и у висков «демона» находятся три белых черепа. Фигура выполнена в полный рост, в неистовых движениях танца. Мощное, мускулистое тело «демона» золотисто-зеленого цвета перевито лентой с бубенцами. В изображении «демона» цветовая контрастность усилена жесткостью линий, объемность формы сочетается с динамичной выразительностью.

Пятый фрагмент также изображает «демона», близкого описанному, но только в ином плане и с одним черепом надо лбом. Вокруг головы такая же грива, тот же оскал на лице, он так же изображен пританцовывающим, его тело тоже опоясывают ленты с бубенцами. Цвет тела и лица серовато-зеленый, грива огненно-рыжая.

Другую интереснейшую группу находок в завале у этой же восточной стены малого зала составляют фрагменты с изображениями животных. Среди огромного числа разрозненных кусков штукатурки с росписью хорошо определяются изображения львов, шакалов, грифона, змеи. Все животные изображены в движении справа налево. Шествие животных было изображено и над дверным входом в зал на поверхности глинятой арки. Здесь введены дополнительно небольшие изображения дракона. Все животные выполнены в основном в теплых, охристо-желтых тонах на синем фоне.

Рис. 6. «Трехглазый демон» (фото после реставрации)

Кроме того, у восточной стены зала обнаружено несколько изображений лиц и частей фигур сражающихся воинов (рис. 7), деталей их одежды, фрагменты изображений скачущих лошадей, фрагменты голубой лошади в белых яблоках, фрагменты с орнаментом и т. д.

Предварительные наблюдения показывают, что живопись на восточной стене зала была в несколько ярусов. Внизу, над суфой, шла широкая орнаментированная панель шириной 45 *см*. Выше располагалась полоса

Рис. 7. Голова воина (фото до реставрации)

примерно метровой ширины с изображением сражающихся воинов, причем резко подчеркнуты отрицательные и положительные характеристики персонажей: к примеру, трехголовое божество противопоставляется демоноподобным воинам. Судя по находкам, следующий, третий ярус живописи на стене слева от входа имел культовое содержание. Верх живописной панорамы венчал орнаментальный фриз.

Живопись в целом была полихромной, яркой, с преобладанием синих и охристо-желтых тонов, неоднократно зафиксирована зеленая краска, обычно довольно редко встречаемая в живописи того времени.

Не менее интересным оказались фрагменты живописной композиции северной стены зала. Среди них следует особо отметить второе изображе-

Рис. 8. «Богиня». Фрагмент найден в 1971 г. (прорисовка до реставрации)

ние «богини» (1971 г.) (рис. 8), восседающей на взнузданном льве. Одежда и убранство полностью совпадают с первым изображением. Она четырехрукая: в одной руке держит символическое изображение солнца, в другой — луны, третьей рукой демонстрирует символический жест с двумя поднятыми пальцами, а четвертой, по-видимому, прижимает жезл к груди. Сохранность красочного слоя хорошая, хотя действие высокой температуры во время пожара дворца несколько изменило колорит росписи. Преобладающий цвет синий (ультрамарин), различных оттенков.

Рис. 9. Воин в колеснице (прорисовка до реставрации)

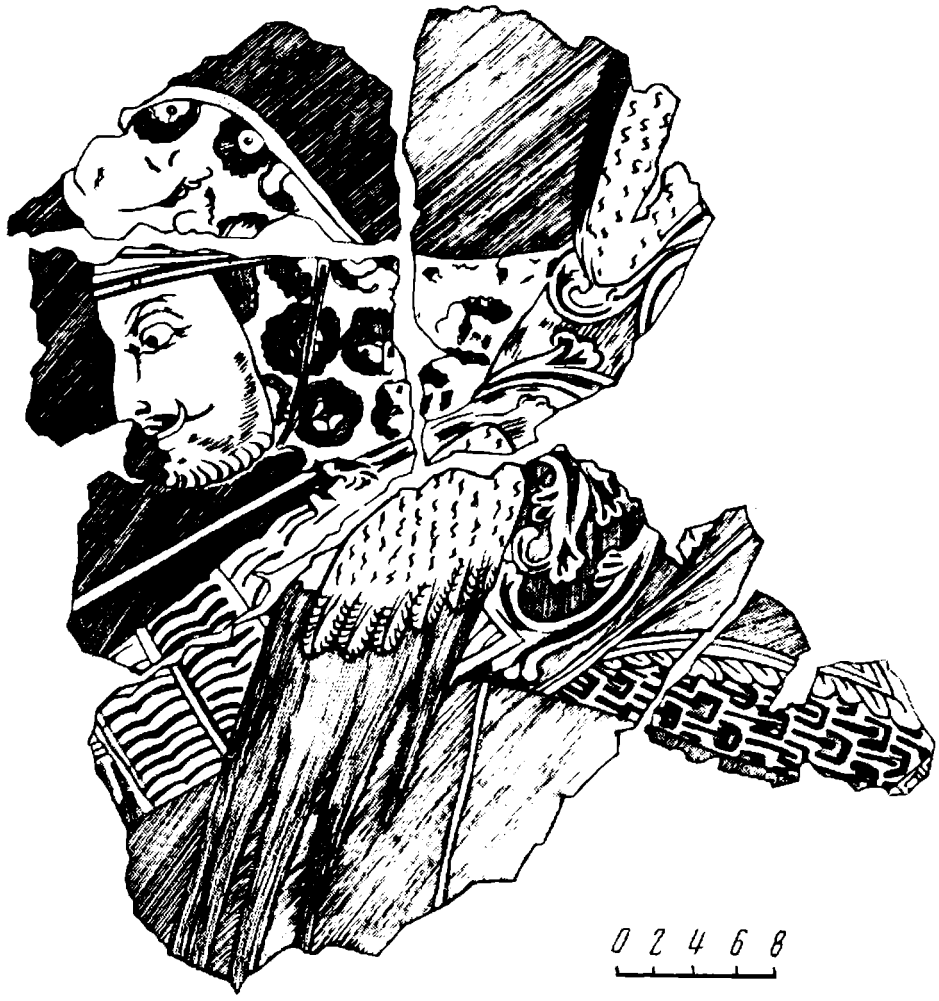


Рис. 10. «Крылатый воин» (прорисовка-рисунок до реставрации)

В эту композицию входит фрагмент, на котором изображен мчащийся навстречу богине в запряженной крылатыми конями колеснице коленопреклоненный воин в богатых доспехах с опущенным книзу копьем (рис. 9).

Имеются изображения крылатого и клыкастого воина (рис. 10), головы «дракона» темно-коричневого цвета, «демона» с удлиненной нижней челюстью, тел хищных птиц с золотисто-желтым оперением, изображенных перед открытой пастью дракона (рис. 11).

Очень интересны стыкующиеся фрагменты росписной штукатурки с изображением воинов-музыкантов в богатых одеждах, с мечами на ремнях пояса, в гладких полушаровидных шлемах, сидящих, поджав ноги, на ковре под балдахином и играющих на двух арфах и на лютне с коротким грифом. Роспись выдержана в очень светлых, достаточно интенсивных тонах: преобладают белый, синий, голубой и желтый цвета.

Обнаружены фрагменты с изображениями шествующих воинов (один из них хромой) (рис. 12), лежащие фигуры воинов-«демонов», воина-ветеринара с сумкой, лечащего коня (рис. 13), изображение замка (дворца). У этой же стены в завале собрано большое количество фрагментов штукатурки с изображением лиц воинов, деталей человеческих фигур и одежды, лошадей, льва, единорога, различного оружия, просто орнаментированных.

Судя по нашим наблюдениям, живопись на северной стене зала располагалась несколькими ярусами: три яруса представляли сюжетные изображения и два (верхний и нижний) орнаментальные пояса. Нижний сю-

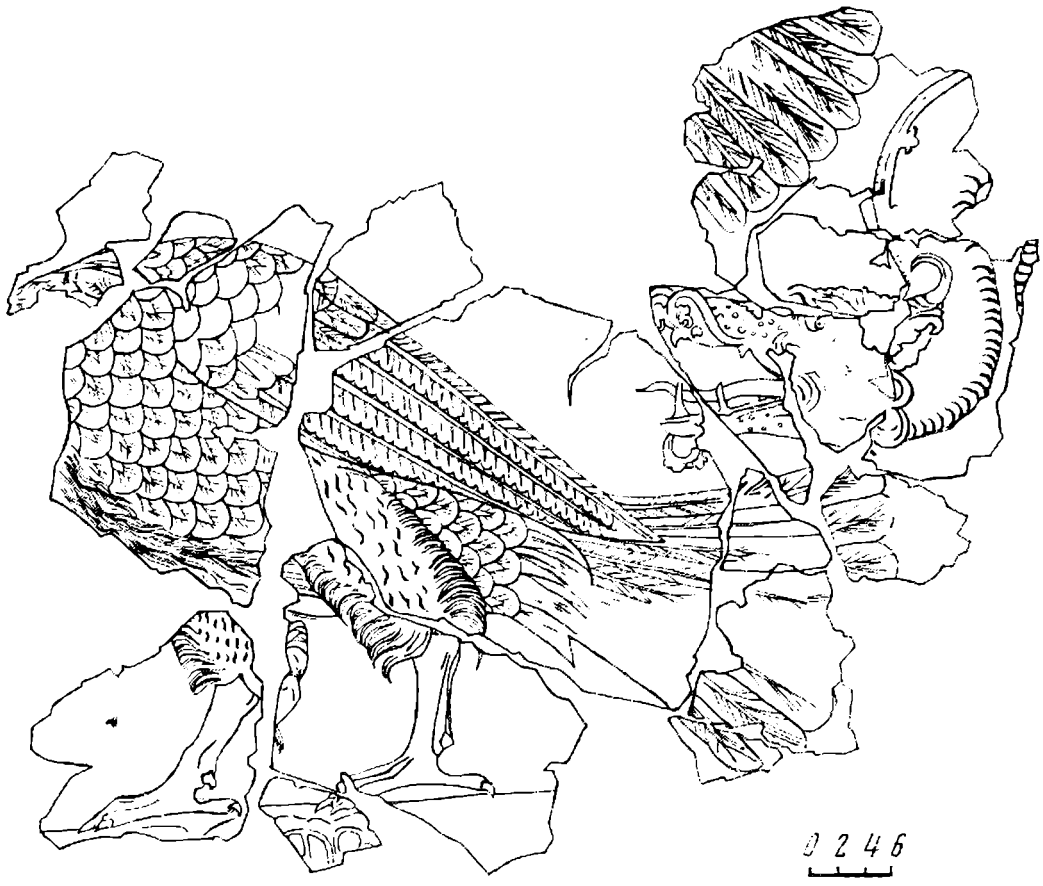


Рис. 11. Птицы и дракон (прорисовка до реставрации)

жетный ярус включал детали с изображениями сидящих под балдахином музыкантов, пирующих воинов, поверженных воинов-«демонов», замка с различными персонажами, на среднем ярусе изображены колесницы, на верхнем — шествующие фигуры.

В целом, обнаруженные детали росписей на северной стене и их фрагменты в завале у стены позволяют считать, что здесь была изображена многоярусная панорама последовательных сцен сражения.

Разумеется, реставрация и исследование обнаруженной росписи малого зала потребуют несколько лет, поэтому мы пока лишены возможности дать более или менее полную их художественную оценку и сюжетную характеристику. Но в данной публикации хотелось бы кратко и предварительно коснуться иконографии двух отмеченных выше изображений «богинь».

Оба фрагмента, по-видимому, изображают главную богиню местного пантеона, что подчеркивается надменно величественной позой восседания на взнузданном разъяренном льве, богатейшей одеждой, украшениями и диадемой, многорукостью и, что важнее всего, наличием антропоморфных символов главных небесных светил — солнца и луны, а также условных знаков других небесных светил (планет, звезд), изображенных на нагрудной части и на наплечниках одежды.

«Богиня» многолика. На обоих фрагментах, расположенных на стене зала невдалеке друг от друга, она изображена при полной идентичности до мельчайших подробностей одежды, украшений и всех атрибутов, в двух ликах: на фрагменте, найденном в 1970 г., — с прямо смотрящим в фас

Рис. 12. Шествующий воин (прорисовка до реставрации)

плоским и чуть приплюснутым лицом, а на фрагменте, найденном в 1971 г., изображено лицо вполоборота вправо с правильными среднеазиатского типа чертами. Заметим, что эта многоликость «богини» связана, видимо, с участием ее в каких-то разных сюжетных ситуациях, которые, вероятно, удастся понять после завершения реставрации всей обнаруженной живописи и возможно полной состыковки всех сцен.

Из атрибутов «богини» на фрагменте 1971 г. наиболее конкретно изображены диск луны с женским, вполоборота вправо, лицом в короне, увен-

Рис. 13. Воин-ветеринар, лечащий коня (прорисовка до реставрации)

чанный полумесяцем, и солнечный диск с изображением лица в фас. Причем первое изображение очень близко лику самой «богини», представленной на этом фрагменте, а второе — лику «богини», изображенной на фрагменте, найденном в 1970 г. Оба символа «богиня» держит на открытых вверх ладонях широко разведенных в стороны рук: в правой — луну, в левой — солнце.

Антропоморфные и символические изображения солнечного и лунного божеств, других планет и звезд нередко встречаются в памятниках искусства и материальной культуры Средней Азии. Подобные изображения мы имеем на стенных росписях древнего Пенджикента, хорезмских серебряных чашах, погребальных оссуариях и известной карабулакской бронзовой пластинке — подвеске, относящихся к периоду поздней античности и раннего средневековья[6]. Лунное божество в полный рост с полумесяцем за плечами и надписью Мао или Селена часто изображалось на кушанских монетах. Ю. Д. Баруздиным и А. М. Беленицким уже сделана сводка встречающихся на монетах эллинистической Западной Азии и Северной Африки, древнего Рима и Персиды, кушан, парфян, сасанидов, эфталитов главных эмблем указанных божеств — лучистого венца и полумесяца[7].

---

[6] Сб. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, стр. 53 сл., табл. XX—XXII; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVIII—XIX; Н. Веселовский. Еще об оссуариях. ЗВОРАО, XVIII, 1907, стр. 178, табл. VII, 5; А. Я. Борисов. К проблеме согдийского искусства. СГЭ, 3, 1945, стр. 10; Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. КСИА, 86, 1961, стр. 21—27.

[7] Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 24—26.

Рис. 14. «Военный совет» (прорисовка)

Есть определенные свидетельства Геродота (1,215), китайских [8] и других источников о поклонении древних среднеазиатских народов небу и небесным светилам. Ю. Д. Баруздиным и А. М. Беленицким уже интерпретировано интересное в этом же плане сообщение историка религии аш-Шахристани (XI в.) о древнем храме Каусан, посвященном солнцу и находящемся в столице соседней с Уструшаной области Фергана, построенном, как полагают, в кушанское время и разрушенном при арабском абассидском халифе ал-Мутасиме (833—842 гг.) [9].

Думается, что эти великолепные образцы живописи Уструшаны займут свое достойное место в кругу памятников искусства древнего Востока.

Из композиций живописи центрального коридора дворца кратко рассмотрим одну сцену. Она расположена на западной стене коридора в его южном конце.

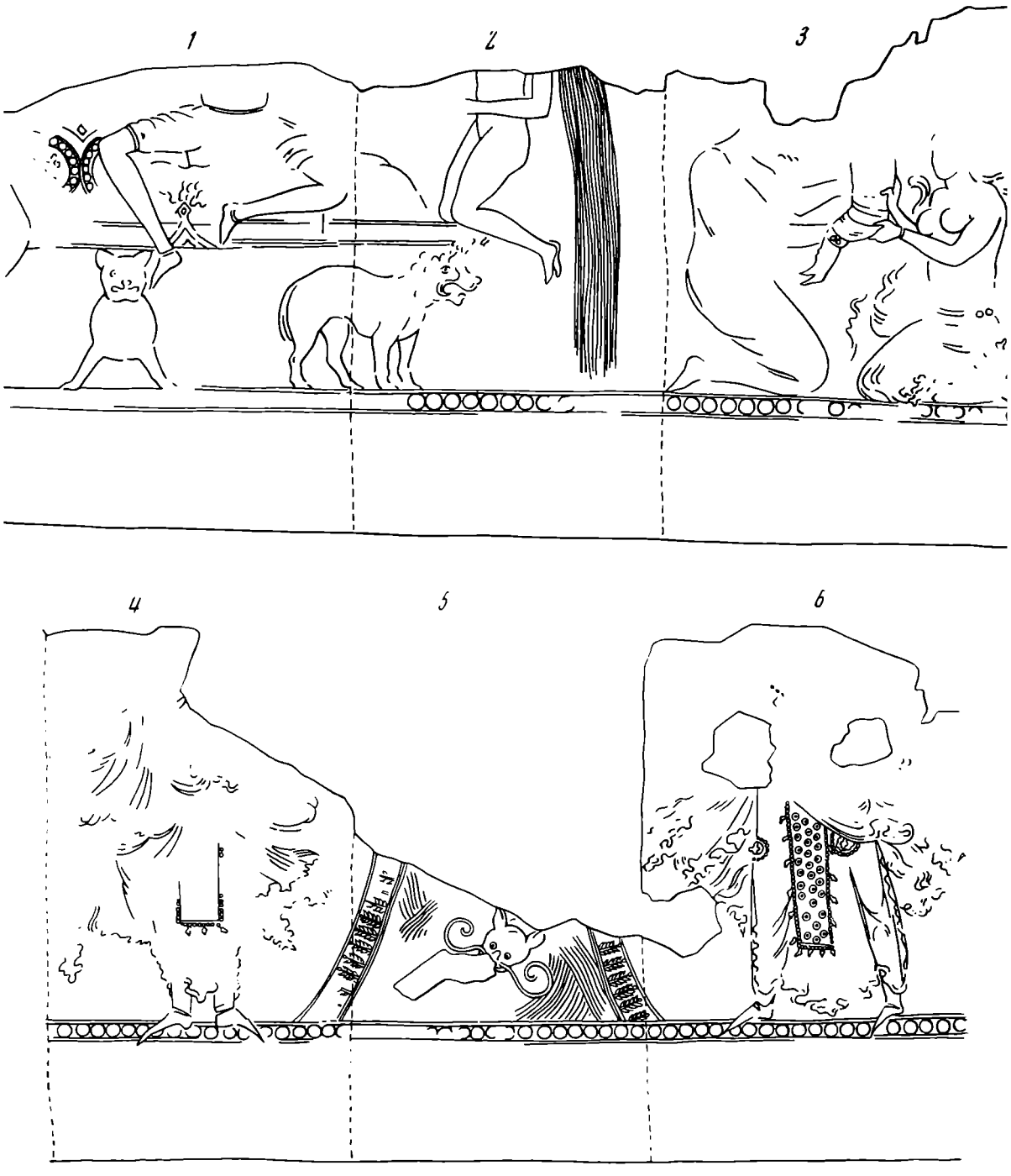
Эта композиция, названная условно «Военный совет», занимает поверхность стены длиной 120, высотой 85 *см* и включает изображение трех лиц, сидящих в «восточной позе» с скрещенными поджатыми ногами (рис. 14).

Изображения всех фигур в той или иной степени повреждены, но особенно пострадала фигура слева, от которой сохранились лишь левая нога и часть туловища в кафтане с кинжалом на поясе. Не сохранились левая рука и левое бедро у фигуры, расположенной с правой стороны.

Фигура в центре изображает воина в длинном кафтане, низко перехваченном поясом, на котором подвешены кинжал и меч с серебристыми рукоятками. Рукава кафтана полузасучены, даны в складках. Левой рукой воин держит ножны меча, правая рука полусогнута, поднята вверх и ладонью обращена в противоположную сторону. Лицо широкое, округлой формы, чуть скуластое: оно обращено к правой фигуре. Глаза небольшие,

[8] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.— Л., 1950, стр. 313.

[9] Ю. Д. Баруздин и А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 27.



впалые, несколько прищурены, дуги бровей высоко подняты. По уголкам рта свисают тонкие недлинные усы, губы сомкнуты, чуть выступающий вперед подбородок с клинообразной, несколько оттопыренной бородкой. Головной убор отсутствует, на затылке за правым ухом виднеется что-то вроде локона волос, на мочке правого уха — круглая подвеска, а на запястье правой руки — браслет. Ноги обуты в сапоги с низкими голенищами, но широкими пятками и носками.

Средний мужчина изображен пожилым, но достаточно статным и сильным. Его крепкая фигура, особенно руки, обведена уверенными, четкими линиями киноварного тона. Полуобратясь, но почтительно и внимательно слушает своего правого собеседника.

Собеседник справа старше по возрасту, у него старческие черты лица и слабый взмах полусогнутой приподнятой правой руки. Изображен он тоже в кафтане, несколько иного, свободного покроя, закрывающего фи-

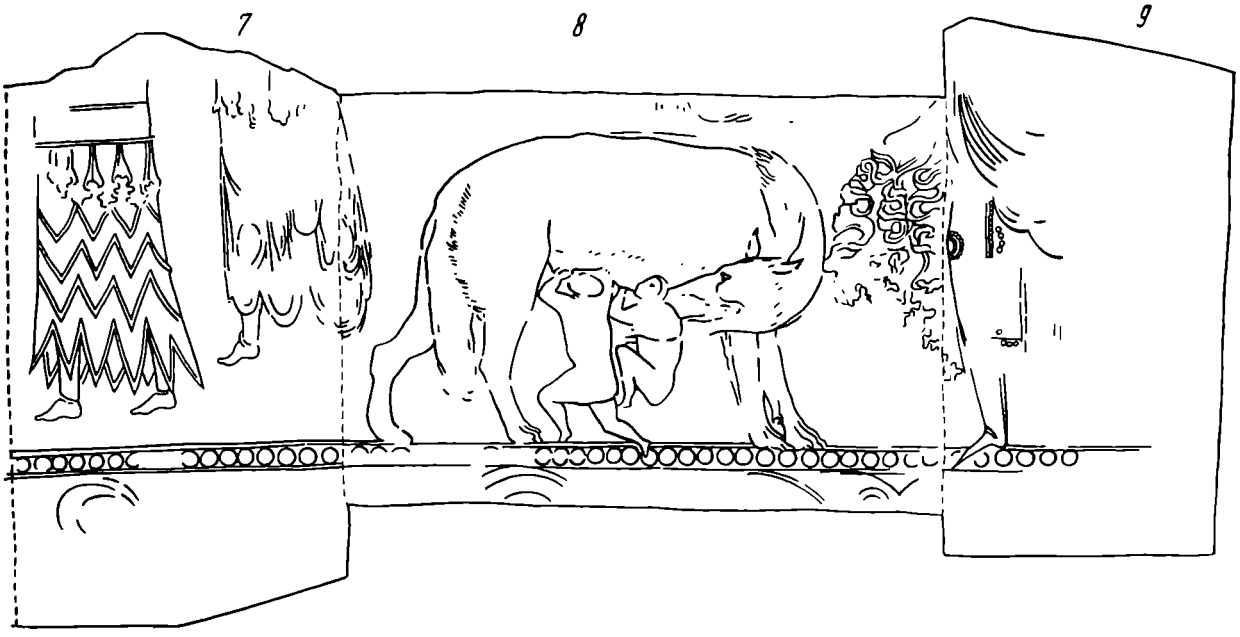


Рис. 15. Живописная композиция «Волчица, кормящая двух младенцев» (прорисовка)

гуру до запястий рук и ног, без пояса и оружия. Фигура чуть выдвинута вперед, поднятая правая рука обращена ладонью, так же как и лицо, к центральной фигуре — воину. На голове плотно облегающий гладкий убор, из-под которого за левым ухом редкие волосы. Рот и подбородок повреждены. Линии глаз и бровей подчеркнуты слабо. Лоб в морщинах, лицо также чуть скуластое. Черты лица старца этнически близки воину.

Контуры фигур и кафтанов, а также более подробно проработанные черты лиц и складки одежды выполнены киноварью уверенными и энергичными линиями, которые полностью выдержали действие огня. Пояса на фигурах, кинжалы, меч и обувь имеют темную окраску, а общий фон росписи выглядит в настоящее время оранжевым.

Роспись написана безусловно талантливым художником, с большим мастерством и очень профессионально. В изображениях ощущается большая простота и естественность поз, легкость и живость движений, близость к натуре. Замысел художника — передача реальной беседы представителей светской и военной знати. В центре внимания живописца одновременно и сам человек, как определенная индивидуальность (может быть, даже реальный портрет), и положение человека в обществе. Последнее подчеркивается возрастом и характером одежды, а также оружием. Вместе с тем в определенной статичности фигур, жестов рук, характерных позах и в стремлении подчеркнуть положение изображенного в обществе чувствуется соблюдение условностей канона, характерного для изобразительного искусства Средней Азии эпохи раннего средневековья.

Вторая шестиметровая композиция, получившая по своей заключительной сцене название «Волчица, кормящая двух младенцев», представляет собой выдающееся произведение искусства с точно раскрывающимся сюжетом (рис. 15; рис. 16 см. на вклейке к стр. 57).

Композиция состоит из пяти сцен, включающих сидящего на тахте правителя (1, 2), женщину с запеленатым ребенком на руках и мужчины, отнимающего ребенка у женщины (3), «реки» с плавающим в ней существом (4, 5), группу наблюдающих за событием лиц (6, 7) и волчицу, кормящую двух младенцев (8, 9). Причем последняя сцена точно повторяет принятую официальную эмблему города Рима, изображенную на многочисленных памятниках римского искусства, на римских монетах, визан-

тийских золотых брактеатах, сасанидских геммах, недавно изданных А. Биваром [10].

Уструшанская фреска — первое воспроизведение такого сюжета в живописи Востока. Интерпретация этого сюжета — тема специальных исследований, отдельной статьи.

Развернутый художественный, стилистический, технологический и иконографический анализ всей живописи дворца позволит в будущем выявить место этого памятника в культуре и искусстве Средней Азии и всего Востока. Сейчас в предварительном порядке можно отметить, что живопись Уструшаны, хотя и имеет много близких параллелей с живописным искусством Согда и Тохаристана, однако в ней отчетливо чувствуется самобытный колорит, почерк, стиль и сюжет. Изображения многих персонажей живописи уструшанского дворца поражают своей определенной конкретностью, и хочется надеяться, что их подробное изучение позволит раскрыть в них портреты реально существовавших лиц.

N. N. Négmatov

DE LA PEINTURE DU PALAIS ROYAL D'OOSTROUCHÂNA (COMMUNICATION PRÉLIMINAIRE)

Résumé

Le palais des rois (afchins) d'Oûstrouchâna dégagé par les fouilles de 1965—1972 sur le territoire de l'agglomération fortifiée Kalaï-Kakhkakh (Tadjikistan de Sud) — chakristan de la ville Boundjikat — est un monument éminent de l'architecture et de l'art des VII—IX siècles. Le palais comprenait salle à trois galeries et à loggia de trône, petite salle de réception, oratoire, chambres à coucher, locaux à usage d'habitation, salle d'arme, couloirs, cuisines et boulangeries. L'intérieur de toutes les salles d'apparat, des locaux et des couloirs était décoré par une richissime peinture murale polychrome, des constructions architecturales en bois, des panneaux et des frises merveilleusement sculptés. L'article donne la description d'un nombre de ces monuments de la peinture le palais dont les chefs l'oeuvre comme les compositions d'une louve allaitant deux nourrissons (une composition presque romaine), des déesses à quatre bras avec les symboles du soleil et de la lune, des démons, des guerriers etc.

[10] A. D. Bivar. A Parthian Amulet. Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London. XXX, 3, 1967, p. 512—525.

Н. М. ПОСТНИКОВА

К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Антропологические материалы из могильника «Минарет» — XIV—XV вв.

Археологические раскопки 1967 г. в г. Болгары ТАССР, проводившиеся под руководством А. П. Смирнова, дали новый антропологический материал, происходящий из могильника «Минарет», который датируется временем монгольского завоевания — XIV—XV вв.

Антропологический материал немногочисленный, всего 18 скелетов (11 мужских, 5 женских и 2 детских — табл. 1). Однако его большая ценность

Таблица 1

Возрастной состав могильника «Малый Минарет» (раскопки А. П. Смирнова)

№ погребения	Год раскопок	Пол	Возраст, лет	Средний возраст
38	1967	Мужской	45—50	
11	1967	»	35—40	
7	1967	»	50—60	
5	1967	»	20—25	
13	1967	»	60—65	
8	1967	»	30—35	
3	1967	»	40—35	
9	1967	»	45—50	
10	1966	»	45—50	
11	1966	»	55—60	
32	1967	»	55—60	45,8
34	1966	Женский	55—60	
39	1967	»	45—50	
37	1967	»	20—25	
36	1967	»	18—20	
9	1966	»	18—20	
14	1967	»	25—30	33,7
19	1967	Детский костяк	7—8	
26	1967	То же	6—7	7

состоит в том, что благодаря внимательному отношению археологов к антропологическим находкам полностью было собрано восемь скелетов, что позволило судить не только о краниологических особенностях населения, но и о некоторых пропорциях тела и росте погребенных (табл. 2).

Погребения мусульманские, в ямах, вытянутые на спине, чаще всего с вытянутой правой рукой и полусогнутой левой, кисть которой лежит на тазовых костях. Ориентировка костяков головой на запад, лицом к югу. Однако некоторые погребения по обряду захоронения отличаются. Например, погребение 8. В южной стене ямы была открыта ниша-подбой

Таблица 2

Некоторые размеры и указатели длинных костей и таза мужской серии из могильника «Минарет»

	Признаки	№ погребения	13	11	8	5	3	7	11	32	Суммарно N = 8	Сарматы (Б. В. Фирштейн)	«Четырехугольник», X—XIII вв.
		Год раскопок	1967	1966	1967	1967	1967	1967	1967	1967			
1	Наибольшая длина плечевой кости		316*	319	300	328	317	331	324	311	318,2	326,3(74)	324(8)
5	Наибольший диаметр плечевой кости		22	25	22	25	24	25	22	21	23,2		22,8(8)
7	Наименьшая окружность диафиза плечевой кости		62	66	63	65	64	68	63	60	63,7	65,9(74)	60,7(8)
6 : 5	Указатель сечения плечевой кости		81,8	76,0	86,3	76,0	87,5	72,0	77,2	85,7	80,3		78,1(8)
7 : 1	Указатель массивности плечевой кости		19,6	20,7	21,0	19,8	20,1	20,5	19,1	19,2	20,0		18,6(8)
1	Наибольшая длина лучевой кости		250	233	231	248	230	253	—	—	240,8	251,8(63)	246,5(8)
3	Наименьшая окружность диафиза лучевой кости		44	49	44	47	43	45	41	—	44,7	43,4(65)	39,1(8)
5 : 4	Указатель сечения лучевой кости		68,7	72,2	75,0	77,7	75,0	82,3	—	—	75,1	71,8(65)	65,0(8)
3 : 2	Указатель массивности лучевой кости		18,7	22,6	20,2	20,0	20,0	18,9	—	—	20,6		17,0(8)
1	Наибольшая длина локтевой кости		265	251	243	267	250	273	—	—	258	274,0(58)	266,0(8)
3	Наименьшая окружность локтевой кости		37	40	37	39	42	42	37	—	39,1	39,5(62)	33,8(8)
3 : 2	Указатель массивности локтевой кости		15,5	18,1	17,2	16,4	19,2	17,5	—	—	17,3	16,6(61)	14,4(8)
1	Наибольшая длина бедренной кости		431	440	410	470	432	455	449	—	441	450(69)	444(8)
8	Окружность середины диафиза бедренной кости		86	90	87	91	82	86	80	—	86	91,4(70)	85,8(8)
8 : 2	Указатель массивности бедренной кости		20,0	20,5	21,3	17,8	19,0	18,9	17,9	—	19,3	20,4(69)	19,9(8)
1	Полная длина большой берцовой кости		352	338	325	371	344	360	—	—	348	365,8(66)	341,5(6)
10в	Наименьшая окружность диафиза большой берцовой кости		74	76	74	78	72	74	—	—	77	74,0(68)	72,0(6)
9а : 8а	Указатель сечения большой берцовой кости		57,1	78,7	78,7	73,6	72,7	74,2	—	—	72,5	69,4(68)	68,6(6)
10в : 1	Указатель массивности большой берцовой кости		21,0	22,1	22,7	21,0	20,9	20,5	—	—	21,4		20,4(6)
2	Наибольшая ширина таза		276	—	259	—	257	275	—	—	265		
1 : 2	Высотно-широтный указатель таза		77,5	—	74,1	—	81,3	76,3	—	—	77,3		
	Рост по Пирсону		162,2	161,4	156,8	168,3	161,3	165,5	—	—	162,7	165,3(55)	
	» по Троттер-Глезеру		163,4	162,9	157,7	170,5	160,0	167,3	—	—	163,6	168,0(55)	164,7(8)
	» по Фюлли-Пино		163,5	—	—	—	162,5	166,4	160,3	—	163,1		
	Интермембральный указатель		72,2	71,0	72,4	61,3	70,5	70,4	—	—	69,6	71,0(37)	72,6**
	Берцово-бедренный указатель		81,8	77,2	79,6	78,9	79,7	79,1	—	—	79,3	81,9(39)	79,0
	Луче-плечевой указатель		79,1	73,0	77,0	75,6	75,7	79,4	70,0	—	75,6	76,9(40)	75,9
	Плече-бедренный указатель		73,3	72,4	73,5	71,7	73,5	72,7	72,6	—	72,8	73,0(52)	75,2
	Луче-берцовый указатель		71,0	68,9	71,1	66,6	69,9	70,2	—	—	69,6	68,5(39)	72,2

* Размеры правой стороны.
** Вычислено по средним.

шириной 30 и высотой 50 *см*, а у северной стены — ступень шириной около 20 и высотой 24 *см*. Костяк лежал в нише, выступая в яму, вытянут на спине, головой на запад, лицом вверх, руки вытянуты вдоль тела[1]. По своему антропологическому типу субъект довольно резко отличался от всех погребенных в этом могильнике своим центральноазиатским комплексом морфологических признаков: гипербрахикрания (95, 5), главным образом за счет очень большого поперечного диаметра черепа; лицо широкое (144 *мм*), высокое (75 *мм*), очень слабо профилировано в горизонтальной плоскости (157° — назо-малярный угол и 140° — зиго-максиллярный), малая симотическая высота (3 *мм*), слабо выступающие носовые кости (15°), передненосовая ямка, орбиты хамеконхного типа, нос лепториннои формы. Рост, вычисленный по формуле Фюлли-Пино, равен 153,0 *см*, а по формуле Пирсона — 158,1 *см*, относится к малым категориям. Об особенном положении описанного субъекта свидетельствует и еще одно интересное обстоятельство, обратившее на себя внимание, а именно: почти весь скелет и лицевая часть черепа были окрашены в черный цвет, по-видимому, смолой (особенно нижняя челюсть, зубы и чешуя лобной кости). Подобный ритуал захоронения в этот период пока еще не находит себе аналогий. Захоронения же в подбое известны у сарматов Подонья, принявших этот ритуал от поволжских сарматов, с которыми они поддерживали постоянные связи в VIII—IX вв.[2]. Не исключено, что описанный индивид был потомком одного из многочисленных гунно-сарматских племен, пришедших с востока на территорию Среднего Поволжья.

В суммарную характеристику антропологического материала нами были включены и два погребения (мужское и женское) из района раскопок «Черной палаты» (№ 11 и 36), которые не отличались по морфологическим признакам от погребенных в могильнике «Малый Минарет». Мужское погребение несколько отклонялось, однако, от общепринятых в то время норм захоронения. Костяк лежал спиной вверх, головой на запад, лицом вниз. Правая рука вытянута и лежит в области таза. По мнению А. П. Смирнова, особенности в обряде этого погребения, совершенного на пустыре, каким был тогда район Черной палаты, могут быть объяснены единственно необычным положением умершего в обществе. Антропологический тип погребенного европеоидный, с брахикранной формой черепа, с широким и высоким лицом, слабо профилированным в верхней части и сильно — в области подносовой точки. Нос выступающий (30°), мезорин. Подобные смешанные в антропологическом отношении типы нами были отмечены ранее на материале могильника «Четырехугольник»[3].

Суммарно мужская серия характеризуется в основном средними размерами продольного диаметра черепа с размахом колебания от 173 до 187 *мм*, большим поперечным диаметром, сравнительно высокой мозговой коробкой, средней скуловой шириной, средневысоким лицом, относительно высоким и узким носом, средневысокими орбитами т. д. Горизонтальная профилировка лица в верхней его части средняя и в области подносовой точки — сильная. Профиль лица ортогнатный. Носовые кости средневыступающие (табл. 3). Серия в целом европеоидная, брахикранная, но с большей долей монголоидного компонента, чем серия из соседнего могильника «Четырехугольник», относящегося к золотоордынскому времени и частично-дозолотоордынскому. Об этом наглядно свидетельствует предложенный нами график 1.

---

[1] Данные по обряду захоронения взяты из отчета А. П. Смирнова о Поволжской экспедиции 1967 г.

[2] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 97.

[3] Н. М. Постникова. К антропологии средневекового могильника «Четырехугольник». Сб. «Поволжье в средние века», МИА, 164, 1970, стр. 24—38.

Таблица 3

Сравнение средних величин черепов из могильника «Минарет» с синхронными сериями

№ по Мартину	Признаки	«Минарет», XIII—XV вв.	«Четырехугольник», X—XIII вв.	Кайбелы, X—XIII вв. (М. М. Герасимова)	Зливка, VIII—IX вв. (Наджимов)	Большие Тарханы, VIII—IX вв. (М. С. Акимова)	Старый Орхей, XIII—XIV вв. (М. С. Великанова)
1	Продольный диаметр	181,7(11)	179,2(12)	176,2(8)	177,8(9)	182,0(37)	180,0(9)
8	Поперечный диаметр	149,0(11)	146,4(12)	144,8(8)	147,8(9)	147,9(38)	149,0(9)
17	Высотный диаметр	136,9(10)	132,6(10)	133,2(8)	136,0(6)	137,3(32)	139,7(9)
9	Наименьшая ширина лба	97,7(11)	94,9(12)	96,5(8)	95,6(9)	98,8(41)	95,8(9)
45	Скуловой диаметр	134,4(11)	135,7(11)	136,1(8)	137,3(8)	138,9(39)	136,3(9)
48	Верхняя высота лица	71,5(10)	72,2(11)	72,8(8)	72,1(9)	70,9(39)	70,1(8)
54	Ширина носа	24,6(11)	26,0(11)	24,9(8)	27,0(8)	25,9(40)	25,3(9)
52	Высота орбиты	34,1(11)	33,0(11)	33,3(8)	32,5(9)	33,5(40)	33,4(9)
	Назо-малярный угол	141,9(10)	135,9(11)	144,2(8)	139,9(8)	141,8(38)	139,2(9)
	Зиго-максиллярный угол	129,4(10)	128,2(11)	129,4(8)	133,0(9)	132,2(36)	129,9(8)
	Симотическая высота	3,08(9)	4,21(11)	3,47(8)	4,7(8)	4,25(30)	5,13(8)
	Глубина клыковой ямки, *мм*	5,63(11)	4,89(10)	4,67(8)	—	4,84(40)	5,10(8)
75/1	Угол выступания носа	26,4(11)	26,1(10)	31,2(8)	24,9(7)	26,2(28)	30,0(7)
	Надпереносье (1—6)	2,46(11)	2,42(10)	3,50(8)	2,77(9)	3,40(40)	3,33(9)
	Антропинные формы нижнего края грушевидного отверстия	63,6(11)	63,6(7)	62,5(5)	88,8(8)	68,3(28)	33,3(9)
8 : 1	Поперечно-продольный указатель	82,3(11)	81,9(12)	84,5(8)	83,0(9)	81,1(37)	83,0(9)
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	97,9(10)	89,5(10)	92,4(8)	91,8(6)	92,5(31)	—
48 : 45	Верхне-лицевой указатель	53,2(10)	53,1(11)	53,3(8)	52,8(8)	49,8(39)	—
54 : 55	Носовой указатель	45,9(11)	49,0(11)	47,9(8)	58,5(6)	53,5(17)	48,9(9)
52 : 51	Орбитный указатель	78,4(11)	76,8(11)	76,4(8)	80,8(9)	76,9(39)	79,0(9)

Таким образом, население, оставившее средневековый могильник «Малый Минарет», было смешанным в антропологическом отношении. Наряду с представителями брахикранного европеоидного типа встречаются и представители центральноазиатского расового ствола (№ 7 — в «чистом виде» и № 4) и промежуточные варианты (№ 6, 6А 13 и 18).

Женская серия существенно не отличается от мужской, хотя, на наш взгляд, она более европеоидна, чем мужская. Но недостаточность материала не позволяет нам делать категорические выводы.

Судя по средним величинам мужской серии, о некоторой, хотя и слабой, монголоидности ее говорит не только брахикрания (особенно большой размер поперечного диаметра и увеличение соответственно скуловой ширины), но и небольшая симотическая высота, значительный процент передненосовых ямок, ослабленный угол выступания носовых костей. Проведенный одонтологический анализ подтвердил наше заключение о небольшой, но достаточно достоверно фиксированной монголоидной примеси. Нередок в серии процент лопатообразных резцов (33%) — один из наиболее показательных признаков монголоидного комплекса, а также форма узора жевательной поверхности нижних моляров (шестибугорковые формы), значительный процент эмалевого затека и т. д., характерные для смешанных в этническом отношении групп[4]. На смешанный характер

[4] А. А. Зубов. О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков. СЭ, 1968, 3, стр. 49, 50.

Таблица 3 (продолжение)

№ по Мартину	Признаки	Мари-Луговской, XIII—XIV вв. (В. П. Алексеев)	Болгар и Сувар	«Бабий бугор» (В. П. Алексеев)	Сарматы, сборная (Б. В. Фирштейн)	Поломский могильник (по В. П. Алексееву)	Муранский могильник (по В. П. Алексееву)
1	Продольный диаметр	181,5(11)	181,4(86)	182,1(27)	182,2(67)	184,4(11)	186,3(15)
8	Поперечный диаметр	151,8(11)	141,1(89)	140,3(27)	146,0(67)	141,6(12)	137,6(14)
17	Высотный диаметр	130,9(10)	135,5(86)	137,1(26)	132,6(36)	139,1(8)	133,3(13)
9	Наименьшая ширина лба	99,9(12)	96,2(89)	97,2(28)	97,4(34)	96,6(12)	97,1(15)
45	Скуловой диаметр	140,6(11)	133,8(55)	130,9(18)	137,2(67)	136,9(7)	132,6(9)
48	Верхняя высота лица	72,6(11)	68,9(87)	65,7(25)	70,4(68)	69,1(7)	69,7(11)
54	Ширина носа	25,7(12)	25,2(86)	26,0(23)	24,7(68)	25,7(7)	25,5(11)
52	Высота орбиты	32,1(11)	31,7(80)	30,8(23)	33,0(67)	31,1(7)	32,5(11)
	Назо-малярный угол	142,2(12)	140,0(49)	139,8(26)	141,4(69)	—	137,1(10)
	Зиго-максиллярный угол	132,6(11)	129,5(42)	125,1(17)	131,0(64)	—	131,2(5)
	Симотическая высота	5,0(12)	4,7(12)	4,21(23)	4,56(59)	—	3,5(9)
	Глубина клыковой ямки, *мм*	—	—	5,40(22)	5,8(69)	—	—
75/1	Угол выступания носа	27,6(9)	28,4(59)	80,1(19)	30,7(58)	28,0(7)	26,0(9)
	Надпереносье (1—6)	—	—	3,07(28)	3,39(70)	—	—
	Антропинные формы нижнего края грушевидного отверстия	—	—	66,6(16)	44,9(69)	—	—
8 : 1	Поперечно-продольный указатель	83,8(11)	78,0(85)	76,8(26)	80,2	71,1(11)	74,2(14)
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	—	—	—	90,8	—	—
48 : 45	Верхне-лицевой указатель	52,1(9)	52,0(54)	—	51,3	50,5(7)	51,8(9)
54 : 55	Носовой указатель	48,6(9)	50,4(86)	50,8(23)	47,9	51 0(7)	50,7(11)
52 : 51	Орбитный указатель			73,3(23)	76,2		

серии указывает и размах колебаний таких признаков, как поперечный диаметр черепа (137—167 *мм* со средним квадратическим отклонением 8,02 *мм*), скуловая ширина (123—145 *мм* со средним квадратическим отклонением 7,53 *мм*), полная высота лица (109—128 *мм* со средним квадратическим отклонением 7,16 *мм*).

Рассмотрев краниологический материал исследуемого могильника, следует вкратце остановиться на некоторых остеологических особенностях мужской серии (в нашем распоряжении были восемь полных мужских скелетов).

Мужское население, оставившее средневековый могильник «Минарет», было среднего или несколько ниже среднего роста, брахиморфного типа телосложения (табл. 2). Рост вычислен по формуле Пирсона, Троттер — Глезера (средняя взвешенная) и там, где сохранились позвонки, по Фюлли — Пино. Не имея еще достаточно данных по размерам длинных костей и росту средневекового населения Поволжья и прилегающих районов, мы использовали для сравнения результаты остеологических исследований сарматов позднего этапа из Поволжья и Приуралья[5] и изученные нами остеологические материалы из средневекового могильника «Четырехугольник»[6]. Правда, следует оговориться, что рост людей, погребенных в могильнике «Четырехугольника», определялся по формуле Троттер — Глезеры, вычисленной ими для «белых». Разумеется, результаты получились завышенные. Но для сравнительной табл. 2 мы пересчитали рост остео-

[5] Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы, Л., 1970.

[6] Н. М. Постникова. Ук. соч., стр. 36—37.

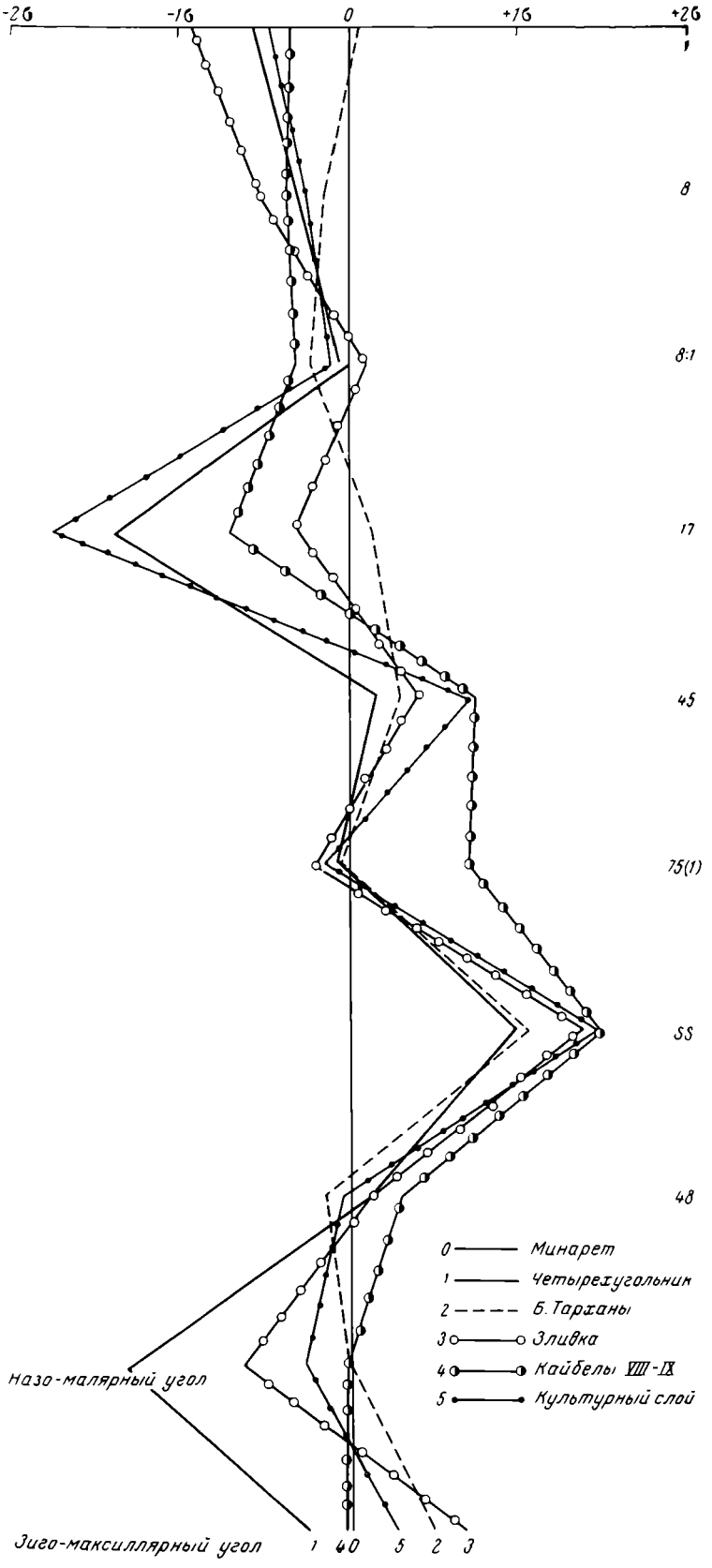


График I. Сравнение мужских черепов из могильника «Минарет» с синхронными сериями

логической серии из «Четырехугольника» по взвешенной формуле, и данные получились вполне сопоставимы.

По отдельным пропорциям тела погребенные в могильнике «Минарет» близки к сарматскому населению Поволжья (интермембральный, плечебедренный, луче-бедренный и берцово-бедренный указатели), хотя размеры длинных костей из «Минарета» несколько меньше, по сравнению с сарматскими группами, что, конечно, соответствует и их более низкому росту.

Остеологическая серия из предшествующего по времени могильника «Четырхугольник» отличаются несколько большей грацильностью, хотя отдельные пропорции тела (берцово-бедренный, луче-плечевой указатели), рост и др. очень близки к пропорциям и росту погребенных из «Минарета».

Накопление остеологического материала в дальнейшем поможет археологам, антропологам и этнографам вскрыть не только чисто морфологические особенности наследственной структуры человеческих популяций, но и выяснить влияние географической среды, форм хозяйства и других факторов на физический тип населения. Как справедливо отмечал Г. Ф. Дебец в одной из своих работ, «это влияние протекает, очевидно, сложными путями, на физическом типе отражаются не только те условия, которые действуют в то время, к которому относятся исследуемые скелеты, но и те, которые действовали в длинном ряду предшествующих поколений»[7].

Для сравнительного антропологического анализа средневекового населения, оставившего могильник «Минарет», выяснения его места среди финнского населения контактных территорий (Поломский[8], Муранский[9] могильники), населения золотоордынского периода на территории Среднего Поволжья (Болгар и Сувар, Мари-Луговской[10]), населения золотоордынского времени на территории Молдавии (кладбище «Старый Орхей», материал обработан М. С. Великановой) и сарматского населения Поволжья нами были взяты средние величины наиболее важных таксономических признаков (см. табл. 3). Учитывая, что большинство сравниваемых серий одинаковы по численности, мы упростили дополнительные математические вычисления, которые приняты при антропологических исследованиях (речь идет о критериях достоверности различий). На графике 1 в долях сигмы (среднего квадратического отклонения) продемонстрированы различия между предлагаемыми антропологическими группами.

Вкратце остановимся на рассмотрении сравнительной табл. 3.

Как мы уже отмечали, население, оставившее исследованные нами могильники «Минарет» и «Четырехугольник», по остеологическим данным стоит очень близко друг к другу. То же можно сказать и о их краниологических особенностях. Обе серии брахикранны, с несколько ослабленным выступанием носовых костей, со средневысоким лицом, но несколько более сильно профилированным и с большей симотической высотой у населения «Четырехугольника». Этот факт можно рассматривать как отражение усилившегося притока монголоидных антропологических типов в XIV—XV вв., что было отмечено нами и при индивидуальном анализе отдельных, отличающихся по своему морфологическому типу костяков (№ 4, 7, 8).

Золотоордынская группа из «Старого Орхея», хотя и близка по ряду признаков к синхронной группе из «Минарета» (абсолютные размеры про-

[7] Г. Ф. Дебец. Физический тип людей днепро-донецкой культуры. СА, 1966, 1, стр. 20.

[8] Г. Ф. Дебец. Черепа из финнских могильников. Сб. МАЭ, VIII, Л., 1929.

[9] Т. И. Алексеева. Черепа из Муранского могильника. Сов. антропология, 1959, 1.

[10] В. П. Алексеев. Палеоантропологические материалы из Мари-Луговского могильника. Тр. Марийской археологической экспедиции. II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 241—259.

дольного и поперечного диаметров, зиго-максиллярный угол, глубина клыковой ямки, скуловой диаметр), все-таки отклоняется в сторону большей европеоидности по таким важным диагностическим признакам, как высота черепа, угол выступания носовых костей, симотическая высота.

Население XIII—XIV вв., оставившее Мари-Луговской могильник, отличается более широким лицом и большим поперечным диаметром головы, хотя по остальным признакам, представленным в табл. 3, оно очень близко к погребенным в могильнике «Минарет». Население, оставившее могильник «Минарет», занимает промежуточное положение между сарматским населением (по Б. В. Фирштейн) и сельским населением Волжской Болгарии (Мари-Луговской могильник).

Что касается антропологических групп из финнских (Поломский и Муранский могильники) и средневековых могильников «Минарет» и «Четырехугольник», то их сближает прежде всего ослабленное выступание носовых костей, средние размеры лицевого скелета, небольшая симотическая высота, одинаковая ширина носа, но более удлиненная форма черепа и относительно низкое лицо позволяют говорить и о различиях между ними.

Таким образом, можно говорить о неоднородном составе населения, оставившего могильник «Малый Минарет». Ранее проводившиеся антропологические исследования краниологического материала из г. Болгары и соседних районов [11] также показали неоднородность населения Волжской Болгарии. Выделение двух основных антропологических типов — долихокранного европеоидного и брахикранного европеоидного (в нашем случае) — вполне реально. Эти же антропологические типы были прослежены и в других районах обитания болгарских племен, носителей салтово-маяцкой культуры (Молдавия, с. Ханска; Украина, с. Каменка; степи Задонья; Волго-Камья, с. Большие Тарханы) [12]. Но у населения Волжской Болгарии, по-видимому, преобладал брахикранный европеоидный тип, так называемый зливкинский (могильники «Четырехугольник», «Минарет»), хотя присутствие салтовского долихокранного типа было также отмечено в отдельных могильниках, например «Бабий бугор» [13].

Подводя итоги краткого анализа населения с территории Волжской Болгарии и сопредельных областей, можно сделать следующие выводы: 1) население, оставившее могильник золотоордынского времени «Малый Минарет», было смешанным в антропологическом отношении и отличалось брахиморфным типом телосложения, брахикранной формой черепной коробки и средними размерами лица, повышенным процентом лопатообразных резцов и эмалевого затека (данные краниологии, остеологии и одонтологии); 2) основной удельный вес падал на европеоидные антропологические типы, тяготеющие, по-видимому, к позднесарматскому населению прилегающих областей. Европеоидный брахикранный «зливкинский» тип, впитавший в себя и местное автохтонное население, был ведущим; 3) как показал сравнительный анализ, участие лапоноидного (финнского) типа в формировании населения Волжской Болгарии вполне реально; 4) отмеченное сходство изученных серий с кочевническими группами болгар южных территорий еще раз подтверждает общность их генетиче-

---

[11] Г. Ф. Дебец. Турко-финнские взаимоотношения в Поволжье по данным антропологии. АЖ, 1932, 1; Т. А. Трофимова. Антропологический состав населения г. Болгары в X—XV веках. Антропол. сб. I, нов. серия, XXXIII. М., 1956; М. М. Герасимова. Скелеты древних болгар. Там же; М. С. Акимова. Материалы к антропологии ранних болгар. В кн.: В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 177—196.

[12] М. С. Великанова. Об одной группе населения Молдавии по антропологическим данным. СЭ, 1965, 6; Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника. Сов. антропология, 1, 1957; В. В. Гинзбург. Краниологические материалы из правобережного цимлянского городища. МИА, 109, 1963.

[13] Т. А. Трофимова. Ук. соч., стр. 88.

ских связей и не противоречит археологическим данным о ведущей роли сармато-аланского субстрата у болгарских племен южных районов Восточной Европы и Среднего Поволжья, где значительный удельный вес составляли и местные племена.

Дальнейшие исследования палеоантропологического материала с территории Волго-Камья и особенно раннего периода прихода болгар на Волгу помогут полнее восстановить картину этнического состава Волжской Болгарии.

N. M. Postnikova

A PROPOS DE L'ANTHROPOLOGIE DE LA POPULATION DE LA BULGARIE VOLGIENNE (MATÉRIAUX ANTHROPOLOGIQUES PROVENANT DE LA NÉCROPOLE MINARET (XIV—XV SIÈCLES)

Résumé

Les fouilles de la nécropole moyenâgeuse Minaret (Bolgary, ville de la RSSA de Tatarie) effectuées par A. P. Smirnov ont donné un matériel anthropologique comportant 18 squelettes intacts et bien conservés dont 11 masculins, 5 féminins et 2 enfantins. L'analyse anthropologique se basait sur les données craniologiques, ostéologiques et odontologiques. Les études ont démontré que la population qui nous a laissé la nécropole moyenâgeuse Maly Minaret était mélangée du point de vue anthropologique: à côté des representants du type brachycrâne européoïde on voit des représentants du type racial centralo-asiatique. L'analyse comparative de la population de Minaret avec celle du territoire de la Bulgarie volgienne, des régions limitrophes et avec les représentants des populations des époques précédentes a démontré que: 1) la participation du type laponoïde (finnois) dans la formation de la population de la Bulgarie volgienne est tout à fait vraisemblable, 2) une certaine similitude avec les groupes nomades des Bulgares des territoires méridionaux prouvent la communauté de leurs liens génétiques et ne contredit par les données archéologiques sur le rôle primordial du substratum sarmato-alanique chez les Bulgars du cours moyen de Volga et de la Russie méridionale. Les études ultérieures des matériaux paléoanthropologiques portant sur l'arrivée des Bulgares sur la Volga serviront à éclaircir la part de la contribution anthropologique des Bulgares à l'éthnogénèse des populations du cours moyen de Volga.

Г. И. ВЗДОРНОВ

ИКОНА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА СПАСА — ПАМЯТНИК ПСКОВСКОЙ ЖИВОПИСИ XV ВЕКА

В музеях СССР представлено немало выдающихся произведений станковой живописи Древней Руси. Хорошо известны коллекции икон, собранные в музеях Москвы, Ленинграда, Новгорода и Ярославля. Значительно хуже освещены в научной литературе памятники, хранящиеся в других городах. Многие из них не упомянуты даже в напечатанных обзорах и каталогах. Между тем в провинциальных собраниях возможны неожиданные находки, способные существенно пополнить наши знания об искусстве Древней Руси. Таково собрание икон Смоленского областного музея изобразительных и прикладных искусств. Здесь хранится большая икона Спаса Нерукотворного, выделяющаяся среди остальных икон музея как своей древностью, так и высоким качеством исполнения (рис. 1)[1].

В инвентарных книгах Смоленского музея об этой иконе сообщается, что она происходит «из старых поступлений». Многие другие иконы, находящиеся ныне в Смоленске, принадлежали до революции княгине М. К. Тенишевой, коллекции которой после их национализации составили ядро художественного отдела существующего Смоленского музея. Возможно, икона Нерукотворного образа Спаса тоже входила в состав тенишевского собрания.

К моменту поступления иконы в музей она была уже расчищена. Однако в последующее время она сильно потемнела и установить, насколько хорошо сохранилась древняя живопись, было трудно. Поэтому в 1957 г. икона была доставлена в Государственную центральную художественную научно-реставрационную мастерскую (Москва), промыта, укреплена и обследована[2]. Выяснилось, что первоначальная живопись в разных частях иконы сохранилась по-разному. Полуфигурки ангелов, которые поддерживают верхние концы убруса, и сам убрус, а также надписи на нем почти не пострадали от времени. Хуже сохранилась голова Христа. Здесь имеются многочисленные старые тонировки, особенно заметные с внешней стороны правого глаза, на переносице, на прядях волос и на бороде. Последняя в сущности восстановлена уже в процессе реставрации. Нимб написан заново. Киноварные линии нимба, перекрестие и буквы ОѠN на ветвях креста перекрывают старые трещинки, образовавшиеся в красочном слое и потемневшие от заполняющей их копоти. Новейшее происхождение существующего нимба выдает и графика надписи ОѠN, отличающейся по начертанию букв от сохранившейся старой надписи внизу плата. В настоящее время цвет нимба белый. Некогда он был вызолочен.

[1] Размер 110,5 × 93,5 *см*. Икона написана на двух сосновых досках, соединенных с тыльной стороны двумя невысокими врезными односторонними шпонками.

[2] Реставратор Н. А. Гагман. Составленный им отчет о реставрации иконы хранится в Гос. центральной художественной научно-реставрационной мастерской.

Рис. 1. Нерукотворный образ Спаса.
Смоленский областной музей изобразительных и прикладных искусств

Слабые следы золота сохраняются и на полях иконы. Но это золото не первоначальное. Установлено, что в древности нимб и поля иконы были желтые, с очень легким розоватым оттенком, причем размер нимба сначала был несколько меньше.

Смоленская икона имеет еще одну особенность. На ее нижнем поле отсутствуют не только красочный слой, но даже левкас и паволока. Линия утраты очень ровная и совпадает с линией лузги. Судя по этому ровному краю сохранившейся части левкаса, недостающая часть была намеренно, вместе с паволокой, до доски срезана острым ножом. Возможно, что в древности здесь была помещена летопись или какая-то другая надпись. Если бы эта надпись дошла до нас, она бы, конечно, сыграла важную роль в определении места и времени написания иконы. В настоящее же время, чтобы выяснить, когда и где написана икона Нерукотворного Спаса, надо исследовать ее иконографический извод, палеографические признаки надписей и стилистические черты живописи.

История и иконография Нерукотворного образа Спаса исследованы и четко выяснены в образцовых трудах Е. фон Добшюца и А. Н. Грабара [3]. Иконографический тип Нерукотворного образа возник на основе легендарного сказания о лике Христа, который запечатлелся на убрусе и был послан самим Христом эдесскому царю Авгарю [4]. В Эдессе Нерукотворный образ помещался в ризнице главного городского храма. По другим известиям, он был установлен в специально приготовленной для него нише над городскими воротами. Будучи закрыт некоторое время черепицей (керамидой), он чудесно отпечатался и на ней: так почти одновременно с Нерукотворным образом на убрусе появился его вариант — Нерукотворный образ на черепице. Помимо этих двух икон, находившихся в Сирии, была известна и третья — в Камулианах (Каппадокия), но с VIII в. сведения о ней прекращаются, и это дает основание утверждать, что она была уничтожена иконоборцами.

Эдесская икона Нерукотворного образа была наиболее популярной на Востоке. Она неоднократно описана в сочинениях историков и отцов церкви. 16 августа 944 г., когда византийские войска освободили Эдессу от арабов, она была торжественно перенесена в Константинополь. Спустя некоторое время, в 968 г., сюда же был доставлен и Нерукотворный образ на черепице. Существуют Сказание о перенесении Нерукотворного образа из Эдессы в Царьград [5] и Слово о его почитании в Эдессе [6], которые были составлены в 944 и 945 гг.[7] Вторичное прославление образа вызвало новую фазу в его художественной истории. Именно в это время, с X в., многочисленные списки с него начинают распространяться как в Византии, так и в славянских странах.

Оба оригинала, на убрусе и на черепице, в 1204 г., в момент взятия Константинополя крестоносцами, погибли или были похищены [8], Но к тому времени иконописная практика уже успела выработать их

[3] E. von Dobschütz. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende, I—II. Leipzig, 1899; А. Н. Грабар. Нерукотворенный Спас Ланского собора. Прага, «Seminarium Kondakovianum», 1930; см. также: А. Катанский. Сказания о нерукотворенном образе Спасителя восточные и западные. «Христианское чтение», 1874, декабрь, стр. 471—516; Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, II. [СПб.], 1896 (ПДП, CXIII), стр. 47—52; Н. П. Кондаков. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Лицевой иконописный подлинник, I. СПб., 1905, стр. 14—18; F. Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, I (1). Paris, 1907, стлб. 87—97; В. Н. Бенешевич. Памятники Синая археологические и палеографические, I. Л., 1925, стлб. 23—26 (текст Н. П. Кондакова); K. Wessel. Acheiropoietos. «Reallexikon zur byzantinischen Kunst», hrsg. K. Wessel, Lief. 1. Stuttgart, 1963, стлб. 23—25.

[4] Существует много памятников искусства, иллюстрирующих этот сюжет. Таковы греческая икона середины X в., хранящаяся в синайском монастыре св. Екатерины (K. Weitzmann. The Mandylion and Constantine Porphyrogénétos. «Cahiers archéologiques», XI. Paris, 1960, стр. 163—184; перепечатано в книге: K. Weitzmann. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago, 1971, стр. 224—246; далее ссылки на эту статью даются по изданию 1971 г.); иллюстрации в рукописях XI—XIV вв. (МАК, VII. М., 1898, стр. 11—16; S. Der Nersessian. La Legende d'Abgar d'après un rouleau illustré de la bibliothèque Pierpont Morgan à New York. «Actes du IV-e Congrès international des études byzantines. Sofia, septembre 1934», II. Sofia, 1936, стр. 98—106; K. Weitzmann. Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination, стр. 228—236, рис. 217—222), произведения монументальной живописи (фрески середины XIV в. в Матейче), прикладного искусства (C. Dufour-Bozzo. La cornice del Volto Santo di Genova. «Cahiers archéologiques», XIX. Paris, 1969, стр. 223—230, илл.), позднейшие иконы (И. Мысливец. Сказание о переписке Христа с Авгаром на русской иконе XVII века. «Seminarium Kondakovianum», V. Praha, 1932, стр. 185—190).

[5] E. von Dobschütz. Op. cit., II, стр. 39 сл.

[6] Я. И. Смирнов. Слово X века о том, как чтился образ Спаса на убрусе в Эдессе. «Commentationes philologicae. Сборник статей в честь И. В. Помяловского». СПб., 1897, стр. 209—213 и 214—219 (текст).

[7] Автором Сказания обычно называют Константина Багрянородного, однако Я. И. Смирнов убедительно показал, что именем Константина оно стало надписываться лишь в XI в. с легкой руки Симеона Метафраста.

[8] О св. черепице сведений не сохранилось, а местонахождение св. убруса указывалось впоследствии в Италии (Рим, Генуя) и во Франции (Париж).

устойчивые иконографические типы. Одним из наиболее древних списков Нерукотворного образа на убрусе, исполненным вскоре после его перенесения из Эдессы в Царьград, было изображение на триптихе, написанном около 945 г. От этого интересного памятника сохранились две боковые створки, находящиеся ныне в коллекции икон синайского монастыря св. Екатерины, где в образе царя Авгаря, получающего из рук посланца Христа Нерукотворный образ на убрусе, представлен Константин Багрянородный [9].

Многочисленные воспроизведения Нерукотворного образа Спаса, начиная с XI в., имеются в лицевых рукописях (преимущественно греческих) и в росписях церквей (преимущественно русских и южнославянских). Но в иконописи до второй половины XV в. их насчитывается чрезвычайно мало. За исключением предполагаемого средника синайского триптиха, чтимого образа ланского собора, опубликованного А. Н. Грабаром [10], и Volto Santo, находящегося в Генуе [11], нам известно еще пять древних икон. Все они написаны на Руси. Это новгородская икона XII в. из Успенского собора Московского Кремля в Третьяковской галерее [12], ростовская икона первой половины XIV в. из ростовской церкви Введения (там же) [13], монументальная икона неизвестного происхождения XIV (?) в. в Музее имени Андрея Рублева, вологодская икона второй половины XIV в., поступившая недавно в Третьяковскую галерею [14], и публикуемая икона из музея в Смоленске. Известны также изображения Нерукотворного Спаса на заставке новгородского рукописного Пролога 1282 г. из бывшего собрания А. И. Хлудова [15] и на шитой московской пелене 1389 г., изготовленной вдовой великого князя Симеона Гордого Марией Тверской [16] (рукопись и пелена хранятся в Историческом музее в Москве).

Так как смоленская икона подверглась основательной реставрации, то судить о первоначальной живописи, не рискуя ошибиться, трудно. Но реставрация была произведена с максимальным приближением к подлинному, старому письму. Поэтому икона может и должна рассматриваться как памятник древней живописи.

---

[9] K. Weitzmann. Op. cit., стр. 224, 242—244, рис. 210, 212.

[10] Ланская икона датируется второй половиной XII в. (К. Миятев) или первой половиной XIII в. (А. Грабар). Лик Христа записан, и, следовательно, характерные стилистические черты живописи не могут быть установлены с должной точностью. Судя по косвенным данным, ланская икона написана на Балканах, вероятно в Болгарии. См.: Г. Ф [илимонов]. Монтрёльская икона Нерукотворенного Спаса. Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1874, 4—5, Отд. IV, стр. 28; A. Grabar. La tradition des Masques de Christ en Orient chretien. «Archives alsaciennes d'histoire et d'art», II, 1923, стр. 3; К. Миятев. Една българска икона във Франция. «Археология», 1965, 3, стр. 32—38, рис. 1—7.

[11] Генуэзские документы свидетельствуют, что Volto Santo, принадлежащий ныне монастырю св. Варфоломея, находился в Генуе уже в 1384 г. и что икона прислана из Константинополя в качестве дара императора Иоанна V Палеолога генуэзскому дожу Леонардо Монтальдо (C. Dufour-Bozzo. Op. cit., стр. 230, прим. 17). Живопись записана, и суждения о дате произведения пока преждевременны.

[12] В. И. Антонова и Н. Е. Мнёва. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи, I. М., 1963, № 7, рис. 26; В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, стр. 10—11, табл. 8; Г. И. Вздорнов. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 265—269.

[13] В. И. Антонова и Н. Е. Мнёва. Ук. соч., I, № 161, рис. 114.

[14] М. А. Реформатская. О древнерусской иконе «Спас» из села Нового. «Искусство», 1969, 2, стр. 57—62.

[15] Г. И. Вздорнов. Ук. соч., стр. 255—265. Новое обследование плохо сохранившейся даты в послесловии рукописи привело меня к выводу, что это своеобразно написанная копна, применявшаяся для обозначения числа 90. Рукопись, следовательно, написана не в 6770 (1262), как это указано в моей статье, а в 6790 (1282) г.

[16] А. Н. Свирин. Древнерусское шитье. М., 1963, стр. 41, снимок на стр. 43; Н. А. Маясова. Древнерусское шитье. М., 1971, стр. 10—11, табл. 5.

Из упомянутых русских воспроизведений Нерукотворного образа Спаса смоленская икона более всего напоминает Спаса на пелене Марии Тверской. В обоих памятниках обращают на себя внимание заостренные черты лика Христа, его в упор глядящие глаза и то, что пряди волос ниспадающие на плечи, с правой стороны несколько толще и отнесены в сторону несколько дальше, чем пряди слева[17]. К сожалению, общих типологических признаков изображения Христа на пелене 1389 г. и на иконе Смоленского музея недостаточно, чтобы установить время и место написания иконы. Большие изображения Христа, особенно его полуфигуры или даже только головы, как в иконографическом типе Спаса Нерукотворного, настолько следуют иконописной традиции, что вместе с иконографическим типом воспринимают от оригинала и некоторые стилистические черты, например общие пропорции изображения, способ моделировки лика, характер его выражения. Эти наблюдения относятся и к смоленской иконе. Определить время и место ее написания, опираясь только на характер живописи лика Христа, чрезвычайно трудно. Поэтому важное значение здесь приобретают вспомогательные изображения и детали, ибо с течением времени они подвергались изменениям легче и быстрее, нежели основное изображение.

Следуя в целом иконографическому типу Нерукотворного Спаса, известного по миниатюрам, иконам и фрескам XI—XIII вв., смоленская икона именно в деталях существенно отличается от них. На иконах из Новгорода и Ростова голова Христа написана на плате, не имеющем складок[18]. Это соответствует литературным источникам о Нерукотворном образе, согласно которым плат с ликом Христа, полученный Авгарем, был наклеен им на «негниющую доску» и, следовательно, не мог иметь складок[19]. Смоленская икона, напротив, является типом Нерукотворного Спаса на свободно свисающем убрусе. Особенно хорошо эта собирающаяся в складки ткань убруса написана внизу, где на остальных памятниках мы обычно видим продолжение контурных линий нимба, образующих замкнутый круг. На смоленской иконе эти линии доведены до прядей волос, ниспадающих на плечи Иисуса Христа, и заканчиваются здесь. Хотя лик Спаса мыслится на поверхности убруса, складки не искажают ни лика Христа, ни рисунка нимба. Стремление к исторической достоверности воспроизведения Нерукотворного образа Спаса в памятниках живописи XI—XIII вв. уступает в данном случае место некоторой условности изображения, ибо лик Спаса и убрус, которые должны были бы находиться в одной плоскости, написаны так, словно они находятся в разных плоскостях, и поверхность убруса является лишь фоном для

---

[17] Не исключено, что это произведение повторяет известную по летописным и житийным источникам икону Нерукотворного образа Спаса, которую в 1355 г. доставил из Царьграда в Москву митрополит Алексий и в честь которой он основал монастырь Спаса на Яузе (ПСРЛ, XI. СПб., 1897, стр. 32; Житие митрополита всея Руси св. Алексия, составленное Пахомием Логофетом, I. Изд. ОЛДП, IV. СПб., 1877—1878, стр. 127—128). К сожалению, оригинал XIV в. не сохранился. Икона, опубликованная как древняя (Н. П. Кондаков. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Атлас, табл. 2), являлась посредственным экземпляром московской работы второй половины XVII в.

[18] На новгородской иконе бахрома плата не изображена. Но это не означает, что мы имеем тип Нерукотворного образа на чрепии, а не на убрусе, как утверждает В. И. Антонова.

[19] Именно так, на растянутом и часто орнаментированном плате, Нерукотворный образ представлен во многих памятниках XI—XIII вв.: Ш. Амиранашвили. Грузинская миниатюра. М., 1966, рис. 24; K. Weitzmann. Op. cit., стр. 229, рис. 214; J. R. Martin. The Illustration of the Heavenly Ladder of John Climacus. Princeton, 1954, стр. 110—111, рис. 231; М. Н. Соболева. Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове. Сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова». М., 1968, стр. 14, 15, 18; В. К. Мясоедов, Н. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, XIX, *1*; G. Millet, A. Frolow. La peinture du Moyen Age en Yougoslavie. I, Paris, 1954, табл. 22, *1*, 45, *2*; II. Paris, 1957, табл. 30, *4*, 59, *2* и 63, *2*.

Нерукотворного образа, а не основой, на которой он запечатлен. Эта особенность нашей иконы, выраженная здесь так определенно, свидетельствует о более позднем ее возникновении, чем иконы из Новгорода и Ростова.

Действительно, обычай писать Нерукотворный образ на фоне плата со складками распространился не ранее второй половины XIII в. Древнейшим образцом подобного типа Нерукотворного образа является фрагментарно сохранившаяся фреска в Сопочанах (1263—1268)[20]. Такие изображения с XIV в. становятся обычными, вытесняя первоначальный тип убруса с ровной поверхностью. Но смоленская икона существенно отличается и от этих памятников. На сербских и русских фресках XIV и даже начала XV в. плат чаще всего изображался растянутым по горизонтали, причем его писали либо приподнятым за верхние углы[21], либо прихваченным с боковых сторон тугими складками, так что по форме он напоминал лежащий овал[22], либо подвешенным на кольцах[23]. На смоленской же иконе убрус поддерживают архангелы Михаил и Гавриил. Их изображения появляются здесь впервые. Древние иконы Нерукотворного образа их не знают. Как и рисунок плата, они свидетельствуют об усложнении иконографии Нерукотворного образа Спаса за счет привлечения добавочных изображений, которые должны были сообщать ей отвлеченный, идеальный характер, лишенный признаков исторического факта. В живописи XI—XIV вв., ценившей историческую достоверность и бережно сохранявшей иконографические схемы древних образцов, возникновение подобного типа было бы, пожалуй, немыслимо[24]. В XVI—XVII вв., напротив, подобные усложненные иконографические варианты Нерукотворного образа Спаса на убрусе становятся обычными. Известны даже иконы, где ангелы изображены в рост по сторонам от убруса и служат Нерукотворному образу. Очевидно, что смоленская икона занимает промежуточное место между памятниками XI—XIV вв. и произведениями XVI—XVII вв.

Чтобы уточнить время ее создания, обратимся непосредственно к живописи. Она отличается высоким качеством исполнения. Рисунок уверенный, контуры ясные и крупные, изображение гармонически соотнесено с более светлым фоном нимба и плата. Строгая фронтальность лика и симметрия композиционного построения выдержаны с почти математической точностью. Но волосы Христа написаны так, что начало их пробора смещено несколько влево от вертикальной оси иконы. С этой же стороны написана небольшая лишняя прядь бороды, не имеющая аналогичной пряди справа. В сторону от вертикальной оси сдвинута и надпись внизу плата. Вместе с тем волосы с правой стороны лика написаны темнее, их больше и они зачесаны под иным углом, нежели слева, а пряди, спускающиеся на плечи, с этой стороны несколько толще.

---

[20] А. Н. Грабар. Нерукотворенный Спас Ланского собора, стр. 16; В. Ј. Ћурић. Сопоћани. Београд, 1963, стр. 128 (на рисунке справа).

[21] Фрески в церквах Вознесения Христа в Жиче, 1307—1315 (G. Millet, A. Frolow. Op. cit., I, табл. 50, *3*), Иоакима и Анны в Студенице, 1313—1314 (ibid., III. Paris, 1962, табл. 58, *1*), св. Георгия в Старо Нагоричино, ок. 1318 (ibid., табл. 106, *2*), Успения Богоматери на Волотове близ Новгорода, 80—90-е годы XIV в. (D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin — Leipzig, 1932, табл. 33*b*), св. Троицы в Манасии, ок. 1418 [С. Томић, Р. Николић, Б. Живковић. Манасија. Историја — живопис. Београд, 1964 («Саопштења Републичког завода за заштиту споменика културе», VI), рис. 123] и др.

[22] Первоначальным вариантом этого типа следует считать фреску жертвенника в церкви св. Троицы в Сопочанах, 1263—1268 (В. Ј. Ћурић. Ук. соч., стр. 135, рисунок наверху слева).

[23] Таковы многочисленные изображения Нерукотворного образа на румынских фресках XV—XVI вв.

[24] В польском искусстве XIV в. известны, однако, изображения Нерукотворного образа с ангелами, которые держат его непосредственно за нимб, так как убрус отсутствует. См.: J. Gadowski. Malowidla ścienne z XIV wieku w Czchowie. «Folia historiae artium», II. Krakow, 1965, стр. 28—32, рис. 17, 20.

Рис. 2. Архангел Михаил. Деталь иконы Нерукотворного образа Спаса.
Смоленский областной музей изобразительных и прикладных искусств

В итоге мастеру удается избежать зеркального построения композиции и в то же время полностью сохранить ее уравновешенность в целом.

В Смоленском музее икона Нерукотворного образа Спаса датирована XVI в.[25] Но продуманная, отточенная манера ее исполнения не характерна для мастеров XVI в., которые достигали выразительности своих работ с помощью совсем иных приемов. Лишь в XV в., на почве невиданно широкого распространения художественной практики, призванной удовлетворять нужды возросшего церковного строительства, был выработан тот высокий профессионализм, с присутствием которого мы сталкиваемся в нашей иконе. Именно поэтому ее можно датировать XV в., точнее — первой половиной этого столетия, когда были уже налицо многие признаки, ставшие характерными для живописи XV в. в целом. Эта дата подтверждается надписями на иконе. Все они, за исключением упомянутой надписи ОѡN на ветвях креста нимба, первоначальные, хотя и освежены при первой реставрации живописи. На верхних концах убруса написано: ІСЪ ХСЪ, внизу — ѡБРАЗЪ Г(О)С(ПОД)А НАШЕГО И(И)С(У)СА Х(РИ)С(Т)А. По сторонам от левого ангела читается: АРХАНГЕЛ · МИХАИЛ[26]. Надписи на убрусе исполнены киноварью изящным уставом средней величины. Буквы, узкие и высокие, соответствуют формату доски иконы, высота которой преобладает над ее шириной. Палеографические признаки указывают на XV в.[27] Близкую по начертанию некоторых знаков надпись мы находим на псковской иконе Дмитрия Солунского середины XV в., хранящейся в Русском

---

[25] Б. Рыбченков, А. Чаплин. Талашкино. М., 1973, табл. 3. Икона опубликована как новгородская (с примечанием, что В. И. Антонова датирует ее XVII в.).

[26] Эта надпись, по-видимому, не подвергалась правке. Надпись около архангела Гавриила утрачена.

[27] Особенно типичны Р — с прямоугольной, во всю высоту строки, петлей, З — с очень коротким, прихотливо изогнутым хвостиком, Ъ — тоже с прямоугольной петлей и Х, перекладины которой пересекаются почти на уровне верхней линейки. Большинство букв слегка апицировано. І (десятиричное) имеет посередине мачты легкое шарообразное утолщение.

Рис. 3. Архангел Гавриил. Деталь иконы Нерукотворного образа Спаса.
Смоленский областной музей изобразительных и прикладных искусств

музее в Ленинграде[28]. Во многих других памятниках, тоже XV в., встречаются надписи, напоминающие надписи на смоленской иконе по общему типу, т. е. крупные, со строго выдержанным вертикализмом всех букв, с их подчеркнуто геометрическими формами, без лигатур и необычных сокращений.

Таких важных частей иконы как полуфигуры архангелов (рис. 2, 3), поддерживающих плат, реставрация не коснулась[29]. Не случайно поэтому, что именно здесь мы находим живописные приемы, дающие предварительный ответ на вопрос о том, где написана икона. Михаил изображен в оранжево-красном хитоне и темно-зеленом гиматии, а Гавриил в темнозеленом хитоне и красном гиматии. Подобная расцветка одеяний типична для изображений ангелов, но она обращает на себя внимание оттенками красного и зеленого, характерными для Пскова. Необычно, далее, написаны их крылья: они обрисованы темными контурами, но не окрашены, а оставлены как бы прозрачными, так что и в этих местах был виден желтый фон. В живописи подобный рисунок ангельских крыльев известен лишь в одном памятнике, бесспорно псковском — на большой иконе Параскевы Пятницы, Варвары и Ульяны последней четверти XIV в. (Третьяковская галерея)[30]. Здесь, по сторонам от Спаса Эммануила на верхнем поле, изображены полуфигурки ангелов, причем их крылья так же, как и на смоленской иконе, написаны с помощью темных контуров и оставлены желтыми (рис. 4). Замечательно, что темный изумрудно-зеленый и оранжево-красный цвета одеяний архангелов на псковской иконе сочетаются с желтым фоном. Если мысленно восстановить первоначальный желтый фон полей смоленской иконы, мы получим колористическую гамму, во многом напоминающую колорит именно псковских икон.

Было бы рискованно, однако, только на этом основании делать вывод, что икона Смоленского музея была написана в Пскове. Хотя это пред-

[28] В. Н. Лазарев. Живопись Пскова. «История русского искусства», II. М., 1954, стр. 369 (снимок).

[29] Лишь верхний контур правого крыла архангела Михаила написан заново.

[30] В. И. Антонова и Н. Е. Мнёва. Ук. соч., I, № 147, илл. 100 (в цвете).

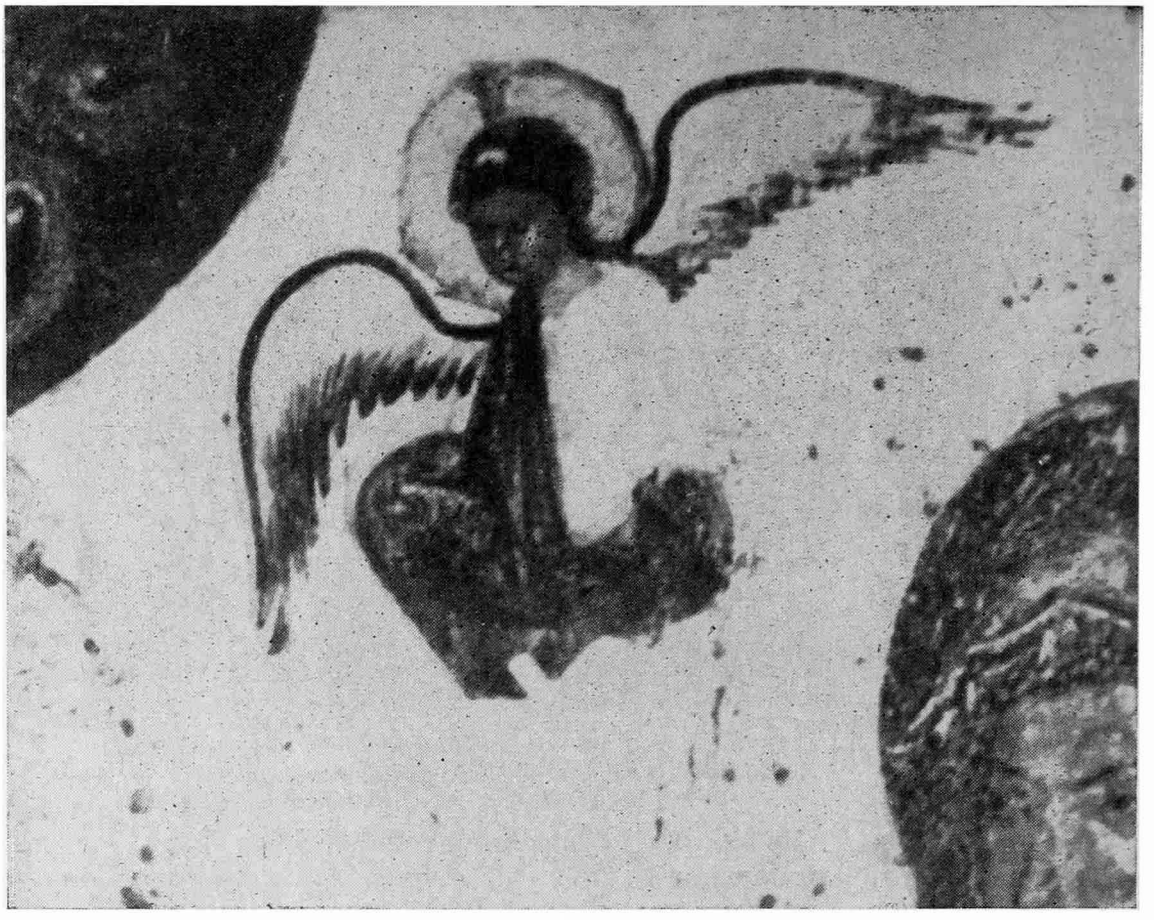


Рис. 4. Ангел. Деталь иконы Параскевы Пятницы, Варвары и Ульяны. Псковская школа. Последняя четверть XIV в.

Государственная Третьяковская галерея

положение вероятно, мы должны указать и на то, что другие особенности рисунка ангельских крыл находят себе не псковские, а новгородские аналогии. Заметим, что на иконе Параскевы Пятницы, Варвары и Ульяны крылья ангелов не имеют перьев, а на иконе Смоленского музея они есть. Они написаны редко, по три-четыре пера на крыло, причем их форма не удлиненная, а напоминает короткие мазки кисти, идущие сначала в стороны, а потом книзу. Подобный рисунок ангельских крыльев известен в новгородском шитье. Такова Пучежская плащаница 1441 г., изготовленная в Новгороде по повелению архиепископа Евфимия (Оружейная палата Московского Кремля)[31], и отчасти близкая к ней по композиции и стилю Хутынская плащаница, по-видимому также 40-х годов XV в. (Музей в Новгороде)[32]. Ангелы, изображенные на Пучежской плащанице, имеют крылья, рисунок которых такой же, как и на смоленской иконе, только на плащанице они в отличие от иконы расцвечены яркими нитями (рис. 5). Аналогичный прием орнаментации крыльев разноцветными глазками мы наблюдаем также у архангела Михаила на шитом деисусе, который был найден в Троице-Сергиевой лавре, а ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее, Ю. А. Олсуфьев и А. Н. Свирин, первые издатели этого замечательного памятника, доказали, что он тоже происходит из Новгорода[33]. Ссылаясь,

[31] А. Н. Свирин. Ук. соч., стр. 29, 31 и 32; В. А. Rybakov. Rustkammeren i Kreml. Praha, 1963, табл. 86 и 87 (лучшие воспроизведения в цвете).

[32] А. Н. Свирин. Ук. соч., стр. 33, 38 (снимок).

[33] Ю. А. Олсуфьев. К вопросу о шитом деисусном чине (№ 1543) в Музее б. Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1924; А. Н. Свирин. Памятник живописного

Рис. 5. Ангелы. Деталь Пучежской плащаницы. Новгородская школа. 1441 г.
Оружейная палата Московского Кремля

однако, на то, что манера исполнения деисуса сравнительно с плащаницей 1441 г. отличается большей свежестью, они датировали его несколько более ранним периодом, 30-ми годами XV в. Все эти памятники шитья, судя по общности их стиля, вышли из одной мастерской. Так как летопись на Пучежской плащанице называет в качестве ее заказчика архиепископа Евфимия, а на чине из Троице-Сергиевой лавры вышит вслед за архангелом Михаилом св. Евфимий, то очевидно, что эта мастерская существовала в Новгороде при Евфимии II. Он занимал кафедру между 1429 и 1458 гг. В это время и были созданы все упомянутые произведения шитья. Но стилистические особенности обеих плащаниц и шитого деисуса мало напоминают письмо смоленской иконы. Они, как и палеографические признаки надписей, имеют то существенное значение, что дают основание предполагать наиболее вероятное время написания иконы — первую половину XV в.

Лик Христа на смоленской иконе написан по темному оливково-коричневатому санкирю. Вохрение плотное, тусклыми желтоватыми мазками, идущими по форме лика. Переходы от света к тени написаны постепенно, мягко, но достаточно определенно, выявляя лоб, надбровные дуги, скулы, гребень носа и подбородок. Высветления подчеркнуты каллиграфическими движками, нанесенными белилами. Черты лица и контуры волос обозначены темнокоричневой краской; ею же, но светлее, написаны волосы, усы и борода Христа. Нимб, как мы уже говорили, в древности был желтый. Желтыми были и поля иконы. Ткань убруса водянистого голубовато-зеленоватого цвета; этой же краской, но темнее, обозначены ниспадающие складки убруса. В целом расцветка фона простая, а манера письма легкая, плоскостная, без намеков на объем. Она подчинена задаче выявления собственно лика Христа. Поэтому на иконе преобладают коричневый и темнооливковый тона в сочетании с охрой, которыми написан лик.

Спас на иконе Смоленского музея представлен строгим, суровым. Его брови сдвинуты, губы сжаты, он в упор смотрит на зрителя.

стиля шитья («чин») XV в. в Сергиевском историко-художественном музее (б. Троице-Сергиевой лавре). Сергиев, 1925 (то же на французском языке в издании: «L'art byzantin chez les slaves», II. Paris, 1932, стр. 282—291, табл. XL, *1*, XLI—XLII); е г о ж е. Древнерусское шитье, стр. 30, 33 и цветной снимок на стр. 37 (лучшее воспроизведение); Н. А. М а я с о в а. Ук. соч., стр. 16, табл. 17, 18.

Это образ судии, далекого от всепрощения и благодати. Смоленский Нерукотворный Спас напоминает иконы Спаса Ярое Око, не уступая в этом отношении известной иконе середины XIV в. из Успенского собора Московского Кремля[34]. Судя по иконе Спаса Ярое Око, московской живописи XIV в. были свойственны экспрессивные черты. Но с течением времени они исчезли и уступили место выражению спокойного величия и внешнего благообразия. После Рублева, написавшего знаменитую икону Спаса для звенигородского чина, этот тип надолго утвердился в иконописи Москвы и других среднерусских художественных центров. Иная картина наблюдалась в Новгороде и Пскове. Местные иконы меньше всего настраивают на созерцательный лад. Аскетические лица, нахмуренные брови, строгое выражение глаз — все призвано возбудить в человеке соответствующее душевное состояние. В этом плане характерны образы Саваофа, Христа и столпников на новгородской иконе рубежа XIV—XV вв. «Отечество», Ильи пророка на новгородской иконе того же времени из бывшего собрания И. С. Остроухова, Иоанна Златоуста на иконе четырех избранных святых начала XV в., вывезенной из Пскова (все в Третьяковской галерее)[35]. Во многих случаях святые на новгородских и псковских иконах и фресках прямо внушают зрителю чувство страха и покаяния. Таково изображение Пантократора в куполе церкви Спаса Преображения, исполненное в 1378 г. Феофаном Греком. Именно с этой традицией новгородского и псковского искусства и следует связать нашу икону. Импульсивный и даже воинствующий характер и облик Спаса на этой иконе свидетельствует, что она, вероятнее всего, была написана в Новгороде или Пскове.

Чтобы окончательно решить немаловажный вопрос, в каком из этих двух городов была исполнена икона Спаса Нерукотворного, вернемся, к лику Христа еще раз. Обращает на себя внимание свободная, незамкнутая форма глаз, овальные зрачки, короткая, слегка выпяченная нижняя губа и особенно форма носа — длинного, с острым, как лезвие, гребнем и характерным закругленным концом. По этим признакам смоленскую икону Спаса можно определить как произведение псковской школы. Те же черты мы находим у Иоанна Златоуста на псковской иконе четырех избранных святых (рис. 6). Даже блики, особенно на переносице, на носу, на верхней и нижней губах и на подбородке, распределены здесь аналогичным образом. И выражение активной сосредоточенности у них одно и то же. Но не исключено, что икона Нерукотворного Спаса возникла несколько позже иконы четырех избранных святых. Икона из Третьяковской галереи была написана в начале XV в. и еще сохраняет признаки живописного стиля, который получил распространение в Пскове в 70—90-х годах XIV в., когда в соседнем Новгороде работали Феофан Грек и его местные ученики. Это особенно заметно по свободной, нешаблонной манере высветлений и наложения отметок. Здесь чувствуется энергия и умение выявлять пластику тела с помощью сочных живописных мазков. Правда, манера письма автора этой иконы в целом уже суше и строже, чем у его предшественников, но мастер иконы Спаса еще дальше от художественных принципов XIV в. Живописная, пластическая манера письма находит у него место только в полуфигурах архангелов на верхнем поле, а моделируя лик Спаса, он пользуется тонкими, каллиграфически точными движками, которыми оттеняет глазные впадины и подчеркивает надбровные дуги, кончик носа и подбородок. Возрастание роли строгой иконописной манеры в противовес живописному стилю характерно для первой половины XV в. Именно в этот

[34] Г. В. Жидков. Московская живопись середины XIV века. М., 1928, стр. 13 сл.; его же. L'icone du «Sauveur à l'oeil courroucé» de la Cathédrale de la Dormition à Moscou. «L'art byzantin chez les slaves», II, стр. 174—194, табл. XXIII.

[35] В. И. Антонова и Н. Е. Мнёва. Ук. соч., I, № 25, 36 и 144, илл. 44—47, 52 и 96—97.

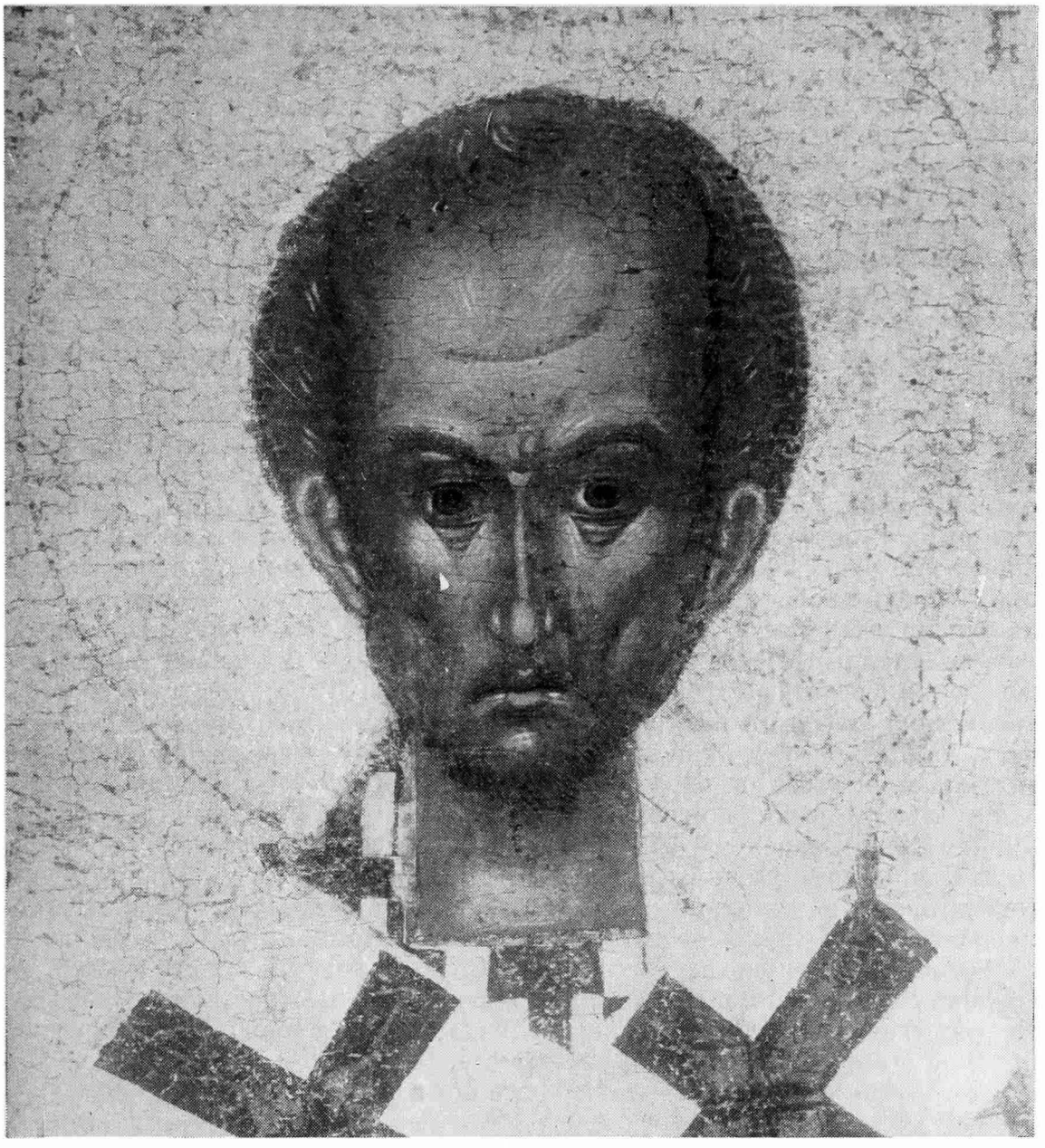


Рис. 6. Иоанн Златоуст. Деталь иконы четырех избранных святых. Псковская школа. Начало XV в.

Государственная Третьяковская галерея

период истории псковской художественной школы были созданы произведения, черты которых являются как бы развитием стилистических особенностей смоленской иконы. Это полуфигурный деисусный чин из Третьяковской галереи[36], «Архангел Гавриил» и «Дмитрий Солунский» из Русского музея[37]. Этих аналогий более чем достаточно, чтобы подтвердить как псковское происхождение иконы Нерукотворного образа Спаса, так и ее датировку первой половиной XV в.[38]

---

[36] Там же, № 151, илл. 104—106.

[37] В. Н. Лазарев. Живопись Пскова, стр. 368, 369, 370. Икона архангела Гавриила из Русского музея происходит из того же чина, что и три иконы («Спас», «Богоматерь» и «Предтеча»), хранящиеся в Третьяковской галерее.

[38] Большинство икон Нерукотворного Спаса — из Новгорода, из Лана, из Ростова — предназначалось, конечно, для церковного использования. Вероятно, храмовой была и смоленская икона. В Пскове существовали две церкви, освященные во имя Нерукотворного образа: в городе за рекой Псковой, «у Жабьей лавицы», и в окрестностях, в нескольких километрах к югу от города, на ручье Промежице. О церкви у Жабьей лавицы известно, что она построена по обету в 1487 г. («Псковские летопи-

Иконография Нерукотворного образа Спаса является одной из наиболее догматических. Мысль, лежащая в основе этого типа, заключается в том, что еще во время земной жизни Иисуса Христа существовало его изображение, причем оно явилось чудесно, без помощи человеческих рук, и было санкционировано самим Христом. Нерукотворный образ Христа — это наиболее древнее и наиболее достоверное его изображение. Это икона, которая по обстоятельствам ее возникновения должна рассматриваться как первая из икон и вместе с тем как образец и эталон для всех остальных изображений Христа. Так как это не символическое изображение и мы видим Христа написанным во плоти, то оно свидетельствует о его истинном воплощении. Иными словами, иконография Нерукотворного образа Спаса была призвана пояснять и доказывать один из важнейших догматов православной церкви — догмат Воплощения.

Не менее важен иконографический тип Нерукотворного образа Спаса и тем, что ему придавалась исключительная способность отвращать вражескую силу и служить пособником победы. По сообщениям историков, писавших о камулианском оригинале Нерукотворного образа, последний уже в XI в. был широко прославлен именно этим своим качеством. В период религиозных войн империи с Персией он неоднократно сопровождал византийские войска и ему приписывались одержанные победы [39]. Один из вариантов легенды о царе Авгаре повествует, что Нерукотворный образ, полученный им от Христа, был по его распоряжению поставлен над городскими воротами Эдессы. В этом факте нетрудно уловить отражение древнего греческого мифа о лике Медузы Горгоны, обращавшем в камень всех, на кого он был направлен. Иначе говоря, Нерукотворный образ рассматривается здесь в охранительном, апотропеическом плане. Когда в 544 г. Эдессу осадили персы, благополучный исход осады был приписан именно Нерукотворному образу Спаса [40]. Взирая с высоты на осаждающих, Спас лишал их силы и создавал вторую, невидимую линию обороны города, более надежную и несокрушимую, чем каменные стены и башни крепости или вооружение и мужество ее защитников. На Руси иконографический тип Нерукотворного образа Спаса в течение многих сотен лет сохранял те же функции, что и на христианском Востоке или в Византии. И если его изображение украшало надвратную башню [41] или было вышито на боевом знамени [42], то ему придавалось значение палладиума, хранителя православных и потенциального носителя победы.

си», I. М.— Л., 1941, стр. 80; II. М., 1955, стр. 223). Другая церковь была монастырской. Она упоминается в летописях под 1510, 1607 и 1609 гг. (там же, I, стр. 95; II, стр. 256, 270, 274). Время основания монастыря во имя Нерукотворного Спаса в летописях не указано, но один из псковских историков, обращавшийся к неизвестному нам источнику, утверждал, что впервые монастырь упомянут в 1414 г. при постройке в нем церкви (И. И. Васильёв. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. СПб., 1898, стр. 74). Это сообщение представляется вероятным. Не исключено, что смоленская икона была написана для этой монастырской церкви около 1414 г. Поскольку, однако, прямых данных в пользу точной датировки памятника у нас нет, то и настаивать на ней мы не можем.

[39] О военном аспекте иконографии Нерукотворного образа Спаса см.: А. Н. Грабар. Нерукотворенный Спас Ланского собора, стр. 28—29; его же. L'iconoclasme byzantin. Paris, 1957, стр. 26, 30—33 сл.

[40] E. von Dobschütz. Op. cit., II, стр. 62**—67**.

[41] Существует известие о подобной иконе, написанной в 1445 г. «на вратех градских» в Устюге Великом (А. А. Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1889, стр. 32).

[42] Спас Нерукотворный был вышит на знамени, под которым войска Ивана Грозного брали Казань, причем в летописи утверждается, что это был стяг, с которым Дмитрий Донской в 1380 г. одержал победу над татарами на Куликовом поле (ПСРЛ, XIX. СПб., 1903, стр. 469). Ср. Л. Яковлев. Русские старинные знамена. М., 1865 («Древности Российского государства». Дополнение к III отделению), отд. II, стр. 3.

G. I. Vzdornov

ICÔNE DE LA SAINTE FACE — MONUMENT DE LA PEINTURE PSKOVIENNE DU XV SIÈCLE

Résumé

Le Musée des Beaux-Arts et des Arts Appliqués de Smolensk possède une grande icône de la Sainte Face (fig. 1). L'icône a subi plus d'une réparation et restauration mais les fragments intacts de la peinture initiale donnent lieu à affirmer qu'elle est exécutée dans la première moitié du XV siècle.

Le dessin du linge aux plis et de petites figures bien conservées des anges dans le champs supérieur (fig. 2,3) sont bien caractéristiques pour cette période et se trouvent les analogies dans les monuments de Novgorod et de Pskov (fig. 4,5).

La similitude typologique et stylistique de l'image de Christ avec les icônes de Pskov (fig. 6) permet d'attribuer l'icône de Smolensk à l'école de peinture pskovienne. Cette récente trouvaille complètera considérablement nos connaissances sur l'héritage artistique de l'ancien Pskov aussi bien que sur l'interprétation de l'image de la Sainte Face en ancienne Russie.

Заметки

Ю. Б. СЕРИКОВ

О НАХОДКЕ ТЕСЛА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ДОНА

Вопрос о времени появления тесел изучен еще недостаточно. Мезолитическое тесло было обнаружено М. В. Воеводским на стоянке Песочный Ров на р. Десне [1]. Около 100 мезолитических топоров и тесел типа транше выделены Б. Грамшем на стоянках Северной Германии [2].

Учитывая значительное распространение тесел в неолите, С. А. Семенов считает их более ходовыми и необходимыми орудиями, чем топоры. Исходя из этого, он высказал мнение о более древней родословной тесла [3]. В последнее время стали известны факты, подтверждающие это предположение. Так, С. Н. Астахов говорит уже о трех типах тесел в позднем палеолите Енисея [4]. Наиболее убедительными доказательствами существования тесел в палеолите Енисея являются следы рубки на костях, рогах и бивнях. Микроанализ следов рубки приводит к убеждению, что они образовались в результате работы именно теслом, а не другим рубящим орудием. З. А. Абрамова обнаружила несколько рубящих орудий на палеолитической стоянке Кокорево I (Енисей) [5].

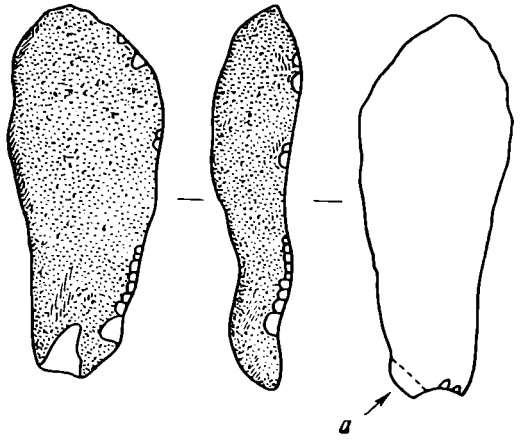


Рис. 1. Верхнепалеолитическое тесло
а — участок лезвия тесла с линейными следами

В 1969 г. при изучении под микроскопом коллекции верхнепалеолитической стоянки Каменная балка 2 [6] было обнаружено тесло. Оно представляет собой довольно массивный отщеп (первичный) 85 *мм* длиной, ширина в средней части 30, толщина 15 *мм* (рис. 1). Ширина рабочего лезвия составляет 18 *мм*. На лезвии имеется значительная выбоина. Уже

[1] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, 1957, стр. 157.
[2] B. Gramsch. Abnutzungsspuren an mesolithischen Kern- und Scheibenbeilen. «Ausgrabungen und Funde», 11, 3/66. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность доктору Бернгардту Грамшу за присланные мне сведения.
[3] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, 54, стр. 157.
[4] С. Н. Астахов. Тесла в позднем палеолите Енисея. КСИА АН СССР, 111, 1967, стр. 20—23.
[5] З. А. Абрамова. Новый тип орудий в палеолите Енисея. КСИА АН СССР, 131, 1972, стр. 82—86.
[6] М. Д. Гвоздовер. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона. В кн.: П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.— Л., 1964, стр. 39—41.

Рис. 2. Микрофотография рабочей поверхности тесла. Увеличено в 6 раз. Линейные следы располагаются в несколько ярусов

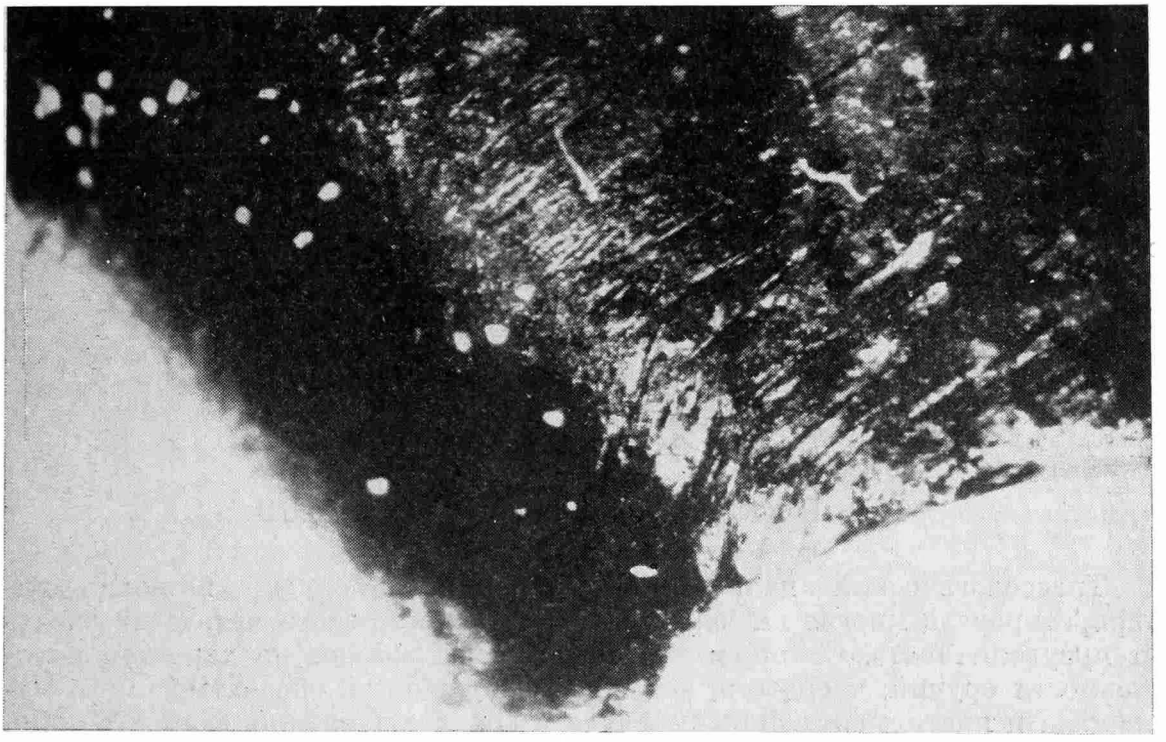


Рис. 3. Микрофотография рабочей поверхности тесла. Увеличено в 6 раз. Справа у выбоины прослеживаются линейные следы, идущие под углом к вышележащим

невооруженным глазом видна сильная заполированность нижней части отщепа со стороны брюшка. При изучении орудия под бинокуляром на сохранившейся части лезвия были обнаружены линейные следы в виде коротких желобков (рис. 2). Лезвие слегка загибается в сторону спинки, поэтому линейные следы находятся на выпуклом участке. Располагаются они в несколько ярусов, что говорит

об изменении угла наклона тесла (вперед — назад). Линейные следы направлены под прямым углом к сохранившейся части лезвия. С правой стороны лезвия у выбоины имеются линейные следы, идущие несколько под углом к первым следам (рис. 3). Их изучение показывает, что выбоина получилась в процессе работы, а оставшиеся у выбоины линейные следы говорят об ином первоначальном угле работы теслом. Работа производилась под углом, совпадавшим с направлением продольной оси отщепа и перпендикулярным первичному лезвию тесла. После разрушения этого первичного лезвия работа теслом сначала велась под прежним углом. Об этом свидетельствуют слабо выраженные линейные следы, идущие параллельно продольной оси орудия, которые были обнаружены на негативной стороне выбоины. Это же подтверждают выщербины и микросколы на краю выбоины. В дальнейшем угол работы теслом изменился. Лезвием стал служить сохранившийся участок левее выбоины. Теперь тесло находилось под углом к фронтальной плоскости и было наклонено вправо. Новое лезвие также сильно заполировано и имеет линейные следы, которые идут перпендикулярно лезвию и несколько под углом к продольной оси отщепа.

Рис. 4. Реконструкция способа работы теслом

Из-за узкого лезвия публикуемое орудие можно было бы принять за долото, тем более что следы употребления на тесле и долоте идентичны. Однако изучение верхушки отщепа показало, что на верхней части орудия нет характерной для долота избитости и выщербленности поверхности. Это свидетельствует о том, что орудие крепилось к рукояти. С. А. Семенов предложил реконструкцию: утяжеленный тип рукояти с креплением тесла в пазу с наружной ее части (рис. 4). Возможно, рукоять следовало бы еще утяжелить.

Таким образом, данная находка подтверждает предположение С. А. Семенова о появлении тесел в верхнем палеолите.

В. В. СИДОРОВ

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СКРЕБКОВ

Трассологический анализ функций каменных орудий позволил интерпретировать многие их черты, однако точность этого метода не следует преувеличивать. Слишком многие факторы влияют на характер изношенности орудий: твердость, вязкость, однородность обрабатываемого материала и инструмента, максимальное и среднее давление, формы лезвия, случайное употребление, влажность и температура, длительность использования, даже навыки мастера. А средств выражения этих факторов мало: направление царапин, степень, глубина и расположение заполированности, выкрошенность лезвия. Зато в самой форме предмета человек воплощал навыки и условия употребления данного орудия более разнообразными средствами и в то же время более устойчивыми и четкими, чем те, какие выявляет трассологический анализ.

Для определения функций данного вида орудий необходимо учитывать: 1) его роль в комплексе; 2) определение основного рабочего принципа (направление приложения силы и соединения с обрабатываемым ма-

териалом); 3) нормальную рабочую нагрузку и характер сопротивления материала (удельное давление, запас прочности, изношенность); 4) степень выработанности формы и серийность; 5) комбинирование с другими видами орудий; 6) генетическую связь с другими видами; 7) способ изготовления.

Далеко не все ясно в характере скребущих орудий. По наиболее распространенной терминологии к ним относятся различные формы скребков, скребла и скобели. По терминологии С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой, выделяются: скребки, струги — как кожевенные орудия, и скобели, резчики и скобели-резчики — для обработки дерева и кости [1]. В наименовании этих орудий звучат глагольные формы, описывающие способ употребления, хотя и неточно.

Резание и скобление — не однородные процессы. При резании вещества расчленяются под действием концентрированного трения; скребки для этого обычно малопригодны. При скоблении происходит отделение слоя обрабатываемого материала в результате бокового давления, деформирующего тонкий слой. Удельное вертикальное давление и сопротивление материала на сжатие определяют толщину захватываемого слоя (рис. 1, *А*, *Б*). Если захвачен слой, оказывающий сопротивление бо́льшее, чем может выдержать лезвие орудия, происходит выкрашивание последнего — оно покрывается затупливающей ретушью. Чем массивнее и круче лезвие, тем большую нагрузку оно способно выдержать, но требует приложения очень большой силы. Опытный мастер мог разумно сочетать вертикальное и боковое давление в соответствии с возможностями орудия и без затраты лишней силы.

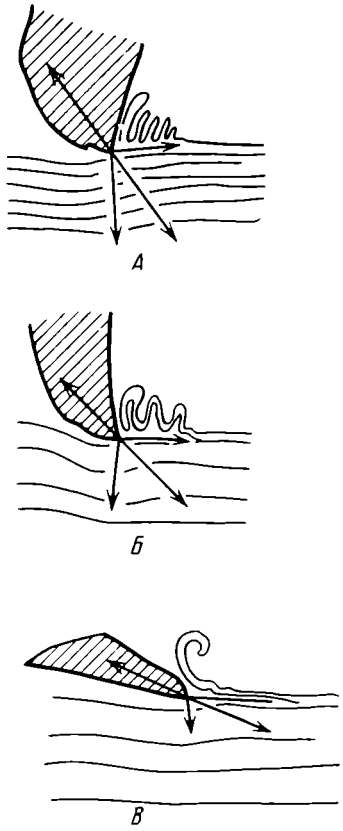


Рис. 1. Положение рабочего лезвия и характер сопротивления материала при скоблении кости (*А*), дерева (*Б*) и при строгании (*В*)

Строгание — это отделение слоя материала клином и применимо к относительно мягкому материалу: достаточная толща материала захватывается при незначительном вертикальном давлении, основное усилие направлено вдоль обрабатываемой поверхности и инструмент должен обладать повышенной прочностью именно к боковому давлению (рис. 1, *В*). Возможно сочетание скобления со строганием и скобления с резанием. Но это уже функция других орудий.

Трассологический анализ лезвий скребков дает вполне удовлетворительные результаты для определения основного рабочего принципа (направление работы, угол наклона). Однако те различия, по которым С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова определяют кожевенные и столярные орудия, могут объясняться меньшим давлением на концевые скребки, чем на мелкие круглые скребочки — самое прочное из всех каменных орудий, или более

---

[1] С. А. Семенов. Изучение следов работы на каменных орудиях. КСИИМК, IV, 1940, стр. 24; его же. Первобытная техника, МИА, 54, 1957; его же. Трассологическое изучение орудий древнего палеолита. «Доклады и сообщения археологов СССР» (на Пражском конгрессе доисториков и протоисториков), М., 1966, стр. 19; его же. Развитие техники в каменном веке, М., 1968; Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Тр. ЮТАКЭ, X. Ашхабад, 1960; ее же. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях; ее же. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1969.

длительным употреблением концевых скребков. Заполированность, заходящая в глубокие фасетки, может появиться при обработке мягкого или сырого дерева. С. А. Семенов четкие штрихи считает признаком работы по дереву. Однако и следы на скребках, которые он интерпретирует как кожевенные, тоже вполне четкие. Такие же получились у нас на скребках, употреблявшихся для скобления сухого дерева и кости. Скобление кожи дает в первую очередь общую блестящую заполированность.

Все типы скребущих орудий объединяет характер рабочей части: повышенная прочность лезвия (за счет увеличения угла заострения), односторонняя направленность его. Угол заострения с совершенствованием техники убывает. Расположение лезвия на торце объясняется преобладанием вертикального давления, а боковому давлению противопоставлены массивность сечения, крутизна ретуши, изгиб брюшка; длина самих орудий постепенно убывает [2].

Лезвие скребка преимущественно выпуклое, что объясняется не столько погружением в мягкий материал [3], сколько тем, что такое лезвие несравненно легче подправлять и оно меньше выкрашивается. Вогнутое лезвие очень плохо поддается ретуши, так как возвышающиеся над скалываемым участком массы поглощают усилие. Ретушь скобелей возникает в процессе работы, редко нанесена сознательно, типологически они наименее выразительны. Кроме того, выпуклое лезвие концентрирует давление на небольшой площади.

Интересна типологическая близость между концевым скребком, скреблом и теслом. Ряд сибирских коллекций показывает постепенный переход от скребла к теслу [4]. Ретушированные тесла белькачинской культуры имеют форму обычного концевого скребка [5]. Очень похожи на тесла когтевидно изогнутые шлифованные струги нарвской и турбинской культур [6]. Неоднократно упоминавшееся употребление рубящих орудий в качестве скребущих — косвенное доказательство единства сферы их применения.

Не случайным оказывается комбинирование скребка с другими видами орудий, особенно часто ножом, резцом [7] и резчиком [8]. Объясняется это тем, что скребок не пригоден для работы поперек волокон, а при скоблении иногда возникает необходимость подрезать стружку, оформить торец предмета [9].

Особенно рационально использование скребущих орудий, закрепленных в рукоятях, так как они допускают приложение большой силы и не требуют точности. С. А. Семеновым реконструировано закрепление «микрорезчиков» (мелких круглых скребочков) в торце перепиленного рога.

---

[2] В конце мезолита в Волго-окском междуречье концевые скребки вытесняются укороченными. Большинство скребков волосовской техники довольно коротки, и лезвия остаются пологими, несмотря на многочисленные подправки, что достигается длинной ретушью.

[3] Г. Ф. Коробкова. Орудие труда..., стр. 159—163.

[4] С. Н. Астахов. Тесла в позднем палеолите Енисея. КСИА АН СССР, 111, 1967.

[5] Ю. А. Мочанов. Неолит Алдана. СА, 1966, 2.

[6] А. В. Шмидт. Стоянка Левшино. СА, V, 1940, стр. 15; С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке.

[7] Г. Ф. Коробкова признает за этими орудиями только одну функцию, полагая, что скребковое лезвие служило только для упора пальца, хотя в ряде случаев именно скребковое лезвие основное (Г. Ф. Коробкова. Орудия труда).

[8] Скребки-резчики выделены М. Е. Фосс на волосовском материале как орудие, соединяющее скребущие и режущие функции (М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, XXV, 1949). Впоследствии термин «резчик» был перенесен на узконосые скребки, а о скребках-резчиках забыли. Сходное орудие выделяется на волжско-камских материалах под названием ложкаря.

[9] Встречаются скребки, заполированные с брюшка (Х. А. Алпысбаев. Некоторые результаты изучения каменных орудий стоянки Костенки, II. КСИИМК, 76, 1959), что подтверждает предположение Л. Пфейфера и М. Е. Фосс о употреблении их в качестве стамесок.

в трубчатой кости [10]. Возможно закрепление скребка в специально вырезанном гнезде. Но наиболее проста и универсальна рукоять из расщепленного отрезка палки или двух связанных уплощенных палочек. Скребок можно закреплять как в торце рукояти, подобно австралийским «долотам» на копьеметалках, так и сбоку, превращая его в двуручное орудие (рис. 2). Стягивание ремешком обеспечивает значительно большую прочность рукояти, чем та, на какую способна трубчатая кость. Одна и та же рукоять

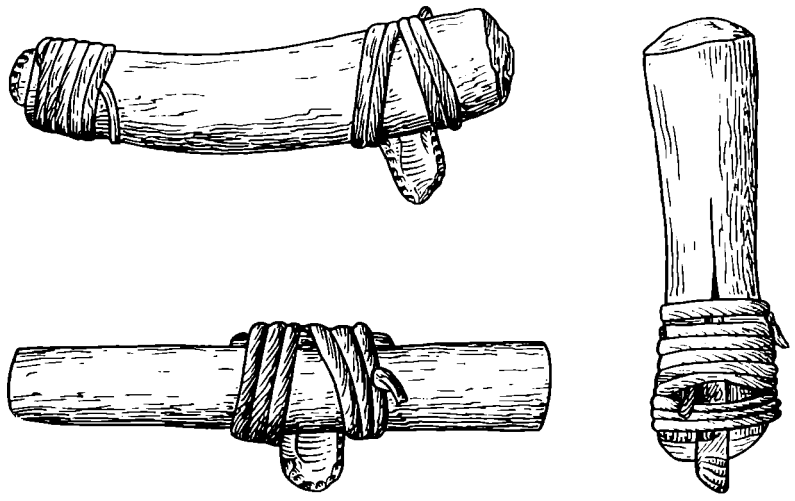


Рис. 2. Реконструкция рукояти-щемилки

может употребляться по-разному, возможно закрепление в ней нескольких разнородных скребков, не обязательна стандартизация их тыльной части. Чтобы скребок не тонул в рукояти, достаточно подложить под ремни прокладку — упор.

Скребком можно выскабливать деревянную посуду, пазы для соединения деревянных деталей, выравнивать плоскости деревянных и костяных изделий. Все более или менее крупные костяные орудия из стоянки Черная Гора на р. Пре [11] имеют следы скобления плоскостей. Выскабливание угля после выжигания крупных деревянных изделий (лодок, посуды) требовало применения крупных скребущих орудий — скребел. Эта работа быстрая и довольно легкая. Огнем и скребком можно формовать и довольно сложные вещи, при этом скребок глубоко заполировывается, мало изнашивается. Усложнение быта и развитие каменной техники вызвало дальнейшую специализацию скребков [12].

Особое внимание при истолковании функций орудий следует обратить на их роль в комплексах, так как на этом основании делаются определенные исторические выводы. Скребущие орудия, в том числе типичные скребки, часто составляют больше половины всех орудий, а если исключить оружие, то их преобладание абсолютно. Многие случайные отщепы и обломки орудий тоже использовались для скобления. Наблюдается плавный переход от концевых скребков к узконосым, с одной стороны, и скреблам — с другой. Часто скребок переходит в выямчатый скобель. Таким образом, они составляют единую типологическую группу, и наиболее выдержанная форма среди них — концевой скребок.

---

[10] С. А. Семенов. Развитие техники...

[11] С материалом Черной Горы любезно меня познакомила И. К. Цветкова.

[12] Наиболее разнообразны и серийны скребки волосовской культуры, где техника ретуши достигла виртуозности. Усложняется форма скребков в трипольской культуре.

Если исключить типичные скребки из числа деревообделывающих орудий, как это предлагают С. А. Семенов и Г. Ф. Коробкова, то в ряде культур вовсе не останется орудий, пригодных для обработки дерева и кости — основных видов сырья для изготовления бытовых предметов, оружия и т. п. Получается преобладание кожевенных орудий над всеми прочими: к ним можно причислить и проколки, и резаки, и значительную часть ножей. Следует учитывать спорадическое применение для этих целей случайных предметов [13], а также относительно слабое изнашивание кожевенных орудий. Из всего этого следует вывод об исключительной важности кожевенных работ. Затраты времени на них в десятки, если не в сотни, раз превосходили бы затраты времени на изготовление деревянной и костяной утвари. Это общая закономерность от Арктики до Аравии. От мустье до эпохи бронзы длился своеобразный «кожаный век» (по меткому выражению О. Н. Бадера). И никакие рассуждения о важности производства деревянных изделий, почерпнутые из этнографии, не скроют ничтожной роли деревообделочных инструментов в комплексах, если принять истолкование их функции С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой.

Кожевенные скребки, несомненно, были, но они не могли составлять большинства орудий. Этнография дает примеры полного отсутствия специализированных кожевенных орудий, употребления любых случайных предметов для обработки кож, а среди специализированных преобладают костяные орудия — вещь, в археологических коллекциях редкая. По-видимому, кожевенные работы не стимулировали специализацию орудий. Известны костяные тупики, струги из ребер, скребки из лопаток. Что касается кремневых кожевенных скребков, то типологически они должны отличаться от типичных скребков. Для них неприменимо массивное или крутое лезвие, так как работают они только с наклоном на спинку (при наклоне брюшка вперед скребок скользит, не царапая кожу). Лезвия кожевенных скребков должны быть тонкие и острые. Скобление шкур требует не столько сильных, сколько быстрых и длинных махов, и рукоять далеко не всегда будет рациональна, утяжеляя орудие.

Скребок — одно из важнейших орудий каменного века, основа его «тяжелой индустрии», но трудно назвать удачными первые попытки их истолкования. Так, падение роли скребка В. М. Массон связывает с распространением ткачества [14], Г. Ф. Коробкова — с заменой охоты скотоводством [15], как будто шкуры домашних животных не требуют обработки. В некоторых случаях исчезновение скребков может объясняться распространением металла, однако это наиболее живучий (и наиболее простой в употреблении) вид орудий. Закономерности развития кремневых индустрий еще не выявлены, и интерпретация их основана на чистом эмпиризме и субъективном мнении исследователя. Изучение соотношений между типами и видами орудий, глубинные процессы каждой индустрии должны раскрывать более значительные явления в технологии, экономике, психологии труда в первобытном обществе.

---

[13] Х. А. Алпысбаев даже некоторые резцы считает кожевенными орудиями — для раскроя.

[14] В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, Х. Ашхабад. 1960; его же. Поселение Джейтун. МИА, 180, 1971, стр. 93—95.

[15] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 71—72, 187—188.

Б. А. ВАСИЛЕНКО

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМАХ

I. При раскопках Тиры были найдены четыре небольших клейма одного штемпеля. Они располагаются на ручках эллинистических амфор и представляют собой монограммы из букв М, Т и Р в круглом углубленном поле, окруженных черточками (рис. 1, *1*). Одно из них было опубликовано Е. М. Штаерман, которая, очевидно, по недоразумению отнесла его к продукции Коса римского времени, причем указала, что клеймо помещено на горловине амфоры [1]. Профили ручек и венцов не позволяют датировать эти клейма временем позднее III в. до н. э., а глина, отличная от косской, заставляет усомниться в правильности определения Е. М. Штаерман.

Сохранившиеся в ряде случаев венцы весьма любопытны: два из них валикообразны (рис. 1, *2*, *4*), а один близок венцам амфор типа Солоха I и усть-лабинских конца IV—III вв. до н. э., которые являются продукцией одного центра [2], но более опущен (рис. 1, *6*, *7*). Глина наших образцов и амфор указанных типов аналогична; характерна и одинаковая (светлая) обмазка. Ручки амфоры с отогнутым книзу венцом несколько отличаются от ручек амфор типа Солоха I (они слегка приподняты в изгибе) и близки усть-лабинским, но они не двуствольные, а овальные, как солохинские или некоторые варианты усть-лабинских (рис. 1, *7*, *8*). Таковы же и ручки амфор с валикообразными венцами (рис. 1, *2—5*).

Сходство глины и ряда деталей позволяет предполагать, что амфоры с указанными клеймами, амфоры типа Солоха I и несколько более поздние усть-лабинские происходят из одного центра — перед нами как бы дальнейшее развитие типа. Таким образом, эти амфоры можно твердо датировать III в. до н. э. Различные венцы при клеймах одного штемпеля — результат изготовления их в разных мастерских или разными мастерами.

Некоторым подтверждением этому служат незначительные колебания в цвете глины (результат различной термической обработки) и количестве примесей (мельчайшие блестки слюды и зерна кварца), а также наличие на горле и ручках одной из амфор с валикообразным венцом следов красной краски, чего нет на остальных. Что касается места производства амфор этого типа, то наиболее убедительным нам кажется мнение И. Б. Зеест, предполагающей происхождение их из какого-то южного островного центра Эгейского моря, находившегося в торговой системе Родоса-Коса и Делоса [3].

II. При раскопках античных памятников иногда встречаются своеобразные клейма на ручках амфор в виде букв Н Н в прямоугольном углубленном поле, которые Л. А. Ельницкий отнес к Боспору [4]. Действительно, аналогичные по содержанию клейма известны на боспорских черепицах [5]. Однако это еще не доказывает боспорское происхождение

---

[1] Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тиры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 42, рис. 6, *202*.

[2] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 91—94 и табл. XV, *32-г*; XVI, *33-б*.

[3] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 94; И. Б. Брашинский. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья. EIRENE, IV, 1965, стр. 96.

[4] Л. А. Ельницкий. О боспорских амфорных клеймах. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 319, 320.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, 104, 1934, стр. 303, № 22.

указанных клейм и на амфорах. Глина амфор с подобными клеймами отлична от различных вариантов боспорской. М. Мирчев, так же безосновательно, отнес их к продукции Фасоса[6]. Существует также мнение, что амфоры с указанными клеймами происходят с Родоса, однако большинство исследователей не соглашаются с подобными определениями и относят данные клейма на амфорах к продукции неизвестного пока центра.

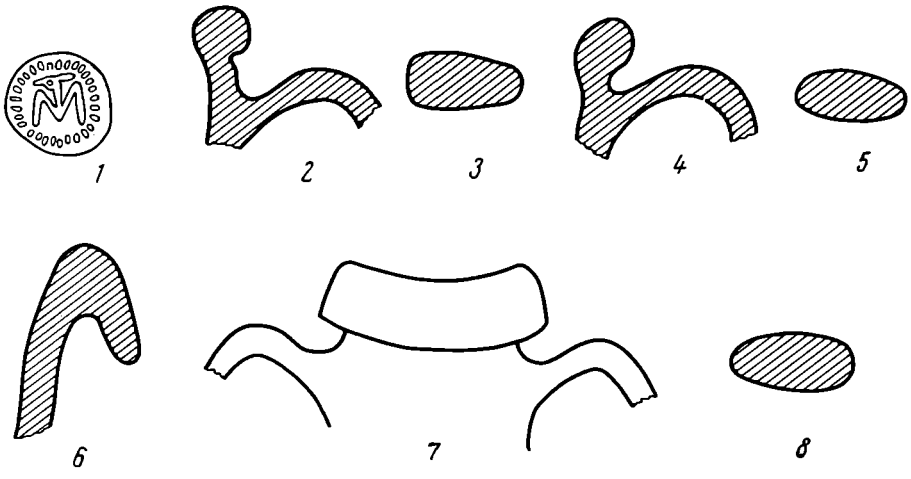


Рис. 1. Клеймо, формы и профили венцов и ручек амфор неизвестного центра (типа Солоха I и усть-лабинских)

Анализ ряда клейм этого типа дает возможность несколько по-иному осветить данный вопрос. Прежде всего следует отметить, что клейма Zη оттиснуты не одним, а различными штемпелями. Некоторые находятся на овальных в сечении ручках с прямым изгибом (см. например, клеймо из Тиры; рис. 2, *1—3*), другие, с аналогичной легендой оттиснуты на круглых в сечении ручках, приподнятых в месте изгиба наподобие ручек родосских амфор конца III—II в. до н. э. (см., например, второе клеймо этого типа, также из Тиры; рис 2, *4—6*). Наличие рассмотренных типов ручек с клеймами Zη было отмечено еще Л. А. Ельницким[7], однако помимо них имеется еще целый ряд промежуточных типов: овальные, но приподнятые в месте изгиба, круглые с почти прямым изгибом, разной формы овальные с прямым изгибом или слегка приподнятые в месте изгиба, круглые или почти круглые с разной степенью приподнятости и т. д. Следует отметить, что каждому типу ручки соответствует свой штемпель — на разных по форме и профилю ручках не встречаются клейма одного штемпеля. Материал этих ручек — хорошо отмученная плотная красноватая глина, иногда с оранжевым оттенком, с очень мелкими зернами кварца, золотистой слюдой и другими примесями светлого и темного цвета. Иногда она настолько хорошо отмучена, что примесей почти нет; встречаются экземпляры с серой сердцевиной — результатом неравномерного обжига.

Следует отметить, что известны клейма Zη не только прямоугольной формы, но и округлые, например беспаспортное клеймо из собрания

---

[6] М. Мирчев. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958, стр. 21, № 62—65.

[7] Л. А. Ельницкий. Ук. соч., стр. 319.

Одесского музея. Оно оттиснуто на круглой в сечении ручке, приподнятой в изгибе, как и некоторые прямоугольные клейма этого типа (рис. 2, *7—9*). Полностью аналогичен также и состав глины. Таким образом, несмотря на одинаковые по содержанию клейма, эти ручки несколько отличаются друг от друга по форме и профилю, по составу глины и различным вариантам штемпелей. Очевидно, перед нами обломки керамической тары какого-то центра, отмечавшего свои амфоры одинаковыми клеймами на протяжении длительного времени, в течение которого изменился тип амфоры. Эти клейма следует относить к III в. до н. э. и, возможно, к началу II в. до н. э.

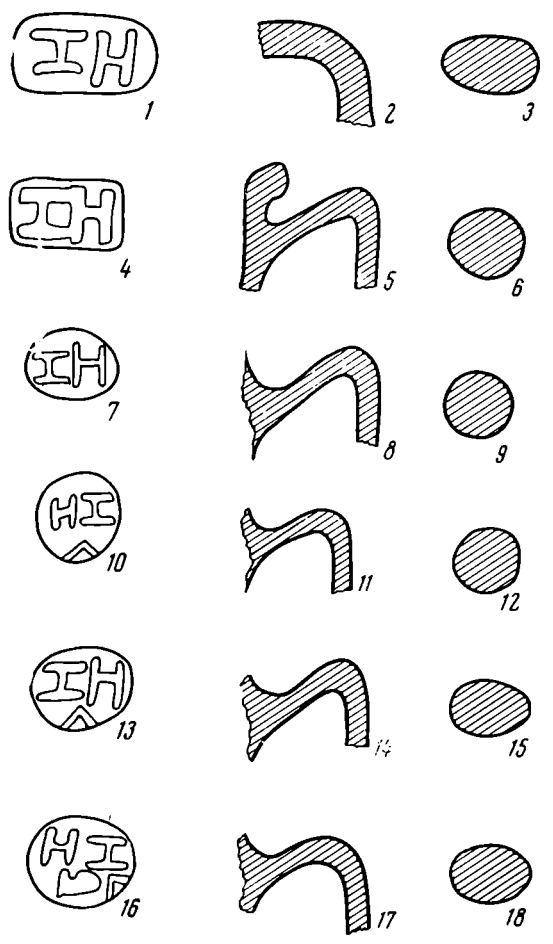


Рис. 2. Клейма, формы и профили ручек амфор неизвестного центра (Зела на Понте?)

Факт бытования одинаковых клейм в течение длительного времени не позволяет видеть здесь обычное сокращение личного имени. Не скрывается ли под буквами Zη этникон? Например, Зела на Понте? Подобное определение этих клейм подтверждается сопоставлением их с несколькими беспаспортными круглыми клеймами из собрания Одесского музея, на которых мы читаем уже не Zη, а Zηλ (причем в одном случае имеется и эмблема). Они также оттиснуты на круглых или почти круглых в сечении ручках, приподнятых в месте изгиба (рис. 2, *10—18*). Глина их аналогична материалу рассмотренных выше экземпляров. Все это не вызывает сомнения в их происхождении из одного центра.

Таким образом, мы имеем ряд клейм с легендой Zη или Zηλ, оттиснутых разными штемпелями и различных по форме и внешнему виду, на ручках разной формы и с разным сечением, но из одинакового материала. В результате анализа всех имеющихся данных мы приходим к выводу о долгом периоде бытования этих клейм, в легенде которых, по нашему мнению, скрывается этникон.

III. Обломки италийских амфор II—I вв. до н.э. эпизодически встречаются на античных памятниках нашего юга. До последнего времени эти амфоры считались неклейменными. Однако керамический материал из раскопок Тиры говорит об обратном. Просматривая фонды Белгород-Днестровского музея, мы обнаружили здесь два клейма на ручках амфор одного штемпеля с именем Кронин, частично дополняющие друг друга[8] (рис. 3, *1—2*). В первом случае кроме ручки сохранилась часть горловины с венцом, что позволило определить тип амфоры. Горловина прямая, невысокая, слегка расширенная кверху; венец вертикальный, высокий обозначен профилировкой с наружной стороны (рис. 3, *3*). Глина обоих экземпляров хорошо отмучена, красноватого цвета, сверху с желтым от-

[8] Б. А. Василенко. Торговельні зв'язки Тіри в кінці V—I ст. ст. до н. е. за даними керамічних клейм. Сб.: «Матеріали наукової конференції молодих учених університету». Одеса, 1968, стр. 148.

тенком. Тип описанной амфоры полностью совпадает с одной из разновидностей италийских амфор, известных в Северном Причерноморье[9]. Обе ручки с клеймами профилированы, как и все ручки италийских амфор, хотя их профили несколько отличаются от обычных типов (рис. 3, *4*).

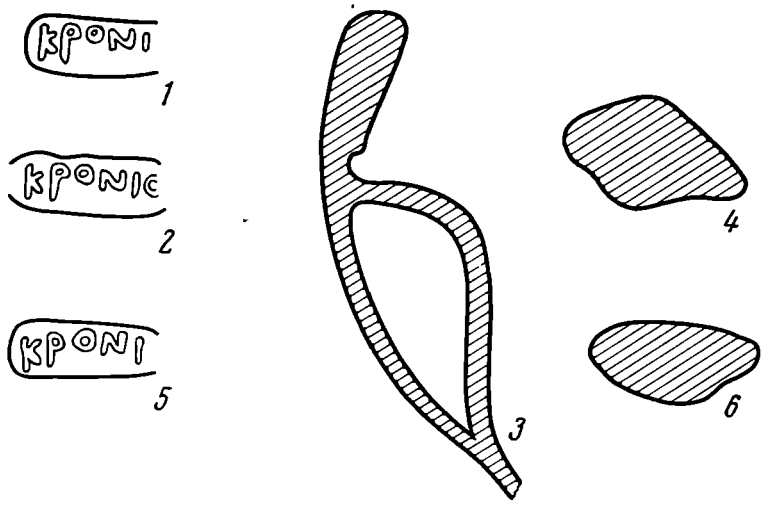


Рис. 3. Клейма и профили венца и ручек италийских амфор II—I вв. до н. э.

Нам известно еще одно италийское клеймо Крония, но другого штемпеля, беспаспортное, из собрания Одесского музея. Ручка профилирована аналогичным образом, глина также полностью идентична (рис. 3, *5, 6*). Таким образом, находка клейм Крония позволяет отнести еще один тип керамической тары, считавшийся неклейменым, к разряду клейменых. Характер шрифта этих клейм полностью подтверждает датировку указанного типа амфор — II — I вв. до н. э.

IV. Е. М. Штаерман опубликовала клеймо из Тиры, легенда которого, как будет показано ниже, представляет несомненный интерес для определения принадлежности имен в клеймах ряда центров. Автор издает его как мало разборчивое и с сомнительным чтением, причем ошибочно относит к продукции Коса[10]. Между тем сохранность клейма хорошая, и чтение легенды не вызывает никаких сомнений: MANTI[θ(EOΣ)/ЕПОНС[Е — «Мантифей (это) сделал». Судя по особенностям шрифта, это клеймо можно отнести ко второй половине III вв. до н. э. (рис. 4, *1*). Материал несколько напоминает глину амфор с клеймами группы Парменискa (а отнюдь не косскую), близок также профиль ручки. Следовательно, центр производства амфоры с указанным клеймом следует искать где-то в Македонии или Фракии.

Таким образом, к уже известным клеймам различных центров, где значение имени определено формами от глагола ΠΟΙΕΙΝ[11], следует добавить еще одно с именем владельца керамической мастерской (или мастера) Мантифея.

V. В специальной статье нами были выделены клейма на амфорах Солоха II, до последнего времени считавшихся неклейменым. Они подража-

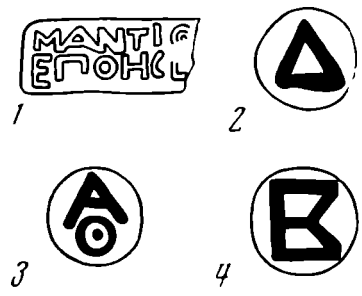
---

[9] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 109, табл. XXVII, *63-а, 63-б*.

[10] Е. М. Штаерман. Ук. соч., стр. 40, рис. 5, *175*.

[11] M. P. Nilsson. Timbres amphoriques de Lindos. Copenhague, 1908, стр. 57, 58; Б. Н. Граков. Заметки по греческой керамической эпиграфике. Сб.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 103.

ют буквенным хиосским и представлены тремя типами — буквы Δ, М и Ф в круглом углубленном поле; наложены энглифическим способом и оттиснуты на нижней части горловины амфоры. Редкость таких клейм свидетельствует о спорадичности клеймения этого центра [12]. Разбирая беспаспортные клейма в фондах Одесского археологического музея, происходящие из различных центров Северного Причерноморья, мы обнаружили еще три клейма этого же типа. Характер самих клейм, место и способ их наложения, формы сохранившихся частей амфор и характерная глина не вызывают сомнений в том, что они также принадлежат амфорам второго солохинского типа (причем амфорам из красной глины с мельчайшими известковыми включениями, клейма на которых отнесены нами к условной «группе Х», в отличие от таких же амфор с иным составом глины). Одно из них, как и известное ранее, изображено в виде буквы Δ, но оттиснуто другим штемпелем (рис. 4, *2*). Два других более интересны, так как представляют некоторое исключение из общего правила. Первое — обычного типа, круглое, нанесено на нижней части горловины амфоры, но содержит не одну букву, как все остальные, а две, расположенные одна под другой,— *А* и θ (рис. 4, *3*). Второе — того же типа, но уже в виде монограммы из букв Е и Υ (рис. 4, *4*); оно оттиснуто не на обычном для клейм этой категории месте — на нижней части горловины, а на днище амфоры, у самой ножки.



1 *2* *3* *4*

Рис. 4. Клейма на амфорах неизвестных центров

1 — клеймо мастера Мантифея; *2—4* — клейма на амфорах типа Солоха II

Рассмотренные клейма позволяют высказать некоторые соображения о характере клеймения этого неизвестного пока центра. Прежде всего, клейма в виде отдельных букв можно трактовать как цифровые значения, но подобное объяснение весьма сомнительно. Какой смысл имел подобный учет амфор при спорадичности их клеймения, да еще такими неподходящими цифрами? Вне сомнения, буквы в рассмотренных клеймах являются сокращениями собственных имен. Это подтверждается и другими клеймами этой группы, содержащими уже несомненные сокращения имен: Аθ и ΕΥ. Чьи же имена присутствуют в клеймах на амфорах второго солохинского типа? Факт спорадичности клеймения этого центра позволяет отбросить предположение о том, что здесь сокращенно обозначены имена лиц, ответственных за выпуск тары. Об этом же говорит и наличие одного клейма на весьма незаметном месте — на днище амфоры.

Таким образом, эти клейма могли быть только частными, т. е. принадлежать владельцам керамических мастерских, причем они не являлись торговыми марками, а выполняли другую функцию — служили для учета поставляемой продукции.

---

[12] Б. А. Василенко. Клейма на амфорах типа Солоха II. СА, 1971, 2, стр. 242.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ХАКАССИИ

Остатки древних оросительных систем в Хакассии давно уже привлекают внимание исследователей [1]. В засушливой Хакасско-Минусинской котловине создание искусственного орошения посевных и пастбищных угодий в условиях древнего скотоводческо-земледельческого хозяйства было насущной необходимостью. Это подчеркивали все ученые, затрагивавшие в своих работах вопросы древней ирригации в Хакассии. Между тем, как справедливо высказался Л. Р. Кызласов, «до сих пор не проделана очень важная работа по выявлению хронологии развивающейся и все более увеличивающейся от эпохи к эпохе сети древнего орошения» [2].

В настоящей заметке речь пойдет о результатах разведочного обследования автором в 1969 г. древнего оросительного канала на речке Карыш в Ширинском районе. Канал берет начало из р. Карыш (хакасы называют ее Харыс) в районе II фермы Ширинского совхоза (бывший улус Арыштаев, в 8 *км* от улуса Малого Спирина) и идет на север параллельно реке. Удаленность канала от русла речки не превышает 400—450 *м*. Он прослеживается на протяжении около 3,5 *км*. На расстоянии 0,5 *км* от своего «истока» канал делает поворот на восток соответственно изгибу террасы, а через несколько десятков метров снова выпрямляется. Ширина его здесь 2 *м* при глубине 0,7 *м*. В 1 *км* от начала на высокой террасе он вновь поворачивает на восток и проходит между курганами ранней стадии тагарской культуры (VI—V вв. до н. э.). Через несколько метров он опять возвращается к прежнему (северному) направлению (рис. 1).

На современной поверхности ширина канала здесь 3 *м*, глубина 0,4 $м^3$. Далее он пересекает устье широкого черноземного лога, который в настоящее время распахан. Несколько в стороне от канала видны курганы поздней стадии тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.). Вероятно, канал был проведен в основном для орошения этого участка.

На 3-м *км* русло канала сужается. Здесь на современной поверхности ширина его 1,3 *м* при глубине 0,17 *м*. Для изучения стратиграфии заполнения канала мы заложили шурф (3 × 1,5 *м*). На дне древнего горизонта канала (на глубине 0,40—0,45 *м* от современной поверхности) найдено четыре обломка глиняной посуды. Судя по составу теста и технике изготовления, фрагменты сосуда похожи на красноватую и лощеную керамику таштыкской эпохи (I в. до н. э.— V в. н. э.).

Не менее интересно и почвенное заполнение канала (рис. 2), которое четко подразделяется на следующие слои (в *м*): дерновый — 0,1, гумусный светло-коричневый — 0,25, илистый темный с примесью песка — 0,12, снова гумусный светло-коричневый — 0,05. Последний непосредственно застилает древний горизонт канала. Самый нижний слой, вероятно, образовался еще до того, как канал был заполнен водой, а второй был отложен илом, принесенным течением воды. Поддерновый же гумусный слой, можно думать, возник после того, как русло канала навсегда лишилось воды.

---

[1] Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 255, 256; В. И. Федоров. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения. МИА, 24, 1952, стр. 137—146; В. П. Левашова. Остатки древней оросительной системы в долине р. Абакана. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 242—244; О. В. Яворский. Мелиорации в Хакассии. Красноярск, 1968.

[2] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 179, 180.

[3] В обследовании участвовали студенты исторического факультета Московского университета А. Седов, П. Митяев и студентка Абаканского пединститута В. Кайгородова.

Боковые стенки канала, как это видно в разрезе (рис. 2), были сделаны с некоторым уклоном. Выявленное сечение канала и другие наблюдения, сделанные по его трассе, дают возможность определить приблизительный объем земляных работ. При сооружении канала протяженностью около 3500 *м* по самым скромным подсчетам, было вынуто около 2200 кубометров грунта. Видимо, канал был построен коллективом людей за один или два летних сезона. Возможно также, что удлинение канала происходило из года в год, в зависимости от растущих потребно-

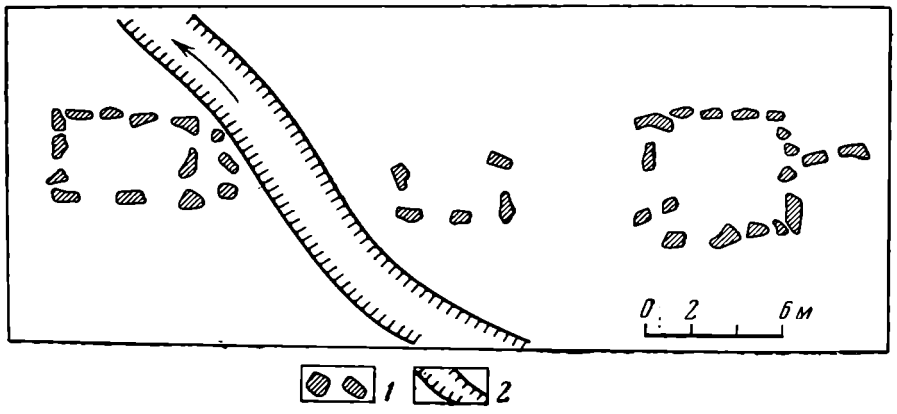


Рис. 1. Русло древнего канала и курганы.

1 — камни кургана; *2* — канава

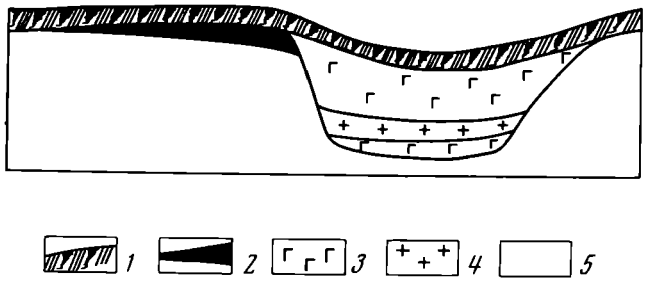


Рис. 2. Разрез канавы.

1 — дерн; *2* — выкид земли из канавы; *3* — гумусный слой; *4* — темная илистая почва; *5* — материковая земля

стей родовой общины или племени в новых орошаемых площадях. Вероятно, таким образом были сооружены самые длинные и технически совершенные древние каналы Хакассии — Базинский, Уйбатский и др.[4]

Древний канал на р. Карыш не единственный в Ширинском районе. В 5—7 *км* от устья обследованного нами канала на территории бывшего колхоза «Аргыстар» известны оросительные системы тагарского времени. Наш же канал проложен между тагарскими курганами и даже задел левым бортом угол насыпи одного из них (рис. 1). Сами тагарские канавокопатели вряд ли посмели бы нарушать могилы своих сородичей. Этот факт, а также обломки глиняной посуды, упомянутые выше, позволяют определить время сооружения канала рубежом нашей эры. Такая датировка подтверждается недавно найденными остатками поселений земледельцев и металлургов таштыкской эпохи в бассейне р. Белый Июс в том же Ширинском районе[5].

---

[4] О. Яворский. Мелиорации в Хакассии, стр. 12, 13.

[5] О. В. Яворский. О древнем орошении в Хакассии, стр. 145; Я. И. Сунчугашев. Новые данные о древнем горном деле и металлургии железа в Хакасско-Минусинской котловине. Уч. зап. Хакасск. НИИЯЛИ, XII, 1966, стр. 171—173.

В. В. КРОПОТКИН

О ДАТИРОВКЕ КУВШИНА ИЗ ЧИСТИЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

(Тернопольская область)

Датировка черняховской культуры и ее отдельных памятников до сих пор является дискуссионной. Большинство советских и зарубежных археологов справедливо полагают, что черняховская культура возникла в III в. и закончила свое существование в эпоху гуннского вторжения в Восточную Европу, в конце IV в. [1].

Изучение формы и орнаментации черняховской керамики и детальное сравнение ее с позднеримскими металлическими и стеклянными сосудами позволяют уточнить время бытования некоторых типов черняховских сосудов. В археологической литературе уже давно отмечено, что некоторые полусферические глиняные кубки с орнаментом являются подражаниями стеклянным чашам и кубкам, изготовленным на территории римских провинций и на варварских поселениях за пределами империи. Отметим, что глиняные подражания стеклянным кубкам встречаются во всех районах распространения черняховской культуры, в том числе и на Днепровском Левобережье (Вовчик, Клепачи и др.) [2] (рис. 1). Большие черняховские миски с косыми каннелюрами на тулове напоминают бронзовые каннелированные котелки, изготовлявшиеся в западных провинциях Римской империи во второй половине II—III вв. [3]. На территории Восточной Европы находки подобных сосудов не известны, но они в большом числе обнаружены в Средней и Северной Европе [4]. Наиболее восточная находка каннелированного котелка отмечена в богатом погребении с трупосожжением близ д. Пилипки бывш. Гродненской губ. (ныне повят Бельск Подлясский в Польше) [5].

Глиняные кувшины с вытянутым граненым или округлым туловом, обнаруженные на некоторых черняховских памятниках Советского Союза и Румынии, привлекли наше внимание своим поразительным сходством с серебряными кувшинами, изготовленными в мастерских Восточно-Римской империи во второй половине IV и в начале V в [6].

Прекрасный образец чернолощеного кувшина с вытянутым граненым туловом и расширяющимся кверху горлом обнаружен в одном из погребений могильника черняховского типа у с. Чистилов Зборовского р-на

---

[1] М. Б. Щукин. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 104—112; K. Godłowski. Ukraina w okresie późnolatenskim i pwlywow rzymskich. «Ukraina, Teraźniejszocs i Przeszłość». Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. CCXLVII. «Prace Historyczne», 32. Kraków, 1971, str. 187—205.

[2] Э. А. Сымонович. Орнаментация черняховской керамики, МИА, 116, 1964, стр. 310, рис. 18, 7. Чернолощеный кубок с орнаментом из могильника у с. Вовчик Лубенского района Полтавской области не опубликован (сосуд находится в школьном музее с. Вовчик).

[3] М. А. Тиханова. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970, s. 202—206.

[4] H. J. Eggers. Der romische import im freien Germanien. Hamburg, 1951, s. 45, 170.

[5] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 166, 185, рис. 245; 246; J. Okulicz. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu wscnodnim, Mazowszu i Podlasiu. «Archeologia Polska», XV, 2, 1970, str. 468—472, рис. 4, 5.

[6] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934, стр. 15 сл., табл. I—V; L. A. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefässe der Ermitage. Berlin — Leipzig, 1929, s. 136, tabl. 50; E. Cruikshank Dodd. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961, № 84.

Тернопольской обл. в 1964 г.[7] (рис. 2, *1*). Кувшин найден в женском погребении с северной ориентировкой костяка. Форму могильной ямы проследить не удалось. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, левая кисть находилась на тазовых костях. В могиле, кроме кувшина, обнаружены три гончарных горшка с примесью песка в глине, три серолощеные гончарные миски, костяной многосоставной гребень с округлой спинкой и железными заклепками, костяная проколка и два небольших обломка плитчатой сердоликовой бусины со срезанными углами (рис. 3, *1—9*). В ногах и в двух горшках находились остатки жертвенной пищи. Характерная особенность погребения — положение покойника в яму, где уже стояли сосуды. Одна миска была найдена под черепом, а три горшка под грудной клеткой[8]. Аналогичные захоронения уже отмечены в могильниках у с. Гавриловка Херсонской обл. (погр. 5) и у с. Журовка Черкасской обл. (погр. 43)[9].

Верхняя часть тулова чистиловского кувшина оформлена в виде 15 граней, нижняя — гладкая; дно на кольцевом поддоне, горло украшено валиком. Овальная в сечении ручка сохранилась только в нижней части. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины на гончарном круге, обжиг хороший. Высота кувшина — 35,5 *см*, диаметр венчика 8,5 *см*, диаметр тулова 15 *см*, диаметр поддона 9,5 *см*.

На основании погребального инвентаря (костяной гребень III типа по классификации З. Томас и Г. Ф.

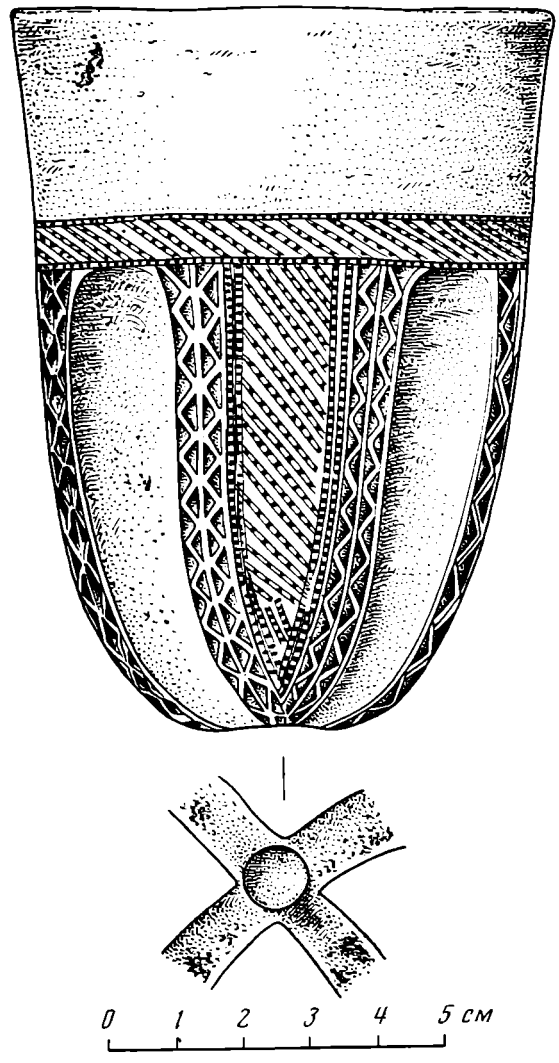


Рис. 1. Глиняный кубок из с. Рыжевка Черкасской обл. (погр. 33)

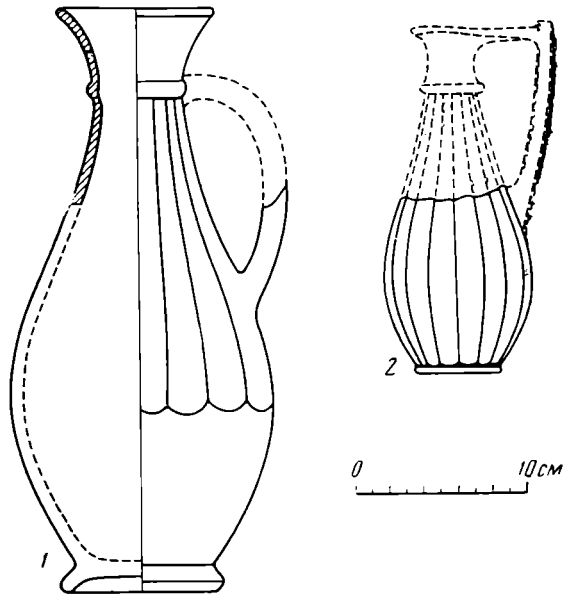


Рис. 2. Черняховские кувшины

1 — из с. Чистилов Тернопольской обл. (погр. 3); *2* — нижняя часть кувшина из с. Тыргшор (погр. 18)

[7] Материалы поступили в Тернопольский краеведческий музей, инв. № 1022/1—10.

[8] Е. А. Харитонов, И. П. Герета. Отчет об археологической разведке Чистиловского могильника в 1964. Архив ИА АН УССР, д. № 23 за 1964 г., л. 1 сл., рис. 1—6; Е. А. Харитонов, І. П. Герета. Розкошки Чистилівського могильника. Матеріали другої Подільської історико-краезнавчої конференції. Львів, 1968, стр. 123 сл.

[9] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 303; Т. С. Кондукторова. Антропология древнего населения Украины, М., 1972, стр. 79, 85.

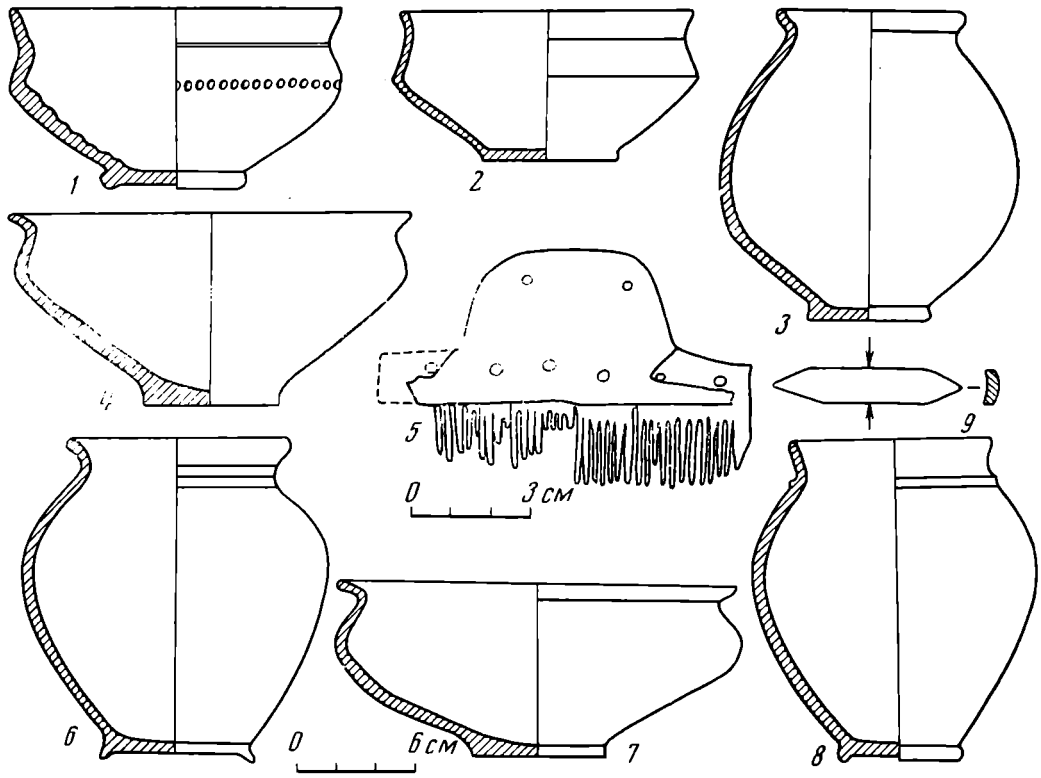


Рис. 3. Глиняные сосуды, проколка и костяной гребень из с. Чистилов Тернопольской обл. (погр. 3)

Никитиной) эту могилу можно отнести к IV — началу V в.[10] Но форма чернолощенного кувшина позволяет уточнить время захоронения. Граненые кувшины и кувшины с округлым туловом (Чистилов, Тыргшор, Спанцов и др.)[11] по форме и характерным деталям (вытянутое граненое или округлое тулово, расширяющееся горло с горизонтальным валиком и др.) напоминают широко известные и неоднократно опубликованные серебряные кувшины константинопольского производства последней трети IV — начала V вв. (Большой Каменец, Концешты, Борочицы и др.) [12]. Наиболее близкие аналогии чистиловскому кувшину мы находим среди сосудов с многогранным туловом, обнаруженных в Аквинке в Паннонии и среди серебряных сосудов из Трэпрейна близ Эдинбурга [13].

Для уточнения датировки этой группы сосудов особенно важен фрагментированный сосуд с многогранным туловом из Трэпрейна, поскольку в составе этого клада находились римские монеты Валента (364—378), Валентиниана II (375—392) и Гонория (395—423).

Появление на вытянутых лощеных кувшинах таких характерных деталей, как граненое тулово и валик на горле, свидетельствует о том, что черняховские гончары при изготовлении этого типа сосудов подражали ранневизантийским серебряным кувшинам второй половины IV — нача-

[10] S. Thomas. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. «Arbeits und Forschungsberichte zur Sächsischer Bodendenkmalpflege», 8, 1960, s. 54—215; A. Chmielowska. Grzebienie starożytne i średniowieczne z ziem polskich. Acta Archaeologica Lodziensia. 20. Łódź, 1971, str. 22, рис. 2 (группа IB, тип 4); Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры. СА, 1969, 1, стр. 147—159, рис. 1.

[11] Gh. Diaconu. Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV e. n. Bucureşti, 1965, p. 40, tabl. XXV, *1, 4*. B. Mitrea, C. Preda. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia. Bucureşti, 1966, fig. 96, *3*.

[12] В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ. ДІ—27, М., 1970, стр. 21, 86, № 730, 735, 741.

[13] A. O. Curle. The Treasure of Traprain. Glasgow, 1923, p. 12, tabl. V—X; A. Radnoti. Die römische Bronzegefässen von Pannonien. Dissertationes Pannonicae, II. Budapest, 1938, s. 169, tabl. XLV, *1—2*.

ла V в. Очевидно, граненые кувшины из погребений у с. Чистилов на Тернопольщине и у с. Тыргшор в Румынии относятся к позднейшему этапу существования черняховской культуры, к концу IV — началу V в., когда готы и их союзники в Северном Причерноморье были разгромлены вторгшимися с востока кочевниками — гуннами и вошли в состав огромного гуннского племенного союза.

И. А. БАРАНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ V в. н. э. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

В последние годы возрос интерес к вещам полихромного стиля, что связано с расширением исследований культур Восточной Европы времени готских и гуннских походов. В связи с этим приобретает немаловажное значение каждый новый комплекс, вводимый в научный оборот.

В 1952 г. в степном Крыму близ пос. Чикаренко Октябрьского района было полностью разрушено при камнеразработках раннесредневековое погребение. Обряд захоронения и местоположение вещей выяснить не удалось, однако находка рядом с хаотически разбросанными костями человека обломков стального меча (который, к сожалению, утрачен) и золотых украшений пояса и портупеи позволила предположить, что все это принадлежало погребению знатного воина [1].

Все золотые украшения, за исключением двух, выполнены в полихромном стиле (рис. 1). В технике их изготовления наблюдается сочетание литья и ковки с пайкой перегородок под альмандиновые вставки. Предметы из золота можно разделить на две группы. К первой относятся три пряжки, одинаковые по технике изготовления (рис. 1, *1*, *2*, *4*). Две пряжки имеют овальный щиток и сохранились полностью; у третьей, с квадратным щитком, утеряны язычок и кольцо.

Первая, наиболее крупная пряжка, вероятнее всего, служила для крепления пояса. Размер ее — 40 × 26 × 9 *мм*. Она состоит из овального кольца, язычка, надетого на кольцо, и овальной пластины, выполненной в форме скобы, которая охватывает кольцо и заднюю часть язычка. В верхней части этой пластины имеются гнезда для альмандинов. Скобообразная овальная пластина зажимала конец пояса при помощи сквозных заклепок с круглыми головками. Пряжка была инкрустирована семью камнями. Под альмандины была подложена тонкая золотая фольга на смолистом черном клее.

Вторая пряжка (рис. 1, *4*) изготовлена почти аналогичным образом. Отличается она лишь величиной, большей округлостью щитка и иной формой инкрустации. Размер этой пряжки 27 × 17 × 6 *мм*. Она инкрустирована двумя альмандинами полукруглой формы. Пряжка крепилась к концу ремня тремя сквозными золотыми заклепками с круглыми головками.

Третья пряжка фрагментирована. От нее сохранился лишь квадратный щиток, согнутый в виде скобы. Его размер 25 × 21 × 11 *мм*. Пряжка была устроена так же, как и две другие. Однако самоцвет имеет квадратную форму. Пряжка крепилась к поясу четырьмя золотыми заклепками с крупными круглыми головками. Как и предыдущая, она, по-видимому, служила для крепления портупеи.

Пряжки подобного типа довольно широко распространены в Центральной и Юго-Восточной Европе в конце IV—V в. [2]. Встречались они и в

[1] Обследование производилось Северо-Крымской экспедицией под руководством П. Н. Шульца. Золотые вещи поступили в фонды Золотой кладовой УССР в Киеве, остальные находки хранятся в фондах Крымского областного краеведческого музея (инв. № 11951).

[2] Karel Tihelka. The Nobleman's Grave of Blučina, Brno — County, Dated by the Period of Great Migration. «Pamatky archeologische», 1963, LIV, p. 467—498.

Крыму[3]. Пряжки этого типа отличаются друг от друга деталями декора.

Другую группу золотых вещей из погребения у пос. Чикаренко составляют поясные украшения: наконечники и обкладки пояса (рис. 1, *3*, *5*, *6*, *7*). Здесь было найдено два наконечника. Один из них, размером 24 × 11 × × 5 *мм*, представляет собой полую внутри пластину. В ней двумя заклепками с круглыми головками зажимался конец ремня. В другом наконечнике (27 × 12 × 4 *мм*) для этого был сделан пропил. Наконечник крепился на конце пояса четырьмя сквозными заклепками. Лицевая сторона его с

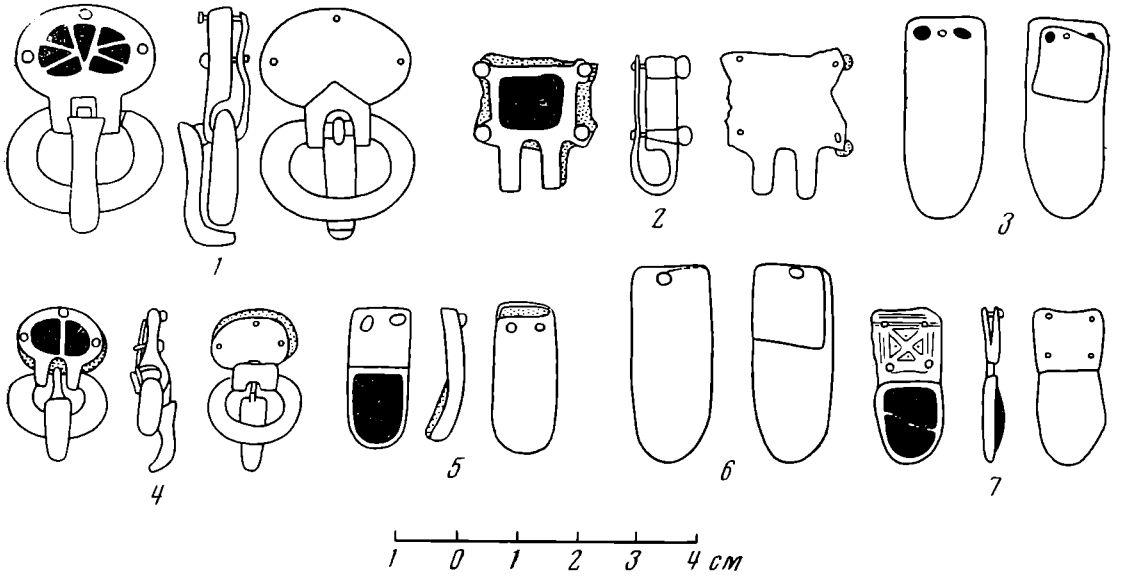


Рис. 1. Золотые вещи из погребения близ пос. Чикаренко

двумя закругленными углами кроме инкрустации альмандином была украшена штампованным орнаментом в виде квадрата со стилизованной четырехлепестковой розеткой внутри.

Обкладки пояса (рис. 1, *3*, *6*) более просты по конструкции. Они состоят из большой лицевой и малой внутренней золотых пластин, которые крепились сквозными заклепками, причем в одной были использованы помимо золотой еще две бронзовые (серебряные?) заклепки. Размер обкладок — 34 × 13 × 4 и 36 × 12 × 4 *мм*.

Подобные обкладки — одно из самых распространенных украшений в погребальных комплексах эпохи раннего средневековья[4]. Вероятнее всего, они служили для украшения портупеи, однако не исключается применение их в наборе конской сбруи[5].

Кроме золотых вещей в погребении были обнаружены днище и обломок плоской ручки рифленой коричневоглиняной амфоры с блестками слюды (рис. 2, *1*), белоглиняный кувшинчик, покрытый бурым лаком (с отбитым горлом) (рис. 2, *3*), два сильно фрагментированных сосуда из белого прозрачного стекла (рис. 2, *2*, *4*) и мелкие невыразительные обломки лепного сероглиняного кухонного горшка. Амфоры, подобные нашей, нередки в Крыму в слоях IV в.[6]. Однако производство их не было прекращено и в более позднее время. Они были встречены в слое V — VII вв. при раскопках античного театра в Херсонесе, в слое VII в. в Диноге-

[3] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. Л., 1964, цветная вклейка с золотыми вещами полихромного стиля из склепа 1904 в Керчи.

[4] Д. Самоквасов. Основание хронологической классификации и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, табл. IX.

[5] ОАК за 1889 г., стр. 122, рис. 83.

[6] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 118—119, табл. XXXVIII, *95*.

ции[7]. Этим же временем датируются подобные амфоры на о. Самос[8]. А. Л. Якобсон считает амфоры этого типа импортом с Самоса[9].

Столовая посуда из пос. Чикаренко менее выразительна. Краснолаковому кувшинчику из белой глины мы пока аналогий не находим. Стеклянные же сосуды, реконструкция которых приводится (рис. 2, *2*, *4*), встречаются в Северном Причерноморье в слоях V в.[10] Таким образом, погребение может быть датировано V в. н.э.

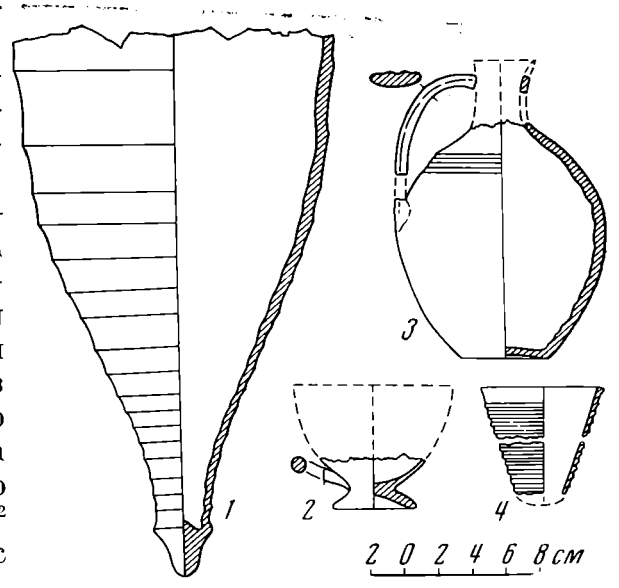


Рис. 2. Керамика и стекло из погребения близ пос. Чикаренко

Подобные погребения с богатыми наборами известны с конца IV в. на большой территории Евразии. В Крыму они представлены в курганах у с. Миролюбовки Красногвардейского р-на, близ пос. Портовое Раздольненского р-на[11], на территории совхоза им. Калинина Красногвардейского р-на, в курганах близ Феодосии[12] и на античном городище Беляус близ Черноморска[13]. Таким образом, все находки вещей полихромного стиля IV—V вв. (за исключением городского могильника Боспора) связаны с впускными погребениями воинов-кочевников, как правило, похороненных с конем. Появление этих вещей в Крымских степях, вероятнее всего, связано с движением орд гуннского кочевого союза на запад в эпоху Великого переселения народов.

[7] J. Barnea. L'incendie de la cité de Dinogetia au VI-e siecle. Dacia, N. S., X, 1966, p. 245, fig. 82.

[8] A. M. Schneider. Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit. AM, LIV, 1929, Taf., XLXIII.

[9] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 330.

[10] Н. П. Сорокина. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 152, рис. 9.

[11] Раскопки впускного погребения воина с конем и богатым набором вещей полихромного стиля производились в августе 1965 г. Северо-Крымской экспедицией при участии автора.

[12] Т. Н. Высотская и Е. Н. Черепанова. Находки из погребений IV—V вв. в Крыму. СА, 1966, 3, стр. 187—196.

[13] О. Д. Дашевская. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма. Древности Восточной Европы. М., 1969, стр. 52—61.

Н. Д. АКСЕНОВА, А. П. СМИРНОВ

СКУЛЬПТУРНАЯ ГОЛОВА С ГОРОДИЩА ВЕЛИКИЕ БОЛГАРЫ

В 1969 г. при исследовании городища Великие Болгары к западу от Ханской усыпальницы были раскрыты два мавзолея. Один у южного угла западной стены непосредственно примыкал к стене Ханской усыпальницы. Его кладка составляла с кладкой Ханской усыпальницы одно целое. Этот мавзолей назван «Малый западный». К северо-западному углу этого мавзолея был пристроен еще один мавзолей, кладка которого налегала на выступ цоколя стены Малого западного мавзолея. Последний получил название «Большой западный». В его истории было прослежено два эта-

па. Первоначально он представлял собой жилое сооружение с подпольной системой отопления. Прослежены руины печи, арка подпольной топки в западной стене и остатки пола. Это помещение — «Ханака», по всей вероятности, было пристанищем паломников, в большом количестве посещавших столицу государства. Позднее его использовали в качестве мавзолея. Раскопки открыли ряд погребений, часть которых нарушила подпольную систему отопления. Мавзолей был обнаружен в разрушенном состоянии, сохранились нижняя часть кладки стены и фундамент. Кроме того, руины включали остатки бута, небольшое число квадров облицовки здания и огромное количество кусков раствора, брошенного камнеискателями, выбиравшими известняк и пережигавшими его на известь, которая продавалась в Казань, Симбирск и другие города Среднего Поволжья.

Скульптурная голова из Большого западного мавзолея

Первоначальная гибель здания, по всей вероятности, связана с разрушением города 1431 г. По данным стратиграфии установлено также, что построено оно было во второй половине XIV в. В этом случае учтена и стратиграфия Ханской усыпальницы, возведенной в XIV в.

При исследовании Большого западного мавзолея освободили внутренность здания, весь завал вынесли на площадку к северу от Ханской усыпальницы и здесь разобрали. Были найдены фрагменты карниза, блоки от облицовки здания, переданные в Болгарский заповедник. Тогда же один из рабочих нашел обломок каменной скульптуры[1] (рисунок).

Судя по внешнему облику, голова представляет собой недоделанную часть скульптуры, которую, по-видимому, как неудачную или испорченную при ваянии бросили и при постройке Большого западного мавзолея использовали в качестве бута. В скульптуре обработано только лицо. Остались неотделанными боковые и затылочная части, где не сбит даже лишний камень. Высота фрагмента 17,8 *см*, ширина основания лицевой части 19 *см*, ширина основания боковой части 19,4 *см*. Высота лицевой части 14 *см*, высота подбородка 2,5 *см*, ширина рта 8 *см*. Длина носа 4,3 *см*, ширина его основания 3,4 *см*. Расстояние между глазами 3,1 *см*. Края глаз нарушены при очистке, поэтому расстояние между внешними краями глаз составляет приблизительно 8,8 *см*. При очистке скульптуры от строительного раствора (его сбивали горизонтальными сколами) сбита значительная часть древней поверхности лба и висков. Лощеная поверхность осталась только в виде незначительных участков. Сбита правая бровь, сильно повреждены глаза, повреждены губы и усы. Нос сохранился достаточно хорошо, хотя заметны повреждения ноздрей и правой части носа. Сильно поврежден подбородок.

Древняя поверхность лучше всего сохранилась на щеках, где хорошо видны значительные участки лощеной поверхности. Верхняя часть головы представляет ровный горизонтальный скол. Царапины и сколы, нане-

[1] Находку скрыли от научных работников и унесли в г. Куйбышев ТАССР, где примитивными средствами очистили от известкового раствора (серьезно повредив ее при этом). Затем она оказалась в музее средней куйбышевской школы, откуда преподавателем С. В. Федотовой была передана в заповедник. Здесь впервые ее могли осмотреть и определить ее дату.

сенные при очистке скульптуры от строительного раствора, хорошо отделяются от следов древней обработки камня.

Полученный скульптурный фрагмент имеет ряд отличительных черт, позволяющих определить культурную принадлежность этого интересного памятника. Прежде всего следует отметить явно выраженный монголоидный тип лица. По-видимому, мастер стремился передать портретные черты изображенного. Кроме того, несмотря на повреждения, можно выделить отдельные характерные признаки: Т-образные брови и нос [2], являющиеся характерными чертами подавляющего числа половецких и сибирских каменных изваяний.

Две овальные линии, означающие глаза с веками, также часто встречаются в половецкой скульптуре [3]. Овальный рот передан с усами что характерно для «половецких баб» и кочевнических каменных статуй VII—XIII вв. Сибири, Средней Азии, Восточной Европы.

Датировке каменных изваяний уделялось большое внимание в работах советских ученых, точно так же, как и вопросу об их роли в погребальном заупокойном культе тюркоязычных народов. Для датировки изваяний большое значение имеют детали костюма, украшений и предметы, изображенные на стелах [4].

Почти никто из исследователей не останавливался на иконографических и стилевых особенностях изваяний. В числе первых, кто обратил на это внимание, был и А. Н. Бернштам [5] и позднее Я. А. Шер [6].

Некоторые детали трактовки лица, отмеченные выше, проливают свет на культурную принадлежность найденного фрагмента головы. Прежде всего уже отмечена передача бровей и носа в манере, которую С. А. Плетнева называет Т-образной. Это изогнутая линия, несколько снижающаяся к носу, с которым она составляет единую линию, проходящую выше, над глазами. Такой прием был широко распространен и на стелах Южной Сибири и Семиречья. Я. А. Шер [7] приводит цифровые данные о широком распространении этого приема изображения бровей. В публикации Л. А. Евтюховой можно указать такой же прием передачи бровей у «каменных баб» на Алтае [8]. С. А. Плетнева отмечает широкое распространение такой же трактовки бровей у половецких «баб». Я. А. Шер справедливо отмечает значительное число бронзовых изображений с тем же приемом передачи бровей и носа. Он относит эту группу бронзовых изображений к числу памятников древнетюркского искусства, с чем согласиться трудно. Такой прием передачи бровей и носа одной линией был широко известен еще в I тысячелетии до н. э. вне территории древних тюрок. Его можно указать и в Западном Приуралье, в частности в пределах бывшего Чердынского уезда, что было отмечено А. А. Спицыным [9].

Широкое распространение имел и прием передачи глаз двумя овальными линиями. Он известен в I тысячелетии до н. э. на широких прост-

---

[2] Доклад С. А. Плетневой на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР 22 декабря 1972 г. «Половецкие каменные изваяния».

[3] Данные С. А. Плетневой.

[4] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 72; С. А. Плетнева. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 207; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ, 4, 1964, стр. 73 (автор кратко касается интересующего нас вопроса); Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. 1966, стр. 166; К. Д. Грач. Каменные изваяния Западной Тувы. Сб. МАЭ, XVI, 7, 1955; его же. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. Л., 1966. В работе разбирается история вопроса и приведена литература.

[5] А. Н. Бернштам. Очерки истории культуры древнего Семиречья по археологическому материалу. МИА, 14. Л., 1950, стр. 79.

[6] Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья.

[7] Там же, стр. 66.

[8] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 3, 5, 19, 23, 24, 40 и т. д.

[9] А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, VIII, 1, 1906.

ранствах Западного Приуралья и Обского бассейна. Его отмечает для Алтая, Тувы, Южной Сибири и Монголии Л. А. Евтюхова [10]. Этот прием у половцев распространен реже.

Булгарская голова по своим стилистическим особенностям стоит между сибирскими и половецкими изображениями. Как же можно датировать булгарскую голову? Верхняя дата устанавливается достаточно твердо. Она основана на находке головы в забутовке стен Большого западного мавзолея, который, как отмечено выше, хорошо датируется второй половиной XIV в. Это время вторичного использования головы. К какому же времени следует отнести изготовление скульптуры? Оно не могло отстоять довольно далеко от второй половины XIV в. Голова по каким-то причинам, по-видимому, не удовлетворила мастера или заказчика. Этот незаконченный фрагмент головы статуи был брошен в строительный материал около Ханской усыпальницы и использован строителями. Эти соображения скорее всего позволяют датировать голову временем строительных работ у Ханской усыпальницы — не ранее самого конца XIII, может быть начала XIV в. По мнению С. А. Плетневой, портретность изображений у половцев характерна главным образом для позднего периода.

По всем данным болгарскую голову можно связать с половецкими племенами, которые в жизни Булгарского государства играли весьма большую роль. Еще в домонгольский период по летописным данным известно участие половцев в политической жизни страны. Так, русская летопись, описывая поход великого князя Всеволода 1183 г. на Великий город на Черемшане (Биляр) отмечает: «И сторожеве Всеволожи узрева полк в поли и мнеша Болгарыский полк, и се приехаша от полку того 5 человек и удариша челом перед князем Великим Всеволодом, глаголюще: „кланяють ти ся княже, Половцы Емякове, пришли есмы со князем Больгарским воевати Болгар, слышахом бо тобе идуща их же воевати“» [11]. Можно указать кочевнические курганы этого времени на территории Булгарского государства. Большую роль половцев в жизни булгар в золотоордынский период отмечают языковеды. Таким образом, половцы составляли значительную этническую группу в Булгарском государстве. Казанские татары сложились как этническая группа из древнебулгарского пласта и половецкого.

Встает вопрос: как могло существовать изображение человека в мусульманской стране, где законы религии запрещают изображение живых существ? Прежде всего следует отметить, что это требование никогда строго не выполнялось. Как известно, искусство булгар знает изображения животных. В качестве примера можно указать на костяную накладку с изображением собаки [12] или барельефно исполненную на костяной пластинке голову оленя [13].

Следует отметить также погребения с вещами, что в корне противоречит мусульманским обычаям [14].

Наконец, можно указать на существование языческого святилища рядом со столицей в урочище Ага-Базар, которое хорошо датируется золотоордынским временем [15]. Существует позднее предание, что Едигей постоянно обращал татар в магометанскую религию, а это свидетельствует о существовании иноверцев в государстве [16].

---

[10] Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 2, 3, 5, 40, 51.

[11] ПСРЛ, 25, 1949, стр. 90.

[12] А. П. Смирнов. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС, КСИИМК, 50, 1953, стр. 11.

[13] А. П. Смирнов. Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар. КСИИМК, 40, 1951, стр. 22.

[14] З. А. Акчурина, А. П. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Исследования города Болгара. КСИИМК, 27, 1949, стр. 151.

[15] К. А. Смирнов. Святилище в урочище Ага-Базар. МИА, 61, 1953, стр. 451.

[16] Там же, стр. 458.

Все эти данные позволяют понять, каким образом в центре мусульманства в золотоордынскую эпоху могла появиться скульптура с портретными чертами человека. Не надо также забывать, что город Болгары был международной ярмаркой с разноэтническим составом.

Все материалы, которые могут быть привлечены для атрибуции булгарской головы, позволяют признать ее фрагментом портретной половецкой скульптуры XIII — первой половины XIV в.

В. ТИТОВ, И. ЭРДЕЛИ

СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИИ В ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Многие проблемы древней и средневековой истории Советского Союза тесно связаны с древней историей и археологией Карпатского бассейна. Советским исследователям довольно часто приходится обращаться к археологическим материалам Венгрии различных эпох. Частыми становятся контакты между советскими и венгерскими археологами: все больше советских археологов обращается к венгерским публикациям, работает над венгерскими археологическими материалами по литературе, посещает музеи и другие археологические учреждения. Поэтому мы сочли полезным познакомить археологическую общественность Советского Союза с организационной структурой археологической науки в Венгерской Народной Республике, с основными археологическими учреждениями страны, собранными в них коллекциями и печатными изданиями в надежде, что наши заметки помогут дальнейшему сближению археологов двух стран *.

Институт археологии (Régészeti Intézet) Венгерской Академии Наук в противоположность Институту археологии АН СССР — сравнительно молодое научное учреждение, возникшее лишь в 1958 г. первоначально как Археологическая исследовательская группа в рамках Венгерской Академии наук. В настоящее время его возглавляет академик ВАН Л. Геревич, археолог и искусствовед, специалист в области искусства и археологии венгерского средневековья. Заместителем директора является Л. Кастильоне, занимающийся античной археологией. В составе Института имеются четыре научных отдела. Отдел первобытной археологии призван изучать памятники Венгрии от палеолита до начала римской эпохи, однако в нем отсутствуют специалисты в области палеолита. Неолитом и энеолитом занимаются в нем Н. Калиц и Я. Маккаи, И. Торма и И. Эчеди, бронзовым веком Э. Патек, скифским периодом — М. Пардуц. Заведует этим отделом Э. Патек. Отдел античной археологии под руководством Л. Баркоци (сотрудники отдела: А. Шаламон, Д. Габлер, Л. Гнёрёк) изучает преимущественно провинциально-римские памятники Паннонии. Отдел средневековой археологии, в компетенцию которого входят древности, начиная от эпохи переселения народов до XV в., возглавляет Л. Геревич, в число его сотрудников входят И. Эрдели, Е. Симонова и Л. Ковач. Самым молодым отделом института является отдел естественнонаучных методов во главе с И. Богнар-Кутцнан. Отделы небольшие, общее число научных сотрудников в институте около 20. Каждый сотрудник института имеет, как правило, свой кабинет. Отделы нерегулярно собираются на заседания с доклада-

* Одним из авторов этих заметок уже опубликована статья об Институте археологии АН СССР в Сообщениях Венгерской Академии Наук (Erdélyi I. A Szovjetunió Tudományos Akadémiája Régészeti Intézetében. Magyar Tudományos Akadémia II. Osztályának Közleményei 20, 1971, 170—72. Когда второй автор по приглашению Археологического института ВАН находился в ВНР (апрель — октябрь 1971 г.), было решено написать аналогичную статью для ознакомления советской археологической общественности со структурой археологической науки в современной Венгрии.

ми, сообщениями и пр. Научный совет института, в котором имеется и представитель Университета, заседает обычно один раз в год.

Кроме научных отделов в институте археологии имеется отдел археологической документации, где очень хорошо поставлена работа по сбору и хранению материалов. Туда поступают все негативы и диапозитивы, сделанные фотолабораторией института, равно как один отпечаток со всех негативов. Этот отпечаток наклеивается на карточку, куда заносятся также сведения о месте находки или раскопок, годе находки или раскопок, авторе раскопок, культурной или хронологической принадлежности находки и ее краткое описание. В отделе охраняются права автора находки, а также фотографа, которым сделан снимок. Просматривать картотеку могут многие археологи, получить же отпечаток с фотографии можно лишь с разрешения автора раскопок, даже если итоги раскопок уже опубликованы. В этом же отделе хранятся и отчеты о раскопках, проведенных сотрудниками института.

В Археологическом институте есть также фотолаборатория с тремя фотографами, рабочее время которых один раз в два месяца распределяется между сотрудниками института так, что сотрудник получает от одного до шести человеко-дней в месяц. Эти дни можно использовать на месте, в институте, и выехать с фотографом в поле, на раскопки, в провинциальный музей и сделать там нужные снимки. Лаборатория имеет усовершенствованный автоматический аппарат для микрофильмирования книг, а также два аппарата для изготовления ксерокопий.

Чертежная лаборатория и отдел картографии изготовляют чертежи, рисунки вещей и карты по заявкам научных сотрудников, причем рабочее время чертежников и картографов один раз в два месяца так же распределяется по дням между научными сотрудниками.

Очень хорошо организована работа реставрационной мастерской. В ней работает пять-шесть технических сотрудников. В мастерской производится мойка, разборка и реставрация массового материала, преимущественно керамического, по очереди для всех экспедиций института.

В институте работает антропологическая лаборатория, которая определяет группы крови по мелким фрагментам костей и способна определить по ним также отношения родства индивидуумов, которым принадлежали эти кости. Руководит этой работой биолог и врач И. Лендьел. Антрополог института И. Кисели занимается преимущественно эпохой великого переселения народов.

Археологические раскопки проводятся сотрудниками института с 1959 г. Первоначально крупные раскопки проводились в зоне затопления в излучине Дуная, где планировалась постройка Дунайской гидроэлектростанции. В настоящее время археологи института проводят раскопки по всей стране.

Несколько слов о финансировании раскопок. Существуют три основных источника финансирования раскопок в Венгрии. Первый и самый небольшой источник — средства, предоставляемые институтом для работ по плановым темам. Вторая бóльшая доля поступает от Национального музея для исследования разрушающихся объектов (для спасательных раскопок). При этом особенно охотно предоставляются деньги для раскопок, сочетающихся с реставрацией архитектурных памятников. В таких случаях кредиты на раскопки достигают суммы в 1—1,5 млн. форинтов, отпускаемой Министерством строительства ВНР. Третий источник финансирования раскопок — средства местных музеев. Это небольшие средства, выделяемые на раскопки определенных памятников.

Летом 1971 г. сотрудники отдела первобытной археологии института проводили ряд раскопок. Н. Калиц исследовал поселение группы Балатон (ранний энеолит Задунавья) Надьканижа — Шанц, И. Эчеди копал двуслойный памятник Сегхалом на Кёрёше (внизу — ямы группы Сакалхат, относящейся к среднему неолиту, сверху — довольно ранний слой баден-

ской — пецелской культуры), И. Торма изучал могильник Пилишмарот-Башахарц, расположенный немного выше излучины Дуная и относящийся к группе Болераз.

Отдел первобытной археологии проводит, как правило, небольшие раскопки. На раскопе редко бывает занято более 10 рабочих, а кроме начальника экспедиции иногда имеется еще один-два научных сотрудника — как правило, из студентов. Последние используются преимущественно на раскопках могильников, где больше работы по фиксации материала. Фотографы и чертежники приезжают в экспедицию на один-два дня обычно к концу работы. Рабочий день продолжается 10 час, и рабочие получают 100—120 форинтов в день.

Наряду с раскопочными работами внутри страны сотрудники Института археологии проводили раскопки и за рубежом: в 1961—1964 и 1971 гг. — в Монгольской Народной Республике и в 1964 г. — на территории Арабской Республики Египет, в Нубии.

Архитектурные сооружения, римские здания, средневековые соборы, крепости, и т. п. обычно тщательно консервируются на месте. За последнее время в этой области больших успехов добились на территории Аквинкума, где консервируются и даже частично реконструируются целые жилые кварталы. Стены достраиваются из того же камня, что использовался в древности, но первоначальный уровень стен, как он найден при раскопках, отмечается красной цементной полосой. Реконструкция и консервация раскопанных зданий постоянно ведется и в Гордиуме, где среди древних стен ежегодно организуются римские праздничные игры (ludi romani), так же как и возле руин святилища богини Изиды в г. Сомбатхее — древней Саварии. В данное время стоит в плане консервация раскопанных Л. Геревичем развалин средневековых монастырей в с. Пилишсенткерест и с. Дёмёш на территории Пилишского лесопарка-заповедника. Консервация производится за счет Управления охраны архитектурно-исторических памятников.

Археологические материалы, добытые при раскопках сотрудниками института, поступают во временное хранилище. После соответствующей обработки и консервации все материалы вместе с описью передаются в областные музеи или Национальный музей согласно решению Полевого комитета. (О деятельности этого комитета будет сказано ниже.) На обработке в институте они могут оставаться в течение пяти лет, а в качестве исключения и дольше. Полевая документация, в том числе дневник в оригинале и в перепечатанном виде, чертежи, фотографии, хранится в архиве института. Копии отчета, дневника и чертежей передаются в музей вместе с находками.

Археологический институт ВАН издает журнал «Acta Archaeologica» на английском, немецком, французском и русском языках, а также серию малых монографий «Studia Archaeologica». Серия издается на английском, немецком или французском языке. С 1969 г. институт стал выпускать «Сообщения» на немецком языке, которые содержат аннотированную библиографию трудов сотрудников института, а также краткое изложение результатов их раскопок с приложением иллюстраций и карт. Пока вышел первый том с итогами работ за 1958—1968 гг.[1], второй — за 1969 г., подготавливается третий.

В 1961 г. институт начал подготовку к печати многотомного обширного труда на венгерском языке «Археологическая топография Венгрии». В подготовке каждого тома в качестве редакторов или авторов принимают участие археологи крупных областных музеев. В приложении к томам даются

---

[1] Zehn Jahre Archäologische Forschungen (1958—1968). Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften I, Budapest, 1970; Archäologische Forschungen 1969. Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften 2, Budapest, 1971.

крупномасштабные цветные карты распространения археологических памятников. Это издание должно включить все известные памятники Венгрии начиная от палеолита до XVI в. В настоящее время вышли из печати четыре тома, посвященные топографии комитата (области) Веспрем [2].

Другим крупным археологическим учреждением ВНР является Венгерский Национальный музей (Magyar Nemzeti Muzeum). Он был основан в 1802 г. и в настоящее время функционирует как Исторический музей, в то время как ряд его отделов уже превратился в самостоятельные музеи (Музей прикладного искусства, Этнографический музей, Музей природы). В настоящее время Национальный музей имеет семь отделов. Из них четыре связаны с археологией непосредственно. Это археологический отдел, который экспонирует, изучает и хранит коллекции от эпохи палеолита до времени венгерского завоевания включительно; отдел средневековья с материалами от эпохи арпадов, фонд археологической документации и отдел нумизматики. Археологическая библиотека Национального музея выступает как крупный библиотечный центр и является наиболее богатой венгерской археологической библиотекой. В противоположность ей библиотека Археологического института очень молода и сравнительно бедна. В фонд археологической документации национального музея, возглавляемый П. Патаи, поступают отчеты обо всех археологических раскопках, проводимых в стране, и о раскопках, проводимых сотрудниками музея, а если дело идет о спасательных работах, то и вся полевая документация. Пользоваться этими отчетами можно лишь с разрешения их авторов. Национальный музей издает ежегодник «Folia Archaeologica», первые тома которого вышли перед второй мировой войной. Издание его было возобновлено в 1954 г. Другое издание Национального музея, печатающееся на ротапринте,— «Археологические тетради» (Régészeti Füzetek), в которых начиная с 1956 г. публикуются без иллюстраций краткие отчеты о раскопках. Директор Национального музея — Ф. Фюлеп, специалист в области античной археологии, заместитель директора — Й. Корек, археолог-первобытник, заведующая археологическим отделом — И. Ковриг, занимающаяся изучением периода великого переселения народов.

Археологический отдел разделяется на три отделения: первобытной, античной и раннесредневековой археологии.

В Национальном музее имеется постоянная экспозиция и время от времени устраиваются археологические и иные выставки. Настоящая экспозиция была открыта 10 лет назад. Многим она известна по путеводителю, изданному в 1963 г. [3]

Центром подготовки специалистов-археологов является кафедра археологии Будапештского университета имени А. Ётвёша, где постоянно работают профессора Д. Ласло и А. Мочи и доценты И. Бона и М. Каножаи. Специализация по археологии для студентов начинается со второго курса, параллельно с другой специализацией, которая дает возможность студентам стать преподавателями в гимназиях. В результате студенты получают двойной диплом, что облегчает их распределение. Кафедра имеет свой печатный орган «Dissertationes Archaeologicae», который помещает извлечения из дипломных работ и магистерских диссертаций, а также научные статьи на английском, немецком и французском языках. В конце 30-х годов на кафедре стало издаваться собрание небольших монографий «Dissertationes Pannonicae», в котором появились многие ценные работы, не утерявшие своего значения до сих пор, такие, как «Культура Кёрёш» И. Куцпан [4],

---

[2] Magyarország régészeti topográfiája, 1—4, Budapest, 1966—1972.

[3] Die Geschichte der Völker Ungarns. Führer durch die Ausstellung. Budapest, 1963. См. также Н. А. Онайко. Археологическая экспозиция Будапештского Национального музея. СА, 1964, 2.

[4] I. Kutzian. The Körös Culture. Budapest, 1944, 1947.

«Культуры раннего бронзового века» П. Патаи[5], «Предскифские наездники в Венгрии» Ш. Галлуша и Т. Хорвата[6].

Четвертым крупным археологическим учреждением ВНР, на этот раз общественным, является Венгерское общество археологов и искусствоведов (Magyar Régészeti Müvészettörténeti Társulat), основанное более 100 лет назад в Будапеште. Общество ежегодно собирается на съезд, где на пленарных и секционных заседаниях заслушивается большое количество научных докладов. Ежегодное выездное заседание общества проводится в том городе Венгрии, где достигнуты наиболее интересные результаты при археологических раскопках или при реставрации и консервации архитектурных памятников. В 1971 г. такое выездное заседание проходило в г. Печ. Общество издает свой журнал «Archaeologiai Ertesitö», который считается центральным органом венгерской археологии. Статьи в нем публикуются на венгерском языке и резюме на русском и западноевропейских языках.

Направляющим и координирующим органом венгерской археологии является Археологическая комиссия Венгерской Академии наук. Она состоит из представителей институтов археологии и истории ВАН, Национального музея, Городского исторического музея, Управления по охране памятников и Будапештского университета, причем членов ее выбирает на три года Венгерская АН. Председателем комиссии является директор Института археологии Л. Геревич, секретарем — профессор Будапештского университета А. Мочи. В задачи Археологической комиссии входит организация единой плановой работы по проведению в стране археологических раскопок и обработке материала, разработка научных планов, составление планов для Академического издательства по археологической литературе и пр. Именно Археологическая комиссия распределяет средства, выделяемые Венгерской АН для проведения археологических раскопок.

Несколько лет назад из Археологической комиссии выделился Полевой комитет (или комитет по раскопкам) (Ásatási Bizottság). В нем помимо Института археологии имеют своих представителей Управление по охране памятников и Национальный музей. Комитет выдает открытые листы на раскопки, проверяет присылаемые отчеты о раскопках. Председателем Комитета является Й. Корек.

Отдел археологии существует и в Будапештском историческом (или городском) музее. В его компетенцию входит изучение археологических памятников на территории города. Заведует археологическим отделом М. Габори, специалист в области палеолита; в отделе работают Р. Шрайбер и Ф. Кёсеги, специалисты в области бронзового века. Выставка археологических памятников, раскопанных на территории Будапешта, находится в Королевском дворце в Буде. Она включает материалы из поселения группы Желиз, раскопанного в Бекашмедьер, северо-западном предместье Будапешта, из могильников культуры Тёкёл (Бекашмедьер, Чепел и др.), из могильников раннего бронзового века (Сигетсентмиклош), среднего и позднего бронзового и раннего железного века, а также античной и средневековой эпох. В распоряжении сотрудников музея для публикации их исследований есть собственный журнал, называемый «Древности Будапешта» (Budapest Régiségei), который имеет характер ежегодника и выходит регулярно, начиная с 1940 г., на венгерском языке, с резюме на западноевропейских языках.

К Будапештскому историческому музею относится и Музей Аквинкума, который возник на базе раскопок столицы римской провинции Паннония.

Переходя к археологическим учреждениям вне Будапешта, следует отметить, что это преимущественно крупные областные музеи, однако, имею-

[5] P. Patay. Korai bronzkori kultúrák magyarországon — Frühbronzezeitliche Kulturen in Ungarn. Budapest, 1938.

[6] S. Gallus, T. Horváth. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Budapest, 1939.

щиеся не во всех комитетах. Им подчиняются более мелкие, районные музеи, которые часто имеют интересные коллекции. Из университетов страны кроме Будапештского только в Сегедском имеется кафедра археологии (вернее, кафедра древней истории и археологии). Она возникла в Сегеде после первой мировой войны. На кафедре археологии Сегедского университета преподавал скончавшийся летом 1971 г. проф. Я. Баннер, у которого учились многие ведущие археологи современной Венгрии. Кафедра издавала журнал «Dolgozatok», последний раз вышедший в конце второй мировой войны. Сейчас Сегедский университет издает «Acta Antiqua et Archaeologica».

Самый значительный музей в Задунавье — это музей Секешфехервара, главного города комитата Фейер, древней столицы Венгрии Алба Регия, которая отмечала свое 1000-летие в 1972 г. Директор музея Й. Фитц и ряд сотрудников — археологи. Среди них специалист в области бронзового века — Э. Петреш — Фитц, в области средневековой археологии — А. Кралованский. Музей проводит постоянные раскопки римского города Горсиум[7] и древней венгерской столицы Алба Регии. Коллекции музея очень обширны и интересны. Они включают материалы из раскопок поселений линейно-ленточной керамики Бичке, Або, Шукоро, могильника Бичке; несколько важных энеолитических комплексов; все материалы из раскопок могильника Кишапоштаг раннего бронзового века, коллекции с поселений и могильников ранней культуры Ватья, знаменитый клад среднего бронзового века Шимонторнья; античные и раннесредневековые древности. Музей издает журнал «Alba Regia». В 1970 г. Музей Секешфехервара начал издание «Истории комитата Фейер», первые выпуски которой, посвященные каменному и медному веку, а также римским и кельтским древностям, уже вышли из печати[8].

В комитате Фейер следует отметить еще один музей в Дунауйвароше. В нем хранятся огромные материалы из раскопанных на территории города поселений и некрополей эпохи среднего бронзового века — знаменитых косидерских бронз, а также римские провинциальные древности.

В комитате Веспрем находится Музей имени Баконьи. В его коллекциях имеются материалы линейно-ленточной керамики, а также материалы позднего бронзового и раннего железного века. Музей издает свои сообщения с 1963 г. под редакцией директора, археолога-медиевиста И. Эри[9]. Из первобытных древностей в музее представлены линейно-ленточная керамика, Лендьел и особенно хорошо — гальштадт с расписной керамикой.

Большой и богатый музей находится в г. Печ, главном городе области Баранья (Музей имени Я. Паннониуса). В нем представлены немногочисленные находки ранней линейно-ленточной керамики, обширнейшие коллекции культуры Лендьел, главным образом из раскопок Я. Домбаи, большие новые и неопубликованные коллекции культуры Зок и южнопаннонской инкрустированной керамики из раскопок Г. Банди. Музей имени Я. Паннониуса г. Печа издает свой журнал с 1956 г.[10]

Музей области Дьёр — Шопрон находится в г. Дьёр и носит имя Я. Ксантуса. К нему же относится и музей им. Ф. Листа в Шопроне, в котором хранится немного, но достаточно важных материалов по первобытной археологии: сосуды группы Оггау-Шаррод раннего бронзового века, сосуды культуры Визельбург (или Гата) раннего бронзового века и клад Иван, видимо принадлежащий этой же культуре. Кроме того, в Шопроне много богатых коллекций гальштадта из курганов на венгерско-австрийской границе, превосходных римских скульптур, рельефов и эпиграфических памятников. Небольшой районный музей города Мошонмадьяровар содержит важную кол-

---

[7] Fitz Jenö. Gorsium. Székesfehérvár, 1970.
[8] Fejér megye története I, 1, 3, 4 Székesfehérvár, 1970—1971.
[9] A Veszprém megyei múzeumok közleményei, Veszprém.
[10] A Janus Pannonius múzeum évkönyve, Pécs.

лекцию из раскопок могильника Гата раннего бронзового века. С 1959 г. музей области Дьёр — Шопрон издает свой ежегодник «Arrabona».

Еще один богатый музей Задунавья (Трансданубии) — в г. Сексард. Здесь представлены частично собранные еще М. Вошинским коллекции [11] по культуре линейно-ленточной керамики, Лендьелу, раннему и среднему бронзовому веку, в том числе клады Толнанемеди, Надьхангош, Узд. и др. Важны материалы из Медины, где в одном комплексе, правда сомнительном, встречены керешские сосуды и материал древней линейно-ленточной керамики.

Музей комитата Зала в г. Надьканижа молодой и небогатый. Из первобытных материалов здесь имеются лишь коллекции группы Балатон и культуры Зок.

Вашский областной музей расположен на месте римского города Савария в современном городе Сомбатхей и носит название Музей Саварии. В его фондах хранятся большие коллекции первобытной и античной эпох. Музей имеет печатный орган журнал «Savaria», который выходит с 1961 г. под редакцией археолога-античника Т. Сентлелеки.

Главное областное управление музея области Комаром находится в крепости г. Тата. В фондах музея сосредоточен материал из раскопок, проводимых на территории крепости. Директор музея археолог-античник Э. Биро.

Эстергомский музей комитата Пешт славится коллекциями первобытной, раннесредневековой и позднесредневековой эпох. В Эстергоме выставлены для обозрения обнаруженные археологическими раскопками и законсервированные руины раннесредневекового дворца венгерских королей.

Главное управление музеев области Пешт находится в г. Сентендре в музее имени Ференци. Музей имеет печатный орган Studia Comitatensia, издающийся с 1972 г. Основные коллекции относятся к эпохе энеолита (материалы баденского могильника Будакалас) и к античной эпохе. В настоящее время в музее нет постоянной экспозиции. В 20 *км* от г. Сентендре в г. Вышеграде находится музей, носящий имя венгерского короля Матиаша (Mátyás király múzeum).

Крупнейшие музеи Восточной Венгрии (Алфёлда) — это музеи Сегеда, Сентеша, Дебрецена, Ниредьхазы.

Музей области Чонград находится в г. Сегеде и называется именем известного венгерского писателя и археолога Ф. Мора. Во главе музея стоит археолог, специалист в области неолита и бронзового века, О. Трогмайер. Музей обладает богатыми коллекциями различных археологических культур и эпох. В нем прежде всего имеется самая богатая в Венгрии коллекция кёрёшских материалов как из старых, так и из новых раскопок О. Трогмайера. Далее в музее представлены коллекции группы Сакалхат — Лебё, энеолитической группы Деск и богатейшие могильники раннего бронзового века Деск А, В, F и Сёрег, клады среднего бронзового века, материалы из теллей среднего и позднего бронзового века. К сожалению, экспозиция музея начинается лишь с аварского времени. Но наиболее интересные материалы ранних эпох можно видеть на выставке первобытного искусства, открытой в районном музее Ходмёзовашархея. Здесь выставлены все известные фигурки культуры Кёрёш, как антропоморфные, так и зооморфные, пластические изображения оленей на стенках сосудов для запасов культуры Кёрёш, фигурки культуры Тисы, знаменитый алтарь из Кёкеньдомб и другие находки. Небольшая экспозиция сделана с большим вкусом и прекрасно оформлена. Музей им. Ф. Мора выпускает популярный ежегодник, обычно по два выпуска в год [12]. В комитате Чонград имеется еще один музей с богатыми коллекциями по первобытной и средневековой археологии. Это музей в г. Сентеш. Здесь хранятся материалы раскопок многослой-

---

[11] M. Wosinszky. Tolnavármegye története. Budapest, 1896.

[12] A Móra Ferenc múzeum évkönyve. Szeged.

ных поселений культуры Тиса, могильников эпохи обретения венграми родины. К сожалению, эти материалы в большинстве неопубликованы.

Крупный областной музей области Хайду-Бихар находится в Дебрецене и носит имя Дери. Музей располагает большими коллекциями и издает с 1948 г. свой ежегодник [13]. В музее хранятся материалы неолитической группы Эстар, знаменитый клад Хайдушамшон, материалы из раскопок могильника Эдьек, значительные коллекции эпох великого переселения народов и раннего средневековья.

Наиболее крупный музей северо-восточной части Венгрии находится в центре области Саболч-Сатмар городе Ниредьхаза и носит имя А. Йожа. Он обладает большими и разнообразными коллекциями алфёлдского неолитического материала, находками из могильника Вышш баденской (пецелской) культуры, самым богатым собранием керамики группы Ньиршиг культуры Зок. В музее находятся и материалы из последних раскопок на средневековом городище Саболч и на поселении гончаров V в. в Берегшуране. Музей располагает также большой коллекцией эпохи заселения венгерскими племенами Подунавья. Он выпускает свой ежегодник с 1958 г. [14] под редакцией Д. Чёлланя.

Коллекции областного музея области Бекеш, расположенного в г. Бекешчаба, невелики, но интересны. Здесь представлены небольшие кёрёшские материалы, немного находок группы Сакалхат, бодрогкерестурские сосуды, сосуды группы Хунядихалом, материал из могильника Баттонья раннего бронзового века, материалы культуры Печица-Перьямош из Бекешвардомб и др. Музей издал первый том своего ежегодника в 1972 г. [15].

---

[13] A. Debreceni Déri múzeum évkönyve. Debrecen.
[14] A Jósa András múzeum évkönyve. Nyíregyháza.
[15] A Békés — megyei Múzeumok közleményei. Békéscsaba.

Критика и библиография

НОВЫЕ КНИГИ О НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ В СССР

(обзор публикаций 1968—1972 гг.)

Древнейшие памятники искусства вызывают за последние годы большой интерес у советских читателей. В связи с этим за короткий срок появилось значительное число книг о происхождении искусства, о наскальных росписях и гравировках, созданных первобытными художниками.

Некоторые из этих книг написаны специалистами по эстетике, философии. Приходится признать, что на читателя-археолога они производят удручающее впечатление. Разумеется, проблема происхождения искусства имеет много аспектов. Для понимания ее важны и данные психологии и этнографии, и широкая философская постановка вопроса. Но так или иначе, только археологический материал служит прямым свидетельством об облике и характере древнейшего искусства. Книги А. Ф. Еремеева (издательство «Молодая гвардия») [1] и В. Ф. Шерстобитова (издательство «Искусство») [2] написаны с полным пренебрежением к этому материалу. Авторы даже не пытаются сопоставить свои умозрительные построения с реальными фактами, выявленными при исследовании палеолитических стоянок. В аннотации к книге Л. Г. Юлдашева (издательство «Мысль») специально подчеркивается, что им использован огромный малоизвестный археологический материал (в действительности он прочел лишь «Утро искусства» А. П. Окладникова) [3], однако и здесь концепция никак не соотносится с археологическими источниками.

Но о брошюрах, посвященных происхождению искусства, нужен специальный разговор. Задача нижеследующего обзора иная — коротко охарактеризовать новые книги археологов об отдельных памятниках первобытного искусства. Таких книг появилось тоже много. В довоенные годы в СССР напечатаны были три книги о наскальных изображениях — все о петроглифах Карелии. За 1950—1967 гг. вышло уже 10 книг о сибирских, уральских, среднеазиатских, приазовских петроглифах. Обзор этих публикаций содержится в работе автора 1969 г. [4]. За 1968—1972 гг. издано еще 10 книг о наскальных рисунках.

Две из них посвящены петроглифам Армении, о которых до сих пор имелись лишь небольшие заметки с немногими, не слишком выразительными рисунками. Теперь в наших руках два объемистых тома и почти 700 воспроизведений древних гравировок. Г. О. Караханян и П. Г. Сафян публикуют петроглифы Сюника [5], А. А. Мартиросян и А. Р. Исраэлян — петроглифы Гегамских гор [6]. В научный оборот введен огромный и интересный материал. Кавказ, еще недавно казавшийся районом без наскальных изображений, теперь вышел в этом отношении на одно из первых мест в СССР. О петроглифах Армении мы располагаем сейчас более обширным материалом, чем о ранее исследованных гравировках Кобыстана в Азербайджане и ряде пунктов в среднеазиатских республиках. Будем благодарны за это армянским археологам, но я не могу скрыть, что цели и характер издания остались для меня не вполне ясными. Если целью была публикация памятников, то вряд ли она удовлетворит читателя-специалиста. Перед нами только альбомы с графическими копиями петроглифов. Нет ни планов местонахождений, ни описаний рисунков и компози-

---

[1] А. Ф. Еремеев. Происхождение искусства. М., 1970.

[2] В. Ф. Шерстобитов. У истоков искусства. М., 1971.

[3] Л. Г. Юлдашев. Эстетическое чувство и произведение искусства. М., 1969, стр. 184; См. также: Л. Б. Переверзев. Искусство и кибернетика. М., 1966.

[4] А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

[5] Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Наскальные изображения Сюника. Археологические памятники Армении. 4. Наскальные изображения. I. Ереван, 1970. Текст на армянском, русском и английском языках.

[6] А. А. Мартиросян, А. Р. Исраэлян. Наскальные изображения Гегамских гор. Археологические памятники Армении. 6. Наскальные изображения, II. Ереван. 1971. Текст на армянском, русском и английском языках.

ций, ни сведений о приемах копирования гравировок, почти нет фотографий. Между тем все это совершенно необходимо. С помощью планов местонахождений и данных о взаиморасположении рисунков можно расчленить скопление петроглифов на определенные хронологические группы, а иногда проникнуть и в смысл древних изображений. Для датировки важны и сведения о перекрывании рисунков, технике их выбивания, пустынном загаре и т. д. Когда же публикуются отдельные рисунки, без всяких комментариев, остается неясным, изданы все изображения или только избранные, выбиты ли помещенные рядом рисунки на одном камне или на двух соседних, или в десятке километров друг от друга, занимает композиция всю плоскость камня или только его часть, тогда как в другом углу находится вторая сцена, и т. д. и т. п.

Тексты, сопровождающие альбомы, невелики: в книге Г. О. Караханяна и П. Г. Сафяна армянское введение состоит из 24 страниц, русское — из 6, в книге А. А. Мартиросяна и А. Р. Исраэлян — соответственно из 25 и 24 страниц. Полного представления о публикуемых памятниках ни тот ни другой текст не дают. Нельзя видеть в рецензируемых книгах и исследования. Классификация и интерпретация нового для Армении и очень сложного материала требует большой работы. Пока что она не проделана. Авторы суммарно датируют петроглифы V—II тысячелетиями до н. э. и высказывают некоторые соображения об их семантике (солнечные культы, культы плодородия). Кое-какие наблюдения авторов, особенно А. А. Мартиросяна и А. Р. Исраэлян, безусловно, правильны: например, сопоставления петроглифов с изображениями на керамике и на бронзовых поясах. Все же многие ответственнейшие выводы остаются недоказанными, и в первую очередь ранняя датировка древнейших рисунков. На стр. 47 книги А. А. Мартиросяна и А. Р. Исраэлян говорится, что около рисунков на вершине Большой Пайтасар найден «ряд ножевидных орудий, скребков и других изделий, которые имеют весьма убедительные параллели в инвентарях неолитических поселений Армении». Ни рисунков этих вещей, ни копий петроглифов Пайтасара в книге нет, хотя на этой находке и основывается нижняя дата изображений. Поскольку ножевидные орудия и скребки из обсидиана встречаются и в поселениях бронзового века Армении, а ни одного раскопанного неолитического памятника, твердо датированного V тысячелетием до н. э., в этой республике нет, нижнюю дату петроглифов трудно признать убедительной. В соседней республике — Азербайджане изучен комплекс наскальных гравировок Кобыстана. Там в нескольких пунктах петроглифы перекрыты разновременными культурными слоями, благодаря чему относительная и абсолютная хронология кобыстанских рисунков определяется очень неплохо. Сравнения своих материалов с кобыстанскими армянские археологи не провели. Если мы сделаем это за них, станет ясно, что в Армении нет таких гравировок, как в I и II пластах Кобыстана, содержащих реалистические изображения людей и животных и связанных со слоями неолитического времени. Петроглифы Армении крайне схематичны и близки только к III пласту Кобыстана, приуроченному к концу эпохи бронзы. Совпадают и излюбленные сюжеты — горные козлы, охотники [7]. О II и начале I тысячелетия до н. э. говорят и аналоги петроглифам в изображениях на керамике и бронзовых поясах, подобранные А. А. Мартиросяном и А. Р. Исраэлян. Сопоставления с более ранними памятниками Передней Азии сколько-нибудь близких аналогий ни сюжетам, ни стилю армянских петроглифов не дают.

Итак, две книги о наскальных изображениях Армении познакомили нас с большим и важным материалом, но, к сожалению, не могут быть признаны ни полноценной публикацией, ни исследованием. Вероятно, армянские археологи еще вернутся к этой теме, но поскольку оба тома вышли в серии свода источников, вряд ли удастся повторить издание в том же объеме. Пожалуй, соревнуясь в издании наскальных рисунков со своими азербайджанскими коллегами, армянские археологи чересчур поспешили.

Большим событием в археологии СССР стало открытие и исследование Ю. А. Савватеевым в 1963—1968 гг. новой группы петроглифов в урочище Залавруга у города Беломорска. Прежде всего, это открытие почти вдвое увеличило число наскальных рисунков Карелии. На Онежском озере их было известно около 570, на Беломорье — 615, а на Залавруге II выявлено свыше 1000 рисунков. Среди них есть исключительно интересные выразительные композиции, вроде сцены морской охоты на белуху или охоты лыжников на лосей. Через пару лет после находки они уже воспроизводились в книгах о культуре и искусстве нашего Севера [8]. Петроглифы Залавруги II обнаружены под слоем неолитической стоянки, что позволяет хорошо датировать рисунки. В ближайших окрестностях Ю. А. Савватеев раскопал и ряд других поселений, в частности сделал интересные находки у петроглифов Бесовы следки, также уточняющие их датировку. Результаты этих работ, кратко освещавшиеся в центральных и местных изданиях, обобщены теперь в одной фундаментальной книге [9]. Она неплохо напечатана ленинградским отделением издательства «Наука». В книге более

[7] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 27—58.

[8] Н. Н. Гурина. Мир глазами древнего художника Карелии. Л., 1967, рис. 14.

[9] Ю. А. Савватеев. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. I — петроглифы. Л., 1970.

ста иллюстраций — фотографий, прорисовок и графитных протирок петроглифов. Рядом с ними помещено описание, занимающее 200 с лишним страниц, благодаря чему в отличие от армянских публикаций мы получаем о памятнике достаточно полное представление.

Основной упрек, который можно сделать Ю. А. Савватееву как публикатору, тот, что он отложил до второго тома издание материалов стоянки, перекрывающей петроглифы. Из-за этого все рассуждения о дате рисунков, о типах встреченной здесь керамики оказались голословными. Это тем досаднее, что в первой половине книги много места уделено пересказу и перепечатке хорошо известных сведений о петроглифах Онежского озера и Беломорья из довоенных публикаций, якобы «превратившихся в библиографическую редкость».

Построение книги кажется мне не очень удачным. В первом ее разделе дана характеристика петроглифов Карелии, рассматривается вопрос об их смысле и назначении, хозяйстве и быте их создателей и т. д. Во втором разделе публикуются петроглифы Новой Залавруги. Выводы, таким образом, предшествуют материалу, а не наоборот. Первый раздел — это отчасти замечания о литературе, посвященной петроглифам, отчасти впечатления от их осмотра. Ценного здесь немало, но все же наблюдения несколько отрывочны и не складываются в какую-то обобщающую картину. Заслугой автора надо считать разработку новой техники копирования петроглифов — графитных протирок, доказательство того, что рисунки выбивались кварцевыми отбойниками, первые абсолютные даты по стоянкам у петроглифов, полученные методом C^{14}, постановку вопроса о роли высотных отметок для датировки наскальных рисунков. Правда, эту свою схему автор при необходимости легко подправляет. Так, Бесовы следки — ранняя группа петроглифов, и им полагалось бы находиться много выше, чем в действительности. Ю. А. Савватеев тут же снимает это противоречие, говоря о «временных регрессиях». Согласно той же схеме, Залавруга I должна быть моложе Залавруги II, но стилистический анализ рисунков свидетельствует скорее об обратной последовательности.

Менее удачным нахожу я критический обзор литературы о петроглифах. Часто он носит начетнический характер: цитаты вырываются из контекста и при комментировании получают другой смысл. Автор не мог не откликнуться на ожесточенные споры о карельских петроглифах, развертывавшиеся в довоенные годы между В. И. Равдоникасом и А. М. Линевским. Неоднократно воздав должное трудам своего редактора — А. М. Линевского, Ю. А. Савватеев пишет на стр. 21 о полной победе его направления исследований. Это по меньшей мере спорно. Оставим в стороне работы С. Н. Замятнина, А. П. Окладникова, А. Д. Столяра, А. А. Формозова, исходивших из концепции В. И. Равдоникаса, а не А. М. Линевского, и остановимся на выводах самого Ю. А. Савватеева. А. М. Линевский рассматривал изображения как магические, а В. И. Равдоникас — как мифологические. При расшифровке их А. М. Линевский широко привлекал этнографию американских индейцев, народов Амура и т. д., а В. И. Равдоникас предостерегал против столь отдаленных аналогий и предпочитал сравнения с археологическими же источниками (петроглифы Скандинавии, статуэтки из неолитических стоянок Севера и т. д.). А. М. Линевский делал прямые и непосредственные выводы о хозяйстве создателей петроглифов по числу изображенных зверей, рыб, птиц, а В. И. Равдоникас говорил о неправомерности таких выводов, ибо искусство отражает действительность в сложном преломлении. В рецензируемой книги Ю. А. Савватеев возражает против истолкования петроглифов как магических рисунков и связывает их с древней мифологией. На стр. 424 мы находим формулировку вполне в духе В. И. Равдоникаса — «тотемно-анимистические верования». Выводы о хозяйстве по сюжетам петроглифов Ю. А. Савватеев делает с большой осторожностью и оговорками, этнографических параллелей избегает. Очевидно, взгляд Ю. А. Савватеева на петроглифы гораздо ближе к взглядам В. И. Равдоникаса, чем А. М. Линевского. Дело не в том, что В. И. Равдоникас был во всем прав, а А. М. Линевский во всем ошибался, а в том, какое направление исследований оказалось в итоге более плодотворным.

Сказав на стр. 26, что взгляды А. М. Линевского и В. И. Равдоникаса примирить нельзя, Ю. А. Савватеев в дальнейшем призывает взять лучшее у того и у другого, соответственно откинув худшее. Звучит это неплохо, но названные ученые стояли на столь разных позициях, что надо согласиться скорее с первым тезисом Ю. А. Савватеева, так как, следуя второму, мы придем к явной эклектике.

Единственный вопрос, по которому Ю. А. Савватеев полностью солидарен с А. М. Линевским, это интерпретация так называемых солярных знаков на петроглифах. Ю. А. Савватеев соглашается с А. М. Линевским, что это изображения капканов-кляпцов, и заявляет, что после В. И. Равдоникаса никаких новых аргументов в пользу солярного характера рисунков приведено не было (стр. 117). Это неверно. С. Н. Замятнин показал, что среди кремневых статуэток северного неолита есть точно такие же фигуры, как на петроглифах,— прототип металлических лунниц и уж конечно не кремневые копии капканов [10]. Автор этих строк отметил аналогичные знаки на

---

[10] С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы. СА, X, 1948, рис. 6.

камне их южных районов (Крым, Киргизия), где не было капканов северного типа [11]. Изданы несомненные изображения солнца с лучами, направленными в одну сторону, на писаницах Урала — района исконно охотничьего, а не земледельческого, как Швеция и Египет, откуда заимствовал параллели В. И. Равдоникас. Недавно Г. А. Панкрушевым на Колг-острове Онежского озера найдены наскальные гравировки, состоящие исключительно из сложных лабиринтообразных знаков [12]. На Белом море мы знаем и выкладки из камней в виде лабиринтов. Следовательно, знаки, символы были присущи культуре Севера, и совсем не обязательно трактовать их как изображения реальных предметов. При обследовании Онежских петроглифов в 1972 г. А. Д. Столяр установил, что биссектриса между двумя лучами всех солярных знаков направлена или на запад, или на восток. Приходится сказать, что именно Ю. А. Савватеев не привел ни одного нового аргумента в пользу интерпретации А. М. Линевского. Не ответил он и на наши возражения (может ли капкан зажать спину оленя и т. д.).

Недооценка Ю. А. Савватеевым работы С. Н. Замятнина удивительна. Он даже не включил ее в список литературы о петроглифах Карелии. Между тем следовало бы упомянуть и неопубликованный доклад С. Н. Замятнина о петроглифах Онежского озера — «Бес и бесиха», сохранившийся в архиве ученого. Говоря об истории исследования петроглифов, надо было сказать об И. Аспелине, первым датировавшем их эпохой бронзы (обычно эту заслугу приписывают А. В. Бреггеру) [13], о раскопках соседних с ними стоянок Б. Ф. Земляковым.

Можно поспорить и с другими положениями Ю. А. Савватеева. Он ярый противник каких-либо сопоставлений наскальных рисунков из разных районов и доходит в этом до утверждения, что карельские петроглифы похожи на уральские не больше, чем на австралийские (стр. 161), никак не объясняя точные совпадения фигур на уральских писаницах и карельских гравировках. Неубедительно предположение о том, что на скалах изображена карта местности (стр. 178) — интерпретация, которую почему-то очень любят исследователи петроглифов. Все же, несмотря на ряд уязвимых моментов и недоработок, книгу Ю. А. Савватеева надо признать значительным вкладом в литературу о наскальных рисунках нашей страны.

В 1971 г. издан второй выпуск книги В. Н. Чернецова «Наскальные изображения Урала» [14]. В первом выпуске, напечатанном в 1964 г., говорилось о писаницах р. Тагила. Во втором публикуются писаницы на реках Туре, Ирбите, Нейве, Реже, Исети, Серге, Юрюзани, Уфе, Вишере и на оз. Большой Аллак. Сам автор обследовал и тщательно скопировал писаницы Ирбита, Нейвы, Режа, Серги, по остальным суммирован весь имеющийся литературный и архивный материал. Широкое использование архивов, редкое в археологической практике, показало, как много сведений о памятниках прошлого собрано нашими предшественниками не только в XIX и начале XX в., но и академическими экспедициями в XVIII и даже подъячими в конце XVII в. Эти материалы содержат данные и о погибших уже памятниках, и о ныне существующих, что не менее интересно. Так, сопоставление копии, снятой в конце XVII в. с Ирбитской писаницы, с ее нынешним видом говорит об исключительной стойкости росписей охрой, опровергая не раз повторявшиеся предположения о разрушении древней живописи дождями.

Но книга В. Н. Чернецова не просто публикация интересных материалов, а серьезное исследование. В. Н. Чернецов был прекрасным знатоком как археологии, так и (может быть, даже в большей степени) этнографии и фольклора уральских народов. Использование параллелей из обрядности и искусства хантов и манси позволило автору предложить убедительную реконструкцию календарных охотничьих празднеств, при которых создавались писаницы. Среди всей имеющейся у нас литературы о наскальных рисунках эти разделы книги В. Н. Чернецова, безусловно, лучшие. Удачен и опыт классификации писаниц по сюжетам, выявивший несколько повторяющихся композиций на скалах разных рек [15]. Интересны и соображения о месте уральских писаниц среди наскальных рисунков других районов Евразии в связи с концепцией этнической истории этого континента, разрабатывавшейся В. Н. Чернецовым.

Высокая оценка книги покойного ученого не означает, что со всеми ее положениями нужно согласиться. Мне кажется, что автор неоправданно равнодушен к хронологии писаниц. В первом выпуске были отмечены аналогии писаницам в узорах на уральской керамике эпохи неолита и бронзы и в тамгах хантов и манси. И то

---

[11] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 124, 125.

[12] Г. А. Панкрушев. Альбом к отчету Южно-Карельской археологической экспедиции в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р. I, № 3260а, рис. 181—191.

[13] I. R. Aspelin. Antiquitée du Nord Finno-ougrien. I. Helsingfors, 1877, стр. 75. Ю. А. Савватеев неоднократно критиковал автора этой рецензии, называвшего петроглифы Карелии памятниками эпохи бронзы, но на стр. 129 сам связывает рисунки Залавруги с «переходом к бронзовому веку».

[14] В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, В4—12(2). М., 1971.

[15] О перспективности такой работы я говорил в 1969 г. (А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 21).

и другое интересно, однако хотелось бы понять, о чем же идет речь: о том, что писаницы созданы в неолите и где-то в очень позднее время к ним добавлены отдельные значки — тамги, или о том, что лишь единичные фигуры нанесены на скалы в неолите, а основная масса рисунков появилась гораздо позже. Второй выпуск нисколько не проясняет этого вопроса. Более того, помимо параллелей в орнаментации керамики В. Н. Чернецов говорит теперь о параллелях с узорами на костяных наконечниках из Горбуновского торфяника, быть может, даже мезолитических. Хронологические рамки уральских писаниц тем самым еще расширяются. Создается впечатление, что обрядность и искусство уральских угров кажутся В. Н. Чернецову невероятно устойчивыми, не менявшимися по крайней мере с неолита почти до сего дня. Поскольку ханты и манси все это время так и оставались охотниками и рыболовами, подобную устойчивость нельзя считать совершенно исключенной, но все же столь важный тезис требует развернутой аргументации. Известные уральские жертвенные места с металлическими фигурками, существовавшие с начала железного века, никогда не связаны с писаницами. Появление таких святилищ — показатель важных изменений в культах древних обитателей Урала. Вспомним и о проникновении в этот район вещей античного и скифского происхождения, восточного серебра. Неужели все это прошло бесследно для аборигенов? Как мне представляется, уральские писаницы почти целиком созданы в эпоху неолита и бронзы. Далее они пользовались культовым почитанием, и к рисункам порой добавлялись отдельные знаки, но новые большие композиции уже не рисовали.

Второй спорный момент — к каким другим наскальным рисункам близки писаницы Урала. Как и Ю. А. Савватеев, В. Н. Чернецов критикует А. П. Окладникова и А. А. Формозова за предположение о влиянии цивилизаций древнего Востока на население лесной зоны СССР. Однако, отрицая влияние на северные племена этих мощнейших центров культуры, сыгравших огромную роль в истории всего старого света, В. Н. Чернецов конструирует гораздо более широкую систему связей между примитивными группами охотников Евразии. Связи эти, охватывавшие якобы территорию от Норвегии до Чукотки, по моему мнению, менее вероятны, чем сношения с центрами культуры на юге. При своих сопоставлениях В. Н. Чернецов приходит к выводу о коренном отличии писаниц Урала от петроглифов Карелии и о сходстве этих писаниц с наскальными рисунками Ангары, с одной стороны, и Норвегии — с другой. Этот вывод согласуется с выдвинутой В. Н. Чернецовым концепцией этнической истории северных народов [16]. Наблюдения его интересны, но далеко не бесспорны. Отличие карельских петроглифов от уральских писаниц усматривается в том, что на первых много больше человеческих фигур, причем эти фигуры переданы в профиль, а не в фас. Это верно лишь относительно Залавруги. На Бесовых следках изображений людей почти нет. На Онежском озере фигур людей в фас больше, чем профильных [17]. Знаки, в том числе и знак «небосвода», есть только на скалах Карелии и Урала, но не в Сибири и Норвегии. Размеры карельских и уральских рисунков сходны, сибирские и норвежские обычно заметно больше. Ажурные изображения «скелетного стиля» встречаются не только в Сибири и на Урале, но и на Онежском озере [18]. Близки карельские и уральские наскальные рисунки и тем, что нередко состоят из нескольких групп изображений, вытянутых в линию на расстояние более 10 *км* (Онежское озеро, писаницы Тагила). Отыскивая параллели уральским писаницам в Сибири, В. Н. Чернецов не идет далее Ангары. Между тем интересующие его особенности изображений: открытая пасть лосей, «скелетный стиль», «линия жизни», загороди — имеются и на петроглифах Шишкина и других пунктов ниже по Лене [19]. «Скелетность» мы увидим и на амурских и среднеазиатских наскальных рисунках. Таким образом, полного соответствия определенного стиля наскальных изображений намеченным В. Н. Чернецовым этническим группам не наблюдается.

Не убеждает и предположение об уральском центре искусства, оказавшем влияние на Норвегию и Ангару. Рисунков, столь ранних, как в Норвегии, мы на Урале не знаем, а говорить о том, что они просто не сохранились, помня об устойчивости росписей охрой, никак нельзя. Не согласился бы я и с тенденцией видеть в каждом знаке изображение реального предмета (ловушки, загороди). Петроглифы Каменной могилы и Кобыстана показывают, что на скалы наносили и знаки — идеограммы.

Сказанное не отменяет нашу очень высокую оценку книги В. Н. Чернецова. Она останется образцом удачного применения этнографических и фольклорных источников для интерпретации наскальных изображений.

---

[16] С особой определенностью эти положения изложены в автореферате докторской диссертации: В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. М., 1970.

[17] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.— Л., 1936, табл. 1, 2, 9—11, 13—15, 17, 18, 20, 25, 33.

[18] Там же, табл. 13, 24, 37.

[19] А. П. Окладников и В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.— Л., 1966, рис. 707, 909 (открытая пасть); А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству. М.— Л., 1955, рис. 31, 32 (загороди), 28, 51, 52 (открытая пасть), 22, 51 «скелетный стиль», 58 («линия жизни»).

Петроглифам Сибири посвящены новые книги А. П. Окладникова, продолжившего издание серии монографий, начатой публикациями Шишкинских и Ангарских писаниц. В 1972 г. в издательстве «Искусство» он выпустил совместно с А. И. Мартыновым книгу о писаницах р. Томи [20]. В работе подробно описаны как известная с конца XVII в. и не раз характеризовавшаяся в литературе Томская писаница, так и два новых памятника в том же районе — Новороmановские и Тутальские наскальные рисунки. В ходе экспедиций А. И. Мартынова 1964 и 1967 гг. были скопированы все сохранившиеся ныне изображения р. Томи. В монографии они изданы главным образом в прорисях. Для 35 композиций приведены и фотографии. Книга издана на таком высоком полиграфическом уровне, на каком до сих пор у нас не издавалась ни одна работа о петроглифах. Это, конечно, приятно, но невольно думается о том, сколь случайные обстоятельства определяют порой судьбу научных материалов. Томская писаница — интересный памятник, но среди ее изображений не так уж много ярких произведений искусства. И вот об этой рядовой писанице выходит уже третья книга [21] в роскошнейшем оформлении, тогда как для гораздо более важных комплексов — Кобыстана, Зарaут-Сая, Саймалы-Таша — мы все еще не имеем хотя бы скромных альбомов.

Интерпретируя материалы Томских писаниц, авторы в основном идут по пути, намеченному А. П. Окладниковым в монографиях о Шишкинских и Ангарских петроглифах. Это касается и хронологической разбивки рисунков, и расшифровки их смысла (лось — «хозяин тайги»; солнечный олень; «лодки в страну предков»). Некоторые наблюдения А. П. Окладникова получили заслуженное признание и повторение их вполне допустимо, но надо заметить, что Томские писаницы не очень похожи на Ангарские и Ленские, и ключ к ним, может быть, требуется другой. На Томи значительно больше, чем на Востоке, человеческих фигур, ряд рисунков — и отдельных людей, и животных (№ 71, 176, № 43 Новороmановки), и целые композиции (№ 273 — сцена загонной охоты) — дан в сложном ракурсе, не свойственном первобытному искусству, почти все фигуры лосей исполнены в «скелетном стиле», имеется изображение верблюда (№ 206). В. Н. Чернецов сопоставлял Томские рисунки с кулайским бронзовым литьем и считал их памятником железного века. Авторы монографии тоже упоминают о кулайском литье (стр. 242), говорят об отдельных фигурах первых веков нашей эры (стр. 172), но утверждают, что поздних рисунков на Томи мало, а основная масса их относится к неолиту. Называется дата VI—V тысячелетия до н. э. (стр. 191), а один рисунок Тутальской писаницы расценивается как палеолитический (стр. 176—179). Даже подобрав точнейшую аналогию личине Томской писаницы на статуэтке с Ирбитского городища, авторы все равно зачисляют эту личину в круг памятников бронзового века (стр. 190, 191).

Мне уже приходилось возражать против тенденции А. П. Окладникова чрезмерно удревнять сибирские писаницы. Поскольку новых аргументов в пользу своих дат он не привел, нет смысла повторять мои контраргументы. Ничто не дает права видеть в Тутальском рисунке палеолитическое изображение лошади. Трудно сказать даже, круп какого животного очерчивают три или четыре линии охры (рис. на стр. 146), а уж стилистические сопоставления с палеолитическими фресками здесь совершенно невозможны. Перечисление на стр. 179 рисунков самого разного типа из Мгвимеви, Агца, Каменной могилы и Зарaут-Сая ни в коей мере не доказывает широкое распространение наскальных изображений эпохи палеолита в СССР. Упоминание на стр. 197 и 198 рисунков лосей со знаком пола рядом с ними (рис. 262, 263) вызывает в памяти Шишкинский рисунок лошади с таким же знаком под ним. В свое время А. П. Окладников усматривал в этом точнейшую аналогию ориньякским рисункам и бесспорное доказательство палеолитического возраста Шишкинского рисунка лошади [22]. Теперь оказывается, что такие знаки есть и у неолитических (а может быть, и более поздних) изображений лосей.

Своими замечаниями я не хочу уронить в глазах читателей книгу А. П. Окладникова и А. И. Мартынова. Издав Томские писаницы, они сделали полезное и важное дело. И все же, думается, мы вправе ждать от исследователей, что в каждой их новой книге будут намечаться какие-то новые направления в классификации и интерпретации писаниц, а не повторяться найденное 20 лет назад.

Следующими в серии публикаций сибирских петроглифов стали подготовленные А. П. Окладниковым совместно с В. Д. Запорожской два тома, посвященных писаницам Забайкалья [23]. До сих пор публикаций о них было мало. В рецензируемых кни-

---

[20] А. П. Окладников и А. И. Мартынов. Сокровища Томских писаниц. М., 1972. Книга имеет подзаголовок, выглядящий по-разному на суперобложке и на титуле: в первом случае — «Наскальные рисунки эпохи палеолита и бронзы», во втором—«Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы». Вероятно, это не ошибка типографии, а отражение колебаний авторов в датировке изображений.

[21] Ранее изданы две книги: А. И. Мартынов. Лодки — в страну предков. Кемерово, 1966; его же. Эхо веков. Кемерово, 1970.

[22] А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 38, рис. 11.

[23] А. П. Окладников и В. Д. Запорожская. Писаницы Забайкалья, 1—2. Л., 1969—1970.

гах помещено свыше 200 таблиц с копиями изображений, обнаруженных в 100 с лишним пунктах по Селенге, Уде, Джиде, в районе Кяхты, Бичуды и Читы. Таблицы сопровождаются планами памятников, подробными описаниями рисунков и большой исследовательской частью.

Еще в предварительных сообщениях о забайкальских писаницах А. П. Окладников ссылался на несколько бронзовых ножей из Центральной Азии, на которых с помощью литья изображены такие же фигурки людей и птиц, как и на петроглифах. Это, бесспорно, важный момент для определения даты писаниц. К сожалению, все ножи — лишь случайные находки. Датировать их можно только путем тщательного типологического анализа многочисленных бронзовых ножей Сибири и прилегающих районов. Такая работа А. П. Окладниковым не проделана. Он просто называет ножи карасукскими и на этом основании относит возникновение писаниц к середине II тысячелетия до н. э. (ч. 2, стр. 167). Авторитетные специалисты по археологии Сибири (Л. Р. Кызласов и др.) считают подобные ножи не карасукскими, а тагарскими и датируют их VII—VI вв. до н. э.— т. е. на тысячу лет моложе, чем А. П. Окладников. В любом случае сравнение с бронзовыми ножами определяет лишь нижнюю хронологическую грань писаниц. Вопрос о верхней грани остается непроясненным. А. П. Окладников упоминает о мотивах бурятских узоров, совершенно сходных с фигурами птиц на писаницах, об изображениях «оградок» на скалах в средневековье, но и то и другое рассматривает лишь как далекие отголоски искусства, сложившегося в Забайкалье в бронзовом веке. Группу «лесных писаниц» он связывает даже с неолитом. Представляется все же более вероятным, что писаницы Забайкалья — памятники железного века, зародившиеся где-то в его начале и существовавшие на протяжении долгого времени. В частности, мне кажется, что чрезвычайно характерный для писаниц сюжет летящей хищной птицы нельзя не сопоставить с многочисленными изображениями орлов с распростертыми крыльями в литье и резьбе по дереву из памятников скифского времени как в Сибири, так и в южнорусских степях [24].

Разделы, посвященные расшифровке наскальных рисунков, написаны в том же стиле, что и в ранее опубликованных книгах А. П. Окладникова на те же темы. Текст перенасыщен длинными цитатами из работ по этнографии самых разных народов. Иногда эти этнографические параллели интересны, но чаще кажутся слишком далекими. Искусство и обрядность скотоводческих племен Центральной Азии сопоставляются здесь с культами земледельческих народов Европы и Кавказа. Особенно странно выглядят данные о почитании креста христианскими народами — грузинами и русскими, привлеченные для объяснения крестовидных фигур на писаницах Забайкалья (ч. 2, стр. 98).

Из мелких замечаний приведу одно: изображение раскрытой руки на скале в Сарбадуе вовсе не «единственное в Центральной Азии» (ч. 2, стр. 163). Такие изображения известны на скале в пади Чулутай Судунгуйского сельсовета в Агинском округе Бурятии и в Бачерет — сомоне в Монголии [25].

В целом публикацию двухтомной книги А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской нельзя не приветствовать. Археологи получили в свое распоряжение большой, интересный, первично классифицированный материал. Но исследование и интерпретация его, как мне представляется, еще впереди.

В 1968 г. в Новосибирске тиражом 30 000 экз. вышла книга А. П. Окладникова «Лики древнего Амура». Это и публикация петроглифов Сакачи-аляна, до сих пор не издававшихся в полном объеме, и научно-популярная книжка [26]. Органически объединить то и другое в один текст, что пытались сделать за последние годы многие наши коллеги, не удалось и на этот раз. Для широкого читателя скучен анализ существенных для специалистов, но слишком частных моментов. Ученым же кажутся непужными сравнение Хабаровска с Римом (стр. 8), название главы «Дети солнца — тайна происхождения петроглифов Сакачи-аляна» или рассказ о рисунке, принятом сперва за изображение ладьи, потом за тигра с «ощущением коварства и жажды крови», а на деле оказавшемся «великолепно обрисованным реалистически выполненным лосем» (стр. 14). Главное же, для археолога недостаточно сообщенных о памятнике сведений, чтобы составить о нем ясное представление. Копии рисунков и описание их отнесены в приложение в конце книги, но здесь нет плана памятника и данных о со-

---

[24] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, 2. СПб., 1889, рис. 85; С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, рис. 170, табл. XXXIII; его же. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, рис. 37, 145, табл. LI, XCVII, CXIX; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 30.

[25] Lumir Jisl et Namsarai Ser—od—jave. Récentes découvertes de gravures et peintures rupestres, d'habitats, nécropoles et monuments turcs en la République Populaier de Mongolie. «Archeologické rozhledy», XVIII. Praha, 1966, 1, рис. 26. Рисунок скалы с изображениями в пади Чулутай, выполненный в 1949 г. П. Г. Бадажановым, хранится в архиве П. П. Хороших в Иркутске.

[26] А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи-аляна. Новосибирск, 1968.

отношении одной гравировки с другой. А это весьма важно. В Сакачи-аляне есть, например, камень, на котором с двух сторон вырезано по личине. Это как бы Янус, что находит параллели в других произведениях первобытного искусства из Сибири. В книге каждая личина описана порознь, а янусовидность камня не отмечена.

В 1971 г. в Ленинграде вышла другая книга А. П. Окладникова о петроглифах Амура [27]. В ней повторены материалы по Сакачи-аляну и добавлено описание других наскальных рисунков — в Шереметьеве, на р. Кие, у с. Калиновки и стойбище Май. Альбом в конце книги содержит 197 таблиц. Описания более подробны, но многого не хватает и тут. Около большинства петроглифов открыты культурные слои, но что там найдено при раскопках, неясно. На стр. 85 упомянуты личины на черепках со стоянки у Сакачи-аляна. Воспроизведения их в книге нет. Между тем на этой находке и на одном кремневом предмете из слоя у Сакачи-аляна базируется датировка петроглифов. Это двустороннеобработанное изделие А. П. Окладников считает мезолитическим и видит в нем изображение птицы. На этом основании фигуры птиц и зверей на камнях Сакачи-аляна и Шереметьева автор считает мезолитическими (стр. 86—87). Искусство амурских петроглифов зарождается якобы 12 тысяч лет назад и существует в близких формах до I тысячелетия н. э. (стр. 89 — личины в Калиновке). Нигде в мире мы не знаем однородных петроглифов со столь широким хронологическим охватом.

Интерпретируя амурские петроглифы, состоящие в основном из личин-масок и резко отличающиеся от остальных наскальных рисунков СССР, А. П. Окладников связывает их с кругом океанических культур и вспоминает в этой связи изображения на камне во Вьетнаме, на Маркизских островах и даже в Австралии. С другой стороны, он видит некоторое сходство этих петроглифов с личинами минусинских стел окуневской культуры. Первая линия сопоставлений представляется верной. Я бы добавил к списку аналогий и личины, вырезанные на камнях у форта Врангеля и Ситки на Аляске, особенно похожие на сакачи-алянские [28]. Вторая группа сопоставлений убеждает меньше. Сходство с минусинскими личинами не очень велико, и никаких других параллелей в материальной культуре народов Приамурья и Минусинской котловины указать нельзя. Прав А. П. Окладников, когда сам противопоставляет два мира культур — таежных охотников и ранних скотоводов Сибири — рыболовам и ранним земледельцам Приамурья.

Две книги о петроглифах Амура познакомили археологов с большим и важным материалом. К сожалению, как и в других книгах А. П. Окладникова о писаницах, аргументация ряда положений, прежде всего абсолютных дат, выглядит малоубедительной.

Десятая книга о наскальных рисунках издана Н. Н. Диковым и посвящена петроглифам Пегтымеля, недавно обнаруженным на Чукотке [29]. Ученик А. П. Окладникова явно подражает его «Ликам древнего Амура». Книга написана в расчете на широкого читателя, названа «Наскальные загадки», в ней много красивых слов, восклицаний и вопрошений. Описание материала дано петитом в приложении. Поскольку речь идет о совершенно новой для нас разновидности петроглифов, о круге культур, слабо освещенном в русской археологической литературе, такой тип издания кажется не самым удачным.

Выбитые на скалах силуэты оленей, охотников на лодках, странные антропоморфные фигуры с грибовидными головами Н. Н. Диков относит к периоду с I тысячелетия до н.э. по I тысячелетие н.э. (стр. 36, 47). Основание — то, что на рисунках еще не отражено оленеводство, а морская охота возникла в I тысячелетии до н. э. (откуда это известно, не объясняется). Около петроглифов выявлены скопления культурных остатков и проведены раскопки. Описаны их результаты и собранные вещи предельно кратко. Непонятно, почему груда оленьих рогов у скал расценивается не как жертвенное место, а как погребение, хотя никаких костей человека тут не найдено (стр. 38). Находка у другой группы рисунков костяных панцирных пластин и полученная методом C^{14} дата этого памятника — 1460 ± 70 указывает на почитание петроглифов, а вероятно, и на создание их в относительно позднее время.

Недостатком публикации надо признать отсутствие каких-либо сведений о технике копирования рисунков. Неубедительным кажется предположение, что на скалах изображен загадочный «крылатый предмет», и это изображение разъясняет его назначение (стр. 41). Небрежно написанный вводный абзац на стр. 5 может создать у читателя ошибочное впечатление, что в Сибири есть наскальные изображения мамонтов и шерстистых носорогов, а Бесовы следки находятся на Онежском озере. Интересная увязка фигур с грибовидными головами с изготовлением одурманивающего напитка из мухоморов (стр. 24—26) подкреплена ссылками на этнографию Центральной Америки и популярную книжку психиатора В. Леви. Пожалуй, более уместны

---

[27] А. П. Окладников. Петроглифы нижнего Амура. Л., 1971.

[28] A. P. Niblack. The Coast Indians of Southern Alaska and Northern Britsh Columbia. «Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution». Washington, 1890, табл. XX, *76*, *78*, рис. 279, 296.

[29] Н. Н. Диков. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971.

здесь были бы ссылки на работы об отношении к грибам в Азии в связи с получением из них знаменитой сомы [30].

Петроглифы Пегтымеля — интересный памятник, по-новому освещающий культуру древних обитателей крайнего Северо-Востока нашей страны. Хорошо, что Н. Н. Диков посвятил этому памятнику специальную книгу, способную привлечь внимание и широкой аудитории. Все же было бы лучше, если бы он подготовил строго научную публикацию, четче описал материал, тщательнее аргументировал свои сопоставления и выводы.

Подводя итоги нашего обзора, мы можем сказать, что за 1968—1972 гг. советские археологи ввели в научный оборот огромный материал по наскальным рисункам, впервые обобщили данные о петроглифах Армении, Урала, Забайкалья, Амура, описали новые важные памятники — Залавругу II, Пегтымель. В книгах содержится немало ценных наблюдений, проясняющих проблемы датировки и семантики петроглифов. В то же время рецензируемые издания показывают, как много вопросов, связанных с этими сложнейшими источниками, остаются нерешенными, как много нам еще предстоит сделать.

А. А. Формозов

---

[30] Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров. Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере сомы. «Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам». Тарту, 1970, стр. 40—46.

О принципах датировки наскальных изображений

По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР». М., «Наука», 1969, 235 стр. с илл.

«Очерки» А. А. Формозова — первая попытка найти общий подход к изучению массового и сложного материала — наскальных изображений, рассеянных на обширной территории и исчисляемых сотнями тысяч. Возможность и плодотворность такого подхода вряд ли требуют дополнительного обоснования.

Работа А. А. Формозова имеет и другой аспект, в связи с которым написана предлагаемая статья. Уже сама возможность появления подобного исследования означает окончание «периода первоначального накопления» в изучении наскальных изображений. Накоплено достаточно много материала, чтобы превратить петроглифы в полноценный исторический источник, а результаты их исследования — из гипотетических в точные. Естественно, что первым шагом на этом пути должно быть отфильтровывание фактов от гипотез, хотя бы и правдоподобных, и систематизация фактов. Поэтому совершенно прав А. А. Формозов, отказывая в неприкосновенности тем положениям, которые не основаны полностью на источниковедческих данных и считаются несомненными потому, что стали привычными.

Обсуждение здесь не должно носить полемического характера, поскольку речь идет не о критике концепций, возникших в результате обследования тех или иных местонахождений петроглифов, а о том, какие звенья этих концепций не зависят от способов интерпретации и могут считаться твердыми опорными точками для дальнейшей работы. Ниже рассматриваются некоторые частные вопросы выбора таких опорных точек применительно к петроглифам Сибири. При этом использованы помимо опубликованных изображений материалы Красноярской экспедиции по петроглифам Енисея.

Одна из основных проблем в исследовании наскальных изображений — их датировка. Далеко не праздным оказывается нелепый на первый взгляд вопрос: что именно датирует в том или ином случае исследователь?

Если говорить о Сибири, то нужно в первую очередь обратиться к работам А. П. Окладникова.

Хронология большого пласта изображений устанавливается по аналогии с неолитическими костяными статуэтками [1]. Сначала проводится сопоставление статуэток из Базаихи с отдельными фигурами лосей на писаницах, которые и представляют далее неолитический слой петроглифов. Поскольку каждая фигура датируется индивидуально, они объединяют иногда разнообразные приемы трактовки образа животного и не образуют определенного типа, благодаря чему с ними можно сопоставить уже практически любое изображение лося (рис. 1) [2]. Таким образом, в данном случае предлагается датировка отдельных конкретных фигур при аморфности класса, ими представляемого.

---

[1] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.— Л., 1950; стр. 283; его же. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 48—49; его же. Петроглифы Ангары. М.— Л., 1966, стр. 119; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.— Л., 1959, стр. 91.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 283.

Следующая, более поздняя группа, выделенная А. П. Окладниковым,— «обтекаемые» лоси — характеризуется плавной линией контура и отсутствием детализации [3]. Следовательно, здесь мы имеем дело с датировкой общей стилистической тенденции. При желании сюда можно было бы отнести и шишкинское изображение лося (рис. 1, *б*), которое А. П. Окладников считает более древним.

К эпохе бронзы отнесены лодки, «хороводы» человечков и отдельные антропоморфные фигуры, объединенные миниатюрными размерами и схематичностью трактовки [4]. На этот раз по существу датируется группа сюжетов.

Число примеров, иллюстрирующих разнобой в принципах датировки не только у А. П. Окладникова, но и у других исследователей можно увеличивать почти безгранично. Не избежал этого и А. А. Формозов, хотя от обобщающей работы естественно ожидать некоторой интеграции методики датировки.

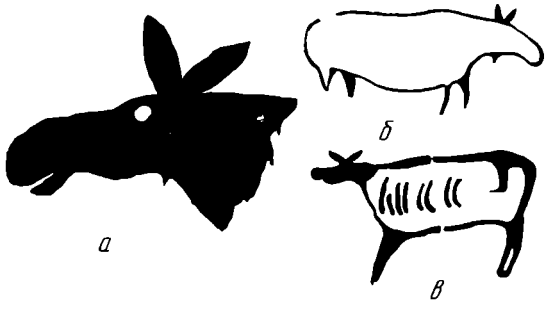


Рис. 1. Шишкинские изображения

Рассматривая фигурку лыжника со Второго Каменного острова Ангары А. А. Формозов датирует изображение и одновременно сюжет II тысячелетием до н. э. (стр. 103—104) по аналогии с бронзовой скульптурой лыжника и лошади на навершии бронзового ножа из Ростовкинского могильника под Омском. Если учесть, что на навершии из Ростовки речь идет о конно-лыжном транспорте [5], а на скале не изображен, видимо, реальный человек, сюжет оказывается весьма обобщенным. Нет оснований считать, что он не мог дожить, например, до железного века, и наличие подобного лыжника в Залавруге не снижает, а, скорее, увеличивает такую возможность.

Сравнивая же наскальные изображения Енисея и Ангары с гравировками из могильника Черновая VIII, А. А. Формозов считает датирующим признаком черту, отделяющую голову животного от туловища (стр. 102). Иными словами, датируется отдельный изобразительный прием.

Таким образом, какую-либо систему в выборе признаков, объединяющих датируемые группы петроглифов, какое-либо подобие единого методического подхода к датировке подметить не удается. Скудость сведений о хронологии наскальных изображений заставляет датировать все, что кажется возможным. Здесь страшен, разумеется, не сам факт отсутствия системы, а то, что выбор датирующих признаков произволен и любые изменения в подходе к датировке приводят к перестройке всей хронологической схемы. К сожалению также, выделенные слои часто бывают аморфны, т. е. нет четких критериев, по которым наугад взятое изображение можно было бы зачислить или не зачислить в данную группу.

Некоторого улучшения положения можно ожидать от постепенной разработки для отдельных районов систематики петроглифов, отражающей хронологию. Но возможности такой систематики ограничены. Например, вряд ли можно рассчитывать на периодизацию изображений лодок ангаро-енисейской группы. Поэтому целесообразно попытаться построить хронологическую схему так, чтобы ее уточнение не означало полную перестройку и тем самым несколько оградить извлекаемую историческую информацию от источниковедческих неурядиц.

Основной принцип археологической датировки стратиграфический. Естественна поэтому тенденция исследователей наскальных изображений также пойти по линии построения стратиграфических колонок. Но при этом, вследствие отсутствия первичной стратиграфии построение оказывается невозможным без привлечения разнообразных косвенных данных, общеисторических соображений, далеких археологических параллелей и просто догадок. Источниковедение становится гипотетическим, попадает в зависимость от интерпретации и по сути перестает быть источниковедением.

Отсюда возникают два вопроса, которые практически решают судьбу петроглифов как исторического источника: содержат ли наскальные изображения сами по себе надежную хронографическую информацию и нужны ли здесь вообще точно такие же стратиграфические колонки, как для обычного археологического материала.

Здесь за основу берется принадлежность к одной изобразительной традиции. Группу петроглифов, «одинаковых» или «почти одинаковых», т. е. объединенных общим набором изобразительных приемов, справедливо относить к одной традиции, непрерывной во времени. Если же в пределах традиции удается выделить серии фигур, совпадающих еще и по специфическим приемам выбивки, то эти фигуры можно рассматривать как синхронные. Не приходится, например, сомневаться в синхронности серии личин из урочища Мугур-сарыс-холь в Туве (стр. 104), объединенных не только общими изобразительными приемами, но и одинаковой фактурой выбитой поверхности, совпадением формы и размеров следов отдельных ударов инструмента.

[3] А. П. Окладников. Петроглифы Ангары, стр. 124—125.
[4] Там же, стр. 129—132.
[5] Конный лыжник из бронзового века. «Наука и жизнь», 1968, 9, стр. 33.

Однако задача выделения синхронных групп допускает такое сравнительно простое решение лишь до тех пор, пока речь идет о малом географическом районе, культурное единство которого очевидно. Если же исследование проводится на межрегиональном уровне, вопрос сразу усложняется. За примером снова обратимся к работе А. А. Формозова, поскольку в ней практически впервые помимо перечисления аналогий сделаны попытки логического обоснования межрегиональных сопоставлений.

Сравнивая маски из Мугур-сырыс-холь с минусинскими личинами, А. А. Формозов (стр. 104) сначала применяет осторожный оборот «принадлежность к окуневскому кругу», но уже 10 строчками ниже, говоря об изображениях быка, козла и колесниц, пишет, что их «тоже надо считать окуневскими». Заметим, что в этих изображениях отсутствуют именно те черты, которые выделяют окуневские рисунки среди прочих фигур Минусинской котловины — «третий глаз» зональный принцип орнаментации личин, направленные вперед вилообразные рога идущих быков, техника гравировки и некоторые другие.

Не менее важно, что подобные личины имеются и в низовьях Амура, около Секачи-Аляна. А. П. Окладников в числе иных аналогий называет и окуневские [6]. Действительно, часть личин обнаруживает сходство с минусинскими не меньшее, чем тувинские маски. Встречаются на амурских личинах и скобки — татуировка на щеках (рис. 2), которым уделяет внимание А. А. Формозов (стр. 104).

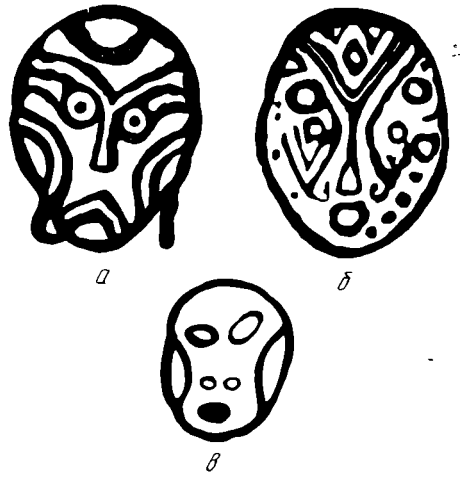


Рис. 2. Личины из Секачи-Аляна

Если сходство между всеми этими личинами не конвергентно, что, вообще говоря, возможно, то мы имеем здесь дело с распространением отдельных мотивов на огромные расстояния. Поскольку ничего неизвестно о возможных сроках и путях такого распространения, нет никаких оснований считать все перечисленные личины синхронными и ограниченными во времени периодом существования окуневской культуры.

Таким образом, при сопоставлении петроглифов с различных территорий требуется особая осторожность. Необходима уверенность не только в том, что общность не конвергентна, но и в том, что передача информации от района к району носила непосредственный и кратковременный, в масштабах истории, характер.

Попытаемся привести пример надежной синхронизации. При этом, понятно, речь может идти только о сериях изображений. Выясним возможна ли идентификация отдельных типов фигур для Ангары и Енисея.

Самый распространенный на Ангаре сюжет — лоси. Возьмем для начала серию изображений, одностильность которых не вызывает сомнений при любом подходе к классификации и понятию стиля. Такую серию дают, например, две известные многофигурные писаницы Ангары, со Второго Каменного острова и с Сухой Бали [7].

Перечислим основные особенности рисунков: лоси показаны идущими направо и немного вверх, изображены все четыре ноги, они расставлены и по длине близки ногам реального лося (немного менее длины туловища), копыта иногда изображены с развилками, подчеркнута массивность передней части корпуса (профиль порой почти треугольный), рога отсутствуют, голова иногда гипертрофированных размеров (до половины длины туловища, а у реального лося — около четверти), подчеркнут «горб» показана серьга, пасть раскрыта, причем размеры ее иногда гипертрофированы, верхняя губа нависает над нижней, акцентирована горбоносость (рис. 3).

Не у каждой фигуры этих двух писаниц присутствуют одновременно все перечисленные 14 признаков, но ни одна полная фигура не насчитывает их менее 10. Приняв такое отношение за эталон, получаем критерий, позволяющий для любой фигуры лося установить сходство или несходство с изображениями данной группы. Несмотря на условность количества признаков (при несколько ином выборе необходимое соотношение могло бы оказаться не 10 из 14, а, например, 15 из 20), этот критерий объективен, поскольку отражает допустимый разнобой изобразительных приемов в пределах локального во времени и пространстве варианта разработки образа лося. В пределах обычной точности сибирских датировок, семантическое единство и синхронность подавляющего большинства фигур обеих писаниц несомненны.

Всего в выделенную группу попадает примерно 40 фигур с Ангары и еще почти столько же неполных фигур, которые, не насчитывая необходимых 10 признаков, все же не противоречат требованиям критерия. Если расширить на единицу пропускную способность критерия, число полных фигур возрастает более чем на два десятка. Такая расширенная группа включает большинство реалистических изображений лосей Ангары.

---

[6] А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, стр. 71—76.
[7] А. П. Окладников. Петроглифы Ангары, табл. 65 и 130.

Статуэтка лося из Базаихи [8] обладает девятью признаками (из 13, а не из 14, поскольку направление для нее указать невозможно). Этого вполне достаточно для идентификации. Преемственность изобразительных приемов очевидна: следовательно, перед нами изобразительная традиция. Может ли она относиться к одной эпохе? Против этого свидетельствует, прежде всего большое количество относящихся к ней фигур, которые к тому же в некоторых случаях неоднократно подновлялись [9]. Во-вторых, известная нестандартность изобразительных приемов. И наконец, разнообразна техника нанесения фигур: здесь и прорисовки охрой, и протирка, просто выбивка и выбивка с прошлифовкой. Во всяком случае оснований для синхронизации нет.

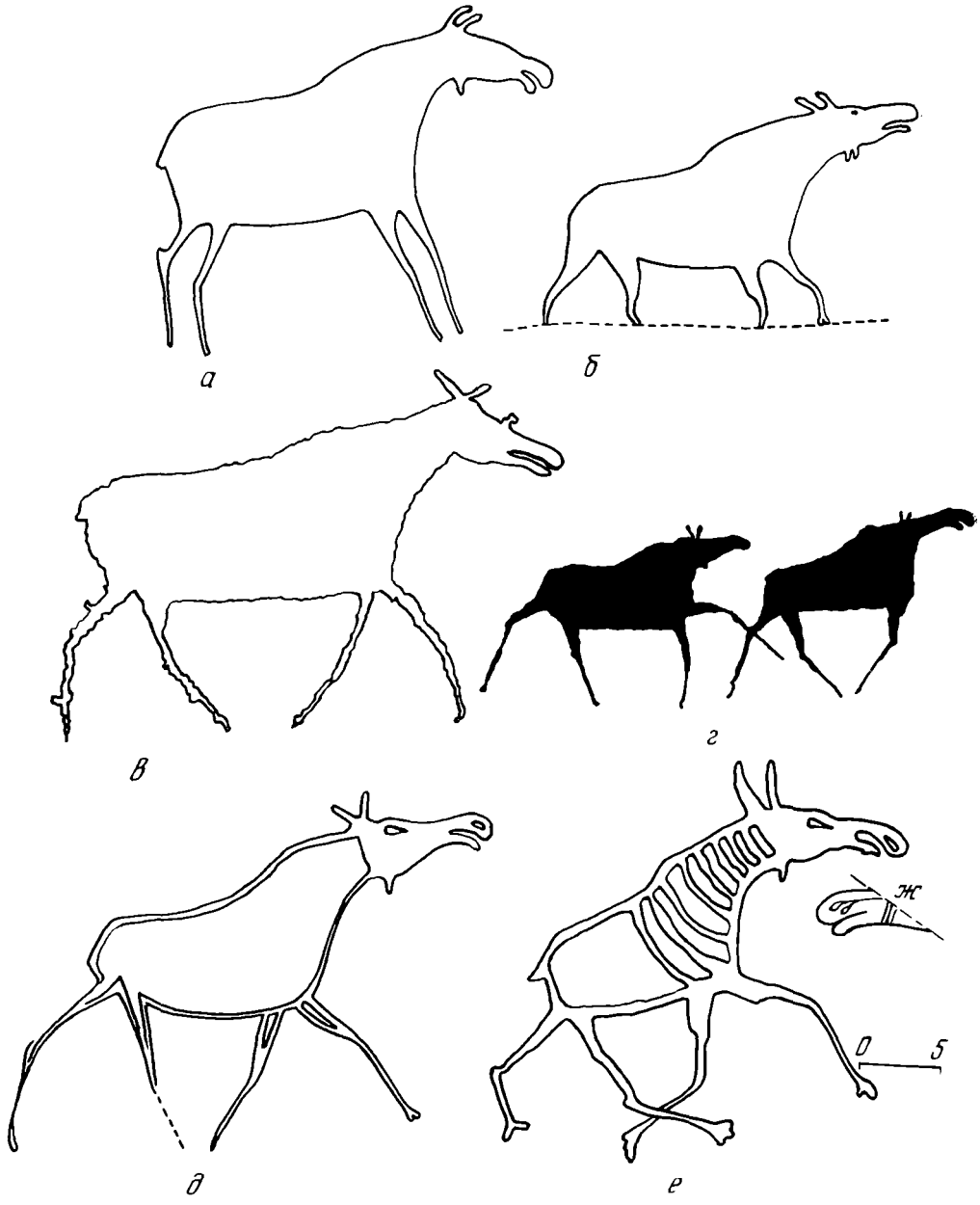


Рис. 3. Лоси ангарской традиции (*а — е*) и фрагмент гравировки из окуневского могильника (*ж*)

а, б — Ангара; *в* — Енисей, Третий лог; *г* — Шалаболино; *д, е* — Томь; *ж* — Черновая VIII

Выясним теперь географические пределы распространения этой традиции.

В Шишкино приведенному выше перечню признаков не противоречит лишь одно изображение (рис. 1, *а*), остальные же фигуры, отнесенные А. П. Окладниковым к неолиту, необходимой степени сходства не обнаруживают. Например, из двух рисунков (рис. 1, *б*, *в*) ни один не набирает более семи признаков, благодаря чему они и чисто зрительно не похожи на ангарских лосей и статуэтку из Базаихи. Следовательно, в Шишкино подобных изображений практически нет.

[8] А. П. Окладников. Шишкинские писаницы, стр. 49; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 282; его же. Петроглифы Ангары, стр. 119.

[9] А. П. Окладников. Петроглифы Ангары, стр. 82.

В Минусинской котловине имеется серия петроглифов, которые укладываются в ангарские каноны (рис. 3). Таких фигур насчитывается несколько десятков, и расположены они в Шалаболино [10], около устья Тубы, на скалах Оглахты и Третьего Лога близ д. Байкалово [11]. Наконец, такие же лоси встречаются на Томи [12].

Не исключено, что эта традиция сложилась не в Минусинской котловине, а в таежных районах, скорее всего в Приангарье, где сосредоточена основная масса подобных изображений, рисунки наиболее стереотипны, и здесь же отмечены случаи неоднократного подновления фигур. Поэтому рассматриваемая традиция может быть названа ангарской.

Можно ли в ее пределах выделить хотя бы небольшую часть фигур, достоверно синхронных? В ангарской традиции иногда встречается весьма своеобразный технический прием, заключающийся в том, что рельеф углубляется постепенно по мере удаления от контура к средним частям изображения, в результате чего создается мягкий пологий рельеф. Прием этот часто сочетается с прошлифовкой, если же ее нет, можно проследить в деталях скрупулезную технику выбивки. У самого контура материал удаляется частыми и слабыми ударами, так что поперечные размеры и глубина выбоинок составляют десятые доли миллиметра. С удалением от линии контура размеры выбоин увеличиваются, выбитая поверхность становится грубее, и глубина достигает нескольких миллиметров. Изобразительный эффект такого приема подробно описан А. П. Окладниковым [13].

Техника пологого рельефа характеризуется узкой сферой применения. Она относится чаще всего только к морде лося, иногда ко всей голове, редко еще и к «горбу». Таким образом, этот прием служит не только изобразительным средством, но и средством выделения головы или головы и «горба» животного. Своеобразие приема, его профессионализм и узкая область применения позволяют считать сочетание этой техники с изобразительными канонами ангарской традиции достаточным для выделения синхронной группы петроглифов. На Ангаре, судя по описанию А. П. Окладникова, имеется около трех десятков подобных фигур [14]. Среди же петроглифов Енисея техника пологого рельефа наблюдается практически у всех изображений ангарской традиции.

Следовательно, художественный расцвет традиции совпадает со временем ее широкого распространения. Синхронизировать этот период можно с заключительным этапом прибайкальского неолита, но пока сугубо ориентировочно, так как нет оснований считать, что похожие традиции изображения лосей в костяной пластике и на скалах существовали одновременно, а не сменили друг друга.

Чрезвычайно интересная особенность петроглифов ангарской традиции на Енисее заключается в том, что к ним относятся не только лоси, но и небольшое количество быков и оленей (рис. 4, *а*). Неприспособленность изобразительных приемов ангарской традиции к этим сюжетам особенно хорошо видна в трактовке головы быка (рис. 4, *а*), где показаны характерные только для лосей выступ на лбу и нависающая верхняя губа. Если учесть, что быки и олени встречаются на скалах Енисея значительно чаще лосей, напрашивается мысль, что в данном случае пришлая традиция ассимилировала излюбленные местные сюжеты. Последнее согласуется со сделанным ранее предположением о месте сложения этой традиции.

Изложенное позволяет предположить, что к моменту появления на Енисее изображений ангарского типа здесь уже должна была существовать собственная традиция, сюжеты которой включали во всяком случае быков и оленей.

Вернемся к грани с Оглахты, о которой только что шла речь (рис. 4, *а*). Если изображения быка, лося и оленя укладываются в нормы ангарской традиции, то фигура лошади, которую перекрывает бык, резко им противоречит. Для ангарской традиции невозможны разворот животного влево, нехарактерны строго горизонтальное размещение, статичность рисунка, трактовка корпуса правильным прямоугольником.

Не менее показательна еще одна группа петроглифов, также с Оглахты (рис. 4, *б*). Здесь мы имеем дело не с простым наслоением, а со случаем переделки изображения. Длинные ноги идущего позади лося перекрывают короткие. Разница в технике и глубине выбивки позволяет восстановить почти полностью [15] исходное изображение, которое было идентично идущей впереди лошади. Более древняя фигура противоречит ангарской традиции, а длинноногий лось, возникший после переделки, в нее укладывается. Следовательно, позднейший из «соавторов» отлично сознавал разницу между обеими фигурами, и мы вправе предполагать семантическое различие между ними, а может быть, и противопоставление. Третий случай пересечения (рис. 4, *в*) пояснений уже не требует.

---

[10] К. В. Вяткина. Шалаболинские наскальные изображения. Сб. МАЭ, 12. М.—Л., 1949, стр. 431, 449, 451, 473.

[11] Отчет Каменского отряда Красноярской экспедиции за 1968 г. Архив ЛОИА, КП 1593.

[12] А. Мартынов. Лодки — в страну предков. Кемерово, 1966, стр. 13, 26—30.

[13] А. П. Окладников. Петроглифы Ангары, стр. 112—113.

[14] Там же, стр. 111—118.

[15] Голова и шея животного прошлифованы, поэтому нельзя сказать, подверглись ли они изменениям.

Приведенных примеров достаточно, чтобы обратить внимание на набор изобразительных приемов, синхронный или более древний, чем распространение ангарского типа на Енисее. Перечислим эти признаки: статичность фигур, строго горизонтальное размещение, возможность и левого, и правого разворота, узкий, почти заостренный профиль головы, показ головы от носа до ушей прямой линией, рот не показан, линия спины — горизонтальная прямая, трактовка туловища правильным прямоугольником, короткие ноги (менее высоты туловища), ноги вертикальны или слегка расставлены, прямой, наклонно направленный хвост.

На Енисее имеется по крайней мере несколько десятков фигур животных, насчитывающих более восьми из перечисленных признаков. Набор изобразительных при-

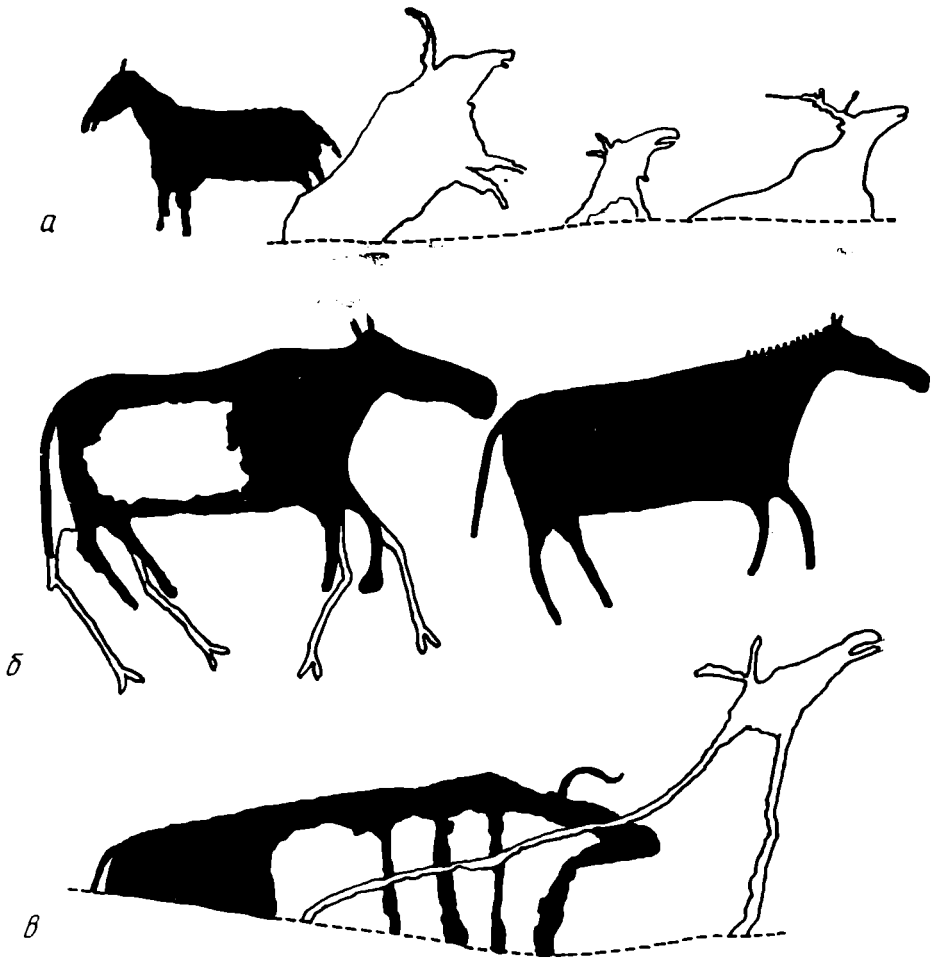


Рис. 4. Пересечение фигур ангарской и минусинской традиций. Оглахты

емов оказывается традиционным для целой группы видов (рис. 5). Встречаются быки, лошади, олени, кабаны, причем наиболее многочисленны быки. Относительное разнообразие видов в этом списке объясняет расширение круга сюжетов ангарской традиции при ее проникновении на Енисей.

Изображения рассматриваемой традиции наносились выбивкой, редко в сочетании с прошлифовкой. Большая часть фигур выбита контуром или по всей поверхности, но бывают случаи выделения головы и шеи сплошной выбивкой и даже трехчастное деление туловища.

Относительно времени существования этой традиции пока можно утверждать лишь, что она сложилась до появления на Енисее ангарской традиции и к этому моменту еще не исчезла, поскольку они вступили в определенное взаимодействие.

Если ангарская традиция может быть названа динамично-реалистической, то рассматриваемая традиция должна быть охарактеризована как статично-геометризованная, причем не лишенная элементов реализма. Больше всего похожи на реальных животных фигуры быков (рис. 5). Олени выглядят грузными и коротконогими, несмотря даже на индивидуальное изящество отдельных рисунков (рис. 5, *в*) и совсем уже беспомощными оказываются эти приемы при попытке изобразить лося (рис. 6, *д*).

Перейдем к вопросу о географическом распространении подобных изображений.

На Ангаре, по публикации А. П. Окладникова, нет ни одной фигуры животного, которая соответствовала бы целиком приведенному выше перечню признаков, т. е. на Ангаре енисейского влияния обнаружить не удается. Можно заметить, что гео-

метрические тенденции вообще чужды Ангаре. Иначе обстоит дело с Шишкино, где имеется очень много фигур с элементами геометризации. Но лишь единственная шишкинская фигура, которая по формальному перечню (восемь признаков) попадает в минусинскую группу — бык, отнесенный А. П. Окладниковым к палеолиту [16]. Меньшее, но все же ощутимое сходство можно подметить еще в нескольких фигурах [17]. Возможны различные гипотезы для объяснения этого сходства, но, по-видимому, ни одну из них не удастся обосновать при столь малой серии изображений. Констатируем, что в Шишкино нет слоя изображений, для которых можно было бы предполагать непосредственную связь с геометризованной традицией Енисея. На Томи, по известным нам публикациям, подобных изображений также нет.

В итоге получается, что традиция, которую мы теперь вправе называть минусинской, не проникала на сопредельные таежные территории и скорее всего принадлежала оседлому населению. Вопрос об автохтонности ее возникновения остается пока открытым. Время возникновения или проникновения в Минусинскую котловину также нельзя пока указать, хотя маловероятно, чтобы оно было древнее начала энеолита.

Оказывается возможным также проследить взаимодействие енисейской традиции с ангарской, которая была носителем своих специфических сюжетов — лосей и групп идущих животных. Таких композиций в Минусинской котловине сравнительно немного, и почти все они расположены на р. Тубе. Как и на Ангаре, звери идут здесь всегда вправо и немного вверх, обязательно присутствуют лоси, причем тип лосей, за редкими исключениями, ангарский (рис. 3, *в*, *г*), а фигуры быков и оленей представляют разнообразные сочетания изобразительных приемов статичной минусинской традиции с динамикой ангарского сюжета, иногда довольно курьезные (рис. 6, *а*—*в*). Не менее курьезными выглядят в таких же сценах попытки, правда чрезвычайно редкие, изобразить лося в геометризованной трактовке (рис. 6, *д*).

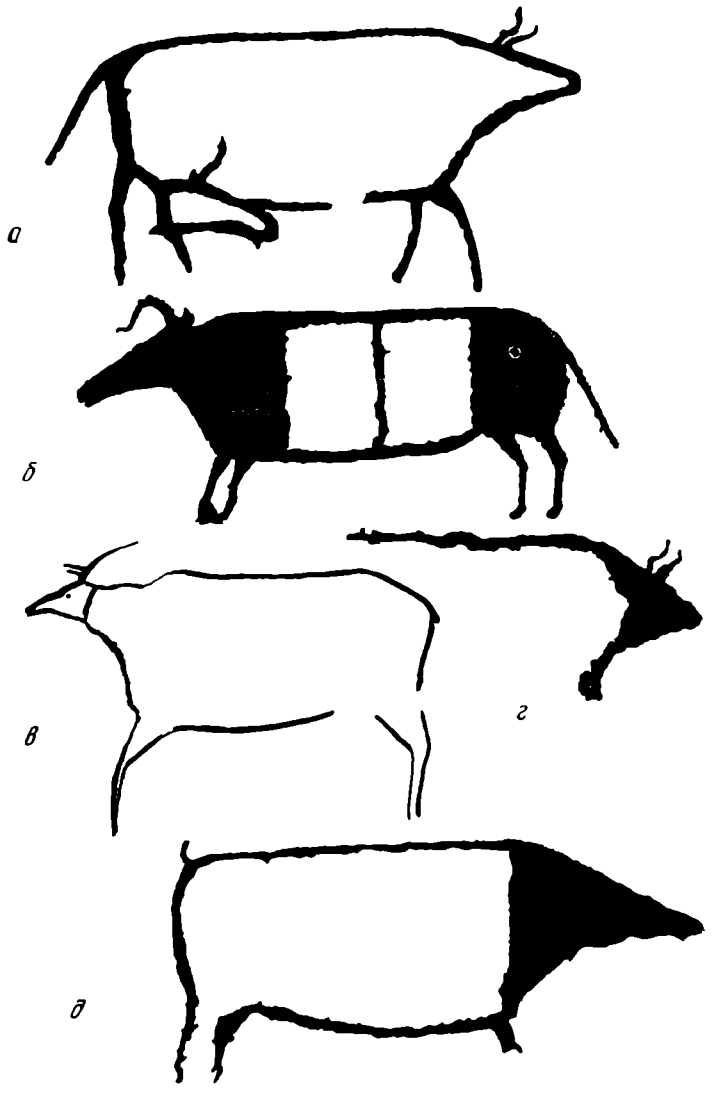


Рис. 5. Фигуры минусинской традиции

а, *в* — Оглахты; *б*, *д* — Тепсей; *г* — Третий лог

Подобные комбинации элементов минусинской и ангарской традиций встречаются не только в групповых сценах, но и в одиночных фигурах, так что в целом они образуют на Енисее достаточно обширную категорию изображений, которые в силу своей эклектичности не обладают устойчивым набором признаков (рис. 6). Эта категория изображений существовала, очевидно, после периода широкого распространения ангарской традиции, т. е. ориентировочно в конце энеолита и в эпоху бронзы по енисейской хронологии. Заметим, что появление эклетичной группы, о которой только что шла речь, не означает обязательного прекращения минусинской традиции в чистом виде.

В изложенном построении имеется всего одна, притом неточная хронологическая привязка. Выясним, какие сведения о датировке рассмотренных писаниц можно извлечь из материалов могильника Черновая VIII, на которые неоднократно ссылается А. А. Формозов (стр. 95, 102, 103, 106, 191, 193, 200, 203, 204, 210). Прежде всего представляют интерес фигуры быков из этого могильника, поскольку их датировка оку-

[16] А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы, № 531.
[17] Там же. № 16. 20, 58, 608, 780.

невским временем не вызывает сомнений и быки — один из самых распространенных сюжетов на скалах Енисея.

Стилистическая специфика быков с окуневских плит состоит в разнообразии приемов трактовки образа. Приводим перечень наиболее показательных особенностей рисунков и число фигур, у которых эти особенности встречаются [18]. Статистика повторяемости стилистических приемов в изображении животных выразилась таким образом: массивное туловище встречено 5 раз; удлиненное туловище при поджарой задней части — 4; короткая массивная шея — 9; вытянутая удлиненная шея — 7; длин-

Рис. 6. Изображения, сочетающие элементы ангарской и минусинской традиций

а, б — Туба; *в* — Оглахты; *г, д* — Третий лог

ные рога (длиннее ног) — 6; заметно укороченные рога — 4; отсутствие рогов — 1; сильно изогнутые вперед рога, почти касающиеся кончика носа — 2; рога с двойным изгибом — 5; показ спины прямой линией — 3; акцентирован «горб» — 4; удлиненная голова (длина ее превышает удвоенную высоту) — 5; укороченная голова (длина не превышает высоты) — 5; показ морды треугольником — 7; морда спереди как бы обрублена — 5; показаны уши — 5; глаз — 6; обозначен рот — 10; раскрыта пасть — 2; длина ног более высоты корпуса — 4; длина ног менее половины высоты корпуса — 4; голова отделена поперечной чертой — 7; продольная линия на туловище — 2; кресты на туловище — 2; «чешуеобразная» разрисовка туловища — 1.

Список этот нет необходимости продолжать дальше, потому что разнородность и даже противоречивость применявшихся приемов уже очевидны. Осматривая плиты, легко убедиться, что нет ни одного изобразительного приема, не говоря уже об их наборе, который был бы обязателен для всех быков. Отсутствует какое-либо подобие канонизации образа животного, обычно характерной для петроглифов.

Разумеется, нельзя сказать, что изображения окуневской серии быков не имеют между собой ничего общего. Однако общность эта чисто художественная. Их объединяют чуткость и подвижность линии, динамика и индивидуальная выразительность каждого рисунка. Иначе говоря, окуневские мастера были хорошими рисовальщиками в современном смысле слова. Но никакого изобразительного стандарта в данном случае не было.

В связи с последним обстоятельством логически возможны и взаимно исключают друг друга два предположения: 1) окуневское искусство самобытно, каждое изображение есть новое, оригинальное решение образа, традиционных приемов не было; 2) традиционные приемы существовали, но правила их сочетания были утрачены, окуневское искусство эклектично. Если верно первое предположение, то фигуры с плит Черновой VIII должны быть обособлены от прочих петроглифов Минусинской котловины, если верно второе, можно надеяться хотя бы часть особенностей окуневских рисунков встретить на скалах Енисея.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют в пользу второй гипотезы. Приводим несколько фигур, для которых имеет место совпадение изобра-

[18] Подсчеты проведены на 16 фигурах быков, в том числе и неполных с плит, хранящихся в Эрмитаже. Наиболее подробная их публикация (13 фигур) см. Н. В. Леонтьев. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII. Сб. «Сибирь и ее соседи в древности». Новосибирск. 1970, стр. 266—267.

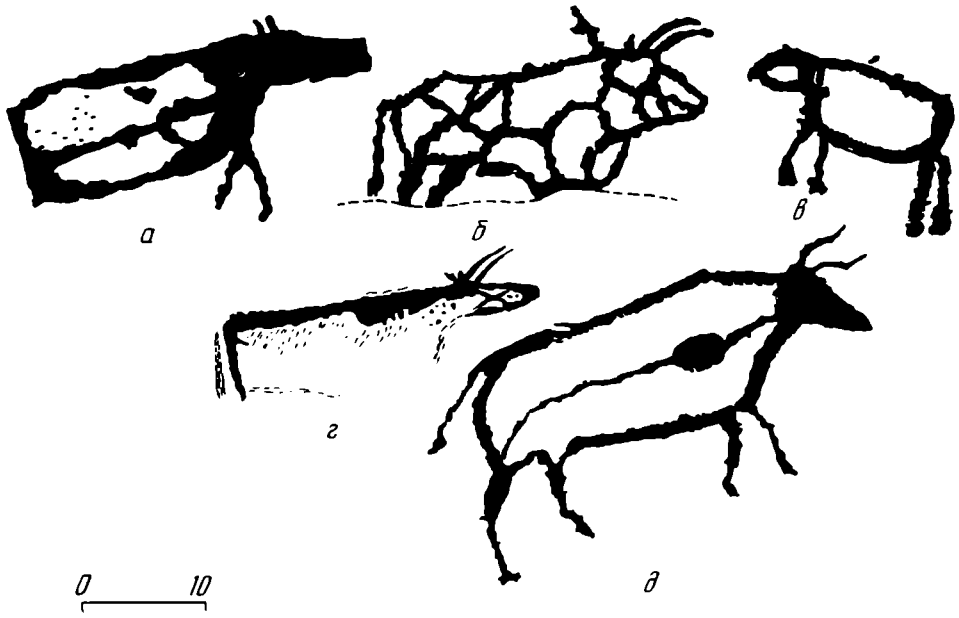


Рис. 7. Фигуры, совпадающие по отдельным изобразительным приемам с окуневскими гравировками

а, б, в — Третий лог; *г, д* — Туба

зительных приемов с окуневскими (рис. 7). Следовательно, между окуневскими изображениями и петроглифами Енисея существует некоторая связь. Отсюда, конечно, не вытекает, что все эти фигуры и им подобные — окуневские.

Подводим итог: никакого специально окуневского типа (традиции) изображения животных нет. Поэтому прямое сопоставление и констатация факта сходства с одной или несколькими из окуневских фигур не дает оснований для датировки этим временем каких-либо петроглифов и тем более для отнесения их к окуневской культуре.

Однако изображения животных могильника Черновая VIII, если удастся установить их связь с уже выделенными категориями петроглифов, могут быть использованы косвенным путем для получения сведений о датировке наскальных изображений.

Такая связь обнаруживается с ангарской традицией, часть изобразительных приемов которой встречается в окуневских фигурах. Сюда относятся: массивная передняя часть туловища при поджарой задней части, сильно преувеличенные размеры выступа спины в районе лопаток («горб»), широко расставленные ноги идущего животного, преувеличенные размеры головы, удлиненная форма головы, удлиненная шея, трактовка кончиков ног развилками (на изображении фантастического зверя), направление движения вправо — вверх (там же). Существенно, что большинство перечисленных особенностей противоречит облику реального быка.

На той же плите, что и «зверь-божество из Хакасии» [19], имеется изображение быка, у которого показан гипертрофированный горб. Известен также фрагмент морды лося из могильника Черновая VIII [20], выполненной приемами ангарской традиции (рис. 3, *ж*).

Особенно наглядный результат дает сопоставление силуэтов лосей ангарской традиции, фантастического зверя и одного из быков с плит Черновой VIII, если отбросить фантастические детали и видовые признаки (рис. 8). В число сравниваемых фигур включен также зверь с эстампажа А. В. Адрианова [21] (рис. 8, *в*). Хотя датировка этого изображения окуневским временем отнюдь не бесспорна, соответствующий набор изобразительных приемов тогда уже, очевидно, существовал. Видно, что основой всех этих фигур является характерный контур лося ангарской традиции [22].

---

[19] Э. Б. Вадецкая. Изображения зверя-божества из Хакасии. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 174.

[20] Н. В. Леонтьев. Ук. соч., стр. 267.

[21] М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния минусинских степей. «Материалы по этнографии», IV, 2. Л., 1929, стр. 81; Э. Б. Вадецкая. Ук. соч., стр. 175.

[22] Не менее наглядно совмещение в подходящем масштабе лосей и фантастических зверей. Этот эксперимент впервые был сделан Я. А. Шером, но, к сожалению, не опубликован.

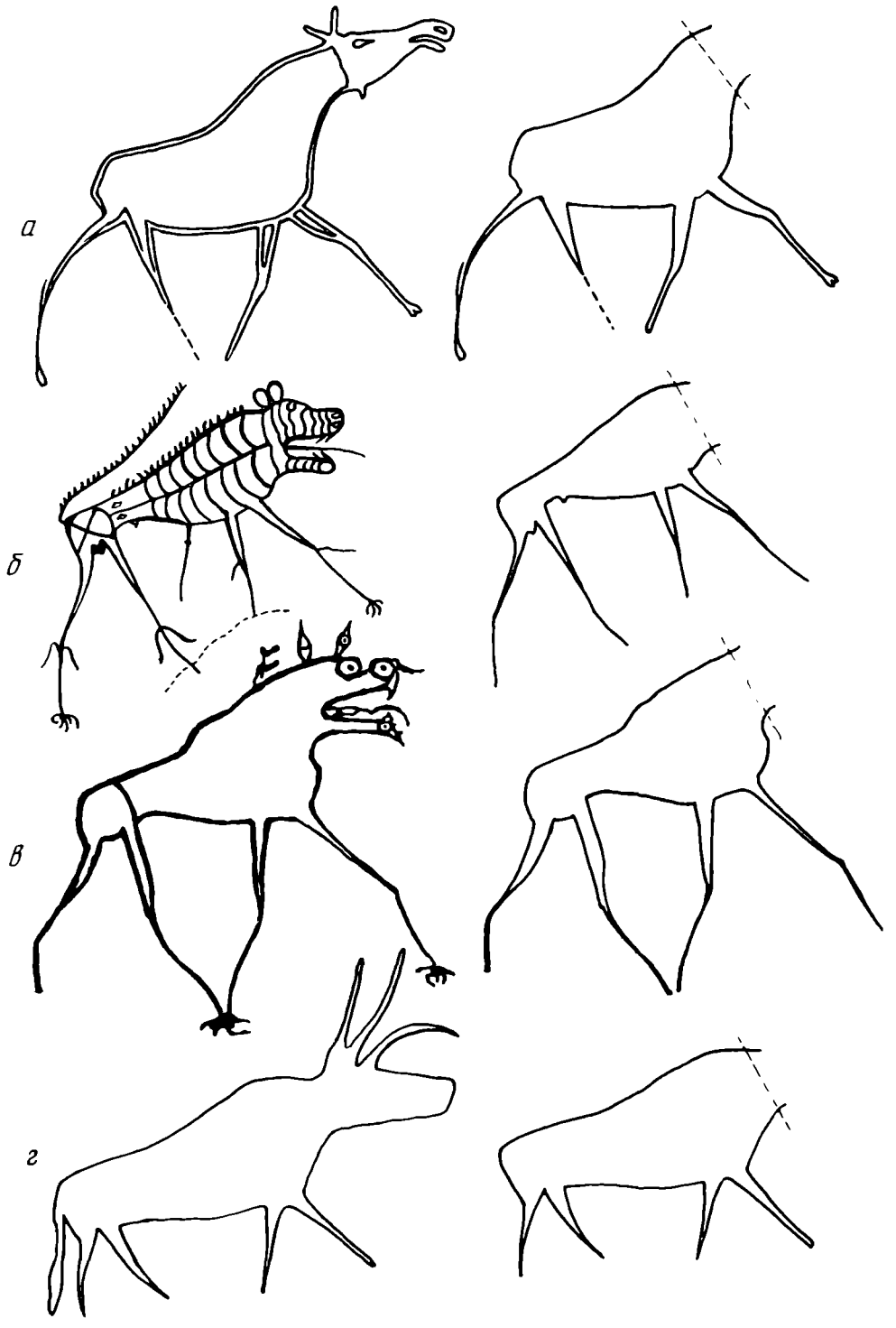


Рис. 8. Сопоставление изобразительных приемов ангарской традиции с окуневскими

а — Томь; *б* — Черновая VIII; *в* — зверь с эстампажа А. В. Адрианова; *г* — Черновая VIII

Любопытно, что наиболее точное совпадение окуневских изображений с фигурами лосей имеет место для Томских писаниц.

Независимо от того, где и при каких обстоятельствах в окуневское искусство проникли черты ангарской традиции, гравировки с Черновой не могут быть древнее времени ее широкого распространения. Таким образом, получаем косвенное подтверждение имевшейся ориентировочной датировки периода расцвета ангарской традиции — энеолит Енисея или соответственно заключительный этап неолита по прибайкальской хронологии.

Здесь был рассмотрен всего лишь один эпизод проблемы датировки петроглифов Сибири, но изложенное позволяет сформулировать некоторые выводы методического характера.

Традицией, непрерывной во времени, может считаться группа петроглифов, объединенная общностью сюжетов и специфическим набором изобразительных приемов и имеющая четкие географические границы. Для выделения синхронных групп необходимо совпадение набора изобразительных приемов и особенностей техники нанесения изображений, при условии географической локальности их сочетания. Во всех случаях, за редчайшими исключениями, имеет смысл говорить о датировке лишь серий петрографов, но не отдельных фигур.

Таким образом, источниковедческий анализ позволяет получить достаточно надежные сведения о хронологии петроглифов, но эти данные носят однобокий характер, состоят в лучшем случае в констатации фактов синхронности и почти не содержат стратиграфических соотношений. Кроме того, для наскальных изображений совсем не действует принцип вытеснения, т. е. появление новых типов не означает автоматического прекращения старой традиции.

Поэтому всякая попытка завершить источниковедческую работу построением типа стратиграфической колонки и точной датировкой слоев заведомо означает перемешивание фактических сведений с догадками.

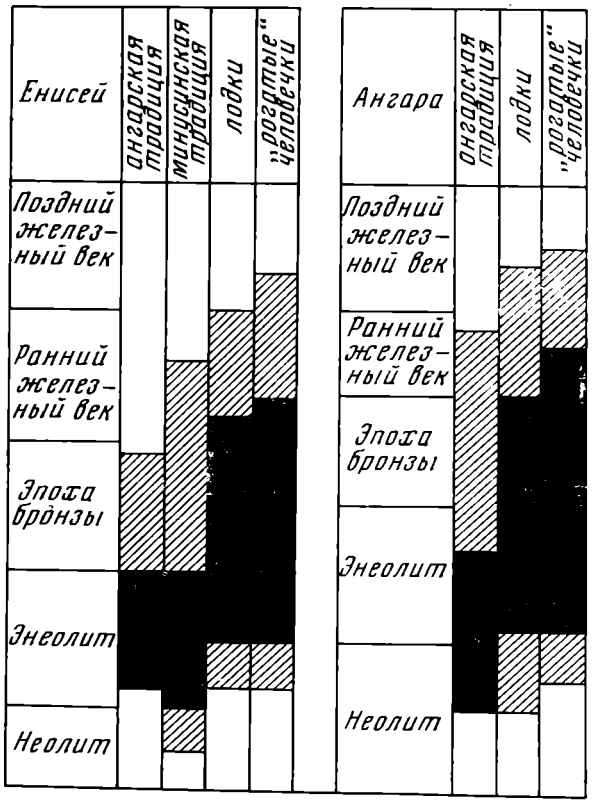


Рис. 9. Примерный вид синхронизационной диаграммы для некоторых сюжетов Ангары и Енисея

Сплошная заливка означает существование сюжета или традиции в соответствующий период, штриховка — возможность существования, белые участки — отсутствие фигур данной группы

Результаты первичного исследования петроглифов должны по необходимости, ограничиваться приближенной синхронизационной таблицей или диаграммой, один из возможных вариантов которой показан на рис. 9. Сплошной заливкой отмечены периоды, где данная традиция (сюжет) наверняка существовала, штриховкой — где существование возможно, но не доказано, белыми оставлены участки, где соответствующих изображений нет. Появление новых материалов может приводить к сокращению заштрихованных участков, но не потребует перестройки всей схемы.

С точки зрения последующей исторической интерпретации такая приближенная схема может быть иногда вполне достаточной, поскольку в конечном итоге важно установить, лишь какой круг представлений о мире находил отражение в наскальных изображениях в ту или иную эпоху.

Н. Л. Подольский

А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966, 70 стр., тираж 500 экз. **А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья.** М., 1969, 396 стр., тираж 1850 экз.

За последние годы А. Х. Халиковым опубликованы две работы, в которых подведены итоги изучения бронзового века Среднего Поволжья. В одной из них («Древняя история Среднего Поволжья») культуры энеолита и бронзового века рассмотрены на широком хронологическом фоне, другая же («Пепкинский курган») посвящена лишь характеристике абашевской культуры эпохи поздней бронзы, которая не была освещена в упоминавшейся обобщающей работе.

Концепция А. Х. Халикова складывалась постепенно на основе широкого научного поиска, включающего многолетние планомерные раскопки и разведки, тщательное изучение музейных коллекций, относящихся не только к территории Среднего Поволжья, аналитический подход к уже имеющемуся по тому или иному вопросу научному наследию.

Монография «Древняя история Среднего Поволжья» состоит из трех частей и заключения. В первой части рассмотрены памятники каменного века, во второй — энеолита и бронзового века, в третьей выясняются вопросы развития хозяйства и общественных отношений. Поскольку в рецензии мы не будем касаться разделов, посвященных каменному веку, сразу же начнем со второй части книги, которая открывается главой о волосовской культуре.

Рассмотрение волосовской культуры автор дает на фоне ломки старых неолитических традиций и замены их под влиянием вторгшихся сюда скотоводческо-земледельческих племен новыми явлениями в быту, экономике и в общественных отношениях. Приводится карта распространения памятников волосовского типа в Среднем Поволжье. Много внимания уделяется эволюции этой культуры. При этом А. Х. Халиков основывается прежде всего на сравнительном анализе огромного керамического материала.

В истории волосовских племен автор выделяет три этапа: первый относится к последней четверти III — рубежу III и II тысячелетий до н. э., второй — к первой четверти II тысячелетия до н. э., третий ко второй четверти II тысячелетия до н. э. Даты каждого из этапов подробно аргументированы, дана характеристика материальной культуры племен каждого из этапов. Убедительны доводы в пользу определения конечной даты обитания волосовских племен в Среднем Поволжье серединой II тысячелетия до н. э.

В памятниках волосовского типа А. Х. Халиковым выделен ряд локальных групп. Нельзя не согласиться с основным выводом автора по истории волосовских племен: «Волосовская культура, продолжавшая развитие традиций волго-камской неолитической культуры, сыграла определяющую роль в истории населения лесостепной и степной зон Восточной Европы. На базе ее происходило формирование ряда культурных образований: приказанской, поздняковской, чирковско-сейминской и других...» (стр. 175).

Следующая глава посвящена в основном балановской культуре. Автор сразу же предупреждает, что характеристики материальной культуры балановских племен в целом он не дает, так как им совместно с О. Н. Бадером подготавливается соответствующий выпуск Свода археологических источников. Рассмотрение балановской культуры автор ведет преимущественно в плане выяснения вопроса о характере взаимоотношения пришлых балановцев с местным населением края, особенно с населением волосовской культуры. Существенное место в главе заняла чирковско-сейминская культура, которая сформировалась на волосовской основе при воздействии балановских племен. А. Х. Халиков аргументированно возражает О. Н. Бадеру, определяющему время возникновения этой культуры концом II тысячелетия до н. э.

При общей бесспорности самого факта выделения чирковско-сейминской культуры сейчас еще не ясна ее периодизация, не разработан вопрос о роли чирковско-сейминского населения в формировании племен раннего железного века и т. д.

В главе дана интересная интерпретация ряда комплексов, которые по-разному оцениваются в литературе. Так, автор аргументирует принадлежность большой группы сосудов (более 50) с Сейминской дюны к известным погребениям Сейминского могильника. Эти сосуды он определяет как чирковско-сейминские. Сейчас, с появлением публикации материалов Сеймы [1] и детального типолого-структурного анализа сейминского металла в работах Е. Н. Черных [2], представление о Сейминском могильнике может быть в значительной степени конкретизировано. По нашему мнению, А. Х. Халикову удалось доказать по крайней мере спорность вывода О. Н. Бадера о существовании на месте Сейминского могильника более позднего по времени поселения, относящегося к эпохе бронзы.

---

[1] О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

[2] Е. Н. Черных. Из истории металлургии племен эпохи бронзы в Поволжье и Приуралье. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967; его же. Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбина. В кн. О. Н. Бадера. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.

А. Х. Халиков считает, что выделение чирковско-сейминской культуры приближает решение вопроса о культурной принадлежности Галичского клада. Свое возражение против принадлежности Галичского клада абашевскому населению он обосновывает тем, что считавшиеся ранее абашевскими вещи из клада (браслеты, полушаровидные бляшки, пронизки, очковидная подвеска и т. д.) известны далеко за пределами абашевской культуры. В то же время он полагает, что ряд вещей Галичского клада не характерен для абашевской культуры. Но нельзя не отметить, что эти вещи не характерны и для других культур поздней бронзы Восточной Европы, в том числе и для чирковско-сейминской. В целом, на наш взгляд, бронзовые изделия Галичского клада обнаруживают наибольшее сходство с металлом именно абашевской культуры [3].

Вряд ли может служить аргументом в пользу отрицания абашевской принадлежности клада удаленность его от основной территории распространения памятников абашевской культуры. В литературе хорошо известны случаи проникновения абашевцев далеко за пределы территории их основного сосредоточения. Вспомним хотя бы одиночное абашевское захоронение на Ульяновской мезолитической стоянке в бассейне Вычегды [4].

Ничего не решает и установленный А. Х. Халиковым факт наличия на Туровской стоянке чирковско-сейминской керамики и отсутствие там абашевской посуды. Поскольку стратиграфических наблюдений о соотношении на стоянке чирковско-сейминской керамики и вещей клада проведено не было, их отождествление не бесспорно. Вещи могли быть зарыты на стоянке посетившим это место другим населением. В таком случае клад по времени скорее всего должен следовать за чирковско-сейминским Туровским поселком.

Характеристика срубной культуры изложена в следующей главе монографии. В Среднем Поволжье это население А. Х. Халиков считает пришлым. В то же время он признает, что с начала II тысячелетия до н. э. юго-восточные и южные районы Среднего Поволжья становятся территорией распространения так называемых полтавкинских племен предшественников населения срубной культуры. К полтавкинцам он относит два погребения во II Ново-Мордовском могильнике, расположенном в устье Камы. На востоке распространение полтавкинцев он ведет вслед за К. В. Сальниковым до среднего течения р. Белой и далее к Уралу. На западе автор отмечает ряд памятников с полтавкинскими чертами в верховьях Дона и в бассейне Цны. Таким образом, факт присутствия полтавкинцев в Среднем Поволжье не может вызывать сомнений. Отсюда правомерно предположение о возможной линии развития полтавкинских и срубных памятников в ряде районов Среднего Поволжья. Не случайно на этой территории фиксируются довольно ранние комплексы срубной культуры, на что обратил внимание А. Х. Халиков, а до него — основной исследователь срубной культуры этого района Н. Я. Мерперт [5]. Но сводить становление срубников только к так называемым полтавкинцам вряд ли оправдано.

Касаясь памятников собственно срубной культуры, А. Х. Халиков излагает точки зрения авторов, сделавших попытки создать ее периодизацию (О. А. Кривцова-Гракова, Н. Я. Мерперт, А. И. Тереножкин, В. А. Сафронов, М. Гимбутас). Сам А. Х. Халиков считает, что срубную культуру в Среднем Поволжье следует делить на два периода: XV—XIV и XIII—XII вв. до н. э.

Памятники срубной культуры Среднего Поволжья автор разделяет на три группы: мокшанско-присурскую, правобережно-волжскую, волго-камскую. Особенностью керамики населения мокшанско-присурской группы, по А. Х. Халикову, является близость ее к ранней срубной посуде Подонья и в какой-то мере к покровской керамике Саратовского Поволжья. Особенностью второй группы раннесрубных памятников является их тяготение к покровским Нижней Волги. Третья группа памятников является в известном смысле смешанной — на раннесрубную основу оказало влияние население андроновской культуры в ее алакульском варианте. Думается, однако, что нужны дополнительные доказательства для разделения правобережных памятников Среднего Поволжья на две группы: мокшанско-присурскую и правобережно-волжскую.

В связи с аргументацией А. Х. Халикова можно сделать два замечания. Первое касается ранних срубных памятников Подонья, с которыми сравнивается мокшанско-присурская группа. В так называемый первый период срубной культуры Поволжья во многих лесостепных районах Дона известно много поселений и могильников абашевской культуры [6]. Поэтому вопрос о наличии здесь раннесрубных памятников, тем более об их многочисленности, сейчас требует дополнительной аргументации. Возможное проникновение групп срубного населения на Дон в это время скорее всего следует связывать именно с миграцией из Среднего Поволжья.

Второе замечание касается понимания автором Покровского могильника. Еще П. С. Рыков выделил в погребениях эпохи бронзы Покровских курганов наряду со

---

[3] На целый ряд абашевских черт в материалах Галичского клада особенно подробно указывает К. В. Сальников. К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 45—46.

[4] Г. М. Буров. Выгодский край. М., 1965, стр. 91—93.

[5] Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, 111, 1962.

[6] А. Д. Прялхин. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.

срубными группу погребений так называемой хвалынской культуры [7]. Последующие авторы с оговорками или прямолинейно включили их в единую срубную культуру. Отсюда пошла традиция суммарной характеристики погребений Покровских курганов. При знакомстве с сохранившейся частью коллекции у нас вновь возникла мысль разделить погребения Покровских курганов на две группы. В одну (более раннюю) входят: погребение 2 кургана 4 северо-западной части могильника, погребения 2 и 3 кургана 7, погребение кургана 8 и др. в юго-восточной части могильника. Всего выделяется по крайней мере 12 подобных погребений. Во вторую (более позднюю) группу можно четко отнести не менее восьми погребений (среди них погребения курганов 9, 10, 20, 27, 30 и других в юго-восточной группе). Если первая из них тяготеет по многим признакам к памятникам абашевской культуры (особенно лесостепной зоны бассейна Дона) то другая — к срубной культуре. Думается, что при рассмотрении погребений поздней бронзы Покровских курганов надо учитывать их неоднородность.

Характеристику памятников срубной культуры второго периода А. Х. Халиков начинает с раскопанного Н. Я. Мерпертом Сускапского I поселения, которое с полным основанием можно назвать эталоном срубной культуры второго периода в Среднем Поволжье. Особенно тщательно автор рассматривает вопрос о дальнейшей судьбе племен срубной культуры. Ему удалось доказать факт вытеснения из района Среднего Поволжья в XII в. до н. э. носителей срубной культуры населением приказанской (из восточных районов до р. Свияги) и поздняковской (из бассейнов Суры и Оки) культур. Одним из подтверждений этого положения является резкое увеличение в тот период численности населения срубной культуры в лесостепных районах Дона, когда там происходит смена абашевской культуры срубной.

Определенное место занимает вопрос об андроновском влиянии на срубную культуру, которое, по А. Х. Халикову, особенно усилилось к концу первого периода. Он отмечает, что одновременно активизировались контакты с более восточными группами сибирского населения (появление сибирского инвентаря в Сейминском и Турбинском могильниках, возникновение геометрического узора восточного происхождения на балановской керамике и др.). Абашевские черты прослеживаются в это время на андроновской керамике Южного Урала, что свидетельствует о проникновении на восток абашевцев и усилении их взаимодействий с андроновцами.

Особенно обстоятельно написана глава о приказанской культуре второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. Автор дает анализ каждого из четырех выделенных им этапов этой культуры: займищенского (XVI—XV вв. до н. э.), балымско-карташихинского (XIV—XIII вв. до н. э.), атабаевского (XII—XI вв. до н. э.), маклашеевского (X—IX вв. до н. э.). Большой сравнительный материал позволил автору скорректировать относительную хронологию этапов приказанской культуры и других культур бронзового века. Хочется только пожелать, чтобы при сравнительной типологической характеристике бронзовых изделий шире привлекались данные по составу металла. Очень интересна сводная таблица хронологического развития основных черт приказанской культуры, включающая данные по местоположению поселений, типам жилищ, погребальному обряду, керамике, кремневым, каменным, костяным изделиям и по металлу (рис. 55). Локализация приказанских племен на разных этапах хорошо иллюстрируется четырьмя картами распространения приказанских памятников в разные хронологические периоды. Автор отнес к приказанской культуре ряд поселений эпохи бронзы, которые другими исследователями признавались как абашевские (А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский), как памятники так называемой ерзовской культуры (В. П. Денисов) и т. д.

Касаясь вопроса о происхождении приказанской культуры, автор продолжает придерживаться мнения о поздневолосовской основе ее формирования при известном воздействии ранних срубных племен. Но вряд ли это воздействие следует сводить к влиянию только срубных племен. Материальная культура приказанцев займищенского этапа имеет много общего с культурой абашевских племен, особенно района лесостепного Дона: в керамике — колоколовидность формы, уплощенное или плоское дно, примесь ракушки в тесте, присутствие в орнаментации горизонтально прочерченных линий, ограниченных вдавлениями, многие сходные черты в инвентаре и т. д. И думается, есть основание говорить о влиянии на волосовскую основу прежде всего населения абашевской культуры. Контакты со срубными племенами начались позднее. Сам А. Х. Халиков заключает, что влияние срубной культуры ощущается лишь в конце займищенского этапа. В книге в тезисном порядке высказывается мысль о связи приказанской и последующей по времени ананьинской культуры эпохи раннего железа.

Автору удалось воссоздать сложную картину взаимоотношений населения приказанской и срубной культур, от исхода противоборства которых во многом зависело

---

[7] П. С. Рыков. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губ. 1922. Труды Общества истории, археологии и этнографии Саратовского края, 34, I, 1923; его же. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Уч. зап. СГУ, III, 1. Саратов, 1924; его же. Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga. ESA, 1, Helsinki, 1927; и др. работы.

направление дальнейшего развития этнического процесса в Среднем Поволжье. К сожалению, в книге отсутствует специальный раздел, посвященный поздняковской культуре, которая внесла ощутимый вклад в историю Среднего Поволжья. О поздняковской культуре А. Х. Халиков говорит только попутно в связи с рассмотрением приказанской культуры.

В последней главе рассмотрены хозяйство и общественные отношения населения Среднего Поволжья в исследуемые периоды. Наиболее обстоятельны разделы, касающиеся бронзового века. В развитии экономики, межплеменных связей и общественных отношений намечены три периода: ранний (конец III — середина II тысячелетия до н. э.) с резким отставанием в экономическом отношении местных племен от пришлых; средний (середина и третья четверть II тысячелетия до н. э.), когда местное население начинает догонять по темпам развития пришлые племена, поздний (последняя четверть II — начало I тысячелетия до н. э.), когда местные племена стали решающей силой в крае. Собственно, в плане обоснования этой схемы и построены соответствующие разделы главы.

У волосовских племен в основе хозяйства лежали еще присваивающие отрасли. Разведение домашних животных у них только еще намечалось, предпринимались попытки освоения мотыжного земледелия. А. Х. Халиков приводит многочисленные данные анализов остеологического материала с волосовских стоянок, показывающих абсолютное преобладание в этих комплексах костей диких животных. Огромное значение для развития производящего хозяйства в Среднем Поволжье, как отмечает А. Х. Халиков, имело внедрение на эту территорию скотоводческо-земледельческих балановских и в меньшей степени ямно-полтавкинских племен. Характеризуя скотоводство так называемых полтавкинских племен, автор допускает предположение об отсутствии в составе их стада свиньи. При небольшом остеологическом материале подобный вывод пока преждевременен. Тем самым неубедителен и вывод о заимствовании волосовцами свиньи не у полтавкинского, а у балановского населения.

Для племен Среднего Поволжья в середине и в третьей четверти II тысячелетия до н. э. А. Х. Халиков считает характерными следующие экономические комплексы: скотоводческо-земледельческий для срубных, абашевских, балановских, приказанских и поздняковых племен; охотничье-скотоводческий с рыболовством и земледелием в виде подсобных занятий для чирковско-сейминских племен. К наиболее развитому населению этого времени он относит племена срубной культуры, на памятниках которой кости домашних животных доходят до 100%. Здесь же он указывает и на факт развития скотоводства у абашевского населения. В анализируемой книге в отличие от работы «Пепкинский курган» автор не говорит о том, что абашевцы Средней Волги не успели перейти к оседлости. Подтверждается предположение А. Х. Халикова о том, что абашевские племена начинали первыми использовать лошадь для верховой езды. К приведенной в этой связи находке дисковидного рогового псалия с шипами на абашевском поселении Баланбаш на Южном Урале можно добавить находки двух дисковидных псалиев в одном из курганов у с. Кондрашевки в Воронежской области, двух дисковидных псалиев в погребении кургана у с. Старое Юрьево в Тамбовской области (раскопки экспедиции Воронежского университета 1970 г.), одного дисковидного псалия на Отрожинском поселении под Воронежем, не считая случаев обнаружения в абашевских комплексах псалиев других типов.

Говоря о хозяйстве населения местных культур эпохи бронзы (чирковско-сейминской, поздняковской и приказанской), автор отстаивает тезис о разном уровне развития скотоводства: у населения чирковско-сейминской культуры скотоводство развито меньше, у поздняковцев скотоводство — одно из важнейших отраслей хозяйства, у приказанцев отмечается постепенно увеличивающаяся ведущая роль скотоводства.

А. Х. Халиков отмечает и развитие земледелия: у балановцев и абашевцев — подсечно-огневого, у полтавкинцев, срубников и приказанцев — мотыжного пойменного. Менее определенно говорится о форме земледелия у поздняковцев. Наиболее слабые следы земледелия, по А. Х. Халикову, можно видеть у чирковско-сейминских племен. В целом земледелие племен эпохи бронзы он называет примитивным. С этим вряд ли можно согласиться безоговорочно. Так, Ю. А. Краснов предполагает наличие в это время у населения срубной культуры плужского земледелия [8]. Если это наблюдение подтвердится относительно срубного населения, то оно будет верно и для населения абашевской культуры, широко осваивавшего в лесостепной зоне поймы рек.

Говоря об общественных отношениях, автор отстаивает мысль о разной степени развития патриархата у носителей разных культур эпохи бронзы. У населения же волосовской культуры он более склонен видеть общественные отношения, характерные для перехода от матриархата к патриархату. Думается, что при характеристике общественных отношений племен поздней бронзы Среднего Поволжья сейчас уже нельзя удовлетворяться только признанием самого факта существования у них патриархальных общественных отношений. Безусловно прав Н. Я. Мерперт, который считает, что «во второй половине бронзового века население многих областей территории

[8] Ю. А. Краснов. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы. СА, 1968, 2, стр. 13; его же. Земледелие и животноводство в лесной полосе Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1968, стр. 8.

СССР стояло уже на грани военной демократии, для которой характерны были прежде всего союзы племен и постепенное слияние родственных племен» [9].

Заключение посвящено вопросам этнической истории. Автор говорит о том, что в эпоху поздней бронзы население лесостепной полосы Восточной Европы было разделено на две большие группы: приказанские племена составляли основу восточной финской группировки, а поздняковские — основу западной финской группировки. В это же время на них оказало влияние индоиранское население срубной культуры. В еще более раннее время, на рубеже III и II тысячелетий до н. э., наблюдался распад финно-угорской общности на финскую и угорскую, из которых первая археологически определяется волосовско-турбинским населением, вторая — скорее всего горбуновским.

Книга «Пепкинский курган» посвящена анализу выдающегося памятника абашевской культуры — кургану у д. Пепкино Горно-Марийского района Марийской АССР, который был раскопан под руководством автора в 1960 г. В кургане, насыпавшемся в два приема, вскрыто основное коллективное захоронение (27 костяков мужчин, два отдельных черепа) и два впускных одиночных захоронения, которые содержали по одному скелету мужчины и женщины. Каждое из них обычно для абашевской культуры Среднего Поволжья.

Наибольший интерес представляет основное коллективное захоронение в почти прямоугольной могильной яме, размеры которой 10,2 × 1,6 *м*. Зафиксированы деревянное перекрытие и деревянная облицовка стен. Дно ямы выстлано берестой. Положение костяков обычно для погребений абашевской культуры Средней Волги: на спине с подогнутыми и приподнятыми в коленях ногами. 17 костяков ориентированы на восток с отклонением к северу, и 10 — на запад. Ко времени сооружения коллективного захоронения относятся девять ямок от вертикальных столбов, шедших по краю окружности кургана, и одна яма от массивного столба-«идола» в центральной части кургана.

Автору удалось доказать одновременность положения умерших в коллективную могильную яму и факт гибели всех погребенных мужчин в военной схватке. Отсюда А. Х. Халиковым делается верный вывод о враждебных отношениях обитавшего в это время в Среднем Поволжье населения к вторгшимся абашевцам. О том же свидетельствуют и другие коллективные захоронения погибших абашевских воинов (могилы 2 и 4 кургана 5 Абашевского могильника из раскопок В. Ф. Смолина, могила 6 из кургана 9 того же могильника из раскопок О. А. Кривцовой-Граковой, могила 1 кургана 2 у дер. Бишево — Катергино). Сейчас к этим погребениям в районе Среднего Поволжья можно добавить и коллективное захоронение кургана 2 у с. Старое Ардатово в Мордовской АССР из раскопок 1968 г. П. Д. Степанова [10].

В результате анализа вещевого материала автор приходит к справедливому выводу о раннем характере этого погребения для абашевской культуры Среднего Поволжья. Время первоначальной насыпи Пепкинского кургана, как и курганов с коллективными захоронениями в Катергино и Абашево, он определяет серединой II тысячелетия до н. э. Но для обоснования этой абсолютной даты нужны дополнительные доводы. Надо отметить, что вообще по абашевской культуре Среднего Поволжья датирующий материал, к сожалению, невелик.

Автор подробно останавливается на характеристике комплекса предметов, сопровождавших костяк 8, который включал глиняную формочку для отливки топоров камского типа по Б. Г. Тихонову (абашевского — по К. В. Сальникову), плиту-наковаленку, каменные молоты, тигли для плавки металла, шлифовальники и т. д. Это, бесспорно, захоронение металлурга-литейщика. И если к пепкинскому комплексу добавить еще абашевское погребение металлурга-литейщика в кургане 2 у Кондрашевки на Среднем Дону из раскопок 1912 г. А. Н. Мартиновича и А. Л. Дольского и мастерскую литейщика на Шиловском поселении абашевской культуры под Воронежем (раскопки автора 1970 г.), то вывод о выделении у абашевцев металлургов-литейщиков получает дальнейшее подтверждение.

Встает вопрос о том, какому первобытному коллективу соответствовало погребение в Пепкинском кургане. А. Х. Халиков полагает, что это «братская могила» военного отряда целого племени при численности последнего около 300—400 человек. Но это высказывание может быть принято лишь на уровне рабочей гипотезы.

Содержание рецензируемой работы не ограничивается анализом Пепкинского кургана. В книге поднимается ряд вопросов, связанных с историей населения абашевской культуры в целом. С самого начала А. Х. Халиков говорит об абашевской культуре как об одной из загадочных культур эпохи бронзы Восточной Европы. Собственно причину загадочности этой культуры следует усматривать в том, что большинство исследователей стремились решить вопросы истории абашевского населения на материалах лесного Поволжья. А. Х. Халикову удалось доказать, что абашевское население здесь было немногочисленным и обитало непродолжительное время, особен-

---

[9] Н. Я. Мерперт. Этногенез в эпоху энеолита и бронзового века. История СССР, I. М., 1966, стр. 150.

[10] П. Д. Степанов. Памятник абашевской культуры в Мордовии. АО — 1968. М., 1969.

но в Правобережье Волги, откуда абашевская группа населения затем перешла в Волго-Вятское междуречье.

В вопросе происхождения абашевской культуры А. Х. Халиков исходит из предположения, что исходный центр ее находился на территории ямной культурно-исторической общности — где-то в Поволжье или Подонье, на границе лесостепи и степи Восточной Европы. Заметим, что в более ранней своей работе этой территорией он считал Окско-Донское междуречье, включая верховья Дона и Правобережье Верхней Волги [11]. Изменение прежней точки зрения автор объясняет тем, что работами П. Д. Либерова в Среднем Подонье будто бы удалось установить, что памятники абашевского типа или синхронны или даже позднее ранних памятников Средней Волги. Это высказывание представляется нам преждевременным, поскольку район лесостепного Дона дает весьма ранние абашевские комплексы, даже в сравнении с Абашевом Средней Волги.

Считая, что в основе абашевской культуры лежит древнеямная культурно-историческая общность, А. Х. Халиков особо подчеркивает общие черты абашевских памятников Средней Волги и памятников покровского типа (срубная культура, по А. Х. Халикову). Причину этого он видит в близкой исходной основе формирования тех и других. Если исходить из заключения самого автора, что «в середине II тыс. до н. э. в ряде районов лесостепи Восточной Европы и Приуралья возникает несколько племенных групп, имеющих общие черты в развитии материальной культуры, и эти черты мы можем называть абашевскими» (стр. 29), то в этом случае было бы целесообразным включить в понятие абашевской культурно-исторической общности и памятники так называемого покровского типа.

Говоря о большой территории распространения абашевских памятников, А. Х. Халиков предлагает выделить преимущественно синхронные ее варианты на территориях Среднего и Верхнего Поволжья, Среднего Подонья, Приуралья и в бассейне Мокши. Из них в бассейне Волги он считает генетически связанными друг с другом средневолжскую, мокшанскую и верхневолжскую группы. Волго-Вятская же группа справедливо признается преемницей культурных традиций средневолжской группы. Нам, однако, кажется пока преждевременным выделять отдельные локальные варианты верхневолжской (где абашевские памятники единичны) и мокшанский (где абашевская культура еще не исследована) групп.

А. Х. Халиков подводит итог дискуссии по вопросу о поселениях абашевской культуры в районе лесного Поволжья, где сосредоточены могильники этого населения. Он аргументированно критикует мнения А. П. Смирнова, В. Ф. Каховского, Н. Ф. Калинина, выделивших абашевские поселения в этом районе. Сам он в тексте называет только одно поселение абашевской культуры в Среднем Поволжье — «Красный Восток», которое считает временным поселком кочевавших в этих районах абашевцев. Заметим, что это поселение довольно далеко отстоит от мест сосредоточения абашевских могильников Среднего Поволжья. Сейчас можно назвать значительно больше поселений абашевской культуры, расположенных к юго-западу и к югу от этих могильников, большинство из которых, бесспорно, оставлено оседлым населением. Так, при просмотре коллекций Пензенского музея из разведок М. Р. Полесских по Пензенской области удалось выделить девять таких поселений. Они выявлены также работами Т. Б. Поповой и нашими исследованиями в Тамбовской области. Есть абашевская керамика на поселении срубной культуры Русская Бектяшка [12] и т. д. Но, повторяем, все эти поселения находятся уже за пределами распространения основной массы могильников абашевской культуры Среднего Поволжья. Они как бы занимают промежуточную территорию между последними и массивом долговременных абашевских поселений и могильников лесостепного Подонья.

Книга А. Х. Халикова дополнена интересным разделом Г. В. Лебединской и М. М. Герасимовой «Абашевский человек», в котором дана характеристика антропологического материала.

Выход рецензируемых исследований А. Х. Халикова является большим научным событием. Они не только дают обобщающую картину развития исторического процесса в Среднем Поволжье, но и побуждают исследовательскую мысль к дальнейшим попыткам раскрытия тайн племен конца первобытнообщинного строя в срединных районах Восточной Европы.

А. Д. Пряхин

---

[11] А. Х. Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. Сб. «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 97, 1961, стр. 223—224.

[12] Е. А. Алихова. Поселение у села Русская Бектяшка Ульяновской области. МИА, 80, 1960, рис. 1, *1, 4, 8, 12* и др.

Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III — I вв. до н. э. М., «Наука», 1970, 251 стр. с илл.

Среди многочисленных остатков древних поселений Подонья — Приазовья расположенное в донской дельте Недвиговское городище (Танаис) занимает особое место. Как и известное Елисаветовское городище, этот памятник является ключевым для выяснения важнейших этапов исторического прошлого низовьев Дона и в определенной мере еще более широкой территории в последние века до нашей эры и первые века нашей эры.

Рецензируемая книга являет собой опыт освещения трехвекового периода в социально-экономической, политической и культурной жизни Танаиса и всего Нижнего Дона, в первую очередь на основе материалов археологических раскопок, ведущихся на Недвиговском городище под руководством Д. Б. Шелова. В связи с выяснением обстоятельств, обусловивших возникновение Танаиса, автор совершает обстоятельный экскурс в историю Боспора. Кризисные явления в хозяйственной жизни Боспора в III в. до н. э. не дают, по мнению Д. Б. Шелова, оснований принимать на веру утверждения об общем упадке боспорской экономики; этому противоречит рост городов и городских ремесел, быстрый подъем виноградарства, виноделия и т. д. Затруднения, вызванные ослаблением связей Боспора с Афинами, видимо, преодолевались также за счет усиления вывоза с Боспора рабов, а также скота и продуктов животноводства, рыбы и рыбопродуктов. Низовья Дона обладали в этом отношении большими возможностями, притягивая к себе внимание «боспорских эллинов». Таким образом, пишет автор книги, «все материалы говорят о том, что вновь (!? — *Б. Л.*) [1] основанный в устье Дона Танаис призван был играть роль важного торгового центра», связывавшего Боспор с населением Подонья и Приазовья (стр. 41).

Основные положения обстоятельного, свежо и вдумчиво написанного исследования Д. Б. Шелова убедительно подтверждают представления о Танаисе как о населенном пункте, особенно важном «для изучения тех процессов эллино-варварского синкретизма, которые определили в итоге всю историю и культуру античного Причерноморья» (стр. 7).

Автор поднимает ряд важных проблем, касающихся этнической основы населения Елисаветовского и Недвиговского городищ, возможности отождествления Елисаветовского городища с остатками упоминаемого Страбоном поселения на острове Алопекия и др.

В книге Танаис не раз именуется «одним из центров античной цивилизации», «античным городом» и т. п. (стр. 5 и др.). Думается, что применительно к Танаису, учитывая специфически варварские черты его общего облика и принадлежность к периферии античного мира, столь хорошо показанные самим автором книги, подобного рода наименования излишне категоричны. Следует считать несколько преувеличенным и недостаточно доказанным и утверждение Д. Б. Шелова, что Танаис был «важным экономическим фактором *всей истории юго-востока Европы в течение многих сотен лет*» (стр. 6; курсив наш.— *Б. Л.*)

Продолжает требовать более удовлетворительного объяснения весьма странное обстоятельство, заключающееся в том, что для трехвекового бытования поселения на Недвиговском городище (III—I в. до н. э.) уже достаточно обстоятельно изученные путем раскопок культурные остатки лишены нумизматического материала: известно лишь пять случаев нахождения здесь монет, причем три из них — образцы пантикапейского чекана III в. до н. э., одна (фанагорийская) относится ко II в. до н. э. и одна (пантикапейский тетрахалк) — к I в. до н. э. Монеты же царей Боспора I—III вв. н. э. представлены на этом памятнике более чем четырьмя сотнями, если вести речь только о зарегистрированных находках и, судя по всему, многими сотнями монет, разошедшихся по рукам и утраченных для науки. Сам автор констатирует, что пять монет времени до нашей эры — свидетельство их чисто случайного проникновения в поселение на Недвиговском городище. По мнению Д. Б. Шелова, пантикапейские монеты чекана первой четверти III в. до н. э. все же важны для определения «довольно точной даты возникновения города» (Танаиса; стр. 17) [2]. Автор высказывает предположение об «отсутствии регулярного денежного обращения в Танаисе в эпоху, предшествующую полемоновскому разгрому города», т. е.

[1] Из публикаций Д. Б. Шелова явствует, что он является сторонником той точки зрения, что Недвиговское городище — место «начального (а не вслед за Елисаветовским городищем) существования Танаиса» и что имя Танаиса, таким образом, было присвоено именно Недвиговскому городищу. Поэтому употребление автором слова «вновь» способно в данном случае ввести читателя в заблуждение и посеять недоумения, так как может трактоваться (как это чаще всего и имеет место) в смысле «снова», «наново», «опять», «сызнова», «еще раз», а не в смысле «с начала» (Вл. Даль. Толковый словарь..., I. М., 1955, стр. 216).

[2] Дар местных жителей — пантикапейская монета конца IV в. до н. э., якобы найденная на Недвиговском городище (как пишет сам автор, «происхождение ее неизвестно, но более (!? — *Б. Л.*) чем вероятно, что она принадлежит к случайным находкам на Недвиговском городище»), может быть лишь с большой долей условности отнесена к числу находок, способных подтвердить дату возникновения города.

до времени карательной экспедиции Полемона Танаис стоял вне системы денежного обращения, а после таковой оказался тесно к ней приобщенным. Но какие конкретные факторы экономического и политического характера могли обусловить столь странный ход дела, столь таинственную метаморфозу? Ответу на этот вопрос мало помогает глухое и гипотетическое указание автора книги на то, что «понимание» почти полного отсутствия в Танаисе III—I вв. до н. э. боспорских денег (хотя торговля в это время в Танаисе процветала), якобы облегчается «установлением факта независимости Танаиса по отношению к Боспору» (стр. 202). Сам Д. Б. Шелов подчеркивает, что и в этих условиях «вообще трудно представить себе практическое отсутствие монетных операций в античном городе, даже в столь варваризованном, как Танаис» (там же). Таким образом, полное выпадение дополемоновского Танаиса из сферы денежного обращения не нашло в рецензируемой книге удовлетворительных, хотя бы и предположительных, объяснений.

Далее Д. Б. Шелов поднимает вопрос о преемственности между Елисаветовским и Недвиговским поселениями и возможности «перенесения древнего поселения из окрестностей станицы Елисаветовской... на территорию хутора Недвиговка» (стр. 26). Автор видит путь к правильному решению этого вопроса в выяснении двух обстоятельств: а) мог ли Танаис возникнуть в качестве замены по тем или иным причинам поселения у Елисаветовской и б) не прекратилась ли жизнь на последнем потому, что «оно оказалось не в состоянии конкурировать с вновь созданным Танаисом» (стр. 26). Опираясь главным образом на находки в Елисаветовском городище амфорных клейм как на наиболее надежный пока датировочный материал, Д. Б. Шелов приходит к убеждению, что Елисаветовское поселение (ведущее свое начало, видимо, с VI—V вв. до н. э.) функционировало в «течение всего III в. до н. э. и даже в начале II в. до н. э.» (стр. 29) или «даже до середины II в. до н. э.» (стр. 30), причем время наивысшего расцвета жизни здесь — IV и первая половина III в. до н. э. Отсюда вывод автора: параллельное существование Елисаветовского и Недвиговского поселений в III—II вв. до н. э. несовместимо с гипотезой о замене вторым первого.

Облик Елисаветовского городища далек, по мнению автора, от облика «античных населенных пунктов»; валы и рвы — это не каменные укрепления античного типа, а жилые строения — глинобитные и турлучные — «характерны для туземного населения этого района с эпохи бронзы до средневековья» (стр. 49). Это подтверждается и варварским характером курганных погребений близ городища. Этнически население Елисаветовского поселения принадлежит, по мнению автора, «к туземному негреческому населению этого района» (стр. 51).

Заметим, что обусловленные современным уровнем наших знаний и общей тенденцией автора его рассуждения в этом последнем вопросе, как нам кажется, являются весьма спорными. Д. Б. Шелов и сам не отрицает несомненного и археологически засвидетельствованного наличия в составе населения Елисаветовского городища «какого-то числа греков, скорее всего торговцев», проживавших здесь временно или постоянно. Но ничто, по его мнению, не свидетельствует о «наличии значительного количества греков в поселении» (стр. 51). Нет оснований, заключает Д. Б. Шелов, говорить о «колонизации окрестностей Елисаветовской станицы греками, о создании ими здесь города» (там же).

Но почему древние греки должны были колонизировать именно «окрестности» нынешней станицы Елисаветовской? Почему именно их появление в данном пункте и зарождение большого греко-варварского торжища не могло послужить поводом и стимулом к возникновению здесь постоянно функционирующего крупного (и, кстати сказать, на свой лад хорошо с течением времени укрепленного) торгового центра?

Эти вопросы тем более закономерны, что, по словам самого автора, «Елисаветовское городище изучено пока еще далеко недостаточно: широких археологических раскопок на его территории никогда не производилось. Поэтому многие выводы, касающиеся этого памятника, неизбежно имеют до известной степени характер предварительный» (стр. 46).

Между тем Д. Б. Шелов в весьма решительных формулировках подчеркивает, что «нет *никаких оснований* (курсив наш.— *Б. Л.*) говорить о какой-то руководящей роли их (греков.— *Б. Л.*) в жизни Елисаветовского поселения» (стр. 51). Этот тезис автора особенно уязвим. Утверждение об отсутствии «значительного количества греков» в Елисаветовском поселении, если даже признать его справедливым, отнюдь не дает повода отрицать возможность их руководящей роли. Эта роль — была она руководящей или нет — совсем не обязательно должна была определяться численностью проживавших здесь греков, но прежде всего степенью важности и значения принадлежавших им экономических позиций.

Напомним, что и для «недвиговского» Танаиса, где сосуществовали «эллины» и «танаиты», не исключена возможность численного преобладания последних, особенно в отдельные периоды времени. При всем том ведущая роль в жизни Танаиса принадлежала боспорским колонистам [3].

---

[3] Имена в текстах эпиграфических памятников из Танаиса (греческие, варварские, смешанные) при всем значении этих текстов дают лишь относительное представление об удельном весе тех и других в составе населения Танаиса. При этом если вопрос об обособленности района обитания «эллинов» от «танаитов» для Недви-

Думается также, что нет данных и к умалению вполне резонных высказываний Т. Н. Книпович[4] и других исследователей, что именно торговля являлась основным, главенствующим импульсом жизни Елисаветовского городища.

Так или иначе, книга Д. Б. Шелова вызывает живейший интерес, будит исследовательскую мысль, и в этом ее несомненное достоинство. Тексту книги сопутствует указатель имен и географических названий и весьма обстоятельный указатель литературы о Танаисе, который, однако, было бы, очевидно, правильнее или пополнить, или считать указателем не всей, а лишь некоторой, преимущественно основной, литературы.

Отдельные неточности содержатся в историографии вопроса. Ныне покойного А. М. Ильина, автора работы «Монеты древнего Танаиса» и других публикаций, одного из немногих местных (донских) работников дореволюционного времени, получившего специальную археологическую подготовку, едва ли правильно относить к числу «любителей-краеведов» (стр. 9). Танаисская комиссия функционировала в составе Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии в Ростове-на-Дону, а не в составе Северо-Кавказского краеведческого общества, которого вообще не существовало (действовало Северо-Кавказское бюро краеведения).

Все это, конечно, не больше чем небольшие издержки ценной и капитальной монографии Д. Б. Шелова, которой суждено на многие годы служить основой дальнейшего развития наших представлений о жизни и быте населения Танаиса, его экономической, политической и культурной роли в истории всего Подонья — Приазовья и прилегающих местностей. В этом отношении за книгой Д. Б. Шелова, несомненно, должно быть признано значение научной публикации этапного характера в истории изучения Танаиса и его округи.

Б. В. Лунин

Античная древность и средние века. Сборник 7. Ученые записки Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького, № 112, серия историческая, вып. 22. Свердловск, 1971, 187 стр.

Перед нами небольшой по объему, но очень содержательный сборник. Он состоит из двух частей — археологической, посвященной средневековому Херсонесу (Херсону), заключающей в себе материалы, добытые раскопками в портовой части города, и «исторической», состоящей из нескольких исследований по различным вопросам истории Византии.

Мы остановимся на археологической части сборника. В нее входит изложение результатов больших раскопок в юго-восточном (портовом) районе Херсона в 1963 и 1964 гг. (написано коллективом авторов), затем обзор монетных находок из тех же раскопок (А. М. Гилевич). Далее следует статья коллектива авторов, содержащая классификацию средневековых амфор на основании массового материала, который дали те же раскопки. Исторически важному вопросу — о крепостных сооружениях в гавани Херсонеса — посвящена статья И. А. Антоновой, основанная на совершенно новом материале. Археологический раздел сборника заканчивают две заметки: А. И. Романчук о гончарной мастерской XI—XII вв. и Э. И. Соломоник о греческих надписях, найденных во время тех же раскопок (это единственная статья сборника, содержащая античный материал).

Начнем с первой и основной статьи — научного отчета о раскопках. Прежде всего надо подчеркнуть положительное значение публикации результатов обширных раскопок, в которых принимала участие большая группы студентов Уральского, Харьковского, а также Пермского и Воронежского университетов и студенты Челябинского и Симферопольского педагогических институтов. Место раскопок выбрано вполне целесообразно — в юго-восточной части городища, которая была до того лишь начата исследованием (в 1889 и 1905 гг.), проведенным к тому же на низком методическом уровне.

Статья начинается с перечисления поставленных задач исследования (стр. 7—8), не носящих, впрочем, какого-либо специфического характера (выяснение стратиграфии, хронологии слоев и т. д.). Далее следует краткая «классификация керамического материала» (стр. 8—11), которая, очевидно, призвана облегчить дальнейшее изложение и является как бы введением к нему. Но насколько содержателен отчет о раскопках, настолько неудачно введение.

говки выяснен и решен положительно, то для Елисаветовского городища степень и формы обособления остаются невыясненными.

[4] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции в 1928 г. В кн.: «Из истории Боспора». ГАИМК, М.— Л., 1934, стр. 182.

Оно заключает в себе перечень различных видов керамики, притом вне всякой хронологии: формы X в. (кувшины с плоскими ручками) соседствуют с формами XI в. (амфоры с коротким грушевидным туловом — тип 22 и 23; формы 21 и 22 нельзя объединять — они разного времени) и с формами XII—XIII вв. (амфоры с дуговидными и с высокоподнятыми ручками — типы 24 и 25), но эти хронологические отличия совершенно не оговорены. Возможно, авторы исходили из того, что амфоры разного времени совместно встречались в верхнем слое (действительно, некоторые виды их держались в быту очень долго), но это не может оправдать смешение хронологически различных типов амфор, ибо в таком случае классификация вообще теряет смысл и значение. Определение некоторых видов амфор довольно странное: тип 25 (амфоры с дуговидными ручками) описан как «ангобированные амфоры с бугристой внутренней поверхностью» (стр. 9), но это, конечно, не признак данного типа.

То же надо сказать и о поливной керамике, которую можно разделить на две основные группы — кухонную и столовую посуду. Такое деление очень условно, ибо миски и кувшины, отнесенные авторами к кухонной посуде, очень часто декорированы и явно принадлежат столовой и даже праздничной посуде. Кроме того, вызывают удивление самые признаки классификации: грязные тона глазури и наличие копоти. Классификация по таким признакам ничего, конечно, не дает.

Столовая глазурованная посуда членится на четыре группы, следующие отнюдь не в хронологическом порядке. Группу I составляют фаянсы XII—XV вв. (стр. 10), хотя известно, что дорогая фаянсовая посуда, привозная из Ирана, встречается в Херсоне вообще крайне редко и относится только к XII—XIII вв.

Далее следует «красноглиняная» посуда XIII—XIV вв. (посуда с красным черепком). Эта группа хронологически более определенна; зато неопределенны признаки ее классификации: то монохромность или полихромность декора (тип 2), то композиция рисунка (тип 3), то геометрический рисунок, выполненный выемчатой техникой (тип 4), то материал, то декор. Неверны и некоторые характеристики. Так, в типе 2 неодинаковая толщина врезной линии рисунка трактуется как проявление неаккуратности; на самом деле это очень характерный для поливы XIV—XV вв. прием выделения той или иной части рисунка с целью усилить декоративность блюда или миски в целом. III группа (белоглиняная посуда) помещена почему-то между группой II (XIII—XIV вв.) и группой IV (XII—XIII вв.), причем отличие последней от группы II вообще неповятно.

Неудачен и принцип классификации черепиц; в сущности она вообще отсутствует, ибо характер черепка и наличие ангоба мало что говорят без учета других признаков, прежде всего формы, о которой ничего не сказано. Словом, классификация керамики, предваряющая отчет, мало вразумительна и ничего не дает для понимания последующего текста. Иное дело сам отчет. Он содержит очень интересный и важный материал, позволивший авторам сделать обобщающие наблюдения относительно хронологии строительства жилых усадеб и самих усадеб на последних этапах жизни города.

Интересно наблюдение, что усадьбы примыкали прямо к оборонительной стене (стр. 53), а это, добавим, указывает на утрату стенами в XIII—XIV вв. их былого боевого значения. Верно указание и на сложность стратиграфии, «реальная картина (которой) много сложнее условной схемы» (стр. 53). Вполне обосновано наблюдение относительно перерыва в жизни портового района города (стр. 53) — перерыва, наступившего после всеобщего пожара, который авторы справедливо связывают с погромом Едигея в 1299 г.

Важны и приводимые авторами граффити на керамике, которые Г. Ф. Турчанинов читает как аланские (стр. 40). Мы не беремся судить о правильности чтения; отметим только, что аланы в XIII в. несомненно жили не только вокруг Херсона, но и в самом Херсоне, о чем свидетельствует известное «Аланское послание» епископа Феодора 1240 г.[1], почему-то даже не упомянутое авторами отчета.

Очень верно и напоминание относительно монет, которые не могут служить «достаточно надежным датирующим признаком» (стр. 55). Важно указание на хронологию поливной керамики, позднейшие виды которой (полихромная с рисунком толстой врезной линией, несомненно, местного изготовления) типичны именно для самых верхних слоев (стр. 54). Но тут же следует оговорить, что поливная керамика бывает столь же ненадежна для датировки культурного слоя, как и монеты, особенно привозная поливная посуда, наиболее ценившаяся, например тонкостенные блюда с изображениями, выполненными очень тонкой врезной линией (гравировкой; у авторов — гр. IV, тип. 1). Они датируются XI, но преимущественно XII в. (образец такого блюда — рис. 11, но почему-то в тексте при описании помещения 38, где это замечательное блюдо было найдено, оно даже не упоминается). Эти блюда высоко ценились, они переходили из поколения в поколение, их ремонтировали, и датировать помещение верхнего слоя, где их нашли, они, конечно, не могут. Так что состав поливной керамики в той или иной усадьбе определяется далеко не только «вкусами и склонностями хозяев дома, их материальным благосостоянием и другими субъективными причинами» (стр. 55), как полагают авторы.

[1] Ю. Кулаковский. Епископа Феодора «Аланское послание». ЗООИД, XXI, 1898, мат., стр. 17; его же. Христианство у алан. ВВ, V, 1898, стр. 16.

Несколько слов о дате гибели Херсона. Авторы допускают «наличие еще и в XV в. более или менее интенсивной жизни, по крайней мере в юго-восточном районе Херсонесского городища» (стр. 55; надо бы сказать «города», ибо жили в городе, а не на городище). Они основываются на поздней поливной керамике, которую можно датировать XIV и XV вв. Но вполне доверять ее дате тоже нельзя: поливную посуду XV в. далеко не всегда можно уверенно отличить от посуды XIV в. Мало убедительна и ссылка на джучидские монеты XIV—XV в. (такая расширительная дата дана А. А. Быковым только трем монетам — № 201, 254, 283, ибо остальные золотоордынские монеты относятся к XIV в.). Вполне возможно, что некоторые районы города действительно были обитаемы в XV в., но большинство кварталов вряд ли перешагнуло рубеж XIV и XV столетий. Окончательно решат этот вопрос будущие раскопки [2].

Следует отметить большую тщательность, с которой велись раскопки. Это дало возможность авторам выявить различные прослойки, связанные в большинстве случаев с перестройкой усадеб или ремонтом помещений, а также собрать и склеить многие сосуды и черепицы, что существенно дополнило наши представления о керамическом комплексе средневекового Херсона.

К числу недостатков отчетов надо отнести чрезмерную краткость описания результатов раскопок храма в 1963 г. (стр. 28—30), давших ряд замечательных находок (ткань с звериными изображениями и др.), а также отсутствие определений костей домашних животных, что было бы очень важно для характеристики хозяйства позднесредневекового Херсона (указывается только наличие костей — стр. 15, 20, 27, 29, 38, 41, 43).

Отмеченные недостатки не могут, конечно, снизить значение опубликованных отчетов, как фактического материала, так и связанных с ним наблюдений, хотя и не все они могут быть приняты. Вызывает досаду совершенно невнятная классификация керамики (об этом говорилось выше) и крайне низкое качество иллюстраций в приложении; чертежи нечетки и не читаются. К отчету примыкает небольшое, но необходимое приложение — статья А. М. Гилевич о монетах из раскопок 1963—1964 гг. (стр. 62—76). Статья помимо списка монет содержит и ряд общих наблюдений о денежном обращении в Херсоне, приводятся сведения о находках на городище монет VIII в., правда, очень редких.

Далее идет обобщающая статья коллектива авторов (И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Иващута, В. И. Кадеев, А. И. Романчук) о средневековых амфорах Херсонеса (стр. 81—101). Такого рода работы, несомненно, очень важны для археологии Северного Причерноморья, ибо амфоры — наиболее массовый материал, добываемый при раскопках. Статья эта основана как на ранее известном, так и на вновь добытом материале. Новый комплекс раннесредневековой керамики извлечен из нижнего слоя цистерны в помещении 40; слой этот авторы относят к VI — первой половине VII в. (стр. 81—82), что не вызывает возражений. Статьей, очевидно, будут широко пользоваться все археологи-медиевисты, занимающиеся Причерноморьем (и не только Северным). Тем важнее обсудить спорные вопросы, которые вызывает работа, и отметить некоторые ее недостатки.

1. Типы амфор расположены в классификации не в строго хронологической последовательности. Так, типы 2 и 7 (IV—V вв.) в действительности предшествуют типу 1 (амфоры с перехватом), широко бытовавшему вплоть до VI в. То же можно сказать и о типе 6 (не позднее V в.), еще близкому к своим античным предшественникам. К рубежу античности и средневековья относятся типы 3 и 4 (с ушковидными ручками) [3]. Тип 18 (с конусовидным туловом) по всему своему облику раннесредневековый, а не X в., как полагают авторы (стр. 91); то, что фрагменты таких амфор встречаются с материалом X в., не решает вопрос о дате, ибо, как известно, раннесредневековый материал часто встречается в более поздних слоях (об этом — ниже). Кстати, днище таких амфор очень неудачно названо шлемовидным (стр. 91).

2. Классификация амфор представляется нам слишком дробной. Многие типы являются вариантами одного типа (например, типы 8, 9 и 10; 3 и 4; 13 и 14). Типы 3 и 4 также следовало бы объединить. То же относится и к типам 13 и 14 (яйцевидные амфоры с зонами мелкого рифления). Тип 11 вернее трактовать как вариант типа 12 (оба относятся преимущественно к VI в., различие лишь в отсутствии у типа 11 глубокого и частого рифления, но эта деталь не оправдывает выделения его в особый тип). Тип 24 (амфоры с дуговидными ручками) следует трактовать как вариант типа 23 (различие лишь в одной детали — в уплощенном днище); впрочем, это признают и авторы (стр. 96).

Нельзя обойти молчанием и путаницу в отношении типа 23 (стр. 94). Описан тип грушевидных амфор с дуговидными ручками, обычных в слоях XII—XIII вв.

---

[2] Напрасно авторы приписывают мне два различных мнения о дате гибели города (стр. 77, прим. 40). В моей статье, на которую ссылаются авторы, нет отрицания жизни в Херсоне в XIV в.; говорится лишь, что в это время Херсон уже не был крупным поселением (стр. 233).

[3] См. вновь опубликованный материал из о. Самоса: H. P. Islar. Heraion von Samos (eine frühbyzantinische Zisterne). Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, 84, 1969, табл. 83—87 (амфоры V в., ручки — как у типа 2).

(рис. 25; непонятно, почему сказано, что черепок у них светло-желтый, на самом деле он всегда красный). Но в описание включена и характеристика совсем других амфор, что выясняется по ссылкам на их публикации (примеч. 53: ссылка на МИА, № 17, стр. 155, рис. 91 и СА, XV, 1951, стр. 335, рис. 6, *28*): имеются в виду очень большие амфоры с невысоким горлом и с уплощенными (а не круглыми в сечении) ручками, горизонтально соединяющимися с венчиком; черепок у этих амфор действительно желтый, а дата их — X в. (см. МИА, № 17, стр. 155). В классификацию амфор они вообще не включены.

3. Исторически важен вопрос о местном производстве амфор; выяснение его тем самым позволило бы выделить амфоры импортные. Во-первых, на местное производство могут указать гончарные печи, в которых обжигались те или иные амфоры. Но пока это можно сказать лишь про один тип амфор — 14-й (куски таких амфор найдены в печи на берегу Карантинной бухты; печь до сих пор не раскопана). О другой печи (в западной части города), где обжигались амфоры V в.— типа 4, авторы ничего определенного не сообщают (стр. 85). Во-вторых, о местном производстве может свидетельствовать массовость находок того или иного типа амфор; это отмечают и авторы в отношении типов 23 и 24 (стр. 96). К числу массовых находок относятся также кувшины с плоскими ручками (тип 20) и амфоры типа 22 (совершенно непонятно, как эта обычная и постоянно встречающаяся форма, по крайней мере в северных кварталах города, попала в число редких, стр. 93); амфоры этой формы постоянно упоминаются и в данном отчете. Зато присоединять сюда раннесредневековые амфоры типа 5, 6 и 7 абсолютно невозможно. В-третьих, выяснению местного происхождения амфор может помочь петрографический анализ черепка амфор. Но эта работа в отношении керамики из Херсона еще не производилась. Конечно, и здесь нужна большая осторожность, на что указывают и авторы, справедливо ссылаясь на «разные глинища» даже в одном центре (стр. 96).

Таким образом, о местном производстве амфор можно говорить более или менее уверенно лишь в отношении немногих наиболее распространенных поздних типов, преимущественно XII—XIII вв. Что касается раннесредневековых типов, то их многообразие, отмечаемое и авторами, может косвенно указывать не на местное происхождение, о чем нам уже приходилось говорить (СА, XV, 1951, стр. 334—335): это многообразие отражает неразвитость ремесленного производства, прогресс которого ведет, как правило, к стандартизации форм, т. е. к сокращению ассортимента. Авторы же объясняют это разнообразие тем, что «в раннее время широко используются формы, выработанные поздней античностью (стр. 97), но это ровно ничего не объясняет, ибо такая преемственность является фактором постоянно действующим, она не в меньшей степени наблюдается и позднее, да и вообще в любое время.

4. Наконец, вопрос о длительности бытования отдельных типов амфор. Можно признать, что формы средневековой керамики развиваются медленно, поэтому узкая датировка их в пределах, скажем, полустолетия вряд ли возможна. Но наши авторы впадают в крайность: они утверждают, что «большинство типов амфорной тары выпускалось, а тем более находилось в обращении как массовый материал несравненно более длительное время — до 300—400 лет» (стр. 97). Это утверждение совершенно произвольно! Авторы исходят из частных находок раннесредневековых амфор в более поздних и даже в позднесредневековых слоях; но это объясняется не длительностью бытования таких амфор, а интенсивностью жизни города, что выражается в частых перестройках и связанных с ними нивелировках площади и пр., т. е. с определенными земляными работами, при которых земля с культурными остатками (в том числе и с керамикой) из нижележащих слоев перемещается наверх. Ведь и монеты V—VI вв., неоднократно находимые вместе с материалами XIII—XIV вв. (см. сборник, стр. 62, 64 сл.), отнюдь не утрачивают от этого определенность своей даты, хотя вряд ли продолжали иметь хождение в столь позднее время (в последние века жизни Херсона можно предполагать, как отмечает А. М. Гилевич, хождение монет IX—X вв., но не более древних). В частности, мы не видим никаких оснований растягивать бытование кувшинов с плоскими ручками с VIII до XII в. (стр. 92): следует, во-первых, исключить VIII в.— в Западной Таврике в это время их вообще еще нет (при раскопках сельских поселений VIII—IX вв., расположенных вблизи Херсона, эти кувшины были очень редки); они появляются только в IX в., и то не в начале столетия, зато господствуют в X в., а в XI в. сходят на нет; в это время они доживают свой век лишь в восточной Таврике и на Тамани [4].

Столь же необоснованно растягивание дат бытования других типов амфор. Не выходят за пределы XII—XIII вв. амфоры типа 22 и сосуществующего типа 23—24 (с дуговидными ручками); в XIV в., в период упадка города, они уже вряд ли производились; употреблялись лишь те, которые уцелели. Кстати, амфоры с дуговидными ручками после XIII в. не встречаются и в древней Руси.

Досаждают и другие недочеты статьи об амфорах. Совершенно не показаны профили ручек (важная и показательная деталь), не рассмотрены (и даже не упомянуты) клейма на амфорах X в. (тип 16? — он не воспроизведен). При изучении амфор X

[4] Имею в виду Тмутаракань. См.: С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 54.

и XI вв. (тип 16 и 21) почему-то совершенно не привлечен массовый материал из раскопок дворца в Мангапах (Константинополь) [5], участки которого построенные при императорах Василии I и Василии II, дали амфоры, абсолютно идентичные херсонским. И все же статья об амфорах очень ценна, прежде всего благодаря введенному в нее новому материалу — раннесредневековому комплексу из цистерны в помещении 40.

Следующим разделом археологической части сборника является статья И. А. Антоновой «Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху» (стр. 102—118). Статью эту следует расценить как существенный вклад в дело изучения средневекового Херсона. Она суммирует результаты больших археологических раскопок в юго-восточной части городища: была доследована башня XXII и открыта ранее неизвестная линия крепостных стен, идущих вдоль восточной стороны Карантинной бухты от башни XXII до башни XX_1; открыта большая двойная башня XXVI—XXVII — «морские ворота» города. Линия эта сооружена впереди ранее существовавших стен (куртины 23—25) в связи с отступлением моря; до этого оно, как считает автор «значительно глубже врезалось в берег, а к XI—XII вв. рукав бухты, видимо, был засыпан» (стр. 115). К этому времени И. А. Антонова и относит большие фортификационные работы — сооружение вдоль берега нескольких куртин крепостных стен, включая «морские ворота», общей протяженностью почти 180 *м*. Это новая страница в средневековой истории города.

Автор детально описывает открытие стены, дает их планы, разрезы и реконструкцию и устанавливает семь периодов строительства, начиная с III—IV вв. (1-й период, стр. 103) и кончая XI — первой половиной XII в. (7-й период, стр. 112). Но наиболее крупное строительство (прибрежная линия стен — от башни XXII до башни XX_1, включая «морские ворота») автор относит к 6-му периоду — к XI—XII вв. (стр. 110; впрочем, и 7-й период датирован так же, стр. 112). Однако признать датировки, предлагаемые автором, убедительными мы не можем. Прежде всего потому, что они часто декларативны.

1. В отношении башни XXII 2-го периода сказано, что ее дата определяется керамикой, найденной в заполнении ее внутреннего пространства. При этом указывается, что керамика эта состоит из немногочисленных фрагментов стенок амфор V—VII вв. (стр. 104). Но всякий, занимающийся средневековой керамикой, отлично знает, как трудно, а большей частью невозможно определить, а тем более датировать амфоры только по разрозненным обломкам их стенок. Такие обломки — весьма слабые основания для датировки. Далее следует дополнительный аргумент: раз монеты, найденные «в городских слоях у стен 2-го периода», примыкающих к башне, не позднее V в. (впрочем, всего две монеты из 190, относящихся почти исключительно к IV в.) и коль скоро «башня существовала одновременно с этой стеной, но была построена *раньше* ее (курсив наш.— *А. Я.*), так как в нее впущен фундамент стены, более вероятно отнести сооружение башни ко второй половине V или VI в.» (стр. 104). Мы отказываемся понять ход мысли автора.

2. Далее говорится о полной перестройке башни XXII 4-го строительного периода. Кладка перестроенной башни, по признанию автора, похожа на классические образцы (стр. 105): чередование плит, обращенных плоскостью наружу, и плит, выступающих наружу торцом. Эту систему кладки можно датировать поздней античностью и ранним средневековьем; в Херсоне такую кладку имеют куртины 5, 19, второе кольцо башни Зинона. Сравнительно поздний образец такой кладки дают крепостные ворота VI в. в Дербенте [6]. Но автор подчеркивает, что в отличие от «классических образцов» в башне XXII тычковые камни не пропущены в толщу стен (стр. 105). Но в какой-то степени эти тычковые (или торцовые) камни не могут не быть углублены в кладку стен, иначе это будет не кладка, а декоративная поверхностная выкладка; к сожалению, ни рисунка, ни фотографии кладки в статье не дано. Затем следует ссылка на керамику в слое, в который опущен фундамент башни,— на керамику VIII—XI вв.: речь идет об амфорах типа 14, 16 и 20, т. е. о формах, бытование которых большей частью не выходит за пределы IX—X вв. Но эти ссылки приходится принимать на веру, ибо ни одного воспроизведения керамики, упоминаемой в статье, в ней нет. Нельзя не принять во внимание и то, что описанная система кладки для IX—X вв. беспримерна. Сказанное вызывает сомнение в возможности датировать башню XXII столь поздним временем. А датировка последующего крепостного строительства, исследованного автором, в сильной степени опирается на датировку 4-го строительного периода.

3. Наиболее крупное крепостное строительство в портовой части города — куртин 37—39 с «морскими воротами» — автор относит, как сказано, к 6-му периоду — к XI—XII вв. (стр. 110). Эта дата вызывает серьезные сомнения не только потому, что она основана на монетах IX—X вв., найденных *около* стен (стр. 110), но и потому, что XI—XII вв.— время экономического ослабления Херсона, а вместе с тем

---

[5] R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Paris, 1939, p. 46, 148—149, рис. 198.

[6] Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 35—36, рис. 20, 23, 24, табл. IV.

определенного затишья в степи [7], что вряд ли стимулировало крепостное строительство. Да и сама И. А. Антонова говорит, что «столь обширное строительство (имеется в виду линия стен от башни XXII до башни XX_1.— *А. Я.*), возможно, связано с организацией Херсонской фемы» (стр. 117). Но это IX век, а не XI—XII!

Чтобы не расширять рецензию, мы не будем останавливаться на других датировках, также вызывающих сомнение. Возможно, что более детальное изложение материала и показ его сделал бы аргументацию автора более убедительной, а пока она не вызывает уверенности в правоте автора. Но надо признать, что независимо от этого статья И. А. Антоновой, представляющая собой итог большой работы, несомненно, очень важна для изучения истории Херсона.

Наконец, несколько слов о заметке А. И. Романчук «Гончарная мастерская XI—XII вв. в Херсонесе» (стр. 119—121). Небольшая гончарная печь, грушевидная в плане, предназначена была, как выяснили раскопки, для обжига поливной посуды. Конечно, открытие гончарной мастерской в любом средневековом городе, в том числе и в Херсоне, всегда имеет большое значение, особенно для того времени, когда сведения о ремесленном производстве крайне скудны и неопределенны. Однако ценность данной публикации резко снижена отсутствием необходимой документации: автор не дает ни плана, ни разреза печи, не сообщает основных размеров сооружения и не указывает точного места его нахождения (рис. 1 в этом отношении ничего не дает). Следовало бы подробнее остановиться и на датировке печи, ибо поливная посуда XI—XII вв., встречающаяся в Херсоне, до сих пор представлена лишь привозной, а местное ее изготовление относилось к более позднему времени (к XIII в.). Открытую раскопками печь следует переиздать с полной документацией памятника.

Таков сборник «Материалов по археологии Херсонеса» со всеми его достоинствами и недостатками. Как ни досадны последние, все же выход в свет этого сборника, обязанного инициативе исторического факультета Уральского государственного университета, следует расценить весьма положительно, ибо авторы вводят в науку новый большой и очень ценный материал, в некотором отношении существенно дополняющий, а то и вовсе меняющий наши представления о средневековом Херсоне.

А. Л. Якобсон

---

[7] Господствовавшие там в те времена половцы не препятствовали торговым связям Херсона, да и сами принимали в них участие. Подробнее см.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 25 сл.

М. Н. Мицишвили. Поливная керамика в древней Грузии (IX—XIII вв.). Тбилиси, «Хеловнеба», 1969.

Рецензируемая книга состоит из введения, четырех глав и заключения. К грузинскому тексту приложены обширные резюме на русском и английском языках и 64 прекрасно выполненные цветные репродукции образцов поливной керамики. Книга издана на высоком полиграфическом уровне.

Поливная керамика, не считая некоторых ранних ее форм, относится в основном к средневековью. Она является неизменным спутником средневековых городищ и селищ, церквей и монастырей, мечетей и медресе, караван-сараев и бань на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии, Месопотамии, Египте и Византии. Не составляли исключения в этом отношении и страны Закавказья, где на почве богатых культурных традиций возникли мощные самостоятельные очаги производства поливной керамики. Однако литература о поливной керамике Грузии не очень обширна [1].

В рецензируемой монографии изучаемые памятники распределены по хронологическому принципу. Этим она отличается от предшествующих специальных исследований. Основой типолого-хронологической классификации является художественный анализ изделий. Автор считает возможным выделение двух основных периодов в производстве грузинской поливной керамики: IX—X и XI—XIII вв. Помимо этого в работе даны и другие хронологические группы, например одноцветная поливная посуда XI—XII вв., полихромная керамика XII—XIII вв., «крупная» и «мелкая» посуда XI—XIII вв. и т. д.

В вводной части автор знакомит нас с историей производства глиняной посуды, начиная с возникновения архаических форм поливной керамики. Здесь же опреде-

---

[1] Л. В. Мусхелишвили. Дманиси (история города и описание городища). Сб. «Материальная культура эпохи Шота Руставели». Тбилиси, 1938, стр. 441—444; Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. Сб. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа». I, Тбилиси, 1955, стр. 184—188; его же. Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 г. Там. же, стр. 130—165; О. М. Джапаридзе. Отчет о раскопках в «Ганджискари». Там же, стр. 97; Л. А. Чилашвили. Город Рустави. Тбилиси, 1958, стр. 114—136; З. П. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1953; В. В. Джапаридзе. Грузинская керамика (XI—XIII вв.). Тбилиси, 1956.

ляются цель и назначение работы, принципы, на основании которых автор рассматривает исследуемый материал.

Первая глава — «Поливная керамика IX—X веков». По мнению М. Н. Мицишвили, IX—X вв.— период возобновления производства поливной керамики в Грузии. По технологическим способам и особенностям художественного оформления среди продукции этого периода выделяются следующие группы: 1) глиняная посуда, поверхность которой покрыта белым ангобом и бесцветной поливой; 2) керамика, покрытая белым ангобом и зеленой поливой; 3) изделия, украшенные цветными линиями; 4) поливная посуда, орнамент которой выведен на покрытую белым ангобом внутреннюю поверхность; 5) посуда, украшенная цветными пятнами; 6) керамика, покрытая зеленой поливой; 7) поливная посуда, покрытая розоватым ангобом, украшенная тонкой гравировкой и цветными пятнами.

Одноцветная посуда XI—XII вв. рассмотрена в следующей главе. Автор показывает, что поливная керамика этого времени отлична от посуды IX—X вв. по технологическим свойствам черепка, способу нанесения орнамента, составу глазури и даже по форме посуды (стр. 23). Для керамики XI—XIII вв. характерна более крупнозернистая красная глина, ангоб белого цвета и гравированный орнамент. Чаши этого периода характеризуются высоким поддоном и выпуклым дном. Диаметр поддона относительно невелик. Для чаш IX—X вв. обычен низкий, хорошо отработанный кольцеобразный поддон и плоское дно (стр. 23).

Характеризуя две хронологически разные группы, автор справедливо выделяет отдельно продукцию XI—XIII вв., но далее, проводя более дробное деление, везде датирует ее XI—XII вв. Наверное, было бы правильнее и в данном случае указывать XI—XIII вв., так как для более дробного хронологического деления пока нет оснований.

В XII—XIII вв. особенно распространяются полихромные изделия — многоцветная поливная посуда. Рассмотрению ее посвящена особая глава. В результате детального художественного анализа автор выделяет несколько характерных групп поливных чаш: чаши, украшенные растительным орнаментом; с изображениями птиц, зверей и людей; с геометрическими и куфическими орнаментами, украшенные разноцветными красками.

Среди средневековой глазурованной керамики особое место занимают чаши с изображением птиц. Автор уделяет им особое внимание: дает классификацию чаш согласно стилистическим особенностям орнаментов и рассматривает их в сопоставлении с византийской и персидской продукцией. Можно утверждать, что изображение птиц являлось излюбленной темой местных гончаров; обнаруженные в Дманиси, Рустави, Уджарма, Гударехи и в других местах вариантные разновидности могут быть локальным осмыслением широко распространенного сюжета. Изображения эти не имеют почти ничего общего с византийскими птицами. Поэтому неправомерна попытка Д. Т. Райса увидеть взаимосвязь между византийской чашей с изображением птиц и Зенджанской, где имеется аналогичный рисунок. Она более близка тбилисскому изделию и должна датироваться XIII, а не XI в., как считает Т. Райс [2]. Детально рассмотрены также нанесенные на чаши изображения зверей, людей, геометрических орнаментов с многообразными вариантами.

При изучении поливной керамики автор не ограничивается археологическим материалом. В работу включены данные письменных памятников, наблюдений искусствоведов, соображения орнитологов (при рассмотрении изображений птиц) и т. д. Объяснение многих интересных, связанных с производством вопросов удается автору в результате удачного привлечения этнографических параллелей. Этим заканчивается анализ материала, после чего рассматриваются общие вопросы, связанные с историей керамического производства в городах Восточной Грузии средних веков.

Автор рассматривает общие закономерности развития керамического производства в исследуемую эпоху и пытается осмыслить грузинские изделия на широком территориальном и хронологическом фоне. Учитывается политическая обстановка, сложившаяся на Ближнем Востоке в VII—X вв. Когда речь идет о ранней продукции поливной керамики, М. Н. Мицишвили особое внимание уделяет Самарре. Самарра, бывшая некоторое время политическим центром халифата, впоследствии пала и была уничтожена. Поэтому датировка самаррских керамических изделий (IX—X вв.) прочна, и большинство авторов (как отечественных, так и зарубежных) основываются на ней. Привлечение таких бесспорных хронологических параллелей дало возможность автору датировать одну группу поливной керамики из археологического материала Рустави, Уджарма, Гударехи, Дманиси именно IX—X вв. Мы согласны с такой датой. Возможно, в отношении отдельных изделий возникнут некоторые сомнения, но это не может изменить положение дела. Суть вопроса в расцвете керамического производства в Грузии IX—X вв., тесно связанном с возникновением феодальных городов и развитием городского хозяйства [3]. Действительно, IX—X вв. следует считать началом подъема керамического производства.

В последней главе автор знакомит нас с интересной группой керамических изделий, обнаруженной в Гударехи. Речь идет о знаках на поливной посуде, найденной

---

[2] Rice Talbot D. Byzantine Glazed Pottery. Oxford, 1930. p. 115, pl. XVIII.

[3] Л. А. Чилашвили. Феодальные города Грузии. II, Тбилиси, 1970, стр. 189.

в Гударехском монастырском комплексе. Известно, что на грузинских керамических изделиях они не встречаются. По нашему мнению, автор справедливо видит в них клейма мастеров, допуская возможность существования здесь монастырского производства.

Из наиболее значительных достоинств рецензируемого исследования необходимо отметить следующие: 1) в работе рассматривается в большей части новый, неизвестный в научной литературе археологический материал; 2) представлена новая классификация поливных изделий; 3) автор предлагает новую хронологию, где в первую очередь обращает на себя внимание доказательная датировка производства поливной посуды с IX—X вв., которая не подтверждает ранее высказанных предположений о бытовании поливной керамики в IV—VIII вв., а также точку зрения, согласно которой возраст грузинской поливной посуды определяется XI—XIII вв. Предложенная автором хронология приемлема. Исследованный материал проанализирован в тесной связи с данными по Закавказью и соседним странам.

Книга М. Н. Мицишвили благодаря обилию исследуемых материалов и научному значению затронутых вопросов является ценным вкладом в археологию средневековой Грузии и Кавказа.

Л. А. Чилашвили

Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

Рецензируемая монография посвящена исследованию крупного средневекового города Тараза — политико-административного центра Таласской долины. Если учесть, что в настоящее время остатки памятника уже исчезли при строительстве современного г. Джамбула, важность книги Т. Н. Сениговой особенно очевидна. Фактическая основа работы — материал, накопленный в процессе археологических исследований Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР (раскопки 1958, 1961—1963, 1965 гг.), а также коллекции прошлых лет.

Глава 1 — «Стратиграфия Тараза» с разделами «Цитадель» и «Шахристан» — посвящена рассмотрению культурных напластований городища и выделению строительных периодов, характеризующих отдельные хронологические этапы в истории города и развитии материальной культуры. Автор выделяет девять строительных периодов, которые датируются с I по XVI вв., а также вычленяет материал XVII—XVIII вв., не связанный со строительными остатками.

Тщательно исследованный материал каждого слоя позволил автору выявить генетическую последовательность развития материальной культуры от усуньско-кангюйского периода до кыпчакско-казахского, т. е. с первых веков нашей эры по XVIII в. включительно. Этот вывод об автохтонности культуры подтверждается автором при конкретном рассмотрении и анализе археологического материала в последующих двух главах, посвященных истории города VI—IX и X—XII вв.

Имеющийся материал позволил наиболее полно охарактеризовать лишь два периода, которые, как отмечает автор, приходятся на две крупные исторические эпохи: эпоху зарождения феодальных отношений и эпоху классических форм феодализма, когда Тараз стал центром целого исторического комплекса «города и деревни», с единой системой обороны; вместе с Исфиджабом он составил самостоятельный удел в Караханидском государстве и подчинил ряд городов Таласской долины.

Материал, относящийся к этим двум периодам, составил содержание глав 2 и 3: «Тараз в период раннего феодализма» (VI—IX вв.) и «Расцвет Тараза в X—XII вв.». Автор дает историческую топографию города и его округи, рассматривая Тараз в комплексе с окружавшими его городами и крепостями; впервые показаны особенности архитектуры Тараза и городов его округи. Особо выделяются разделы о ремеслах. Дана четкая систематизация основных форм гончарных изделий, изготовленных мастерами Тараза: сферических котлов, кувшинов, светильников, столиков на ножках, ступкообразных и чернокообразных сосудов и их разновидностей. Отмечены пути их распространения и связи с соседними районами.

Автор вслед за А. Н. Бернштамом развил мысль о влиянии, которое оказали кочевники карлуки и кипчаки на формирование материальной культуры городских центров, и в частности Тараза, перенося в орнаментацию керамики богатые орнаментальные мотивы с кожаных, деревянных и войлочных изделий. Глава 3 композиционно сходна с предыдущей: в ней показан продолжающийся расцвет Тараза на следующем историческом этапе (X—XII вв.). Давая четкую систематизацию гончарных изделий, автор подробно останавливается на тех художественных особенностях, которые внесли мастера Тараза в гончарное искусство и особенно в изготовление поливных чаш с розеткой, высокохудожественных светильников, кувшинов. Отмечен вклад ремесленников Тараза в развитие кузнечного и ювелирного дела. На основании археологических данных и письменных источников автором хорошо освещены вопросы развития хозяйства и торговли.

Уникальные надмогильные архитектурные памятники исследуются автором под углом зрения идеологии населения Тараза и проникновения ислама во все стороны духовной и материальной культуры, социально-экономической жизни. Автор рассматривает их не только в связи с местным городским населением, но и с кочевниками-кипчаками, и делает вывод о том, что в X—XII вв. идеологические воззрения оседлого населения городов и кочевого населения степей были различными (стр. 186). Как известно, на это обстоятельство в свое время указывал В. В. Бартольд.

В главе 4 — «Упадок культуры в Таласской долине (XIII—XVIII вв.)» — автор показал, как целая серия исторических событий (походы Мухамед-шаха, найманов, каракитаев, монголов) отрицательно сказались в развитии городов Таласской долины. Тараз теряет свое прежнее значение, хотя небольшой материал из стратиграфических слоев свидетельствует о том, что жизнь в городе продолжалась. Под воздействием культурных связей с городами Средней Азии и Поволжья появляются красочные изделия из кашина, покрытые голубой глазурью. Наличие вместе с монетами, битыми в Таразе, продукции монетных дворов Алмалыка, Бухары, Кашгара, Самарканда, Шаша свидетельствует об оживленной торговле купцов Тараза.

Хотя культурные нити, связывающие средневековый Тараз с позднейшей культурой казахского народа, были оборваны, материал из развалин позднего селения на месте Тараза и родовые тамги на кирпичах гумбеза Манаса племен Джалаир и Дулат (XVII — первая половина XVIII в.) свидетельствует о роли оседающих казахов-кочевников в возрождении оседлой земледельческой культуры в крае. Таким образом, конкретный археологический материал, рассмотренный в данной главе, показывает ошибочность точки зрения об исчезновении в Семиречье оседлой культуры, которая будто бы только в XIX в. возрождается русскими переселенцами.

И, наконец, в заключении, сопоставляя данные письменных источников с археологическими материалами (надмогильными рунами, поясными пряжками и т. д.) и данными антропологии, автор освещает вопросы этнической истории населения VI—X вв. Он отмечает имевшие место связи таразцев с населением городов Средней Азии, с карлуками и кипчаками, способствующие как ускорению развития феодальных отношений, так и сложному процессу формирования казахской народности.

Археологический материал свидетельствует о том, что Тараз не только в развитом средневековье (X—XII вв.), но и более раннее время (VIII—XI вв.) был самостоятельным районом со своей культурой и экономикой, находившимся в тесных взаимосвязях с Шашем и Согдом. Как и другие города Южного Казахстана, Тараз сыграл значительную роль в исторических судьбах народов Средней Азии.

К недостаткам книги надо отнести, прежде всего, плохо выполненные иллюстрации. Стратиграфические разрезы, планы, таблицы керамики даны в мелком масштабе, затемнены и читаются с трудом. Иногда лаконичность автора затрудняет понимание текста (например, при описании стратиграфии). Вероятно, можно было бы расширить круг аналогий при рассмотрении керамических комплексов и попытаться уточнить источники некоторых орнаментальных мотивов неполивной керамики, богато представленной в Таразе.

Трудно согласиться с автором в вопросе датировки двух первых строительных периодов. Есть основания думать, что она занижена. В этом отношении обращают на себя внимание некоторые керамические изделия второго строительного периода, относящиеся ко времени более позднему, чем III—IV вв. Думаем, что датировку второго и третьего строительных периодов не следовало растягивать на четыре столетия, так как здесь имеются общие черты в керамике и архитектуре.

Не останавливаясь на мелких замечаниях, заметим, что указанные недостатки ни в коей мере не снижают той высокой оценки, которую заслуживает работа. Автор поставил перед собой широкую задачу — дать историко-археологическое исследование крупного средневекового города, что само собой предполагает решение широкого круга вопросов. И с этой трудной задачей он справился.

Л. М. Рутковская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные государства Северного Причерноморья
АЖ — Антропологический журнал
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АИУ — Археологические исследования на Украине
АЛЮР — Археологическая летопись юга России
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки
АЭТ — Археология и этнография Татарии
АЭЭ — Археолого-этнографическая экспедиция
ВГМГ — Вестник Гос. Музея Грузии
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГМИИ — Гос. Музей изобразительных искусств
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖР — Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908
Зап. СГУ — Записки Саратовского Гос. университета
ЗВОРАО — (ЗВО) — Записки Восточного отделения Российского Археологического Общества
ЗООИД — (ЗОО) — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского Археологического Общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ — (ИАИ) — Известия на Археологический институт. София
ИААН — Институт археологии Академии наук СССР
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИАН — Известия Академии наук Казахской ССР
Изв. ООН Тадж ССР — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР
КБН — Корпус боспорских надписей
КИЯЛИ — Казанский Институт языка, литературы, истории
КСИА АН — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МКИН — Международный конгресс исторических наук
МИАЭ МолдССР — Материалы и исследования
НАИА — Научный архив Института археологии
НПЛ — Новгородская первая летопись
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
ОКМ — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПДП — Памятники древней письменности
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
Сб. МАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии. Ленинград
СВ — «Советское востоковедение»
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СКАЭ — Северокавказская археологическая экспедиция
СМЕЛА — А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887—1901
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — «Советская этнография»
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Гос. исторического музея. Москва
Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
Тр. ИИА и Э — Труды Института истории, археологии и этнографии Тадж. ССР
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
Тр. ОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. СУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии

Тр. ТКОПОРГО — Труды Троицко — Кяхтинского отдела Приуральского отделения Русского географического общества
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. НПИ — Ученые записки Новгородского педагогического Института
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского Гос. университета
Уч. зап. ХНИИЯЛИ — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории
ХМ — Херсонесский музей
ХС — Херсонесский сборник
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH (AASH) — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
AJA — American Journal of Archaeology
BAW — Bayerische Akademie der Wissenschaften
BCH — Bulletin de correspondance hellenique
BMC — A Cataloge of the Greek Coins in the British Museum
DAGR — Ch. Daremberg. Edm. Saglio, et Edm. Pottier. Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines
Diss Pan — Dissertationes Pannonicae
EAF — Ethnographische und archäologische Forschungen
JASN — Journal of the Archaeological Society of Nippon
OA — Oriental Art

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Ильинская (Киев). Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин 3
И. Л. Кызласов (Москва). О происхождении стремян 24
Л. Г. Колесникова (Севастополь). Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса? 37
Н. А. Фролова (Москва). Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227—233 гг.) 49
А. И. Айбабин (Севастополь). К вопросу о происхождении сережек пастырского типа 62
В. В. Седов (Москва). Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (О статье Г. Ф. Соловьевой «О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья») 73
А. Х. Халиков (Казань). О столице домонгольской Булгарии 83
Е. А. Рыбина (Москва). Раскопки Готского двора в Новгороде 100
Д. А. Дрбоглав (Москва). Латинская берестяная грамота из Новгородских раскопок 108
С. Е. Михальченко (Москва). Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья 118

Публикации

О. Н. Бадер (Москва). Вторая палеолитическая могила на Сунгире (Верхнее погребение) 133
В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко (Киев). Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э. 146
Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов (Москва, Цхинвали). Технология производства кузнечных изделий из Тлийского могильника (X—VI вв. до н. э.) 153
А. И. Мартынов (Кемерово). Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах 163
М. М. Кобылина (Москва). Пан на надгробной плите из Фанагории 174
Н. Н. Негматов (Душанбе). О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение) 187
Н. М. Постникова (Москва). К антропологии населения Волжской Болгарии. Антропологические материалы из могильника «Минарет» — XIV—XV вв. 203
Г. И. Вздорнов (Москва). Икона Нерукотворного образа Спаса — памятник псковской живописи XV века 212

Заметки

Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил). О находке тесла в верхнем палеолите Дона 226
В. В. Сидоров (Москва). К вопросу о функциях скребков 228
Б. А. Василенко (Ивано-Франковск). Заметки о древнегреческих керамических клеймах 233
Я. И. Сунчугашев (Абакан). Из истории орошаемого земледелия в Хакасии 238
В. В. Кропоткин (Москва). О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская область) 240
И. А. Баранов (Симферополь). Погребение V в. н. э. в Северо-Восточном Крыму 243
Н. Д. Аксенова, А. П. Смирнов (Казань, Москва). Скульптурная голова с городища Великие Болгары 245
В. Тотов, И. Эрдели (Москва, Будапешт). Современная организационная структура археологии в Венгерской Народной Республике 249

Критика и библиография

А. А. Формозов (Москва). Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968—1972 гг.) 257
Н. Л. Подольский (Ленинград). О принципах датировки наскальных изображений (по поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству...». М., 1969) 265
А. Д. Пряхин (Воронеж). А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969 276
Б. В. Лунин (Ташкент). Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970 282
А. Л. Якобсон (Ленинград). Сб. «Античная древность и средние века». Свердловск, 1971 284
Л. А. Чилашвили (Тбилиси). М. Н. Мицишвили. Поливная керамика в древней Грузии (IX—XIII вв). Тбилиси, 1969 289
Л. М. Рутковская (Киев). Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972 291

295

SOMMAIRE

V. A. Iliinskaïa (Kiev). Chronologie relative des anciens tumuli scythes dans le bassin de Tiasmine 3
I. L. Kyzlassov (Moscou). Sur l'origine des étriers 24
L. G. Kolessnikova (Sébastopol). A qui appartenaient les stèles anthropomorphes de Chersonèse? 37
N. A. Frolova (Moscou). Monnayage au Bosphore sous Kotis III 49
A. I. Aïbabine (Sébastopol). A propos du problème de la provenance des boucles d'oreille de type pastyr 62
V. V. Sédov (Moscou). Encore un propos sur l'apport des Baltes dans la civilisation des Slaves orientaux 73
A. Kh. Khalikov (Kazan). Sur la capitale de la Bulgarie prémongole 83
E. A. Rybina (Moscou). Fouilles de l'Hôtel de Gottlande à Novgorod 100
D. A. Drboglav (Moscou). Epître latine sur écorce de bouleau provenant de Novgorod 108
S. E. Mikhaltchenko (Moscou). Systématisation de la poterie des villes de Horde d'Or du bassin de Volga 118

Publications

O. N. Bader (Moscou). Deuxième tombe paléolithique de Sounguir (Sépulture supérieure) 133
V. I. Bidzilia, E. V. Iakovenko (Kiev). Araire provenant d'une sépulture de la civilisation des fosses à pleine terre (fin du III — début du II millénaire avant notre ère) 146
G. A. Voznessenskaïa, B. V. Tekhov (Moscou, Tskhinvali). Technique de la fabrication des produits de forge provenant de la nécropole de Tli (X—VI siècles avant notre ère) 153
A. I. Martynov (Kémérovo). Nouvelles données sur les hameaux et les habitats de Tachtyk — Tagar 163
M. M. Kobylina (Moscou). Figuration de Pan sur une dalle tombale provenant de Phanagoria 174
N. N. Négmatov (Douchanbé). De la peinture du palais royal d'Oûstrouchâna (communication préliminaire) 183
N. M. Postnikova (Moscou). A propos de l'anthropologie de la population de la Bulgarie volgienne (Matériaux anthropologiques provenant de la nécropole Minaret (XIV—XV siècles) 203
G. I. Vzdornov (Moscou). Icône de la Sainte Face — monument de la peinture pskovienne du XV siècle 212

Notes

Jou. B. Sérikov (Nijni Taguil). A propos de la trouvaille d'une aissette du Paléolithique supérieur du Don 226
V. V. Sidorov (Moscou). A propos des fonctions de grattoires 228
B. A. Vassilenko (Ivano-Frankovsk). Notes sur les estampilles céramiques de Grèce antique 233
Ia. I. Sountchougachev (Abakan). A propos de l'histoire de la culture des sols irrigables en Khakassie 238
V. V. Kropotkine (Moscou). Sur la datation d'aiguière provenant de la nécropole Tchistilovski de la région de Ternopol 240
I. A. Baranov (Simphéropol). Sépulture du V siècle de notre ère en Crimée d'Est 243
N. D. Aksenova, A. P. Smirnov (Kazan, Moscou). Tête sculptée provenant de l'oppidum Vélikié Bolgary 245
V. Titov, I. Erdélyi (Moscou, Boudapest). Structure organisationnelle actuelle de l'archéologie dans la République Populaire de Hongrie 249

Critique et bibliographie

A. A. Formozov (Moscou). Livres nouveaux sur les dessins rupestres de l'U.R.S.S. (revue des publications de 1968—1972) 257
N. L. Podolski (Léningrad). Sur les principes de la datation des dessins rupestres (à propos des «Essais de l'art préhistorique» de A. A. Formozov) . . 265
A. D. Priakhine (Voronej). L'avis sur: A. Kh. Khalikov. L'histoire ancienne du cours moyen de Volga; A. Kh. Khalikov, G. V. Lébédinskaïa, M. M. Guérassimova. Tumulus Pepkinsky 276
B. V. Lounine (Tachkent). L'avis sur: D. B. Chélov, Tanaïs et Don inférieur en III—I ss avant notre ère 282
A. L. Iakobson (Léningrad). L'avis sur: Antiquité et Moyen Age. Recueil 7 . . 284
L. A. Tchilachvili (Tbilissi). L'avis sur: M. N. Mitsichvili. Poterie glaçurée en Géorgie ancienne (IX—XIII ss.) 289
L. M. Routkovskaïa (Kiev). L'avis sur' T. N. Sénigova. Taraz moyenâgeux . . . 291

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17 IV—1973 г. Т.—07480 Подписано к печати 29/VI—1973 г. Тираж 2935
Зак. 2012 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆ Усл. печ. л. 25,9 + 2 вкл. Бум. л. 9¼ Уч.-изд. л. 29,3

2-я типография издательства «Наука». Москва. Шубинский пер., 10.